Вестник Европы,
1870 г.
т. 5.
кн. 10 - октябрь.

17659.

СТЕПНОЙ
КОРОЛЬ ЛИРЪ

Насъ было человѣкъ шесть, собравшихся въ одинъ зимній вечеръ у стариннаго университетскаго товарища. Бесѣда зашла о Шекспирѣ, объ его типахъ, о томъ, какъ они глубоко и вѣрно выхвачены изъ самыхъ нѣдръ человѣческой «сути». Мы особенно удивлялись ихъ жизненной правдѣ, ихъ вседневности; каждый изъ насъ называлъ тѣхъ Гамлетовъ, тѣхъ Отелло, тѣхъ Фальстафовъ, даже тѣхъ Ричардовъ Третьихъ и Макбетовъ — (этихъ послѣднихъ, правда, только въ возможности)—съ которыми ему пришлось сталкиваться.

— А я, господа, воскликнулъ нашъ хозяинъ, человѣкъ уже пожилой—зналъ одного короля Лира!

— Какъ такъ? спросили мы его.

— Да такъ же. Хотите, я разскажу вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

И нашъ пріятель немедленно приступилъ къ повѣствованію.

I.

Все мое дѣтство, началъ онъ—и первую молодость до пятнадцатилѣтняго возраста—я провелъ въ деревнѣ, въ имѣніи моей матушки, богатой помѣщицы ....й губерніи. Едва ли не самымъ рѣзкимъ впечатлѣніемъ того уже далекаго времени осталась въ моей памяти фигура нашего ближайшаго сосѣда, нѣкоего Мартына Петровича Харлова. Да и трудно было бы изгладиться тому впечатлѣнію: ничего подобнаго Харлову я уже въ жизни

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

потомъ не встрѣчалъ. Представьте себѣ человѣка росту исполинскаго! На громадномъ туловищѣ сидѣла нѣсколько изкоса, безъ всякаго признака шеи, чудовищная голова; цѣлая копна спутанныхъ, желто-сѣрыхъ волосъ вздымалась надъ нею, зачинаясь чуть не отъ самыхъ взъерошенныхъ бровей. На обширной площади сизаго, какъ бы облупленнаго лица, торчалъ здоровенный, шишковатый носъ, надменно топорщились крошечные голубые глазки—и раскрывался ротъ, тоже крошечный, но кривой, растресканный, одного цвѣта съ остальнымъ лицомъ. Голосъ изъ этого рта выходилъ хотя сиплый, но чрезвычайно крѣпкій и зычный... Звукъ его напоминалъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, везомыхъ въ телѣгѣ по дурной мостовой—и говорилъ Харловъ, точно кричалъ кому-то въ сильный вѣтеръ черезъ широкій оврагъ. Трудно было сказать, что́ именно выражало лицо Харлова, такъ оно было пространно... Однимъ взглядомъ его, бывало, и не окинешь! Но непріятно оно не было—нѣкоторая даже величавость замѣчалась въ немъ—только ужъ очень оно было дивно и необычно. И что у него были за руки—тѣже подушки! Что за пальцы, что за ноги! Помнится, я безъ нѣкотораго почтительнаго ужаса не могъ взирать на двухъ-аршинную спину Мартына Петровича, на его плечи, подобныя мельничнымъ жерновамъ; но особенно поражали меня его уши! Совершенные калачи—съ завертками и выгибами; щеки такъ и приподнимали ихъ съ обѣихъ сторонъ. Носилъ Мартынъ Петровичъ—и зиму и лѣто—казакинъ изъ зеленаго сукна, подпоясанный черкесскимъ ремешкомъ и смазные сапоги; галстуха я никогда на немъ не видалъ, да и вокругъ чего подвязалъ бы онъ галстухъ? Дышалъ онъ протяжно и тяжко, какъ быкъ, но ходилъ безъ шума. Можно было подумать, что, попавши въ комнату, онъ постоянно боялся все перебить и опрокинуть, и потому передвигался съ мѣста на мѣсто осторожно, все больше бокомъ, словно крадучись. Силой онъ обладалъ истинно-геркулесовской и вслѣдствіе этого пользовался большимъ почетомъ въ околоткѣ: народъ нашъ до сихъ поръ благоговѣетъ передъ богатырями. Про него даже сложились легенды: разсказывали, что онъ однажды въ лѣсу встрѣтился съ медвѣдемъ и чуть не поборолъ его; что, заставъ у себя на пасѣкѣ чужого мужика-вора, онъ его вмѣстѣ съ телѣгой и лошадью перебросилъ черезъ плетень, и тому подобное. Самъ Харловъ никогда не хвастался своей силой. «Коли десница у меня благословенная,—говаривалъ онъ,—такъ на то была воля Божія!» Онъ былъ гордъ: только не силою своею онъ гордился, а своимъ званіемъ, происхожденіемъ, своимъ умомъ-разумомъ.

— Нашъ родъ отъ вшеда (онъ такъ выговаривалъ слово

шведъ); отъ шведа Харлуса ведется, увѣрялъ онъ; въ княженіе Ивана Васильевича Темнаго (вонъ оно когда!) пріѣхалъ въ Россію; и не пожелалъ тотъ шведъ Харлусъ быть чухонскимъ графомъ—а пожелалъ быть россійскимъ дворяниномъ и въ золотую книгу записался. Вотъ мы Харловы откуда взялись!

— Да Мартынъ Петровичъ, попытался я было возразить ему: Ивана Васильевича Темнаго не было вовсе; а былъ Иванъ Васильевичъ Грозный. Темнымъ прозывался великій князь Василій Васильевичъ.

— Ври еще! спокойно отвѣтилъ мнѣ Харловъ; коли я говорю, стало оно такъ!

Однажды матушка вздумала похвалить его въ глаза, за его дѣйствительно-замѣчательное безкорыстіе.

— Эхъ, Наталья Николаевна! промолвилъ онъ почти съ досадой; нашли, за что хвалить! Намъ господамъ нельзя инако; чтобъ никакой смердъ, подвластный человѣкъ и подумать объ насъ худого не дерзнулъ! Я—Харловъ, фамилію свою вонъ откуда веду—(тутъ онъ показалъ пальцемъ куда-то очень высоко надъ собою въ потолокъ) и чести чтобъ во мнѣ не было?! Да какъ это возможно.

Въ другой разъ вздумалось гостившему у моей матушки заѣзжему сановнику подтрунить надъ Мартыномъ Петровичемъ. Тотъ опять заговорилъ о шведѣ Харлусѣ, который выѣхалъ въ Россію...

— При царѣ Горохѣ? перебилъ сановникъ.

— Нѣтъ, не при царѣ Горохѣ—а при великомъ князя Иванѣ Васильевичѣ Темномъ.

— А я такъ полагаю, продолжалъ сановникъ, что родъ вашъ гораздо древнѣе и восходитъ даже до временъ допотопныхъ, когда водились еще мастодонты и мегалотеріи...

Эти ученые термины были совершенно неизвѣстны Мартыну Петровичу; но онъ понялъ, что сановникъ трунитъ надъ нимъ. —Можетъ-быть, брякнулъ онъ, нашъ родъ точно оченно древній; въ то время, какъ мой прàщуръ въ Москву прибылъ, сказываютъ, жилъ въ ней дуракъ не хуже вашего превосходительства; а такіе дураки нарождаются только разъ въ тысячу лѣтъ.

Сановникъ взбелѣнился, а Харловъ качнулъ головой назадъ, выставилъ подбородокъ, фыркнулъ, да и былъ таковъ. Дня два спустя, онъ снова явился. Матушка начала упрекать его.—«Урокъ ему, сударыня, перебилъ Харловъ; не наскакивай зря, спросись прежде, съ кѣмъ дѣло имѣешь. Младъ еще больно, учить его надо». Сановникъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Харловымъ; но этотъ исполинъ привыкъ всѣхъ людей считать недорослями.

Очень ужъ онъ на себя надѣялся и рѣшительно никого не боялся.—«Развѣ мнѣ могутъ что сдѣлать? Гдѣ такой человѣкъ на свѣтѣ есть»? спрашивалъ онъ и вдругъ принимался хохотать короткимъ, но оглушительнымъ хохотомъ.

II.

Матушка моя была очень разборчива на знакомства; но Харлова принимала съ особеннымъ радушіемъ и многое ему спущала: онъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, спасъ ей жизнь, удержавъ ея карету на краю глубокаго оврага, куда лошади уже свалились. Постромки и шлеи порвались, а Мартынъ Петровичъ такъ и не выпустилъ изъ рукъ схваченнаго имъ колеса—хотя кровь брызнула у него изъ-подъ ногтей. Матушка моя и женила его: она выдала за него семнадцатилѣтнюю сироту, воспитанную у ней въ домѣ; ему тогда минуло сорокъ лѣтъ. Жена Мартына Петровича была собой тщедушна, онъ, говорятъ, на ладони внесъ ее къ себѣ въ домъ, и пожила она съ нимъ не долго; однако родила ему двухъ дочерей. Матушка моя и послѣ ея смерти продолжала оказывать покровительство Мартыну Петровичу; она помѣстила старшую дочь его въ губернскій пансіонъ, потомъ сыскала ей мужа—и уже имѣла другого на примѣтѣ для второй. Харловъ былъ хозяинъ порядочный, землицы за нимъ водилось десятинъ съ триста и обстроился онъ по-маленьку, а ужъ какъ крестьяне ему повиновались,—объ этомъ и толковать нечего! По тучности своей, Харловъ почти никуда не ходилъ пѣшкомъ: земля его не носила. Онъ всюду разъѣзжалъ на низенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ и самъ правилъ лошадью чахлой, тридцатилѣтней кобылой со шрамомъ отъ раны на плечѣ: эту рану она получила въ бородинскомъ сраженіи подъ вахмистромъ кавалергардскаго полка. Лошадь эта постоянно хромала какъ-то на всѣ четыре ноги разомъ; идти шагомъ она не могла, а только перетрусывала рысцей, въ припрыжку; ѣла она чернобыльникъ и полынь по межамъ, чего я ни за какой другой лошадью не замѣчалъ. Помнится, я всегда недоумѣвалъ, какъ могла эта полуживая кляча возить такую страшную тяжесть. Я не смѣю повторить, сколько въ нашемъ сосѣдѣ насчитывали пудовъ. За спиной Мартына Петровича помѣщался на бѣговыхъ дрожкахъ его черномазый казачекъ Максимка. Прижавшись всѣмъ тѣломъ и лицомъ къ своему барину и упираясь босыми ногами въ заднюю ось дрожекъ, онъ казался листикомъ или червячкомъ, случайно приставшимъ къ воздвигавшейся передъ нимъ исполин-

ской тушѣ. Тотъ же казачокъ разъ въ недѣлю брилъ Мартына Петровича. Для исполненія этой операціи, онъ, говорятъ, становился на столъ, иные шутники увѣряли, что онъ принужденъ былъ бѣгать вокругъ подбородка своего барина. Харловъ не любилъ по-долгу сидѣть дома и потому его частенько можно было видѣть разъѣзжающимъ въ своемъ неизмѣнномъ экипажѣ, съ возжами въ одной рукѣ (другою онъ хватски, съ вывертомъ локтя, опирался на колѣно), съ крошечнымъ старымъ картузомъ на самомъ верху головы. Онъ бодро посматривалъ кругомъ своими медвѣжьими глазенками, окликалъ громовымъ голосомъ всѣхъ встрѣчныхъ мужиковъ, мѣщанъ, купцовъ; попамъ, которыхъ очень не любилъ, посылалъ крѣпкія посулы, и однажды, поровнявшись со мною (я вышелъ прогуляться съ ружьемъ), такъ заатукалъ на лежавшаго возлѣ дороги зайца, что стонъ и звонъ стояли у меня въ ушахъ до самаго вечера.

III.

Матушка моя, какъ я уже сказалъ, радушно принимала Мартына Петровича; она знала, какое глубокое уваженіе онъ питалъ къ ея особѣ.—Барыня! госпожа! Нашего поля «ягодка»!—такъ отзывался онъ о ней. Онъ величалъ её благодѣтельницей, а она видѣла въ немъ преданнаго великана, который не усомнился бы пойти за нее одинъ на цѣлую ватагу мужиковъ; — и хотя не предвидѣлось даже возможности подобнаго столкновенія, однако, по понятіямъ матушки, при отсутствіи мужа (она рано овдовѣла), такимъ защитникомъ, какъ Мартынъ Петровичъ, брезгать не слѣдовало. Притомъ же человѣкъ онъ былъ прямой, ни въ комъ не заискивалъ, денегъ не занималъ, вина не пилъ — и глупъ тоже не былъ, хотя образованія не получилъ никакого. Матушка довѣряла Мартыну Петровичу. Когда ей вздумалось составить духовное завѣщаніе, она потребовала его въ свидѣтели, и онъ нарочно ѣздилъ домой за желѣзными круглыми очками, безъ которыхъ писать не могъ; и съ очками-то на носу онъ едва-едва въ теченьи четверти часа, пыхтя и отдуваясь, успѣлъ начертать свой чинъ, имя, отчество и фамилію, при чемъ буквы ставилъ огромныя, четырехъугольныя, съ титлами и хвостами; а совершивъ свой трудъ, объявилъ, что усталъ и что ему—что́ писать, что́ блохъ ловить—все едино. Да, матушка его уважала... однако, дальше столовой его у насъ не пускали. Ужъ очень сильный шелъ отъ него духъ: землей отдавало отъ него, лѣснымъ дромомъ, тиной болотной. «Какъ есть лѣшій»! увѣ-

ряла моя старая няня. Къ обѣду Мартыну Петровичу ставили въ углу особый столъ — и онъ этимъ не обижался—онъ зналъ, что другимъ неловко было сидѣть съ нимъ рядомъ — да и ему было привольнѣе ѣсть: а ѣлъ онъ такъ, какъ, я полагаю, не ѣдалъ никто со временъ Полифэма. Для него всегда, въ самомъ началѣ обѣда, припасали, въ видахъ предосторожности, горшокъ каши фунтовъ въ шесть. «А то вѣдь ты меня объѣшь»! говаривала матушка.—«И то, сударыня, объѣмъ»! отвѣчалъ, ухмыляясь, Мартынъ Петровичъ.

Матушка любила слушать его разсужденія о какомъ-нибудь хозяйственномъ предметѣ; но долго не могла выдерживать его голосъ.

— Что это, мой батюшка! восклицала она: — ты бы отъ этого хоть полечился, что-ли! Совсѣмъ оглушилъ меня. Этакая труба!

— Наталья Николаевна! Благодѣтельница! отвѣчалъ обыкновенно Мартынъ Петровичъ. Я въ своей гортани неволенъ. Да и какое лекарство меня пронять можетъ — извольте посудить? — Я вотъ лучше помолчу маленечко.

Дѣйствительно, я полагаю, никакое лекарство не могло бы пронять Мартына Петровича. Онъ же никогда и боленъ не бывалъ.

Разсказывать онъ не умѣлъ и не любилъ. «Отъ долгихъ рѣчей одышка бываетъ», замѣчалъ онъ съ укоризной. Только когда его наводили на двѣнадцатый годъ (онъ служилъ въ ополченіи и получилъ бронзовую медаль, которую по праздникамъ носилъ на Владимірской ленточкѣ), когда его распрашивали про французовъ, онъ сообщалъ кой-какіе анекдоты, хотя постоянно увѣрялъ притомъ, что никакихъ французовъ, настоящихъ, въ Россію не приходило, а такъ, мародеришки съ голодухи набѣжали, и что онъ много этой швали по лѣсамъ колачивалъ.

IV.

А между тѣмъ и на этого несокрушимаго, самоувѣреннаго исполина находили минуты меланхоліи и раздумья. Безъ всякой видимой причины онъ вдругъ начиналъ скучать; запирался одинъ къ себѣ въ комнату, и гудѣлъ — именно гудѣлъ, какъ цѣлый пчелиный рой; либо призывалъ казачка Максимку и приказывалъ ему или читать вслухъ изъ единственной, забредшей къ нему въ домъ, книги, разрозненнаго тома Новиковскаго «Покоющагося Трудолюбца»;—или пѣть. И Максимка, который, по стран-

ной игрѣ случая, умѣлъ читать по складамъ, принимался, съ обычнымъ перерубаніемъ словъ и перестановленіемъ удареній, выкрикивать фразы въ родѣ слѣдующей: — «но че́-ловѣкъ страст-«ны́й выводи́тъ изъ сего́ пустаго́ мѣста́, кото-рое онъ находи́тъ «въ тварѝхъ, совсѣмъ противныя слѣдствія. Каждая тварь особо, «ска-зываетъ онъ, не сильна сдѣлать меня счас-тливы́мъ»! и т. д. [1]), или затягивалъ тончайшимъ голоскомъ заунывную пѣсенку, въ которой только можно было разобрать что: «И... и... э... и... э... и... Ааа... ска!.. О... у... у... би... и... и... и... ла»! А Мартынъ Петровичъ качалъ головою, упоминалъ о бренности, о томъ, что всё пойдетъ прахомъ, увянетъ, яко быліе; пре́йдетъ — и не будетъ! Попалась ему какъ-то картинка, изображавшая горящую свѣчу, въ которую со всѣхъ сторонъ, напрягши щеки, дуютъ вѣтры; внизу стояла подпись: «Такова жизнь человѣческая»! Очень понравилась ему эта картинка; онъ повѣсилъ её у себя въ кабинетѣ; — но въ обыкновенное, немеланхолическое время перевертывалъ её лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не смущала. Харловъ, этотъ колоссъ, боялся смерти! Къ помощи религіи, къ молитвѣ онъ, впрочемъ, и въ припадкѣ меланхоліи, прибѣгалъ рѣдко; онъ и тутъ больше надѣялся на свой собственный умъ. Набожности въ немъ особенной не было; его и въ церкви не часто видали; правда, онъ говорилъ, что не ходитъ туда по той будто причинѣ, что по размѣру тѣла своего боится выдавить всѣхъ вонъ. Припадокъ обыкновенно кончался тѣмъ, что Мартынъ Петровичъ начнетъ посвистывать — и вдругъ громогласнымъ голосомъ прикажетъ заложить себѣ дрожки и покатитъ куда-нибудь по сосѣдству, не безъ удали потрясая свободной рукою надъ козырькомъ картуза, какъ бы желая сказать, что намъ-молъ теперь всё — трынъ-трава! Русскій былъ человѣкъ.

V.

Силачи, подобные Мартыну Петровичу, бываютъ бо́льшей частью права флегматическаго: онъ, напротивъ того, довольно легко раздражался, особенно выводилъ его изъ терпѣнія прію-тившійся въ нашемъ домѣ, въ качествѣ не то́ шута, не то́ нахлѣбника — братъ его покойной жены — нѣкто Бычковъ, съ младыхъ ногтей прозванный Сувенiромъ и такъ уже оставшійся Сувенiромъ для всѣхъ, даже для слугъ, которые, правда, вели-

[1]) Покоющійся Трудолюбецъ, періодическое изданіе и т. д. Москва, 1785 г. Часть 3-я. Стран. 23, строка 11 сверху.

чали его Сувениромъ Тимоѳеичемъ. Настоящаго своего имени онъ, кажется, и самъ не зналъ. Это былъ человѣкъ мизерный, всѣми презираемый: приживальщикъ однимъ словомъ. Съ одной стороны рта у него недоставало всѣхъ зубовъ, отчего его маленькое, морщинистое лицо казалось искривленнымъ. Онъ вѣчно суетился, егозилъ: въ дѣвичью заберется или въ контору, на слободку къ попамъ, а не то къ старостѣ въ избу; отовсюду его гонятъ, а онъ только пожимается, да щуритъ свои косые глазки — да смѣется дрянно, жидко, точно бутылку полощетъ. Мнѣ всегда казалось, что будь у Сувенира деньги, самый бы скверный человѣкъ изъ него вышелъ, безнравственный, злой, даже жестокій. Бѣдность поневолѣ его «сократила». Пить позволялось ему только въ праздники. Одѣвали его прилично, по приказанію матушки, такъ какъ онъ по вечерамъ составлялъ ея партію въ пикетъ или бостонъ. Сувениръ то и дѣло твердилъ: «Я вотъ позвольте, я чичасъ, чичасъ». — Да что *чичасъ*? съ досадой спроситъ его матушка. Онъ мгновенно откинетъ руки назадъ, струситъ и лепечетъ: — «Какъ прикажете-съ»! Подъ дверями послушать, посплетничать, а главное: «шпынять», дразнить—другой у него заботы не было—и «шпынялъ» онъ такъ, какъ будто имѣлъ на то право, какъ будто мстилъ за что-то. Мартына Петровича онъ звалъ братцемъ и надоѣдалъ ему пуще горькой рѣдьки.—«Вы сестрицу Маргариту Тимоѳеевну за что уморили»? приставалъ онъ къ нему, вертясь передъ нимъ и хихикая. Однажды Мартынъ Петровичъ сидѣлъ въ билліардной, прохладной комнатѣ, въ которой никто никогда ни одной мухи не видалъ — и которую сосѣдъ нашъ, врагъ жары и солнца—оттого очень жаловалъ. Сидѣлъ онъ между стѣной и билліардомъ. Сувениръ шмыгалъ мимо его «чрева», дразнилъ его, кривлялся.... Мартынъ Петровичъ хотѣлъ оттолкнуть его — и двинулъ обѣими руками впередъ. Къ счастью Сувенира, онъ успѣлъ увернуться—ладони его братца пришлись въ упоръ о край билліарда — и со всѣхъ шести винтовъ слетѣлъ тяжелый деревенскій билліардъ... Въ какую лепешку превратился бы Сувениръ, еслибъ попалъ подъ эти мощныя руки!

VI.

Я давно любопытствовалъ посмотрѣть, какъ устроилъ свое жилище Мартынъ Петровичъ, что у него за домъ? Однажды я вызвался проводить его верьхомъ до Еськова (такъ называлось его имѣніе). «Вишь ты! Хочешь посмотрѣть мою державу? про-

молвилъ Мартынъ Петровичъ. Изволь! И садъ покажу, и домъ, и гумно—и все. У меня всякаго добра много»! Мы отправились. Отъ нашего села до Еськова считалось всего версты три. «Вотъ она, моя держава»! загремѣлъ вдругъ Мартынъ Петровичъ, силясь обернуть свою неподвижную голову и разводя рукой на право и на лѣво. «Все мое»! Усадьба Харлова находилась на вершинѣ пологаго холма; внизу къ небольшому пруду лѣпилось нѣсколько плохихъ мужичьихъ избенокъ. У пруда на плоту старая баба въ клѣтчатой панёвѣ колотила валькомъ скрученное бѣлье...

— Аксинья! гаркнулъ Мартынъ Петровичъ — да такъ, что грачи стаей взвились изъ сосѣдняго овсянаго поля.... Мужу портки моешь?

Баба разомъ обернулась и поклонилась въ поясъ.

— Портки, батюшка, послышался ея слабый голосъ.

— То-то! Вотъ посмотри, продолжалъ Мартынъ Петровичъ, пробираясь рысцей вдоль полусгнившаго плетня, это моя конопля—а та вонъ крестьянская; разницу видишь? А вотъ это мой садъ; яблони я попасажалъ и ракиты—тоже я. А то тутъ и древа никакого не было. Вотъ такъ-то, учись!

Мы завернули на дворъ, огороженный тыномъ; прямо противъ воротъ возвышался ветхій-ветхій флигелекъ съ соломенной крышей и крылечкомъ на столбикахъ; въ сторонѣ стоялъ другой, но новый и съ крохотнымъ мезониномъ — но тоже на курьихъ ножкахъ. «Вотъ ты опять учись, промолвилъ Харловъ—вишь отцы-то наши въ какой хороминкѣ жили; а теперь я вона какія палаты себѣ соорудилъ». Палаты эти походили на карточный домикъ. Собакъ пять-шесть, одна другой лохматѣй и безобразнѣй, привѣтствовали насъ лаемъ. «Овчары! замѣтилъ Мартынъ Петровичъ. Настоящіе крымскіе! Цыцъ, оглашенныя! Вотъ возьму — да всѣхъ перевѣшаю!» На крыльцѣ новаго флигелька показался молодой человѣкъ въ длинномъ нанковомъ балахонѣ, мужъ старшей дочери Мартына Петровича. Проворно подскочивъ къ дрожкамъ, онъ почтительно поддержалъ подъ локоть слѣзавшаго тестя — и даже одной рукой сдѣлалъ примѣръ, будто подхватываетъ исполинскую ногу, которую тотъ, наклоняясь впередъ туловищемъ, заносилъ съ размаху черезъ сидѣніе;—потомъ онъ помогъ мнѣ сойти съ лошади.

— Анна! воскликнулъ Харловъ. Натальи Николавнинъ сынокъ къ намъ пожаловалъ; попоштовать его надо. Да гдѣ Евлампіюшка? (Анной звали старшую дочь, Евлампіей меньшую).

— Дома нѣтъ; въ поле за васильками пошла, отозвалась Анна, показавшись въ окошкѣ возлѣ двери.

— Творогъ есть? спросилъ Харловъ.

— Есть.

— И сливки есть?

— Есть.

— Ну, тащи на столъ, а я имъ пока кабинетъ свой покажу. Пожалуйте сюда, сюда, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ и зазывая меня указательнымъ пальцемъ. У себя въ домѣ онъ меня не «тыкалъ»: надо-жъ хозяину быть вѣжливымъ. Онъ повелъ меня по корридору. — Вотъ гдѣ я пребываю, промолвилъ онъ, шагнувъ бокомъ черезъ порогъ широкой двери, — а вотъ и мой кабинетъ. Милости просимъ!

Кабинетъ этотъ оказался большой комнатой, неоштукатуренной и почти пустой; по стѣнамъ, на неровно вбитыхъ гвоздяхъ, висѣли двѣ нагайки, трехъугольная порыжѣлая шляпа, одноствольное ружье, сабля, какой-то странный хомутъ съ бляхами и картинка, изображавшая горящую свѣчу подъ вѣтрами; въ одномъ углу стоялъ деревянный диванъ, покрытый пестрымъ ковромъ. Сотни мухъ густо жужжали подъ потолкомъ; впрочемъ, въ комнатѣ было прохладно: только очень сильно разило тѣмъ особеннымъ лѣснымъ запахомъ, который всюду сопровождалъ Мартына Петровича.

— Чтожъ, хорошъ кабинетъ? спросилъ меня Харловъ.

— Очень хорошъ.

— Ты посмотри, вотъ у меня голландскій хомутъ виситъ, продолжалъ Харловъ, снова впадая въ «тыканіе». Чудесный хомутъ! у жида вымѣнялъ. Ты погляди-ка!

— Хомутъ хорошій.

— Самый хозяйственный! Да ты понюхай.... какова кожа? Я понюхалъ хомутъ. Отъ него несло прѣлой вòрванью — и больше ничего.

— Ну, присядьте — вонъ тамъ на стульчикѣ, будьте гости, промолвилъ Харловъ, а самъ опустился на диванъ, и словно задремалъ, закрылъ глаза, засопѣлъ даже. Я молча глядѣлъ на него и не могъ довольно надивиться: гора — да и полно! Онъ вдругъ встрепенулся.

— Анна! закричалъ онъ, и при этомъ его громадный животъ приподнялся и опалъ, какъ волна на морѣ; что-жъ ты? Поворачивайся! Аль не слыхала?

— Все готово, батюшка, пожалуйте, раздался голосъ его дочери.

Я внутренно подивился быстротѣ, съ которой исполнялись повелѣнія Мартына Петровича, и отправился за нимъ въ гостиную, гдѣ на столѣ, покрытомъ красной скатертью съ бѣлыми

разводами, уже была приготовлена закуска: творогъ, сливки, пшеничный хлѣбъ, даже толченый сахаръ съ имбиремъ. Пока я управлялся съ творогомъ, Мартынъ Петровичъ, ласково пробурчавъ: «Кушай, дружокъ, кушай, голубчикъ, не брезгай нашей деревенской снѣдью», опять присѣлъ въ углу, и опять словно задремалъ. Передо мной, неподвижно, съ опущенными глазами, стояла Анна Мартыновна, а въ окно я могъ видѣть, какъ ея мужъ проваживалъ по двору моего клеппера, собственными руками перетирая цѣпочку трензеля.

VII.

Матушка моя не жаловала старшей дочери Харлова; она называла ее гордячкой. Анна Мартыновна почти никогда не являлась къ намъ на поклонъ и, въ присутствіи матушки, держалась чинно и холодно, хотя, по ея милости, и въ пансіонѣ обучалась, и замужъ вышла, и въ день свадьбы получила отъ нея тысячу рублей ассигнаціями, да жолтую турецкую шаль, правда, нѣсколько поношенную. Это была женщина росту средняго, сухощавая, очень живая и проворная въ своихъ движеніяхъ, съ русыми густыми волосами, съ красивымъ смуглымъ лицомъ, на которомъ нѣсколько странно, но пріятно выдавались блѣдно-голубые, узкіе глаза; носъ она имѣла прямой и тонкій, губы тоже тонкія и подбородокъ «шпилькой». Всякій, взглянувъ на нее, навѣрное подумалъ бы: «Ну, какая же ты умница — и злюка!» И совсѣмъ тѣмъ въ ней было что-то привлекательное; даже темныя родинки, разсыпанныя «гречишкой» по ея лицу, шли къ ней и усиливали чувство, которое она возбуждала. Подсунувъ подъ косынку руки, она украдкой—сверху внизъ (я сидѣлъ, она стояла)—посматривала на меня; недобрая улыбочка бродила по ея губамъ, по щекамъ, въ тѣни длинныхъ рѣсницъ. «Охъ, ты балованный барченокъ!» словно говорила эта улыбка. Всякій разъ, когда она дышала, у ней ноздри слегка расширялись — это тоже было нѣсколько странно; но все-таки мнѣ казалось, что полюби меня Анна Мартыновна, или только захоти поцѣловать меня своими тонкими, жесткими губами — я бы отъ восторга до потолка подпрыгнулъ. Я зналъ, что она была очень строга и взыскательна, что бабы и дѣвки боялись ее какъ огня— но что за дѣло! Анна Мартыновна тайно волновала мое воображеніе.... Впрочемъ, мнѣ тогда только минуло пятнадцать лѣтъ— а въ эти годы!...

Мартынъ Петровичъ опять встрепенулся. — Анна! крикнулъ

онъ; ты бы на фортепьянахъ побренчала.... Молодые господа это любятъ.

Я оглянулся: въ комнатѣ стояло какое-то жалкое подобіе фортепьянъ.

— Слушаю, батюшка, отвѣтила Анна Мартыновна. Только что же я имъ буду играть? Имъ это не будетъ интересно.

— Такъ чему-жъ тебя обучали въ *пинсіонѣ*?

— Я все перезабыла.... да и струны полопались.

Голосокъ у Анны Мартыновны былъ очень пріятный: звонкій и словно жалобный.... въ родѣ того, какой бываетъ у хищныхъ птицъ.

— Ну, проговорилъ Мартынъ Петровичъ, и задумался... Ну... началъ онъ опять; такъ не хотите ли гумно посмотрѣть, полюбопытствовать? Васъ Володька проводитъ.—Эй, Володька! крикнулъ онъ своему зятю, который все еще расхаживалъ по двору съ моею лошадью,—проводи вотъ ихъ на гумно... и вообще. Покажь мое хозяйство. А мнѣ соснуть надо! Такъ-то! Счастливо оставаться!

Онъ вышелъ вонъ, и я за нимъ. Анна Мартыновна тотчасъ стала проворно и какъ бы съ досадой убирать со стола. На порогѣ двери я обернулся и поклонился ей; но она словно не замѣтила моего поклона, только опять улыбнулась, да еще злѣе прежняго.

Я взялъ у харловскаго зятя мою лошадь и повелъ ее въ поводу. Мы вмѣстѣ съ нимъ пошли на гумно,—но такъ какъ ничего въ немъ особенно любопытнаго не открыли, притомъ же онъ во мнѣ, какъ въ молодомъ мальчикѣ, не могъ предполагать отмѣнную любовь къ хозяйству, — то мы и вернулись черезъ садъ на дорогу.

VIII.

Я хорошо зналъ харловскаго зятя: звали его Слёткинымъ, Владиміромъ Васильевичемъ; онъ былъ сирота, сынъ мелкаго чиновника, повѣреннаго по дѣламъ у матушки и ея воспитанникъ. Сперва помѣстили его въ уѣздное училище, потомъ онъ поступилъ въ «вотчинную контору», потомъ записали его на службу по казеннымъ магазинамъ и, наконецъ, женили на дочери Мартына Петровича. Матушка называла его жидёнкомъ, и онъ, дѣйствительно, своими курчавыми волосиками, своими черными и вѣчно мокрыми, какъ вареный черносливъ, глазами, своимъ ястребинымъ носомъ и широкимъ краснымъ ртомъ, напоминалъ ев-

рейскій типъ, только цвѣтъ кожи онъ имѣлъ бѣлый и былъ вообще весьма недуренъ собою. Нрава онъ былъ услужливаго, лишь бы дѣло не касалось его личной выгоды. Тутъ онъ тотчасъ терялся отъ жадности, до слезъ даже доходилъ; изъ-за тряпки готовъ конючить цѣлый день, сто разъ напомнитъ о данномъ обѣщаніи, и обижается и пищитъ, если оно не тотчасъ исполняется. Онъ любилъ таскаться по полямъ съ ружьемъ; и когда случалось ему залучить зайца или утку, съ особеннымъ чувствомъ клалъ свою добычу въ ягдташъ, приговаривая: «Ну, теперь шалишь, не уйдешь! Теперь *мнѣ* послужишь!»

— Добрый конекъ у васъ! заговорилъ онъ своимъ шепелявымъ голосомъ, помогая мнѣ взобраться на сѣдло; вотъ бы мнѣ такую лошадку! Да гдѣ! Счастье мое не такое. Хоть бы вы матушку вашу попросили.... напомнили!

— А она вамъ обѣщала?

— Кабы обѣщала! Нѣтъ; но я полагалъ, что по великому ея благодушеству....

— Вы бы къ Мартыну Петровичу обратились.

— Къ Мартыну Петровичу! повторилъ протяжно Слёткинъ. Для него — что я, что какой-нибудь ничтожный казачекъ Максимка—все едино. Какъ есть въ черномъ тѣлѣ насъ содержитъ, и никакой отъ него награды не видать за всѣ труды.

— Неужели?

— Да ей-Богу же. Какъ скажетъ: «мое слово свято!» — ну вотъ точно топоромъ отрубитъ. Проси, не проси — все едино. Да и Анна Мартыновна, супруга моя, такого авантажа не имѣетъ, какъ Евлампія Мартыновна.

— Ахъ, Господи Боже мой, батюшки! перебилъ онъ вдругъ самого себя, и съ отчаяньемъ всплеснулъ руками. Посмотрите: что́ это? Цѣлый полу-осьминникъ овса, нашего овса, какой-то злодѣй выкосилъ. Каковъ?! Вотъ тутъ и живи! Разбойники, разбойники! Вотъ ужъ точно правду говорятъ, что не вѣрь Еськову, Беськову, Ерину, Бѣлину! (такъ назывались четыре окрестныя деревни). Ахъ, ахъ, что это! Рубля, почитай, на полтора, а то и на два убытку!

Въ голосѣ Слёткина слышались чуть не рыданья. Я толкнулъ лошадь подъ бока и поѣхалъ отъ него прочь.

Восклицанія Слёткина еще долетали до моего слуха, какъ вдругъ на поворотѣ дороги попалась мнѣ та самая вторая дочь Харлова, Евлампія, которая, по словамъ Анны Мартыновны, ушла въ поле за васильками. Густой вѣнокъ изъ этихъ цвѣтовъ обвивалъ ея голову. Мы обмѣнялись поклонами молча. Евлампія была тоже очень недурна собой, не хуже сестры, но только въ

другомъ родѣ. Росту она была высокаго, сложенія дороднаго; все въ ней было велико: и голова, и ноги, и руки, и бѣлые какъ снѣгъ зубы, и особенно глаза, выпуклые, съ поволокой, темно-синіе, какъ стеклярусъ; все въ ней было даже монументально (не даромъ она доводилась Мартыну Петровичу дочкой), но красиво. Бѣлокурую густую косу она, видимо, не знала куда дѣть и раза три обматывала ее вокругъ темени. Ротъ у нея былъ прелестный, свѣжій какъ розанъ, малиноваго цвѣта и когда она говорила, середина верхней губы очень мило приподнималась. Но во взглядѣ ея огромныхъ глазъ было что-то дикое и почти суровое. «Вольница, казачья кровь», такъ отзывался о ней Мартынъ Петровичъ. Я побаивался ея.... Мнѣ эта осанистая красавица напоминала своего батюшку.

Я отъѣхалъ еще немного дальше, и услышалъ, что она запѣла ровнымъ, сильнымъ, нѣсколько рѣзкимъ, прямо крестьянскимъ голосомъ; потомъ она вдругъ умолкла. Я оглянулся и съ вершины холма увидалъ ее стоявшею возлѣ харловскаго зятя передъ скошеннымъ осьминникомъ овса. Тотъ размахивалъ и указывалъ руками, а она не шевелилась. Солнце освѣщало ея высокую фигуру и ярко голубѣлъ васильковый вѣнокъ на ея головѣ.

IX.

Я уже, кажется, сказывалъ вамъ, господа, что и для этой второй дочери Харлова матушка моя припасла жениха. То былъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ нашихъ сосѣдей, отставной армейскій майоръ Житковъ, Гаврило Ѳедулычъ, человѣкъ уже не молодой, и, какъ онъ самъ выражался, не безъ самодовольства, впрочемъ, и словно рекомендуя себя: «битый да ломаный». Онъ едва разумѣлъ грамотѣ и очень былъ глупъ, но втайнѣ надѣялся попасть къ моей матушкѣ въ управляющіе, ибо чувствовалъ себя «исполнителемъ». «Что̀ другое-съ, а зубьё считать у мужичья — это я до тонкости понимаю, — говаривалъ онъ, чуть не скрыпя собственными зубами;—потому—привыкъ, пояснялъ онъ, въ прежней моей, значитъ, должности». Будь Житковъ меньше глупъ, онъ бы понялъ, что именно въ управляющіе къ матушкѣ попасть не предстояло ему никакихъ шансовъ, такъ какъ для этого нужно было смѣстить настоящаго управляющаго, нѣкоего Квицинскаго, весьма характернаго и дѣльнаго поляка, которому матушка вполнѣ довѣряла. Лицо у Житкова было длинное, лошадиное; оно все обросло пыльно-бѣлокурыми волосами, даже

щеки подъ глазами всѣ заросли; въ самые сильные морозы оно было покрыто обильнымъ потомъ, словно росинками. При видѣ матушки онъ немедленно вытягивался въ струнку, голова его начинала дрожать отъ усердія, огромныя руки слегка похлопывали по ляжкамъ и вся фигура, казалось, такъ и взывала: «Повели!... и я устремлюсь!» Матушка не обманывалась на счетъ его способностей, что́ не мѣшало ей, однако, заботиться объ его свадьбѣ съ Евлампіей.

— Только сладишь ли ты съ ней, отецъ мой? спросила она его однажды.

Житковъ самодовольно улыбнулся.

— Помилуйте, Наталья Николаевна! Цѣлую роту въ порядкѣ содержалъ, по стрункѣ ходила, а это что̀-же-съ? Плёвое дѣло!

— То рота, отецъ мой, а то дѣвушка благородная, жена, замѣтила матушка съ неудовольствіемъ.

— Помилуйте-съ! Наталья Николаевна! снова воскликнулъ Житковъ. Это мы все очень понять можемъ. Одно слово: барышня, особа нѣжная!

— Ну! рѣшила, наконецъ, матушка, Евлампія себя въ обиду не дастъ.

X.

Однажды—дѣло было въ іюнѣ мѣсяцѣ и день склонялся къ вечеру—человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Мартына Петровича. Матушка удивилась: мы его болѣе недѣли не видали, но онъ никогда такъ поздно не посѣщалъ насъ. «Что-нибудь случилось!» воскликнула она вполголоса. Лицо Мартына Петровича, когда онъ ввалился въ комнату и тотчасъ же опустился на стулъ возлѣ двери, имѣло такое необычайное выраженіе, оно такъ было задумчиво и даже блѣдно, что матушка моя невольно и громко повторила свое восклицаніе. Мартынъ Петровичъ уставилъ на нее свои маленькіе глаза, помолчалъ, вздохнулъ тяжело, помолчалъ опять и объявилъ, наконецъ, что пріѣхалъ по одному дѣлу... которое... такого рода... что по причинѣ...

Пробормотавъ эти несвязныя слова, онъ вдругъ поднялся и вышелъ.

Матушка позвонила, велѣла вошедшему лакею тотчасъ догнать и непремѣнно воротить Мартына Петровича, но тотъ уже успѣлъ сѣсть на свои дрожки и убраться.

На слѣдующее утро матушка, которую странный поступокъ Мартына Петровича и необычное выраженіе его лица одинаково

изумили и даже смутили, собиралась-было послать къ нему нарочнаго, какъ онъ самъ опять появился передъ нею. На этотъ разъ онъ казался спокойнѣе.

— Сказывай, батюшка, сказывай,—воскликнула матушка, какъ только увидѣла его,—что это съ тобою подѣлалось? Я, право, вчера подумала: Господи! подумала я, ужъ не рехнулся ли старикъ нашъ въ разсудкѣ своемъ?

— Не рехнулся я, сударыня, въ разсудкѣ своемъ, отвѣчалъ Мартынъ Петровичъ; не таковскій я человѣкъ. Но мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться.

— О чемъ?

— Только сомнѣваюсь я, будетъ ли вамъ сіе пріятно....

— Говори, говори, отецъ, да попроще. Не волнуй ты меня! Къ чему тутъ *сіе?* Говори проще. Али опять меланхолія на тебя нашла?

Харловъ нахмурился. — Нѣтъ, не меланхолія — она у меня къ новолунію бываетъ; а позвольте ужъ спросить, сударыня, вы о смерти какъ полагаете?

Матушка всполохнулась. — О чемъ?

— О смерти. Можетъ ли смерть кого ни-на-есть на семъ свѣтѣ пощадить?

— Это ты еще что вздумалъ, отецъ мой? Кто изъ насъ безсмертный? Ужъ на что ты великанъ уродился—а и тебѣ конецъ будетъ.

— Будетъ! охъ, будетъ! подхватилъ Харловъ и потупился. Случилось со мною сонное мечтаніе.... протянулъ онъ наконецъ.

— Что ты говоришь? перебила его матушка.

— Сонное мечтаніе, повторилъ онъ. Я вѣдь сновидецъ!

— Ты?

— Я! А вы не знали? Харловъ вздохнулъ.—Ну, вотъ.... Прилегъ я такъ-то, сударыня, недѣлю тому назадъ слишкомъ, подъ самыя заговѣны къ петрову посту; прилегъ я послѣ обѣда отдохнуть маленько, ну и заснулъ; и вижу, будто въ комнату ко мнѣ вбѣгъ вороной жеребёнокъ. И сталъ тотъ жеребёнокъ играть и зубы скалить. Какъ жукъ вороной жеребёнокъ.

Харловъ умолкъ.

— Ну? промолвила матушка.

— И какъ обернется вдругъ этотъ самый жеребёнокъ, да какъ лягнетъ меня въ лѣвый локоть, въ самый какъ есть поджилокъ!... Я проснулся: анъ рука не дѣйствуетъ и нога лѣвая тоже. Ну, думаю, параличъ; однако поразмялся и снова вошелъ въ дѣйствіе: только мурашки долго по суставцамъ бѣгали и теперь еще бѣгаютъ. Какъ разожму ладонь, такъ и забѣгаютъ.

— Да ты, Мартынъ Петровичъ, какъ-нибудь руку перележалъ.

— Нѣтъ, сударыня; не то вы изволите говорить! Это мнѣ предостереженіе.... Къ смерти моей, значитъ.

— Ну вотъ еще! начала-было матушка.

— Предостереженіе! Готовься, молъ, человѣче! И потому я, сударыня, вотъ что имѣю доложить вамъ, ни мало не медля. Не желая, — закричалъ вдругъ Харловъ, — чтобъ та самая смерть меня, раба Божія, въ расплохъ застала, положилъ я такъ-то въ умѣ своемъ: раздѣлить мнѣ теперь же, при жизни, имѣніе мое между двумя моими дочерьми, Анной и Евлампіей, какъ мнѣ Господь Богъ на душу пошлётъ. Мартынъ Петровичъ остановился, охнулъ и прибавилъ:—ни мало ни медля.

— Что-жъ? Это дѣло хорошее, замѣтила матушка; только я думаю, ты напрасно такъ спѣшишь.

— И такъ какъ я желаю въ семъ дѣлѣ, продолжалъ, еще болѣе возвысивъ голосъ, Харловъ,—должный порядокъ и законность соблюсти, то покорнѣйше прошу вашего сыночка, Дмитрія Семеновича,—васъ я, сударыня, обезпокоивать не осмѣливаюсь,— прошу онаго сыночка, Дмитрія Семеновича, родственнику же моему Бычкову въ прямой долгъ вмѣняю—при совершеніи формальнаго акта и ввода во владѣніе моихъ двухъ дочерей, Анны замужней и Евлампіи дѣвицы — присутствовать; который актъ имѣетъ быть въ дѣйствіе введенъ послѣ-завтра, въ двѣнадцатомъ часу дня, въ собственномъ моемъ имѣніи Еськовѣ, Козюлькинѣ тожъ, при участіи предержащихъ властей и чиновъ, кои уже суть приглашены.

Мартынъ Петровичъ едва окончилъ эту явно имъ наизусть затверженную и частыми вздохами прерванную рѣчь.... У него словно воздуха въ груди недоставало: его поблѣднѣвшее лицо снова побагровѣло, и онъ нѣсколько разъ утеръ съ него потъ.

— И ты уже составилъ раздѣльный актъ? спросила матушка. Когда это ты успѣлъ?

— Успѣлъ... охъ! Не нимши, не ѣмши...

— Самъ писалъ?

— Володька... охъ! помогалъ.

— И прошеніе подалъ?

— Подалъ, и палата утвердила и уѣздному суду предписано, и временное отдѣленіе земскаго суда... охъ!.. къ прибытію назначено.

Матушка усмѣхнулась. — Ты, я вижу, Мартынъ Петровичъ, уже всѣмъ, какъ слѣдуетъ, распорядился, и какъ скоро! Знать, денегъ не жалѣлъ?

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

— Не жалѣлъ, сударыня!

— То-то! А говоришь, что со мной посовѣтоваться желаешь. Что-жъ, пускай Митенька ѣдетъ; я и Сувенира съ нимъ отпущу и Квицинскому скажу... А Гаврилу Ѳедулыча ты не приглашалъ?

— Гаврила Ѳедулычъ... господинъ Житковъ... отъ меня такожде... извѣщенъ. Ему, какъ жениху, слѣдуетъ! Мартынъ Петровичъ видимо истощилъ весь запасъ своего краснорѣчія. Притомъ мнѣ вчера казалось, что онъ какъ будто не совсѣмъ благоволилъ къ жениху, пріисканному моей матушкой; быть можетъ, онъ ожидалъ болѣе выгодной партіи для своей Евлампіюшки.

Онъ поднялся со стула и шаркнулъ ногою.—За согласіе благодаренъ!

— Куда же ты? спросила матушка. Посиди; я велю закуску подать.

— Много довольны, отвѣчалъ Харловъ. Но не могу.... Охъ! Нужно домой.

Онъ попятился и поползъ-было, по своему обыкновенію, бокомъ въ дверь.

— Постой, постой, продолжала матушка. Неужто ты всё свое имѣнье безъ остатку дочерямъ предоставляешь?

— Вѣстимо, безъ остатку.

— Ну, а ты самъ... Гдѣ будешь жить?

Харловъ даже руками замахалъ.—Какъ гдѣ? У себя въ домѣ, какъ жилъ *доселѣчи*.... такъ и впредь. Какая же можетъ быть перемѣна?

— И ты въ дочеряхъ своихъ и въ зятѣ такъ увѣренъ?

— Это вы про Володьку-то говорить изволите? Про тряпкуто про эту? Да я его куда хочу, пихну, и туда и сюда... Какая его власть? А онѣ меня, дочери то-есть, по гробъ кормить, поить, одѣвать, обувать... Помилуйте! первая ихъ обязанность! Я-жъ имъ не долго глаза мозолить буду. Не за горами смерть-то—за плечами.

— Въ смерти Господь Богъ воленъ, замѣтила матушка—а обязанность это ихъ, точно. Только ты меня извини, Мартынъ Петровичъ; старшая у тебя, Анна, гордячка извѣстная, ну да и вторая волкомъ смотритъ....

— Наталья Николаевна! перебилъ Харловъ, что́ вы это?— Да чтобъ онѣ... Мои дочери... Да чтобъ я... Изъ повиновенья-то выдти? Да имъ и во снѣ... Противиться? Кому? Родителю?.. Смѣть? А проклясть-то ихъ развѣ долго? Въ трепетѣ да въ покорности вѣкъ свой прожили — и вдругъ!... Господи!

Харловъ раскашлялся, захрипѣлъ.

— Ну хорошо, хорошо, поспѣшила успокоить его матушка;

только я все-таки не понимаю, зачѣмъ ты *теперь* дѣлить ихъ вздумалъ? Всё равно, послѣ тебя имъ же достанется. Всему этому, я полагаю, твоя меланхолія причиной.

— Э, матушка! не безъ досады возразилъ Харловъ, зарядили вы свою меланхолію! Тутъ, быть можетъ, свыше сила дѣйствуетъ, а вы меланхолія! Потому, сударыня, вздумалъ я сіе, что я самолично, еще «жимши», при себѣ хочу рѣшить, кому чѣмъ владѣть, и кого я чѣмъ награжу, тотъ тѣмъ и владѣй, и благодарность чувствуй, и исполняй, и на чемъ отецъ и благодѣтель положилъ, то за великую милость...

Голосъ Харлова опять перервался.

— Ну полно же, полно, отецъ мой, перебила его матушка; а то и вправъ вороной жеребёнокъ появится.

— Охъ, Наталья Николаевна, не говорите мнѣ о немъ! простоналъ Харловъ. Это смерть моя за мной приходила. Прощенья просимъ. А васъ, сударикъ мой, къ послѣзавтрашнему дню ожидать буду честь имѣть!

Мартынъ Петровичъ вышелъ; матушка посмотрѣла ему вслѣдъ и значительно покачала головою. — Не къ добру это, прошептала она, не къ добру. Ты замѣтилъ, обратилась онѣ ко мнѣ, онъ говоритъ, а самъ будто отъ солнца всё щурится; знай: это примѣта дурная. У такого человѣка тяжело на сердцѣ бываетъ и несчастье ему грозитъ. Поѣзжай послѣ-завтра съ Викентіемъ Осиповичемъ и съ Сувениромъ.

XI.

Въ назначенный день большая наша фамильная четверомѣстная карета, запряженная шестерикомъ караковыхъ лошадей, съ главнымъ «лейбъ-кучеромъ», сѣдобородымъ и тучнымъ Алексѣичемъ на козлахъ, плавно подкатилась къ крыльцу нашего дома. Важность акта, къ которому намѣревался приступить Харловъ, торжественность, съ которой онъ пригласилъ насъ, подѣйствовали на мою матушку. Она сама отдала приказъ заложить именно этотъ экстраординарный экипажъ, и велѣла Сувениру и мнѣ одѣться по праздничному: она, видимо, желала почтить своего «протеже». Квицинскій—тотъ всегда ходилъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Во всю дорогу Сувениръ трещалъ какъ сорока, хихикалъ, разсуждалъ о томъ, предоставитъ ли ему братецъ что-нибудь, и тутъ же обзывалъ его идоломъ и кикиморой. Квицинскій, человѣкъ угрюмый, желчный, не выдержалъ наконецъ. — «И охота вамъ, заговорилъ онъ со своимъ

польскимъ отчетливымъ акцентомъ, такое все несообразное болтать? И неужели невозможно сидѣть смирно, безъ этихъ, никому не нужныхъ (любимое его слово) «пустяковъ»? — Ну-чи-часъ, пробормоталъ Сувениръ съ неудовольствіемъ и уставилъ свои косые глаза въ окошко. Четверти часа не прошло, ровно бѣжавшія лошади едва начинали потѣть подъ тонкими ремнями новыхъ сбруй—какъ уже показалась Харловская усадьба. Сквозь настежь растворенныя ворота вкатилась наша карета на дворъ; крошечный форрейторъ, едва достававшій ногами до половины лошадинаго корпуса, въ послѣдній разъ съ младенческимъ воплемъ подскочилъ на мягкомъ сѣдлѣ, локти старика Алексѣича одновременно оттопырились и приподнялись—послышалось легкое тпруканіе и мы остановились. Собаки не встрѣтили насъ лаемъ, дворовые мальчишки въ длинныхъ, слегка на большихъ животахъ раскрытыхъ рубахахъ — и тѣ куда-то исчезли. Зять Харлова ожидалъ насъ на порогѣ двери. Помню—меня особенно поразили березки, натыканныя по обѣимъ сторонамъ крыльца, словно въ троицынъ день. «Торжество изъ торжествъ»! пропѣлъ въ носъ Сувениръ, вылѣзая первый изъ кареты. И точно: торжественность замѣчалась во всёмъ. На Харловскомъ зятѣ былъ плисовый галстухъ съ атласнымъ бантомъ и необыкновенно узкій чёрный фракъ; а у вынырнувшаго изъ-за его спины Максимки волосы до того были смочены квасомъ, что даже капало съ нихъ. Мы вошли въ гостинную и увидали Мартына Петровича, неподвижно возвышавшагося—именно возвышавшагося—по серединѣ комнаты. Не знаю, что̀ почувствовали Сувениръ и Квицинскій при видѣ его колоссальной фигуры, но я ощутилъ нѣчто похожее на благоговѣніе. Мартынъ Петровичъ облекся въ сѣрый, должно быть, ополченскій, 12-го года казакинъ съ чернымъ стоячимъ воротникомъ, бронзовая медаль виднѣлась на его груди, сабля висѣла у бока; лѣвую руку онъ положилъ на рукоятку, правой опирался на столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Два исписанныхъ листа бумаги лежало на этомъ столѣ. Харловъ не шевелился, даже не пыхтѣлъ; и какая важность сказывалась въ его осанкѣ, какая увѣренность въ себѣ, въ своей неограниченной и несомнѣнной власти! Онъ едва привѣтствовалъ насъ кивкомъ и хрипло промолвивъ: «прошу»! повелъ указательнымъ пальцемъ лѣвой руки въ направленіи поставленныхъ рядышкомъ стульевъ. У правой стѣны гостинной стояли обѣ дочери Харлова, разодѣтыя по воскресному: Анна въ зелёно-лиловомъ, двуличневомъ платьѣ съ желтымъ шелковымъ поясомъ, Евлампія въ розовомъ съ пунцовыми лентами. Возлѣ нихъ торчалъ Житковъ въ новомъ мундирѣ, съ обычнымъ выраженіемъ

тупого и жаднаго ожиданія въ глазахъ, и съ бо́льшимъ противъ обычнаго количествомъ испарины на волосатомъ лицѣ. У лѣвой стѣны гостинной сидѣлъ священникъ въ изношенной рясѣ табачнаго цвѣта, старый человѣкъ съ жесткими бурыми волосами. Эти волосы и унылые, тусклые глаза и большія заскорузлыя руки, которыя словно его самого бременили и лежали какъ глуды на колѣняхъ, и выглядывавшіе изъ-подъ рясы смазные сапоги, всё свидѣтельствовало о трудовой, нерадостной жизни: приходъ его былъ очень бѣденъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался исправникъ жирненькій, блѣдненькій, неопрятный господинчикъ, съ пухлыми короткими ручками и ножками, съ черными глазами, черными, подстриженными усами, съ постоянной, хоть и веселой, но дрянной улыбочкой на лицѣ: онъ слылъ за великаго взяточника и даже за тирана, какъ выражались въ то время; но не только помѣщики, даже крестьяне привыкли къ нему и любили его. Онъ весьма развязно и нѣсколько насмѣшливо поглядывалъ кругомъ: видно было, что вся эта «процедура» его забавляла. Въ сущности его интересовала одна предстоявшая закуска съ водочкой. За то́ сидѣвшій возлѣ него стряпчій, сухопарый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ, узкими бакенбардами отъ уха къ носу, какъ ихъ на́шивали при Александрѣ Первомъ, всей душой принималъ участіе въ распоряженіяхъ Мартына Петровича и не спускалъ съ него своихъ большихъ серьезныхъ глазъ: отъ очень усиленнаго вниманія и сочувствія онъ всё двигалъ и поводилъ губами, не разжимая ихъ однако. Сувениръ къ нему присосѣдился и шопотомъ заговорилъ съ нимъ, объявивъ мнѣ сперва, что это первый по губерніи масонъ. Временное отдѣленіе земскаго суда состоитъ, какъ извѣстно, изъ исправника, стряпчаго и станового; но станового либо вовсе не было, либо онъ до того стушевался, что я его не замѣтилъ; впрочемъ, онъ у насъ въ уѣздѣ носилъ прозвище: «несуществующій», какъ бываютъ «непомнящіе». Я сѣлъ подлѣ Сувенира, Квицинскій подлѣ меня. На лицѣ практическаго поляка была написана явная досада на «никому не нужную» поѣздку, на напрасную трату времени... «Барыня! барскія русскія фантазіи»! казалось, шепталъ онъ про себя... «Ужъ эти мнѣ русскіе»!

XII.

Когда мы всѣ усѣлись, Мартынъ Петровичъ поднялъ плечи, крякнулъ, обвелъ насъ всѣхъ своими медвѣжьими глазками, и, шумно вздохнувъ, началъ такъ:

— Милостивые государи! Я пригласилъ васъ по слѣдующему случаю. Становлюсь я старъ, государи мои, немощи одолѣваютъ... Уже и предостереженіе мнѣ было, смертный же часъ, яко тать въ нощи, приближается... Не такъ ли-батюшка? обратился онъ къ священнику.

Батюшка встрепенулся.—Тако, тако, прошамшалъ онъ, потрясая бородкой.

— И потому, продолжалъ Мартынъ Петровичъ, внезапно возвысивъ голосъ, не желая, чтобы та самая смерть меня въ расплохъ застала, положилъ я въ умѣ своемъ... Мартынъ Петровичъ повторилъ слово въ слово фразу, которую онъ, два дня тому назадъ, произнесъ у матушки. Въ силу сего моего рѣшенія, закричалъ онъ еще громче, сей актъ (онъ ударилъ рукою по лежавшимъ на столѣ бумагамъ) составленъ мною, и предержащія власти въ свидѣтели приглашены, и въ чемъ состоитъ оная моя воля, о томъ слѣдуютъ пункты. Поцарствовалъ, будетъ съ меня!

Мартынъ Петровичъ надѣлъ на носъ свои желѣзные круглые очки, взялъ со стола одинъ изъ исписанныхъ листовъ и началъ:

— Раздѣльный актъ имѣнію отставнаго штыкъ-юнкера и столбоваго дворянина Мартына Харлова, имъ самимъ, въ полномъ и здравомъ умѣ и по собственному благоусмотрѣнію составленный, и въ коемъ съ точностью опредѣляется, какія угодія его двумъ дочерямъ, Аннѣ и Евлампіѣ (кланяйтесь!—онѣ поклонились), предоставляются, и коимъ образомъ дворовые люди и прочее имущество и живность межъ оными дочерьми подѣляется! Рукою властной!

— Это ихняя бумажка, шепнулъ съ неизмѣнной своей улыбочкой исправникъ Квицинскому, они её для красоты слога прочитать желаютъ, а законный актъ составленъ по формѣ, безо всѣхъ этихъ цвѣточковъ. Сувениръ началъ-было хихикать...

— Согласно съ моею волею! вмѣшался Харловъ, отъ котораго не ускользнуло замѣчаніе исправника.

— Во всѣхъ пунктахъ согласно, поспѣшно и весело отвѣчалъ тотъ; только форму, вы знаете, Мартынъ Петровичъ, никакъ обойти нельзя. И лишнія подробности устранены. Ибо въ пѣгихъ коровъ и турецкихъ селезней палата никоимъ образомъ входить не можетъ.

— Подь сюда ты! гаркнулъ Харловъ зятю, который вслѣдъ за нами вошелъ въ комнату и съ подобострастнымъ видомъ остановился у двери. Онъ тотчасъ подскочилъ къ своему тестю.

— На, возьми, читай! А то мнѣ трудно. Только смотри не лотоши! Чтобы всѣ господа присутствующіе вникнуть могли!

Слёткинъ взялъ листъ въ обѣ руки, и сталъ, трепетно но внятно, со вкусомъ и чувствомъ, читать раздѣльный актъ. Въ немъ съ величайшею аккуратностью было обозначено, что̀ именно отходило къ Аннѣ, и что̀ къ Евлампіѣ, и какъ имъ слѣдовало дѣлиться. Харловъ отъ времени до времени прерывалъ чтеніе словами: «Слышь, это тебѣ, Анна, за твое усердіе»! — или: «это я тебѣ, Евлампіюшка, жалую!» и обѣ сестры кланялись, Анна въ поясъ, Евлампія одной головой. Харловъ съ угрюмой важностью посматривалъ на нихъ. «Усадебный домъ» (новый флигелёкъ) былъ отданъ имъ Евлампіи,—«яко младшей дочери, по извѣчному обычаю». Голосъ чтеца зазвенѣлъ и задрожалъ, произнося эти непріятныя для него слова; а Житковъ облизнулся. Евлампія изкоса глянула на него: будь я на мѣстѣ Житкова, не понравился бы мнѣ этотъ взглядъ. Презрительное выраженіе лица, свойственное Евлампіѣ, какъ всякой истой русской красавицѣ, на этотъ разъ носило особый оттѣнокъ. Самому себѣ Мартынъ Петровичъ предоставлялъ право жить въ занимаемыхъ имъ комнатахъ, и выговаривалъ себѣ, подъ именемъ «опричнаго», полное содержаніе «натуральною провизіею» — и десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ на обувь и одёжу. Послѣднюю фразу раздѣльнаго акта Харловъ пожелалъ прочесть самъ. «И сію мою родительскую волю», гласила она, «дочерямъ моимъ исполнять и наблюдать свято и нерушимо, яко заповѣдь; ибо я, послѣ Бога, имъ отецъ и глава, и никому отчета давать не обязанъ, и не давалъ; и будутъ онѣ волю мою исполнять, то будетъ съ ними мое родительское благословеніе; а не будутъ волю мою исполнять, чего Боже оборони, то постигнетъ ихъ моя родительская неключимая клятва, нынѣ и во-вѣки-вѣковъ аминь!» Харловъ поднялъ листъ высоко надъ головою, Анна тотчасъ проворно опустилась на колѣни, и стукнула объ полъ лбомъ; за ней кувыркнулся и мужъ ея. — «Ну а ты чтожъ?» обратился Харловъ къ Евлампіѣ. Та вся вспыхнула и также поклонилась въ землю; Житковъ нагнулся впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Подпишитесь! выкликнулъ Харловъ, указывая пальцемъ на конецъ листа. Здѣсь: Благодарю и принимаю, Анна! Благодарю и принимаю, Евлампія!

Обѣ дочери встали и подписались одна за другой. Слёткинъ всталъ тоже и полѣзъ-было за перомъ, но Харловъ отстранилъ его, ткнувъ его среднимъ перстомъ въ галстухъ, такъ что онъ іокнулъ. Съ минуту длилось молчаніе. Вдругъ Мартынъ Петровичъ словно всхлипнулъ, и, пробормотавъ: «Ну теперь... всё

ваше!» отодвинулся въ сторону. Дочери и зять переглянулись, подошли къ нему и стали цѣловать его выше локтя. Въ плечо достать они не могли.

XIII.

Исправникъ прочёлъ настоящій, формальный актъ: дарственную запись, составленную Мартыномъ Петровичемъ. Потомъ онъ вмѣстѣ съ стряпчимъ вышелъ на крыльцо и объявилъ собравшимся у воротъ сосѣдямъ, понятымъ, харловскимъ крестьянамъ и нѣсколькимъ дворовымъ людямъ о совершившемся событіи. Начался вводъ во владѣніе новыхъ двухъ помѣщицъ, которыя такъ-же появились на крыльцѣ и на которыхъ исправникъ указывалъ рукою, когда, слегка наморщивъ одну бровь и мгновенно придавъ своему беззаботному лицу видъ грозный, онъ внушалъ крестьянамъ о «послушаніи». Онъ бы могъ обойтись и безъ этихъ внушеній: болѣе смирныхъ физіономій, чѣмъ у харловскихъ крестьянъ, я полагаю, въ природѣ не существуетъ. Облеченные въ худые армяки и прорванные тулупы, но весьма туго подпоясанные, какъ это всегда водится въ торжественныхъ случаяхъ, они стояли неподвижно, какъ каменные, и, какъ только исправникъ испускалъ междометіе въ родѣ: «Слышите, черти! понимаете, дьяволы»! кланялись вдругъ всѣ разомъ, словно по командѣ; каждый изъ «чертей и дьяволовъ» крѣпко держалъ свою шапку обѣими руками и не спускалъ взора съ окна, въ которомъ виднѣлась фигура Мартына Петровича. Не много меньше робѣли и самые понятые. «Вамъ извѣстны какія-либо препятствія, крикнулъ на нихъ исправникъ, ко введенію во владѣніе сихъ единственныхъ и законныхъ наслѣдницъ и дочерей Мяртына Петровича Харлова?»

Всѣ понятые тотчасъ словно съёжились.

— Извѣстны, черти? крикнулъ опять исправникъ.

— Ничего, ваше благородіе, намъ не извѣстно, мужественно отвѣчалъ одинъ корявый старичекъ съ остриженной бородой и усами, отставной солдатъ.

— Ну-да и смѣльчакъ же Еремѣичъ! говорили, расходясь, про него понятые.

Несмотря на просьбы исправника, Харловъ не пожелалъ выдти вмѣстѣ съ дочерьми на крыльцо. Мои подданные и безъ того моей волѣ покорятся! отвѣчалъ онъ. На него, по совершеніи акта, нашло нѣчто въ родѣ грусти. Лицо его снова побѣднѣло. Это новое, небывалое выраженіе грусти такъ мало

шло къ пространнымъ и дебелымъ чертамъ Мартына Петровича, что я рѣшительно не зналъ, что подумать!—Ужъ не меланхолія ли на него находитъ? Крестьяне, очевидно, съ своей стороны такъ же ощущали недоумѣніе. И въ самомъ дѣлѣ: «Баринъ живёхонекъ—вонъ онъ стоитъ, да еще какой баринъ: Мартынъ Петровичъ! И вдругъ онъ ими владѣть не будетъ... Чудеса!» Не знаю, догадался ли Харловъ о томъ, какія мысли бродили въ головахъ его «подданныхъ», захотѣлъ ли онъ въ послѣдній разъ покуражиться, только онъ вдругъ открылъ форточку, приставилъ къ отверстію голову и закричалъ громовымъ голосомъ: «повиноваться!» Потомъ онъ захлопнулъ форточку. Недоумѣніе крестьянъ, конечно, отъ этого не разсѣялось и не уменьшилось. Они еще пуще окаменѣли, и даже какъ-бы перестали глядѣть. Группа дворовыхъ (въ числѣ ихъ находились двѣ здоровенныя дѣвки въ короткихъ ситцахъ и съ такими икрами, подобныхъ которымъ видѣть можно развѣ на страшномъ судилищѣ Микель-Анжело, да еще одинъ уже совсѣмъ ветхій, отъ древности даже запндѣвшій полуслѣпой человѣкъ въ шаршавой фризовой шинели — онъ, по слухамъ, былъ при Потемкинѣ, «валторщикомъ»—казачка Максимку Харловъ себѣ предоставилъ), группа эта выказывала больше оживленія, чѣмъ крестьяне; она, по крайней мѣрѣ, переминалась на мѣстѣ. Сами новыя помѣщицы держались очень важно, особенно Анна. Стиснувъ свои сухія губы, она упорно глядѣла внизъ... не много добраго обѣщала дворовымъ ея строгая фигура. Евлампія тоже не поднимала глазъ; только разъ она обернулась, и, словно съ удивленіемъ, медленно окинула взоромъ своего жениха Житкова, который, вслѣдъ за Слёткинымъ, почелъ нужнымъ такъ-же явиться на крыльцо. «Ты здѣсь съ какого права?», казалось, говорили эти красивые, выпуклые глаза. Слёткинъ—тотъ измѣнился больше всѣхъ. Во всемъ существѣ его проявилась торопливая бодрость, словно аппетитъ его пронималъ; движенія головы, ногъ остались подобострастными по прежнему, но какъ весело расправлялъ онъ руки, какъ хлопотливо передвигалъ лопатками! Наконецъ, молъ, дорвался! Окончивъ «процедуру» ввода во владѣніе, исправникъ, у котораго отъ приближенія закуски даже вода подтекала подъ щеками, потеръ себѣ руки тѣмъ особеннымъ манеромъ, который обыкновенно предшествуетъ «вонзанію» въ себя первой рюмочки; но оказалось, что Мартынъ Петровичъ желалъ сперва отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Священникъ облачился въ старую, еле-живую ризу; еле-живой дьячекъ вышелъ изъ кухни, съ трудомъ раздувая ладонъ въ старомъ мѣдномъ паникадилѣ. Молебенъ начался, Харловъ то и

дѣло вздыхалъ; класть земные поклоны онъ по тучности не могъ, но крестясь правой рукою и наклоняя голову, указывалъ перстомъ лѣвой руки на полъ. Слёткинъ такъ и сіялъ, и даже прослезился; Житковъ благородно, по военному, чуть-чуть помахивалъ пальцами между третьей и четвертой пуговицей мундира; Квицинскій, какъ католикъ, остался въ сосѣдней комнатѣ; за то стряпчій такъ усердно молился, такъ сочувственно вздыхалъ вслѣдъ за Мартыномъ Петровичемъ, и такъ истово шепталъ и жевалъ губами, возводя взоры горѣ, что, глядя на него, я ощутилъ умиленіе и началъ тоже горячо молиться. По окончаніи молебна и водосвятія, причемъ всѣ присутствующіе, даже слѣпой Потёмкинскій «валторщикъ», даже Квицинскій помочили себѣ глаза святой водою, Анна и Евлампія еще разъ, по приказанію Мартына Петровича, благодарили его земно; и тутъ наконецъ наступилъ моментъ завтрака! Кушаній было много и всѣ превкусныя; мы всѣ наѣлись страшно. Появилась неизбѣжная бутылка донского. Исправникъ, какъ человѣкъ, больше всѣхъ насъ знакомый, съ свѣтскими обычаями, ну да и какъ представитель власти, первый провозгласилъ тостъ за здоровье «прекрасныхъ владѣлицъ»! Потомъ онъ же предложилъ намъ выпить за здравіе наипочтеннѣйшаго и наивеликодушнѣйшаго Мартына Петровича! При словѣ: «великодушнѣйшій», Слёткинъ взвизгнулъ и бросился цѣловать своего благодѣтеля... «Ну, хорошо, хорошо, не надо», бормоталъ Харловъ какъ бы съ досадой, отстраняя его локтемъ... Но тутъ произошелъ не совсѣмъ пріятный, какъ говорится, пассажъ.

XIV.

А именно: Сувениръ, который съ самаго начала завтрака пилъ безостановочно, внезапно поднялся, весь красный какъ буракъ, со стула, и указывая пальцемъ на Мартына Петровича, залился своимъ дряблымъ, дряннымъ смѣхомъ.

— Великодушный! Великодушный! затрещалъ онъ — а вотъ мы посмотримъ, по вкусу ли ему самому придется это великодушіе, когда его, раба божія, голой спиной... да на снѣгъ!

— Что ты врешь? дуракъ! презрительно промолвилъ Харловъ.

— Дуракъ! дуракъ! повторилъ Сувениръ. Единому Всевышнему Богу извѣстно, кто изъ насъ обоихъ заправскій-то дуракъ. А вотъ вы, братецъ, сестрицу мою, супругу вашу уморили— за то теперь и самихъ себя похерили... ха-ха-ха!

— Какъ вы смѣете нашего почтеннаго благодѣтеля обижать? запищалъ Слёткинъ и, оторвавшись отъ обхваченнаго плеча Мартына Петровича, ринулся на Сувенира. Да знаете ли, что если нашъ благодѣтель того пожелаетъ, то мы и самый актъ сію минуту уничтожить можемъ?...

— А вы все-таки его голой спиной—на снѣгъ... ввернулъ Сувениръ, стушевавшись за Квицинскаго.

— Молчать! загремѣлъ Харловъ. Прихлопну тебя, такъ только мокро будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты находился. Да и ты молчи, щенокъ! обратился онъ къ Слёткину; не суйся, куда не велятъ! Коли я, Мартынъ Петровъ Харловъ, порѣшилъ оный раздѣльный актъ составить, то кто же можетъ его уничтожить? противъ моей воли пойти? Даже въ свѣтѣ власти такой нѣтъ...

— Мартынъ Петровичъ! заговорилъ вдругъ сочнымъ басомъ стряпчій; онъ тоже выпилъ много, но отъ этого въ немъ только важности прибавилось. Ну, а какъ господинъ помѣщикъ правду сказать изволилъ? Дѣло вы совершили великое, ну, а какъ, сохрани Богъ, дѣйствительно... вмѣсто должной благодарности, да выдетъ какой аффронтъ?

Я глянулъ украдкой на обѣихъ дочерей Мартына Петровича. Анна такъ и впилась глазами въ говорившаго и ужъ, конечно, болѣе злого, змѣинаго и въ самой злобѣ болѣе красиваго лица я не видывалъ! Евлампія отворотилась и руки скрестила; презрительная усмѣшка болѣе чѣмъ когда-нибудь скрутила ея полныя, розовыя губы.

Харловъ поднялся со стула, разинулъ ротъ, но видно языкъ измѣнилъ ему... Онъ вдругъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что все въ комнатѣ подпрыгнуло и задребезжало.

— Батюшка, поспѣшно промолвила Анна; они насъ не знаютъ и потому такъ объ насъ понимаютъ; а вы себѣ не извольте повредить. Напрасно вы гнѣваться изволите; вотъ у васъ личико словно перекосилось.

Харловъ поглядѣлъ на Евлампію; она не шевелилась, хотя сидѣвшій подлѣ нея Житковъ и толкалъ ее подъ-бокъ.

— Спасибо тебѣ, дочь моя Анна, глухо заговорилъ Харловъ; ты у меня разумница; я на тебя надѣюсь и на мужа твоего тоже. Слёткинъ опять визгнулъ; Житковъ выставилъ-было грудь и ногой слегка топнулъ; но Харловъ не замѣтилъ его старанія. —Этотъ шалопай, продолжалъ онъ, указавъ подбородкомъ на Сувенира, радъ дразнить меня; но вамъ, милостивый государь мой, обратился онъ къ стряпчему, вамъ о Мартынѣ Харловѣ судить не приходится, понятіемъ еще не вышли. И чиновный вы человѣкъ, а слова ваши самыя вздорныя. А впрочемъ дѣло сдѣлано, рѣшенію моему отмѣны не будетъ... Ну и счастливо оставаться!

Я уйду. Я здѣсь больше не хозяинъ, я гость. Анна, хлопочи ты, какъ знаешь, а я къ себѣ въ кабинетъ уйду. Довольно!

Мартынъ Петровичъ повернулся къ намъ спиною и, не прибавивъ больше ни слова, медленно вышелъ изъ комнаты.

Внезапное удаленіе хозяина не могло не разстроить нашей компаніи, тѣмъ болѣе что и обѣ хозяйки тоже въ скорости исчезли. Слёткинъ напрасно старался удержать насъ. Исправникъ не преминулъ упрекнуть стряпчаго въ неумѣстной его откровенности.—Нельзя! отвѣчалъ тотъ. Совѣсть заговорила!

— Вотъ и видно, что масонъ, шепнулъ мнѣ Сувениръ.

— Совѣсть! возразилъ исправникъ. Знаемъ мы вашу совѣсть! Также, небось, и у васъ въ карманѣ сидитъ, какъ и у насъ грѣшныхъ!

Священникъ, между тѣмъ, уже стоя на ногахъ, но предчувствуя скорый конецъ трапезы, безпрестанно посылалъ въ ротъ кусокъ за кускомъ.

— А у васъ, я вижу, аппетитъ сильный, рѣзко замѣтилъ ему Слёткинъ.

— Про запасъ, отвѣчалъ священникъ со смиренной ужимкой; застарѣлый голодъ слышался въ этомъ отвѣтѣ.

Застучали экипажи — и мы разъѣхались.

На возвратномъ пути никто не мѣшалъ Сувениру кривляться и болтать, такъ какъ Квицинскій объявилъ, что ему надоѣли всѣ эти «никому не нужныя» безобразія и прежде насъ отправился домой пѣшкомъ. На его мѣсто къ намъ въ карету сѣлъ Житковъ; отставной майоръ имѣлъ весьма недовольный видъ и то и дѣло, какъ тараканъ, поводилъ усами.

— Что, ваше высокоблагородіе, лепеталъ Сувениръ; субординація, знать, подорвана? Погодите, то ли будетъ? Зададутъ феферу и вамъ! Ахъ вы, женишокъ, женишокъ, горе-женишокъ!

Сувенира такъ и разбирало; а бѣдный Житковъ только шевелилъ усами.

Вернувшись домой, я разсказалъ все видѣнное мною матушкѣ. Она выслушала меня до конца и нѣсколько разъ покачала головою.—Не къ добру, промолвила она; не нравятся мнѣ всѣ эти новизны!

XV.

На слѣдующій день Мартынъ Петровичъ пріѣхалъ къ обѣду. Матушка поздравила его съ благополучнымъ окончаніемъ затѣяннаго имъ дѣла.—Ты теперь свободный человѣкъ, сказала она, и долженъ себя легче чувствовать.

— Легче-то-легче, сударыня, отвѣчалъ Мартынъ Петровичъ, нисколько однако не показывая выраженьемъ своего лица, что ему дѣйствительно легче стало. Можно теперь и о душѣ помыслить, и къ смертному часу, какъ слѣдуетъ, приготовиться.

— А что? перебила его матушка; мурашки у тебя по рукѣ все бѣгаютъ?

Харловъ раза два сжалъ и разжалъ ладонь лѣвой руки.—Бѣгаютъ, сударыня; и что я вамъ еще доложу: какъ начну я засыпать, кричитъ кто-то у меня въ головѣ: «берегись», «берегись!»

— Это... нервы, замѣтила матушка и заговорила о вчерашнемъ днѣ, намекнула на нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія совершеніе раздѣльнаго акта...

— Ну да, да, перебилъ ее Харловъ; было тамъ кое-что... неважное. Только вотъ что доложу вамъ, прибавилъ онъ съ разстановкой. Не смутили меня вчерась пустыя Сувенировы слова—даже самъ господинъ стряпчій, хоть и обстоятельный онъ человѣкъ—и тотъ не смутилъ меня; а смутила меня... Тутъ Харловъ запнулся.

— Кто? спросила матушка.

Харловъ вскинулъ на нее глазами:—Евлампія!

— Евлампія? Дочь твоя? Это какимъ образомъ?

— Помилуйте, сударыня—точно каменная! истуканъ истуканомъ! Неужто же она не чувствуетъ? Сестра ея, Анна—ну та все какъ слѣдуетъ. Та—тонкая! А Евлампія—вѣдь я ей—что грѣха таить! много предпочтенія оказывалъ! Неужто же ей не жаль меня? Стало быть мнѣ плохо приходится, стало быть чую я, что не жилецъ я на сей землѣ, коли все имъ отказываю; и точно каменная! хоть бы гукнула! Кланяться—кланяется, а благодарности не видать!

— Вотъ постой, замѣтила матушка, выдадимъ мы ее за Гаврилу Ѳедулыча... у него она помягчѣетъ.

Мартынъ Петровичъ опять изъ-подлобья глянулъ на матушку.—Ну развѣ вотъ Гаврила Ѳедулычъ! Вы, знать, сударыня, на него надѣетесь?

— Надѣюсь.

— Такъ-съ; ну, вамъ лучше знать. А у Евлампіи, доложу вамъ—что у меня, что у ней: нравъ все едино. Казацкая кровь—а сердце, какъ уголь горячій!

— Да развѣ у тебя такое сердце, отецъ мой?

Харловъ не отвѣчалъ. Наступило небольшое молчаніе.

— Что-же ты, Мартынъ Петровичъ, начала матушка, какимъ образомъ намѣренъ теперь душу свою спасать? къ Митрофанію

съѣздишь или въ Кіевъ? или, можетъ быть, въ Оптину пустынь отправишься, такъ какъ она по сосѣдству? Тамъ, говорятъ, такой святой проявился инокъ... Отцомъ Макаріемъ его зовутъ, никто такого и незапомнитъ! Всѣ грѣхи насквозь видитъ.

— Если она точно неблагодарной дочерью окажется, промолвилъ хриплымъ голосомъ Харловъ, такъ мнѣ, кажется, легче будетъ ее изъ собственныхъ рукъ убить!

— Что́ ты! Что̀ ты! Господь съ тобою! Опомнись! воскликнула матушка. Какія ты это рѣчи говоришь? Вотъ то-то вотъ и есть! послушался бы меня намедни, какъ совѣтываться пріѣзжалъ! А теперь вотъ ты себя мучить будешь — вмѣсто того, чтобы о душѣ помышлять! Мучить ты себя будешь — а локтя все-таки не укусишь! Да! Теперь вотъ ты жалуешься, трусишь...

Этотъ упрекъ, казалось, въ самое сердце кольнулъ Харлова. Вся прежняя его гордыня такъ волной и прилила къ нему. Онъ встряхнулся и подбородокъ двинулъ впередъ.

— Не таковскій я человѣкъ, сударыня Наталья Николаевна, чтобы жаловаться или трусить, угрюмо заговорилъ онъ. Я вамъ только, какъ благодѣтельницѣ моей и уважаемой особѣ чувства мои изложить пожелалъ. Но Господь Богъ вѣдаетъ (тутъ онъ поднялъ руку надъ головою), что скорѣе шаръ земной въ раздробленіе придетъ, чѣмъ мнѣ отъ своего слова отступиться, или... (тутъ онъ даже фыркнулъ) или трусить, или раскаяваться въ томъ, что̀ я сдѣлалъ! Значитъ, были причины! А дочери мои изъ повиновенія не выдутъ, во вѣки вѣковъ, аминь!

Матушка зажала уши.—Что это, отецъ, какъ труба трубишь! Коли ты въ самомъ дѣлѣ въ домочадцахъ своихъ такъ увѣренъ, ну и слава тебѣ, Господи! Голову ты мнѣ совсѣмъ размозжилъ!

Мартынъ Петровичъ извинился, вздохнулъ раза два и умолкъ. Матушка опять упомянула о Кіевѣ, объ Оптиной пустынѣ, объ отцѣ Макаріѣ... Харловъ поддакивалъ, говорилъ, что: «Нужно, нужно... надо будетъ... о душѣ...» и только. До самаго отъѣзда онъ не развеселился; отъ времени до времени сжималъ и разжималъ руку, глядѣлъ себѣ на ладонь, говорилъ, что̀ ему страшнѣе всего умереть безъ покаянія, отъ удара, и что онъ зарокъ себѣ далъ: не сердиться, такъ какъ отъ сердца кровь портится и къ головѣ приливаетъ... Притомъ же онъ теперь ото всего отстранился; съ какой стати онъ сердиться будетъ? Пусть другіе теперь трудятся и кровь себѣ портятъ!

Прощаясь съ матушкой, онъ страннымъ образомъ поглядывалъ на нее: задумчиво и вопросительно, и вдругъ быстрымъ движеніемъ выхвативъ изъ кармана томъ «Покоящагося Трудолюбца», сунулъ его матушкѣ въ руки.

— Что такое? спросила она.

— Прочтите... вотъ тутъ, торопливо промолвилъ онъ, гдѣ уголокъ загнутъ, о смерти. Сдается мнѣ, что больно хорошо сказано, а понять никакъ не могу. Не растолкуете ли вы мнѣ, благодѣтельница? Я вотъ вернусь, а вы мнѣ растолкуете.

Съ этими словами Мартынъ Петровичъ вышелъ.

— Неладно! эхъ неладно! замѣтила матушка, какъ только онъ скрылся за дверью — и принялась за «Трудолюбца». На страницѣ, отмѣченной Харловымъ, стояли слѣдующія слова:

«Смерть есть важная и великая работа натуры. Она не что иное, какъ то, что духъ, понеже есть легче, тоньше и гораздо проницательнѣе тѣхъ стихій, коимъ отданъ былъ подъ власть, но и самой электрической силы, то онъ химическимъ образомъ чистится и стремится до тѣхъ поръ, пока не ощутитъ равно духовнаго себѣ мѣста»... и т. д. [1]).

Матушка прочла этотъ пассажикъ раза два, воскликнула: тьфу! — и бросила книгу въ сторону.

Дня три спустя, она получила извѣстіе, что мужъ ея сестры скончался — и, взявъ меня съ собою, отправилась къ ней въ деревню. Матушка располагала провесть у нея мѣсяцъ, но осталась до поздней осени — и мы только въ концѣ сентября вернулись въ нашу деревню.

XVI.

Первое извѣстіе, которымъ встрѣтилъ меня мой камердинеръ Прокофій (онъ же считался господскимъ егеремъ), было то, что вальдшнеповъ налетѣло видимо-невидимо, и что особенно въ березовой рощѣ возлѣ Еськова (харловскаго имѣнія) они такъ и кишатъ. До обѣда оставалось еще часа три; я тотчасъ схватилъ ружье, ягдташъ и вмѣстѣ съ Прокофіемъ и лягавой собакой побѣжалъ въ Еськовскую рощу. Вальдшнеповъ въ ней мы нашли дѣйствительно много — и, выпустивши около тридцати зарядовъ, убили штукъ пять. Спѣша съ добычей домой, я увидѣлъ возлѣ дороги пахавшаго мужика. Лошадь его остановилась и онъ, слезливо и злобно ругаясь, нещадно дергалъ веревочной вожжею ея на бокъ загнутую голову. Я вглядѣлся въ несчастную клячу, у которой рёбра чуть не прорывались наружу и облитые пóтомъ бока судорожно и неровно вздымались, какъ худыя кузнечныя мѣха — и тотчасъ призналъ въ ней старую

[1]) См. «Покоющійся Трудолюбецъ» 1785. Часть 3 я. Стран. 215.

чахлую кобылу со шрамомъ на плечѣ, столько лѣтъ служившую Мартыну Петровичу,

— Г-нъ Харловъ живъ? спросилъ я Прокофія. Охота насъ обоихъ такъ «всецѣло» поглотила, что мы до того мгновенья ни о чемъ другомъ не разговаривали.

— Живъ-съ. А что̀-съ?

— Да вѣдь это его лошадь? Развѣ онъ продалъ её?

— Лошадь, точно, ихняя-съ; только продавать, они ея не продавали; а взяли её у нихъ — да тому мужичку и отдали.

— Ка́къ такъ взяли? И онъ согласился?

— Согласія ихняго не спрашивали-съ. Тутъ безъ васъ порядки пошли, промолвилъ съ легкой усмѣшкой Прокофій въ отвѣтъ на мой удивленный взглядъ — бѣда! Боже ты мой! Теперь у нихъ Слёткинъ господинъ всѣмъ орудуетъ.

— А Мартынъ Петровичъ?

— А Мартынъ Петровичъ самымъ, какъ есть послѣднимъ человѣкомъ сталъ. На сухояденьи сидитъ — чего больше? Порѣшили его совсѣмъ. Того и смотри, съ двора сгонютъ.

Мысль, что можно такого великана *согнать* — никакъ не укладывалась мнѣ въ голову.—А Житковъ-то чего смотритъ? спросилъ я наконецъ. Вѣдь онъ женился на второй дочери?

— Женился? повторилъ Прокофій — и на этотъ разъ усмѣхнулся во весь ротъ. Его и въ домъ-то не пускаютъ. Не надомолъ; поверни, молъ, оглобли назадъ. Сказанное дѣло: Слёткинъ всѣмъ заправляетъ.

— А невѣста-то что̀?

— Евлампія-то Мартыновна? Эхъ, баринъ, сказалъ бы я вамъ... да млады вы суть — вотъ что. Дѣла̀ тутъ подошли такія, что и... и... и! Э! да Діанка-то, кажись, стоитъ!

Дѣйствительно, собака моя остановилась, какъ вкопанная, передъ широкимъ дубовымъ кустомъ, которымъ заканчивался узкій оврагъ, выползавшій на дорогу. Мы съ Прокофіемъ подбѣжали къ собакѣ; изъ куста поднялся вальдшнепъ. Мы оба выстрѣлили по немъ, и промахнулись; вальдшнепъ перемѣстился; мы отправились за нимъ.

Супъ уже былъ на столѣ, когда я вернулся. Матушка побранила меня.—«Что̀ это? сказала она съ неудовольствіемъ; въ первый же день — да къ обѣду ждать себя заставилъ». Я поднесъ ей убитыхъ вальдшнеповъ: она и не посмотрѣла на нихъ. Кромѣ ея, въ комнатѣ находились Сувениръ, Квицинскій и Житковъ. Отставной майоръ забился въ уголъ, ни дать ни взять провинившійся школьникъ; выраженіе его лица являло смѣсь смущенія и досады; глаза его покраснѣли... Можно было даже по-

думать, что онъ не задолго передъ тѣмъ всплакнулъ. Матушка продолжала быть не въ духѣ; мнѣ не стóило большого труда догадаться, что поздній мой приходъ былъ тутъ ни при чемъ. Во время обѣда она почти не разговаривала; майоръ изрѣдка возводилъ на неё жалостные взгляды, кушалъ однако исправно; Сувениръ трепеталъ; Квицинскій сохранялъ обычную увѣренность осанки.

— Викентій Осипычъ, обратилась къ нему матушка;—прошу васъ послать завтра за Мартыномъ Петровичемъ экипажъ, такъ какъ я извѣстилась, что у него своего не стало; и велите ему сказать, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ, что я желаю его видѣть. Квицинскій хотѣлъ-было что-то возразить, но удержался.

И Слёткину дайте знать, продолжала матушка, что я ему приказываю ко мнѣ явиться... Слышите? При...ка...зываю!

— Вотъ ужъ именно... этого негодяя слѣдуетъ... началъ въ полъ-голоса Житковъ; но матушка такъ презрительно на него посмотрѣла, что онъ тотчасъ отворотился и умолкъ.

— Слышите? Я приказываю! повторила матушка.

— Слушаю-съ, покорно, но съ достоинствомъ промолвилъ Квицинскій.

— Не пріѣдетъ Мартынъ Петровичъ! шепнулъ мнѣ Сувениръ, выходя вмѣстѣ со мною послѣ обѣда изъ столовой. Вы посмотрите, что̀ съ нимъ сталось! Уму непостижимо! Я полагаю—онъ, что и говорятъ-то ему — ничего не понимаетъ. Да! Прижали ужа вилами!

И Сувениръ залился своимъ дряблымъ смѣхомъ.

XVII.

Предсказаніе Сувенира оказалось справедливымъ. Мартынъ Петровичъ не захотѣлъ поѣхать къ матушкѣ. Она этимъ не удовольствовалась и отправила къ нему письмо: онъ прислалъ ей четвертушку бумаги, на которой крупными буквами были написаны слѣдующія слова: «Ей-же-ей не могу. Стыдъ убьетъ. Пущай такъ пропадаю. Спасибо. Не мучьте. Харловъ Мартынко». Слёткинъ пріѣхалъ, но̀ не въ тотъ день, когда матушка «приказывала» ему явиться, а цѣлыми сутками позже. Матушка велѣла провести его къ себѣ въ кабинетъ. Богъ вѣдаетъ, о чемъ у нихъ велась бесѣда, но продолжалась она недолго: съ четверть часа, не болѣе. Слёткинъ вышелъ отъ матушки весь красный, и съ такимъ ядовито-злымъ и дерзостнымъ выраженьемъ лица, что, встрѣтившись съ нимъ въ гостинной, я просто остолбенѣлъ, а

тутъ же встрѣтившійся Сувениръ не окончилъ начатого смѣха. Матушка вышла изъ кабинета тоже вся красная въ лицѣ, и объявила во всеуслышаніе, чтобъ г-на Слёткина ни подъ какимъ видомъ къ ней впередъ не допускать; и коли Мартына Петровича дочери вздумаютъ явиться — наглости, дескать, на это у нихъ станетъ — имъ также отказывать. За обѣдомъ она вдругъ воскликнула: «Каковъ дрянной жидёнокъ! Я-жъ его за̀ уши изъ грязи вытащила, я-жъ его въ люди вывела, онъ всѣмъ, всѣмъ мнѣ обязанъ — и онъ смѣетъ мнѣ говорить, что я напрасно въ ихъ дѣла вмѣшиваюсь! Что Мартынъ Петровичъ блажитъ — и что ему потакать невозможно! Потакать! каково? Ахъ, онъ неблагодарный па́щенокъ! Жиденокъ мерзкій»! Майоръ Житковъ, который также находился въ числѣ обѣдавшихъ, вообразилъ, что теперь-то ужъ самъ Богъ ему велѣлъ воспользоваться случаемъ и ввернуть свое слово... но матушка тотчасъ его осадила.—«Ну ужъ и ты хорошъ, мой отецъ! промолвила она. Съ дѣвкой не умѣлъ сладить, а еще офицеръ! Ротой командовалъ! Воображаю, ка̀къ она тебя слушалась! Въ управляющіе метилъ! хорошъ бы вышелъ управляющій»!

Квицинскій, сидѣвшій на концѣ стола, улыбнулся про себя не безъ злорадства, а бѣдный Житковъ только усами повелъ, да брови поднялъ и всѣмъ своимъ волосатымъ лицомъ уткнулся въ салфетку.

Послѣ обѣда онъ вышелъ на крыльцо покурить, по обыкновенію, трубочку — и такимъ онъ мнѣ показался жалкимъ и сиротливымъ, что я, хотя его и не долюбливалъ, однако тутъ присосѣдился къ нему.

— Какъ это у васъ, Гаврила Ѳедулычъ, началъ я безъ дальнихъ околичностей, съ Евлампіей Мартыновной дѣло разстроилось? Я полагалъ—вы давно женились.

Отставной майоръ уныло взглянулъ на меня.

— Злодѣй подколодный, началъ онъ, съ горестной старательностью выговаривая каждую букву каждаго слога — жаломъ своимъ меня уязвилъ и всѣ мои надежды въ жизни — въ прахъ обратилъ! И разсказалъ бы я вамъ, Дмитрій Семеновичъ, всѣ его эхидные поступки, но матушку вашу боюсь прогнѣвить! («Млады вы еще суть» — мелькнуло у меня въ головѣ выраженіе Прокофія). Ужъ и такъ... Житковъ крякнулъ.

— Терпѣть... терпѣть... больше ничего не остается! (Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь). Терпи, старый служака, терпи! Царю служилъ вѣрой правдой... безпорочно... да! Не щадилъ пота-крови, а теперь вотъ до чего довертѣлся! Будь то въ полку—и дѣло отъ меня зависящее—продолжалъ онъ послѣ ко-

роткого молчанія, судорожно насасывая свой черешневый чубучокъ, я-бъ его... я-бъ его фухтелями въ три перемѣны... то-есть, до отвалу...

Житковъ вынулъ трубку изо рта и устремилъ взоръ въ пространство, какъ бы внутренно любуясь вызванной имъ картиной.

Сувениръ подбѣжалъ и началъ шпынять майора. Я отошолъ отъ нихъ въ сторону — и рѣшился, во что бы то ни стало, собственными глазами увидать Мартына Петровича... Дѣтское мое любопытство было сильно задѣто.

XVIII.

На другой день я опять съ ружьемъ и съ собакой, но безъ Прокофія, отправился въ Еськовскую рощу. День выдался чудесный: я думаю, кромѣ Россіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ подобныхъ дней и не бываетъ. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по сухой листвѣ, какъ оторвавшійся сучокъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтки и падалъ наконецъ въ мягкую траву — падалъ навсегда: онъ ужъ не шелохнется, пока не истлѣетъ. Воздухъ ни теплый, ни свѣжій, а только пахучій и словно кисленькій, чуть-чуть, пріятно щипалъ глаза и щеки; тонкая, какъ шелковинка, съ бѣлымъ клубочкомъ по серединѣ, длинная паутина плавно налетала и прильнувъ къ стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху — знакъ постоянной, теплой погоды! Солнце свѣтило, но такъ кротко, хоть бы лунѣ. Вальдшнепы попадались довольно часто; но я не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія; я зналъ, что роща доходила почти до самой усадьбы Харлова, до самаго плетня его сада — и пробирался въ ту сторону — хоть и не могъ себѣ представить, какъ я въ самую усадьбу проникну и даже сомнѣвался въ томъ, слѣдовало ли мнѣ стараться проникнуть туда, такъ какъ матушка моя гнѣвалась на новыхъ владѣльцевъ.

Живые человѣческіе звуки почудились мнѣ въ недальнемъ разстояніи. Я сталъ прислушиваться.... Кто-то шелъ по лѣсу.... прямо на меня.

— Такъ бы ты и сказалъ, послышался женскій голосъ.

— Толкуй! перебилъ другой голосъ—голосъ мужчины. Нешто можно все разомъ?

Голоса были мнѣ знакомы. Женское голубое платье мелькнуло сквозь порѣдѣвшіе орѣховые кусты; рядомъ съ нимъ по-

казался темный кафтанъ. Еще мгновенье — и на поляну, въ пяти шагахъ отъ меня — вышли Слёткинъ и Евлампія.

Оба внезапно смутились. Евлампія тотчасъ отступила назадъ въ кусты. Слёткинъ подумалъ — и приблизился ко мнѣ. На лицѣ его уже не замѣчалось и слѣда того подобострастнаго смиренія, съ которымъ онъ, мѣсяца четыре тому назадъ, расхаживая по двору харловскаго дома, перетиралъ трензель моей лошади; но и того дерзкаго вызова я на немъ прочесть не могъ, того вызова, которымъ это лицо такъ поразило меня наканунѣ, на порогѣ матушкина кабинета. Оно осталось по прежнему бѣлымъ и пригожимъ; но казалось солиднѣй и шире.

— Что́, много вальдшнеповъ закочевало? спросилъ онъ меня, приподнявъ шапку, ухмыляясь и проводя рукою по своимъ чернымъ кудрямъ. Вы въ нашей рощѣ охотитесь.... Милости просимъ! Мы не препятствуемъ.... Напротивъ!

— Сегодня я ничего не убилъ, промолвилъ я, отвѣчая на первый его вопросъ; а изъ рощи вашей я сейчасъ выйду.

Слёткинъ торопливо надѣлъ шапку.—Помилуйте, зачѣмъ же? Мы васъ не гонимъ — и даже очень рады. — Вотъ и Евлампія Мартыновна тоже скажетъ. Евлампія Мартыновна, пожалуйте сюда! Куда вы забились?

Голова Евлампіи показалась изъ-за кустовъ—но она не подошла къ намъ. Она еще похорошѣла за послѣднее время — и словно еще выросла и раздобрѣла.

— Мнѣ признаться сказать, продолжалъ Слёткинъ — даже очень пріятно, что я «встрѣлся» съ вами. Вы хоть еще молоды— но разумъ уже имѣете настоящій. Матушка ваша вчера на меня прогнѣваться изволили — никакихъ отъ меня резоновъ принять не хотѣли—а я, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами доложу: ни въ чемъ я неповиненъ. Съ Мартыномъ Петровичемъ иначе поступать невозможно: совсѣмъ онъ въ младенчество впалъ. Нельзя же намъ исполнять всѣ его капризы, помилуйте. А уваженіе мы ему оказываемъ, какъ слѣдуетъ. Спросите хоть Евлампію Мартыновну.

Евлампія не шевелилась; обычная презрительная улыбка бродила по ея губамъ — и неласково глядѣли красивые глаза.

— Но зачѣмъ же вы, Владиміръ Васильевичъ, Мартынъ Петровичеву лошадь-то продали? Меня особенно смущала эта лошадь, находящаяся во владѣніи мужика.

— Лошадь-то ихнюю зачѣмъ продали-съ? Да помилосердуйте —куда же она годилась? Только сѣно даромъ ѣла. А у мужика она все-таки пахать можетъ. А Мартыну Петровичу—коли вздумается куда выѣхать—стóитъ только у насъ попросить. Мы въ

экипажѣ ему не отказываемъ. Въ нерабочіе дни съ нашимъ удовольствіемъ!

— Владиміръ Васильевичъ! глухо проговорила Евлампія, какъ бы отзывая его и все не сходя съ своего мѣста. Она вертѣла около пальцевъ нѣсколько стеблей подорожника и отсѣкала имъ головки, ударяя ихъ другъ о дружку.

— Вотъ еще на счетъ казачка Максимки, продолжалъ Слёткинъ; Мартынъ Петровичъ жалуется, зачѣмъ молъ мы его у него отняли да въ ученіе отдали. Но извольте сами разсудить: ну что бы онъ сталъ у Мартына Петровича дѣлать? Баклуши бить; больше ничего. И служить-то, какъ слѣдуетъ, онъ не можетъ по причинѣ своей глупости и младыхъ лѣтъ. А теперь мы его къ шорнику въ ученіе отдали. Выдетъ изъ него мастеръ хорошій—и себѣ пользу принесетъ—и намъ будетъ оброкъ платить. А въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ это вещь важная-съ! Въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ ничего упускать не слѣдуетъ!

И этого-то человѣка Мартынъ Петровичъ называлъ тряпкой! подумалъ я. Но кто же теперь Мартыну Петровичу читаетъ? спросилъ я.

— Да что́ читать-то? Была одна книга — да, благо, запропастилась куда-то.... И что́ за чтеніе въ его лѣта!

— А брѣетъ его кто? опять спросилъ я.

Слёткинъ засмѣялся одобрительно, какъ бы въ отвѣтъ на забавную шутку.—Да никто. Сперва онъ себѣ бороду свѣчей подпаливалъ — а теперь и вовсе запустилъ ее. И чудесно!

— Владиміръ Васильевичъ! съ настойчивостью повторила Евлампія; а, Владиміръ Васильевичъ!

Слёткинъ сдѣлалъ ей знакъ рукою.

— Обутъ, одѣтъ Мартынъ Петровичъ, кушаетъ тоже что и мы; чего жъ ему еще? Самъ же онъ увѣрялъ, что больше ничего въ семъ мірѣ не желаетъ, какъ только о душѣ своей заботиться. Хоть бы онъ то сообразилъ, что теперь все—какъ ни какъ — а наше. Говоритъ тоже, что жалованье мы ему не выдаемъ; да у насъ самихъ деньги не всегда бываютъ: и на что онѣ ему, когда на всемъ готовомъ живетъ? А мы съ нимъ по родственному обращаемся: истинно вамъ говорю. Комнаты, напримѣръ, въ которыхъ онъ жительство имѣетъ—ужъ какъ намъ нужны! безъ нихъ, просто, повернуться нѣгдѣ; а мы—ничего!—терпимъ. Даже о томъ помышляемъ, какъ бы ему развлеченіе доставить. Вотъ я къ Петрову дню а-атличные крючки въ городѣ ему купилъ — настоящіе англійскіе: дорогіе крючки! чтобы рыбу удить. У насъ въ пруду караси водятся. Сидѣлъ бы — да

удилъ! часикъ, другой, посидѣлъ — анъ ушица и готова. Самое для старичковъ степенное занятіе!

— Владиміръ Васильичъ! въ третій разъ, рѣшительнымъ тономъ проговорила Евлампія и отбросила далеко отъ себя прочь травяные стебли, которые вертѣла въ пальцахъ. Я уйду! Ея глаза встрѣтились съ моими. Я уйду, Владиміръ Васильичъ! повторила она — и скрылась за кустъ.

— Я сейчасъ, Евлампія Мартыновна, сейчасъ! крикнулъ Слёткинъ. Самъ Мартынъ Петровичъ теперь насъ одобряетъ продолжалъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ. Сперва онъ обижался, точно, и даже ропталъ, пока, знаете, не вникъ: человѣкъ онъ былъ, вы изволите помнить, горячій, крутой—бѣда! ну, а нынѣ совсѣмъ тихъ сталъ. Потому—пользу свою увидѣлъ. Маменька ваша—и Боже ты мой! какъ опрокинулась на меня.... Извѣстно: барыня, властью своею дорожитъ тоже, не хуже какъ, бывало, Мартынъ Петровичъ; ну, а вы зайдите сами, посмотрите — да при случаѣ и замолвите словечко. Я Натальи Николаевны благодѣянье очень чувствую; однако надо же жить и намъ.

— А Житкову какъ же отказано было? спросилъ я.

— Ѳедулычу-то? Талагаю-то этому? Слёткинъ плечами пожалъ. Да помилуйте, на что же онъ могъ быть нуженъ? Вѣкъ свой въ солдатахъ числился—а тутъ хозяйствомъ заняться вздумалъ. Я, говоритъ, могу съ крестьяниномъ расправу чинить. Потому, я привыкъ по рожѣ бить. Ничего-съ онъ не можетъ. И по рожѣ бить нужно умѣючи. А Евлампія Мартыновна сама ему отказала. Совсѣмъ не подходящій человѣкъ. Все наше хозяйство съ нимъ бы пропало!

— Ау! раздался звучный голосъ Евлампіи.

— Сейчасъ! сейчасъ! отозвался Слёткинъ. Онъ протянулъ мнѣ руку; я, хоть и неохотно, а пожалъ ее.

— Прощенія просимъ, Дмитрій Семеновичъ, проговорилъ Слёткинъ, выказывая всѣ свои бѣлые зубы. Стрѣляйте себѣ вальдшнеповъ на здоровье; птица прилетная, никому не принадлежащая; ну, а коли зайчикъ вамъ попадется—вы ужъ его пощадите: это добыча—наша. Да вотъ еще: не будетъ ли у васъ щеночка отъ вашей сучки? Очень бы одолжили!

— Ау! раздался снова голосъ Евлампіи.

— Ау! ау! отозвался Слёткинъ и бросился въ кусты.

XIX.

Помнится, когда я остался одинъ, меня занимала мысль: какъ это Харловъ не прихлопнулъ Слёткина такъ, чтобы только мокро было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился—и какъ это Слёткинъ не страшился подобной участи? Видно Мартынъ Петровичъ точно «тихъ» сталъ — подумалось мнѣ — и еще сильнѣй захотѣлось пробраться въ Еськово и хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на того колосса, котораго я никакъ не могъ вообразить себѣ загнаннымъ и смирнымъ. Я достигнулъ уже опушки—какъ вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ, съ сильнымъ трескомъ крылъ, выскочилъ крупный вальдшнепъ и помчался въ глубь рощи. Я прицѣлился; ружье мое осѣклось. Очень мнѣ стало досадно: птица ужъ больно была хороша, и я рѣшился попытаться, не подниму ли я ея снова? Я пошелъ въ направленіи ея полета—и отойдя шаговъ двѣсти, увидѣлъ на небольшой лужайкѣ, подъ развѣсистой березой—не вальдшнепа—а того же господина Слёткина. Онъ лежалъ на спинѣ, заложивъ обѣ руки подъ голову и съ довольной улыбкой поглядывалъ вверхъ, въ небо, слегка покачивая лѣвой ногой, закинутой на правое колѣно. Онъ не замѣтилъ моего приближенія. По лужайкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, медленно, съ опущенными глазами, похаживала Евлампія; казалось, она искала чего-то въ травѣ—грибовъ, что́-ли—изрѣдка наклонялась, протягивала руку—и напѣвала въ полголоса. Я остановился тотчасъ и сталъ прислушиваться. Сперва я не могъ понять, что́ это она такое поетъ, но потомъ я хорошо призналъ слѣдующіе, извѣстные стихи старинной пѣсни:

«Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
Ты убей-ка, ты убей тестя-батюшку,
Ты громи-ка, ты громи тёщу-матушку,
А молодую-то жену я и самъ убью!»

Евлампія пѣла все громче и громче; особенно сильно протянула она послѣднія слова. Слёткинъ все лежалъ на спинѣ да посмѣивался, а она все какъ будто кружила около него.

— Вишь ты! промолвилъ онъ наконецъ. И чего имъ только въ голову не взбредетъ!

— А что? спросила Евлампія.

Слёткинъ слегка приподнялъ голову.—Что́? Какія ты это рѣчи произносишь?

— Изъ пѣсни, Володя, ты самъ знаешь, слова не выкинешь—отвѣчала Евлампія—обернулась—и увидѣла меня. Мы оба разомъ вскрикнули и оба бросились въ разныя стороны.

Что сказалъ Слёткинъ — я не знаю — но я поспѣшно выбрался изъ рощи — и перейдя узенькую полянку, очутился передъ харловскимъ садомъ.

XX.

Мнѣ некогда — да и не къ чему было размышлять о томъ, что я увидѣлъ. Только вспомнилось мнѣ слово: «присуха», которое я недавно передъ тѣмъ узналъ, и значенію котораго я много дивился. Я пошелъ вдоль садоваго плетня и черезъ нѣсколько мгновеній, изъ-за серебристыхъ тополей (они еще не потеряли ни одного листа и пышно ширились и блестѣли) увидалъ дворъ и флигеля Мартына Петровича. Вся усадьба показалась мнѣ подчищенной и подтянутой; всюду замѣчались слѣды постояннаго и строгаго надзора. Анна Мартыновна появилась на крыльцѣ, и прищуривъ свои блѣдно-голубые глаза, долго глядѣла въ направленіи рощи.

— Барина видѣлъ? спросила она проходившаго по двору мужика.

— Владиміръ Васильича? отвѣчалъ тотъ, схвативъ съ головы шапку. Онъ никакъ въ рощу пошолъ.

— Знаю, что въ рощу. Не вернулся онъ? Не видалъ его?

— Не видалъ.... нѣтути.

Мужикъ продолжалъ стоять безъ шапки передъ Анной Мартыновной.

— Ну, ступай, проговорила она. Или нѣтъ.... постой. Мартынъ Петровичъ гдѣ? Знаешь?

— А Мартынъ эвто Петровичъ, отвѣчалъ мужикъ нѣвучимъ голосомъ, поперемѣнно приподнимая то правую, то лѣвую руку, словно показывая куда-то — сидитъ тамотка у пруда, съ удою. Въ камышѣ сидитъ и съ удою. Рыбу, что-ль, ловитъ, Богъ его знаетъ.

— Хорошо.... Ступай, повторила Анна Мартыновна; да подбери колесо, вишь валяется.

Мужикъ побѣжалъ исполнять ея приказаніе, а она постояла еще нѣсколько минутъ на крыльцѣ и все смотрѣла въ направленіи рощи. Потомъ она тихонько погрозилась одной рукой и медленно вернулась въ домъ. «Аксютка»! раздался ея повелительный голосъ за дверью.

Анна Мартыновна имѣла видъ раздраженный и какъ-то особенно крѣпко сжимала свои и безъ того тонкія губы. Одѣта она была небрежно и прядь развитой косы падала ей на плечо.

Но несмотря ни на небрежность ея одежды, ни на ея раздраженіе она по прежнему казалась мнѣ привлекательной, и я съ великой охотой поцѣловалъ бы ея узкую, тоже какъ будто злую руку, которою она раза два съ досадой откинула ту развитую прядь.

XXI.

«Неужели же Мартынъ Петровичъ и впрямь сталъ рыболовомъ»? спрашивалъ я самого себя, направляясь къ пруду, находившемуся по ту сторону сада. Я взошелъ на плотину, глянулъ туда, сюда.... Нигдѣ Мартына Петровича не было видно. Я отправился вдоль одного изъ береговъ пруда — и наконецъ, въ самой почти его головѣ, у небольшого залива, посреди плоскихъ и поломанныхъ стеблей порыжѣлаго камыша увидѣлъ громадную, сѣроватую глыбу.... Я присмотрѣлся: это былъ Харловъ. Безъ шапки, взъерошенный, въ прорванномъ по швамъ холстинномъ кафтанѣ, поджавъ подъ себя ноги, онъ сидѣлъ неподвижно на голой землѣ; такъ неподвижно сидѣлъ онъ, что куличокъ-песочникъ, при моемъ приближеніи, сорвался съ высохшей тины въ двухъ шагахъ отъ него — и полетѣлъ, дрыгая крылышками и посвистывая, надъ водной гладью. Стало-быть, уже давно никто въ его близости не шевелился и не пугалъ его. Вся фигура Харлова до того была необычайна, что собака моя, какъ только увидала его, круто уперлась, поджала хвостъ и зарычала. Онъ чуть-чуть повернулъ голову и уставилъ на меня и на мою собаку свои одичалые глаза. Много его мѣняла борода, хотя короткая, но густая курчавая, въ бѣлыхъ вихрахъ, на подобіе смушекъ. Въ правой его рукѣ лежалъ конецъ удилища, другой конецъ слабо колыхался на водѣ. Сердце у меня невольно іокнуло; однако я собрался съ духомъ, подошелъ къ нему и поздоровался съ нимъ. Онъ медленно заморгалъ, словно съ просонья.

— Что́ это вы, Мартынъ Петровичъ, началъ я, рыбу здѣсь ловите.

— Да.... рыбу, отвѣчалъ онъ сиплымъ голосомъ—и дернулъ къ верху удилище, на концѣ котораго болтался обрывокъ нитки въ аршинъ — и безъ крючка.

— У васъ лѣса́ о́рвана, замѣтилъ я и тутъ же увидалъ, что возлѣ Мартына Петровича ни лейки не оказывалось, ни червей.... И какая могла быть ловля въ сентябрѣ?!

— Порвана? промолвилъ онъ и провелъ рукой по лицу. Но это все едино!

Онъ снова закинулъ свою удочку.

— Натальи Николаевны сынокъ? спросилъ онъ меня, спустя минуты двѣ, въ теченіи которыхъ я не безъ тайнаго изумленія его разсматривалъ. Онъ хотя и похудѣлъ сильно, однако все-таки казался исполиномъ; но въ какое онъ былъ одѣтъ рубище, и какъ опустился весь!

— Точно-такъ, отвѣчалъ я, я сынъ Натальи Николаевны Б.

— Здравствуетъ?

— Матушка моя здорова. Она очень огорчилась вашимъ отказомъ, прибавилъ я; она никакъ не ожидала, что вы не захотите къ ней пріѣхать.

Мартынъ Петровичъ понурился.—А былъ ты... тамъ? спросилъ онъ, качнувъ въ сторону головою.

— Гдѣ?

— Тамъ... на усадьбѣ. Не былъ? Сходи. Что тебѣ здѣсь дѣлать? Сходи. Разговаривать со мной нѣчего. Не люблю.

Онъ помолчалъ.

— Тебѣ бы все съ ружьемъ баловаться! Въ младыхъ лѣтахъ будучи и я по этой дорожкѣ бѣгалъ. Только отецъ у меня... а я его уважалъ, во-какъ! не то что нынѣшніе. Отхлесталъ отецъ меня арапникомъ—и шабашъ! Полно баловаться! Почему я его уважалъ... У!... Да...

Харловъ опять помолчалъ.

— А ты здѣсь не оставайся — началъ онъ снова. Ты на усадьбу сходи. Тамъ теперь хозяйство идетъ на славу. Володька... Тутъ онъ на мигъ запнулся. Володька у меня на всѣ руки. Молодецъ! ну да и бестія же!

Я не зналъ, что сказать. Мартынъ Петровичъ говорилъ очень спокойно.

— И дочерей посмотри. Ты, чай, помнишь, у меня были дочери. Онѣ тоже хозяйки.... ловкія. А я старъ становлюсь, братъ; отстранился. На покой, знаешь

(Хорошъ покой! подумалъ я, взглянувъ кругомъ).—Мартынъ Петровичъ! промолвилъ я вслухъ Вамъ непремѣнно надо къ намъ пріѣхать.

Харловъ глянулъ на меня. Ступай, братъ, прочь; вотъ что.

— Не огорчайте маменьку; пріѣзжайте.

— Ступай, братъ, ступай, твердилъ Харловъ. Что тебѣ со мной разговаривать?

— Если у васъ экипажа нѣтъ, маменька вамъ свой пришлетъ.

— Ступай!

— Да право же, Мартынъ Петровичъ!

Харловъ опять понурился — и мнѣ показалось, что его потемнѣвшія, какъ бы землей перекрытыя щеки слегка покраснѣли.

— Право, пріѣзжайте, продолжалъ я. Что вамъ тутъ сидѣть-то? Себя мучить?

— Какъ такъ мучить... промолвилъ онъ съ разстановкой.

— Да такъ же — мучить! повторилъ я.

Харловъ замолчалъ и словно въ думу погрузился.

Ободренный этимъ молчаньемъ, я рѣшился быть откровеннымъ, дѣйствовать прямо, на чистоту. (Не забудьте—мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ).

— Мартынъ Петровичъ! началъ я, усаживаясь возлѣ него. Я вѣдь все знаю, рѣшительно все! Я знаю, какъ вашъ зять съ вами поступаетъ — конечно съ согласія вашихъ дочерей. И теперь вы въ такомъ положеніи... Но зачѣмъ же унывать?

Харловъ все молчалъ и только удочку уронилъ; а я-то какимъ умницей, какимъ философомъ я себя чувствовалъ!

— Конечно, заговорилъ я снова, вы поступили неосторожно, что все отдали вашимъ дочерямъ. Это было очень великодушно съ вашей стороны—и я васъ упрекать не стану. Въ наше время это слишкомъ рѣдкая черта! Но если ваши дочери такъ неблагодарны—то вамъ слѣдуетъ оказать презрѣніе... именно презрѣніе... и не тосковать...

— Оставь! прошепталъ вдругъ Харловъ со скрежетомъ зубовъ и глаза его, уставленные на прудъ, засверкали злобно... Уйди!

— Но, Мартынъ Петровичъ...

— Уйди, говорятъ... а то́ убью!

Я-было совсѣмъ пододвинулся къ нему; но при этомъ послѣднемъ словѣ невольно вскочилъ на ноги.—Что вы такое сказали, Мартынъ Петровичъ?

— Убью, говорятъ тебѣ: уйди! Дикимъ стономъ, ревомъ вырвался голосъ изъ груди Харлова, но онъ не оборачивалъ головы и продолжалъ съ яростью смотрѣть прямо передъ собой.—Возьму да брошу тебя со всѣми твоими дурацкими совѣтами въ воду—вотъ ты будешь знать, какъ старыхъ людей безпокоить, молокососъ! — «Онъ съ ума сошолъ!» мелькнуло у меня въ головѣ.

Я взглянулъ на него попристальнѣе и остолбенѣлъ окончательно: Мартынъ Петровичъ плакалъ!! Слезинка за слезинкой катилась съ его рѣсницъ по щекамъ... а лицо приняло выраженіе совсѣмъ свирѣпое...

— Уйди! закричалъ онъ еще разъ—а то убью тебя, ей-богу! чтобы другимъ повадно не было!

Онъ дрыгнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ-то въ бокъ и оскалился

точно кабанъ; я схватилъ ружье и бросился бѣжать. Собака съ лаемъ пустилась вслѣдъ за мною. И она тоже испугалась.

Вернувшись домой, я, разумѣется, матушкѣ ни единымъ словомъ не намекнулъ на то, что видѣлъ: но встрѣтившись съ Сувениромъ, я — чортъ знаетъ почему, разсказалъ ему все. Этотъ противный человѣкъ до того обрадовался моему разсказу, такъ визгливо хохоталъ и даже прыгалъ, что я чуть не побилъ его.

— Эхъ! посмотрѣлъ бы я, твердилъ онъ, задыхаясь отъ смѣха, какъ этотъ идолъ, вшедъ Харлусъ, залѣзъ въ тину-бы и сидѣлъ въ ней...

— Сходите къ нему на прудъ, коли вамъ такъ любопытно.

— Да; а какъ убьетъ?

Очень мнѣ надоѣлъ Сувениръ и раскаивался я въ своей неумѣстной болтливости... Житковъ, которому онъ передалъ мой разсказъ, взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе.

— Придется къ полиціи обратиться, рѣшилъ онъ; а пожалуй, и за воинской командой нужно будетъ послать.

Предчувствіе его на счетъ воинской команды не сбылось;— но произошло дѣйствительно нѣчто необыкновенное.

XXII.

Въ половинѣ октября, недѣли три спустя послѣ моего свиданія съ Мартыномъ Петровичемъ, я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома — и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода уже пятый день стояла отвратительная; объ охотѣ невозможно было и помышлять. Все живое поспряталось; даже воробьи притихли, а грачи давно пропали. Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безо-всякаго просвѣту небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ — и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе — и съ визгомъ расплывался по стекламъ. Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что было съ нихъ взять—а вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ—да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ. Грязь по дорогамъ стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу—и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно—не грустно. Казалось,

уже никогда не будетъ на свѣтѣ ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть и слизь, и сѣрая мокрота и сырость кислая — и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть! Вотъ стоялъ я, такъ-то въ раздумьи у окна—и помню я темнота набѣжала внезапная, синяя темнота—хотя часы показывали всего двѣнадцать. Вдругъ мнѣ почудилось, что черезъ нашъ дворъ — отъ воротъ къ крыльцу, промчался медвѣдь! Правда не на четверенькахъ — а такой, какимъ его рисуютъ, когда онъ поднимается на заднія лапы. Я глазамъ не вѣрилъ. Если и не медвѣдя я увидалъ, то во всякомъ случаѣ, что-то громадное, черное, шаршавое.... Не успѣлъ я еще сообразить, что́-бъ это могло быть, какъ вдругъ раздался внизу неистовый стукъ. Казалось, что-то совсѣмъ неожиданное, что-то страшное ввалилось въ нашъ домъ. Поднялась суета, бѣготня....

Я проворно спустился съ лѣстницы, вскочилъ въ столовую...

Въ дверяхъ гостинной, лицомъ ко мнѣ, стояла, какъ вкопанная, моя матушка; за ней виднѣлось нѣсколько испуганныхъ женскихъ лицъ; дворецкій, два лакея, казачекъ съ раскрытыми отъ изумленія ртами—тискались у двери въ переднюю; а посреди столовой, покрытое грязью, растрепанное, растерзанное, мокрое—мокрое до того, что паръ поднимался кругомъ и вода струйками бѣжала по полу, стояло на колѣняхъ, грузно колыхаясь и какъ бы замирая, то самое чудовище, которое въ моихъ глазахъ промчалось черезъ дворъ! И кто же былъ это чудовище? Харловъ! Я зашолъ съ боку и увидалъ—не лицо его—а голову, которую онъ обхватилъ ладонями по слѣпленнымъ грязью волосамъ. Онъ дышалъ тяжело, судорожно; что-то даже клокотало въ его груди—и на всей этой забрызганной, темной массѣ только и можно было различить явственно, что крошечные, дико блуждавшіе бѣлки глазъ. Онъ былъ ужасенъ! Вспомнился мнѣ сановникъ, котораго онъ нѣкогда оборвалъ за сравненіе съ мастодонтомъ. Дѣйствительно: такой видъ должно было имѣть допотопное животное, только что спасшееся отъ другого сильнѣйшаго звѣря, напавшаго на него среди вѣковѣчнаго ила первобытныхъ болотъ.

— Мартынъ Петровичъ! воскликнула наконецъ матушка и руками всплеснула. Ты ли это? Господи Боже милостивый!

— Я... я... послышался прерывистый голосъ, какъ бы съ усиліемъ и болью выпиралъ каждый звукъ—охъ! Я!

— Но что́ это съ тобою, Господи?!

— Наталья Николав... на... я къ вамъ... прямо изъ дому бѣ... жалъ пѣшкомъ...

— По этакой грязи! Да ты на человѣка не похожъ. Встань, сядь по крайней мѣрѣ... А вы, обратилась она къ горничнымъ,

поскорѣй сбѣгайте за полотенцами. Да нѣтъ ли какого сухого платья? спросила она дворецкаго.

Дворецкій показалъ руками, что гдѣ же-молъ на такой ростъ?... А впрочемъ одѣяло можно принести, доложилъ онъ; не то попона есть новая.

— Да встань же, встань, Мартынъ Петровичъ, сядь! повторяла матушка.

— Выгнали меня, сударыня, простоналъ вдругъ Харловъ—и голову назадъ закинулъ и руки протянулъ впередъ. Выгнали, Наталья Николаевна! Родныя дочери изъ моего же родного пепелища....

Матушка ахнула.

— Что ты говоришь! Выгнали! Экой грѣхъ! экой грѣхъ! (Она перекрестилась.) Только встань ты, Мартынъ Петровичъ, сдѣлай милость!

Двѣ горничныя вошли съ полотенцами и остановились передъ Харловымъ. Видно было, что онѣ и придумать не могли, какъ имъ приступиться къ этакой уймѣ грязи.—Выгнали, сударыня, выгнали, твердилъ между тѣмъ Харловъ. — Дворецкій вернулся съ большимъ шерстянымъ одѣяломъ, и тоже остановился въ недоумѣніи. Головка Сувенира высунулась изъ-за двери и исчезла.

— Мартынъ Петровичъ! Встань! Сядь! и разскажи мнѣ все по порядку, рѣшительнымъ тономъ скомандовала матушка.

Харловъ приподнялся.—Дворецкій хотѣлъ-было ему помочь, но только руку замаралъ и, встряхивая пальцами, отступилъ къ двери.—Переваливаясь и шатаясь, Харловъ добрался до стула и сѣлъ. Горничныя опять приблизились къ нему съ полотенцами, но онъ отстранилъ ихъ движеніемъ руки и отъ одѣяла отказался. Впрочемъ, матушка сама не стала настаивать: обсушить Харлова очевидно не было возможности; только слѣды его на полу на-скоро подтерли.

XXIII.

— Какъ же это тебя выгнали? спросила матушка Харлова, какъ только онъ немного «отдышался».

— Сударыня! Наталья Николаевна! началъ онъ напряженнымъ голосомъ—и опять поразила меня безпокойная бѣготня его бѣлковъ;—буду правду говорить: больше всѣхъ виноватъ я самъ!

— То-то вотъ; не хотѣлъ ты меня тогда послушаться—промолвила матушка, опускаясь на кресло и слегка помахивая

передъ носомъ надушеннымъ платкомъ: очень уже разило отъ Харлова... въ лѣсномъ болотѣ не такъ сильно пахнетъ.

— Охъ, не тѣмъ я провинился, сударыня, а гордостью. Гордость погубила меня, не хуже царя Навуходоносора. Думалъ я: не обидѣлъ меня Господь Богъ умомъ-разумомъ; коли я что рѣшилъ—стало, такъ и слѣдуетъ... а тутъ страхъ смерти подошелъ... Вовсе я сбился! Покажу-молъ я на послѣдкахъ силу да власть свою! Награжу—а они должны по гробъ чувствовать... Харловъ вдругъ весь всколыхался... Какъ пса паршиваго пинькомъ изъ дому вонъ! Вотъ ихъ какова благодарность!

— Но какимъ же образомъ—опять (начала-было матушка...

— Казачка Максимку отъ меня взяли, перебилъ ее Харловъ (глаза его продолжали бѣгать, обѣ руки онъ держалъ у подбородка—пальцы въ пальцы), экипажъ отняли, мѣсячину урѣзали, жалованья выговореннаго не платили — кругомъ, какъ есть, окорнали—я все молчалъ, все терпѣлъ! И терпѣлъ я по причинѣ... охъ! опять-таки гордости моей. Чтобы не говорили враги мои лютые: вотъ-молъ, старый дуракъ, теперь кается; да и вы, сударыня, помните, меня предостерегали: локтя-молъ своего не укусишь! Вотъ я и терпѣлъ... Только сегодня прихожу я къ себѣ въ комнату—а ужъ она занята—и постельку мою въ чуланъ выкинули! Можешь-де и тамъ спать; тебя и такъ за милость терпятъ; намъ-де твоя комната нужна для хозяйства. И это мнѣ говоритъ—кто же?! Володька Слёткинъ, смердъ, паскуд...

Голосъ Харлова оборвался.

— Но дочери-то твои? Онѣ-то что же? спросила матушка.

— А я все терпѣлъ, продолжалъ Харловъ свое повѣствованіе; горько, горько мнѣ было во-какъ, и стыдно... Не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій! Отъ того я и къ вамъ, матушка, поѣхать не захотѣлъ—отъ этого отъ самаго отъ стыда, отъ страму! Вѣдь я, матушка моя, все перепробовалъ: и лаской, и угрозой, и усовѣщевалъ-то ихъ и что́ ужъ! кланялся... вотъ такъ-то. Харловъ показалъ, какъ онъ кланялся. И все понапрасну! И все то я терпѣлъ! Съ началу-то, на первыхъ-то порахъ, не такія у меня мысли были: возьму-молъ, перебью, перешвыряю всѣхъ, чтобы и на сѣмена не осталось... Будутъ знать! Ну, а потомъ—покорился! Крестъ, думаю, мнѣ посланъ; къ смерти, значитъ, приготовиться надо. И вдругъ сегодня, какъ пса! И кто же? Володька! А что́ вы о дочеряхъ спрашивать изволили, то развѣ въ нихъ есть какая своя воля? Володькины холопки! Да!

Матушка удивилась.—Про Анну я еще это понять могу; она—жена... Но съ какой-стати вторая-то твоя...

— Евлампія-то? Хуже Анны! Вся, какъ есть, совсѣмъ въ

Володькины руки отдалась. По той причинѣ она и вашему солдату-то отказала. По его, по Володькину, приказу. Аннѣ—видимое дѣло—слѣдовало бы обидѣться, да она и терпѣть сестры не можетъ—а покоряется! Околдовалъ, проклятый! Да ей же, Аннѣ, вишь, думать пріятно, что вотъ-молъ, ты, Евлампія, какая всегда была гордая, а теперь вонъ что изъ тебя стало!... О... охъ, охъ! Боже мой, Боже!

Матушка съ безпокойствомъ посмотрѣла на меня. Я отошелъ немножко въ сторону, изъ предосторожности, какъ бы меня не выслали...

— Очень сожалѣю, Мартынъ Петровичъ, начала она, что мой бывшій воспитанникъ причинилъ тебѣ столько горя и такимъ нехорошимъ человѣкомъ оказался; но вѣдь и я въ немъ ошиблась... Кто могъ это ожидать отъ него!

— Сударыня! простоналъ Харловъ и ударилъ себя въ грудь. Не могу я снести неблагодарность моихъ дочерей! Не могу, сударыня! Вѣдь я имъ все, все отдалъ! И къ тому же совѣсть меня замучила. Много... охъ! много передумалъ я, у пруда сидючи да рыбу удучи! «Хоть бы ты пользу кому въ жизни сдѣлалъ! размышлялъ я такъ-то; бѣдныхъ награждалъ, крестьянъ на волю отпустилъ что-ли, за то, что вѣкъ ихъ заѣдалъ! Вѣдь ты передъ Богомъ за нихъ отвѣтчикъ! Вотъ когда тебѣ отливаются ихъ слезки!» И какая теперь ихъ судьба: была яма глубока и при мнѣ—что грѣха таить—а теперь и дна не видать! Эти всѣ грѣхи я на душу взялъ, совѣстью для дѣтей пожертвовалъ, а мнѣ за это шишъ! Изъ дому меня пинькомъ, какъ пса!

— Полно объ этомъ думать, Мартынъ Петровичъ, замѣтила матушка...

— И какъ онъ мнѣ сказалъ, вашъ-то Володька—съ новой силой подхватилъ Харловъ—какъ сказалъ онъ мнѣ, что мнѣ въ моей горенкѣ больше не жить, а я въ самой той горенкѣ каждое бревнышко собственными руками клалъ—какъ сказалъ онъ мнѣ это — и Богъ знаетъ, что со мной приключилось! Въ головушкѣ помутилось, по сердцу какъ ножомъ... Ну! либо его зарѣзать, либо изъ дому вонъ!... Вотъ я и побѣжалъ къ вамъ, благодѣтельница моя, Наталья Николаевна... и куды-жъ мнѣ было голову приклонить? А тутъ дождь, слякоть... Я, можетъ, разъ двадцать упалъ! И теперь... въ этакомъ безобразіи...

Харловъ окинулъ себя взглядомъ и завозился на стулѣ, словно встать собирался.

— Полно тебѣ, полно, Мартынъ Петровичъ—поспѣшно проговорила матушка; какая въ томъ бѣда? Что ты полъ-то зама-

ралъ? Эка важность! А я вотъ какое хочу тебѣ предложеніе сдѣлать. Слушай! Отведутъ тебя теперь въ особую комнату, постель дадутъ чистую—ты раздѣнься, умойся, да прилягъ и усни...

— Матушка Наталья Николаевна! Не уснуть мнѣ! уныло промолвилъ Харловъ. Въ мозгахъ-то словно молотами стучитъ! Вѣдь меня, какъ тварь непотребную...

— Лягъ, усни, настойчиво повторила матушка. А потомъ мы тебя чаемъ напóимъ—ну и потолкуемъ съ тобою. Не унывай, пріятель старинный! Если тебя изъ *твоего* дома выгнали, въ *моемъ* домѣ ты всегда найдешь себѣ пріютъ... Я вѣдь не забыла, что ты мнѣ жизнь спасъ.

— Благодѣтельница! простоналъ Харловъ и закрылъ лицо руками... Спасите *вы* меня теперь!

Это воззваніе тронуло мою матушку почти до слезъ.—Охотно готова тебѣ помочь, Мартынъ Петровичъ, всѣмъ, чѣмъ только могу; но ты долженъ обѣщать мнѣ, что будешь впередъ меня слушаться и всякія недобрыя мысли прочь отъ себя отгонишь.

Харловъ принялъ руки отъ лица.—Коли нужно, промолвилъ онъ, я вѣдь и простить могу!

Матушка одобрительно кивнула головою.—Очень мнѣ пріятно видѣть тебя въ такомъ истинно-христіанскомъ расположеніи духа, Мартынъ Петровичъ; но рѣчь объ этомъ впереди. Пока, приведи ты себя въ порядокъ—а главное, усни. Отведи ты Мартына Петровича въ зеленый кабинетъ покойнаго барина, обратилась матушка къ дворецкому и что онъ только потребуетъ, чтобы сію минуту было! Платье его прикажи высушить и вычистить—а бѣлье, какое понадобится, спроси у кастеляншн—слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ дворецкій.

— А какъ онъ проснется, мѣрку съ него прикажи снять портному; да бороду надо будетъ сбрить. Не сейчасъ, а послѣ.

— Слушаю, повторилъ дворецкій. Мартынъ Петровичъ, пожалуйте. Харловъ поднялся, посмотрѣлъ на матушку, хотѣлъ было подойти къ ней, но остановился, отвѣсилъ поясной поклонъ, перекрестился трижды на образъ и пошелъ за дворецкимъ. Вслѣдъ за ними и я выскользнулъ изъ комнаты.

XXIV.

Дворецкій привелъ Харлова въ зеленый кабинетъ и тотчасъ побѣжалъ за кастеляншей, такъ какъ бѣлья на постели не оказалось. Сувениръ, встрѣтившій насъ въ передней и вмѣстѣ съ нами вскочившій въ кабинетъ, немедленно принялся, съ кривляньемъ и хохотомъ, вертѣться около Харлова, который, слегка разставивъ руки и ноги, въ раздумьи остановился посреди комнаты. Вода все еще продолжала течь съ него.

— Вшедъ! Вшедъ Харлусъ! пищалъ Сувениръ, перегнувшись на-двое и держа себя за бока. Великій основатель знаменитаго рода Харловыхъ, воззри на своего потомка! Каковъ онъ есть? Можешь его признать? Ха, ха, ха! Ваше сіятельство, пожалуйте ручку! отчего это на васъ черныя перчатки?

Я хотѣлъ-было удержать, пристыдить Сувенира... но не тутъ-то было!

— Приживальщикомъ меня величалъ, дармоѣдомъ! «Нѣтъ-молъ, у тебя своего крова!» А теперь, небось, такимъ же приживальщикомъ сталъ, какъ и азъ грѣшный! Что Мартынъ Харловъ, что Сувениръ проходимецъ—теперь все едино! Подачками тоже кормиться будетъ! Возьмутъ корку хлѣба завалящую, что собака нюхала, да прочь пошла... На-молъ, кушай! Ха ха ха!

Харловъ все стоялъ неподвижно, уткнувъ голову, разставивъ ноги и руки.

— Мартынъ Харловъ! столбовой дворянинъ! продолжалъ пищать Сувениръ. Важность-то какую на себя напустилъ, фу ты, ну ты! Не подходи-молъ, зашибу! А какъ имѣнье свое отъ большого ума сталъ отдавать да дѣлить, куды раскудахтался! «Благодарность!» кричитъ, «благодарность!» А меня-то за что обидѣлъ? Не наградилъ? Я, быть можетъ, лучше бы возчувствовалъ! И значитъ, правду я говорилъ, что посадятъ его голой спиной...

— Сувениръ! закричалъ я; но Сувениръ не унимался. Харловъ все не трогался; казалось, онъ только теперь начиналъ чувствовать, до какой степени все на немъ было мокро, и ждалъ, когда это съ него все снимутъ? Но дворецкій не возвращался.

— А еще воинъ! началъ опять Сувениръ. Въ двѣнадцатомъ году отечество спасалъ! храбрость свою показывалъ! То-то вотъ и есть: съ мерзлыхъ мародеровъ портки стащить, это наше дѣло; а какъ дѣвка на насъ ногой притопнетъ, у насъ у самихъ душа въ портки...

— Сувениръ! закричалъ я вторично.

Харловъ искоса посмотрѣлъ на Сувенира; онъ, до того мгновенья, словно и присутствія его не замѣчалъ, и только возгласъ мой возбудилъ его вниманіе.

— Смотри, братъ, проворчалъ онъ глухо, не допрыгайся до бѣды!—Сувениръ такъ и покатился со смѣху.—Охъ, какъ вы меня испугали, братецъ почтеннѣйшій! ужъ какъ вы страшны, право! Хоть бы волосики себѣ причесали, а то, сохрани Богъ, засохнутъ, не отмоешь ихъ потомъ; придется скосить косою. Сувениръ вдругъ расходился. Еще куражитесь! Голышъ, а куражится! Гдѣ вашъ кровъ теперь, вы лучше мнѣ скажите, вы все имъ хвастались? У меня, дескать, кровъ есть, а ты безкровный! Наслѣдственный дескать мой кровъ! (Далось же Сувениру это слово!)

— Господинъ Бычковъ! промолвилъ я... Что вы дѣлаете! опомнитесь!

Но онъ продолжалъ трещать, и все прыгалъ да шмыгалъ около самаго Харлова... А дворецкій съ кастеляншей все не шли!

Мнѣ жутко становилось. Я начиналъ замѣчать, что Харловъ, который въ теченіи разговора съ моей матушкой постепенно стихалъ, и даже подъ конецъ, повидимому, помирился съ своей участью, снова сталъ раздражаться: онъ задышалъ скорѣе, подъ ушами у него вдругъ словно припухло, пальцы зашевелились, глаза снова забѣгали среди темной маски забрызганнаго лица...

— Сувениръ! Сувениръ! воскликнулъ я. Перестаньте, я маменькѣ скажу!

Но Сувениромъ словно бѣсъ овладѣлъ.

— Да, да, почтеннѣйшій; затрещалъ онъ опять, вотъ мы съ вами теперь въ какихъ субтильныхъ обстоятельствахъ обрѣтаемся! А дочки ваши, съ зятькомъ вашимъ, Владиміромъ Васильевичемъ, подъ вашимъ *кровомъ* надъ вами потѣшаются вдоволь! И хоть бы вы ихъ, по обѣщанью, прòкляли! И на это васъ не хватило! Да и куда вамъ съ Владиміромъ Васильевичемъ тягаться? Еще Володькой его называли! какой онъ для васъ Володька! Онъ—Владиміръ Васильевичъ, господинъ Слёткинъ, помѣщикъ, баринъ, а ты—кто такой?

Неистовый ревъ заглушилъ рѣчь Сувенира... Харлова взорвало. Кулаки его сжались и поднялись, лицо посинѣло, пѣна показалась на истресканныхъ губахъ, онъ задрожалъ отъ ярости. «Кровъ! говоришь ты»—загремѣлъ онъ своимъ желѣзнымъ голосомъ—«проклятіе! говоришь ты... Нѣтъ! я ихъ не прокляну... Имъ это ни почемъ! А кровъ... кровъ я ихъ разорю, и не будетъ у нихъ крова, такъ же какъ у меня! Узна́ютъ они

Мартына Харлова! Не пропала еще моя сила! Узна́ютъ, какъ надо-мной издѣваться!... не будетъ у нихъ крова!»

Я обомлѣлъ; я отроду не бывалъ свидѣтелемъ такого безмѣрнаго гнѣва. Не человѣкъ, дикій звѣрь метался передо мною! Я обомлѣлъ... а Сувениръ, тотъ отъ страха подъ столъ забился.

— Не будетъ! зарычалъ Харловъ въ послѣдній разъ, и чуть не сбивъ съ ногъ входившихъ кастеляншу и дворецкаго, бросился вонъ изъ дому... Кубаремъ прокатился онъ по двору и исчезъ за воротами.

XXV.

Матушка страшно разсердилась, когда дворецкій пришелъ съ смущеннымъ видомъ доложить о новой и неожиданной... отлучкѣ Мартына Петровича. Онъ не осмѣлился утаить причину этой отлучки; я принужденъ былъ подтвердить его слова. «Такъ это все ты! закричала матушка на Сувенира, который забѣжалъ было зайцемъ впередъ и даже къ ручкѣ подошелъ, твой пакостный языкъ всему виною!» — «Помилуйте, я чичасъ, чичасъ...» залепеталъ, заикаясь и закидывая локти за спину, Сувениръ. «Чичасъ... чичасъ... Знаю я твое: чичасъ!» повторила матушка съ укоризной и выслала его вонъ. Потомъ она позвонила, велѣла позвать Квицинскаго и отдала ему приказъ: немедленно отправиться съ экипажемъ въ Еськово, во что бы то ни стало отыскать Мартына Петровича и привезти его. «Безъ него не являйтесь!» заключила она. Сумрачный полякъ молча наклонилъ голову и вышелъ.

Я вернулся къ себѣ въ комнату, снова подсѣлъ къ окну и, помнится, долго размышлялъ о томъ, что у меня на глазахъ совершилось. Я недоумѣвалъ; я никакъ не могъ понять, почему Харловъ, почти безъ ропота переносившій оскорбленія, нанесенныя ему домашними, не могъ совладать съ собою и не перенесъ насмѣшекъ и шпилекъ такого ничтожнаго существа, каковъ былъ Сувениръ. Я не зналъ еще тогда, какая нестерпимая горечь можетъ иной разъ заключаться въ пустомъ упрекѣ, даже когда онъ исходитъ изъ презрѣнныхъ устъ... Ненавистное имя Слёткина, произнесенное Сувениромъ, упало искрою въ порохъ; наболѣвшее мѣсто не выдержало этого послѣдняго укола.

Прошло около часа. Коляска наша въѣхала на дворъ; но въ ней сидѣлъ нашъ управляющій одинъ. А матушка ему сказала: «безъ *него* не являйтесь!» Квицинскій торопливо выскочилъ изъ экипажа — и взбѣжалъ на крыльцо. Лицо его являло видъ

разстроенный — что съ нимъ почти никогда не бывало. Я тотчасъ спустился внизъ и по его пятамъ пошелъ въ гостинную.

— Ну? привезли его? спросила матушка.

— Не привезъ—отвѣчалъ Квицинскій—и не могъ привезти.

— Это почему? Вы его видѣли?

— Видѣлъ.

— Съ нимъ что случилось? Ударъ?

— Никакъ нѣтъ; ничего не случилось.

— Почему же вы не привезли его?

— А онъ домъ свой разоряетъ.

— Какъ?

— Стоитъ на крышѣ новаго флигеля — и разоряетъ ее. Тесинъ, полагать надо, съ сорокъ или больше уже слетѣло; рѣшетинъ тоже штукъ пять. («Крова у нихъ не будетъ!» вспомнились мнѣ слова Харлова).

Матушка уставилась на Квицинскаго.—Одинъ... на крышѣ стоитъ и крышу разоряетъ?

— Точно-такъ-съ. Ходитъ по настилкѣ чердака и на право да на лѣво ломаетъ. Сила у него, вы изволите знать, сверхъ человѣческая! Ну и крыша, надо правду сказать, лядящая; выведена въ разбѣжку, шалёвками забрана, гвозди — однотесъ [1]).

Матушка посмотрѣла на меня, какъ бы желая удостовѣриться, не ослушалась ли она какъ-нибудь. «Шалёвками, въ разбѣжку», повторяла она, явно не понимая значенія ни одного изъ этихъ словъ...

— Ну такъ что же вы? проговорила она наконецъ.

— Пріѣхалъ за инструкціями. Безъ людей ничего не подѣлаешь. Тамошніе крестьяне всѣ со страха попрятались.

— А дочери-то его—что же?

— И дочери—ничего. Бѣгаютъ, зря... голосятъ... Что толку?

— И Слёткинъ тамъ?

— Тамъ тоже. Пуще всѣхъ вопитъ—но подѣлать ничего не можетъ.

— И Мартынъ Петровичъ на крышѣ стоитъ?

— На крышѣ;... то-есть на чердакѣ — и крышу разоряетъ.

— Да, да, проговорила матушка—шалёвками...

Казусъ, очевидно, предстоялъ необыкновенный.

Что было предпринять? Послать въ городъ, за исправникомъ,

---

[1]) Крыша выводится «въ разбивку» или «въ разбѣжку», когда между каждыми двумя тесинами оставляется пустое пространство, закрываемое сверху другой тесиной; такая крыша дешевле, но менѣе прочна. Шалёвкой называется самая тонкая доска въ $^1/_2$ вершка; обыкновенная тесина — въ $^3/_4$ вершка.

собрать крестьянъ? Матушка совсѣмъ потерялась. Пріѣхавшій къ обѣду Житковъ тоже потерялся. Правда, онъ упомянулъ опять о воинской командѣ, а впрочемъ никакого совѣта не преподалъ, и только глядѣлъ подчиненно и преданно. Квицинскій, видя, что никакихъ инструкцій ему не добиться, доложилъ,—со свойственной ему презрительной почтительностью—моей матушкѣ, что если она разрѣшитъ ему взять нѣсколько конюховъ, садовниковъ и другихъ дворовыхъ, то онъ попытается...

— Да, да, перебила, его матушка, попытайтесь, любезный Викентій Осипычъ! Только поскорѣе пожалуйста, а я все беру на свою отвѣтственность!

Квицинскій холодно улыбнулся. Одно напередъ позвольте объяснить вамъ, сударыня: за результатъ невозможно ручаться, ибо сила у господина Харлова большая и отчаянность тоже; очень ужъ онъ оскорбленнымъ себя почитаетъ!

— Да, да, подхватила матушка; и всему виною этотъ гадкій Сувениръ! Никогда я этого ему не прощу! Ступайте, возьмите людей, поѣзжайте, Викентій Осипычъ!

— Вы, господинъ управляющій, веревокъ побольше захватите—да пожарныхъ крючьевъ, промолвилъ басомъ Житковъ; и коли сѣть имѣется и ее тоже взять недурно. У насъ вотъ такъ-то однажды въ полку...

— Не извольте учить меня, милостивый государь, перебилъ съ досадой Квицинскій; я и безъ васъ знаю, что нужно.

Житковъ обидѣлся и объявилъ, что такъ какъ онъ полагалъ что и его позовутъ....

— Нѣтъ, нѣтъ! вмѣшалась матушка. Ты ужъ лучше оставайся... Пускай Викентій Осипычъ одинъ дѣйствуетъ... Ступайте, Викентій Осипычъ!

Житковъ еще пуще обидѣлся, а Квицинскій поклонился и вышелъ.

Я бросился въ конюшню, самъ наскоро осѣдлалъ свою верховую лошадку и пустился вскачь по дорогѣ къ Еськову.

XXVI.

Дождикъ пересталъ, но вѣтеръ дулъ съ удвоенной силой—прямо мнѣ на встрѣчу. На полъ-дорогѣ сѣдло подо мною чуть не перевернулось, подпруга ослабла; я слѣзъ и принялся зубами натягивать ремни... Вдругъ слышу: кто-то зоветъ меня по имени... Сувениръ бѣжалъ ко мнѣ по зеленямъ. «Что, ба-

тюшка, кричалъ онъ мнѣ еще издали, любопытство одолѣло? Да и нельзя... Вотъ и я туда же прямикомъ, по Харловскому слѣду... Вѣдь этакой штуки, умрешь не увидишь!»

— На дѣло рукъ своихъ хотите полюбоваться, промолвилъ я съ негодованіемъ, вскочилъ на лошадь и снова поднялъ ее въ галопъ, но неугомонный Сувениръ не отставалъ отъ меня и даже на бѣгу хохоталъ и кривлялся. Вотъ, наконецъ, и Еськово — вотъ и плотина, а тамъ длинный плетень и ракитникъ усадьбы... Я подъѣхалъ къ воротамъ, слѣзъ, привязалъ лошадь и остановился въ изумленіи.

Отъ передней трети крыши на новомъ флигелькѣ, отъ мезонина оставался одинъ остовъ, драни и тесины лежали безпорядочными грудами съ обѣихъ сторонъ флигеля на землѣ. Положимъ, крыша была, по выраженію Квицинскаго — лядащая; но все же дѣло было невѣроятное! По настилкѣ чердака, вздымая пыль и соръ, неуклюже-проворно двигалась изчерна-сѣрая масса и то раскачивала оставшуюся, изъ кирпича сложенную, трубу (другая уже повалилась), то отдирала тесину и бросала ее къ низу, то хваталась за самыя стропила. Тó былъ Харловъ. Совершеннымъ медвѣдемъ показался онъ мнѣ и тутъ: и голова, и спина, и плечи — медвѣжьи, и ставилъ онъ ноги широко, не разгибая ступни — тоже помедвѣжьему. Рѣзкій вѣтеръ обдувалъ его со всѣхъ сторонъ, вздымая его склоченные волосы; страшно было видѣть, какъ мѣстами краснѣло его голое тѣло, сквозь прорѣхи разорваннаго платья; страшно было слышать его дикое, хриплое бормотаніе. На дворѣ было людно; бабы, мальчишки, дворовыя дѣвки жались вдоль забора; нѣсколько крестьянъ сбилось поодаль въ отдѣльную кучку. Знакомый мнѣ старикъ-попъ стоялъ безъ шляпы на крыльцѣ другого флигеля и, схвативъ мѣдный крестъ обѣими руками, время отъ времени, молча и безнадежно поднималъ и какъ бы показывалъ его Харлову. Рядомъ съ попомъ стояла Евлампія и, прислонившись спиною къ стѣнѣ, неподвижно смотрѣла на отца; Анна—то высовывала голову изъ окошка, то исчезала, то выскакивала на дворъ, то возвращалась въ домъ; Слёткинъ—весь блѣдный, желтый, въ старомъ шлафрокѣ, въ ермолкѣ, съ одноствольнымъ ружьемъ въ рукахъ, перебѣгалъ короткими шагами съ мѣста на мѣсто. Онъ совсѣмъ, какъ говорится, ожидовѣлъ; задыхался, грозился, трясся, цѣлился въ Харлова, потомъ закидывалъ ружье за плечо, — цѣлился опять, кричалъ, плакалъ... Увидавъ меня съ Сувениромъ, онъ такъ и ринулся къ намъ.

— Посмотрите, посмотрите, что тутъ происходитъ! завизжалъ онъ — посмотрите! Онъ съ ума сошелъ, взбѣленился, — и

вòтъ, что дѣлаетъ! Я ужъ за полиціей послалъ — да никто не ѣдетъ! Никто не ѣдетъ! Вѣдь если я въ него выстрѣлю, съ меня законъ взыскать не можетъ, потому что всякій человѣкъ въ правѣ защищать свою собственность! А я выстрѣлю!... Ей-Богу, выстрѣлю! Онъ подскочилъ къ дому. Мартынъ Петровичъ, берегитесь! Если вы не сойдете—я выстрѣлю!

— Стрѣляй! раздался съ крыши хриплый голосъ. Стрѣляй! А вотъ тебѣ пока—гостинецъ!

Длинная доска полетѣла сверху — и, перевернувшись раза два на воздухѣ, брякнулась на́ земь у самыхъ ногъ Слёткина. Тотъ такъ и взвился, а Харловъ захохоталъ.

— Господи Іисусе! пролепеталъ кто-то за моей спиною. Я оглянулся: Сувениръ. А! подумалъ я; пересталъ теперь смѣяться!

Слёткинъ схватилъ близъ стоявшаго мужика за шиворотъ.

— Да полѣзай, полѣзай же, полѣзайте, черти, вопилъ онъ, тряся его изо всей силы — спасайте мое имущество!

Мужикъ ступилъ раза два, закинулъ голову, помахалъ руками, закричалъ: эй! вы! господинъ! — потолокся на мѣстѣ и верть назадъ.

— Лѣстницу! лѣстницу несите! обратился Слёткинъ къ прочимъ крестьянамъ.

— А гдѣ ее взять? послышалось ему въ отвѣтъ.

— И хоть бы лѣстница была, промолвилъ, не спѣша, одинъ голосъ — кому жъ охота лѣзть? Нашли дураковъ! Онъ те шею свернетъ — мигомъ!

— С'часъ убіетъ, проговорилъ одинъ молодой бѣлокурый парень съ придурковатымъ лицомъ.

— А то не́што нѣтъ? подхватили остальные. Мнѣ показалось, что не будь даже явной опасности, мужики все-таки неохотно исполнили бы приказаніе своего новаго помѣщика. Чуть ли не одобряли они Харлова — хоть и удивлялъ онъ ихъ.

— Ахъ вы разбойники! застоналъ Слёткинъ — вотъ я васъ всѣхъ...

Но тутъ съ тяжкимъ грохотомъ бухнула послѣдняя труба— и среди мгновенно взвившагося облака желтой пыли, Харловъ, испустивъ пронзительный крикъ и высоко поднявъ окровавленныя руки, повернулся къ намъ лицомъ. Слёткинъ опять въ него прицѣлился.

Евлампія отдернула его за локоть.

— Не мѣшай! свирѣпо вскинулся онъ на нее.

— А ты—не смѣй! промолвила она—и синія ея глаза грозно

сверкнули изъ-подъ надвинутыхъ бровей. Отецъ свой домъ разоряетъ. Его добро.

— Врешь: наше!

— Ты говоришь, наше; — а я говорю, его.

Слёткинъ зашипѣлъ отъ злобы; Евлампія такъ и уперлась ему въ лицо глазами.

— А здорово! здорово, дочка любезная! загремѣлъ сверху Харловъ. Здорово, Евлампія Мартыновна! Какъ живешь-можешь со своимъ пріятелемъ?—Хорошо ли цѣлуетесь, милуетесь?

— Отецъ! послышался звучный голосъ Евлампіи.

— Что̀ дочка? отвѣчалъ Харловъ и пододвинулся къ самому краю стѣны. На лицѣ его, сколько я могъ разобрать, появилась странная усмѣшка, — свѣтлая, веселая, — и именно потому особенно-страшная, недобрая усмѣшка... Много лѣтъ спустя я видѣлъ такую же точно усмѣшку на лицѣ одного къ смерти приговореннаго.

— Перестань, отецъ; сойди (Евлампія не говорила ему: «батюшка»). Мы виноваты; все тебѣ возвратимъ. Сойди.

— А ты что̀ за насъ распоряжаешься? вмѣшался Слёткинъ. Евлампія только пуще брови нахмурила.

— Я свою часть тебѣ возвращу—все отдамъ. Перестань, сойди, отецъ! Прости насъ; прости меня.

Харловъ все продолжалъ усмѣхаться.—Поздно, голубушка, заговорилъ онъ, и каждое слово его звенѣло, какъ мѣдь. Поздно шевельнулась каменная твоя душа! Подъ гору покатилось — теперь не удержишь! И не смотри ты на меня теперь! Я — пропащій человѣкъ! Ты посмотри лучше на своего Володьку: вишь какой красавчикъ выискался! Да на свою эхиденную сестру посмотри, вонъ ея лисій носъ изъ окошка выставляется, вотъ она муженька-то подускиваетъ! Нѣтъ, сударики! Захотѣли вы меня крова лишить—такъ не оставлю же я и вамъ бревна на бревнѣ! Своими руками клалъ, своими же руками разорю — какъ есть одними руками! Видите, и топора не взялъ! Онъ фукнулъ себѣ на обѣ ладони и опять ухватился за стропила.

— Полно, отецъ, говорила межъ тѣмъ Евлампія и голосъ ея сталъ какъ-то чудно ласковъ—не поминай прошлаго. Ну повѣрь же мнѣ; ты всегда мнѣ вѣрилъ. Ну сойди; приди ко мнѣ въ свѣтелку, на мою постель мягкую. Я обсушу тебя да согрѣю; раны твои перевяжу, вишь ты руки себѣ ободралъ. Будешь ты жить у меня какъ у Христа за пазухой, кушать сладко— а спать еще слаще того. Ну, были виноваты; ну зазнались, согрѣшили; ну прости!

Харловъ покачалъ головою. — Расписывай! Повѣрю я вамъ,

какъ бы не такъ! Убили вы во мнѣ вѣру-то! Все убили! Былъ я орломъ—и червякомъ для васъ сдѣлался... а вы — и червяка давить? Полно! Я тебя любилъ, сама знаешь—а только теперь ты мнѣ не дочь — и я тебѣ не отецъ... Я пропащій человѣкъ! Не мѣшай! А ты, стрѣляй же, трусъ, горе-богатырь! гаркнулъ вдругъ Харловъ на Слёткина. Что́ все только цѣлишься? Али законъ вспомнилъ, коли принявшій даръ учинитъ покушеніе на жизнь дателя, заговорилъ Харловъ съ разстановкой—то датель властенъ все назадъ потребовать? Ха, ха, не бойся, законникъ! Я не потребую—я самъ все покончу... Валяй!

— Отецъ! въ послѣдній разъ взмолилась Евлампія.

— Молчи!

— Мартынъ Петровичъ! братецъ! простите великодушно! пролепеталъ и Сувениръ.

— Отецъ, голубчикъ!

— Молчи, сука! крикнулъ Харловъ. На Сувенира онъ и не посмотрѣлъ—и только сплюнулъ въ его сторону.

XXVII.

Въ это мгновенье Квицинскій со всей своей свитой — на трехъ телѣгахъ—появился у воротъ. Усталыя лошади фыркали, люди одинъ за однимъ соскакивали въ грязь.

— Эге! закричалъ во все горло Харловъ. Армія... вотъ она, армія! Цѣлую армію противъ меня выставляютъ. Хорошо же! Только предваряю, кто ко мнѣ сюда на крышу пожалуетъ — и того я вверхъ тормашками внизъ спущу! Я хозяинъ строгій, не въ пору гостей не люблю! Такъ-то!

Онъ уцѣпился обѣими руками за переднюю пару стропилъ, за такъ-называемыя «ноги» фронтона—и началъ усиленно ихъ раскачивать. Свѣсившись съ краю настилки, онъ какъ бы тащилъ ихъ за собою, мѣрно напѣвая по бурлацкому: Еще разикъ! еще разъ! ухъ!

Слёткинъ подбѣжалъ къ Квицинскому и началъ-было жаловаться и хныкать... Тотъ попросилъ его «не мѣшать», и приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана. Самъ онъ сталъ впереди дома и началъ, въ видѣ диверсіи, объяснять Харлову, что не дворянское онъ затѣялъ дѣло...

— «Еще разикъ! еще разъ!» напѣвалъ Харловъ —

...что Наталья Николаевна весьма недовольна его поступками и не того отъ него ожидала....

— «Еще разикъ! еще разъ! ухъ!» напѣвалъ Харловъ— а между тѣмъ онъ отрядилъ четырехъ самыхъ-здоровыхъ и смѣлыхъ конюховъ на противоположную сторону дома, съ тѣмъ, чтобы они сзади взобрались на крышу. Отъ Харлова однако не ускользнулъ планъ аттаки; онъ вдругъ бросилъ стропила и проворно побѣжалъ къ задней части мезонина. Видъ его до того былъ страшенъ, что два конюха, которые успѣли уже взобраться на чердакъ, мигомъ спустились обратно на землю по водосточной трубѣ, къ немалому удовольствію и даже хохоту дворовыхъ мальчишекъ. Харловъ потрясъ имъ вслѣдъ кулакомъ и вернувшись къ передней части дома, опять ухватился за стропила и сталъ ихъ опять раскачивать, опять напѣвая по-бурлацки.

Онъ вдругъ остановился, вóзрѣлся...

— Максимушка, другъ! пріятель! выкликнулъ онъ; тебя ли я вижу?

Я оглянулся... Отъ толпы крестьянъ дѣйствительно отдѣлился казачекъ Максимка, и ухмыляясь и скаля зубы, вышелъ впередъ. Его хозяинъ, шорникъ, вѣроятно отпустилъ его домой на побывку.

— Полѣзай ко мнѣ, Максимушка, слуга мой вѣрный, продолжалъ Харловъ;—станемъ вмѣстѣ отбиваться отъ лихихъ татарскихъ людей, отъ воровъ литовскихъ!

Максимка, все продолжая ухмыляться, немедленно полѣзъ на крышу... Но его схватили и оттащили—Богъ знаетъ почему—развѣ для примѣру другихъ, помощи большой онъ Мартыну Петровичу не оказалъ бы.

— Ну хорошо же! Добро же! промолвилъ Харловъ угрожающимъ голосомъ — и снова взялся за стропила.

— Викентій Осиповичъ! позвольте, я выстрѣлю — обратился Слёткинъ къ Квицинскому; я вѣдь больше для страха, ружье у меня заряжено бекассинникомъ. Но не успѣлъ еще отвѣтить ему Квицинскій, какъ передняя пара стропилъ, яростно раскачанная желѣзными руками Харлова, накренилась, затрещала и рухнула на дворъ—и вмѣстѣ съ нею, не будучи въ силахъ удержаться, рухнулъ самъ Харловъ и грузно треснулся о-земь. Всѣ вздрогнули, ахнули... Харловъ лежалъ неподвижно на груди, а въ спину ему уперся продольный верхній брусъ крыши, конекъ, который послѣдовалъ за упавшимъ фронтономъ...

XXVIII.

Къ Харлову подскочили, свалили долой съ него брусъ, повернули его навзничь: лицо его было безжизненно, у рта показалась кровь, онъ не дышалъ. «Духъ отшибло»—пробормотали подошедшіе мужики. Побѣжали за водой къ колодцу, принесли цѣлое ведро, окатили Харлову голову; грязь и пыль сошли съ лица, но безжизненный видъ оставался тотъ же. Притащили скамейку, поставили ее у самаго флигеля, и съ трудомъ приподнявши громадное тѣло Мартына Петровича, посадили его, прислонивъ голову къ стѣнѣ. Казачекъ Максимка приблизился, сталъ на одно колѣно, и далеко отставивъ другую ногу, какъ-то театрально поддерживалъ руку бывшаго своего барина. Евлампія, блѣдная какъ сама смерть, стала прямо передъ отцомъ, неподвижно устремивъ на него свои огромные глаза. Анна съ Слёткинымъ не подходили близко. Всѣ молчали, всѣ ждали чего-то. Наконецъ послышались прерывистые, хлюпающіе звуки въ горлѣ Харлова — точно онъ захлебывался. Потомъ онъ слабо повелъ одной—правой рукою (Максимка поддерживалъ лѣвую), раскрылъ одинъ — правый глазъ и медленно проведя около себя взоромъ, словно какимъ-то страшнымъ пьянствомъ пьяный, охнулъ—и произнесъ, картавя: «рас..шибся...» и какъ бы подумавъ немного, прибавилъ: «вотъ онъ, воро..ной жере..бенокъ!» Кровь вдругъ густо хлынула у него изо рта—все тѣло затрепетало.

«Конецъ!» подумалъ я... Но Харловъ открылъ еще—все тотъ же правый глазъ (лѣвая вѣка не шевелилась, какъ у мертвеца)—и вперивъ его на Евлампію, произнесъ едва слышно: «Ну доч..ка... Тебя я не про...» Квицинскій рѣзкимъ движеніемъ руки подозвалъ попа, который все еще стоялъ на крыльцѣ флигеля... Старикъ приблизился, путаясь слабыми колѣнями въ тѣсной рясѣ. Но вдругъ ноги Харлова какъ-то безобразно повело, и животъ тоже, по лицу, снизу вверхъ, прошла неровная судорога—точно также исказилось и задрожало лицо Евлампіи. Максимка началъ креститься... Мнѣ стало жутко, я побѣжалъ къ воротамъ и, не оглядываясь, приникъ къ нимъ грудью. Минуту спустя, что-то тихо прогудѣло по всѣмъ устамъ сзади меня — и я понялъ, что Мартына Петровича не стало.

Ему брусомъ затылокъ проломило, и грудь онъ себѣ раздробилъ, какъ оказалось при вскрытіи.

XXIX.

Что́ онъ хотѣлъ сказать ей умирая? спрашивалъ я самого себя, возвращаясь домой на своемъ клепперѣ: «Я тебя не про... клинаю? или не про...щаю?» Дождикъ опять полилъ, но я ѣхалъ шагомъ. Мнѣ хотѣлось подольше остаться одному, хотѣлось безвозбранно предаться моимъ размышленіямъ. Сувениръ отправился на одной изъ телѣгъ, прибывшихъ съ Квицинскимъ. Какъ я ни былъ молодъ и легкомысленъ въ то время, но внезапная, общая (не въ однѣхъ частностяхъ) перемѣна, постоянно вызываемая во всѣхъ сердцахъ неожиданнымъ, или ожиданнымъ (все равно!) появленіемъ смерти, ея торжественность, важность и правдивость—не могли не поразить меня. Я и былъ пораженъ... но со всѣмъ тѣмъ мой смущенный, дѣтскій взоръ замѣтилъ тотчасъ многое: онъ замѣтилъ, ка́къ Слёткинъ, проворно и робко, словно краденую вещь, швырнулъ въ сторону ружье, ка́къ онъ и жена его оба мгновенно стали предметомъ хотя безмолвнаго, но общаго отчужденія, ка́къ сдѣлалось пусто вокругъ нихъ... На Евлампію, хотя вина ея была вѣроятно не меньше сестриной, это отчужденіе не распространялось. Она даже нѣкоторое сожалѣніе къ себѣ возбудила, когда повалилась въ ноги скончавшемуся отцу. Но что и она была виновата,—это все-таки чувствовалось всѣми. «Обидѣли старика», промолвилъ одинъ сѣдатый, головастый крестьянинъ, опираясь, какъ нѣкій древній судья, обѣими руками и бородою на длинную палку; «на вашей душѣ грѣхъ! Обидѣли!» Это слово: «обидѣли!» тотчасъ было принято всѣми, какъ безповоротный приговоръ. Правосудіе народное сказалось, я понялъ это немедленно. Я замѣтилъ также, что на первыхъ порахъ Слёткинъ не *смѣлъ* распоряжаться. Безъ него подняли и понесли тѣло въ домъ; не спросясь его, священникъ отправился за нужными вещами въ церковь, а староста побѣжалъ въ деревню справлять подводу въ городъ. Сама Анна Мартыновна не рѣшилась обычнымъ начальническимъ тономъ приказать поставить самоваръ, «чтобъ теплая вода была обмыть покойника». Ея приказаніе походило на просьбу — и отвѣчали ей грубо...

Меня же все занималъ вопросъ: что́ онъ собственно хотѣлъ сказать своей дочери? Простить ли онъ ее хотѣлъ, или проклясть? Я рѣшилъ наконецъ, что, — простить. Дня черезъ три происходили похороны Мартына Петровича, на счетъ матушки, которая очень огорчилась его смертью и приказала не жалѣть издержекъ. Сама она не поѣхала въ церковь — потому

что не хотѣла, какъ она выражалась, видѣть тѣхъ двухъ мерзавокъ и гадкаго того жиденка; но послала Квицинскаго, меня и Житкова, котораго впрочемъ съ того времени иначе уже не величала, какъ бабой! Сувенира она на глаза къ себѣ не пускала и долго потомъ еще гнѣвалась на него, называя его убійцей своего друга. Опала эта была ему весьма чувствительна: онъ постоянно расхаживалъ на цыпочкахъ по комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ находилась матушка, предавался какой-то тревожной и подлой меланхоліи, вздрагивалъ и шепталъ: чичасъ!

Въ церкви и во время процессіи, Слёткинъ показался мнѣ снова попавшимъ «въ свою тарелку». Онъ распоряжался и суетился по прежнему и жадно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не тратилось лишней копѣйки, хотя дѣло не касалось собственно его кармана. Максимка въ новомъ, тоже моей матушкой пожалованномъ казакинѣ, выводилъ на клиросѣ такія теноровыя ноты, что въ искренности его преданности покойнику, конечно, уже никто сомнѣваться не могъ! Обѣ сестры были, какъ слѣдуетъ, въ траурныхъ платьяхъ—но казались болѣе смущенными, чѣмъ огорченными, особенно Евлампія. Анна приняла на себя смиренный и постный видъ, впрочемъ не силилась плакать, и все только проводила своей красивой, сухой рукой по волосамъ и щекѣ. Евлампія все задумывалась. То общее, безповоротное отчужденіе, осужденіе, какое я замѣтилъ въ день смерти Харлова, чудилось мнѣ и теперь на всѣхъ лицахъ бывшихъ въ церкви людей, во всѣхъ ихъ движеніяхъ, въ ихъ взглядахъ—но еще степеннѣе и какъ бы безучастнѣе. Казалось, всѣ эти люди знали, что грѣхъ, въ который впало Харловское семейство, тотъ великій грѣхъ — поступилъ теперь въ вѣдѣніе единаго праведнаго Судіи и что слѣдовательно имъ уже нé для чего было безпокоиться и негодовать. Они усердно молились за душу покойника, котораго при жизни особенно не любили, даже боялись. Очень уже круто наступила смерть.

— И хоть бы испивалъ, братецъ ты мой, говорилъ на паперти одинъ мужикъ другому.

— И не пимши да захмѣлѣешь, отвѣчалъ тотъ. Каковъ случай выдетъ.

— Обидѣли, повторилъ первый мужикъ рѣшающее слово.

— Обидѣли, промолвили за нимъ другіе.

— А вѣдь покойный самъ васъ притѣснялъ? спросилъ я одного мужика, въ которомъ я призналъ Харловскаго крестьянина.

— Баринъ былъ, извѣстно, отвѣчалъ мужикъ; а все-таки... обидѣли его!

— Обидѣли... опять послышалось въ толпѣ...

У могилы Евлампія стояла тоже словно потерянная. Раздумье ее разбирало... тяжкое раздумье. Я замѣтилъ, что съ Слёткинымъ, который нѣсколько разъ съ ней заговаривалъ, она обращалась, какъ бывало съ Житковымъ и еще хуже.

Нѣсколько дней спустя, въ нашемъ околоткѣ распространился слухъ, что Евлампія Мартыновна Харлова навсегда ушла изъ родительскаго дома, предоставивъ сестрѣ и свояку все доставшееся ей имѣніе—и взявши только нѣсколько сотъ рублей... «Откупилась видно Анна-то! замѣтила моя матушка; только у насъ съ тобою», прибавила она, обратившись къ Житкову, съ которымъ играла въ пикетъ—онъ замѣнилъ ей Сувенира—«руки неумѣлыя!»

Скоро потомъ мы съ матушкой переѣхали на жительство въ Москву—и много минуло лѣтъ прежде, чѣмъ мнѣ пришлось увидѣть обѣихъ дочерей Мартына Петровича.

XXXI.

Но я увидѣлъ ихъ. Съ Анной Мартыновной я встрѣтился самымъ обыкновеннымъ образомъ. Посѣтивъ, послѣ кончины матушки, нашу деревню, въ которую я не заѣзжалъ больше пятнадцати лѣтъ, я получилъ отъ посредника приглашеніе—(тогда по всей Россіи, съ незабытой доселѣ медленностью, происходило размежеваніе черезполосицы), приглашеніе прибыть для совѣщанія съ прочими владѣльцами нашей дачи, въ имѣніе помѣщицы вдовы Анны Слёткиной. Извѣстіе о несуществованіи болѣе на семъ свѣтѣ матушкина «Жиденка» съ черносливообразными глазами, нисколько, признаюсь, меня не опечалило, но мнѣ было интересно взглянуть на его вдову. Она слыла у насъ за отличнѣйшую хозяйку. И точно, ея имѣніе и усадьба и самый домъ—(я невольно взглянулъ на крышу, она была желѣзная)—все оказалось въ превосходномъ порядкѣ, все было аккуратно, чисто, прибрано, гдѣ нужно—выкрашено, хоть бы у нѣмки. Сама Анна Мартыновна конечно постарѣла; но та особенная, сухая и какъ бы злая прелесть, которая нѣкогда такъ меня возбуждала—не совсѣмъ ее покинула. Одѣта она была по-деревенскому, но изящно. Она приняла насъ не радушно—это слово къ ней не шло—но вѣжливо, и увидавъ меня, свидѣтеля того страшнаго происшествія, даже бровью не повела. Ни о моей матушкѣ, ни о своемъ отцѣ, ни о сестрѣ, ни о мужѣ она даже не заикнулась, точно воды въ ротъ набрала.

Были у нея двѣ дочери, обѣ прехорошенькія, стройненькія, съ милыми личиками, съ веселымъ и ласковымъ выраженіемъ въ черныхъ глазкахъ; былъ и сынъ, немножко смахивавшій на отца, но тоже мальчикъ хоть куда! Во время преній между владѣльцами, Анна Мартыновна держалась спокойно, съ достоинствомъ, не выказывала ни особеннаго упорства, ни особеннаго честолюбія. Но никто вѣрнѣе ея не понималъ своихъ выгодъ и не умѣлъ убѣдительнѣе выставлять и защищать свои права; всѣ «подходящіе» законы, даже министерскіе циркуляры были ей хорошо извѣстны; говорила она немного и тихимъ голосомъ, но каждое слово попадало въ цѣль. Кончилось тѣмъ, что мы на всѣ ея требованія изъявили согласіе и такихъ понадѣлали уступокъ, что оставалось только удивляться. На возвратномъ пути иные господа помѣщики даже самихъ себя выругали; всѣ кряхтѣли и покачивали головами.

— Экая баба умница! говорилъ одинъ.

— Продувная шельма! вмѣшался другой, менѣе деликатный владѣлецъ—мягко стелетъ да жестко спать!

— Да и скряга же! прибавилъ третій; рюмка водки и кусочекъ икры на брата—это что же такое?

— Чего отъ нея ждать? брякнулъ вдругъ одинъ, до того безмолвный помѣщикъ; кому же неизвѣстно, что она мужа своего отравила?

Къ удивленію моему, никто не почелъ нужнымъ опровергнуть такое ужасное, навѣрное ни на чемъ не основанное обвиненіе! Это тѣмъ болѣе меня удивило, что, несмотря на приведенныя мною бранчивыя выраженія, уваженіе къ Аннѣ Мартыновнѣ чувствовали всѣ, не исключая неделикатнаго владѣльца. Посредникъ, тотъ даже въ паѳосъ впалъ.

— Возведи ее на тронъ, воскликнулъ онъ—таже Семирамида или Екатерина Вторая! Повиновеніе крестьянъ — образцовое... Воспитаніе дѣтей — образцовое! Голова! Мозги!

Семирамиду и Екатерину въ сторону—но не было сомнѣнія въ томъ, что Анна Мартыновна вела жизнь весьма счастливую. Довольствомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, пріятной тишиной душевнаго и тѣлеснаго здоровья, такъ и вѣяло отъ нея самой, отъ ея семьи, отъ всего ея быта. Насколько она заслуживала это счастье... это другой вопросъ. Впрочемъ, подобные вопросы ставятся только въ молодости. Все на свѣтѣ, и хорошее и дурное—дается человѣку не по его заслугамъ, а вслѣдствіе какихъ-то еще неизвѣстныхъ, но логическихъ законовъ, на которые я даже указать не берусь, хоть иногда мнѣ кажется, что я смутно чувствую ихъ.

XXXII.

Я освѣдомился у посредника объ Евлампіи Мартыновнѣ—и узналъ, что она, какъ ушла изъ дому, такъ и пропала безъ вѣсти—и, «вѣроятно, теперь уже давно воспарила въ горнія».

Такъ выразился нашъ посредникъ... но я убѣжденъ, что я *видѣлъ* Евлампію, что я встрѣтился съ нею. Именно вотъ какъ.

Года четыре послѣ моего свиданія съ Анной Мартыновной, я поселился на лѣто въ Муринѣ, небольшой деревушкѣ около Петербурга, хорошо извѣстной дачникамъ средней руки. Охота около Мурина была въ то время недурна—и я ходилъ съ ружьемъ чуть не каждый день. Былъ у меня товарищъ, нѣкто Викуловъ, изъ мѣщанъ—очень неглупый и добрый малый—но какъ онъ самъ про себя выражался, совершенно «потеряннаго» поведенія. Гдѣ только не былъ этотъ человѣкъ, и чѣмъ онъ не былъ! Ничего-то его удивить не могло, все-то онъ зналъ — но любилъ онъ только охоту — да вино. Вотъ однажды возвращались мы съ нимъ въ Мурино, и пришлось намъ миновать одинокій домъ, стоявшій у перекрестка двухъ дорогъ, и обнесенный высокимъ и тѣснымъ частоколомъ. Не въ первый разъ видѣлъ я этотъ домъ, и всякій разъ онъ возбуждалъ мое любопытство: въ немъ было что-то таинственное, замкнутое, угрюмонѣмое, что-то напоминавшее острогъ или больницу. Съ дороги только и можно было видѣть, что его крутую, темной краской выкрашенную крышу. Во всемъ заборѣ находились однѣ ворота; и тѣ казались на-глухо запертыми; никакого звука не слышалось никогда за ними. Совсѣмъ тѣмъ вы чувствовали, что въ этомъ домѣ непремѣнно кто-нибудь обитаетъ: онъ вовсе не являлъ видъ заброшеннаго жилья. Напротивъ, все въ немъ было такъ прочно и плотно и дюже, что хоть осаду выдерживай!

— Что за крѣпостъ такая? спросилъ я у своего товарища. Не знаете?

Викуловъ лукаво прищурился.—Чудно́е, небось, строеніе? Много съ него здѣшнему исправнику дохода!

— Какъ такъ?

— Да также. О хлыстахъ-раскольникахъ — вотъ, что́ безъ поповъ живутъ — небось, слыхали?

— Слыхалъ.

— Ну вотъ тутъ ихъ главная матка обрѣтается.

— Женщина?

— Да — матка; богородица по-ихнему.

— Что вы?!

— Я-жъ вамъ говорю. Строгая, говорятъ такая... Командирша! Тысячами ворочаетъ! Взялъ бы я, да всѣхъ этихъ богородицъ... Да что́ толковать!

Онъ позвалъ своего Пегашку, удивительную собаку, съ превосходныхъ чутьемъ, но безъ всякаго понятія о стойкѣ. Викуловъ принужденъ былъ подвязывать ей заднюю лапу, чтобъ она не такъ неистово бѣгала.

Слова его запа́ли мнѣ въ память. Я, бывало, нарочно сворачивалъ въ сторону, чтобы пройти мимо таинственнаго дома. Вотъ, однажды, поровнялся я съ нимъ, какъ вдругъ — о чудо! засовъ загремѣлъ за воротами, ключъ завизжалъ въ замкѣ—потомъ самыя ворота тихонько растворились—показалась могучая лошадиная голова съ заплетенной чолкой подъ расписной дугой — и, не спѣша, выкатила на дорогу небольшая телѣжка въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ ѣздятъ барышники и наѣздники изъ купцовъ. На кожаной подушкѣ телѣжки, ближе ко мнѣ, сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати, замѣчательно красивой и благообразной наружности, въ опрятномъ черномъ армякѣ и низко на́ лобъ надѣтомъ черномъ картузѣ; онъ степенно правилъ откормленнымъ, какъ печь широкимъ конемъ; а рядомъ съ мужчиной, по ту сторону телѣжки, сидѣла женщина высокаго роста, прямая какъ стрѣла. Голову ея покрывала дорогая черная шаль; одѣта она была въ короткій бархатный шушунъ оливковаго цвѣта и темно-синюю мериносовую юпку; бѣлыя руки, чинно сложенныя у груди, поддерживали другъ дружку. Телѣжка завернула по дорогѣ на лѣво—и женщина очутилась въ двухъ шагахъ отъ меня; она слегка повела головою — и я узналъ Евлампію Харлову. Я узналъ ее немедленно, я ни единаго мгновенія не колебался, да и нельзя было колебаться, такихъ глазъ какъ у ней—и особенно такого склада губъ—надменнаго и чувственнаго—я ни у кого не видывалъ. Лицо ея стало длиннѣе и суше, кожа потемнѣла, кой-гдѣ виднѣлись морщины; но особенно измѣнилось выраженіе этого лица! Трудно передать словами, до чего оно стало самоувѣренно, строго, горделиво! Не простымъ спокойствіемъ власти—пресыщеніемъ власти дышала каждая черта; въ небрежномъ взорѣ, который она на меня уронила — сказывалась давнишняя, застарѣлая привычка встрѣчать одну благоговѣйную, безотвѣтную покорность. Эта женщина—очевидно—жила, окруженная не поклонниками—а рабами; она, очевидно, даже забыла то время, когда какое-либо ея повелѣніе или желаніе — не было тотчасъ

исполнено! Я громко назвалъ ее по имени и по отчеству; она чуть-чуть дрогнула, вторично посмотрѣла на меня—не съ испугомъ—а съ презрительнымъ гнѣвомъ, кто-молъ смѣетъ меня безпокоить?—и едва раскрывъ губы, произнесла повелительное слово. Сидѣвшій рядомъ съ ней мужчина встрепенулся, съ размаха ударилъ возжей по лошади—та двинулась впередъ шибкой и крупной рысью—и телѣга скрылась.

Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ болѣе Евлампіи. Какимъ образомъ дочь Мартына Петровича попала въ хлыстовскія богородицы—я и представить себѣ не могу; но кто знаетъ, быть можетъ, она основала толкъ, который назовется—или уже теперь называется, по имени—Евлампіевщиной? Все бываетъ, все случается.

И вотъ что́ я имѣлъ сказать вамъ о моемъ степномъ королѣ Лирѣ, о семействѣ его и о поступкахъ его.

Разскащикъ умолкъ—а мы потолковали немного, да и разошлись во-свояси.

Ив. Тургеневъ.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

ЕЯ НУЖДЫ.

Два мѣсяца прошло со времени закрытія послѣдней всероссійской выставки мануфактурныхъ произведеній, но впечатлѣніе, оставленное этой блестящей картиной русской производительности еще не изгладилось, конечно, у четырехъ-сотъ тысячъ посѣтителей выставки. Въ какой степени картина эта соотвѣтствовала изображаемой ею дѣйствительности и отражала успѣхи или неудачи нашей промышленности, вотъ вопросъ, который могутъ и должны разрѣшить лишь спеціалисты по каждой отрасли производства, и разъясненіе котораго прежде всего слѣдуетъ искать въ отчетахъ экспертной коммисіи, обнародованіе которыхъ, безъ сомнѣнія, не заставитъ себя ждать.

Но техническій успѣхъ, замѣчаемый въ томъ или другомъ производствѣ, не имѣетъ существеннаго значенія, пока онъ не приноситъ съ собою полезныхъ экономическихъ рѣзультатовъ, пока онъ не принимаетъ промышленныхъ размѣровъ, а это въ свою очередь нерѣдко зависитъ отъ множества условій, лежащихъ какъ въ самомъ свойствѣ техническаго дѣла, такъ и въ разныхъ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Изученіе успѣховъ нашей промышенности съ этой именно точки зрѣнія, въ связи съ условіями ея развитія, составляетъ задачу настоящихъ очерковъ, имѣющихъ цѣлью,—безъ претензіи исчерпать предметъ—обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны нашего промышленнаго развитія.

I.

Начало нашей мануфактурной и фабричной промышленности относится къ началу XVIII-го столѣтія, къ той эпохѣ, когда Петръ Великій, вызывая Россію къ новой общественной и политической жизни, старался пробудить и спавшія дотолѣ производительныя силы страны. Въ теченіе же осьми съ половиною вѣковъ предки наши довольствовались или нехитрыми издѣліями домашняго приготовленія, или заморскими продуктами, которые привозились для удовлетворенія преимущественно потребностямъ высшихъ классовъ и двора. Правда, болѣе или менѣе благопріятныя естественныя условія мало-по-малу создали какъ бы районы извѣстныхъ отраслей производства, но при обширности русской земли, при однообразіи ея природы, которымъ обусловливалось и однообразіе образа жизни, при рѣдкости населенія, при безразличіи городовъ и селеній, не могло создаться ни обширныхъ промышленныхъ центровъ, какими явились города въ западной Европѣ, ни самостоятельнаго класса мастеровъ и ремесленниковъ, и не могло возникнуть ни развитія, ни усовершенствованія промышленности. Патріархальная, первобытная форма домашняго производства была господствующею у насъ формою промышленности [1]).

Изъ лѣтописныхъ извѣстій и другихъ историческихъ памятниковъ мы знаемъ, что предки наши издревле воздѣлывали ленъ и пеньку, пряли изъ нихъ пряжу и приготовляли холсты и полотна, которые, смотря по сортамъ, назывались яригой или грубой рядниной, толстиной, частиной и тончицей, и служили для дѣланія шатровъ, парусовъ, знаменъ, покрывалъ, савановъ и бѣлья. Гирное тканье, для скатертей и убрусовъ или полотенецъ было извѣстно уже въ XII-мъ столѣтіи, также какъ и плетеніе кружевъ. Крашенина и пестрядь принадлежатъ также къ издѣліямъ древнимъ. Изъ льна и пеньки выдѣлывались также рыболовныя и звѣроловныя сѣти, веревки, канаты и пакля. Изъ суконныхъ издѣлій въ Россіи издревле приготовлялись грубыя сукна, которыя назывались сермягой, и валеныя шляпы и шапки. Большая часть издѣлій, особенно служащихъ для одежды, приготовлялась въ домашнемъ быту и преимущественно женщинами; но нѣкоторыя мѣстности производили въ такомъ количествѣ, что могли сбывать часть своихъ издѣлій и для продажи. Такъ холсты и полотна, производимые въ окрестностяхъ Ярославля,

---

[1]) Весьма обстоятельныя свѣдѣнія о нашей древней промышленности можно найти въ сочиненіи г. Аристова: «Промышленность древней Руси». Спб. 1866.

Валдая и Каргополя, а также въ мѣстностяхъ по западной Двинѣ и Вагѣ, вывозились въ значительномъ количествѣ за границу. По показаніямъ Кильбургера въ концѣ XVII-го вѣка вывозилось отъ насъ за границу до 30,000 аршинъ холста и до 168,000 арш. сукна, цѣною отъ 5 до 6 коп. за аршинъ, чрезъ одинъ Архангельскъ.

Несмотря на то, что народъ, по бѣдности своей и обилію лѣса, носилъ и до сихъ поръ еще большею частью носитъ лапти, кожевенное производство было однимъ изъ весьма древнихъ въ Россіи. Кожевенный чанъ служилъ уже при Димитріѣ Донскомъ такой же податной единицей, какъ и лавка и соха. Выдѣлка кожаной обуви, сбруи и вооруженія для великихъ князей и бояръ была издавна предметомъ занятій особыхъ ремесленниковъ и частію монастырскихъ братій. Жители Москвы, Ярославля, Костромы, Нижняго-Новгорода, Казани считались искусными кожевниками и сверхъ того занимались приготовленіемъ мыла, поташа, масла, ворвани, рыбьяго клея и т. п.

Обиліе лѣсовъ рано создало промыслы: плотническій, столярный и бондарный и выдѣлку тѣхъ многочисленныхъ деревянныхъ издѣлій, которыми и до нынѣ занимаются цѣлыя селенія въ нѣкоторыхъ лѣсистыхъ губерніяхъ. Слобода Холуй славилась иконнымъ производствомъ еще въ началѣ XVII-го столѣтія. Гончарное производство было довольно значительно въ древней Россіи, и цѣлый кварталъ въ Новгородѣ носилъ названіе Гончарнаго конца; напротивъ, стекляннаго и хрустальнаго промысла вовсе не существовало въ Россіи; окна были не изъ стекла, а изъ слюды, и всѣ стеклянныя и хрустальныя издѣлія привозились изъ-за моря.

Рано выучились наши предки плавить желѣзную руду, выдѣлывать изъ нея желѣзо и ковать его. Такъ Устюжна-Желѣзно-польская ясно своимъ названіемъ обнаруживаетъ мѣстный промыселъ ея жителей. Изъ желѣзной руды, которая добывалась въ разныхъ мѣстахъ, приготовлялись разные предметы домашняго обихода, какъ топоры или сѣкиры, ножи и ножницы, мотыки, котлы, таганы, солеваренные црѣны, вѣсы и гири или ставила, также земледѣльческія орудія, лемеха, рала, косы и серпы, плотническіе, столярные и кузнечные инструменты, наконецъ, воинскія вооруженія. Жители нынѣшней Тульской губерніи издавна занимались выплавкою чугуна въ домашнихъ горнахъ и переработкою его въ издѣлія, а затѣмъ перешли и къ выдѣлкѣ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Жители села Павлова на Окѣ и приволжскихъ деревень Работники и Безродная издавна славились своими дешевыми маленькими замками и другими мелкими желѣзными издѣліями. Искусство плавить мѣдь, свинецъ и олово также было

небезъизвѣстно на Руси, о чемъ свидѣтельствуютъ колокола и мѣдныя двери туземнаго производства въ разныхъ церквахъ, свинцовые и оловянные листы для крышъ церковныхъ, и наконецъ свинцовыя печати, которыя привѣшивались къ грамотамъ.

Золотыя и серебряныя издѣлія, хотя и были доступны лишь весьма ограниченному кругу потребителей и большею частью привозились изъ-заграницы, однако нерѣдко производились и туземными мастерами. Вологда и Устюгъ Великій обязаны развитіемъ у нихъ выдѣлки золотыхъ и серебряныхъ вещицъ съ чернью переселившимся въ нихъ потомкамъ нѣмецкихъ и итальянскихъ художниковъ, по удаленіи ихъ изъ Новгорода вслѣдствіе уничтоженія новгородскихъ вольностей.

Вообще съ начала XVII-го столѣтія, когда миновала смутная эпоха и въ русской землѣ водворился нѣкоторый порядокъ, когда прекратились кочеванія сельскаго народонаселенія, стали замѣтнѣе возникать и развиваться большіе центры однородной, домашней промышленности частію въ селахъ, особенно подмосковныхъ, частію въ нѣкоторыхъ городахъ, благопріятствуемыхъ выгоднымъ положеніемъ. Тамъ, гдѣ производство домашнихъ крестьянскихъ издѣлій превышало ограниченныя потребности мѣстнаго населенія, тамъ излишекъ этихъ издѣлій поступалъ, черезъ посредство странствующихъ русскихъ, и нерѣдко иностранныхъ торговцевъ, въ продажу и часто имѣлъ отдаленный сбытъ. Здѣсь, въ этихъ порядкахъ, слѣдуетъ искать начало нашихъ офеней или ходебщиковъ, которые странствовали по Россіи, закупая всякую всячину и разнося ее по самымъ отдаленнымъ странамъ. Слѣды офенской торговли видны уже въ XV-мъ столѣтіи, въ землѣ Суздальской. Оттого рано развилась въ Россіи и ярмарочная торговля, и оттого же происходило, что даже въ концѣ прошедшаго столѣтія легче и дешевле было купить готовое издѣліе, нежели заказать его ремесленнику. Отсюда небрежность въ исполненіи всѣхъ издѣлій, застой и неподвижность въ пріемахъ производства. Фабричный характеръ имѣли у насъ лишь весьма немногія отрасли промышленности, какъ напр., кожевенная, салотопенная, поташная и др.

Недостатокъ опытныхъ и искусныхъ мастеровъ и ремесленниковъ и вообще скудость и отсталость туземной промышленности, уже въ XVI и въ XVII ст., особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сдѣлались весьма ощутительны и нерѣдко вызывали привлеченіе иностранныхъ ремесленниковъ и промышленниковъ разными поощреніями и привилегіями. Такимъ путемъ создались у насъ, съ помощію иностранныхъ знаній и капиталовъ, нѣсколько фабрикъ шелковыхъ, писчебумажныхъ, стеклянныхъ и другихъ. Но

все это были только слабыя и неудачныя попытки къ водворенію у насъ фабричной промышленности. Лишь энергической волѣ и неутомимой дѣятельности Петра Великаго удалось положить, несмотря на всѣ естественныя и соціальныя препятствія, болѣе прочную основу фабричной и мануфактурной промышленности Россіи. Цѣли этой Петръ Великій достигнулъ, большею частію, тѣми же искусственными мѣрами, которыя, въ его время, были въ ходу во всей западной Европѣ, благодаря господству меркантильныхъ воззрѣній, и потому едва ли можно обвинять его, въ настоящее время, подъ вліяніемъ нынѣшнихъ экономическихъ ученій, за настойчивость и часто насильственность въ проведеніи тѣхъ принциповъ, которые были удѣломъ его вѣка. Главныя мѣры Петра Великаго къ развитію промышленности заключались въ основаніи казенныхъ фабрикъ и мануфактуръ, съ отдачею ихъ впослѣдствіи частнымъ лицамъ и компаніямъ въ содержаніе, въ поощреніи частныхъ лицъ къ основанію фабрикъ, освобожденіемъ отъ разныхъ пошлинъ и повинностей, разрѣшеніемъ покупать крестьянъ съ землею и безъ земли, для употребленія ихъ въ работу на фабрикахъ, безпроцентными ссудами денегъ изъ казны, предоставленіемъ монополіи первому заведенію во всякомъ родѣ, до тѣхъ поръ, пока оно получитъ прочное существованіе; въ приглашеніи иностранцевъ къ основанію фабрикъ съ подобными же льготами. Необходимымъ дополненіемъ этихъ мѣръ являлось разрѣшеніе безпошлиннаго ввоза фабрикантами нужныхъ имъ сырыхъ матеріаловъ, запрещеніе вывоза нужныхъ имъ туземныхъ и запрещеніе или ограниченіе ввоза соотвѣтственныхъ русскимъ произведеніямъ иностранныхъ издѣлій. Болѣе всего Петръ Великій заботился о развитіи у насъ фабрикъ суконныхъ и полотняныхъ, а также оружейныхъ и пороховыхъ, для удовлетворенія потребностямъ арміи и флота. Какъ насильственны были въ этомъ отношеніи мѣры Петра, можно видѣть, напримѣръ, изъ указа 16 января 1712, въ которомъ говорилось: «Заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ, чтобы чрезъ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, а именно, чтобы не въ одномъ мѣстѣ завесть, а заведчи дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, *буде волею не похотятъ, хотя въ неволь*»; или изъ другого указа отъ 28 февраля 1711 года, объ отдачѣ двумъ торговымъ людямъ полотняной и скатертной фабрики, учрежденной въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ сказано, чтобъ они тотъ заводъ «распространили съ прибылью, своимъ коштомъ, и сдѣланное на тѣхъ заводахъ продавали повольною цѣною, на свои избытки, а буде они оный заводъ радѣніемъ своимъ умножатъ и учинятъ въ немъ прибыль, и за то они отъ него, великаго государя, по-

лучатъ милость, а буде не умножатъ и нерадѣніемъ умалятъ, и за то на нихъ, и которые будутъ съ ними въ товарищахъ, взято будетъ штрафу по тысячѣ рублей на человѣка.»

Нерѣдко царскіе указы, не ограничиваясь направленіемъ частной предпріимчивости на ту или другую отрасль производства, являлись руководителями и въ самой области техники, предписывая тотъ или другой видъ, ту или другую форму издѣлія. Подобнымъ образомъ опредѣлена была ширина полотенъ, форма нѣмецкихъ шапокъ, способъ выдѣлки юфти и т. п.; тѣмъ же путемъ установлялись иногда даже цѣны нѣкоторыхъ фабричныхъ издѣлій.

Результатомъ неусыпныхъ стараній Петра Великаго о развитіи фабричной промышленности въ Россіи было то, что къ концу его царствованія въ ходу было уже около 100 фабрикъ и заводовъ, изъ коихъ нѣкоторые давали заработокъ тысячамъ рабочихъ и не только замѣнили на русскихъ рынкахъ иностранныя произведенія, но и сами сбывали свои за границу. Такъ полотняныя фабрики отпускали ежегодно болѣе 6 милліоновъ аршинъ разнаго парусиннаго и другого холста. Но, несмотря на эти, повидимому, блестящіе результаты, не слѣдуетъ забывать, что фабричная система, созданная искуственно Петромъ Великимъ, носила на себѣ и всѣ слѣды своего происхожденія. Основанная на несвободномъ трудѣ или крѣпостныхъ, или приписныхъ, или же бѣглыхъ крестьянъ, оставившихъ своихъ помѣщиковъ, чтобы воспользоваться льготами отъ рекрутской и другихъ повинностей, огражденная монополіями, обставленная разными заманчивыми для фабрикантовъ выгодами и почестями, фабричная промышленность должна была болѣе всего привлекать къ себѣ не серьезныхъ предпринимателей, а ловкихъ спекуляторовъ и не вносила замѣтнаго улучшенія въ народную жизнь.

Тѣмъ же характеромъ опеки, регламентаціи и поощренія большимъ мануфактурнымъ заведеніямъ, въ ущербъ малыхъ, отличался весь періодъ времени съ Петра Великаго до Екатерины II, которая сдѣлала попытку первыхъ либеральныхъ преобразованій въ промышленномъ законодательствѣ. Вопросъ этотъ предполагалось подвергнуть обсужденію коммиссіи составленія проекта новаго уложенія, и съ этою цѣлью депутату въ эту коммиссію отъ мануфактуръ-колегіи дана была инструкція, въ которой главными неудобствами прежняго порядка признается: 1) то, что заводчики хлопочутъ болѣе всего о покупкѣ себѣ деревень и о поступленіи на службу, и 2) что большія фабрики своими монополіями стѣсняютъ малыя. Затѣмъ предполагалось, что все пойдетъ хорошо, если промышленность предоставить самой себѣ, если всякому разрѣшено будетъ

работать, сколько обстоятельства его позволяютъ: почему въ особенности предлагалось стараться о распространеніи промышленности между крестьянами, тѣмъ болѣе, что во многихъ фабрикахъ есть уже мастеровые, а другіе могутъ ихъ пріобрѣсти такимъ же образомъ. Результатомъ такого измѣненія во взглядахъ правительства на средства развитія промышленности, была отмѣна привилегій, данныхъ нѣкоторымъ мануфактурамъ, предоставленіе каждому права на заведеніе фабрикъ, безъ особеннаго разрѣшенія, уничтоженіе сбора податей со становъ и т. д. Затѣмъ опредѣлены были права фабрикантовъ относительно покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, установлены правила, опредѣляющія свойства и продолжительность фабричной работы. Продолжая въ тоже время поощрять фабрикантовъ денежными ссудами и почетными отличіями, правительство не отказывалось совершенно и отъ учрежденія и распространенія казенныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ этомъ періодѣ основаны были близъ С.-Петербурга фарфоровый и стеклянный заводы, и многіе другіе.

Съ начала XVIII-го столѣтія начинается сперва ограниченіе покупки фабрикантами крестьянъ, а затѣмъ въ 1816 г. и совершенное запрещеніе; но за то право основывать фабрики и заводы было распространено на людей всякаго званія, не исключая крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ и даже помѣщичьихъ, съ дозволенія помѣщиковъ, со взятіемъ особыхъ торговыхъ свидѣтельствъ и съ запискою въ гильдію. Это расширеніе промышленной свободы содѣйствовало ограниченію монополіи большихъ фабрикантовъ и упроченію домашнихъ крестьянскихъ заведеній. Главнымъ центромъ промышленности до московскаго разоренія 1812 года была Москва: въ ней считалось въ 1811 году до 340 фабрикъ и заводовъ и до 200 мелкихъ мануфактурныхъ заведеній; въ уѣздахъ же московской губерніи до 150 фабрикъ и заводовъ. Большая часть этихъ фабрикъ и заводовъ были разрушены московскимъ пожаромъ и непріятельскимъ нашествіемъ; рабочіе съ московскихъ фабрикъ разсѣялись по всей Россіи и внесли свои знанія и трудъ въ новыя предпріятія, основанныя промышленными купцами разныхъ губерній. Суздаль, Шуя и село Иваново обязаны своимъ промышленнымъ развитіемъ именно отсутствію соперничества со стороны Москвы и паденію ея фабрикъ. Запретительный тарифъ 1822 года, оградивъ искусственной монополіей возникшія уже заведенія, далъ толчекъ и новымъ промышленнымъ предпріятіямъ.

Расширивъ кругъ лицъ, имѣющихъ право заводить фабрики, правительство предоставило полную свободу учредителямъ ихъ упо-

треблять такой капиталъ, и избирать такіе способы обработки издѣлій, какіе они сами признаютъ за лучшее, не отдавая никому отчета о причинахъ расширенія, сокращенія или уничтоженія своего производства, и доводя лишь до свѣдѣнія правительства о сдѣланныхъ ими перемѣнахъ. Поссесіонныя фабрики, т.-е. производившія работу приписными мастеровыми, были подчинены строгому контролю правительства и приписнымъ крестьянамъ открыты были даже способы выхода изъ своего состоянія. Наконецъ, въ послѣднія 40 лѣтъ правительство, сознавая недостатокъ распространенія техническихъ свѣдѣній въ промышленномъ сословіи, положило основаніе нѣкоторымъ техническимъ образовательнымъ заведеніямъ, учреждало для возбужденія соревнованія между производителями и для сближенія ихъ съ потребителями выставки мануфактурныхъ произведеній, по-очередно въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, предоставило нѣкоторую долю участія промышленному сословію въ обсужденіи вопросовъ, затрогивающихъ его интересы, посредствомъ учрежденія изъ его среды мануфактурнаго совѣта въ Петербургѣ, съ особымъ отдѣленіемъ въ Москвѣ и мануфактурными комитетами въ нѣкоторыхъ промышленныхъ городахъ, облегчило средства къ полученію кредита изъ казны подъ залогъ фабрикъ и подъ учетъ векселей, наконецъ приступило къ постепенному переходу отъ запретительнаго тарифа къ охранительному. Отмѣна крѣпостного права и всякаго обязательнаго труда въ нынѣшнее царствованіе увѣнчала этотъ рядъ мѣропріятій и вывела промышленность на путь правильнаго коммерческаго разсчета и свободной конкурренціи. Всѣ эти реформы въ общественной и экономической жизни не могли не отразиться благопріятно на промышленномъ развитіи страны.

II.

Чтобы выразить нагляднѣе наши промышленные успѣхи, всего лучше, конечно, прибѣгнуть къ краснорѣчивому языку цифръ. Но извѣстно, что промышленная статистика не только у насъ, но и у другихъ, болѣе опередившихъ насъ на статистическомъ поприщѣ, народовъ, находится еще далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Стóитъ заглянуть въ отдѣлъ промышленности любого иностраннаго статистическаго и особенно оффиціальнаго изданія, чтобы увидѣть, сколько въ немъ пробѣловъ и съ какой скудостью и осторожностью сообщаются данныя по этой части. Тѣмъ съ бóльшею осторожностью, конечно, слѣдуетъ обращаться съ данными нашей промышленной статистики, хотя

данныя эти и собираются оффиціально съ давняго времени, регулярно, каждый годъ. Главныя причины несовершенства ихъ заключаются въ томъ, что въ собираніи этихъ свѣдѣній до сихъ поръ не было твердо опредѣленной программы и яснаго разграниченія между заводскою, фабричною и ремесленною дѣятельностью; 2) что главными дѣятелями при собираніи свѣдѣній были чины городской и земской полиціи, совершенно некомпетентные въ подобныхъ вопросахъ, и 3) что сами промышленники, къ которымъ поступаютъ запросы статистическаго вѣдомства чрезъ полицію, не сознавая пользы и необходимости вѣрныхъ показаній своего производства, часто намѣренно скрываютъ истину изъ опасенія какихъ-нибудь фискальныхъ цѣлей правительства.

Регистрацій или переписей промышленности, одновременно съ переписью народонаселенія, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ странахъ, у насъ еще никогда не производилось; въ самыхъ переписяхъ или, какъ у насъ говорилось прежде, ревизіяхъ жители заносились лишь по сословіямъ, съ совершеннымъ упущеніемъ рода ихъ занятій, а потому вѣрныхъ свѣдѣній ни о числѣ лицъ, посвящающихъ себя промышленности, ни о цѣнности производимаго ими труда, у насъ не имѣется. Поэтому всѣ наши свѣдѣнія могутъ быть признаваемы лишь приблизительными и во всякомъ случаѣ скорѣе ниже, нежели выше дѣйствительности. Наиболѣе точными могутъ считаться свѣдѣнія только о фабрикахъ и заводахъ подлежащихъ платежу особаго акциза, каковы табачные, свеклосахарные, винокуренные, пиво—и медоваренные и т. п.

Соединяя имѣющіяся разрозненныя данныя о состояніи нашей мануфактурной промышленности въ разное время, можно составить слѣдующую таблицу:

	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производствъ въ рубляхъ.
Въ 1761 г.	200.	7,839.	2,122,000.
„ 1780.	478.	27,450.	6,600,000.
„ 1804.	2,423.	95,202.	26,750,000.
„ 1825.	5,261.	210,560.	68,735,000.
„ 1842.	6,930.	455,827.	97,865,000.
„ 1854.	9,444.	459,637.	151,985,000.
„ 1866.	16,451.	393,371.	342,914,000.

Но эти цифры не могутъ дать еще полнаго понятія о размѣрахъ нашей промышленности, потому что въ нихъ не включены свѣдѣнія, во-1-хъ, о фабрикахъ и заводахъ, обложенныхъ осо-

беннымъ акцизомъ, и во-2-хъ, о фабрикахъ и заводахъ царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго. Общее число обложенныхъ акцизомъ заводовъ въ 1866 году простиралось до 7,300 съ 100,000 рабочихъ и суммой производства около 125 мил. руб. Число фабрикъ и заводовъ въ привислинскомъ краѣ составляло 2,669 съ 27,130 рабочими и 23,355,000 р. производства; въ Финляндіи — 178, при 5764 рабочихъ и 4,758,163 р. цѣнности производства.

Такимъ образомъ, общее число всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ цѣлой имперіи въ 1866 году представитъ цифру 23,751, число рабочихъ—526,265, сумма производства—500 мил. руб.

Если бы даже приведенныя цифры были математически точны и вѣрны, онѣ не могли бы выразить дѣйствительнаго размѣра обработывающей промышленности Россіи, потому что, несмотря на развитіе, которое приняла у насъ, особенно въ послѣдніе полвѣка, мануфактурная и фабричная промышленность съ обширными мастерскими, съ сильными паровыми и водяными машинами, съ широкимъ раздѣленіемъ труда, мелкая крестьянская промышленность, разсѣянная по селамъ и деревнямъ, и часто называемая «кустарною», удержалась до сихъ поръ во многихъ отрасляхъ производства и нерѣдко съ успѣхомъ соперничаетъ съ большими фабричными заведеніями, выкупая несовершенства своего производства дешевизною своихъ издѣлій, вслѣдствіе низкой цѣнности употребляемаго на нихъ труда, который нерѣдко служитъ подсобнымъ занятіемъ къ главному, земледѣльческому промыслу производителя. Фактъ этотъ самъ по себѣ не составляетъ доказательства или признака отсталости нашей промышленности, потому что даже въ западной Европѣ до сихъ поръ на ряду съ громадными фабриками и заводами сохранилась во многихъ отрасляхъ промышленности форма мелкой домашней производительности, и даже именно въ тѣхъ, въ которыхъ всего болѣе чувствительна конкурренція фабрикъ и большихъ производствъ, а именно: въ льняной, хлопчатобумажной, шерстяной и металлической. Въ Россіи обширность крестьянской домашней производительности обусловливается главнѣйше ея климатическими и экономическими отношеніями. Продолжительныя зимы, въ теченіе которыхъ останавливаются почти всѣ земледѣльческія работы въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, недостатокъ земельнаго надѣла, для прокормленія нерѣдко многочисленной семьи, въ нѣкоторыхъ малоземельныхъ не-черноземныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе сгущеннаго населенія или малаго плодородія земли, наконецъ недостатокъ сбыта громоздкихъ земледѣльческихъ продуктовъ, въ нѣкоторыхъ даже многоземельныхъ мѣстностяхъ, таковы главныя обстоятель-

ства, давно заставившія значительную часть нашего сельскаго народонаселенія обратиться къ промышленнымъ занятіямъ въ подспорье ихъ главному и коренному промыслу — земледѣлію. Есть даже не мало селеній, которыхъ крестьяне давно забыли свое коренное занятіе—земледѣліе, и не пользуются сами своимъ поземельнымъ надѣломъ, отдавая его въ наемъ другимъ крестьянамъ, сами же исключительно занимаются мѣстными промыслами и ремеслами. Такъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи жители четырехъ слободъ близъ с. Лыскова занимаются исключительно сапожнымъ и башмачнымъ ремесломъ; такъ, въ Череповскомъ уѣздѣ Тверской губерніи до 20 тыс. крестьянъ, въ нѣсколькихъ волостяхъ, занимаются почти исключительно ковкою гвоздей; тоже можно сказать и о холуйскихъ иконописцахъ, въ Вязниковскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, о ростовскихъ и мышкинскихъ горшечникахъ, и о многихъ крестьянахъ-промышленникахъ Московской губерніи.

Точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о распредѣленіи и размѣрахъ разныхъ видовъ нашей крестьянской или кустарной промышленности, къ сожалѣнію, не имѣется. Въ описаніяхъ разныхъ губерній и уѣздовъ, въ статьяхъ и замѣткахъ разбросанныхъ по разнымъ №№ и годамъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей содержится много интересныхъ по этому предмету свѣдѣній и данныхъ; но все это матеріалъ почти непочатый, притомъ крайне разнообразный, разнокалиберный и ожидающій трудолюбиваго изслѣдователя. Починъ правда сдѣланъ г. Корсакомъ, въ его интересномъ сочиненіи: *О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ западной Европѣ и Россіи. Москва 1861;* но богатый имѣющійся матеріалъ имъ далеко еще не исчерпанъ, тѣмъ не менѣе сгруппированныя имъ данныя даютъ ясное понятіе о томъ важномъ народномъ значеніи, которое имѣетъ у насъ крестьянская кустарная и домашняя промышленность. На основаніи данныхъ, собранныхъ кадастровыми коммиссіями вѣдомства государственныхъ имуществъ о промысловыхъ занятіяхъ государственныхъ крестьянъ въ губерніяхъ Московской, Новгородской, Тверской, Нижегородской и Владимірской, т.-е. въ мѣстностяхъ, отличающихся наибольшимъ развитіемъ мануфактурной и фабричной промышленности, г. Корсакъ приходитъ къ тому заключенію (стр. 207 и 208), что сравнивая общее число работниковъ занятыхъ промыслами всякаго рода, съ числомъ фабричныхъ, которые работаютъ для фабрикъ или на собственный счетъ, и съ числомъ работниковъ, занятіе которыхъ относится къ разнымъ родамъ ремеслъ, въ четырехъ уѣздахъ

Московской губерніи, Звенигородскомъ, Подольскомъ, Верейскомъ и Московскомъ, и въ губерніяхъ Новгородской, Ярославской, Тверской, Нижегородской и Владимірской, между крестьянами преобладаютъ ремесленныя занятія, и только въ остальныхъ девяти уѣздахъ Московской губерніи замѣчается обратная пропорція. Сравнивая же, на основаніи тѣхъ же данныхъ, общее число занимающихся фабричными работами съ общимъ числомъ промышленниковъ вообще, онъ выводитъ, что въ Ярославской губерніи фабричныя занятія принадлежатъ только 7% всѣхъ промышленниковъ, въ Нижегородской почти 3%, а въ Тверской только $2^1/_2$%.

Отказываясь отъ попытки опредѣлить цифрами размѣры и цѣнность всей нашей домашней производительности, мы ограничимся сдѣланными выше указаніями на ея важность и возвратимся впослѣдствіи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея отраслямъ, при обозрѣніи главныхъ вѣтвей нашей фабричной производительности.

Но если, говоря о промышленности обработывающей вообще, нельзя ограничиваться одной фабричной промышленностью, упуская изъ виду домашнюю промышленность, то нельзя также упускать совершенно изъ виду и ремесленную промышленность, которая отличается отъ фабричной формы только тѣмъ, что въ ней главную роль играютъ ручная работа и простыя орудія, что къ ней относится выдѣлка такихъ издѣлій, которая, по свойствамъ самого матеріала, не допускаетъ большаго раздѣленія труда и употребленія машинъ, и производится по заказу для мѣстнаго сбыта, а не на будущій запросъ и для отдаленныхъ рынковъ. Съ введеніемъ новѣйшихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, поле ремесленной промышленности съуживается, и она мало-помалу переходитъ въ фабричную форму.

По исчисленіямъ Тенгоборскаго число разнаго рода ремесленниковъ, считая мастеровъ, рабочихъ и учениковъ, простиралось въ то время, т.-е. въ началѣ 1850-хъ годовъ, до 400 т. человѣкъ, и общую цѣнность ихъ производства онъ полагалъ въ 48 или 50 мил. руб. серебромъ. По свѣдѣніямъ же центральнаго статистическаго комитета, напечатаннымъ въ «Трудахъ коммиссіи по пересмотру фабричнаго и ремесленнаго уставовъ», въ 1858 году въ одной европейской Россіи считалось 331,555 ремесленниковъ, въ томъ числѣ мастеровъ 116,616, рабочихъ 135,402 и учениковъ 79,537.

Для опредѣленія цѣнности ремесленнаго производства мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ и, въ виду близости общаго числа ремесленниковъ, показаннаго Тенгоборскимъ, съ выведеннымъ

нами, можемъ принять его цифру 50 мил. рублей за приблизительную цѣнность ремесленной производительности.

Обращаясь собственно къ фабричной промышленности, о которой имѣются оффиціальныя, если и не вполнѣ достовѣрныя, но все-таки приблизительныя, данныя, и останавливаясь прежде всего на ея территоріальномъ распредѣленіи, мы увидимъ, что наибольшимъ развитіемъ фабричной промышленности отличаются губерніи Московская, С.-Петербургская, Владимірская, Ярославская, Тверская, Кіевская и Пермская. Въ этихъ семи губерніяхъ находится пятая часть общаго числа фабрикъ и производится 20% всей суммы ежегоднаго производства фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій.

Что касается раздѣленія фабрикъ и заводовъ на казенные, общественные и частные, то въ настоящее время, какъ извѣстно, сохраняется лишь самое незначительное число принадлежащихъ къ первой категоріи. Казенныя фабрики и казенное производство отжили свой вѣкъ, и убѣжденіе въ убыточности его сравнительно съ частнымъ производствомъ сдѣлалось убѣжденіемъ нашего вѣка и нашего правительства. Большая часть существующихъ нынѣ казенныхъ фабрикъ и заводовъ основаны давно, нѣкоторыя даже въ прошедшемъ столѣтіи, и имѣютъ главною цѣлью удовлетвореніе высшимъ государственнымъ потребностямъ, служащимъ для обороны и безопасности страны: таковы заводы пушечные, оружейные, пороховые, механическіе, фабрики заготовленія гербовыхъ и другихъ государственныхъ бумагъ. Но количество потребностей даже этого рода, въ настоящее время, такъ значительно, что правительство нерѣдко удовлетворяетъ значительную часть ихъ заказами частнымъ заводамъ внутри государства и заграницею. Въ недавнее время поднятъ у насъ вопросъ даже о разрѣшеніи частныхъ пороховыхъ заводовъ, по примѣру Англіи, Франціи и Австріи, а вопросъ о продажѣ нѣкоторыхъ казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки рѣшенъ въ принципѣ и лишь осуществленіе его замедляется по разнымъ административнымъ соображеніямъ [1]). Только немногія изъ казенныхъ фабрикъ служатъ для удовлетворенія обыкновеннымъ общественнымъ потребностямъ, но и тѣ назначаются почти исключительно для изготовленія предметовъ не всеобщаго употребленія, а предметовъ роскоши для императорскаго двора и высшихъ, богатыхъ сословій, и потому онѣ не могутъ почти считаться опасными

[1]) По этому вопросу интересныя данныя и соображенія представляютъ изслѣдованія академика В. П. Безобразова: «Уральское горное хозяйство и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ» С.-Петербургъ, 1869.

конкуррентами однородныхъ имъ частныхъ фабрикъ, и самое существованіе ихъ оправдывается, какъ значительными капиталами, издавна затраченными на нихъ, такъ и высокою степенью художественнаго совершенства, до которой они достигли, и невозможностью для частныхъ лицъ поддерживать подобныя фабрики, по дороговизнѣ содержанія и по ограниченности спроса на ихъ издѣлія. Таковы императорскіе заводы фарфоровый, стеклянный, екатеринбургская гранильная и колыванская шлифовальная фабрики кабинета его императорскаго величества. Единственной почти монопольной казенной фабрикой можно считать фабрику игральныхъ картъ императорскаго воспитательнаго дома.

Въ прежнее время существовали нѣкоторыя казенныя фабрики обыкновенныхъ общедоступныхъ издѣлій, имѣя назначеніемъ служить образцовыми и передовыми въ своемъ родѣ. Таковы были, напр., императорская петергофская бумажная мануфактура, основанная въ 1817 году, чтобы служить образцомъ для русскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ. Но фабрика эта въ первые 12 лѣтъ принесла казнѣ до 4 мил. р. сер. убытка, и хотя съ перемѣною управленія и съ передачею фабрики въ вѣдѣніе департамента удѣловъ, казна получила въ теченіи 6 лѣтъ 1,230,000 руб. чистаго барыша, но съ возрастаніемъ конкурренціи частныхъ бумажныхъ фабрикъ, дѣла петергофской казенной фабрики пришли въ упадокъ, и казна вынуждена была въ 1849 г. закрыть ее, а машины, которыми она дѣйствовала, продать въ частныя руки. Таже участь постигла нѣсколько лѣтъ тому назадъ и императорскую александровскую мануфактуру.

По немногочисленности казенныхъ фабрикъ и заводовъ считаемъ не безъинтереснымъ представить здѣсь сводъ данныхъ о размѣрахъ ихъ дѣятельности, пользуясь преимущественно свѣдѣніями, помѣщенными въ указателѣ послѣдней мануфактурной выставки:

Названіе фабрики или завода.	Годъ основанія.	Число рабоч.	Число паровыхъ маш.	Количество ежегоднаго производства.	Цѣнность.
Оружейные заводы:					
Пермскій сталепушечный и чугунно-пушечный заводъ, близъ Перми. . .	1864	—	2 п. м. / 41 сила	49,000 п. орудій и снарядовъ.	Руб. 187 т.
Златоустовская оружейная . . .	1817				
Княземихайловск. сталелитейная фабрика (объ Пермской губерніи).	1857	900	3 п. м. / 196 силъ.	разнаго оружія 40,000 шт. ударн. трубокъ 250 т. шт.	220 т.

Тульскій оружейный заводъ въ Тулѣ.	1712	2880 учениковъ 200.		60,000 нов. ружей.	1½ мил.
Сестрорѣцкій оружейный заводъ въ С.-Петерб. губ. .	1714	860 учен. 469.		10,000 винтовокъ.	
Пороховые заводы:					
Шостинск. въ Черниговской губ. Глуховск. уѣзда.	въ XVII вѣкѣ.			до 700,000 пудовъ пороха.	
С.-Петербургскій .	—				
Казанскій. . . .	—				
Машиностроит. заводы:					
Кронштадскій пароходный заводъ	1858	1000	4 п. м. 135 силъ.		1 мил.
Кронштт. портовая кузница		109	3 п. м. 36 силъ		81 т.
Кронштт. бронепріуготовительная мастерская		7	1 п. м. 30 силъ.		—
Адмиралтейскіе Ижорскіе заводы морскаго министерства С.-Петербургск. губ. Царскосельскаго уѣзда въ селѣ Колпинѣ.	1713	1850	17 вододѣйств. кол. 918 силъ. 14 пар. маш. 408 силъ. 13 пар. молот.		1½ мил.
Варшавскій казенный заводъ . . .		124		разныхъ машинъ для завод. и земледѣл.	128 т.
С.-Петербургскій хирургическій инструментальный заводъ военн. мин.		100	1 п. м. 20 силъ.		неизв.
Канатная фабрика морского вѣдомства въ Кронштадтѣ.			1 п. м. 20 силъ.	такелажа для флота, 32,880 пуд.	425 т.
Бумажные:					
Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.	1818	1912	17 п. м. 470 силъ.	80 до 120 т. листовъ.	
Фабрика Польскаго банка въ Варшавѣ.	1750		2 вод. маш. 60 силъ 1 п. м. 14 силъ.	герб. бум. и банк. бил. на	132 т.

Фабрика игральныхъ картъ Имп. Воспитательнаго дома		—			1 мил.
Екатеринбургская гранильная фабрика кабинета его имп. вел. . .	1765	55			20 т.
Колыванская шлифовальная фабрика кабинета его имп. вел. . . .	1787	50	всѣ маш. приводятся въ движеніе водою.		15 т.
Императорскій фарфоровый заводъ близъ С.-Петербурга въ Шлиссельбургск. уѣздѣ.	1744	290	1 п. м. / 12 силъ.		100 т.
Императорскій стеклянный заводъ тамъ же	1792	170	1 п. м. / 20 с.	1500 шт. стекл издѣл. 280 п. мозаическ. эмал.	60 т.

Такимъ образомъ, можно полагать цѣнность производства 23 поименованныхъ казенныхъ фабрикъ и заводовъ съ 12,000 рабочихъ, не считая многихъ горныхъ заводовъ, также занимающихся изготовленіемъ машинъ и артиллерійскихъ снарядовъ, въ 6 мил. руб. сер.

Но если минулъ вѣкъ казенныхъ фабрикъ, за то настаетъ другой — вѣкъ ассоціаціи частныхъ капиталовъ, для направленія и усиленія производства къ одной цѣли. Число промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на акціонерныхъ компаніяхъ, возрастаетъ постоянно, и нынѣ, или вѣрнѣе, по свѣдѣніямъ за 1868 годъ, всѣхъ промышленныхъ акціонерныхъ компаній состояло у насъ 106. Изъ нихъ было 90 въ Россіи съ основнымъ капиталомъ болѣе 50 милліоновъ руб. сер., и 16 въ Финляндіи.

Обращая вниманіе на число рабочихъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, мы увидимъ, что число это постоянно возрастало до 1842 года, съ того же времени оно сперва какъ бы пріостановилось, а затѣмъ стало падать. Въ 1842 г. было 455,827 рабочихъ, въ 1854 г.—459,637 и въ 1866 г.—393,371. При постоянно увеличивающемся числѣ фабрикъ, и возрастающей цѣнности производства мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, замѣчаемое уменьшеніе числа рабочихъ можно объяснить лишь однимъ явленіемъ, именно усиливающимся распространеніемъ паровыхъ и другихъ машинъ.

Къ этому убѣжденію приводитъ отчасти и то соображеніе, что уменьшеніе числа рабочихъ замѣчается послѣ 1842 года, именно послѣ того года, когда въ Англіи разрѣшенъ былъ свободный вывозъ всякаго рода машинъ, чѣмъ воспользовались и наши фабриканты, начавшіе выписывать преимущественно оттуда нужныя имъ машины. Употребленіе паровыхъ машинъ нынѣ во всѣхъ странахъ служитъ однимъ изъ мѣрилъ развитія промышленности. Въ какой степени шло возрастаніе примѣненія на нашихъ фабрикахъ паровыхъ двигателей, къ сожалѣнію, объ этомъ мы не можемъ судить, потому что данныя по этому предмету необнародывались. Въ «Ежегодникѣ министерства финансовъ» на 1869 годъ, мы нашли въ первый разъ, въ примѣчаніяхъ къ перечнямъ фабрикъ и заводовъ, указаніе и на число паровыхъ машинъ и ихъ силъ, дѣйствующихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ. Въ какой степени эти свѣдѣнія полны, трудно рѣшить этотъ вопросъ. Сдѣланная нами выборка показала, что на 368 фабрикахъ находится у насъ 772 паровыя машины въ 16,750 силъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти числа далеко ниже дѣйствительности, потому уже что сюда не вошли паровыя машины винокуренныхъ и свеклосахарныхъ заводовъ, ни, вѣроятно, многія другія машины, по недоставленіи фабрикантами точныхъ свѣдѣній о своихъ заведеніяхъ. Если даже мы удвоимъ вышеозначенныя цифры, чтобы болѣе приблизиться къ истинѣ, то и тогда круглая цифра 1,500 паровыхъ машинъ въ 33,000 силъ окажется далеко ниже числа машинъ, дѣйствующихъ въ большей части другихъ европейскихъ государствъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы [1]):

		Число машинъ.	Число силъ.
Въ Великобританіи (на однѣхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ)	въ 1861 г.	—	375,204
» Франціи	» 1864 »	19,724	242,200
» Пруссіи	» 1861 »	6,669	137,377
» Австріи	» 1863 »	2,805	43,962
» Таможенномъ Союзѣ . . .	» 1861 »	8,821	222,985
» Бельгіи	» 1866 »	6,664	147,616
» Россіи	» 1866 »	1,500	33,000

Распространеніе у насъ паровыхъ двигателей находится въ прямой зависимости отъ существующихъ еще запасовъ лѣса и отъ распространенія въ употребленіи каменнаго угля, о кото-

---

[1]) Цифры объ иностранныхъ государствахъ заимствованы изъ сочиненія Блока: L'Europe politique et sociale». Paris, 1869, стр. 106—108.

ромъ еще Петръ Великій съ своимъ проницательнымъ взглядомъ сказалъ: «сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ будетъ весьма полезенъ», — а потому, прежде чѣмъ перейти къ обзору главныхъ отраслей нашей заводской и фабричной промышенности, нельзя не остановиться на вопросѣ о настоящемъ положеніи и будущности нашего каменноугольнаго промысла, служащаго всюду краеугольнымъ камнемъ промышленности. Богатство лѣсовъ и позднее развитіе у насъ всѣхъ вообще фабричныхъ и заводскихъ отраслей производства, долго заставляли пренебрегать существующими въ Россіи залежами каменнаго угля. Лишь съ постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ, какъ въ уральскомъ районѣ нашей желѣзной промышленности, такъ и въ московскомъ фабричномъ округѣ, съ пробужденіемъ промышленной дѣятельности въ южномъ безлѣсномъ степномъ краѣ, и съ развитіемъ пароходства и желѣзныхъ дорогъ, явилась потребность въ разработкѣ туземнаго каменнаго угля, независимо отъ быстро возраставшаго ввоза иностраннаго каменнаго угля. По англійскимъ таможеннымъ отчетамъ, въ которыхъ вывозъ каменнаго угля показывается вѣсомъ, а не цѣною, какъ въ русскихъ, въ 30-хъ годахъ ввозимо было къ намъ около $2^1/_2$ мил. пуд., въ 40-хъ—около $9^1/_2$ мил. пуд., а нынѣ ввозится около 35 мил. пудовъ.

Успѣшными въ послѣднее время развѣдками какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ, существованіе каменноугольныхъ залежей въ Россіи обнаружено на весьма обширныхъ пространствахъ. Въ европейской Россіи главныя залежи угля находятся [1]): 1) на западномъ и восточномъ склонахъ уральскаго хребта; 2) въ губерніи Екатеринославской и въ области донскихъ казаковъ; 3) въ губерніяхъ: новгородской, тверской, московской, калужской, тульской и рязанской; 4) въ губерніи симбирской, между Ставрополемъ и Сызранью; 5) въ привислинскомъ краѣ; и, сверхъ того, открыты залежи также въ Сибири, въ губерніи Томской, въ приморской области Восточной Сибири и въ области сибирскихъ киргизовъ, наконецъ на Кавказѣ. Самыми обширными и богатыми залежами каменнаго угля считаются каменноугольные бассейны донецкій и подмосковный. Донецкій занимаетъ пространство длиною въ 260 верстъ и шириною въ 150. По изслѣдованію горными инженерами гг. Носовыми западной части донецкаго каменноугольнаго кряжа [2]), занимающаго край Бахмут-

---

[1]) Des gisements de charbon de terre en Russie, par G. de Helmersen, Membre de l'Académie Impériale des sciences. St. Pétersbourg.

[2]) «Описаніе западной части донецкаго каменноугольнаго кряжа» съ картою. Со-

скаго уѣзда и двѣ трети Славяносербскаго, Екатеринославской губерніи, площадь обнаженной каменноугольной формаціи этого кряжа равняется 7.760 квадратн. верстамъ. Изъ нихъ площадь собственно каменныхъ углей занимаетъ 6,515 квадр. верстъ, а площадь антрацитовыхъ углей—1,245 квадр. верстъ. Площадь доступныхъ для разработки угольныхъ пластовъ равняется 590 кв. верстамъ. Площадь угля 44 рабочихъ пластовъ, доступныхъ для разработки до глубины 300 саженъ, равняется 2,487,894,750 кубическ. сажен., что равняется, по приблизительному разсчету, 1,243,947,375,000 пудамъ. При ежегодной разработкѣ до 50 милліоновъ пудовъ всего вычисленнаго количества, его можетъ достать на 25,000 лѣтъ. Даже если бы разработка достигла тѣхъ же размѣровъ, какъ во Франціи и въ Бельгіи, т. е. 750 мил. пуд. въ годъ, или въ Пруссіи—1,050 мил. пуд., то и тогда хватило бы запаса минеральнаго топлива въ Екатеринославской губерніи болѣе чѣмъ на 1,000 лѣтъ. Между тѣмъ нынѣ изъ этихъ копей добывается не болѣе какъ отъ 3 до 3½ мил. пуд. въ годъ. На огромное значеніе и будущность донецкаго угля указывалъ еще въ 1842 году г. Летле; но въ то время вся добыча угля въ этомъ бассейнѣ не превышала 700 тысячъ пудовъ, въ 1851 году она возросла уже до 3 мил. пудовъ; съ развитіемъ пароходства на Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ, и съ устройствомъ нѣсколькихъ значительныхъ механическихъ мастерскихъ, ежегодная добыча угля въ донецкомъ кряжѣ въ настоящее время достигла до 7 и даже 8 мил. пуд., изъ коихъ однѣ грушевскія копи даютъ до 5 мил. пуд. отличнаго антрацита, содержащаго въ лучшихъ сортахъ отъ 80 до 90% чистаго углерода. Въ послѣднее время богатство каменноугольныхъ копей донецкаго бассейна вмѣстѣ съ другими минеральными богатствами этого края стали привлекать весьма значительныхъ англійскихъ капиталистовъ въ этотъ край, и все обѣщаетъ скорую и блестящую будущность его промышленному развитію.

Не менѣе блистательная будущность ожидаетъ и подмосковный каменноугольный бассейнъ, расположенный въ центрѣ нашего мануфактурнаго района, пересѣкаемый многими важными судоходными рѣками и прорѣзываемый сѣтью желѣзныхъ дорогъ [1]). Въ одной тульско-калужской залежи, занимающей

ставили горные инженеры Носовъ 1-й и Носовъ 2-й. С.-Петербургъ, 1869. «Донецкій каменноугольный и желѣзный кряжъ». П. Македонскаго. Москва, 1869.

[1]) «Настоящее подмосковнаго земляного угля». Сообщеніе, читанное въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ 10-го мая 1869 г., г. Лебедевымъ. Спб. 1869.

площадь 10,000 кв. верстъ, запасъ каменнаго угля исчисляютъ въ 125 милліардовъ пудовъ, которыхъ, при ежегодной добычѣ до 100 мил. пудъ, достаточно было бы для обезпеченія топливомъ подмосковнаго края на 1,250 лѣтъ. Цѣнность этого подземнаго богатства опредѣляютъ въ 7 милліардовъ рублей. Въ настоящее время разработка каменнаго угля въ московскомъ бассейнѣ не превышаетъ 3 мил. пуд. въ годъ.

Вся добыча каменнаго угля въ Россіи безъ Царства Польскаго составляла:

		въ томъ числѣ антрацита.
Въ 1850 году . . .	3,160,000 пуд.	2,360,000 п.
» 1860 » . . .	7,288,000 „	—
» 1865 » . . .	12,589,000 „	5,929,000.
» 1868 » . . .	12,161,000 „	5,456,000.

По мѣстностямъ разработка каменнаго угля распредѣлялась въ 1868 году слѣдующимъ образомъ [1]):

	Число копей.	Каменнаго угля.	Антрацита.
Въ подмосковномъ бассейнѣ . . .	6	2,967,334	—
„ донецкомъ	32	2,371,716	5,455,944
„ приуральскомъ	3	323,645	—
„ кузнецкомъ (Томской губер.) .	1	188,167	—
„ бассейнѣ области сибирскихъ киргизовъ	4	382,414	—
„ бассейнѣ приморской области Восточной Сибири	1	333,880	—
„ закавказскомъ.	1	138,000	—
	48	6,705,156	5,455,944
		12,161,100	
Сверхъ того въ Царствѣ Польскомъ	8	15,220,401	

Кромѣ каменнаго угля и антрацита, въ Кіевской губерніи разрабатываются залежи лигнита, дающія до 90,540 пудовъ и обезпечивающія свеклосахарные заводы графа Бобринскаго. За Кавказомъ также добывается до 60,000 пуд. лигнита.

Какъ ничтожна еще въ настоящее время вся разработка ка-

---

[1]) Tableaux statistiques de l'industrie des mines en Russie en 1868 par C. Skalkovsky, ingénieur des mines, édité par le Departement des mines. St. Pétersbourg, 1870.

меннаго угля въ Россіи и до какихъ обширныхъ размѣровъ можетъ она достигнуть, при болѣе быстромъ развитіи у насъ промышленности, желѣзныхъ дорогъ и пароходства и при огромныхъ запасахъ каменнаго угля въ нашей почвѣ, можно судить изъ сравненія цифры 27 мил. пудовъ нашей теперешней годовой добычи угля (1868 года) съ слѣдующими цифрами разработки каменнаго угля (въ 1867 году) въ наиболѣе промышленныхъ странахъ:

Въ Англіи добыто было . . .	6,200,000,000 пуд.
„ Пруссіи	1,054,000,000
„ Сѣверной Америкѣ. . . .	1,054,000,000
„ Франціи	744,000,000
„ Бельгіи	744,000,000

Милліарды пудовъ каменнаго угля, лежащихъ еще не тронутыми въ нашей почвѣ, составляютъ богатое наслѣдіе для нашихъ ближайшихъ поколѣній, которое, при поступательномъ развитіи нашей гражданской и экономической жизни, можетъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій нашего будущаго промышленнаго прогресса и доставитъ Россіи современемъ почетное мѣсто въ ряду самыхъ производительныхъ странъ міра.

В. Вешняковъ.

ТЕМЗА

Изъ Барбье.

Скажи мнѣ, пріятель, зачѣмъ одиноко
Вдоль берега бродишь ты поздней порой,
И въ волны шумящія Темзы глубокой
Глядишь такъ упорно, съ угрюмой тоской?
— Зачѣмъ?! Иго жизни страданія полной
И вѣчной борьбы съ нищетой—въ эти волны
Съ себя добровольно я сбросить хочу,
Какъ плащъ обветшалый, дырявый, негодный,
Что́ теплой защиты въ день зимній холодный
Продрогшему дать ужъ не можетъ плечу.

— Какъ! набожной Англіи сынъ, ты рѣшишься
Нить жизни, дарованной Богомъ порвать?
Опомнись, безумный! Ужель не страшишься
Ты на душу грѣхъ этотъ смертный принять?
У жизни и счастья и радостей вволю!
А если невзгоды, быть можетъ, на долю
Достались тебѣ.... унывать постыдись!
Не старъ ты, я вижу, и силъ въ тебѣ много,
Такъ съ твердой, святою надеждой на Бога,
Не падая духомъ, живи и трудись!

— Легко говорить вамъ «трудись!» это слово
Давно мнѣ знакомо; оно съ языка
Всегда у счастливыхъ сорваться готово,
Чтобъ въ сердце больнѣй уязвить бѣдняка.

Ужъ я-ль, какъ подумаешь, мало трудился!
Нѣтъ, съ дѣтства, съ трудомъ я, какъ съ жизнью, сроднился,
Насущный свой хлѣбъ цѣлый вѣкъ обливалъ
Я потомъ кровавымъ, горючей слезою,
Я горы ворочалъ, не зная покою —
И все-жъ въ непосильной борьбѣ упадалъ!...

Ахъ, еслибъ вы въ кожѣ моей побывали, —
Меня осуждать вы не стали бы такъ,
А съ воплемъ сердечнымъ навѣрно-бъ сказали: —
Умри, поскорѣй, горемыка-бѣднякъ!
Болѣзнь ли несчастнаго здѣсь одолѣетъ,
Работы-ль не хватитъ, а онъ не имѣетъ
Пріюта въ дождливую, темную ночь,
И къ ближнему въ дверь наконецъ постучится,...
Бродягу никто отогрѣть не рѣшится,
И скажетъ ему неизмѣнное «прочь»!

Не то, чтобъ къ несчастнымъ здѣсь лучъ состраданья
Въ сердцахъ у людей совершенно погасъ....
Нѣтъ, въ залахъ роскошныхъ свои засѣданья
Ведутъ комитеты о бѣдныхъ у насъ:
Тщеславія ради, счастливые міра
Гнилыми объѣдками пышнаго пира
Не прочь подѣлиться порой съ бѣднякомъ,
Но съ тѣмъ, чтобъ пасторъ за него поручился
И, въ знакъ одобренья, ему согласился
На званіе нищаго выдать дипломъ.

Съ такимъ драгоцѣннымъ дипломомъ свободный
Открытъ къ сердцу ближняго нищему путь!...
Да, корку сухую, какъ шавкѣ голодной,
Иной разъ и броситъ ему кто-нибудь...
Но, Боже! поймите-жъ, какое мученье
Всю страшно-глубокую бездну паденья,
Весь омутъ позора въ душѣ сознавать,
И все же въ грязи цѣлый вѣкъ пресмыкаться,
У ногъ благодѣтелей вѣчно валяться
И ради подачки, имъ руки лизать!...

Оно еще можно-бъ сносить униженья
И впроголодь жизнь кое-какъ коротать,
Когда бы хоть искру одну утѣшенья,

Взамѣнъ всѣхъ скорбей, въ чемъ-нибудь отыскать!
Вы скажете мнѣ, что въ красотахъ природы,
Въ молитвѣ, въ семьѣ—за всѣ долгіе годы
Страданья—отраду найти могъ бы я....
Все это прекрасно, я съ вами не спорю,
Но что-жъ бѣдняку, кромѣ новаго горя
И новой заботы, дать можетъ семья?

А въ церковь войдешь, чтобъ горячей молитвой
На мигъ облегчить наболѣвшую грудь
И въ ней для упорной, мучительной битвы
Съ гнетущей судьбой свѣжихъ силъ почерпнуть,...
Напрасна надежда! Тамъ пастырь безстрастный,
Довольный и сытый, прочтетъ громогласно
Длиннѣйшую рѣчь передъ паствой своей
На вѣчную тему труда и терпѣнья....
И вмѣсто отрады, въ душѣ озлобленье
Да жгучій ядъ жолчи возбудитъ сильнѣй!

На небо ли взглянешь—и тамъ безотрадно!
Не видно въ немъ ласковыхъ солнца лучей,
А чадъ испареній удушливый, смрадный
Дыханье тѣснитъ.... пеленою своей
Туманъ бѣловатый весь міръ облекаетъ
И сырость до самыхъ костей проникаетъ
Сквозь ветхое рубище.... словно тюрьма
Нашъ Лондонъ прославленный, пышный, богатый,
Все мрачно, все сплинъ нагоняетъ проклятый,
Повсюду грязь, копоть, не свѣтъ и не тьма!...

Однако, довольно! Вотъ полночь пробило
И замеръ послѣдній ужъ звукъ вдалекѣ....
Что долѣе медлить? Готова могила
Желанная въ тёмной, холодной рѣкѣ!
Да, въ ней утопить мнѣ давно уже время
И жизни безрадостной тяжкое бремя,
И злой нищеты удушающій гнётъ!...
Повѣрьте, мнѣ съ жизнью разстаться не трудно,
Въ могилѣ покойно—тамъ сонъ безпробудный,
А въ жизни одно лишь страданіе ждетъ.

Прощай жизнь, прощай безъисходное горе,
Которымъ полна черезъ край мать-земля!

Теперь, какъ матросъ я, въ шумящее море
Что̀ выброшенъ бурей за бортъ корабля;
Пока передъ нимъ лучъ надежды мелькаетъ,—
Несчастный всѣ силы свои напрягаетъ,
Съ отчаяннымъ воплемъ на помощь зоветъ
И волны могучей рукой разсѣкаетъ....
Но крики его бури вой заглушаетъ,
Корабль же все дальше и дальше плыветъ!

Усилія тщетны! Бѣдняга бездольный
Усталъ и нѣтъ мочи бороться съ волной,
Близка уже гибель.... Тутъ онъ добровольно
Рѣшается разомъ покончить съ собой
И къ смерти въ объятья бросается смѣло!...
Туда и дорога! Какое намъ дѣло,
Что лишнюю жертву здѣсь жизни гроза
Сгубила?... о нищемъ никто не вспомянетъ....
Къ тому-жъ нищета его больше не станетъ
Вамъ, баловни счастья, мозолить глаза.

Юлія Доппельмайеръ.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

I.

Мы оставили Гумбольдта на пути въ Америку. Мы видѣли, что едва ли предпринято было до него путешествіе, къ которому путешественникъ приготовился бы такъ многосторонне, какъ Гумбольдтъ. Кромѣ теоретическаго образованія, онъ, съ 18-го года своей жизни, развивалъ себя практически для предположенной цѣли. Путешествіе по Швейцаріи дало Гумбольдту ключъ для уразумѣнія строенія Андовъ. Знакомый съ употребленіемъ многочисленныхъ инструментовъ, онъ, при сдѣланныхъ имъ въ Европѣ измѣреніяхъ, узналъ предѣлы возможныхъ ихъ ошибокъ. Наконецъ, не стѣсняемый никакой программой, которая была бы ему навязана, еслибы онъ отправился на счетъ какой-нибудь академіи, общества, или правительства, Гумбольдтъ, въ выборѣ своихъ изслѣдованій руководствовался только личными наклонностями и вкусами. Тотчасъ послѣ удаленія отъ береговъ Европы онъ сталъ дѣлать свои наблюденія надъ температурой морской воды, обусловливающей законы морскихъ теченій, положившія начало «Физикѣ моря», развитой, въ настоящее время, почти до крайнихъ предѣловъ, колоссальными трудами американскаго капитана Мори. Излишне было бы объяснять, какъ важно, въ практическомъ смыслѣ, для мореплаванія, знаніе законовъ морскихъ теченій, вслѣдствіе обусловленнаго ими сокращенія морскихъ путей. Корабль, везшій Гумбольдта, попадаетъ въ настоящее царство медузъ, издающихъ изъ себя электрическій свѣтъ

*) См. сент. 127 стр.

при потрясеніи. Изслѣдованіе этихъ животныхъ и наблюденіе надъ сверканіемъ морскихъ волнъ, поглощали его вниманіе. Затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ югу, онъ обращается къ наблюденіямъ надъ падающими звѣздами, наблюденіямъ, положившимъ начало новой теоріи этого, періодически повторяющагося, явленія, развитой имъ впослѣдствіи.

Путешественники приближались къ Канарскимъ островамъ. По ошибкѣ капитана, принявшаго базальтовую скалу на островкѣ Граціоза, за испанскій фортъ, и отправившаго туда лодку, Гумбольдту представился первый случай ступить на внѣ-европейскую почву. Онъ описываетъ странность впечатлѣнія, производимаго на новичка-естествоиспытателя, новостью обстановки. Гумбольдтъ не въ силахъ былъ дать себѣ отчета въ немъ; онъ не зналъ на чемъ остановить свое вниманіе. Подъ новостью впечатлѣній онъ не узналъ растеній, хорошо ему извѣстныхъ изъ изученія ихъ въ ботаническихъ садахъ; словомъ, онъ не въ силахъ былъ сосредоточить своего вниманія на этомъ пустынномъ, скалистомъ, вулканическомъ островѣ!

«Пизарро», везшій Гумбольдта, приближался къ Тенериффѣ. Сильный туманъ мѣшалъ разсмотрѣть знаменитый пикъ Тейде, видимый въ ясную погоду на разстояніи 40 миль, но какъ ни непріятно было это обстоятельство, ему однако обязанъ Гумбольдтъ тѣмъ, что ускользнулъ отъ англійскихъ крейсеровъ. Не будь этого тумана, скрывавшаго «Пизарро» отъ нихъ, путешествіе Гумбольдта опять не состоялось бы. Попавшись англичанамъ въ плѣнъ, онъ и его спутникъ вернулись бы въ Европу, и наука лишилась бы добытыхъ этимъ путешествіемъ пріобрѣтеній. Высадившись въ Санта-Крузъ, на Тенериффѣ, Гумбольдтъ съ спутникомъ своимъ Бонпланомъ, не теряя ни минуты времени (такъ какъ фрегатъ не могъ оставаться здѣсь долѣе 4—5 дней), направились изъ Лагуны, города, лежащаго на высотѣ 1,620 футовъ надъ поверхностью моря, въ Оротаву, а оттуда на пикъ. Въ саду губернатора острова Гумбольдтъ впервые вполнѣ испыталъ впечатлѣніе тропической природы, превратившееся въ восторгъ по мѣрѣ того, какъ кругозоръ его, съ поднятіемъ выше, расширялся. Финиковыя, кокосовыя, драконовыя деревья, кипарисы, мирты, апельсины, виноградъ, покрывали склонъ горы. Агавы, кактусы образовали живыя изгороди, раздѣлявшія поля; папоротники покрывали стѣны. Содержаніе этой тропической роскоши производило на глазъ, привыкшій видѣть ее только въ тощихъ экземплярахъ тепличной флоры, магическое дѣйствіе. При поднятіи на пикъ тенерифскій, на который и до Гумбольдта поднимались многіе, безъ всякихъ результатовъ для науки, онъ

обращаетъ вниманіе на явленіе, которое, въ дальнѣйшемъ развитіи, создало новую науку. Онъ замѣчаетъ, что по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ пика, физіономія растительности измѣняется. Изъ полосы каштановъ и виноградниковъ, онъ поднимался въ полосу лавра, затѣмъ—папоротниковъ, потомъ можжевельника и елей, и еще выше — дроковъ (genista). Наконецъ, на самой вершинѣ пика ему попадаются только травы и ягели. Изъ этого Гумбольдтъ заключаетъ о зависимости органическихъ формъ отъ климата и высоты надъ уровнемъ моря, обусловливающихъ ихъ разнообразіе, между тѣмъ какъ формы неорганическія могутъ быть одинаковы подъ самыми различными градусами широты и долготы. Взбираясь на пикъ тенерифскій, Гумбольдтъ совершилъ, въ вертикальномъ направленіи, путешествіе отъ тропиковъ къ полюсу. Оно заронило въ умѣ его мысль, которую онъ не переставалъ преслѣдовать всю жизнь—о необходимости изученія географическаго распространенія на земномъ шарѣ растеній и животныхъ. На высотѣ этого пика родились первые зачатки науки, называемой теперь растительной и животной географіей. Тутъ же, стоя на вулканѣ, дѣйствовавшемъ еще такъ недавно, Гумбольдтъ собралъ новые матеріалы для своихъ изслѣдованій о роли, которую играетъ вулканическая дѣятельность въ образованіи формъ земной коры и о самыхъ проявленіяхъ этой дѣятельности. Онъ открылъ связь между разными вулканами, сочеталъ дѣятельность ихъ, простиравшуюся до береговъ Африки и Португаліи, проникъ взоромъ мыслителя въ глубокую древность, уразумѣлъ распредѣленіе температуры на поверхности земли въ доисторическую эпоху, объяснилъ себѣ этимъ возможность произрастанія тропическихъ растеній въ холодномъ теперь сѣверѣ. Читая эту книгу природы, раскрывшуюся передъ нимъ на высотѣ тенерифскаго пика, Гумбольдтъ постигъ здѣсь всю важность, при изученіи естественныхъ наукъ, детальныхъ изслѣдованій, безъ которыхъ уразумѣніе цѣлаго становится невозможнымъ. Тутъ предложилъ онъ себѣ вопросъ — что такое сила, созидающая и разрушающая все земное, какъ она созидаетъ, какъ разрушаетъ? что такое день творенія? Дѣйствительно ли это суточное обращеніе земли вокругъ ея оси, или же подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ понимать рядъ тысячелѣтій ?? Поднялась ли земля изъ воды, или же вода наполнила углубленія первой? Силы ли огня или воды подняли горы и уровняли кору земную, разграничили берега и моря? Что такое вулканы, какъ они возникли, какъ они дѣйствуютъ? Вотъ вопросы, занимавшіе Гумбольдта на обратномъ пути къ кораблю, который долженъ былъ везти его далѣе.

Передъ отплытіемъ онъ старался собрать, какъ это дѣлалъ впослѣдствіи вездѣ, свѣдѣнія объ обитателяхъ острова, нравахъ ихъ, языкѣ, культурѣ, общественныхъ учрежденіяхъ и т. п. Онъ не смотрѣлъ на человѣка какъ на стоящаго внѣ природы, а какъ на продуктъ разнообразнѣйшихъ естественныхъ условій: почвы, климата, мѣстоположенія, словомъ какъ на зеркало природы.

Во время дальнѣйшаго путешествія Гумбольдтъ занялся изученіемъ морскихъ вѣтровъ, становившихся тѣмъ постояннѣе, чѣмъ болѣе приближался корабль къ берегамъ Африки; у Зеленаго Мыса онъ изслѣдуетъ водоросли, достигающія 800 футовъ длины и образующія здѣсь цѣлые острова; затѣмъ изучаетъ анатомію летучихъ рыбъ, объясняетъ механизмъ ихъ полета. Въ ночь съ 4-го на 5-е іюля, подъ 16-мъ градусомъ широты, Гумбольдтъ увидѣлъ впервые созвѣздіе Южнаго Креста, съ которымъ открывалось для него звѣздное небо южнаго полушарія, такъ отличное отъ сѣвернаго. Эта новость впечатлѣнія вызываетъ у него поэтическое описаніе тѣхъ чувствъ, которыя невольно волнуютъ жителя сѣвера, впервые созерцающаго эту картину природы. Но и бѣдствіе пришлось ему испытать во время этого переѣзда: на кораблѣ открылась желтая лихорадка, свирѣпствовавшая все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ приближенія къ Антилльскимъ островамъ. Не трудно себѣ представить, какія мысли волновали Гумбольдта, вдали отъ родныхъ и друзей, окруженнаго умирающими жертвами эпидеміи. Самое сильное впечатлѣніе произвела на него смерть молодого астурійца, 19-ти-лѣтняго юноши, отправившагося въ Америку искать счастія и средствъ содержать свою мать. Обрядъ похоронъ при опущеніи трупа въ морѣ усилилъ еще болѣе это впечатлѣніе. Испуганные пассажиры, отказавшись отъ цѣли своего путешествія — Кубы или Мексики, требовали отъ капитана высадить ихъ на берегъ Венезуэлы, мимо котораго они проѣзжали. Гумбольдтъ съ Бонпланомъ рѣшились тоже послѣдовать ихъ примѣру и переждать періодъ дождей, такъ пагубный для европейцевъ, въ благорастворенномъ климатѣ Куманы, и, уже акклиматизировавшись, направиться въ Новую Испанію. Этой непріятной случайности наука обязана великими открытіями, сдѣланными Гумбольдтомъ въ мѣстности, которую, безъ того, онъ не посѣтилъ бы.

II.

Высадившись, 10 іюля 1799 г., на берегъ Венезуэлы, или какъ ее тогда называли, Новой Андалузіи, Гумбольдтъ и Бонпланъ были пріятно удивлены предупредительностью губернатора этой провинціи, оказавшагося человѣкомъ не только образованнымъ, но и свѣдущимъ въ наукахъ естественныхъ. Осмотрѣвъ берегъ, городъ, крѣпость (представлявшую ту мѣстную стратегическую особенность, что роль стѣнъ и валовъ играли здѣсь непроходимыя изгороди колючихъ гигантскихъ кактусовъ, а рвы наполнены были крокодилами), изучивъ нравы жителей, очень своеобразные, они приступили къ изученію вулканической почвы, на которой они находились, тѣмъ болѣе, что она носила на себѣ всѣ слѣды разрушенія отъ землетрясенія, постигшаго эту мѣстность за 18 мѣсяцевъ до ихъ прибытія. Первую свою экскурсію (9-го августа 1799) они совершили на полуостровъ Арая, знаменитый прежде добычей жемчуга и торговлей невольниками; затѣмъ въ область, занимаемую индѣйцами племени Хаймасъ, почти дикими. Тутъ имѣли они случай созерцать тропическую природу во всемъ ея величіи, прелести и дикости; здѣсь, по замѣчанію Гумбольдта, кажется, какъ будто почва не представляетъ достаточно мѣста для развитія растительной дѣятельности, а гулъ отъ крика животныхъ можно уподобить развѣ шуму водопада, низвергающагося со скалы на скалу. Тутъ же они познакомились впервые съ миссіями — mision, или pueblo de mision. Именемъ этимъ называютъ нѣсколько лачугъ, построенныхъ вокругъ церкви, у которой живетъ миссіонеръ и вмѣстѣ монахъ. Эти передовые посты христіанства, проникающіе въ самыя отдаленныя мѣстности, населенныя дикими, отличаются отъ такъ-называемыхъ pueblos de doctrina, гдѣ дѣйствуютъ уже обыкновенные священники. Первые, основанные іезуитами, перешедшіе, послѣ ихъ изгнанія, въ руки капуциновъ, францискановъ и др., составляли государство въ государствѣ, такъ, что паспорты испанскихъ свѣтскихъ властей почти здѣсь не признавались, во всякомъ случаѣ пользовались гораздо меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ простыя рекомендаціи духовнаго начальства, въ особенности орденскихъ генераловъ, резидировавшихъ въ Римѣ. Начальникъ первой миссіи, видѣнной Гумбольдтомъ, веселый капуцинъ, съ насмѣшливой улыбкой разсматривавшій книги, высушенныя растенія и инструменты его, какъ предметы безплодной траты времени и денегъ, замѣтилъ при этомъ, что всѣмъ земнымъ благамъ, не исключая сна, онъ предпочитаетъ коровье мясо. Другой миссіонеръ не могъ взять

въ толкъ, что Гумбольдтъ и его товарищъ путешествуютъ ради путешествія и научныхъ изслѣдованій. «Быть не можетъ, чтобы вы, замѣтилъ онъ, обращаясь къ нимъ, оставили свое отечество для того только, чтобы предать тѣло ваше на истязаніе москитосамъ, и дѣлать измѣренія земли, вамъ не принадлежащей, не имѣя какихъ-либо заднихъ мыслей!» Этого, кажется, достаточно для составленія себѣ понятія, съ какимъ людомъ, кромѣ индѣйцевъ, приходилось имѣть дѣло нашимъ путешественникамъ.

Черезъ ущелье Кухивано, въ которомъ Гумбольдтъ дѣлаетъ интересныя наблюденія надъ вулканическими явленіями, посѣщая на пути разныя миссіи, изслѣдуетъ онъ въ долинѣ Карипе пещеру Гуахаро, населенную едва ли не самыми большими ночными птицами; въ концѣ сентября направляется онъ съ спутникомъ въ обратный путь, пробираясь черезъ непроходимыя чащи и спускаясь по обрывамъ, къ горѣ Каріяко, откуда, моремъ, возвращаются они опять въ Куману. Этнографія индѣйскихъ племенъ и ихъ языкъ были главными занятіями Гумбольдта въ это время. Мирная жизнь его и Бонплана была нарушена событіемъ, которое могло имѣть весьма печальныя послѣдствія. Гуляя вмѣстѣ по берегу залива, они подверглись нападенію полунагого Зембо (помѣсь негра и индіянки); Гумбольдту удалось уклониться отъ удара палки, направленнаго на него, но вторымъ ударомъ по головѣ Бонплана онъ повергъ его на землю. Къ счастью путешественниковъ, когда дикарь выхватилъ уже ножъ, какъ оружіе болѣе надежное чѣмъ палка, подоспѣли какіе то купцы, схватившіе негодяя.

Кромѣ солнечнаго затмѣнія, которое случилось здѣсь въ октябрѣ, Гумбольдту удалось наблюдать и другое явленіе природы, предсказанное ему довольно вѣрно индѣйцами.

Съ первой трети октября стали появляться красноватые пары, каждый вечеръ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ покрывавшіе небо; вскорѣ показались другія воздушныя явленія: туманъ становился гуще, воздухъ ночью поражалъ своимъ зловоніемъ, на морѣ стояла затишь, небо было багровое, почва трескалась повсюду. Настало 4-ое октября. Въ этотъ день, послѣ обѣда Гумбольдту пришлось не только первый разъ въ жизни быть свидѣтелемъ землетрясенія, но и испытать всѣ опасности, съ нимъ сопряженныя. По этому поводу онъ замѣчаетъ, что первое впечатлѣніе состоитъ не въ страхѣ, желаніи избѣжать опасность, а скорѣе—въ оригинальности ощущенія. «Мы, говоритъ онъ, съ дѣтства такъ привыкли къ извѣстнымъ представленіямъ, что не имѣемъ силъ отрѣшиться отъ нихъ. Такъ, для каждаго изъ насъ со словомъ вода связано понятіе подвижности, непостоянства,

между тѣмъ какъ земля кажется намъ чѣмъ-то вѣчно неподвижнымъ. Понятія эти суть плодъ ежедневнаго опыта и оправдываются всѣми нашими впечатлѣніями, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, мы должны научиться противному». Гумбольдтъ сравниваетъ это ощущеніе съ пробужденіемъ, но съ пробужденіемъ весьма непріятнымъ. Человѣкъ убѣждается, что тишина природы была только кажущеюся. «Впрочемъ, заключаетъ онъ, привычка беретъ свое. Чѣмъ чаще повторяются удары, тѣмъ безпечнѣе становится человѣкъ, и наконецъ кончаетъ тѣмъ, что совершенно не обращаетъ вниманія на подземные удары и колебанія почвы». Нѣсколько дней спустя Гумбольдту представляется случай, въ ночь съ 11-го на 12-ое ноября, наблюдать падающія звѣзды, которыя обратили его вниманіе еще на кораблѣ, тотчасъ послѣ отплытія изъ Европы. Онъ уже тогда утверждалъ, что эти явленія должны повторяться періодично, и мы впослѣдствіи увидимъ, какъ, благодаря Гумбольдту, научное объясненіе этихъ метеоровъ теперь найдено.

18-го ноября, путешественники наши оставляютъ Куману, и отправляются вдоль берега въ Г'ваяру, предполагая прождать весь періодъ дождей въ Каракасѣ; затѣмъ черезъ степи (Llanos) добраться, по Ореноко, до границъ Бразиліи и черезъ Гвіяну возвратиться въ Куману. Путешествіе это въ 3,500 верстъ, большею частью въ утлыхъ челнахъ, пролегало по мѣстностямъ, о которыхъ даже жители Куманы имѣли только смутное понятіе, и всѣми силами старались отклонить Гумбольдта отъ посѣщенія странъ, которыхъ климатъ, почва, животныя и дикари - жители представляли на каждомъ шагу опасности.

Не это могло остановить изслѣдователя, воодушевленнаго высшими побужденіями. Но Гумбольдту тяжело было разстаться съ Куманой. Даже въ послѣдніе годы своей жизни онъ не могъ равнодушно вспомнить объ ней. Въ ея окрестностяхъ онъ впервые вполнѣ познакомился съ роскошью тропической природы, которая изглаживаетъ, по сознанію Гумбольдта, всѣ предшествовавшія впечатлѣнія, такъ, что всѣ прелести природы, видѣнныя имъ въ Европѣ, стушевались окончательно; сохранилась въ памяти его только Куманa. Ему казалось, послѣ нѣсколько-мѣсячнаго пребыванія въ ней, что онъ жилъ здѣсь цѣлые годы. Такое впечатлѣніе испыталъ въ тропической мѣстности не одинъ Гумбольдтъ. И тѣ изъ его преемниковъ, которые ставили красы природы выше удовольствій обыденной жизни, свидѣтельствуютъ тоже самое. И они привязываются къ мѣстности, на которую они впервые вступили подъ тропиками; живутъ ея воспоминаніями,

сгараютъ желаніемъ возвратиться къ ней опять, и успокоиваются только возвратившись въ страну своихъ мечтаній.

21-го ноября прибылъ Гумбольдтъ въ Каракасъ, гдѣ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ. Пасмурнымъ показался онъ ему послѣ Куманы. Онъ какъ будто предчувствовалъ страшное бѣдствіе, которому, черезъ 12 лѣтъ, долженъ былъ подвергнуться этотъ городъ, когда изъ 30,000 его жителей 12,000 погибли подъ развалинами своихъ домовъ. За то окрестности этого города онъ называетъ раемъ. Но и первоначальное впечатлѣніе, произведенное на него Каракасомъ, вскорѣ изгладилось, когда онъ познакомился съ его жителями, плѣнившими его семейною жизнію, открытостью характера, сердечною веселостью.

Первая научная экскурсія его изъ Каракаса была на гору Силлу; на вершину (въ 8,000 футовъ) ея никто еще изъ окрестныхъ жителей не взбирался. Проводниковъ изъ негровъ удалось добыть только при помощи губернатора. Окончивъ къ 10-ти часамъ вечера свои физическія наблюденія, Бонпланъ и онъ, оставленные на возвратномъ пути проводниками-неграми, забравшимися на ночлегъ въ какую-то трущобу, принуждены были, навьюченные физическими инструментами, спускаться, усталые, голодные, истомленные жаждой, по неизвѣстному и опасному пути.

Той же жаждою знанія можно только объяснить и слѣдующее путешествіе, предпринятое имъ въ степи (Llanos) Ореноко и Амазонской рѣки. Онъ избралъ при этомъ не кратчайшій путь, а тотъ, который представлялъ болѣе научнаго интереса и красотъ природы. Черезъ роскошную долину Апогуа, вдоль берегового хребта, направился онъ по рѣкѣ Апуре до Ореноко.

Близъ Валенціи, въ домѣ одного фермера, знакомится онъ съ условіями мѣстнаго сельскаго хозяйства; на близъ лежащемъ островѣ дѣлаетъ онъ изысканія о причинахъ убыли на немъ воды, и находитъ ихъ: въ истребленіи лѣсовъ, обработкѣ почвы въ равнинахъ и культурѣ индиго. Продолжая свое путешествіе, онъ вынужденъ былъ совершать его, по причинѣ страшнаго зноя, по ночамъ, нерѣдко сопутствуемый ягуарами. Въ долинахъ Арагуая Гумбольдтъ впервые знакомится съ деревомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ коровьяго, доставляющимъ окрестнымъ жителямъ сокъ, съ виду и вкусомъ весьма похожимъ на молоко. Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ явленіемъ, сохранилось въ его описаніи, и до сихъ поръ никто не передалъ его лучше. Въ началѣ марта онъ отправляется изъ Арагуая изслѣдовать соединеніе Ореноко съ Ріо-Негро и Амазонской рѣкой. Тутъ, странствуя по степямъ, наполненнымъ стадами рогатаго скота и ди-

кихъ лошадей, онъ воспользовался случаемъ, близъ Калабозо, дѣлать наблюденія надъ электрическими рыбами. Изъ С. Фернандо-да-Апуре, въ концѣ марта, садится онъ на пирогу съ нѣсколькими индѣйцами и отправляется, на этой утлой ладьѣ, къ Ореноко, не упуская случая дѣлать дорогой свои наблюденія надъ всѣмъ, что ему попадалось на пути достойнаго вниманія и записывая тутъ же, въ виду наблюдаемаго предмета. Этой послѣдней привычкѣ его мы обязаны тѣмъ, что его картины природы поражаютъ насъ реальностью и пластичностью, качествами, которыя рѣдко встрѣчаются у путешественниковъ, записывающихъ свои впечатлѣнія съ памяти, а не въ виду описываемаго предмета. И тутъ, въ особенности вдоль Ореноко, хищныя животныя были единственными его спутниками. Въ одну ночь Гумбольдтъ два раза чуть не лишился жизни; первый разъ —по неловкости лодочника пирога такъ покачнулась, при ударѣ сильнаго вѣтра, что почти до половины наполнена была водой, залившей его бумаги и инструменты; второй разъ, когда Гумбольдтъ, избѣжавъ опасности утонуть, пристalъ къ острову посединѣ Ореноко, ночью онъ чуть-было не сдѣлался жертвой ягуаровъ, переплывшихъ на этотъ островъ съ берега. Нужно было большое самоотверженіе и любовь къ наукѣ, чтобы переносить то, что испыталъ Гумбольдтъ во время этого путешествія. Въ задней части пироги его устроенъ былъ наметъ, покрытый листьями, подъ которымъ могли съ трудомъ помѣщаться 4 человѣка, и притомъ столь низкій—изъ опасенія, чтобы при большей вышинѣ его не опрокинуло ударомъ вѣтра,—что подъ нимъ можно было сидѣть и защищаться отъ солнечнаго зноя только на корточкахъ. Большую часть времени Гумбольдту приходилось лежать на днѣ пироги, на сучьяхъ, вытянувши ноги надъ шалашемъ. Противоположная часть пироги занята была пойманными обезьянами и разными птицами, а посединѣ ея находились, какъ святая святыхъ, инструменты. Но употреблять послѣдніе нельзя было иначе, какъ приставъ къ берегу и распаковывая ихъ изъ тщательной укупорки. Невыносимая жара днемъ, нестерпимые москитосы вечеромъ и ночью, дымъ отъ огня, разложеннаго съ цѣлью уменьшить ихъ докучливость, а также для того, чтобы держать хищныхъ звѣрей на почтительномъ разстояніи отъ его ночлега—вотъ комфортъ, которымъ пользовался Гумбольдтъ во время своего плаванія по Ореноко! Проплывъ нѣсколько рѣкъ, впадающихъ въ Ореноко, изъ которыхъ нѣкоторыя не уступали, величиной своей, Дунаю, у города Атурсъ онъ посѣтилъ знаменитые водопады, и не доѣзжая Кассиквіаре, служащаго собственно соединеніемъ между Ореноко и Рio-Негро, онъ, изъ

мѣстечка Атабано, повернулъ въ одинъ изъ притоковъ Ореноко, носящій тоже названіе, и очутился въ странѣ, представлявшей едва ли не самую низшую ступень человѣческой культуры, и населенной индѣйцами, охотившимися на людей и не знавшихъ иной религіи, какъ поклоненіе силамъ природы. Послѣ 36-тидневнаго плаванія, сопряженнаго съ столькими опасностями и лишеніями, Гумбольдтъ, въ началѣ мая, достигъ наконецъ извилистой Ріо-Негро, и на этотъ разъ могъ успокоиться. Цѣль его была достигнута: онъ опредѣлилъ астрономически направленіе того притока Ореноко, который впадаетъ въ Ріо-Негро, и тѣмъ положилъ предѣлъ спорамъ ученыхъ, длившимся въ теченіи полустолѣтія, изъ которыхъ одни допускали его существованіе, другіе же—отрицали. Со времени этого же путешествія Гумбольдта ученый міръ получилъ возможность пользоваться вѣрными картами изслѣдованныхъ имъ мѣстностей, не имѣвшихъ до него никакого научнаго значенія. Посѣтивъ здѣсь нѣсколько католическихъ миссій, Гумбольдтъ рѣшился продолжать свое путешествіе. Ему предстояла возможность, плывя далѣе, пробраться до Амазонской рѣки и достигнуть бразиліянскаго берега, или, слѣдуя теченію Кассиквіаре, добраться, по Ореноко, до сѣвернаго берега Каракаса. Онъ рѣшился на послѣднее. Это путешествіе его было еще безпокойнѣе и опаснѣе предыдущаго: онъ плылъ посреди мѣстностей, населенныхъ индѣйцами, которые охотятся другъ на друга, какъ мы на дичь. Гумбольдтъ разсказываетъ, между прочимъ, что здѣсь мужья пожираютъ своихъ женъ, предварительно употребляя всевозможныя старанія сдѣлать ихъ тучными! Не менѣе затрудненій представляла ему природа: когда проливные дожди и туманы дѣлали невозможнымъ проводить ночь на челнокѣ, Гумбольдтъ и его спутники тщетно искали пріюта на берегу. Онъ былъ покрытъ такою тропическою растительностью изъ вьющихся растеній, что они, опухшими отъ укушеній москитосовъ руками, вынуждены были прорубать себѣ мѣста для ночлега, и когда пытались развести, посреди этого допотопнаго лѣса, огонь, это оказывалось невозможнымъ — по недостатку горючаго матеріала. Пресыщенные растительными соками вѣтви не загорались. Наконецъ, во второй половинѣ мая Гумбольдтъ достигъ развѣтвленія Ореноко у Эсмеральды.

Мѣстность эта вознаградила его за всѣ прежнія лишенія; здѣсь онъ собралъ впервые необходимые матеріалы и указанія для сравнительной географіи, которые, по сравненіи ихъ съ однородными явленіями древняго міра, привели его къ открытію законовъ распредѣленія водъ на земной поверхности. Истощенный, медленно подвигаясь вдоль береговъ Ореноко, носившихъ слѣды из-

чезнувшей культуры,—скалы, вдоль рѣки, покрыты были высѣченными въ нихъ надписями и скульптурами, — онъ пробрался черезъ громадные водопады у Майпуры, и посѣтилъ лежащую на восточномъ берегу пещеру Атаріупе, наполненную человѣческими останками, изъ чего можно предполагать, что она служила кладбищемъ исчезнувшаго народа. Изслѣдовавъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, собравъ съ нея дань скелетами (которымъ, однако, не суждено было достигнуть Европы; они потонули, вмѣстѣ съ цѣлою третью собранныхъ Гумбольдтомъ сокровищъ), онъ, сдѣлавъ, при упомянутыхъ условіяхъ, 375 геогр. миль въ теченіи 75 дней, прибылъ наконецъ, въ половинѣ іюня 1800 г., въ Ангостуру, главный городъ Гвіяны, гдѣ онъ поплатился за испытанныя лишенія тифомъ. Состояніе здоровья Бонплана было немногимъ лучше. Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ этомъ городѣ, Гумбольдтъ и Бонпланъ прибыли, въ концѣ іюля, въ Новую Барцелону. Чтобы впредь не стѣсняться кладью, они отправили ее отсюда въ Европу, но она погибла во время кораблекрушенія. Въ теченіи трехмѣсячнаго вынужденнаго, вслѣдствіе англійской блокады, пребыванія въ Куманѣ, путешественники занимались изслѣдованіями мѣстной флоры, астрономическими и метеорологическими наблюденіями. Во второй половинѣ декабря, послѣ 25-дневнаго бурнаго переѣзда, прибыли они въ Гаванну, и тотчасъ же приступили къ изслѣдованію почвы, климата, сельскаго хозяйства, положенія невольниковъ, культуры, народонаселенія этого «перла Антильскихъ острововъ». Передъ самымъ отплытіемъ въ Вера-Круцъ, откуда Гумбольдтъ намѣревался черезъ Мексико, Акапулко, Филиппинскіе острова, и далѣе черезъ Бомбай, Бассору, Алеппо и Константинополь, возвратиться въ отечество, онъ прочиталъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что капитанъ Бодэнъ (см. первую статью) отплывъ изъ Франціи, намѣренъ обогнуть Капъ-Горнъ и отправиться къ берегамъ Перу и Чили. Помня данное Бодэну обѣщаніе соединиться съ нимъ и разсчитывая, въ обществѣ французскихъ ученыхъ, принести наукѣ большую пользу, Гумбольдтъ рѣшился направиться ему на встрѣчу. Съ этой цѣлью онъ нанимаетъ судно на южномъ берегу Кубы, которое однако, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, вынуждено было пристать къ материку Южной Америки, у рѣки Сину.

Опредѣляя на пути астрономическое положеніе различныхъ мѣстностей, изслѣдуя ихъ растительность, путешественники наши достигли, въ мартѣ, Карѳагены, гдѣ однако они вынуждены были, вслѣдствіе неблагопріятнаго времени года, отказаться отъ путешествія черезъ Панамскій перешеекъ и пока пользоваться тѣмъ,

что представляла имъ ближайшая мѣстность. Гумбольдтъ изслѣдуетъ здѣсь т.-н. вулканитосы, проникаетъ вверхъ по рѣкѣ Магдалены, по долинамъ Новой Гранады до Гонды, затѣмъ сухимъ путемъ, на ослахъ, единственномъ средствѣ передвиженія, онъ достигъ главнаго города Санта-Фэ-де-Богота, черезъ Анды у Квиндіи, на высотѣ около 12,000 футовъ, черезъ экваторъ, и наконецъ послѣ 4-хъ-мѣсячныхъ странствій и страшныхъ лишеній, въ началѣ января 1802, прибылъ въ Квито. Нѣтъ надобности прибавлять, что во время этого путешествія ничто сколько-нибудь замѣчательное не ускользнуло отъ вниманія Гумбольдта и Бонплана: окружающая ихъ природа изслѣдована была во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, по преимуществу же изобилующіе здѣсь вулканы, и въ іюнѣ предпринято было восхожденіе на Чимборазо, до высоты 3,036 туазовъ,—высоты, на которую до Гумбольдта никто не подымался. Въ Квито ему пришлось лишній разъ разочароваться въ своихъ надеждахъ; здѣсь онъ получилъ письмо, что Бодэнъ отправился въ Новую Голландію, такъ, что только теперь оказалось, что Гумбольдтъ предпринялъ послѣднее путешествіе на основаніи ложнаго газетнаго извѣстія. Человѣку, какъ Гумбольдтъ, испытавшему столько противорѣчій судьбы, не было надобности привыкать къ нимъ. Онъ покорился ей, и рѣшился отправиться изъ Квито на рѣку Амазонскую, поспѣшая въ Лиму, гдѣ онъ намѣревался наблюдать прохожденіе Меркурія. Послѣ неимовѣрныхъ усилій оба путешественника достигли наконецъ Локсы, перевалили черезъ Анды, изслѣдовали великолѣпные остатки перуанскаго пути сообщенія времени Инковъ и достигли наконецъ Амазонской рѣки, теченіе которой, опредѣленное астрономомъ Кондоминомъ, было Гумбольдтомъ исправлено; въ Перу онъ опредѣляетъ положеніе магнитнаго экватора, изслѣдуетъ пріиски серебряной руды, теплые ключи, развалины древнихъ мексиканскихъ городовъ, пирамиды, и достигаетъ береговъ Тихаго океана, и въ Лимѣ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, занимается климатическими и астрономическими наблюденіями, изслѣдуетъ холодное береговое теченіе этой страны (получившее впослѣдствіи названіе Гумбольдтова), наблюдаетъ прохожденіе Меркурія. Въ Гуаквилѣ онъ садится на корабль, который, послѣ мѣсячнаго плаванія, привозитъ его въ Акапулко, гдѣ прождавъ опасное для иностранца время, онъ отправляется въ Мексику (городъ); опредѣляетъ ея астрономическое положеніе, занимается изслѣдованіемъ мексиканскихъ древностей, статистикой страны, горной промышленностью, геогнозіей ея, вулканами новаго образованія, причемъ съ опасностью жизни спускается въ кратеръ одного изъ нихъ. Искре-

стивъ Мексику въ разныхъ направленіяхъ, онъ съ Бонпланомъ предпринимаетъ новое путешествіе на восточный склонъ Кордильеровъ, продолжая свою обычную, многостороннюю дѣятельность, возвращается въ Вера-Круцъ, откуда, послѣ 2-хъ-мѣсячнаго пребыванія, путешественники направляются въ Сѣверо-Американскіе Штаты, высаживаются въ Филадельфіи, посѣщаютъ Вашингтонъ, гдѣ Гумбольдтъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, изучаетъ учрежденія страны и народную жизнь юной республики. Оттуда, въ августѣ 1804 г., Гумбольдтъ съ другомъ своимъ Бонпланомъ, послѣ болѣе чѣмъ 5-ти-лѣтняго отсутствія изъ Европы, выходитъ на берегъ ея въ Бордо.

III.

Это знаменитое путешествіе остается и до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ. Гумбольдтъ впервые предпринялъ изслѣдованіе отдѣльныхъ странъ, извѣстныхъ дотолѣ едва по имени, не взирая на почти непреодолимыя препятствія, притомъ на собственныя средства, безъ помощи правительства, безъ всякихъ честолюбивыхъ помысловъ, единственно въ виду научныхъ интересовъ. Труды его явились въ настоящемъ свѣтѣ и величіи по мѣрѣ разработки собранныхъ имъ матеріаловъ, когда не только ученые—спеціалисты, но и масса публики познакомилась съ добытыми путешествіемъ и изслѣдованіями Гумбольдта результатами. Этой дѣятельности—разработкѣ собраннаго, онъ и посвятилъ слѣдующіе годы своей жизни, поселившись въ Парижѣ, гдѣ онъ, въ то время, могъ найти не только всѣ необходимыя ученыя пособія, но и пользоваться содѣйствіемъ первыхъ авторитетовъ науки: Кювье, Гэ-Люссака, Араго, Вокелэна, Ольтена, Ляпляса и др. Изъ Парижа онъ отлучался только въ Италію, для свиданія съ братомъ, бывшимъ повѣреннымъ Пруссіи при папскомъ дворѣ, причемъ онъ не упустилъ случая вмѣстѣ съ Л. фонъ-Бухомъ и Гэ-Люссакомъ, привлеченными дѣятельностью Везувія, наблюдать его изверженія, и затѣмъ провелъ нѣкоторое время, до 1807 г., въ Пруссіи.

Собственно съ этого времени, послѣ возвращенія Гумбольдта въ Парижъ, начинается его литературная дѣятельность и постепенное изданіе, при посредствѣ сотрудниковъ по всѣмъ областямъ естествовѣдѣнія, его научныхъ сокровищъ, собранныхъ во время пятилѣтняго его путешествія по Америкѣ. Колоссальный трудъ этотъ, изданный подъ заглавіемъ: «Voyage aux regions équinoxiales du nouveau continent, fait en 1799,

1800, 1801, 1802, 1803 et 1804», состоитъ изъ шести, отдѣловъ, изъ которыхъ каждый составляетъ самостоятельное цѣлое. Первый отдѣлъ—Relation historique, 13 томовъ, (1816 — 1832) возникъ, несмотря на свое заглавіе «первый», позднѣе остальныхъ. Гумбольдтъ первоначально не намѣревался издать описаніе своего путешествія, но по мѣрѣ дѣятельной разработки матеріаловъ, оказалось, что путевыя замѣтки его заключаютъ еще столько важныхъ данныхъ, которыя некуда было пріурочить, что Гумбольдтъ рѣшился изложить ихъ въ особой формѣ. Въ этой Relation, кромѣ описанія собственно путешествія, помѣщенъ цѣлый рядъ монографій о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: гольфстрёмѣ, географическомъ распространеніи разныхъ растеній и животныхъ, о рѣкахъ, рѣчныхъ системахъ, человѣческихъ племенахъ, землетрясеніяхъ, и т. п. Рядомъ съ этимъ въ ней встрѣчаемъ политическіе этюды и статистическія изслѣдованія странъ, имъ посѣщенныхъ; такъ, напр., Венезуэлы, Кубы, Мексики, которыя тѣмъ важнѣе, что Гумбольдту открыты были всѣ архивы странъ, составлявшихъ тогда достояніе испанской короны, такъ ревниво охранявшей свои владѣнія. Въ третьемъ отдѣлѣ Voyage, въ Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne (2 т. 1811), онъ разсматриваетъ физическое положеніе страны, пространство ея, народонаселеніе, сельское и горное хозяйство, промышленность, торговлю, доходы, военныя издержки. Существенное прибавленіе къ первому отдѣлу составляетъ физическій атласъ посѣщенныхъ Гумбольдтомъ странъ, съ текстомъ, объ исторіи, географіи новаго свѣта и успѣхахъ морской астрономіи въ XV и XVI столѣтіяхъ (5 томовъ), и живописный атласъ (извѣстный тоже подъ названіемъ: виды Кордильеровъ). Въ послѣднемъ, кромѣ изображеній американской природы, встрѣчаются тоже виды сооруженій, памятниковъ, іероглифовъ, религіозныхъ обычаевъ, астрологическихъ представленій древнихъ индѣйцевъ и т. п. Второй отдѣлъ (2 т.) Voyage заключаетъ зоологическія и сравнительно-анатомическія наблюденія Гумбольдта; отдѣлъ насѣкомыхъ разработанъ Латрейлемъ; отдѣлъ рыбъ и раковинъ—Валенсіяномъ; тутъ же помѣщены и статьи Кювье. Въ четвертомъ отдѣлѣ (2 т.) находятся астрономическія наблюденія Гумбольдта, и сдѣланныя по нимъ объясненія Ольтенса. Пятый отдѣлъ (1 т.) заключаетъ созданную Гумбольдтомъ растительную географію и картины тропической природы, наконецъ шестой (18 т.) — описаніе собранныхъ имъ и Бонпланомъ растеній. Бонпланъ и Кунтъ, берлинскій профессоръ, внесли сюда самую значительную часть вкладовъ [1]).

[1]) Для того, чтобъ дать наглядное понятіе, чего стоило подобное изданіе—не го-

Лучшимъ патріотамъ въ періодъ самаго позорнаго и унизительнаго положенія прусской монархіи, послѣ іенскаго разгрома, въ числѣ которыхъ былъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, удалось тогда убѣдить близорукое правительство, что возрожденіе и спасеніе отечества можно ожидать только отъ распространенія образованія въ народѣ. Къ числу мѣропріятій на этомъ поприщѣ относится и учрежденіе берлинскаго университета, куда вызваны были лучшіе современные ученые. Къ этому же времени относится и приглашеніе прусскаго министерства, сдѣланное Александру Гумбольдту, принять участіе въ управленіи народнымъ *образованіемъ*. Не желая, однако, стѣснять себя бюрократическими путами, онъ отклонилъ отъ себя это предложеніе. Новое путешествіе, которое Гумбольдтъ надѣялся совершить, по приглашенію Румянцова, въ обществѣ русскаго посольства, собиравшагося черезъ Кашгаръ въ Тибетъ, не состоялось, благодаря войнѣ 1812 года. Не теряя надежды посѣтить среднюю Азію въ будущемъ, онъ приступилъ, посреди своихъ занятій, къ изученію персидскаго языка и знакомился съ географической литературой востока. Въ постоянныхъ занятіяхъ и общеніи съ французскими учеными шли годы, и Гумбольдтъ, до 1827 г., прожилъ въ Парижѣ, исключая непродолжительныхъ отлучекъ его оттуда, по вызову короля прусскаго, въ Ахенъ и Верону, на конгрессы, и путешествій къ брату въ Берлинъ и съ королемъ въ Венецію, Римъ и Неаполь. Въ этомъ году онъ получаетъ отъ Фридриха-Вильгельма III-го приглашеніе переселиться въ Берлинъ въ качествѣ «ученаго совѣтника». Какъ ни трудно было рѣшиться на это, Гумбольдтъ принялъ предложеніе, не столько изъ тщеславія, сколько изъ желанія и потребности жить съ братомъ своимъ. Въ ноябрѣ этого года онъ открываетъ публичныя чтенія о физическомъ описаніи вселенной,—чтенія, собравшія вокругъ его каѳедры не только весь просвѣщенный Берлинъ, но привлекшія и короля со всѣмъ дворомъ, прилежно посѣщавшимъ, каждый вечеръ, его лекціи. Онѣ оказали такое магическое дѣйствіе на публику, что Гумбольдтъ былъ вынужденъ вскорѣ открыть, въ залахъ пѣвческой академіи, новый циклъ ихъ. Въ нихъ все было своеобразно: воззрѣніе, изложеніе, форма, доступная большинству образованной публики. Эти 61 лекція, результатъ его частныхъ изслѣдованій, послужили первымъ очеркомъ будущаго Космоса,

---

воря, конечно, о трудахъ самого автора, которые нельзя выразить деньгами,—достаточно сказать, что въ 1844 году, когда сочиненіе это было далеко еще отъ окончанія, оно стоило уже 2,700 талеровъ за экземпляръ! А издержки на бумагу, печатаніе и таблицы простирались до 226,000 талеровъ!!

явившагося въ печати гораздо позднѣе, уже послѣ его путешествія по Россіи, помѣшавшаго ему заняться немедленнымъ опубликованіемъ этихъ чтеній. 1828 г. ушелъ на приготовленіе къ этому давно желанному путешествію, о которомъ мы будемъ имѣть случай распространиться подробно. Теперь же бросимъ взглядъ на главнѣйшіе результаты, добытые Гумбольдтомъ въ теченіи бѣгло очерченнаго нами періода его страннической и научной дѣятельности.

IV.

Изслѣдованіе метеорологическихъ явленій, такъ важныхъ для человѣка по своимъ непосредственнымъ, каждому замѣтнымъ, послѣдствіямъ, занимало давно ученыхъ. Они старались, съ одной стороны, постичь причины этихъ явленій и, съ другой, основываясь на нихъ, предсказывать предстоящія метеорологическія измѣненія.

Законы, которымъ повинуются атмосферическія явленія, необыкновенно сложны. Климатъ данной мѣстности зависитъ не только отъ положенія и очертанія ея, но и отъ положенія земли относительно солнца и общаго рельефа нашей планеты. Поэтому нѣтъ отдѣла физики, гдѣ математика оказала бы такъ мало помощи, какъ въ метеорологіи. Весь успѣхъ послѣдней зависитъ только отъ постоянныхъ, неутомимыхъ и вѣрныхъ наблюденій.

Разныя части этой науки—химическій составъ воздуха, теплота, давленіе воздуха, водяные, свѣтовые и воздушные метеоры,—находясь въ тѣсной, неразрывной связи между собою, не имѣютъ смысла одна безъ другой. Чтобы представить метеорологическую картину данной мѣстности необходимо разсматривать ихъ совокупно. Мы видѣли выше, что Гумбольдтъ, которому принадлежитъ честь уже въ первыхъ своихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ Зальцбургѣ, впервые обратить вниманіе на связь метеорологическихъ отдѣловъ между собою, оставилъ рядъ наблюденій по всѣмъ изъ нихъ. Но краткость періода, который они обнимали, а также обстоятельство, что они являлись особнякомъ, касаясь только одной мѣстности, были причиной, почему онѣ не дали положительныхъ результатовъ. Метеорологическія наблюденія въ сѣверныхъ мѣстностяхъ только тогда могутъ представить ихъ, если онѣ распространяются на цѣлый рядъ годовъ, и сдѣланы добросовѣстно и одновременно въ различныхъ мѣстностяхъ. Но объ этомъ нельзя было и помышлять въ началѣ нашего столѣтія. Америка представляла въ

этомъ отношеніи гораздо болѣе благодарную почву нежели Европа, такъ какъ метеорологическія явленія подъ тропиками отличаются отъ явленій этихъ въ полосѣ умѣренной и сѣверной своимъ относительнымъ постоянствомъ. Здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ дней можно уже заключить о правильности явленій, на отысканіе которыхъ въ Европѣ необходимо употребить нѣсколько лѣтъ усидчивыхъ наблюденій.

Мы попытаемся, въ общемъ очеркѣ, представить труды Гумбольдта по части метеорологіи на американской почвѣ, и начнемъ съ химическаго состава воздуха.

Главная ошибка, при изслѣдованіи его химиками конца XVIII в., которой не избѣжалъ и Гумбольдтъ, состояла въ томъ, что они принимали слишкомъ высокія процентныя цифры кислорода въ составѣ воздуха. Такъ, Гумбольдтъ находилъ его 27%. Ученые того времени не могли помириться съ мыслію, чтобы элементъ, играющій такую важную роль въ экономіи природы, могъ находиться въ воздухѣ въ меньшемъ количествѣ. Другая ошибка состояла въ томъ, что химики того времени смотрѣли на воздухъ, какъ на химическое, а не какъ на механическое соединеніе составляющихъ его элементовъ.

Успѣхи, сдѣланные химіей показали, что несмотря на то, что хотя количество кислорода въ воздухѣ и незначительно, въ сравненіи съ количествомъ азота, но все-таки вся масса его громадна, и слѣдовательно нѣтъ причины принимать самыя высокія процентныя цифры его, ошибочно найденныя при изслѣдованіи, какъ несомнѣнно вѣрныя потому только, что въ противномъ случаѣ окажется количество кислорода, недостаточное для исполненія возложенныхъ на него природой отправленій. Открытіе стихіометріи еще болѣе подтвердило это положеніе. Прежде предполагали (и Бертоллэ былъ главнымъ защитникомъ этой теоріи), что химическое тѣло можетъ соединяться въ произвольномъ количествѣ съ другимъ тѣломъ. Напр., смѣшивая безводный спиртъ съ водою, въ какомъ угодно количествѣ, каждая капля смѣси будетъ заключать и спиртъ и воду въ такомъ же отношеніи, въ какомъ они находятся въ цѣломъ. Если мы желаемъ отдѣлить, путемъ дистиллировки, составныя части смѣси, то при перегонкѣ, спиртъ, какъ вещество, превращающееся легче въ пары нежели вода, будетъ переходить въ чанъ въ бо́льшемъ количествѣ чѣмъ послѣдняя. Такимъ образомъ, первоначальная перегонка дастъ намъ много спирта, съ незначительной примѣсью воды, послѣдующія—все менѣе и менѣе перваго и болѣе послѣдней, наконецъ окончательная дастъ большое количество воды и только незначительные слѣды спирта. Фактъ, что какъ пер-

воначально перегоняемый спиртъ заключаетъ примѣсь воды, хотя и незначительную, а окончательно перегоняемая вода — небольшое количество спирта. Бертоллэ объяснялъ тѣмъ, что дистилляція не можетъ преодолѣть притяженія, находящагося между обоими химическими веществами. Химическое сродство, такъ утверждалъ онъ, тѣмъ сильнѣе между двумя тѣлами, чѣмъ больше количество одного въ сравненіи съ другимъ. Такъ, по этой теоріи, пока въ смѣси частицы спирта сильнѣе частицъ воды, онѣ, при перегонкѣ, легко отдѣляются; чѣмъ больше уходитъ первыхъ, тѣмъ значительнѣе остается въ первоначальной смѣси послѣднихъ, которыя, получая перевѣсъ надъ незначительнымъ количествомъ остающихся спиртовыхъ частицъ, удерживаютъ ихъ съ силой, которую преодолѣть дистилляція уже не можетъ. Точно такимъ образомъ переходившіе, въ началѣ перегонки, въ значительномъ количествѣ, спиртовыя частицы увлекали съ собою, въ силу большаго притяженія, незначительное число частицъ воды.

Прилагая эту теорію къ составнымъ частямъ воздуха, теорія Бертоллэ утверждала, что при анализѣ его вовсе не трудно отдѣлить большую часть кислорода отъ азота, но все-таки нѣкоторая часть его останется въ связи съ нимъ.

Противу такого взгляда вооружились Рихтеръ и Дальтонъ, основатели стихіометріи, утверждавшіе, что отдѣльныя тѣла соединяются между собою только въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Такъ, 14 частей по вѣсу азота соединяются съ 8 частями кислорода, затѣмъ съ 16, съ 24, съ 30 и наконецъ съ 40, или, слѣдуя Гэ-Люссаку, считая по объему, 2 части по объему азота соединяются съ 1, 2, 3, 4, 5 частями кислорода, а не съ $1^1/_{10}$, $1^2/_{10}$ и т. д. Всѣ остальныя вещества, въ которыхъ элементы встрѣчаются въ иныхъ чѣмъ указанныя отношеніяхъ, по этой теоріи, не что иное, какъ механическая смѣсь, въ которой — составныя части совершенно самостоятельны, другъ отъ друга независимы. Изслѣдуя атмосферный воздухъ и находя, что на 27 частей (по объему) кислорода приходится 73 части азота, выходитъ, что на одну часть перваго приходится $2^{19}/_{27}$ частей послѣдняго. Подобное отношеніе не соотвѣтствуетъ указанному выше закону, и изъ этого слѣдуетъ заключить, что атмосферный воздухъ представляетъ не химическое соединеніе, а просто смѣсь, которой химическую связь при анализѣ расторгнуть невозможно по простой причинѣ—потому, что ея вовсе не существуетъ.

Таково измѣненіе, происшедшее во взглядахъ химиковъ на этотъ важный вопросъ, во время пребыванія Гумбольдта въ Америкѣ. Возвратившись въ Европу, онъ нашелъ, что прежняя

теорія была вытѣснена, и кромѣ того, новые опыты, въ особенности Дэви и Гэ-Люссака, показали, что количество кислорода въ воздухѣ гораздо меньше, чѣмъ найденное прежде Гумбольдтомъ (вмѣсто 27 составляетъ только 20 до 23% по объему). Пытаясь доказать справедливость найденныхъ имъ чиселъ, Гумбольдтъ рѣшился повторить, вмѣстѣ съ Гэ-Люссакомъ, опыты при помощи новыхъ, усовершенствованныхъ методовъ. Ученые наши предпочли методъ Вольты прочимъ. Онъ состоитъ въ томъ, что къ опредѣленному количеству изслѣдуемаго воздуха примѣшиваютъ опредѣленное количество водорода; пропуская черезъ эту смѣсь электрическую искру, кислородъ воздуха, соединяясь съ частью водорода, образуетъ воду. Изъ уменьшеннаго, вслѣдствіе этого соединенія, объема смѣси газовъ легко опредѣлить количество употребленнаго на образованіе воды кислорода.

Изслѣдователи задали себѣ слѣдующіе четыре вопроса:

1) Поглощается ли совершенно кислородъ или водородъ при пропущеніи черезъ смѣсь ихъ, въ эвдіометрѣ Вольты, искры?

Отвѣтъ получается утвердительный, но только до тѣхъ поръ, пока употребленная смѣсь газовъ не много удаляется отъ нормальнаго состава: 1 часть кислорода, 2 части водорода (по объему). Если же одна изъ составныхъ частей значительно превосходитъ мѣру, указанную этимъ отношеніемъ, то изслѣдователи не могли вызвать ни взрыва, при проходѣ электрической искры черезъ смѣсь, ни поглощенія. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы желаемъ, чтобы при изслѣдованіи одинъ газъ исчезъ совершенно, отношеніе газовъ въ смѣси ихъ не должно превосходить извѣстныхъ предѣловъ, потому что въ противномъ случаѣ, если при изслѣдованіи воздуха, часть находящагося въ немъ кислорода не будетъ поглощена, то ясно, что изъ части поглощенной никакъ нельзя заключить о количествѣ всего кислорода. Слѣдовательно, анализируя воздухъ, слѣдуетъ прибавлять въ него водородъ безъ избытка. Объясненіе этого страннаго явленія, данное Гумбольдтомъ, не можетъ имѣть здѣсь мѣста; равно какъ примѣненіе его къ уясненію свѣтовыхъ метеоровъ. Онъ доказалъ, что объяснять послѣдніе сгараніемъ ихъ въ атмосферѣ водорода совсѣмъ несостоятельно.

2) Не менѣе важнымъ былъ второй вопросъ — измѣняется ли, или нѣтъ, продуктъ сгоранія обоихъ газовъ? Естественно, что если въ одномъ случаѣ бо́льшее количество водорода соединяется съ опредѣленнымъ количествомъ кислорода, а другой разъ мéньшее, то изъ количества поглощаемаго газа нельзя было бы вывести заключенія о количествѣ кислорода. Оказалось, что отношеніе это совершенно постоянно; что образующаяся, при

проходѣ электрической искры, вода заключаетъ всегда—88, 9% (по вѣсу) кислорода, ни болѣе, ни менѣе!

Притомъ изъ опытовъ Гумбольдта и Гэ-Люссака видно, что при этомъ сгараніи, кромѣ воды, не образуется никакого посторонняго продукта.

3) Отвѣтъ на третій вопросъ—въ какомъ отношеніи соединяются оба газа для образованія воды—показалъ, что 100 частей (по объему) кислорода всегда соединяются съ 200 частей водорода.

Наконецъ, 4) какая степень точности возможна при изслѣдованіи воздуха по методѣ Вольты? Принявъ въ соображеніе всѣ возможныя случайности ошибокъ, происходящія отъ калибра инструмента, свойства изслѣдуемыхъ газовъ, и проч., Гумбольдтъ и Гэ-Люссакъ убѣдились, что методъ Вольты три раза точнѣе остальныхъ, такъ, что ошибки, при употребленіи его, не превышаютъ 0,001 всего изслѣдуемаго количества воздуха; иными словами: полученныя при посредствѣ этого метода данныя, могутъ быть только на $^1/_{10}$ процента больше или меньше настоящихъ.

Заручившись такою вѣрною и надежною методой, оба ученые приступили къ примѣненію ея. Они изслѣдовали воздухъ, добытый ими на Сенѣ, въ городѣ и за городомъ, при холодной, умѣренной и теплой температурѣ, въ дождливую и ясную погоду, при различныхъ вѣтрахъ. Результаты ихъ многочисленнѣйшихъ анализовъ, произведенныхъ всегда въ тотъ же самый день, когда воздухъ былъ добытъ, показали, что: 1) составъ атмосферы вообще неизмѣняется; 2) количество кислорода ея равняется 21%; 3) воздухъ не заключаетъ въ себѣ водорода.

Найдя, что составъ атмосферы вообще подверженъ незначительнымъ измѣненіямъ, Гумбольдтъ полагалъ, что причину различныхъ результатовъ, добытыхъ анализомъ его, слѣдуетъ искать въ различіи мѣстныхъ условій, при которыхъ онъ былъ изслѣдованъ. Конечно, вулканы, стоячая вода болотъ, броженіе и т. п. могутъ отчасти измѣнять химическій составъ воздуха, поглощеніемъ кислорода, или выдѣленіемъ вредныхъ для дыханія газовъ, но на общую массу воздуха они не оказываютъ особеннаго вліянія. Гумбольдтъ приписывалъ болѣзни, господствующія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, не чрезмѣрному уменьшенію кислорода, а примѣси къ атмосферѣ такихъ испареній, которыя обнаружить не въ силахъ никакой анализъ. Находя мнѣніе, по которому причина нѣкоторыхъ болѣзней лежитъ исключительно въ уменьшеніи кислорода воздуха, онъ полагалъ болѣе справедли-

вымъ искать ее въ совокупности разныхъ условій: температуры, сырости, электричествѣ...

Гумбольдтъ и Гэ-Люссакъ не ограничились анализомъ воздуха, собраннаго въ различныхъ мѣстностяхъ; они изслѣдовали также и воздухъ, поглощенный разными жидкостями. Такъ, они анализировали его въ рѣчной, дождевой водѣ, въ водѣ, полученной изъ снѣга, льда, растворовъ разныхъ солей и проч., причемъ оказалось, что отношеніе кислорода къ азоту въ воздухѣ, такимъ образомъ добытомъ, подвержено значительнымъ колебаніямъ.

Результаты, полученные этими учеными, насчетъ состава воздуха, подтверждены въ главномъ анализами новѣйшихъ химиковъ, занимавшихся этимъ же предметомъ—Буссэнго, Лесли, Реньо, хотя, конечно, опредѣленія послѣднихъ, благодаря новымъ методамъ, еще нѣсколько точнѣе, но точность эта не превосходитъ десятичныхъ цифръ, выразившихъ на нѣсколько тысячныхъ точнѣе данныя, найденныя Гумбольдтомъ и Гэ-Люссакомъ.

V.

Не менѣе важную роль, какъ воздухъ, играетъ, въ экономіи природы, теплота. Поэтому, естественно, что человѣкъ давно обратилъ вниманіе на изученіе законовъ ея. Попытки его на этомъ пути были однако, долгое время, безуспѣшны. Вмѣсто того, чтобы рядомъ тщательныхъ и многосторонникъ наблюденій подготовить для будущихъ поколѣній матеріалъ, разработавши который, можно было бы дойти до уясненія законовъ теплоты, древніе и средніе вѣка завѣщали намъ массу безплодныхъ теорій, основанныхъ на неточныхъ, отрывочныхъ, непонятыхъ наблюденіяхъ, и потому почти негодныхъ для науки. Конечно, одни наблюденія тоже не ведутъ къ истинѣ. Еслибы человѣкъ ограничивался только ими, то въ результатѣ мы получили бы такую массу фактовъ, которыя удержать была бы не въ силахъ самая счастливая память. Необходимо, поэтому, по временамъ, подводить сдѣланныя наблюденія, сводя итоги, подъ опредѣленные частные законы. Пробѣлы, легко замѣчаемые между этими законами, указываютъ намъ, что еще остается сдѣлать, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, въ какую сторону направить изслѣдованіе, какіе аппараты слѣдуетъ придумать для возможно точнаго наблюденія.

Первый, создавшій теорію теплоты, болѣе или менѣе удов-

летворявшую высказаннымъ выше требованіямъ, былъ Гэллей (Halley). Онъ училъ (въ концѣ XVII в.), что степень исходящей отъ солнца теплоты, въ каждую минуту дня, обусловливается положеніемъ этого свѣтила надъ горизонтомъ, и поэтому теплота уменьшается по мѣрѣ увеличенія градусовъ широты. Но по мѣрѣ удаленія отъ экватора и приближеніи къ полюсу, мы замѣчаемъ постоянно увеличивающуюся разницу въ продолжительности дня въ различныя времена года, пока наконецъ подъ полюсами полугодичный день (лѣто) смѣняетъ полугодичную ночь (зиму). Обстоятельство это, по мнѣнію Гэлле, оказываетъ огромное вліяніе на теплоту, ибо хотя подъ высокими широтами солнце и не достигаетъ, въ полдень, той высоты, на которую оно подымается подъ тропиками, однако болѣе продолжительный день лѣтомъ вознаграждаетъ то, что̀ ему недостаетъ въ интензивности. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Гэлле выражаетъ отношеніе теплоты лѣтняго дня подъ тропиками, у полярнаго круга, и у полюса отношеніемъ слѣдующихъ чиселъ: 1,834 : 2,310 : 2,506. Такимъ образомъ выходитъ, что у полюсовъ теплоты лѣтняго дня больше чѣмъ у тропиковъ. Такъ какъ зимой продолжительность ночи равняется продолжительности дня лѣтомъ, то подъ высокими широтами зимній день тѣмъ болѣе отстаетъ отъ теплоты подъ экваторомъ, чѣмъ болѣе мѣсто, въ лѣтнюю пору, находилось въ благопріятныхъ, относительно теплоты, условіяхъ.

Изъ сказаннаго видно, что теорія эта была основана только на положеніи земли относительно солнца и продолжительности дня. Провѣрить ее, въ ту пору, не было даже возможности, такъ какъ инструментъ, при посредствѣ котораго производится подобная провѣрка, термометръ, тогда былъ еще такъ несовершеннымъ, что употребить его для точныхъ наблюденій не было возможности. Хотя Дреббель (въ 1630 г.) и устроилъ термометръ, но въ то время не рѣшенъ былъ даже вопросъ о температурахъ, которыя должны быть исходными точками при подобныхъ опредѣленіяхъ. Каждый отдѣльный инструментъ представлялъ особенное раздѣленіе, такъ, что хотя по нимъ можно было опредѣлить, поднялась или понизилась ли температура вообще, но сравнить показанія разныхъ инструментовъ не было возможности. Достаточно упомянуть, что еще въ 1714 г. Ньютонъ принималъ, на своемъ термометрѣ, крайними точками, съ одной стороны, температуру тающаго льда, а съ другой — собственнаго тѣла. Промежутокъ между ними былъ раздѣленъ на 12 градусовъ. Изъ этого мы видимъ уже, что только Ньютонъ могъ изготовлять инструменты, градусы которыхъ были совершенно

равны между собою, ибо, хотя температура человѣческаго тѣла представляетъ, въ различныхъ индивидахъ, весьма незначительныя колебанія, но все-таки разница существуетъ. Такая единица мѣры теплоты напоминаетъ происхожденіе линейныхъ мѣръ: фута, локтя... которыя не могли въ то время отличаться однообразіемъ, необходимымъ для каждой мѣры, если каждый покупатель, продавецъ, или вообще человѣкъ, измѣрявшій длину чего-либо, принималъ за единицу мѣры длины свою стопу (футъ), свой локоть и т. п. Долгое еще время послѣ Ньютона существовалъ хаосъ въ раздѣленіи термометровъ, какъ теперь существуетъ международный хаосъ въ мѣрахъ и въ монетѣ, съ которымъ пора бы покончить. Только въ половинѣ XVIII вѣка окончательно согласились употреблять три извѣстные термометра — Фаренгейта, Реомюра и Цельзія — легко и удобно переводимые изъ одного въ другой [1])

И Мэранъ придерживался вначалѣ и исключительно астрономическаго положенія солнца; онъ обращалъ особенное вниманіе на опредѣленіе maximum и minimum температуры, принимая ариѳметическое среднее число за среднюю годичную температуру. Вычисленіе дало ему слѣдующее отношеніе лѣтней температуры къ зимней: 16 : 1. Сравнивая однако этотъ результатъ, полученный вычисленіемъ, съ наблюденіями и абсолютнымъ нулевымъ пунктомъ, найденнымъ Амонтономъ, онъ убѣдился, что теплота зимняя составляетъ гораздо болѣе чѣмъ $^1/_{16}$ теплоты лѣтней. Мэранъ искалъ причину этого противорѣчія въ теплотѣ, исходящей изъ центра земли. Къ этой-то теплотѣ, всегда постоянной и играющей главную роль, прибавляется еще солнечная теплота, лѣтомъ болѣе, зимою—менѣе. Онъ сравнивалъ процессъ этотъ съ состояніемъ водъ глубокаго озера. Если мы предположимъ, что данное количество водъ его, которое мы примемъ за постоянно въ озерѣ находящееся, зимою увеличивается на извѣстную величину, а лѣтомъ — эта послѣдняя величина увеличивается еще въ 16 разъ, то въ результатѣ будетъ колебаніе уровня озера, но различіе отношенія глубины его лѣтомъ къ глубинѣ зимою окажется тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ озеро глубже. Примѣняя это объясненіе къ теплотѣ, Мэранъ полагалъ, что отношеніе ея въ различныя времена года будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ глубже абсолютный нулевой пунктъ ея, т.-е. чѣмъ больше теплота, получаемая изъ центра земли. На этомъ различіи и основано раздѣленіе имъ временъ года на дѣйствительныя и солнечныя. Главнымъ слѣдствіемъ его изслѣ-

[1]) Встрѣчающіяся ниже указанія температуры сдѣланы по Цельзію.

дованій, и въ особенности теоріи Гэллея было предположеніе, что въ каждомъ полушаріи лѣто во всѣхъ широтахъ имѣетъ одну и туже температуру, ибо количество ея, которое въ высшихъ широтахъ лежащія мѣста теряютъ отъ низкаго стоянія солнца, наверстывается въ нихъ продолжительностью дня.

Вмѣсто опредѣленія температуръ по методу Гэллея и Мэрана, оказавшемуся вскорѣ неудовлетворительнымъ, Т. Майеръ пытался вывести ихъ инымъ путемъ, для чего и далъ математическую формулу, изъ которой оказывается, что теплота измѣняется соотвѣтственно градусамъ широты, но остается одною и тою же въ томъ же самомъ градусѣ широты, вокругъ всего земного шара, слѣдовательно подъ всѣми градусами долготы, его пересѣкающими. Разныя корректуры оказались при этомъ неизбѣжными для того, чтобы дѣйствительно получить температуру даннаго мѣста по формулѣ Майера, которая черезъ это очень усложнялась. Такъ какъ извѣстно, что чѣмъ сложнѣе формула, тѣмъ менѣе вѣрною оказывается она въ приложеніи, то поэтому формула Майера, хотя и вѣрная сама по себѣ, вскорѣ вышла изъ употребленія.

Мы знаемъ теперь, что распредѣленіе теплоты на земномъ шарѣ есть результатъ разнообразнѣйшихъ причинъ: различнаго разстоянія земли отъ солнца въ разныя времена года, вращенія земли и наклоненія ея оси къ эклиптикѣ; кромѣ того, сила солнечныхъ лучей зависитъ отъ цвѣта, плотности, лучеиспусканія предметовъ (въ разсматриваемомъ нами случаѣ—мѣстностей), поэтому, кромѣ астрономическихъ и географическихъ различій мѣстъ слѣдуетъ, при опредѣленіи ихъ температуры, имѣть еще въ виду и физическія. Какъ ни трудно, принявъ въ разсчетъ всѣ эти вліянія, опредѣлить впередъ температуру каждаго пункта, какъ астрономы опредѣляютъ впередъ положеніе любой планеты, но и это удалось, благодаря трудамъ Фурье и Пуассона. Но математическія формулы, выведенныя ими для подобнаго опредѣленія, могутъ служить только для планеты, которая, какъ, напр., луна, не имѣетъ ни воды, ни воздуха. Если же мы имѣемъ дѣло съ такою планетою, какъ наша земля, на которой эти два фактора играютъ такую важную роль, то къ вышеуказаннымъ затрудненіямъ присоединяются еще новыя, гораздо болѣе крупныя, до того запутывающія задачу, что о рѣшеніи ея при посредствѣ математики не можетъ быть и рѣчи.

Посредствомъ теченій воздуха и воды, вызванныхъ неоднообразнымъ дѣйствіемъ солнца подъ разными градусами широты, теплота отъ экватора направляется къ сосѣдственнымъ съ полюсами мѣстностямъ; но распредѣленіе ея на этомъ пути за-

виситъ отъ образованія ея поверхности. Поэтому-то температура одного и того же градуса широты различна подъ разными градусами долготы. Точно также съ парами, подымающимися изъ океана и моря, изъ нихъ уносится большое количество теплоты; освободившаяся отъ нея вода притекаетъ опять, путемъ рѣкъ, въ моря, но теплота способствуетъ возвышенію температуры материка. Изъ этого видно, что не только близость океана оказываетъ громадное вліяніе на мѣстность, но даже важны, въ этомъ отношеніи, формы линій, образуемыхъ очертаніями береговъ, какъ граней между материкомъ и водою.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы убѣдиться въ невозможности включить въ математическую формулу тысячи случайностей, вліяющихъ на температуру даннаго мѣста, и въ данное время. Къ формуламъ этимъ можно было прибѣгать до тѣхъ только поръ, пока наблюденія не показали, какое вліяніе оказываютъ на теплоту даннаго мѣста упомянутыя выше обстоятельства. Поэтому Кирванъ предложилъ прежде всего запастись значительнымъ количествомъ наблюденій и уже изъ этихъ наблюденій выводить, изъ сравненія, причины явленій или законы ихъ, т.-е. приняться за дѣло въ противуположномъ порядкѣ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Но какимъ образомъ найти среднюю теплоту даннаго мѣста? Разрѣшеніемъ этого вопроса и задался Гумбольдтъ въ монографіи своей, помѣщенной въ Mem. de la Soc. d'Arcueil, III. Температура измѣняется, какъ извѣстно, даже въ теченіи дня, постоянно, и потому слѣдовало бы наблюдать ее ежечасно, и даже чаще, что, конечно, болѣе чѣмъ затруднительно. Прежде полагали, что для опредѣленія средней температуры года достаточно вывести половину суммы, полученной изъ максимума и минимума; но методъ этотъ оказался совершенно невѣрнымъ. Ему предпочли методъ, по которому годичная температура получается изъ средняго ариѳметическаго числа всѣхъ суточныхъ температуръ. Но какъ получить послѣднія? Такъ какъ ежеминутное наблюденіе невозможно, ежечасное — возможно только въ немногихъ мѣстахъ, то приходится ограничиться только немногими наблюденіями. Какъ ихъ выбрать? Въ какіе часы дѣлать? Вопросъ этотъ необыкновенной важности, такъ какъ отъ него зависитъ правильность результатовъ. Слѣдя за ходомъ температуры въ теченіе яснаго дня, мы замѣчаемъ, что термометръ съ восходомъ солнца начинаетъ подниматься, и поднятіе его около 9 часовъ утра самое скорое; затѣмъ оно становится медленнѣе и къ 2-мъ часамъ по полудни прекращается, и вмѣсто его замѣчаемъ пониженіе термометра, сначала слабое только,

потомъ до заката все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ съ восходомъ термометръ начинаетъ вновь подниматься.

Гумбольдтъ разсматриваетъ три метода, при посредствѣ которыхъ можно получить среднюю температуру: 1) наблюдая три раза въ сутки—при восходѣ и закатѣ солнца, и въ 2 часа по полудни; 2) наблюдая въ двѣ эпохи, которыя выражаютъ maximum и minimum, т.-е. при восходѣ солнца и въ два часа по полудни; 3) наблюдая только разъ въ теченіи 24 часовъ, и именно въ тотъ часъ, который, къ сдѣланнымъ, въ различныя времена года, наблюденіямъ, выражаетъ среднюю температуру дня. Мы и на этотъ разъ не вправѣ входить въ изложеніе критики этихъ методовъ, представленныхъ Гумбольдтомъ, и принуждены ограничиться только результатомъ его изслѣдованій, именно: среднее ариѳметическое число, полученное изъ суточныхъ температуръ, даетъ годичную температуру; среднее же число, выведенное изъ многихъ годичныхъ температуръ — даетъ среднюю температуру мѣста.

Если мы, отправляясь съ пункта, находящагося у экватора, въ уровень съ моремъ, будемъ приближаться къ сѣверному полюсу, по одному и тому же меридіану, то температура, по мѣрѣ приближенія къ нему, будетъ все уменьшаться. Линіи, соединяющія точки одной и той же годичной температуры разныхъ меридіановъ, впервые введенныя въ науку Гумбольдтомъ, названы имъ изотермическими.

Примѣненіе графической методы къ изученію о распредѣленіи теплоты на земномъ шарѣ оказало наукѣ существенныя услуги. Она также важна въ этой отрасли физики, какъ необходимы ландкарты для географическаго опредѣленія мѣста. Благодаря этимъ линіямъ Гумбольдту удалось начертить ясную картину распредѣленія теплоты на земной поверхности. Правда, послѣдующія наблюденія нѣсколько измѣнили очертанія нѣкоторыхъ изъ этихъ линій, проведенныхъ Гумбольдтомъ въ то время, когда онъ не располагалъ еще такою массою наблюденій, которыя накопились съ тѣхъ поръ, но ему принадлежитъ безспорно не только починъ на этомъ пути, но какъ мы увидимъ ниже, и значительное развитіе его.

Отправляясь отъ экватора, гдѣ Гумбольдтъ принимаетъ среднюю температуру въ 27°, 5 Cels., къ сѣверному полюсу, мы видимъ, что изотермическія линіи тянутся довольно параллельно, т.-е. температура, съ увеличивающимися градусами широты, уменьшается по всѣмъ меридіанамъ почти равномѣрно; но сравнивая изотермы Европы и Америки оказывается, что онѣ въ послѣдней расположены чаще, иными словами: въ ней намъ

нѣтъ надобности подвигаться такъ далеко къ сѣверу, какъ на европейскомъ берегу океана, чтобы замѣтить извѣстное пониженіе температуры. Кромѣ того изотермы не расположены параллельно экватору, такимъ образомъ, что мѣсто, лежащее въ Европѣ болѣе къ сѣверу, имѣетъ ту же среднюю температуру какъ въ Америкѣ лежащее южнѣе, притомъ разница эта увеличивается болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ сѣверному полюсу. Полоса, въ которой температура, при равномѣрномъ приближеніи къ сѣверу, болѣе всего понижается, лежитъ, по Гумбольдту, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, между 40° и 45° широты. Обстоятельство это, замѣчаетъ онъ, должно было подѣйствовать благотворно на нравы и промышленную дѣятельность народовъ, населяющихъ эту полосу земного шара. Здѣсь соприкасаются область воздѣлыванія винограда съ областью оливковаго дерева и лимона. Нигдѣ на землѣ, подвигаясь отъ сѣвера къ югу, температура такъ значительно не возвышается, какъ на этомъ пространствѣ; нигдѣ болѣе мы не видимъ, чтобы произведенія царства растительнаго смѣняли другъ друга такъ быстро какъ въ указанной полосѣ. Значительное же различіе въ произведеніяхъ смежныхъ странъ оживляетъ торговлю и усиливаетъ промышленную дѣятельность народовъ, занимающихся хлѣбопашествомъ.

Не останавливаясь на опредѣленіи кривизны изотермическихъ линій, сдѣланномъ Гумбольдтомъ, упомянемъ еще, что онъ нашелъ тоже, что точки земного шара, представляющія одну и ту же среднюю температуру, могутъ, несмотря на это, представлять значительное разнообразіе между крайними временами года: лѣтомъ и зимою, такъ, что они измѣняются не только отъ одной изотермы къ другой, но даже въ предѣлахъ одной и той же изотермы. Напримѣръ, въ то время, какъ въ изотермѣ 20° лѣтняя температура равняется, среднимъ числомъ, $+25°,5$, зимняя $13°,5$, такъ, что разница между обоими временами года составляетъ 12°, въ изотермѣ 0°, лѣтняя температура $= 11°,5$, зимняя же $-10°$ (ниже нуля), такъ, что здѣсь оба времена года представляютъ разницу въ $21°,5$. Изотермы, лежащія между приведенными, занимаютъ средину между ними. Но въ изотермѣ 20° лѣтняя температура не вездѣ однообразна въ $25°,5$, а колеблется въ предѣлахъ между 22 и 27 градусами; зимняя — между 12 и 15. Въ изотермѣ 0° средняя лѣтняя температура колеблется между 11° и 12°, напротивъ, зимняя между $-16°$ — 4° (ниже нуля). Если мы обратимъ вниманіе на зимнюю среднюю температуру какой-либо точки, лежащей на любомъ градусѣ долготы, то мы, на меридіанахъ къ во-

стоку и къ западу отъ нея лежащихъ, встрѣтимъ ту же температуру, но эти соотвѣтствующія первой по температурѣ точки не будутъ находиться ни въ той же широтѣ, ни на той же изотермѣ. Тоже самое найдемъ и при наблюденіяхъ надъ среднею температурой лѣта. Соединеніе такихъ точекъ привело Гумбольдта къ опредѣленію изотеровъ и изохименъ — линій равной лѣтней, и линій равной зимней температуры. Наблюденія надъ зимней температурой различныхъ точекъ въ Европѣ, показали значительное уклоненіе изохименъ отъ изотермъ, а также отъ параллельныхъ круговъ. Между тѣмъ, какъ изохимены — если мы прослѣдимъ ихъ отъ западнаго берега Европы къ востоку, наклоняются болѣе къ югу чѣмъ изотермы, въ направленіи изотеровъ мы видимъ противное. Изъ этого мы вправѣ вывести заключеніе, что чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ Атлантическаго Океана, тѣмъ значительнѣе становится разница между временами года. Точки, въ которыхъ различіе между лѣтомъ и зимою не такъ значительно, лежатъ вообще вблизи береговъ; мѣстности же, гдѣ различіе это достигаетъ самыхъ значительныхъ размѣровъ, лежатъ внутри материковъ. На этихъ данныхъ Гумбольдтъ и основалъ свое знаменитое различіе между климатомъ береговымъ и континентальнымъ.

Не менѣе труда положилъ онъ на опредѣленіе эпохи года, температуру которой можно, безъ большихъ погрѣшностей, принять за представительницу средней температуры года. Для этой цѣли онъ предложилъ, на основаніи обширныхъ наблюденій, октябрь мѣсяцъ, принимая, конечно, разныя числа его для разныхъ мѣстностей.

Вопросъ — измѣняется ли найденная въ теченіи одного года температура въ извѣстномъ мѣстѣ противу температуры другихъ годовъ, тоже обратилъ на себя вниманіе Гумбольдта. Если она измѣняется, то естественно, что самыя точныя наблюденія ея въ теченіи *одного* года будутъ недостаточны для опредѣленія средней температуры мѣста. Сдѣланный Гумбольдтомъ анализъ хода температуры въ Парижѣ за 10 лѣтъ (съ 1803 по 1813 годъ), показалъ, что онъ не представляетъ значительныхъ колебаній между отдѣльными годами; кромѣ того, онъ при этомъ еще болѣе убѣдился, что средняя температура октября мѣсяца, температуру котораго онъ предложилъ, какъ мы видѣли выше, за среднюю годичную, дѣйствительно отличается только незначительно (на $0^{\circ},2$) отъ средней годичной, найденной наблюденіемъ.

Изложенные законы распредѣленія теплоты, впервые, благо-

даря Гумбольдту, явившіеся въ такой наглядной формѣ, были выведены имъ только для сѣвернаго полушарія.

Всѣ мореплаватели, предпринимавшіе путешествія, начиная съ XVI столѣтія, въ особенности же Кукъ, въ южное полушаріе, единогласно утверждаютъ, что теплота его гораздо ниже теплоты сѣвернаго полушарія подъ соотвѣтствующими градусами широты. Такъ, напр. въ Огненной землѣ, соотвѣтствующей, по своему положенію, въ сѣверномъ полушаріи южной Швеціи, вся страна покрыта, даже въ срединѣ лѣта, снѣгомъ. Неизмѣримыя пространства льда, какъ это доказано путешествіями къ южному полюсу, окружаютъ его на гораздо большее разстояніе отъ полюса, чѣмъ у сѣвернаго. Этотъ неподлежащій сомнѣнію фактъ, Эпинусъ старался объяснить тѣмъ, что такъ какъ земной шаръ движется вокругъ солнца не по окружности круга, а по эллипсу, то онъ подвигается не съ одинаковою скоростію на всѣхъ точкахъ своего пути. Въ слѣдствіе этого лѣто наше [1]) длится нѣсколько дольше чѣмъ зима, между тѣмъ, какъ на южномъ полушаріи видимъ противуположное. Этою разницею въ продолжительности временъ года Эпинусъ и объяснялъ разницу теплоты обоихъ полушарій. Но уже Ламбертъ возражалъ на это, что хотя фактъ большей продолжительности нашего лѣта и справедливъ, но такъ какъ въ продолженіе нашего лѣта земля отстоитъ отъ солнца на большее разстояніе нежели во время лѣта южнаго полушарія, то разницы въ суммѣ падающихъ на каждое полушаріе лучей не существуетъ. Ламбертъ искалъ по этому причину разницы температуры обоихъ полушарій не въ солнцѣ и не въ пути земли вокругъ его, но въ физическомъ различіи обоихъ полушарій.

Противу этого объясненія Кирванъ замѣтилъ, что всѣ путешествія къ высокимъ широтамъ южнаго полушарія были совершены въ теплое время его, т.-е. во время нашей зимы, но изъ температуры крайнихъ временъ года нельзя еще выводить заключенія насчетъ температуръ остальныхъ временъ года, равно какъ и насчетъ средней температуры цѣлаго года. Хотя лѣто южнаго полушарія и представляетъ очень незначительную температуру, за то и зима тамъ далеко не такъ сурова, какъ наша. Сравненіе температуръ обоихъ полушарій, подъ соотвѣтствующими градусами широты, конечно показываетъ, что она въ сѣверномъ нѣсколько выше, но разница эта весьма незначительна. Кирванъ полагалъ, что до 40 градуса широты темпера-

---

[1]) Лѣто и весна вмѣстѣ длятся 7 сутокъ и 18 часовъ дольше.

тура южнаго полушарія относится къ теплотѣ сѣвернаго, какъ 13,5 къ 14; отъ 40 же градусовъ выше до 50—какъ 9 къ 11.

Этого же мнѣнія былъ и Гумбольдтъ. Онъ говоритъ, что хотя оба полушарія получаютъ одинаковое количество солнечныхъ лучей, но накопленіе теплоты на южномъ полушаріи меньше вслѣдствіе бо̀льшаго лучеиспусканія теплорода въ теченіе болѣе продолжительной зимы. Кромѣ того, такъ какъ въ южномъ полушаріи вода занимаетъ гораздо большее пространство чѣмъ материкъ, то пирамидально выдающіяся оконечности континентовъ этого полушарія отличаются континентальнымъ климатомъ. Лѣто съ незначительною температурою смѣняется, до 50 градуса южной широты, несильными морозами во время зимы; даже растительныя формы жаркой полосы встрѣчаются еще у 38 и даже у 42° южной широты. Незначительность встрѣчающихся въ южномъ полушаріи материковъ способствуетъ не только тому, что температура разныхъ временъ года не представляетъ очень рѣзкихъ отличій, но также и абсолютному пониженію средней годичной температуры этого полушарія.

Гумбольдтъ утверждаетъ, что эта причина гораздо важнѣе нежели та, которую долгое время принимали до него, т.-е. нежели незначительная эксцентричность планетнаго пути. Материки испускаютъ, въ теченіе лѣта, гораздо болѣе тепла, чѣмъ моря, и воздухъ экваторіальныхъ странъ и умѣреннаго пояса, направляющійся къ странамъ, лежащимъ у полюса, оказываетъ болѣе слабое вліяніе въ южномъ полушаріи чѣмъ въ сѣверномъ. Доказательствомъ справедливости этого мнѣнія можетъ служить и то обстоятельство, что льды, окружающіе южный полюсъ до 71 и даже 68° южной широты, въ тѣхъ именно мѣстахъ подвигаются ближе къ экватору, гдѣ они встрѣчаютъ открытое море, т.-е. тамъ, гдѣ пирамидально-выдающіяся оконечности континентовъ, своимъ вліяніемъ, не мѣшаютъ ихъ развитію. Изъ этого обстоятельства мы вправѣ тоже заключить, что эта сравнительная бѣдность материковъ южнаго полушарія оказала бы еще гораздо болѣе сильное вліяніе на температуру его, еслибы развитіе континентовъ у экватора было также неравномѣрно, какъ и въ умѣренной полосѣ.

Изслѣдованія Гумбольдта надъ пассатными вѣтрами подтвердили тоже его гипотезу, что недостаточное развитіе материковъ въ южномъ полушаріи составляетъ главную причину меньшей теплоты его.

Гумбольдтъ не упустилъ изъ виду и изслѣдованій воздуха, находящагося надъ большими пространствами воды, надъ морями. Онъ говоритъ, что нижніе слои атмосферы, находящіеся надъ

большими пространствами воды, испытываютъ вліяніе температуры послѣдней. Море гораздо меньше испускаетъ поглощенную имъ теплоту чѣмъ материки; оно охлаждаетъ покоющійся на поверхности своей воздухъ посредствомъ испареній. Охладѣвшія и сдѣлавшіяся болѣе тяжелыми частицы воды опускаются внизъ. Море нагрѣвается, или охлаждается теченіями, направленными отъ экватора къ полюсу, или посредствомъ смѣшенія верхнихъ и нижнихъ слоевъ воды на покатостяхъ отмелей. Вслѣдствіе сочетаній этихъ различныхъ причинъ, между поворотными кругами, и можетъ быть даже до 30° широты, средняя температура воздуха надъ моремъ ниже, на 2 — 3 градуса, противу континентальнаго. Подъ высокими же широтами, напротивъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ атмосфера зимой понижается значительно ниже точки замерзанія, изотермическія линіи направляются къ полюсу, и дѣлаются выгнутыми, когда идутъ отъ материковъ черезъ моря. Такимъ образомъ, температура воздуха надъ морями бываетъ то выше, то ниже находящейся надъ материками; между тѣмъ колебанія температуры воды постоянно ниже, чѣмъ измѣненія температуры находящагося надъ нею воздуха.

Но температура воздуха измѣняется не только съ перемѣной мѣста наблюденій въ горизонтальномъ направленіи; она измѣняется и въ вертикальномъ направленіи. Съ поднятіемъ вверхъ она понижается. Гумбольдтъ, въ разныхъ мемуарахъ своихъ, принимаетъ три причины этого явленія: ослабленіе дѣйствія солнца, лучеиспусканія теплорода и подымающіяся вверхъ теченія воздуха. Солнечные лучи, обусловливающіе возвышеніе температуры, проходя черезъ атмосферу, способствуютъ, какъ извѣстно, нагрѣванію воздуха. Чѣмъ больше частицъ воздуха лучи встрѣчаютъ на своемъ пути, тѣмъ большее количество ихъ нагрѣвается, а такъ какъ воздухъ, въ нижнихъ слояхъ своихъ плотнѣе чѣмъ въ высшихъ, то естественно, что внизу нагрѣваніе будетъ сильнѣе, такъ какъ внизу больше частицъ нагрѣвается по той простой причинѣ, что тамъ ихъ гораздо больше. Но по мѣрѣ нагрѣванія воздуха лучами, послѣдніе, теряя свою теплоту, ослабляются и въ дѣйствіи своемъ. Поэтому нижніе слои воздуха получаютъ меньше теплорода чѣмъ верхніе—лучи, ихъ проходящіе, не суть уже лучи первоначальные, такъ-сказать—изъ первыхъ рукъ; они уже потеряли часть своего теплорода въ верхнихъ слояхъ воздуха. Несмотря однако на то, что нижніе слои атмосферы потеряли на количествѣ, за то они выиграли на качествѣ, ибо лучи тутъ проходятъ черезъ болѣе плотные слои атмосферы. Такимъ образомъ, несмотря на ослабленіе теплоты лучей, во время прохожденія ихъ черезъ верхніе

слои атмосферы, нижніе слои все-таки остаются въ выигрышѣ, такъ какъ въ нихъ накопляется большее количество теплорода вслѣдствіе большей плотности нижнихъ слоевъ воздуха.

Переходимъ ко второй причинѣ, указываемой Гумбольдтомъ, почему верхніе слои воздуха холоднѣе нижнихъ. Каждое нагрѣтое тѣло, и въ томъ числѣ и земной шаръ, испускаетъ изъ себя по всѣмъ направленіямъ теплоту. Лучи теплорода, исходя отъ поверхности земли, должны опять проходить черезъ слои воздуха. Проходя сперва черезъ слои болѣе плотные — ближайшіе землѣ, а затѣмъ уже черезъ менѣе плотные—болѣе отъ нея отдаленные, лучи эти, конечно, нагрѣваютъ первые слои гораздо сильнѣе: во-1-хъ, потому, что они болѣе плотные, во-2-хъ, потому, что они лежатъ ближе къ источнику, испускающему теплородъ. Такимъ образомъ и лучеиспусканіе теплорода землею обусловливаетъ высшую температуру въ нижнихъ слояхъ атмосферы чѣмъ въ верхнихъ.

Наконецъ, укажемъ на третью причину, приводимую Гумбольдтомъ. Нижніе слои воздуха, какъ болѣе теплые, расширяясь, подымаются, конечно, къ верху. Слои воздуха различной температуры поднимаясь къ верху, обнаруживаютъ извѣстное изъ физики стремленіе сгладить разныя степени теплоты; но теченія эти, ими обусловливаясь, усиливаются вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ различія, такъ, что мы имѣемъ право заключить, что чѣмъ сильнѣе теченія воздуха, тѣмъ больше разница температуры между слоями его вверху и внизу.

Въ своихъ «Observations astronomique», Гумбольдтъ разбираетъ и методы, при посредствѣ которыхъ можно изслѣдовать уменьшеніе температуры по мѣрѣ поднятія кверху. Сюда относятся: воздушныя путешествія, восхожденіе на крутыя, уединенныя горы, сравненіе температуръ близъ лежащихъ, но отличающихся значительною разницею въ вертикальномъ направленіи, точекъ; температуры ключей и пещеръ; границы снѣговъ. Послѣдняя, какъ мы уже видѣли выше, не представляетъ вѣрныхъ результатовъ, такъ какъ она, подъ различными широтами, соотвѣтствуетъ различнымъ годичнымъ температурамъ. Результатомъ наблюденій Гумбольдта, по разсматриваемому вопросу, можно принять правило, что температура въ странахъ тропическихъ, равно какъ и въ умѣренномъ поясѣ, въ теченіе лѣта понижается на 1^0 на каждые 180—200 метровъ поднятія вверхъ. Зимою, въ умѣренномъ поясѣ, уменьшеніе температуры совершается медленнѣе: можно принять, что разница на 1^0 замѣчается не меньше какъ на каждые 240 метровъ поднятія. Указавъ на эти общія числа, мы не станемъ приводить среднихъ чиселъ теплоты, опре-

дѣленныхъ Гумбольдтомъ для различныхъ высотъ тропическаго и умѣреннаго пояса; равно мы принуждены ограничиться только замѣчаніемъ, что въ монографіи своей: Sur la limite inférieure des neiges, Гумбольдтъ подробно опредѣляетъ высоты снѣжныхъ границъ разныхъ точекъ земного шара.

Отъ этихъ изслѣдованій температуры воздуха подъ различными градусами широты и на различныхъ высотахъ надъ поверхностью моря, Гумбольдтъ переходитъ къ изслѣдованію температуры почвы. Главнымъ средствомъ для опредѣленія ея ему служатъ наблюденія надъ температурою ключей, сдѣланныя имъ самимъ, Л. фонъ-Бухомъ и Валенбергомъ. На основаніи ихъ онъ пришелъ къ тому же результату, что подъ тропиками и въ болѣе теплыхъ мѣстностяхъ умѣреннаго пояса, температура почвы немногимъ отличается отъ средней температуры воздуха; подъ высшими градусами широты она нѣсколько выше послѣдней. Обстоятельство, что въ двухъ первыхъ мѣстностяхъ не замѣчается почти никакой разницы между температурами обоихъ средъ, и было причиной, почему Гумбольдтъ, какъ мы видѣли выше, считалъ температуру ключей и пещеръ въ числѣ средствъ, при помощи которыхъ можетъ быть опредѣлена температура воздуха.

Десять лѣтъ спустя послѣ этихъ изслѣдованій, Гумбольдтъ обращаетъ свою дѣятельность на «объясненіе главныхъ причинъ различія температуръ на земномъ шарѣ». Тутъ онъ указываетъ, какъ различіе климатовъ можетъ зависѣть отъ положенія даннаго мѣста относительно солнца, какъ главнаго источника теплорода, но это объясненіе неудовлетворяетъ его по причинамъ, изложеннымъ нами выше при разсмотрѣніи взглядовъ Гэллея и Мэрана. Поэтому онъ ищетъ причины, почему западныя части материковъ теплѣе восточныхъ, и находитъ ее въ преобладаніи западныхъ вѣтровъ въ поясахъ умѣренномъ и холодномъ. Вѣтры эти уносятъ съ собою тотъ же воздухъ, который принесли пассатные вѣтры къ экватору, а вращеніе земли даетъ возвращающемуся отъ экватора воздуху направленіе отъ запада къ востоку, точно также какъ оно притекавшему къ нему воздуху давало противуположное направленіе. Но воздухъ, текущій отъ экватора, тепелъ, и потому страны, съ которыми онъ прежде всего приходитъ въ соприкосновеніе, нагрѣваются сильнѣе чѣмъ тѣ, по которымъ онъ проносится послѣ, такъ какъ онъ отдалъ уже часть своего тепла первымъ. Гумбольдтъ объясняетъ значительную, сравнительно съ ея географической широтою, теплоту Европы, ея положеніемъ, такъ близкимъ къ морю, и разорванности, если можно такъ выразиться, частей ея. На западѣ Европы находится большой, такъ значительно умѣряющій холодъ, и при-

томъ согрѣтый Гольфстремомъ, океанъ. Часть земного шара, занимающая самое большое пространство тропическаго пояса, Азія, лежитъ относительно Европы такъ, что послѣдняя нагрѣвается воздухомъ, который, поднимаясь надъ Африкой, направляется отъ экватора къ сѣверному полюсу. Третью причину, умѣряющую климатъ Европы, Гумбольдтъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что она менѣе чѣмъ Азія и Америка выдвигается къ сѣверу и что она лежитъ противу самаго громаднаго незамерзающаго залива, изъ всѣхъ, лежащихъ у полюсовъ.

VI.

Обращаясь къ совершенно другой отрасли естествознанія, къ давленію воздуха, мы и здѣсь встрѣчаемъ слѣды дѣятельности Гумбольдта. При тѣхъ сбивчивыхъ понятіяхъ, которыя имѣли древніе на счетъ тяжести, не легко было рѣшить вопросъ—давитъ ли воздухъ или нѣтъ? Аристотель утверждалъ, что давитъ, такъ какъ, говоритъ онъ, воздухомъ наполненный пузырь вѣситъ больше чѣмъ пустой. Но положеніе это не осталось безъ возраженій: уже Птоломей утверждалъ, что воздухъ, внутри собственнаго пространства, т.-е. воздухъ, въ пространствѣ, наполненномъ воздухомъ, не давитъ, точно также какъ и вода, при подобныхъ же условіяхъ, т.-е. въ предѣлахъ занимаемаго ею пространства, не оказываетъ давленія. Положеніе свое относительно воздуха Птоломей доказывалъ тѣмъ, что опытъ Аристотеля съ пузыремъ невѣренъ; а относительно воды тѣмъ, что опускаясь на дно рѣки мы не чувствуемъ давленія сверху, какъ бы ни глубокъ былъ слой воды, лежащій надъ водолазомъ. Споръ этотъ, длящійся въ продолженіе среднихъ вѣковъ, можно было бы, конечно, рѣшить и извѣстнымъ уже древнимъ закономъ Архимеда, по которому всякое тѣло, взвѣшенное въ жидкости, теряетъ столько своего вѣса, сколько вѣситъ равный объемъ этой жидкости. Примѣняя этотъ законъ къ взвѣшиванію Аристотелемъ воздуха, можно было убѣдиться, что воздухъ, взвѣшенный въ воздухѣ, долженъ столько потерять своего вѣса, сколько самъ вѣситъ, т.-е. все.

Если мы опустимъ стеклянную трубочку въ воду и станемъ, черезъ верхній конецъ ея, тянуть воздухъ изъ нея, то вода подымается въ трубочкѣ. Мы знаемъ теперь, что это происходитъ отъ того, что внѣшній атмосферическій воздухъ, давя на воду, вгоняетъ ее внутрь трубочки, изъ которой мы высосали воздухъ. Древніе объясняли себѣ это явленіе совершенно иначе,

именно тѣмъ, что «природа боится пустоты (horror vacui)», т.-е. что вода только потому подымается въ трубочкѣ, чтобы не осталось въ ней пустого пространства! Извѣстенъ случай съ Торичелли, ученикомъ знаменитаго Галиллея. Когда огородники, рывшіе въ Пизѣ насосный колодецъ, остановились изумленные передъ фактомъ, что вода его не поднимается выше 32 футовъ, ученый этотъ объяснилъ это явленіе тѣмъ, что воздухъ, оказывая давленіе на воду, долженъ подымать ее только до той высоты, пока давленіе воды въ насосѣ на его основаніе не уравновѣситъ давленія внѣшняго воздуха на воду внѣ насоса. Изъ законовъ давленія жидкостей намъ извѣстно, что давленіе ихъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія высоты столба жидкости и плотности ея, и потому, когда Торичелли замѣнилъ воду ртутью, которая въ $13^1/_2$ разъ тяжелѣе воды, то онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что ртуть поднялась только на 28 дюймовъ. Съ этой минуты Торичелли сталъ отвергать мнимую «боязнь природы къ пустотѣ», и поставилъ закономъ, что явленія, приписываемыя прежде horror vacui зависятъ отъ давленія воздуха. Онъ сталъ утверждать далѣе, что трубкою, содержащей столбъ ртути, и запаянной сверху для того, чтобы воздухъ не могъ давить на этотъ столбъ съ другого конца, однимъ словомъ барометромъ, можно измѣрять давленіе воздуха. Какъ всякая новая идея, какъ бы справедлива она ни была, но потому только что она не согласуется съ вѣковыми предразсудками, идея Торичелли встрѣтила сильную оппозицію, пока наконецъ Паскаль не палъ на мысль, доказавшую окончательно неопровержимую ея справедливость. Если, говорилъ онъ, ученіе Торичелли справедливо, то столбъ ртути въ барометрѣ, при поднятіи на высоты, долженъ понижаться, такъ какъ по мѣрѣ поднятія вверхъ, столбъ давящаго на ртуть воздуха уменьшается. Въ 1648 году, шуринъ Паскаля, Перрье, желая рѣшить спорный вопросъ путемъ опыта, подымается на Puy de Dome, близъ Клермона, высотой въ 500 туазовъ. Оказалось, что барометръ дѣйствительно понизился на 3 дюйма ниже того уровня, на которомъ находился на равнинѣ. Съ этихъ поръ, а въ особенности съ того времени, какъ Маріоттъ открылъ законъ, по которому плотность воздуха усиливается по мѣрѣ возвышенія, наука узнала какой высотѣ слоя воздуха соотвѣтствуетъ высота барометра. Съ этого времени инструментъ этотъ и вошелъ во всеобщее употребленіе для измѣреній высотъ.

Еслибы шаръ земной представлялъ бы тѣло покоящееся, не вращающееся, окруженное со всѣхъ сторонъ однимъ и тѣмъ же веществомъ, и еслибы на всѣхъ точкахъ поверхности его не было разницы въ температурѣ, то окружающій его воздушный

океанъ не представлялъ бы тоже никакихъ уклоненій. Въ этомъ «идеальномъ» случаѣ мы видѣли бы на всѣхъ точкахъ земли одинаковое давленіе воздуха. Но дѣйствительность научаетъ насъ противному: мы знаемъ, что земля не есть покоящійся шаръ, а неправильный, вращающійся элипсоидъ, на поверхности котораго встрѣчаемъ разнообразнѣйшія температуры. Кромѣ того, теченія воздуха, извѣстныя намъ подъ именемъ вѣтровъ, показываютъ тоже, что воздухъ на одинаковой высотѣ надъ уровнемъ моря, испытываетъ неодинаковое давленіе. Всѣ части воздушаго океана нетолько подвижны, но находятся въ постоянномъ движеніи.

Для того, чтобы пользоваться барометромъ для измѣренія высотъ, необходимо всегда сравнивать между собою высоту ртутныхъ столбовъ въ двухъ точкахъ, находящихся на различной высотѣ. Если мы знаемъ высоту одной точки, то въ такомъ только случаѣ можемъ отыскать высоту другой. Если мы находимся внутри какой-нибудь страны, и намъ неизвѣстна, изъ непосредственнаго измѣренія, высота данной точки, то необходимо знать высоту барометрическаго столба ртути ближайшаго моря, ибо, такъ какъ высота считается отъ морской поверхности, то зная его, мы узнаемъ и высоту точки, съ которой сравниваемъ ее. Наблюденія показали, что высота барометра у береговъ морей неодинакова подъ различными градусами широты; притомъ она непостоянна даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Колебанія эти бываютъ правильны, т.-е. они могутъ повторяться въ теченіи извѣстныхъ періодовъ; но онѣ бываютъ и неправильны. Понятно, что если мы прибѣгаемъ къ барометру для измѣренія высоты какого-нибудь мѣста, то мы должны принять въ разсчетъ эти колебанія барометра въ обоихъ пунктахъ; иначе разница, выведенная изъ показаній этого инструмента, дастъ намъ ложныя показанія; притомъ мы должны знать ихъ въ самый моментъ наблюденія. Эта высота столба ртути должна быть выведена изъ средней высоты барометра соотвѣтствующей широты мѣста, принимая также въ разсчетъ вліяніе правильныхъ колебаній. Мы здѣсь не имѣемъ причины останавливаться на другомъ, каждому извѣстномъ примѣненіи барометра къ такъ-называемымъ предсказаніямъ погоды, при которыхъ «хорошій» барометръ даетъ намъ вѣсть объ атмосферическихъ перемѣнахъ, совершающихся въ высшихъ слояхъ атмосферы.

Уже изъ сказаннаго мы можемъ заключить, что задачи, которыя при изслѣдованіи барометрическихъ колебаній предстояло разрѣшить, касались трехъ вопросовъ: 1) необходимо было опредѣлить среднюю высоту барометра у уровня моря, подъ различ-

ными градусами широты; 2) нужно было отыскать предѣлы правильныхъ колебаній его; и, наконецъ, 3) величину неправильныхъ колебаній, равно какъ второстепенныя обстоятельства, играющія при этомъ извѣстную роль, чтобы по крайней мѣрѣ современемъ допытаться причины ихъ, и перевести ихъ тогда изъ категоріи неправильныхъ въ правильныя.

Не останавливаясь на барометрическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ Гумбольдтомъ для опредѣленія разныхъ высотъ (изданныхъ въ Observations astronomiques), мы упомянемъ здѣсь вкратцѣ о его изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью развить теорію барометра, помѣщенныхъ въ его «Esquise d'un tableau géognostique de l'Amérique méridionale». Барометрическія наблюденія прежняго времени не различаются тою точностью, которую представляютъ теперь, и этому труды Гумбольдта способствовали не мало. Такъ, изъ сравненія своихъ наблюденій съ сдѣланными членами французской академіи въ половинѣ истекшаго столѣтія въ Перу, онъ приходитъ къ убѣжденію, что барометры послѣднихъ заключали въ себѣ небольшое количество воздуха (ртуть ихъ не была вскипячена), такъ какъ показанія ихъ оказываются ниже найденныхъ Гумбольдтомъ. Другая ошибка прежняго времени вела, напротивъ, къ показанію высшаго столба ртути, чѣмъ настоящій, вслѣдствіе того, что при французскихъ наблюденіяхъ не принималось въ разсчетъ расширеніе ея отъ теплоты (выше 0° C), хотя на это обстоятельство и указывалъ уже Амонтонъ около 1740 г. Кромѣ этихъ ошибокъ, Гумбольдтъ указываетъ еще на третью: вліяніе волосности трубокъ, которая тоже требуетъ поправки.

Уже прежніе ученые путешественники (какъ напр. Varin des Hayes и de Glos, посѣщавшіе Зеленый мысъ и американскіе острова, по порученію французскаго правительства, въ 1682 г.) замѣтили, что вблизи экватора барометръ, дважды въ теченіе сутокъ, постоянно и правильно подымается и опускается. По аналогіи явленіе это названо было атмосферическимъ приливомъ и отливомъ. Фактъ этотъ явился въ совершенно ложномъ свѣтѣ, такъ какъ названные ученые старались привести его въ соотвѣтствіе съ измѣненіями термометрическими, что̀ оказалось несправедливымъ. Гумбольдтъ, съ другомъ своимъ Бонпланомъ, занимаясь долгое время наблюденіями надъ этими колебаніями барометра, опредѣлили какъ величину ихъ, такъ и самое время, когда онѣ наступаютъ.

По Гумбольдту, колебанія барометра, между поворотными кругами, можно выразить слѣдующимъ образомъ: поутру, около 9—9¼ часовъ, онъ достигаетъ самой высокой точки, затѣмъ

понижается, сначала медленно, потомъ скорѣе, и потомъ опять медленнѣе до $4^1/_2$ часовъ; затѣмъ барометръ поднимается снова до 11 часовъ, и потомъ падаетъ опять до 4 ч. слѣдующаго утра. Колебаніе заключается въ предѣлахъ $^1/_2$—1 линіи, и днемъ оно сильнѣе, чѣмъ ночью. Вѣтры, дождь, землетрясенія и подобное, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей экваторіальной Азіи, не оказываютъ никакого вліянія на колебанія барометра, которыя на вышинѣ Квито немногимъ только меньше, чѣмъ на морскомъ берегу. Впрочемъ, явленіе это свойственно не одной тропической Америкѣ; его можно наблюдать вездѣ между поворотными кругами.

Выше уже было упомянуто, что прежніе ученые объясняли эти явленія тою же причиной, которая вызываетъ приливы и отливы, но Лаплясъ доказалъ, что при этомъ предположеніи цѣлое колебаніе барометра не можетъ превосходить одного миллиметра, т.-е. менѣе полулиніи. Кромѣ того, самое время, въ которое замѣчаются самыя значительныя повышенія и пониженія барометра, не позволяетъ смѣшивать обоихъ явленій; между ними только одно общее — что какъ тѣ, такъ и другія проявляются дважды въ сутки. Приливы и отливы обусловливаются различіемъ вліяній, оказываемыхъ притягательною силою солнца и луны на различныя отдѣльныя части земли, находящіяся въ различномъ разстояніи отъ нихъ. Та часть земной поверхности, которая обращена къ лунѣ, испытываетъ, какъ болѣе близкая къ ней, болѣе сильное притяженіе послѣдней, чѣмъ центръ ея; между тѣмъ какъ противоположная сторона земного шара представляетъ противоположное явленіе. При морскихъ приливахъ и отливахъ нельзя не признать вліянія луны, которое оказывается даже въ $2^1/_2$ раза сильнѣе вліянія солнца, и потому время прохожденія черезъ меридіанъ играетъ здѣсь большую роль. Въ совершенной противоположности съ этимъ, атмосферическіе приливы и отливы зависятъ совершенно отъ положенія солнца, и потому мы вправѣ заключить, что оно ихъ причиной, но не луна.

Гумбольдтъ не высказывается прямо насчетъ причины этихъ явленій; Рамонъ же (Ramond) полагаетъ, что ее слѣдуетъ искать во вліяніи теплоты солнечной, вызывающей расширеніе воздуха въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ самая большая теплота дня. Къ востоку отъ этихъ мѣстъ лежатъ точки, которыя опять охладѣваютъ; къ западу — которыя еще не нагрѣлись до той степени, какъ наблюдаемыя. Воздухъ теплыхъ долготъ, расширяясь, поднимается къ верху, и такъ какъ дѣйствіе это здѣсь сильнѣе, чѣмъ къ востоку и къ западу отъ этого мѣста, столбъ воздуха,

выдающійся посрединѣ надъ сосѣдними, стекаетъ по обѣ стороны. Такимъ образомъ, посрединѣ видимъ атмосферическое давленіе, минусъ то количество воздуха, которое стекло по обѣ стороны: теплые часы соотвѣтствуютъ minimum'у давленія. По обѣ же стороны этого выдающагося столба воздуха видимъ атмосферическое давленіе, плюсъ то количество воздуха, которое притекло изъ середины: потому утромъ и вечеромъ замѣчаются самыя высокія давленія воздуха — maximum его. На противоположной minimum'у сторонѣ земли тоже атмосферическое давленіе, и потому ночью второе, но не такъ значительное minimum, которое только потому является таковымъ, что оно находится между двухъ мѣстъ, испытывающихъ болѣе сильное давленіе воздуха. Такъ какъ земля вращается, то одна и та же точка земного шара подъ тропиками имѣетъ то maximum, то minimum давленія надъ собою, такъ какъ они слѣдуютъ солнцу. Главный minimum проявляется около 4-хъ часовъ, т.-е. 2 часа спустя послѣ самаго жаркаго времени дня. Это обусловливается, кажется, тѣмъ, что вызванное различіями температуры движеніе нуждается въ извѣстномъ времени для своего проявленія, точно также, какъ оно, съ другой стороны, длится еще нѣкоторое время послѣ того, какъ обусловливающая его причина перестала дѣйствовать. По этой же причинѣ самый жаркій часъ дня вовсе не 12 часовъ; самый жаркій мѣсяцъ не мѣсяцъ іюнь, несмотря на то, что причина, ихъ обусловливающая, высота солнца, достигаетъ въ обоихъ случаяхъ своего maximum'а, а—2 часа пополудни и мѣсяцъ іюль.

Неправильныя колебанія барометра подъ тропиками очень незначительны, въ противоположность значительнымъ правильнымъ колебаніямъ. Въ умѣренномъ поясѣ явленія эти измѣняются: здѣсь неправильности очень значительны, нормальныя же суточныя колебанія такъ малы, что послѣднія не могутъ быть замѣчены, если мы ограничимся только нѣсколько-дневнымъ ежечаснымъ наблюденіемъ. Только послѣ продолжительнаго ряда наблюденій удается, при выведеніи среднихъ результатовъ, замѣтить, что нѣсколько высшій столбъ утромъ, нѣсколько низшій—послѣ обѣда. Кромѣ того, самые часы, въ которые наступаютъ измѣненія, непостоянны въ теченіе цѣлаго года: суточныя крайности приближаются зимою къ полудню, и отодвигаются въ лѣтнюю пору.

Неправильныя колебанія барометра въ умѣренной полосѣ такъ значительны, что положеніе ртутнаго столба можетъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, представлять разницу на 20 линій, и потому неудивительно, что незначительныя суточныя ко-

лебанія были здѣсь замѣчены только послѣ ряда долгихъ наблюденій.

Давленіе воздуха оказываетъ вліяніе не только на пониженіе барометра; отъ него зависятъ и нѣкоторыя физіологическія явленія, которыя Гумбольдтъ тоже испыталъ на себѣ. Еще Соссюръ, во время своего путешествія въ Альпахъ, упоминаетъ о невѣроятномъ утомленіи при поднятіи на значительныя высоты (выше 1,400—1,500 туазовъ), котораго никакъ нельзя объяснить напряженіемъ мускуловъ. Путешественникъ не въ силахъ сдѣлать 20—30 шаговъ безъ отдыха. Присѣвъ съ этою цѣлью, испытывающій это утомленіе сейчасъ же готовъ заснуть, несмотря на неудобство положенія и холодъ. Нѣкоторыя лица испытываютъ при этомъ тошноту, доходящую до рвоты, даже до обмороковъ. Разныя натуры неодинаково впечатлительны къ этому недугу, но даже самыя сильныя не свободны отъ него; даже такія, которыя по своему образу жизни, какъ напр. альпійскіе проводники, болѣе или менѣе привычные къ разрѣженному горному воздуху, подвержены ему. И затрудненіе дыханія замѣчаютъ тоже, но безъ давленія, и потому Соссюръ объяснялъ это явленіе не столько недостаткомъ кислорода (хотя, при меньшей плотности воздуха на высотахъ, при каждомъ вдыханіи, легкія получаютъ меньшее количество его чѣмъ ближе къ уровню моря), но разслабленіемъ сосудовъ, которые не подвергаются снаружи такому сильному давленію, какъ то, которое испытываютъ органы на незначительномъ поднятіи надъ поверхностью моря и къ которому организмъ приспособленъ.

На Андахъ Гумбольдтъ имѣлъ случай познакомиться съ этимъ физіологическимъ явленіемъ еще въ бо́льшей степени, чѣмъ Соссюръ на Альпахъ. Изслѣдуя различныя высоты, на которыхъ люди еще живутъ, Гумбольдтъ полагалъ, что организмъ человѣческій можетъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, безъ неудобствъ выносить уменьшенное давленіе атмосферы, и что оно только тогда даетъ себя чувствовать, когда столбъ ртути падаетъ ниже 15 дюймовъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что бѣлое племя выносливѣе въ этомъ случаѣ краснокожихъ; какъ тѣ, такъ и другіе, однако, кромѣ упомянутыхъ Соссюромъ явленій, страдаютъ, на значительныхъ высотахъ, кровотеченіями изъ носа, десенъ, глазъ, губъ.

Явленія крайняго утомленія при поднятіи на значительныя высоты объясняются теперь изслѣдованіями братьевъ Веберовъ (физіологовъ). По обоимъ сторонамъ таза находятся вертлюжныя впадины, внутри гладкія углубленія кости, въ которыхъ движутся головки бедренныхъ костей. Цѣлое сочлененіе покрыто

связками и оболочкой, соединяющей тазъ съ шейкой бедра. Если мы перерѣжемъ на трупѣ всѣ толстые слои мышцъ, покрывающихъ это сочлененіе, а также и перепонку, то нога не выпадетъ изъ сустава; она держится еще плотно въ вертлюжной впадинѣ таза давленіемъ воздуха. Изъ этого мы вправѣ заключить, что мы не нуждаемся употреблять особенныя усилія для того, чтобы, во время ходьбы, нести ногу, отдѣляющуюся отъ земли. Давленіе воздуха облегчаетъ намъ этотъ трудъ. Такъ какъ на значительныхъ высотахъ давленіе воздуха уменьшается, то онъ не можетъ уже и нести всей тяжести нашей ноги, и работа, которую исполнялъ воздухъ на равнинѣ, переходитъ теперь на мышцы. Тутъ они должны не только передвигать наши ноги впередъ и назадъ, но и нести ихъ — работа, отъ которой они были свободны при бо́льшемъ давленіи воздуха. Въ этомъ найдемъ и ключъ къ уразумѣнію усталости при восхожденіи на значительныя высоты. Впрочемъ, онъ объясняетъ намъ одну только сторону явленія; все-таки остается непонятнымъ, почему усталость наступаетъ скоро и проходитъ тоже очень быстро и какимъ образомъ люди, по увѣренію Гумбольдта, въ короткое время привыкаютъ къ незначительному давленію воздуха. Конечно возможно, что природа какъ будто приспособляетъ организмъ къ этому тѣмъ, что даетъ человѣку, съ малолѣтства живущему на значительныхъ высотахъ, гораздо большій поперечникъ вертлюжной впадины, но трудно предположить, чтобы она у жителя равнины, попавшаго случайно на значительное возвышеніе, дѣлалась больше. Впрочемъ утверждаютъ, что англійскія гончія собаки, завезенныя на возвышенности Мексики (на 6,000 — 7,000 футовъ надъ поверхностью моря), въ первомъ поколѣніи совершенно негодны для охоты, между тѣмъ какъ второе поколѣніе, родившееся и взросшее тамъ, удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ хорошей охотничьей собаки [1]).

VI.

Кромѣ газовъ, какъ составныхъ частей атмосфернческаго воздуха, послѣдній содержитъ въ себѣ еще измѣняющееся количество водяныхъ паровъ, колебанія котораго и составляютъ то, что въ обыкновенной жизни называется погодой, между тѣмъ

[1]) Въ послѣднее время Lortet, профессоръ медицинскаго факультета въ Ліонѣ, занимался много разсмотрѣнными здѣсь явленіями, совокупность которыхъ онъ называетъ mal des montagnes. Изслѣдованія его, сдѣланныя во время двукратнаго восхожденія на Монъ-Бланъ, бросаютъ свѣтъ на этотъ недугъ.

какъ они, вмѣстѣ съ явленіями теплоты, представляютъ то, что даетъ наиболѣе себя чувствовать человѣку, который совокупность ихъ обозначаетъ словомъ: климатъ.

Что воздухъ содержитъ въ себѣ воду, было, конечно, извѣстно испоконъ вѣка; но свѣдѣнія древнихъ о томъ, въ какомъ видѣ она находится въ атмосферѣ, были очень недостаточны. По общераспространенному мнѣнію полагали, что вода находится въ воздухѣ въ растворенномъ состояніи. Этого мнѣнія былъ, вначалѣ, и Гумбольдтъ. Соединеніе воды съ теплородомъ (который тогда считали матеріальнымъ веществомъ), т.-е. водяные пары, принимали за химическое соединеніе ихъ съ воздухомъ. Соссюръ былъ первый ученый, отнесшійся съ недовѣріемъ къ этой теоріи, такъ какъ онъ нашелъ, что въ данномъ объемѣ всегда находится одинаковое количество воды, съ какимъ бы газомъ она ни находилась въ соединеніи, лишь бы только температура оставалась неизмѣнною. Это не могло бы имѣть, конечно, мѣста, еслибы вода и теплородъ представляли химическое соединеніе. Мы видѣли также выше, что уже Дальтонъ высказалъ законъ, по которому надъ землею находится атмосфера водяныхъ паровъ, которая повинуется собственнымъ законамъ, совершенно независимо отъ тѣхъ, которымъ слѣдуютъ частицы кислорода и азота, находящіяся въ средѣ ихъ. Частицы водяныхъ паровъ распространяются въ данномъ пространствѣ, какъ будто въ немъ не было вовсе воздуха, съ тою только особенностью, что это распространеніе совершается тѣмъ медленнѣе, чѣмъ плотнѣе воздухъ.

Если земной шаръ окруженъ атмосферою водяныхъ паровъ, то мы можемъ представить себѣ ее составленною изъ любого количества концентрическихъ слоевъ ея, изъ которыхъ наружные оказываютъ постоянно давленіе на внутренніе, такъ какъ послѣдніе оказываютъ сопротивленіе стремленію первыхъ приблизиться къ землѣ. Потому-то нижніе слои (ближайшіе къ землѣ) выносятъ на себѣ давленіе всѣхъ высшихъ, надъ ними находящихся. Давленіе этихъ паровъ дѣйствуетъ на жидкости (напр. на ртуть и барометръ), точно также какъ и давленіе воздуха, и потому высота столба ртути этого инструмента есть результатъ коллективнаго дѣйствія всѣхъ давящихъ на него газовъ: кислорода, азота, водяныхъ паровъ и проч. Чѣмъ больше слоевъ давитъ на воздухъ, непосредственно окружающій земной шаръ, тѣмъ сильнѣе будетъ испытываемое имъ давленіе, т.-е. тѣмъ меньше будетъ, по закону Маріотта, объемъ, тѣмъ больше будетъ плотность его внизу въ сравненіи съ плотностью находящагося наверху. Закону этому повинуются и водяные пары,

но только до извѣстныхъ предѣловъ. Какъ только предѣлы эти достигнуты — водяные пары теряютъ свою форму газовъ, превращаясь въ воду. Чѣмъ насыщеннѣе воздухъ водяными парами, тѣмъ больше, конечно, будетъ и давленіе, и тѣмъ ниже предѣлы, въ которыхъ совершается это претвореніе въ капельно-жидкое состояніе. Поэтому данный объемъ, напр. кубическій метръ, можетъ содержать въ себѣ только опредѣленное количество водяныхъ паровъ; и притомъ оно измѣняется съ температурою, увеличиваясь вмѣстѣ съ нею. Если наступаетъ охлажденіе сырого воздуха ниже точки насыщенія, то водяные пары, принимая форму маленькихъ шариковъ, являются въ видѣ облаковъ или тумана; если температура опять поднимается, они опять превращаются въ газообразную форму; если, напротивъ, температура понижается еще ниже — мелкіе шарики облаковъ сливаются въ болѣе крупныя капли, падающія въ видѣ дождя или снѣга, если этотъ процессъ совершается при температурѣ ниже точки замерзанія.

Послѣ установленія теоріи водяныхъ метеоровъ, трудами Дальтона и Гэ-Люссака, оставалось заняться практическимъ ея примѣненіемъ; нужно было изучить и найти законы, по которымъ содержаніе водяныхъ паровъ въ атмосферѣ измѣняется во времени и въ различныхъ мѣстностяхъ; опредѣлить высоту облаковъ, т.-е. высоту тѣхъ слоевъ, въ которыхъ по преимуществу совершается претвореніе паровъ въ воду; показать распредѣленіе дождя и вообще метеорологическихъ осадковъ въ различныхъ странахъ и въ разныя времена года, и измѣрить количество воды, падающей во время каждаго дождя или въ теченіе круглаго года.

Для измѣренія количества водяныхъ паровъ, содержащихся въ воздухѣ, необходимо имѣть инструментъ, его опредѣляющій. Такіе инструменты, извѣстные подъ названіемъ гигрометровъ, извѣстны уже давно и приготовляются изъ различныхъ растительныхъ или животныхъ веществъ, измѣняющихся въ сыромъ воздухѣ. Такъ, прежде употребляли для этой цѣли струны, волоса человѣческіе (Соссюръ), китовый усъ (Де-Люкъ), расправлявшіеся въ сыромъ воздухѣ, и показывавшіе, на циферблатѣ, степень сырости. Новѣйшіе аппараты, приспособленные для этой цѣли, конечно, гораздо совершеннѣе, такъ какъ они показываютъ даже точку, когда вода переходитъ изъ газообразнаго состоянія въ капельно-жидкое.

Гигрометрическія наблюденія Гумбольдта, произведенныя имъ во время его американскаго путешествія, при посредствѣ аппаратовъ Соссюра и Гэ-Люссака, показали, что въ равноденствен-

ной полосѣ Америки воздухъ, въ ясные дни, содержитъ значительное количество сырости, превосходящую почти вдвое сырость, замѣчаемую въ средней Европѣ даже въ лѣтніе мѣсяцы. Но это замѣчается только на равнинахъ; на высотахъ содержаніе водяныхъ паровъ атмосферы падаетъ быстро, такъ, что на значительныхъ горахъ оно не достигаетъ даже того количества, которое находимъ въ Европѣ, при ровной температурѣ, въ долинахъ.

Нижній предѣлъ высоты густыхъ облаковъ Гумбольдтъ опредѣлилъ въ 615, верхній—въ 1,700—1,800 туазовъ. Рѣдкіе облака, извѣстные подъ именемъ барашковъ, находятся гораздо выше. Гумбольдтъ и Бонпланъ опредѣлили высоту ихъ по крайней мѣрѣ въ 4,100 туазовъ.

Монографія Гумбольдта—De l'influence de la déclinaison du soleil sur le commencement des pluies équatoriales — представляетъ особенный интересъ потому, что она даетъ возможность изучать распредѣленіе погоды подъ тропами, какъ мѣстности, представляющей исходный пунктъ для всѣхъ почти метеорологическихъ изслѣдованій. Мы уже выше упоминали, что подъ тропами всѣ метеорологическія явленія отличаются необыкновенною правильностью, и не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы метеорологія начала здѣсь свои наблюденія, она сдѣлала бы гораздо бо́льшіе успѣхи, чѣмъ тѣ, которые она можетъ предъявить въ настоящую минуту на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ въ умѣренномъ поясѣ. Гумбольдтъ изучаетъ здѣсь распредѣленія временъ года. Какъ у полярныхъ круговъ извѣстны только два времени года, холодное и теплое, или время года ночи и дня, такъ и въ тропической полосѣ ихъ тоже два: жаркое и дождливое, или, по выраженію индѣйцевъ, время солнца и облаковъ. Въ болѣе теплыхъ мѣстностяхъ умѣреннаго пояса дожди падаютъ тогда, когда солнце стоитъ низко, т.-е. въ то время года, которое соотвѣтствуетъ нашей зимѣ. Тогда тамъ періодъ дождей. Въ мѣстностяхъ же тропическихъ наступаетъ самое дождливое время, когда солнце приближается къ зениту, т. е. въ періодъ, соотвѣтствующій нашему лѣту. Съ декабря по февраль нѣтъ тамъ ни облачка на небѣ; вѣтры дуютъ съ востока къ сѣверовостоку — это пассатъ — вѣтеръ, приносящій воздухъ изъ холодныхъ странъ къ тѣмъ, надъ которыми стоитъ солнце. Воздухъ, переходя изъ холодныхъ мѣстностей въ теплыя, нагрѣвается, и, какъ выше упомянуто, при высшей температурѣ, онъ получаетъ способность принимать въ себя больше воды, то при этихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о метеорическомъ осадкѣ въ видѣ дождя. Тамъ повторяется тоже, что случается въ на-

шихъ мѣстностяхъ, когда у насъ дуетъ сѣверовосточный вѣтеръ. И у насъ стоитъ тогда ясная погода; но въ нашихъ мѣстностяхъ вѣтеръ этотъ постоянно чередуется съ югозападнымъ вѣтромъ, приносящимъ дождь, между тѣмъ, какъ подъ тропами, въ теченіи названныхъ мѣсяцевъ, этого не случается. Въ концѣ февраля гигрометръ начинаетъ показывать увеличивающуюся сырость; вѣтеръ стихаетъ и переходитъ нерѣдко въ затишь; на юго-юго-востокѣ показываются облака; по временамъ замѣчаются электрическія разряженія; направленіе вѣтра перемѣняется къ западу и юго-западу и къ концу апрѣля начинается періодъ дождей и грозъ; небо заволакивается грозными тучами; дождь льетъ въ теченіе цѣлаго дня, переставая къ ночи. Періодъ этотъ длится до тѣхъ поръ, пока солнце не отклонится опять къ югу, когда для сѣвернаго полушарія наступаетъ холодное время. Тогда здѣсь опять начинается сѣверное теченіе, а съ нимъ вмѣстѣ и ясная погода.

Гумбольдтъ не только описалъ эти явленія, но и объяснилъ ихъ вполнѣ удовлетворительно. По теоріи Гэллея явленіе пассатныхъ вѣтровъ обусловливается совокупнымъ дѣйствіемъ солнца и вращенія земли: первое — причиной движенія воздуха къ экватору, какъ тому мѣсту, гдѣ онъ теплѣе; второе — обусловливаетъ вращеніе на западъ. На сѣверномъ полушаріи, теченію воздуха, направляющемуся изъ сѣверо-востока къ югозападу, соотвѣтствуетъ теченіе въ противуположномъ направленіи; у насъ оба теченія направляются рядомъ другъ съ другомъ, смѣняя одно другое; въ мѣстностяхъ же, лежащихъ въ незначительныхъ широтахъ, полярное теченіе находится всегда внизу (пассатъ), другое же — всегда на верху. Такъ какъ отъ каждаго полюса направляется пассатъ, то они должны гдѣ-нибудь встрѣтиться, и они встрѣчаются тамъ, гдѣ солнце стоитъ выше, гдѣ теплота самая значительная. До тѣхъ поръ, пока вѣтеръ можетъ направляться изъ болѣе холоднаго мѣста въ болѣе теплое, дождь, по причинамъ выше изложеннымъ, образоваться не можетъ; но тамъ, гдѣ температура самая высокая, горизонтальное движеніе въ высокой степени пресыщеннаго водяными парами воздуха прекращается, онъ поднимается вверхъ, расширяется, но при этомъ и охлаждается, и теряетъ часть своей воды, которая и падаетъ въ видѣ тропическаго дождя.

Поясъ, на пространствѣ котораго падаютъ тропическіе дожди (Kalmenzone), съ которымъ познакомилъ насъ Гумбольдтъ, окружаетъ земной шаръ на пространствѣ 8—10 градусовъ ширины. Онъ прерывается только въ Индѣйскомъ Океанѣ муссонами.

Найденные Гумбольдтомъ законы испытываютъ, какъ онъ самъ объясняетъ, нѣкоторыя исключенія, обусловливаемыя мѣстными причинами. Онѣ и причиной, почему мѣстами горы и берега представляютъ противуположные періоды дождей.

Въ нашемъ климатѣ самое большее количество метеорической воды падаетъ въ теченіи лѣта, такъ какъ это время года отличается самою высокою температурою, вслѣдствіе чего атмосфера получаетъ возможность насыщаться большимъ количествомъ водяныхъ паровъ, и съ другой стороны — освобождаться отъ нихъ. Подъ экваторомъ теплая погода стоитъ круглый годъ, въ особенности же въ періодъ дождей, такъ, что причина, обусловливающая у насъ болѣе сильные дожди, сказывается тамъ гораздо сильнѣе. Въ то время, какъ въ Европѣ, по наблюденіямъ Гумбольдта, рѣдко падаетъ, въ теченіе часа, больше 4-хъ линій дождя, въ Гваяквилѣ онъ выпадаетъ, въ продолженіе того же времени, $1^{3}/_{10}$ дюйма! Этимъ объясняется, что подъ тропами, несмотря на то, что тамъ гораздо больше ясныхъ дней чѣмъ у насъ, количество выпадающаго тамъ дождя гораздо значительнѣе, чѣмъ въ умѣренномъ поясѣ. Оно тамъ достигаетъ, среднимъ числомъ, 70 дюймовъ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и больше!), между тѣмъ какъ въ Европѣ оно равно только 22 д. Впослѣдствіи Гумбольдтъ показалъ количество дождя въ тропическихъ странахъ гораздо выше — 110 — 112 дюймовъ. Новѣйшія наблюденія дали, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, еще болѣе высокія цифры: 151 д. въ Кайэнѣ, въ Херапоньѣ, у склона Коссіагилля, на высотѣ 4500 футовъ, 610 дюймовъ!!

Точно также какъ количество дождя, въ видѣ исключеній, можетъ значительно увеличиваться, оно можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и уменьшаться отъ вліянія мѣстныхъ причинъ. Такъ, въ Куманѣ количество его не превосходитъ 7 и 8 дюймовъ; вдоль же берега Перу дождь вообще не падаетъ.

VII.

Синева неба, свободнаго отъ тучъ, не всегда и не вездѣ одинакова; лѣтомъ оно темнѣе, зимою — яснѣе. Выраженіе: «итальянское небо, т.-е. темное небо, вошло даже въ пословицу. Соссюръ, сознавая необходимость сравнивать между собою разныя состоянія синевы неба, придумалъ для опредѣленія ихъ особый инструментъ, названный имъ ціянометромъ. Онъ состоитъ изъ 53 полосъ, наклеенныхъ на кругъ, представляющихъ постепенные переходы отъ бѣлаго цвѣта, черезъ всѣ воз-

можныя ступени синяго, до черпаго, названные имъ градусами ціянометра. Синева даннаго мѣста неба опредѣляется тождественностью его съ однимъ изъ этихъ градусовъ, опредѣленною непосредственнымъ наблюденіемъ.

Синева неба—есть дѣйствіе воздуха. Если бы не было его, оно казалось бы намъ совершенно чернымъ. Чѣмъ плотнѣе слои воздуха, черезъ которые мы смотримъ на небо, тѣмъ цвѣтъ его больше приближается къ бѣлому, и потому синева неба въ зенитѣ насыщеннѣе, нежели на горизонтѣ. Измѣренія этихъ оттѣнковъ, произведенныя Гумбольдтомъ на Атлантическомъ океанѣ (соотвѣтствующія довольно близко опредѣленіямъ Соссюра на Женевскомъ озерѣ), показали, что подъ 1^0 высоты, слѣдовательно очень близко къ горизонту, ціянометръ показываетъ отъ $2^0,5$ до 3^0; подъ угломъ 60^0—21^0—22^0, а въ зенитѣ—$22^0,4$—$23^0,5$. При наблюденіяхъ въ зенитѣ Гумбольдтъ нашелъ, что подъ тропами синева насыщеннѣе: въ то время, какъ средняя синева въ Парижѣ (при 25^0 теплоты) 16 — 17^0, она доходитъ подъ тропами, тоже на равнинѣ, до 23^0. Самыя великолѣпныя испанскія и итальянскія ночи, по увѣренію Гумбольдта, нельзя сравнить съ спокойнымъ величіемъ тропическихъ. У экватора всѣ звѣзды блестятъ спокойнымъ планетарнымъ свѣтомъ; мерцаніе едва замѣтно на горизонтѣ. Самые слабые телескопы подъ тропами кажутся гораздо болѣе сильными; такъ значительна и постоянна прозрачность тамошняго воздуха!

Если тропическій воздухъ кажется темнѣе нашего, то изъ этого слѣдуетъ, что тамъ изъ числа лучей, исходящихъ изъ солнца, пропадаетъ, на пути ихъ къ землѣ, менѣе нежели у насъ, а если это такъ, то понятно, что количество достигающихъ земной поверхности лучей тамъ больше, чѣмъ у насъ. Явленіе это, равно какъ вліяніе солнечныхъ лучей на физіологическія отправленія растеній, на ихъ дыханіе, цвѣтъ, отложеніе азота, не укрылись отъ наблюдательности Гумбольдта. Этому, ничѣмъ неослабленному, вліянію лучей онъ приписываетъ и ароматичность горныхъ растеній. Имъ же объясняетъ онъ странное чувство разслабленія, испытываемое жителями Квито и Мексики, когда они, поднявшись на высоту 3,000—4,000 метровъ, испытываютъ жгучесть лучей, не такъ ослабленныхъ, какъ достигшіе поверхности земли.

Извѣстно, что лучъ солнечный, проходя черезъ разные слои атмосферы неодинаковой плотности, отклоняется отъ своего первоначальнаго направленія, описывая, на пути кривую линію. Исключеніе изъ этого закона представляютъ только такіе лучи, которые, исходя изъ зенита, направляются къ поверхности земли

въ перпендикулярномъ направленіи, нигдѣ не преломляясь. Какъ только свѣтящееся тѣло не находится въ зенитѣ мѣста наблюденія, лучи тотчасъ уклоняются, искривляясь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше разстояніе отъ зенита. Такъ какъ болѣе плотные слои воздуха находятся внизу, то выпуклая сторона образуемой лучемъ кривой линіи обращена кверху, и потому, слѣдя въ направленіи послѣдняго пути назадъ, свѣтящаяся точка кажется намъ лежащею ближе къ зениту, чѣмъ она находится въ дѣйствительности. Глазъ наблюдателя ищетъ видѣнный предметъ на продолженіи того направленія, которое имѣлъ лучъ прежде чѣмъ онъ проникъ въ глазъ, и если лучъ, на пути своемъ, измѣнилъ свое направленіе, то глазъ не видитъ свѣтящейся точки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она дѣйствительно находится. Мы видимъ, напримѣръ, изображеніе предмета въ зеркалѣ. Свѣтъ прошелъ, въ этомъ случаѣ, путь отъ видимаго предмета къ зеркалу, отразился въ немъ, измѣнилъ свое направленіе, и проникаетъ по этому новому направленію въ глазъ наблюдателя. Послѣдній видитъ такимъ образомъ предметъ или, вѣрнѣе, изображеніе его, въ продолженномъ назадъ отъ зеркала направленіи, которое имѣлъ лучъ передъ непосредственнымъ входомъ въ глазъ, т.-е. глазъ видитъ предметъ за зеркаломъ.

Вліяніе уклоненія свѣта отъ своего пути въ воздухѣ мы никогда не видимъ звѣзды, не находящейся въ зенитѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится въ дѣйствительности; она всегда кажется приближенною къ зениту; словомъ, мы видимъ ее всегда выше, чѣмъ она находится на самомъ дѣлѣ. Едва только восходящая звѣзда кажется намъ находящеюся надъ горизонтомъ на высотѣ около полудіаметра луны; если же мы видимъ ее на самомъ горизонтѣ—то она, въ дѣйствительности, еще и не показалась на немъ.

Изъ сказаннаго будетъ ясно, какую важную роль играетъ, въ практической астрономіи, это свойство свѣта. Если мы желаемъ основать вычисленіе пути какого-нибудь свѣтила на наблюденіи, то необходимо при этомъ знать настоящую высоту его, а это невозможно, не зная точно величины лучепреломленія.

Вопросомъ этимъ занимались уже древніе, хотя и не рѣшили его вполнѣ удовлетворительно. Тихо-де-Брагэ и Ротманъ, обратившіе вниманіе на дѣйствіе нагрѣтой почвы, утверждали, что рефракція свѣта должна быть неодинакова въ различныхъ странахъ. Кеплеръ подтвердилъ это положеніе. Чѣмъ плотнѣе воздухъ, тѣмъ сильнѣе должно быть дѣйствіе ея, а такъ какъ теплота уменьшаетъ плотность воздуха, то она и уменьшаетъ рефракцію. Низкій столбъ ртути въ термометрѣ, и высокій въ

барометрѣ усиливаютъ ее. Карлъ XI, король шведскій, Споле и Билембергъ дѣлали наблюденія надъ нею въ Торнео. Вычисленія, сдѣланныя на основаніи ихъ, Кассини и Пикаромъ, показали, что рефракція въ Лапландіи вдвое сильнѣе чѣмъ въ Парижѣ, между тѣмъ какъ Буге (Bouguer) нашелъ ее для экватора меньше. Напротивъ, Ле-Жантиль, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ Пондишери, считалъ рефракцію подъ тропами выше. Вопросъ, такимъ образомъ, оставался спорнымъ, и его слѣдовало рѣшить. Изъ многочисленныхъ астрономическихъ наблюденій, сдѣланныхъ Гумбольдтомъ во время его путешествія для опредѣленія географической долготы и широты различныхъ мѣстъ, можно было вычислить рефракцію. Ольтмансъ, занявшись этимъ, пришелъ къ результатамъ Ле-Жантиля, противуположнымъ Буге. Гумбольдтъ посвятилъ тоже этому предмету, въ первомъ томѣ своихъ Observations astronomiques, цѣлый отдѣлъ. Такъ какъ отдѣльные газы не имѣютъ одной и той же способности рефракціи, то онъ примѣнилъ къ этимъ изслѣдованіямъ свои прежнія химическія изслѣдованія насчетъ состава воздуха, о которыхъ мы упоминали выше. Не менѣе вниманія обратилъ онъ на вліяніе сырости, теплоты. Изслѣдованіе этого вопроса показываетъ наглядно, какъ естественныя науки тѣсно связаны между собою; какъ одна оказываетъ пособіе другой даже въ случаяхъ, когда по общему отношенію между ними это не слѣдовало бы вовсе ожидать. Какую, кажется, связь можетъ имѣть химія, занятая исключительно изслѣдованіемъ земныхъ тѣлъ, съ астрономіей? А между тѣмъ она дала намъ еще въ послѣднее время, при посредствѣ спектральнаго анализа, отвѣтъ насчетъ составныхъ частей небесныхъ тѣлъ, и къ ней же обратился Гумбольдтъ съ вопросомъ: нельзя ли изъ различія химическаго состава заключить о различіи рефракціи лучей. Она дала ему отвѣтъ отрицательный, ибо химическій составъ атмосферы, по крайней мѣрѣ что касается содержанія ея кислорода и азота, остается почти неизмѣненъ; содержаніе углекислоты слишкомъ незначительно, а водяные пары оказываютъ такое же вліяніе какъ и сухой воздухъ. Мы видимъ здѣсь, что положительное исключеніе возможности посторонняго вліянія на извѣстное явленіе часто играетъ такую важную роль въ наукѣ, какъ и методъ, научающій насъ средствамъ устранить его.

Такимъ образомъ, такъ какъ химическій составъ воздуха не оказываетъ вліянія на рефракцію, то остается только принять въ разсчетъ температуру и плотность его. Такъ какъ первый изъ этихъ двухъ факторовъ уменьшается, по направленію кверху, очень неравномѣрно, то все опредѣленіе дѣлается вслѣдствіе

того очень неопредѣленнымъ и наблюденія надъ звѣздами получаютъ только тогда извѣстную цѣну, когда наблюдаемый предметъ отстоитъ отъ горизонта по крайней мѣрѣ на 15°.

VIII.

И зоологія обязана Гумбольдту существенными приращеніями. Систематическая часть этой науки обогащена была въ особенности тѣмъ, что онъ собралъ значительное количество до него вовсе неизвѣстныхъ, или мало извѣстныхъ, американскихъ животныхъ. Разработкою этого матеріала, изданнаго въ свѣтъ въ видѣ второго отдѣла его сочиненія, подъ заглавіемъ: Recueil d'observations de zoologie et d'anatomie comparée, faites dans l'océan atlantique, dans l'intérieur du nouveau continent et dans la mer du Sud, pendant les années 1799 — 1804 (Paris, 1811 et 1833, 2 vol. 4), занялись въ особенности Кювье, Латрейль (отдѣлъ насѣкомыхъ), Валенсьенъ (рыбы и раковины); въ немъ однако помѣщены и нѣсколько монографій Бонплана и Гумбольдта. Труды послѣдняго касались преимущественно сравнительной анатоміи, въ особенности устройства гортани и подъязычной кости у птицъ, обезьянъ и крокодиловъ. Онъ показалъ вліяніе измѣненій этихъ органовъ на измѣненіе голоса этихъ животныхъ и открылъ оригинальное устройство ихъ у крокодиловъ, позволяющее имъ хватать свою добычу подъ водою, разѣвая широко пасть безъ опасности захлебнуться и задушиться; но они не имѣютъ возможности съѣсть схваченнаго подъ водою, для чего необходимо должны выдти на берегъ. Не останавливаясь на разборѣ трудовъ Гумбольдта по части систематической и сравнительной анатоміи, мы упомянемъ только о касающихся физіологіи и зоологической географіи.

Между трудами его по физіологіи особеннаго вниманія заслуживаютъ изслѣдованія, касающіяся животнаго электричества, какъ продолженіе упомянутыхъ въ первой статьѣ, и примѣненія трудовъ его о составѣ воздуха къ ученію о животной экономіи. Уже давно было извѣстно, что нѣкоторыя рыбы Средиземнаго и другихъ морей (Raja torpedo) отличаются способностью наносить удары другимъ животнымъ, представляющіе замѣчательное сходство съ ударами электрическими. Уже древніе пользовались этими рыбами въ тѣхъ недугахъ, въ которыхъ въ настоящее время употребляются электро-магнитные аппараты. До Гумбольдта обратилъ вниманіе на этихъ рыбъ въ особенности Вальшъ (1772), изслѣдовавшій ихъ въ Ля-Рошели и на

островѣ Ре. Уже онъ описываетъ, что если дотронуться до электрическаго ската, то онъ защищается ударомъ, совершенно схожимъ съ ударомъ электрической машины. Точно также можно его уединить худыми проводниками; если цѣпь, составленная изъ нѣсколькихъ человѣкъ (до 20), взявшись за руки, будетъ замкнута прикосновеніемъ къ скату перваго и послѣдняго человѣка въ цѣпи, то все общество почувствуетъ сотрясеніе. Въ водѣ они не такъ сильны—вслѣдствіе того, что стихія эта хорошій проводникъ электричества,—но за то они дѣйствуютъ и въ отдаленіи, чего въ воздухѣ не случается. По мнѣнію Вальша, удары эти совершенно произвольны: не послѣ каждаго прикосновенія къ нему скатъ реагируетъ ударомъ, а большею частію когда его раздражаютъ чѣмъ-нибудь, въ особенности щипаньемъ плавательныхъ перьевъ. Съ анатомическимъ устройствомъ электрическихъ рыбъ познакомилъ ученыхъ впервые Гунтеръ. Онъ нашелъ, что электрическій органъ электрическаго ската тянется подъ кожей вдоль его поверхности до передняго края головы; органъ этотъ состоитъ, если смотрѣть на него сверху, изъ многоугольныхъ или круглыхъ подраздѣленій, а если смотрѣть съ боку—изъ параллельныхъ тонкихъ пластинокъ, такъ, что онъ представляется рядомъ столбиковъ, оси которыхъ направляются отъ живота къ спинѣ; среднимъ числомъ отъ 400 до 500 съ каждой стороны, въ большихъ экземплярахъ и больше. Пучки нервныхъ волоконъ разсѣяны по всему органу. У электрическаго угря (gymnotus electricus) органъ находится въ хвостѣ, очень длинномъ (онъ превосходитъ голову и туловище по крайней мѣрѣ въ $4^1/_2$ раза), въ двухъ мѣстахъ: одна часть его больше другой. Значительнымъ протяженіемъ хвоста и объясняется отчасти болѣе сильное дѣйствіе ударовъ электрическаго угря (оно, по вычисленію Гумбольдта, въ 10-ть разъ сильнѣе ударовъ электрическаго ската). Столбики органа угря расположены не вертикально, какъ у ската, а горизонтально.

Электрическіе угри встрѣчаются чаще всего въ небольшихъ рѣчкахъ, стоячихъ водахъ и болотахъ, текущихъ посреди необозримыхъ льяносъ (равнинъ), тянущихся между Ореноко и берегами Венезуелы. Такъ какъ индѣйцы, изъ опасенія ударовъ, никакъ не рѣшались добыть Гумбольдту живыхъ экземпляровъ этихъ угрей, то онъ рѣшился самъ присутствовать при этой охотѣ. Индѣйцы, вооруженные бамбуковыми жердями, съ крикомъ согнали дикихъ лошадей въ болото, наполненное угрями. Здѣсь началась борьба, передать которую можетъ только талантливая кисть. Угри пустили въ ходъ свои электрическія баттареи; лошади, изнемогая отъ ударовъ, топтали угрей; нѣсколько

лошадей, парализованныхъ, пошло ко дну; другія, выбравшись на берегъ, истомленные, съ испуганнымъ взоромъ, растянулись вдоль болота; иныя, съ распущенными гривами, искали спасенія въ бѣгствѣ. Но только первая аттака угрей страшна. Баттареи ихъ, вскорѣ истощенныя, прекратили свое ошеломляющее дѣйствіе, хотя мускульныя движенія ихъ все еще были очень живы. Лошади какъ будто преодолѣли первый страхъ и натискъ, и теперь дошла очередь до угрей, быстро удалявшихся съ поля битвы. По увѣренію индѣйцевъ, весьма правдоподобному, если гонять лошадей два дня сряду въ болото, ни одна изъ нихъ не падетъ жертвою ударовъ угрей, истощенныхъ въ теченіи первыхъ сутокъ разряженіями своихъ разрушительныхъ органовъ. Угрямъ необходимы, для возстановленія израсходованныхъ электрическихъ силъ, спокойствіе, отдыхъ и пища. Изъ этого наблюденія, равно какъ изъ опытовъ, сдѣланныхъ въ Италіи надъ скатами, у которыхъ были перерѣзаны нервы, ведущіе къ ихъ электрическимъ органамъ, мы вправѣ заключить, что послѣдніе нельзя сравнить съ обыкновенными электрическими аппаратами; они не дѣйствуютъ какъ неоживленный вольтовъ столбъ, постоянно возобновляющій израсходованное электричество изъ сосѣднихъ водяныхъ слоевъ.

Такъ какъ окончательная побѣда осталась за дикими лошадьми, то Гумбольдту не трудно было, посредствомъ багровъ съ навязанными на нихъ сухими веревками, наловить огромныхъ электрическихъ угрей, искавшихъ спасенія на берегѣ. Анатомическія изслѣдованія Гумбольдта подтвердили найденное прежде Гунтеромъ; но онъ приписываетъ еще большее вліяніе на электрическое дѣйствіе этихъ рыбъ кислороду воздуха, заключенному въ огромномъ плавательномъ пузырѣ ихъ. Это — прибавленіе къ электро-химической теоріи его, о которой была рѣчь выше, при разсмотрѣніи его ученія о раздражительности.

Гумбольдтъ утверждаетъ, что ощущеніе, вызываемое ударами электрическаго угря, совершенно отлично отъ ощущеній, получаемыхъ разряженіями электрической машины, лейденской банки или вольтова столба. Различіе это можно замѣчать только при слабыхъ ударахъ, такъ какъ при сильныхъ теряется всякая возможность сравненія. Они ошеломляютъ человѣка страшной болью. Дотронувшись ногами до одного изъ этихъ угрей, послѣ того, какъ они были пойманы на берегу, онъ былъ почти парализованъ, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, животнымъ, израсходовавшимъ почти весь запасъ своего электричества на борьбу съ лошадьми. Изъ этого можно составить себѣ приблизительное понятіе, каковъ долженъ быть ударъ угря неистощеннаго!

Въ то время, когда Вальшъ дѣлалъ свои наблюденія надъ электрическими рыбами, гальванизмъ не былъ еще извѣстенъ. Гумбольдтъ и Бонпланъ были первые ученые, занявшіеся этимъ предметомъ послѣ открытія гальванизма. Такъ какъ сооруженіе вольтова столба послѣдовало въ 1799 г., т.-е. въ годъ отъѣзда Гумбольдта въ Америку, то послѣдній, незнавшій ничего объ этомъ, не могъ, конечно, и сдѣлать сравненій между электрическими органами рыбъ и вольтовымъ столбомъ. Впрочемъ, аппаратъ этотъ, несмотря на свое высокое научное значеніе, въ началѣ болѣе мѣшалъ изученію животнаго электричества, чѣмъ облегчалъ его. Во время спора между Вольтой и Гальвани, изъ которыхъ первый относилъ мѣсто проявленія наблюдаемаго явленія въ точку соприкосновенія разнородныхъ металловъ, а второй — въ организмъ самаго животнаго, въ это время было необыкновенно важно найти аппаратъ, который дѣйствовалъ бы безъ всякаго посредства животныхъ веществъ. Вольтовъ столбъ и удовлетворялъ этому требованію въ полной мѣрѣ; при посредствѣ его можно было даже различать химическія соединенія. Вниманіе физиковъ сосредоточилось на этомъ приборѣ; наблюденія надъ животными были почти забыты, такъ, что физики почти свыклись съ мыслію, что упомянутыя выше сокращенія лягушекъ нечто иное, какъ дѣйствіе соприкасающихся разнообразныхъ металловъ. Теорія Вольта одержала верхъ. Гумбольдтъ, убѣдившійся еще до отъѣзда въ Америку, въ существованіи совершенно независимаго отъ металлическаго электричества,—электричества животнаго, издаетъ свое изслѣдованіе объ электрическихъ рыбахъ, желая подтвердить свои прежнія положенія. Это и удалось ему впослѣдствіи вполнѣ. Изслѣдованія его, сдѣланныя имъ совмѣстно съ Гэ-Люссакомъ въ Неаполѣ надъ скатами (Annales de chimie et physique. XI. 1819), убѣдили ученый міръ въ совершенной аналогіи между электрическими органами электрическаго ската и вольтовымъ столбомъ; Фарадей доказалъ впослѣдствіи ее и относительно электрическаго угря, что въ началѣ казалось нѣсколько сомнительнымъ. Входить въ подробности этихъ изслѣдованій, имѣющихъ свою исторію, мы, конечно, не имѣемъ здѣсь возможности.

Гумбольдтъ воспользовался прекраснымъ случаемъ, представлявшимся ему, во время плаванія по рѣкѣ Магдаленѣ, изслѣдовать различныя условія дыханія крокодиловъ. Конечно, при этомъ не могло быть и рѣчи о дыханіи взрослыхъ, такъ какъ они достигаютъ длины 20-ти футовъ, а опыты были произведены надъ животными молодыми, дней 15—16 отъ рожденія, длиною отъ 12 до 16 дюймовъ. Наловивъ ихъ при помощи индѣйцевъ,

отличающихся особенною ловкостью при этой небезопасной охотѣ,—они держатъ кусокъ дерева, за которое крокодилы, въ злости, хватаютъ зубами, и въ эту минуту индѣйцы хватаютъ ихъ за затылокъ,—Гумбольдъ помѣстилъ ихъ подъ стеклянными колпаками, наполненными воздухомъ, а въ низу водою. При этомъ онъ употребилъ особенный приборъ, въ видѣ креста, сдѣланнаго изъ бамбуса, при посредствѣ котораго крокодилы были такъ прикрѣплены, что не могли разбить хвостомъ колпака и принуждены были держать рыло свое поверхъ воды. Въ колпакахъ находилось 138 куб. центиметровъ воздуха. Сначала они дышали, выставленные на солнце, совершенно спокойно, но послѣ истеченія часу, или часу и 10 минутъ, начались первые признаки безпокойства. Они старались всѣми возможными средствами погрузить головы подъ воду, какъ будто старались этимъ уклониться отъ вреднаго дѣйствія воздуха, въ которомъ они находились. Дыханіе становилось медленнѣе, они наклоняли голову, и затѣмъ наступали сильныя судороги, во время которыхъ одинъ крокодилъ разбилъ даже колпакъ. Два остальные были вынуты изъ-подъ нихъ черезъ 1 часъ 43 м. отъ начала опыта. На свѣжемъ воздухѣ они начали сильно вдыхать, глотая его широко разинутою пастью, и скоро оправились. Воздухъ въ обоихъ колпакахъ увеличился отъ 1,000 на 1,124 и 1,154 частей. Составныя части его представили, среднимъ числомъ изъ 5 анализовъ, сдѣланныхъ посредствомъ окиси азота, въ 1,000 частяхъ: 95 и 82 углекислоты, 60 и 76 кислорода и 845 и 842 азота. Этими данными объясняется безпокойство крокодиловъ, которое начинается, когда окружающій ихъ въ колпакѣ воздухъ содержитъ отъ 8 до 9 процентовъ кислорода. При 5 или $6^0/_0$ содержанія его животное издыхаетъ. Такимъ образомъ, увѣреніе индѣйцевъ, что крокодилы могутъ оставаться подъ водою по цѣлымъ днямъ, ложно. Они не имѣютъ органовъ, при посредствѣ которыхъ они могли бы дышать въ водѣ. Впрочемъ, эти наблюденія касаются только того времени, когда животныя эти исполнены жизненныхъ силъ. Мы вправѣ предполагать, что явленія измѣняются совершенно, когда крокодилы, въ теченіе сухихъ мѣсяцевъ тропическаго пояса и холодныхъ умѣреннаго, лежатъ оцѣпенѣлые, зарывшись въ глину или илъ. Уже Коррадори замѣтилъ, что лягушки погибаютъ лѣтомъ, если ихъ держать минутъ 40 подъ водою, хотя они и проводятъ всю зиму на днѣ болотъ.

Количество поглощеннаго крокодиломъ воздуха, сравнительно, весьма незначительно. Животное въ 3 дециметра длиною поглотило его, въ теченіи 1 часа 43 м., не болѣе 20 куб. центиметровъ. Это находится въ связи съ небольшимъ количествомъ крови

этихъ животныхъ, въ чемъ Гумбольдтъ и Бонпланъ убѣдились при вскрытіи большого экземпляра, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что молодой крокодилъ, величиною въ 6 разъ больше лягушки, имѣетъ сердце такой же величины, какъ эта послѣдняя.

Несмотря на то, что Гумбольдтъ сдѣлалъ свой анализъ выдыхаемаго крокодилами воздуха при посредствѣ не совсѣмъ точнаго метода (съ помощью окиси азота, между тѣмъ какъ мы видѣли выше, онъ не даетъ такихъ точныхъ результатовъ, какъ эвдіометръ Вольты и фосфоръ), мы не вправѣ упрекнуть его въ этомъ. Онъ пользовался, посреди пустынь тропическихъ, тѣми вспомогательными средствами, которыми могъ располагать, незабывая ни одной отрасли науки. Конечно, въ физіологической лабораторіи эти опыты могли быть сдѣланы тщательнѣе и вѣрнѣе, но они до настоящаго времени еще не повторены и составляютъ единственный источникъ нашихъ свѣдѣній по этому предмету.

Изъ числа животныхъ, въ организмѣ которыхъ анатомическія изслѣдованія показали присутствіе кровеносныхъ сосудовъ, только млекопитающія и птицы дышатъ, отъ рожденія до смерти, воздухомъ.

Между другими классами животныхъ мы встрѣчаемъ такихъ, которые всю жизнь, или часть ея, принуждены дышать въ водѣ. Очень незначительно число такихъ, которые (напр. двуногая сирена и протей) пользуются въ теченіе цѣлой жизни своей возможностью, при посредствѣ особеннаго устройства органовъ дыханія, дышать на сушѣ и въ водѣ. Число этихъ амфибій, въ настоящемъ смыслѣ слова, весьма невелико.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бойль и Майранъ (въ XVII в.) нашли, что вода можетъ поглощать воздухъ, послѣдній принимали за главный факторъ при дыханіи рыбъ. Противъ этого положенія никто не вооружался. Но съ открытіемъ химическаго состава воды — состоящей изъ водорода и кислорода,—возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли необходимъ, для процесса дыханія рыбъ, воздухъ, поглощаемый водою только въ незначительномъ количествѣ? Не естественнѣе ли считать, что одна изъ химическихъ составныхъ частей воды, т.-е. кислородъ, находящійся въ ней въ количествѣ 89%, удовлетворяетъ процессу дыханія рыбъ?? Но куда дѣвается другая составная часть воды, водородъ? И на это былъ готовъ отвѣтъ: на образованіе жирныхъ веществъ этихъ животныхъ. Кромѣ того высказано было мнѣніе, что плавательный пузырь играетъ ту же роль, какъ легкія въ другихъ животныхъ. Правда, уже тогда Пристлей и Спалянцани вооружались про-

тивъ этого разложенія воды, такъ какъ послѣдній уже замѣтилъ, что рыбы, подобно другимъ животнымъ, дышущимъ воздухомъ, принимаютъ изъ воздуха кислородъ и выдыхаютъ углекислоту, и что они погибаютъ въ водѣ, изъ которой устраненъ воздухъ. Естественно, что явленіе это было бы немыслимо, еслибы вода выдѣляла, изъ своихъ составныхъ частей, необходимый для дыханія рыбъ кислородъ.

Такъ какъ эвдіометрическій методъ Спаляпцани неудовлетворялъ всѣмъ требованіямъ науки, то Гумбольдтъ и Провенсаль взялись провѣрить его опыты и тѣмъ дополнить работы Гумбольдта о составѣ воздуха. Они нашли, посредствомъ кипяченія воды, что вода принимаетъ въ себя 0,0275 частей (по объему) воздуха, если послѣдній проходитъ черезъ нее постоянной струей. Вода вскипяченная и дистиллированная, оставленная въ закрытомъ пространствѣ, поглощаетъ воздухъ гораздо менѣе. Этотъ поглощенный водою воздухъ отличается особенностью: въ немъ не 21% кислорода, какъ въ воздухѣ атмосферическомъ, а до 31%. Точно также и углекислота представляетъ иное отношеніе; процентъ ея достигаетъ 6—11%. Въ химически тщательно изслѣдованную воду, подъ колпакомъ, онъ впускалъ крѣпкихъ, здоровыхъ линовъ, оставляя ихъ тамъ отъ 5 до 17 часовъ. Анализуя послѣ этого воздухъ колпака Гумбольдтъ и Провенсель находили, что количество его отъ дыханія рыбъ уменьшилось, и притомъ уменьшилось содержаніе кислорода и азота; содержаніе же углекислоты увеличилось. Это уменьшеніе и увеличеніе газовъ было однако, въ разныхъ опытахъ, не совсѣмъ постоянно. Опыты эти убѣдили еще, что потребность рыбъ въ кислородѣ незначительна, хотя неоднообразна для разныхъ породъ рыбъ; такъ напр. карпи, послѣ 20-минутнаго пребыванія въ дистиллированной водѣ, не смѣшанной съ воздухомъ, издыхали. Дальнѣйшіе опыты показали также, что рыбы прежде всего потребляютъ кислородъ воздуха, растворенпаго въ водѣ, которая въ свою очередь поглощаетъ этотъ газъ изъ находящагося надъ нею воздуха. Но такъ какъ послѣдній процессъ совершается со скоростью, неравномѣрною первому, то рыбы всплываютъ на поверхность воды, гдѣ и поглощаютъ воздухъ въ его эластическомъ видѣ. Животныя, снабженныя жабрами, пользуются преимуществомъ дышать въ водѣ и въ воздухѣ. Если же мы замѣчаемъ, что они на воздухѣ скоро погибаютъ, то это зависитъ отъ того, что въ этой средѣ жабры высыхаютъ и кровообращеніе въ нихъ прекращается.

Если же поддерживать ихъ во влажномъ состояніи (напр. обкладывая ихъ сырымъ мхомъ), то рыбы могутъ жить и въ

воздухѣ также какъ и въ водѣ. Отъ присутствія значительнаго количества водорода или углекислоты въ водѣ рыбы издыхали.

По общераспространенному мнѣнію, роль плавательнаго пузыря рыбъ состоитъ въ томъ, что при его посредствѣ животныя эти могутъ, по произволу, опускаться и подыматься на желаемую глубину. Если они, при помощи мышцевъ своихъ, сжимаютъ пузырь, то понятно, такъ какъ удѣльный вѣсъ ихъ дѣлается отъ этого тяжелѣе, что они идутъ ко дну. Когда пузырь раздается — происходитъ противное. Впрочемъ Гумбольдтъ замѣтилъ, что нѣкоторые лины, у которыхъ онъ вырѣзалъ плавательный пузырь, плавали и безъ него на разныхъ глубинахъ, хотя большинство такихъ рыбъ находилось всегда на днѣ сосудовъ.

Эти опыты Гумбольдта надъ дыханіемъ двухъ высшихъ классовъ животныхъ съ холодною кровью были впослѣдствіи дополнены Гэ-Люссакомъ надъ птицами и млекопитающими.

IX.

Что касается зоологической географіи, имѣющей предметомъ познакомить съ распространеніемъ животныхъ на поверхности земной, то хотя Гумбольдтъ не оставилъ намъ полнаго зданія этой науки (разработанной гораздо позже Шмардою въ Вѣнѣ въ пятидесятыхъ годахъ), однако онъ подарилъ насъ фауною экваторіальной части Америки, и впервые опредѣлилъ точно предметъ этой отрасли естествовѣдѣнія; познакомилъ съ распредѣленіемъ — горизонтальнымъ и вертикальнымъ — многообразнѣйшихъ видовъ, которыми изобилуетъ изслѣдованная имъ страна (см. Relation historique, observations de zoologie).

Хотя, какъ мы видѣли выше, Гумбольдтъ, вначалѣ своей ученой дѣятельности и занимался систематической ботаникой, онъ однако, собравъ вмѣстѣ съ Бонпланомъ растительныя сокровища центральной Америки, предоставилъ систематическую разработку ихъ другимъ, въ особенности своему товарищу по путешествію и Кундту. Она составляетъ шестой отдѣлъ его Voyage aux regions equinoxiales, явившійся въ свѣтъ съ 1805 по 1834 г., въ восемнадцати томахъ, съ 1,120 таблицами. Самъ Гумбольдтъ занялся болѣе общими ботаническими вопросами, по преимуществу растительной географіей — распредѣленіемъ растеній на поверхности земного шара.

Преимущественное вниманіе ботаниковъ, даже истекшаго сто-

лѣтія, было обращено на ботанику систематическую, хотя и Линней, при исчисленіи растеній, обращаетъ уже вниманіе на страны, въ которыхъ онѣ произрастаютъ (habitatio), равно какъ и на мѣсто произрастанія (statio). Эти бѣдныя замѣтки положили начало этой отрасли естествознанія. Жиро-Сулави (Giraud-Soulavie) въ 1780 г. первый употребляетъ названіе, подъ которымъ она извѣстна и теперь. Линкъ обращаетъ вниманіе на зависимость роста нѣкоторыхъ растеній отъ известковой почвы, и затѣмъ уже Гумбольдтъ, въ своихъ минералогическихъ наблюденіяхъ (1790), въ особенности же во флорѣ Фрейбурга, ставитъ уже задачи, разрѣшеніе которыхъ подлежитъ этой наукѣ. Штромейеръ (1800) тоже упоминаетъ объ этой наукѣ и сродной ей исторіи растеній. Но всѣ названные труды ограничивались пока одними намеками, указаніями, какъ приняться за обработку новаго предмета. Даже и трудъ Гумбольдта — Ideen zu einer physiognomik der Gewächse — (1807), представляетъ болѣе поэтическій чѣмъ научный образъ распредѣленія растеній; онъ останавливается здѣсь по преимуществу надъ разнообразіемъ впечатлѣній, поражающихъ путешественника въ различныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе различной флоры ихъ; словомъ, сообщаемое здѣсь интересуетъ больше художника чѣмъ ботаника. Первымъ научнымъ сочиненіемъ объ этомъ предметѣ слѣдуетъ, безспорно, считать Гумбольдта Essai sur la géographie des plantes (въ пятомъ отдѣлѣ его Voyage), гдѣ онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ эту науку: растительная географія разсматриваетъ растенія по отношенію къ распредѣленію ихъ въ различныхъ климатахъ. Также почти безграничная, какъ самъ предметъ, она представляетъ глазамъ нашимъ необозримый растительный покровъ, который всеоживляющая природа разослала на нагой поверхности земной коры. Она слѣдуетъ за растительными формами отъ высотъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ до глубины морей, проникая и подъ поверхность земли, гдѣ въ пещерахъ прозябаютъ совершенно еще неизвѣданныя тайнобрачныя растенія, равно какъ и во внутрь горныхъ породъ. Послѣдняя фраза показываетъ, что онъ относитъ къ ботанической географіи и исторію растительнаго царства.

Между разными вопросами, разрѣшеніе которыхъ подлежитъ ботанической географіи, не послѣдній, по связанному съ нимъ научному интересу, занимаетъ слѣдующій: существуютъ ли растенія, свойственныя всѣмъ поясамъ, то-есть встрѣчаются ли въ нихъ дикорастущими. Гумбольдтъ даетъ на него, на основаніи своихъ изслѣдованій, положительный отвѣтъ для нѣкоторыхъ тайнобрачныхъ (Discranum scoparium, Polytrichum commune,

Verrucaria Sanguinea, Verrucaria limitata Scopoli), растущихъ подъ всѣми градусами широты и долготы, въ тѣни и въ мѣстахъ влажныхъ, на берегахъ морей и на высотахъ Альпъ. Между явнобрачными, собранными Гумбольдтомъ и Бонпланомъ въ Америкѣ, нѣтъ, напротивъ, ни одного, которое встрѣчалось бы въ Европѣ дикорастущимъ. Конечно, мы не хотимъ этимъ сказать, что въ Америкѣ не попадаются растенія, растущія и въ другихъ частяхъ свѣта, но они были туда перенесены. Мы знаемъ, что такія переселенія совершаются перенесеніемъ сѣмянъ вѣтромъ, теченіями, птицами, не говоря уже о происходящихъ при посредствѣ человѣка. Такъ, греки распространили по Европѣ виноградъ, римляне—рожь, аравитяне—хлопчатую бумагу, и въ Америкѣ тольтеки—маисъ по Мексикѣ и въ южныхъ странахъ, горные жители Кондинамарки—картофель. Такой способъ распространенія этихъ растеній не подлежитъ сомнѣнію, но за то первоначальная родина многихъ растеній также спорна и неопредѣленна, какъ и родина человѣческихъ породъ. Кажется однако, что мѣстность къ югу и востоку отъ Каспійскаго моря, берега Окса и долины Курдистана, слѣдуетъ считать родиною всѣхъ нашихъ плодовыхъ деревьевъ. Такъ, Персія подарила насъ орѣховымъ и персиковымъ, Арменія — априкосовымъ деревомъ, Малая Азія—сладкими вишнями и каштаномъ, Сирія—фиговымъ, гранатовымъ, оливковымъ, тутовымъ деревьями. Этой генеалогіей растеній наука обязана Гумбольдту.

Странствованія нѣкоторыхъ растеній за человѣкомъ интересны еще и тѣмъ, что они объясняютъ намъ, отчасти, темныя стороны исторіи человѣчества, такъ какъ хотя слѣды человѣка въ извѣстной странѣ исчезли уже давно, мы имѣемъ однако нѣкоторую возможность, по оставленнымъ имъ въ ней растеніямъ, одичавшимъ съ тѣхъ поръ, заключить о его присутствіи въ немъ. Конечно, данныя эти не суть неопровержимые факты, но ими можно пользоваться для подтвержденія другихъ данныхъ. Особенно затруднительно рѣшить вопросъ о родинѣ тѣхъ растеній, которыя составляютъ первую, насущную потребность народовъ кавказскаго и монгольскаго племенъ, о растеніяхъ хлѣбныхъ. Они могли бы дать самый точный отвѣтъ пасчетъ ихъ колыбели. Тоже самое явленіе повторяется и относительно растеній другихъ народовъ, играющихъ въ жизни ихъ такую же культурную роль какъ хлѣбныя для первыхъ; пизангъ, кокосовая пальма, картофель и проч. растенія, распространенныя подъ иными градусами широты и долготы, также какъ у насъ зерновой хлѣбъ, сопутствующія тамъ человѣка вездѣ, нигдѣ не

встрѣчаются въ такомъ состояніи, что объ нихъ можно было бы положительно сказать: они здѣсь дикорастущи. Съ одинаковымъ правомъ можно утверждать объ нихъ, что онѣ одичали.

Если мы видимъ, что только очень ограниченное число растеній, и притомъ стоящихъ на низкой степени развитія, распространены по цѣлой поверхности земли, то изъ этого уже слѣдуетъ, что каждая страна должна имѣть свою особенную флору, отличную отъ другихъ. Поэтому общее впечатлѣніе, производимое растительностью каждой мѣстности, отличной отъ смежной своими климатическими и почвенными условіями, должно быть тоже совершенно отлично. Гумбольдтъ старался пріискать типическія формы такихъ растеній, налагающихъ особенный отпечатокъ на флорѣ разныхъ странъ, и опредѣлилъ 17 такихъ формъ.

Характеръ растительности разныхъ странъ обусловливается, подобно распредѣленію теплоты, не только географическою долготою и широтою мѣстности, но и возвышеніемъ ея надъ поверхностью моря. Опредѣляя, на собранныхъ имъ растеніяхъ, высоту, на которой они встрѣчаются, Гумбольдтъ оказалъ этимъ большую услугу наукѣ. Благодаря ему мы узнали, какъ растенія смѣняются одно другимъ, какой высотѣ они свойственны, какъ широкъ поясъ, въ которомъ онѣ встрѣчаются. Данныя эти изложены впервые въ пятомъ отдѣлѣ его путешествія, въ его Essai sur la géographie des plantes, accompagné d'un tableau physique des regions équinoxiales (1807). Графическій методъ, о которомъ мы имѣли уже случай упомянуть по поводу изотермическихъ линій, представляетъ намъ необыкновенно наглядно картину растительности подъ тропами. На таблицѣ, изображающей вертикальный разрѣзъ Чимборазо и Котопакси, раздѣленный на пояса различной высоты и ширины, мы имѣемъ возможность, по именамъ характеристическихъ каждому поясу растеній, прослѣдить распредѣленіе растительности, начиная отъ поверхности моря до самыхъ высшихъ оконечностей горъ. Но кромѣ этихъ данныхъ мы имѣемъ возможность, на этомъ же разрѣзѣ, познакомиться съ множествомъ другихъ явленій, которыя Гумбольдтъ изслѣдовалъ: съ очертаніемъ горныхъ вершинъ, ихъ высотою, возвышеніемъ облаковъ, границами вѣчнаго снѣга, даже съ вышиною клубовъ дыма, исходящихъ изъ Котопакси. Таблица, помѣщенная на краяхъ, показываетъ измѣненія, происходящія въ разныхъ физическихъ явленіяхъ, отъ измѣненій высоты надъ поверхностью моря. Такимъ образомъ, это графическое изображеніе знакомитъ насъ не только съ растеніями, но и съ жи-

вотными, теплотою, сухостью воздуха, словомъ, съ самыми разнообразными явленіями, такъ, что мы имѣемъ полное право назвать ее картиной природы.

Къ этому изображенію распредѣленія растеній подъ тропиками Гумбольдтъ присовокупилъ еще распространеніе ихъ въ поясѣ умѣренномъ и холодномъ. Этимъ онъ положилъ основаніе растительной географіи, которая до него не существовала. Изъ разрозненныхъ камней онъ сталъ возводить зданіе новой науки, и ему суждено было дожить до времени, когда оно, при посредствѣ его послѣдователей, получило окончательную отдѣлку.

Изложивъ, въ поименованныхъ выше сочиненіяхъ, общія впечатлѣнія, которыя производитъ на путешественника флора извѣстной мѣстности, Гумбольдтъ, въ монографіи своей: De distributione geographica plantarum secundum coeli temperiem et altitudinem montium prolegomena, занимается больше частностями этого вопроса. Здѣсь мы находимъ изображеніе распредѣленія растеній на земномъ шарѣ въ той полнотѣ, какую дѣлали возможною ботаническія изслѣдованія до 1817 г. Тутъ исчисляются растенія разныхъ странъ. Гумбольдтъ принимаетъ слѣдующій окончательный результатъ: онъ считалъ вѣроятнымъ, что число дикорастущихъ видовъ, на пространствахъ одинаковой величины, подъ 0°, 45° и 68° широты, относится какъ 12 къ 4 и къ 1, между тѣмъ какъ средняя температура этихъ мѣстностей составляетъ 27,5°, 13°, и 0,2°, а средняя температура лѣта равна 28°, 21° и 12°. Такимъ образомъ, разнообразіе формъ уменьшается по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, и потому число видовъ, растущихъ колоніями, занимающими огромныя пространства, должно увеличиваться. Затѣмъ онъ исчисляетъ виды всѣхъ тогда извѣстныхъ растеній (около 44,000) по странамъ; показываетъ въ какомъ отношеніи находятся между ними одно- и дву-сѣмянодольныя растенія, и проч. Словомъ, кладетъ основаніе растительной ариѳметикѣ и ея примѣненію.

Не останавливаясь на этихъ частностяхъ, упомянемъ еще, что Гумбольдтъ знакомитъ насъ и съ различными поясами земного шара, ихъ физическими свойствами, распредѣленіемъ въ нихъ растительности. Въ жаркомъ поясѣ произрастаютъ, конечно, растенія, требующія самой высокой температуры. Подвигаясь къ полюсу и поднимаясь на высоту, характеръ растительности измѣняется одинаковымъ образомъ, такъ, что житель странъ тропическихъ, взбираясь на высокія горы, встрѣчаетъ тѣ же растительныя формы, которыя онъ увидалъ бы, направляясь, въ долинѣ, отъ экватора къ полюсу. Въ поясѣ умѣренномъ повто-

ряется тоже явленіе, но, конечно, только отчасти, такъ какъ здѣсь внизу встрѣчаются растенія высшихъ широтъ и растенія холоднаго пояса достигаются скорѣе. Притомъ картина здѣсь неполна; здѣсь не встрѣчаются растенія, произрастающія у экватора въ равнинахъ. Этотъ дефицитъ нижней части картины повторяется постоянно, и въ холодномъ поясѣ мы встрѣчаемъ представителей тѣхъ растеній, которыя мы видѣли подъ тропами на высочайшихъ горахъ. Въ подтвержденіе изложенныхъ здѣсь законовъ Гумбольдтъ приводитъ для тропическаго пояса — Мексику, для умѣреннаго—среднюю Европу, для холоднаго—Лапландію, какъ страны, въ ту пору, лучше другихъ изслѣдованныя.

Гумбольдтъ обращаетъ вниманіе и на связь между температурою и растительною жизнью. Каждое растеніе, какъ извѣстно, нуждается въ извѣстномъ количествѣ теплоты. Если послѣдняя найдена, то изъ факта, что такое-то растеніе встрѣчается въ извѣстной мѣстности, мы вправѣ заключить, что она представляетъ и необходимую для его произрастанія температуру. При этомъ мы прежде всего можемъ заключить, что мѣстность эта представляетъ minimum температуры, при которой развивается данное растеніе; но есть и такія растенія, въ особенности между представителями умѣреннаго и холоднаго пояса, которыя страдали отъ того, если температура превышаетъ извѣстные предѣлы, такъ, что изъ того обстоятельства, что извѣстное растеніе произрастаетъ въ данной мѣстности, мы можемъ далѣе заключить, что температура его не превзошла крайнихъ предѣловъ, при которыхъ растеніе это преуспѣваетъ. Здѣсь слѣдуетъ въ особенности обратить вниманіе на тѣ растенія, которыя съ умѣреннаго пояса уменьшаются въ обоихъ направленіяхъ. По нѣкоторыя растенія не только показываютъ намъ, что средняя температура оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ; по нимъ мы имѣемъ даже возможность заключить о крайностяхъ ея. Такъ, нѣкоторыя деревья необыкновенно чувствительны къ холоду, и если мы ихъ встрѣчаемъ въ какой-нибудь мѣстности, мы вправѣ заключить, что зимою холодъ не падаетъ ниже извѣстнаго предѣла. Небольшія растенія, покрываемыя зимою снѣгомъ, не могутъ, конечно, дать намъ отвѣтъ насчетъ зимней температуры, но для того, чтобы они произрастали въ извѣстной мѣстности необходимо, чтобы мѣстная температура ея достигала извѣстнаго maximum'а, иначе они не могутъ принести плодовъ, и сѣмя не можетъ созрѣть. Такимъ образомъ, по присутствію въ извѣстной мѣстности этихъ растеній мы можемъ заключить о лѣтней температурѣ ея. Это соотношеніе между растеніемъ и теплотою, не

всегда однако такъ постоянно, и мы не всегда имѣемъ право смотрѣть на первое какъ на термометръ. Тутъ представляются иногда исключенія, которыя Гумбольдтъ объясняетъ тѣмъ, что солнечные лучи, падающіе непосредственно на растеніе на такой высотѣ, на которой онѣ еще незначительно ослаблены, оказываютъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ тогда, когда дѣйствіе ихъ уменьшено облаками. Понятно, что здѣсь идетъ рѣчь о растеніяхъ, расположенныхъ въ вертикальномъ направленіи и представляющихъ нѣкоторыя исключенія изъ упомянутаго выше закона, найденнаго Гумбольдтомъ.

Не менѣе важны заслуги его по отысканію условій, необходимыхъ для преуспѣянія и существованія нѣкоторыхъ растеній. Онъ опредѣлилъ ихъ: для шеколаднаго дерева, для индиго, бананова, сахарнаго тростника, кофейнаго дерева, хлопчатника, финиковой пальмы, лимоннаго дерева, оливковаго, каштановаго, винограда, хлѣбныхъ растеній. При этомъ онъ опредѣлялъ: среднюю годичную и лѣтнюю температуру, сухость или влажность воздуха и степень ихъ, вліяніе водяныхъ метеоровъ, возвышеніе мѣста произрастанія надъ поверхностью моря, вліяніе вѣтровъ, градусы широты, въ предѣлахъ которыхъ эти растенія преуспѣваютъ.

А. С.....ій.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ

Изъ Лонгфелло.

К. А. Хомяковой.

Отъ высокихъ липъ
Тѣни пали врядъ;
Липы, взнёсшись громадной стѣной,
Въ небо дальнее юга глядятъ;

Вязы темные
Изъ густыхъ вѣтвей
Наводняютъ разливами мглы
Долъ широкій окрестныхъ полей...

Какъ прекрасна ночь!
И вездѣ разлитъ
Мягкій въ воздухѣ паръ и тепло...
Дальній звукъ словно близкій звучитъ...

И при блескѣ звѣздъ,
Въ вышинѣ, грядой
Перелетныя птицы летятъ
Надъ землей, напоенной росой:

Быстрыхъ крыльевъ ихъ
Слышны всплёски мнѣ,
Изъ земли холодовъ и снѣговъ
Ищутъ южнаго крова онѣ.

Крикъ я слышу птицъ;
Съ вышины звуча,
Сонно падаетъ въ воздухѣ онъ;
Но самихъ не могу видѣть я...

Только звуки тѣ,
Что съ небесъ плывутъ,
Что весельемъ и горемъ журчатъ,
Не отъ птицъ перелетныхъ идутъ...

Это пѣсенъ звукъ,
Думъ поэта строй,
Хоръ крылатыхъ, возвышенныхъ словъ,
Рокотъ счастья и горя съ тоской!

Это голосъ душъ,
Что въ выси парятъ,
И на крыльяхъ своихъ трудовыхъ
Ищутъ свѣта, къ свободѣ летятъ...

И летятъ черезъ міръ
Свѣтлыхъ грёзъ, звуча;
Въ нашъ міръ ночи ихъ ропотъ съ небесъ
Льется, звуками риѳмы журча!..

Ю. Ивневъ.

КАМЫШЛОВСКОЕ ДѢЛО

Изъ недавняго прошлаго нашихъ провинцій.

Бываетъ, что дальній, какъ будто забытый край вдругъ дѣлается предметомъ особой заботливости, куда со всѣхъ концовъ устремляются власти. Такая доля выпала нынѣшній годъ Пермской губерніи. Тамъ и сенаторская ревизія, и коммиссія по крестьянскому дѣлу, и особая коммиссія по желѣзнодорожному вопросу, и предстоящее посѣщеніе министра путей сообщенія, и вновь открывающееся земство, и путешествующіе разные желѣзнодорожные депутаты изъ другихъ губерній.... Давно Пермская губернія не видала такого стеченія, давно она жила своей замкнутой жизнью, убѣжденная, что судьба ея вершится на мѣстѣ и что «иные порядки», кое-гдѣ пробивающіеся въ центральной Россіи, существуютъ не для нея. А между тѣмъ Пермская губернія заселилась и образовалась въ ближайшее къ намъ время: ея исторія, которую можно изучить по свѣжимъ преданіямъ, по разсказамъ уцѣлѣвшихъ стариковъ, чуть не современниковъ замѣчательныхъ дѣятелей этой недавней окраины,—представляетъ самую интересную и неразработанную страницу, которая во многомъ объясняетъ процессъ нашего государственнаго развитія.

Россія давно уже жила настоящею жизнью только на окраинахъ. Центръ Россіи, постепенно расширяясь, прикрывался какимъ-то монотонно-однообразнымъ сѣренькимъ колоритомъ, гдѣ всему — всякому явленію, обществу, личности — указано, по заведенному порядку, надлежащее мѣсто, гдѣ все выдающееся мгновенно и непроизвольно удалялось, и большинство, подчиняясь порядку, жило въ апатичной дремотѣ, будто надъ всей стороной разослался сѣроватый туманъ, въ который бываетъ погружена природа

на разсвѣтѣ дождливаго дня. Не то происходило на нашихъ окраинахъ прежде, чѣмъ и тамъ водворился порядокъ: туда стремились отщепенцы отъ такого порядка, всѣ, которымъ было тѣсно среди однообразія заведеннаго строя, всѣ искавшіе дѣятельности и простора. Правда, тамъ царилъ произволъ, тамъ законъ Дарвина совершался въ общежитіи и сильный покорялъ слабаго,—но за то тамъ кипѣла жизнь, во всѣхъ слояхъ общества безпрестанно являлись и дѣйствовали энергическія и талантливыя личности, которыя пустынный край обращали въ цвѣтущее приволье, и новые поселенцы тянулись заселять окраину, пока не водворялся въ ней порядокъ. Въ XVII, въ XVIII столѣтіи таково было положеніе Пермской губерніи. Съ одной стороны, мы видимъ здѣсь непрерывный рядъ предпріимчивыхъ промышленныхъ колонизаторовъ (Посадскіе, Калинниковы, Строгановы, Демидовы, Походяшины, Турчаниновы и пр.), которые разработывали минеральныя богатства края; они, ставя себя въ болѣе или менѣе независимое положеніе къ мѣстнымъ властямъ, захватомъ земель скопляли громадныя средства и отвсюду старались привлечь къ себѣ необходимыя для нихъ руки, ограждая, по крайней мѣрѣ, на первое время пришельцевъ отъ тѣхъ невзгодъ, которыя выгоняли ихъ изъ прежнихъ жилищъ. Съ другой стороны, сюда сходились отвсюду искатели приключеній, которымъ не посчастливилось или не было мѣста и воли у родного очага: въ XVII столѣтіи, здѣсь, на огромныхъ пространствахъ сплошь выростали слободы, гдѣ селились на излюбленномъ мѣстѣ незаписанные въ тягло пришельцы, а вмѣстѣ съ ними бѣжавшіе тягольные люди; а послѣ учрежденія заводовъ,—раскольники, бѣглые крѣпостные и лихіе люди, промышлявшіе въ чистомъ полѣ: всѣхъ ихъ привѣтливо принимали и укрывали заводчики, нуждавшіеся въ рабочихъ.

Такимъ образомъ, создался тамъ особый типъ пермскихъ жителей, въ особенности на заводахъ, въ зауральской полосѣ и въ уѣздахъ осинскомъ, кунгурскомъ и красноуфимскомъ, гдѣ переселенцы селились на башкирскихъ земляхъ, въ постоянной тревогѣ отъ кочующихъ инородцевъ. Болѣе энергическіе, развитые и знакомые съ просторомъ и свободою, какъ всѣ вообще колонисты, они менѣе всего склонны были къ водворенію порядка, отъ котораго они ушли въ далекія дебри, и здѣсь усиленнымъ трудомъ пріобрѣли себѣ извѣстную долю независимости и благосостоянія. Но порядокъ не заставилъ себя долго дожидаться: съ царствованія Елисаветы Петровны онъ сюда явился въ самой жёсткой и неожиданной формѣ, въ формѣ приписки всѣхъ казенныхъ и вольныхъ крестьянъ Пермской губерніи къ

горнымъ заводамъ, казеннымъ, поссессіоннымъ и владѣльческимъ. Съ тѣхъ поръ непрерывныя смуты постоянно волновали пермскій край. Порой, они переходили въ тѣ многознаменательные бунты, которые, распространяясь далеко и съ неудержимою силою, требовали крайнихъ мѣръ для своего подавленія: таковъ бунтъ 1755 года между заводскими крестьянами, вскорѣ послѣ ихъ приписки; бунтъ 1762 г., предвѣстникъ пугачевщины, для усмиренія котораго посланъ былъ Екатериною кн. Вяземскій съ войскомъ; пугачевщина, появившаяся въ 1773 году въ осинскомъ, кунгурскомъ и красноуфимскомъ уѣздахъ. Но гораздо чаще волненія принимали гораздо болѣе скромные размѣры и не возбуждали даже общаго любопытства, не выходя изъ предѣловъ Пермской губерніи. Между тѣмъ, до послѣдняго царствованія, немногіе годы проходили здѣсь безъ такъ-называемаго бунта, — гдѣ-нибудь на заводѣ или въ какомъ-нибудь селеніи. Нѣсколько разъ такіе бунты охватывали цѣлые уѣзды и требовали если не вооруженнаго подавленія, то военныхъ командъ для продолжительной и суровой экзекуціи. Мѣстныя власти, всякое недоразумѣніе, всякую даже справедливую жалобу въ этомъ раздраженномъ и въ то же время менѣе спокойномъ и апатичномъ населеніи считали нарушеніемъ порядка и подавляли съ невозмутимою строгостью. Ближайшая къ намъ исторія Пермской губерніи есть та многострадальная повѣсть, которая въ болѣе старыхъ губерніяхъ погребена на вѣчно въ памяти народной,—здѣсь же жива и тревожитъ разсказами очевидцевъ всѣхъ желающихъ прислушаться, какъ въ былое время,—пока не водворился въ Россіи судъ скорый, правый и милостивый,—законъ каралъ часто безразлично и настоящаго врага общественнаго порядка по убѣжденію, и увлеченное недоразумѣніемъ и ошибками мѣстныхъ властей оплошное населеніе.

Оффиціальныя свѣдѣнія объ одномъ изъ подобныхъ эпизодовъ возмущенія 1843 года, охватившемъ камышловскій, ирбитскій и шадринскій уѣзды, случайно попали мнѣ въ руки: свѣдѣнія эти настолько интересны, что вѣроятно остановятъ на себѣ вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что документы даже о ближайшихъ къ намъ событіяхъ часто безвозвратно утрачиваются и пріобрѣсти ихъ можно только случайно, на самыхъ мѣстахъ.

11-го октября 1841 года, за № 7107, состоялось слѣдующее циркулярное предписаніе министерства государственныхъ имуществъ: «По случаю неурожая, постигшаго въ 1839 и 1840 годахъ нѣкоторыя губерніи, предписано было въ прошедшемъ году

управляющимъ палатами, въ мѣстахъ, гдѣ по соображеніямъ ихъ, посѣвъ полей не обезпечивается способами крестьянъ, *взыскать съ послѣднихъ по полторы четверти ярового хлѣба съ каждой мужского пола ревизской души или десятины яровыхъ полей, для выдачи весною на посѣвъ.* Распоряженіе это имѣло весьма благодѣтельныя послѣдствія (?!?), ибо въ семи губерніяхъ, болѣе другихъ пострадавшихъ отъ неурожая, собрано было, на предписанномъ основаніи, 1.239,006 четвертей яроваго хлѣба, который не мало способствовалъ успѣшному въ нынѣшнемъ году (1841) обсѣмененію крестьянскихъ яровыхъ *хлѣбовъ*».

«Такъ какъ урожай нынѣшняго (1841) года вообще не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ *и яроваго хлѣба не собрано даже мѣстами сѣмянъ*», то министерство государственныхъ имуществъ сочло возможнымъ и полезнымъ предписать къ исполненію своихъ палатъ образовать *неприкосновенные запасы хлѣба* на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Пригласить крестьянъ «постановить приговоръ о сохраненіи, по количеству своихъ яровыхъ посѣвовъ, того количества зерна, которое, по состоянію семействъ, можетъ быть заблаговременно отдѣлено для обезпеченія будущихъ яровыхъ посѣвовъ».

2) «Избрать надежныхъ хозяевъ, которые отъ каждыхъ 10 или 20 домовъ могутъ получить сѣмяна и сложить ихъ до весны въ собственные свои или отведенные самими избирателями амбары, а по наступленіи времени посѣвовъ обязаны будутъ возвратить каждому домохозяину тотъ самый хлѣбъ, который имъ отдѣленъ въ неприкосновенный запасъ».

Это циркулярное предписаніе оканчивалось слѣдующимъ обѣщаніемъ:

«Какъ причиною несостоятельности крестьянъ въ отдѣленіи въ неприкосновенный до весны запасъ необходимаго для засѣва полей количества сѣмянъ *можетъ быть собственное сихъ крестьянъ нерадѣніе,* которое усиливаютъ въ нихъ ссуды и пособія, то я (товарищъ министра Гамалѣя) предписываю вамъ сдѣлать распоряженіе о внушеніи *всѣмъ подобнымъ крестьянамъ*, что та часть яровыхъ полей ихъ, которая отъ безпечности ихъ останется весною въ пустотѣ, *будетъ обсѣменена хозяйственнымъ образомъ въ пользу общественнаго запаса, а сами они будутъ употреблены въ работы*».

Управляющій пермскою палатою, передавая 4 декабря 1841 г. копію съ этого циркулярнаго предписанія камышловскому окружному начальнику, велѣлъ немедленно избрать надежныхъ домохозяевъ и составить приговоръ, а для поощренія мѣстнаго

начальства, въ концѣ выразился: «Я остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что вы, по извѣстному мнѣ усердію вашему, постигнувъ пользу учрежденія подобнаго запаса на обезпеченіе посѣвовъ яровыхъ полей и *въ особенности нерадивыхъ хозяевъ, успѣете убѣдить мірскія общества въ необходимости сей мѣры*, ясно доказывающей, какое высокое и непрерывное вниманіе обращаетъ правительство на улучшеніе быта крестьянъ и какъ дѣятельно заботится о ихъ благосостояніи».

Со второй половины января 1842 года начали поступать донесенія по этому предмету волостныхъ правленій. Естественно, что крестьяне нигдѣ добровольно не согласились на составленіе этихъ неприкосновенныхъ запасовъ, выставляя причины вполнѣ основательныя и неопровержимыя. Вообще крестьяне въ своихъ приговорахъ заявляли, что зажиточные крестьяне,—обезпеченные на счетъ посѣва,—не нуждаются въ храненіи своихъ запасовъ у лицъ постороннихъ, хотя бы и выборныхъ; а бѣдные крестьяне не могутъ ничего отдѣлить, такъ какъ у нихъ хлѣба недостаточно для собственнаго продовольствія и они надѣются купить въ свое время сѣмяна на деньги, вырученныя изъ зимнихъ заработковъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, зажиточные крестьяне обѣщали помочь бѣднымъ при посѣвахъ и ни въ какомъ случаѣ не доводить полей до запустѣнія. Другія волости прямо объявили, что у нихъ хлѣба нѣтъ и собрать въ неприкосновенные запасы нечего. Между тѣмъ всѣ волости, въ виду скуднаго урожая, ходатайствовали о выдачѣ ссудъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, что признавало необходимымъ и волостное начальство. Казалось бы, окружный начальникъ долженъ былъ представить эти препятствующія причины на распоряженіе палаты; но онъ это сдѣлалъ только 8-го апрѣля, когда вспыхнуло волненіе между крестьянами и въ этомъ позднемъ представленіи подтвердилъ, что, по личному его удостовѣренію, — объясненія крестьянъ совершенно справедливы и что онъ признаетъ необходимою раздачу ссудъ изъ сельскихъ магазиновъ.

Между тѣмъ мѣстному начальству во всякомъ случаѣ необходимо было заявить въ настоящемъ дѣлѣ *свое усердіе*, о которомъ напоминалъ управляющій палатою. Въ мартѣ мѣсяцѣ волостное начальство занялось составленіемъ по нѣсколькимъ обществамъ фальшивыхъ приговоровъ о желаніи крестьянъ учредить у себя неприкосновенные сѣмянные запасы: обстоятельство о фальшивости такихъ приговоровъ раскрыто было военно-судною коммиссіей, которой крестьяне показали, что въ числѣ рукоприкладчиковъ записаны были умершіе и отсутствующіе. Объ этихъ приговорахъ, по всей вѣроятности, зналъ и самъ окружный

начальникъ. Крестьяне Троицкой волости заявляли, что окружный начальникъ составилъ черновое донесеніе отъ имени Троицкаго волостного правленія, будто крестьяне Ильинской и Черноярской расправъ просятъ составленіе приговора о запасахъ отсрочить до будущаго урожая, на что крестьяне никогда не соглашались.

Къ числу подобныхъ фальшивыхъ приговоровъ принадлежали составленные троицкимъ волостнымъ правленіемъ по сельскимъ обществамъ Волковскому, Калиновскому и Троицкому. Здѣсь именно началось волненіе. 2 апрѣля 1842 года, крестьяне села Волковскаго, близъ почтоваго тракта изъ Екатеринбурга въ Камышловъ, того самаго села, гдѣ начался большой бунтъ 1812 года [1]), собрались значительными массами къ своей сельской расправѣ и потребовали возвращенія имъ фальшивыхъ сельскихъ приговоровъ. Здѣсь же заявленъ былъ впервые слухъ, послужившій главнымъ основаніемъ волненія, — будто хлѣбъ поступаетъ въ пользу какого-то господина, которому крестьяне проданы. 5-го апрѣля тоже самое повторилось въ смежномъ Калиновскомъ обществѣ, ближе къ Камышлову.

Для того, чтобы понять смыслъ настоящаго волненія и значеніе его въ глазахъ крестьянъ, необходимо прежде всего разсказать, какъ формулировали крестьяне свои требованія и заявленія, во все продолженіе возстанія, и насколько опасенія крестьянъ подготовлены были предыдущими событіями.

Въ приговорѣ, составленномъ самими крестьянами, въ началѣ волненія (18 апрѣля) въ Клевакинской волости, говорится: «носятся слухи, что ихъ волости общества должны поступить изъ государственныхъ крестьянъ въ удѣльные, къ какому-то господину; и потому нужнымъ сочли сдѣлать внезапный осмотръ дѣлъ о томъ въ расправѣ, гдѣ совершенно увѣрились, что приговоръ о неприкосновенномъ запасѣ клонится къ намѣренію, чтобы крестьянамъ поступить въ заудѣльные; и тутъ упоминается только министръ и его товарищъ, а царской его императорскаго величества руки нигдѣ не упоминается; а потому, постановивъ себѣ приговоръ, просятъ правительство, что они въ заудѣльные крестьяне переходить не намѣрены, а желаютъ остаться на тѣхъ правахъ, какія прежде надъ ними состояли, какъ-то не производя изъ служащихъ никому жалованья, а должны оные служить за очередь».

---

[1]) Нѣкоторыя волости оставлены приписными къ заводамъ по 1812 годъ, считая при этомъ заводскій годъ съ іюня мѣсяца. Крестьяне, не знавшіе этого, считали себя свободными съ 1-го января 1812 года и не хотѣли работать на заводахъ оставшееся полугодіе.

Въ другихъ своихъ приговорахъ и прошеніяхъ, крестьяне Клевакинской волости объясняли: что они несогласны учреждать у себя неприкосновенный запасъ яровыхъ сѣмянъ и сѣять картофель; что волостному головѣ, двумъ засѣдателямъ и сельскимъ начальникамъ жалованье давать и форменные кафтаны заводить не желаютъ, такъ какъ по этому случаю поступаютъ невѣдомо куда, а они изъ государственныхъ крестьянъ ни подъ какимъ предлогомъ переходить не намѣрены, а желаютъ служить его императорскому величеству безъ всякаго прекословія и вѣрно; и какіе бы возложены отягощенія ни были, они съ ревностію и усердіемъ исполнять всегда безостановочно будутъ; установленныя, по обширности волости, сельскія управленія имѣть не желаютъ, такъ какъ это для поселянъ отяготительно, а завѣдывать государственными крестьянами одному волостному правленію, по прежнему, какъ было до второй половины 1839 года; *это управленіе гораздо для нихъ способнѣе и необременительно.* Сходка той же волости въ 876 человѣкъ, повторяя все изложенное въ *донесеніи* земскому исправнику, между прочимъ, выразила, что *не имѣя къ окружному начальнику довѣренности*, просятъ земскаго исправника объ отклоненіи отъ нихъ посѣва картофеля и неприкосновеннаго запаса, что не нужны имъ почетные кафтаны съ позументами, а желаютъ до послѣдней капли крови служить Богу и великому государю, безъ кафтановъ и жалованья, что все это ведетъ ихъ къ состоянію удѣльныхъ крестьянъ или господскихъ людей, а *они господамъ служить не желаютъ и не будутъ, хотя бы на смерть идти;* что сомнѣваются они въ подлинности новыхъ печатей, потому что на нихъ не имѣется государственнаго герба. Тоже самое и въ сходныхъ выраженіяхъ повторялось крестьянами всѣхъ волновавшихся волостей. Замѣчательно, что крестьяне Пышминской волости еще въ то время требовали, для успокоенія, указа за подписью государя императора *съ золотою строчкою.*

Этотъ страхъ *закрѣпленія за барином*ъ имѣлъ свое историческое основаніе. Я уже сказалъ, что въ царствованіе Елисаветы Петровны крестьяне розданы были заводамъ; особенно во вторую половину ея царствованія весьма много государственныхъ крестьянъ приписано было для работъ къ частнымъ горнымъ заводамъ уральскимъ. Въ періодъ времени съ 1754 по 1762 г. розданы въ частныя руки почти всѣ казенные уральскіе заводы (за исключеніемъ екатеринбургскаго, каменскаго и золотыхъ промысловъ) со всѣми приписанными къ нимъ крестьянами и съ прибавкою еще большаго числа новыхъ. Каждый заводившій вновь заводъ считалъ тогда своимъ правомъ требовать приписки

крестьянъ и обыкновенно получалъ ее. Стали выпрашивать себѣ казенныхъ крестьянъ даже и тѣ заводчики, которые до того обходились безъ нихъ, употребляя въ работы только вольнонаемныхъ и крѣпостныхъ. Приписываемо было отъ 100 до 150 дворовъ на каждую доменную печь и по 30 дворовъ на каждый кричный молотъ и на каждую мѣдиплавиленную печь. Надобно еще сказать, что въ каждомъ дворѣ полагалось по 4 годныхъ работника; по этому три, четыре двора иногда шли за одинъ, если во всѣхъ ихъ было или показывалось мѣстными начальствами не болѣе четырехъ годныхъ къ работѣ мужчинъ.

Къ началу царствованія Екатерины II почти всѣ государственные крестьяне Пермской губерніи приписаны были къ заводамъ. При однихъ заводахъ гр. Шувалова считалось въ 1760 г. болѣе 30 тысячъ ревизскихъ душъ. Несмотря на то, его управляющій жаловался, что крестьянъ *недостаточно* и что по этому многіе въ заводскіе работы располагаются *изъ негодныхъ малолѣтнихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ*.

По недостатку крестьянскихъ селеній вблизи заводовъ, часто приписывали изъ дальнихъ мѣстъ. Такъ къ бывшему Аннинскому заводу гр. Чернышева (нынѣ село Аннинское въ Осинскомъ уѣздѣ) приписаны были крестьяне Чердынскаго уѣзда. Изъ того же уѣзда (между прочимъ изъ западной его части, смежной съ губерніями Вологодской и Вятской) даны были крестьяне и къ богословскимъ заводамъ Походяшина, находящимся на восточной сторонѣ Урала, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, и должны были ходить на работы за нѣсколько сотъ верстъ черезъ необитаемыя мѣста, горы, лѣса и болота. На Авзяно-Петровскій заводъ гр. П. Ив. Шувалова, лежащій въ самыхъ уральскихъ горахъ, въ Оренбургскомъ краѣ, высылались крестьяне изъ Казанскаго уѣзда изъ-за 650 и болѣе верстъ!

Приписка къ заводамъ крестьянъ въ вышеозначенные годы производилась по указамъ сената, безъ доклада о томъ императрицѣ, и доставалась, какъ видно, довольно легко. Кромѣ того правительство старалось поощрять покупку къ заводамъ крестьянъ, какого бы сословія ни былъ заводчикъ. Такія льготы привлекли къ строенію заводовъ даже лицъ, которыя безъ того и не подумали бы заняться горнозаводскимъ промысломъ, да и не имѣли къ нему ни призванія, ни охоты, ни времени. Не мудрено, что въ 8 лѣтъ, съ 1754 по 1762 годъ построено было на Уралѣ 42 новыхъ частныхъ завода. Но положеніе приписныхъ крестьянъ было незавидно и дѣлалось все хуже и хуже. Крестьяне на дальніе переходы изъ своихъ селеній въ заводы и обратно тратили много времени и тѣмъ разстраивали свое хозяйство. Хотя

къ заводамъ приписывались одни годные работники; но они обязаны были заработывать тамъ оброкъ за всѣ ревизскія души своего семейства, за малолѣтнихъ, больныхъ и дряхлыхъ. Подати увеличивались, между тѣмъ рабочій день крестьянина оцѣнивался цѣной, назначенной еще по такъ-называемому плакатному положенію 1724 года [1]). Я уже говорилъ, что такое положеніе крестьянъ вызывало безпрестанныя возмущенія. Такое положеніе прекращено было горнымъ уставомъ, изданнымъ въ царствованіе императора Александра I-го 13-го іюня 1806 года, когда приписные крестьяне отъ заводовъ были отобраны и замѣнены разъ навсегда избранными, и приписанными къ заводамъ непремѣнными работниками. Но память объ этомъ тяжеломъ времени не умирала въ пермскомъ населеніи, и пермскому крестьянину, — при всякомъ, самомъ отдаленномъ намекѣ на возможность новой приписки къ заводамъ или отдачи въ помѣщичье владѣніе становилось невыносимо тяжело, такъ что онъ готовъ былъ на всѣ крайности....

Передъ самымъ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, случилось въ Пермской губерніи обстоятельство, повидимому, неважное и никогда не достигавшее до слуха властей, но которое сильно встревожило умы крестьянъ во всемъ Зауральѣ. Удѣльное вѣдомство, въ прежнее время, имѣло обычай перечислять казенныхъ крестьянъ въ удѣльныя, по особому усмотрѣнію: для этого предварительно посылались чиновники, чтобы осмотрѣть степень зажиточности крестьянъ и количество принадлежащихъ имъ земель. Съ такою цѣлью въ Зауральскій край Пермской губерніи посланъ былъ особый чиновникъ. Хотя порученіе его было негласное, крестьяне тѣмъ не менѣе узнали о немъ и сильно встревожились. За Ураломъ значеніе и бытъ удѣльныхъ крестьянъ были неизвѣстны, — а потому крестьяне порѣшили, что ихъ снова хотятъ отдать барамъ, т.-е. приписать къ заводамъ. Явилась къ чиновнику депутація. Чиновникъ сначала объяснилъ крестьянамъ, что они заблуждаются, а потомъ смекнулъ, что дѣло можетъ неожиданно принять для него самый прибыльный оборотъ; онъ далъ понять депутаціи, что прямо онъ ничего крестьянамъ объявить не можетъ, а есть что-то такое, что должно измѣнить ихъ бытъ и отъ чего онъ можетъ крестьянъ избавить, разумѣется, за приличное приношеніе. Крестьяне того только и добивались, приношенія лились щедрою ру-

[1]) Ст. Н. К. Чупина: «Членъ Екатеринбургской горной канцеляріи М. М. Башмаковъ и дѣйствія его во время пугачевщины», въ Пермскихъ Губ. Вѣдом. 1870 года № 52 и слѣд.

кою, крестьяне откупались отъ барина и не скупились. Чиновникъ уѣхалъ, крестьяне поуспокоились, но все чего-то ждали....

Не прошло года — какъ начало вводиться, со 2-й половины 1839 года, «Положеніе о государственныхъ крестьянахъ», подчиненныхъ министерству государственныхъ имуществъ. Положеніе это, по своему духу и по своей задачѣ, было важнымъ законодательнымъ шагомъ впередъ: впервые здѣсь вводилось крестьянское самоуправленіе, и учреждалось цѣлое вѣдомство, обѣщавшее вникнуть во всѣ подробности крестьянскаго быта и удовлетворить всѣмъ ихъ нуждамъ; но на дѣлѣ новое министерство почти вездѣ было встрѣчено со стороны народа недоброжелательно, а во многихъ мѣстахъ открытымъ возстаніемъ. Виновато было въ этомъ отчасти само прежнее министерство: въ отеческой своей заботливости о крестьянахъ, оно смотрѣло на нихъ съ точки зрѣнія благодѣтельнаго помѣщика, силою навязывающаго непрошенныя и ненужныя благодѣянія: то велитъ раскольникамъ сѣять картофель; то учредитъ неприкосновенные запасы; то начнетъ разверстывать земли и переселять крестьянъ съ одного конца Россіи на другой, чтобы разселить ихъ съ бо́льшею математическою правильностію; то отберетъ у нихъ собственные лѣса, и поручитъ охранять своимъ лѣсничимъ, и пр. и пр. Но всего тяжелѣе для крестьянъ было то, что исполненіе даже благодѣтельныхъ мѣръ правительства было поручено цѣлой ватагѣ чиновниковъ, собранныхъ отвсюду, безъ разбора и падкихъ на крестьянскіе гроши. «Положеніе» министерства государственныхъ имуществъ, до нѣкоторой степени, было подготовленіемъ великой реформы 19-го февраля; но какая разница не столько въ самой постановкѣ крестьянскаго самоуправленія, сколько въ характерѣ исполнителей! Если послѣдняя великая реформа совершилась такъ мирно и правильно, то главнымъ образомъ потому, что, при ея введеніи, совершенно отстраненъ былъ мѣстный чиновникъ и на сцену явились общественные дѣятели, люди иного закала, глубоко преданные святому дѣлу, огражденные словомъ закона отъ произвола и вліянія мѣстной администраціи....

Какъ относились крестьяне Пермской губерніи къ новому управленію, — видно изъ приведенныхъ выше отзывовъ крестьянъ клевакинской волости, высказывавшихъ жалобы общія и повсемѣстныя, которыя можно услышать на всемъ пространствѣ Россіи, среди недовольнаго новымъ «Положеніемъ» крестьянскаго населенія. Но въ Зауральѣ это общее неудовольствіе получало особый характеръ, вслѣдствіе изложенныхъ мною обстоятельствъ. Достаточно, что бытъ крестьянъ перемѣнился, и перемѣнился, по ихъ убѣжденію, не къ лучшему, чтобы вѣчно тревожившая

ихъ мысль «объ отдачѣ ихъ барамъ» получила въ умѣ ихъ неопровержимое подтвержденіе. Слухъ о томъ, что новая перемѣна произошла вслѣдствіе того, что крестьяне начальствомъ безъ вѣдома государя проданы какому-то важному барину, — появился сейчасъ же, выросталъ и распространялся съ изумительной быстротой. Барина называли Киселевымъ (по имени министра), Кульневымъ, Медвѣдевымъ, (отъ того, что на волостныхъ правленіяхъ выставленъ былъ мѣстный гербъ — медвѣдь), и пр. Достаточно было искры, чтобы давно подготовлявшееся волненіе вспыхнуло. Искра эта,—и надо сказать правду, довольно сильная, — была брошена неисполнимымъ предписаніемъ, съ крестьянъ, и безъ того потерпѣвшихъ отъ неурожая, собрать въ зимнее время по $1^1/_2$ четверти яроваго хлѣба съ души: — безпорядки въ Троицкой волости, къ сожалѣнію, — были неизбѣжнымъ отвѣтомъ на подобное распоряженіе.

Первыя мѣстныя власти, прибывшія въ волновавшіяся общества Волковское и Калиновское, были земскій исправникъ и помощникъ окружнаго начальника: имъ крестьяне заявили о фальшивости приговоровъ и требовали ихъ возвращенія: власти, какъ видно, ни въ чемъ не успѣвшія, вернулись безъ всякихъ послѣдствій. 14-го апрѣля, толпы собрались около Троицкаго волостного правленія и требовали уничтоженія приговоровъ. Съ 18-го апрѣля сходки усиливались и требовали отъ окружнаго начальника возвращенія разныхъ бумагъ, въ томъ числѣ донесеній волостныхъ и сельскихъ начальствъ о прежнихъ самовольныхъ сходкахъ. При этомъ крестьяне требовали отъ волостного правленія подписки на 3-рублевомъ листѣ въ томъ, что неприкосновеннаго запаса собираемо не будетъ; и не вѣря волостному начальству, заподозрѣнному крестьянами въ составленіи фальшиваго приговора по цѣлой волости, сходка требовала присылки особаго чиновника или цѣлой коммиссіи *для производства слѣдствія*. Въ тоже время крестьяне Троицкой волости присылали отъ всей волости прошенія,—16-го и 18-го апрѣля на имя окружнаго начальника, а 24-го апрѣля на имя камышловскаго земскаго суда,—гдѣ они настаивали только на уничтоженіи фальшиво составленныхъ отъ имени ихъ приговоровъ и отказывались вносить хлѣбъ, не только *по 12 пудовъ на душу*, но по одному фунту. Мѣстное начальство, какъ видно, совсѣмъ растерялось,—вплоть до появленія войскъ его не видно, и вся его дѣятельность заключалась въ томъ, что бѣжавшее и искавшее спасенія въ городѣ сельское начальство, для безопасности, заключали въ тюремный замокъ. Окружный начальникъ,—«для успокоенія крестьянъ» — возвратилъ требуемые отъ него приговоры.

Можно себѣ представить, каково было настроеніе взволнованной и брошенной на произволъ судьбы толпы: достаточно было малѣйшаго, самаго пустого и не относящагося къ дѣлу случая, чтобы волненіе и раздраженіе перешли въ насиліе. Во время начавшихся уже безпорядковъ, вахтеръ запаснаго хлѣбнаго магазина, дер. Волковой, Степанъ Мартыновъ,—раздавалъ въ ссуду хлѣбъ крестьянамъ дер. Черданцевой. Во время раздачи, хлѣбъ, сыпавшійся на полъ, смѣшался съ грязью, нанесенною на ногахъ: вахтеръ смелъ этотъ хлѣбъ и хотѣлъ пустить въ раздачу, но крестьяне отказались и потребовали чистаго. Тогда вахтеръ сказалъ имъ: «ребята, берите или не берите, все равно, а на осень отдадимъ вмѣсто 4 по 12 четвериковъ съ каждой души въ неприкосновенный запасъ, дѣло сдѣлано, голоса ваши отобраны и руки приложены». Этого было достаточно, чтобы придать еще бо̀льшее вѣроятіе ходившимъ слухамъ, будто чиновники, писаря и волостное начальство продали крестьянъ барину, что новыя печати—его, что баринъ нарядилъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ и писарей въ свои форменные кафтаны и далъ имъ жалованье, за то, что они продали міръ. Начались обыски въ сельскихъ расправахъ и волостныхъ правленіяхъ, искали дѣлъ о продажѣ, но не находили. Тогда міръ рѣшился вынудить признаніе у виновныхъ пыткою: писарей, ихъ помощниковъ и вообще всякое сельское начальство, старое (послѣ 1839 года) и настоящее, не повиновавшееся безусловно толпѣ или старавшееся ее образумить или скрыться, сажали подъ караулъ, приковывали къ стѣнѣ на цѣпь, жестоко били и сѣкли. Ярость распространилась на крестьянъ болѣе зажиточныхъ и не участвовавшихъ въ волненіи. Поводъ къ этому поданъ былъ самымъ распоряженіемъ министерства. Такъ какъ хлѣбъ въ неприкосновенный запасъ велѣно было собирать только съ бѣдныхъ крестьянъ, то зажиточные исключались изъ этого распоряженія, не участвовали въ составленіи приговоровъ и не были вписаны въ числѣ рукоприкладчиковъ. Изъ этого крестьяне вывели заключеніе, что зажиточные крестьяне, сторговавшись съ начальствомъ, сами остались государственными, а міръ помогли укрѣпить за бариномъ. Зажиточныхъ крестьянъ также били и сажали подъ караулъ, дѣлали у нихъ обыски въ домахъ и, не найдя тамъ ничего, снова возвращались, били и сѣкли заключенныхъ; и эти сцены повторялись ежедневно, до самаго вступленія военной команды, въ послѣднихъ числахъ апрѣля. На самыхъ первыхъ порахъ, предводителемъ толпы въ Троицкой волости явился засѣдатель волостного правленія по хозяйственной

части Аѳанасій Казанцевъ, который сознался, что по его приказанію прикованы были на цѣпь писаря и ихъ помощники.

Точно въ такомъ же видѣ возмущеніе повторилось въ другихъ волостяхъ. Оно росло съ неимовѣрною скоростью, такъ что къ концу апрѣля весь Камышловскій уѣздъ и смежные Ирбитскій и Шадринскій охвачены были волненіемъ, которое къ приходу военной команды, начало уже успокоиваться, такъ что въ то время, во многихъ волостяхъ, сходки прекратились. Въ Камышловскомъ уѣздѣ на сходкахъ участвовало до 30,000 душъ крестьянъ: даже женщины посылали мужей на сходки — «отбиваться отъ удѣльства», что на ихъ языкѣ значило отъ закрѣпленія за барином. Но замѣчательно, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ,—пьянство во время волненія совершенно прекратилось,—напротивъ, крестьяне сами наказывали являвшихся пьяными на сходки; къ общественнымъ дѣламъ и суммамъ въ правленіяхъ и расправахъ приложены были печати и поставленъ караулъ. Неприкосновенностью пользовались даже сидѣльцы и служащіе по откупамъ: съ ними пересылались оффиціальныя бумаги, такъ какъ разсыльныхъ и нарочныхъ отъ мѣстныхъ властей крестьяне останавливали, обыскивали, и отобравъ бумаги, отпускали безвредно.

Изъ Троицкой волости волненіе перешло 10-го апрѣля въ смежную Курьинскую, 14-го въ Клевакинскую, а 15-го въ Закамышловскую, приближаясь къ самому городу.

Въ Курьинской волости, крестьяне, созванные 10-го числа на сходку при волостномъ правленіи для выбора въ сельскую расправу добросовѣстныхъ, потребовали показать имъ составленные въ расправахъ приговоры о взысканіи съ нихъ по 12 пудовъ хлѣба съ души и о поступленіи въ удѣльное вѣдомство. Волостное начальство дало знать въ городъ, пріѣхалъ на другой день (11 апрѣля) окружный начальникъ, прямо на самовольную сходку въ Поваренской расправѣ Курьинской волости, гдѣ крестьяне заподозрили старшину и писаря въ составленіи подобнаго приговора. Убѣжденія окружнаго начальника не принесли никакого результата. 12-го, окружный начальникъ пріѣхалъ въ волостное правленіе, куда собрались всѣ общества: здѣсь крестьяне сначала жаловались на писаря и свое начальство, а потомъ заявили главную свою претензію о продажѣ ихъ въ удѣлъ, крича, что они министерскихъ распоряженій исполнять не хотятъ, кромѣ повелѣнія Его Императорскаго Величества, и что всѣ служащіе чиновники и волостное начальство и писаря продали ихъ въ удѣлъ барину. Окружный начальникъ далъ предписаніе перемѣнить писарей и нѣкоторыхъ старшинъ,

написалъ въ каждое общество удостовѣреніе, что они въ удѣльное вѣдомство не поступятъ, а останутся по прежнему государственными крестьянами и никакого хлѣба взыскиваться съ нихъ *противозаконно* не будетъ. Крестьяне поуспокоились, но въ это время разнесся слухъ, что какой-то министръ за отдачу крестьянъ въ удѣлъ и составленіе фальшивыхъ подписокъ прислалъ окружному начальнику *пудъ ассигнацій* и изъ нихъ отдѣлено писарю Кузнецову 700 руб. Тогда толпа взволновалась еще сильнѣе: въ присутствіи окружнаго начальника жестоко высѣкла двухъ старшинъ, въ самой толпѣ между сторонниками различныхъ мнѣній произошла схватка, на окружнаго начальника сыпались ругательства и угрозы, его посадили подъ строгій караулъ, хотѣли выбить окна и двери, и держали такъ два дни, а потомъ выпустили.

Едва освободившись, окружный начальникъ, вмѣстѣ съ членами временнаго отдѣленія земскаго суда, соборнымъ протоіереемъ Оглоблинымъ и уѣзднымъ судьей направились въ подгородную закамышловскую волость, гдѣ начались безпорядки и сходки отъ сельскихъ расправъ двинулись къ волостному правленію. Здѣсь жители потребовали отъ наѣхавшаго мѣстнаго начальства выдачи на мірской судъ волостнаго писаря Коровякова и подписки отъ окружнаго начальника, что ихъ не продаютъ въ удѣлъ,—прибили и взяли подъ стражу засѣдателя по полицейской части Чупина. Начальство потребовало мѣстной инвалидной команды и заключило 20 человѣкъ въ земской судъ. Волненіе только этимъ увеличилось, а начальство заблагоразсудило отпустить захваченныхъ, «для того чтобы чрезъ нихъ уговорить сходку разойтись, что они,—наивно прибавляетъ начальство,—сдѣлать обѣщали, но не исполнили». Въ это время въ усмиреніи принялъ участіе, но также безуспѣшно, ассесоръ палаты Золотницкій. Руководителемъ толпы былъ здѣсь крестьянинъ Григорій Боровскій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ, по одному знаку котораго громадная и раздраженная толпа смолкала и становилась послушною. Золотницкій обѣщалъ крестьянамъ слободы Закамышловки, что волостной писарь Коровяковъ будетъ удаленъ и преданъ суду, а окружный начальникъ дастъ обществу письменное удостовѣреніе на гербовомъ 3-хъ-рублевомъ листѣ о томъ, что они не поступятъ въ удѣлъ. На другой день (18 апрѣля) собралась толпа у волостного правленія, поставила караулъ въ 50 человѣкъ и отправила 3 депутатовъ къ Золотницкому, съ повтореніемъ своихъ требованій. Золотницкій прислалъ письменное удостовѣреніе окружнаго начальника на трехъ-рублевомъ листѣ, а потомъ явился и самъ съ помощни-

комъ окружнаго начальника. Ихъ встрѣтили крикомъ, окружили и требовали выдачи писаря Коровякова и фальшивыхъ приговоровъ. Григорій Боровскій потребовалъ кромѣ того, чтобы удостовѣреніе окружнаго начальника переписано было на 12-ти-рублевомъ листѣ и подписано Золотницкимъ, исправникомъ и протопопомъ, и чтобы всѣ сельскіе писаря и нѣкоторые старшины были немедленно удалены. Волостной голова Лукинъ вынесъ свои деньги, чтобы послать за бумагой. *Золотницкій все обѣщалъ исполнить и пошелъ къ экипажу*, но толпа его не пустила. Тогда Григорій Боровскій проводилъ его самъ до экипажа и по его знаку толпа смиренно разступилась.... Окружный начальникъ переписалъ снова требуемое отъ него удостовѣреніе на 12-ти-рублевомъ листѣ и прислалъ его съ волостнымъ головой, но крестьяне вечеромъ возвратили, требуя подписи помощника. Въ это время одинъ крестьянинъ со сходки явился въ земской судъ съ объясненіемъ, что засѣдатель Чупинъ, заключенный подъ стражу, сильно страдая отъ побоевъ, проситъ его освидѣтельствовать и дать ему возможность пріобщиться св. тайнъ. Земскій судъ, вечеромъ въ страстную субботу (того же 18 апрѣля) прибылъ въ Закамышловку и нашелъ у волостного правленія огромную толпу. Толпа впрочемъ не препятствовала отправить Чупина въ больницу и освободить взятыхъ подъ стражу. Самъ Григорій Боровскій бѣжалъ и пойманъ былъ только впослѣдствіи, послѣ прихода военной команды. Но въ это время окружный начальникъ,—какъ видно, совсѣмъ растерявшійся,—увѣдомилъ земскій судъ, что крестьяне Камышловской волости, собравшись въ д. Обуховой, въ 5 верстахъ отъ города, намѣрены искать писаря Коровякова вездѣ, въ домѣ окружнаго начальника и въ домахъ другихъ чиновниковъ. «Эти объясненные окружнымъ начальникомъ слухи, — сказано въ оффиціальномъ документѣ, не имѣли никакихъ послѣдствій». Но по всему видно, что камышловскія власти тогда совсѣмъ уже перепугались и не знали, что предпринять, до самаго прихода войска.

Въ Клевакинской волости волненіе шло обычнымъ порядкомъ; 14-го апрѣля начались сходки при Кунарской расправѣ, гдѣ крестьяне, подъ руководствомъ Алексѣя Тычкина, прибили старосту, сборщика и сельскихъ писарей, а одного изъ послѣднихъ высѣкли и приковали на цѣпь; 18-го апрѣля сходка собралась при Клевакинской расправѣ, а потомъ изъ расправы всѣ направились къ волостному правленію, требовали выдачи дѣлъ о продажѣ, били, сѣкли и заковывали стараго и настоящаго волостныхъ головъ, должностныхъ лицъ и писарей.

Пока всѣ эти волненія происходили около Камышлова, на

противоположномъ концѣ уѣзда, въ Тамакульской волости, разыгралась кровавая драма, имѣвшая рѣшительное вліяніе на умы крестьянъ: лишь вѣсть о ней распространилась—волненіе мгновенно охватило всѣ доселѣ спокойныя волости и перешло въ сосѣдніе уѣзды.

18 апрѣля, въ великую субботу, когда въ Закамышловской слободѣ толпа бушевала всего сильнѣе, въ городѣ былъ Тамакульской волости, Красноярской расправы старшина Матвѣй Лепихинъ и, разумѣется, слышалъ все, что́ произошло въ этомъ концѣ уѣзда. Возвратившись домой, онъ разсказалъ это и началъ ѣздить по селеніямъ,—очевидно съ цѣлью оправдаться на случай самому: — онъ оповѣщалъ всѣхъ, что можетъ, по безграмотству онъ, Лепихинъ, и подписалъ дѣла, по которымъ Тамакульская волость продана въ удѣлъ барину, и что надобно непремѣнно захватить эти дѣла и собраться къ расправѣ. Онъ же сообщилъ объ этомъ и въ сосѣднюю Четкаринскую расправу. Съ 21-го апрѣля начались сборища въ Красноярской и Четкаринской расправѣ, требованіе дѣлъ, наказаніе и избіеніе писарей, помощниковъ и крестьянъ, отдѣлявшихся отъ міра. На одной изъ сходокъ, сборщикъ податей, Иванъ Леонтьевъ Карповъ объявилъ: «не вѣрьте начальникамъ и никому; я, будучи въ городѣ, видѣлъ того господина, которому поступили въ продажу крестьяне, онъ собираетъ съ души по 75 рублей, а съ женокъ по 60 аршинъ холста». Крестьянинъ Матвѣй Савинъ разъѣзжалъ по Четкаринскому обществу и разсказывалъ, что соборный протопопъ Оглоблинъ продалъ крестьянъ въ удѣлъ господину за 5,000 р., а писарямъ далъ по 500 р. и за это въ Закамышловской волости всѣ писаря убиты». Надо сказать при этомъ, что Тамакульская волость почти вся населена закоренѣлыми раскольниками. Кромѣ того, у волости былъ свой—заклятый врагъ—волостной писарь Канахинъ. Канахинъ имѣлъ отличный домъ въ Тамакульскомъ селѣ, и по его происканъ,—волость открыта была въ томъ селѣ, на краю волости, такъ что многія селенія отстояли отъ правленія на 50 верстъ и болѣе, въ особенности селенія Красноярскаго и Четкаринскаго обществъ. Понятно, что здѣсь все озлобленіе сосредоточилось на Канахинѣ: на сходкѣ 22-го апрѣля, подъ руководствомъ Андрея Немятовскаго, рѣшено было на другой день отправиться въ Тамакульскую волость и тамъ у писаря Канахина отыскать и захватить дѣла о продажѣ общества въ удѣлъ господину. 23-го апрѣля поднялось Красноярское общество, направилось къ Четкаринской расправѣ и тамъ соединившись съ Четкаринскою сходкою, обѣ потянулись въ Тамакульское село. Часть толпы отдѣлилась въ Новодеревенскую

расправу, избила старшину и помощника писаря и увлекла за собой новодеревенское общество. 23-го апрѣля, къ концу обѣдни, густыя толпы со всѣхъ сторонъ вошли въ село и разсыпались по площади, но послѣ обѣдни, пропустили Канахина въ домъ, безъ всякаго нападенія. Вскорѣ домъ Канахина былъ окруженъ толпою, вооруженною дрекольями, плетьми съ завязанными узлами, розгами и палками. Это былъ пятый день пасхи и храмовый праздникъ въ селѣ,—св. Георгія: у Канахина сидѣлъ священникъ Василій Чирковъ съ крестомъ. Поднялся страшный крикъ: «выдать заудѣльныя дѣла»! Канахинъ заперся въ домѣ, но одинъ изъ крестьянъ, Сидоръ Кузьминъ, ударилъ дреколиной въ окно и закричалъ всѣмъ дѣлать тоже,—мгновенно окна были выбиты, ворота сбиты. Канахинъ съ священникомъ и семействомъ заперся на вышкѣ. Толпа ворвалась въ домъ, перебила и переломала все—мебель, зеркала, часы, посуду и пр.; но по тѣснотѣ помѣщенія, не могли отбить западни, ведущей на вышку. Тогда крестьяне начали раскрывать крышу и во многихъ мѣстахъ ее подняли, между тѣмъ множество крестьянъ уже взобрались на крышу и приготовлялись спуститься, при первой возможности, въ домъ. Дальнѣйшее укрывательство было безполезно: открывъ западню, первый спустился священникъ Чирковъ, —крестьяне только обыскали его и отпустили; затѣмъ появился Канахинъ; но прежде чѣмъ онъ спустился, толпа его сдернула и раздѣла. Иванъ Подосеновъ первый набѣжалъ на Канахина и ударилъ его по головѣ полѣномъ, окружившая толпа, схвативъ, ударила его о полъ и потащила на дворъ; тутъ его били и сѣкли всякій чѣмъ попало, безъ пощады, и повлекли къ сельской расправѣ, продолжая безостановочно побои и истязанія. Два раза Канахина, обнаженнаго и изувѣченнаго, тащили къ колодцу и, въ большомъ корытѣ, обливали холодной водой, мучили его цѣлый день до вечера и вечеромъ приковали на цѣпь, гдѣ онъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ отъ истязаній. Въ тотъ же день жестоко били и сѣкли многихъ должностныхъ лицъ, которыхъ успѣли найти, и крестьянъ, не принимавшихъ участія въ мятежѣ. Хозяйничали въ Тамакульскомъ селѣ гости; сами хозяева сначала не принимали участія въ убійствѣ, но впослѣдствіи,—волей или неволей,—угощали пришлую толпу, участвовали въ караулѣ поставленномъ Андреемъ Немятовскимъ, чтобы стеречь умершаго Канахина и приглашали ночевать караульныхъ, оставленныхъ четкаринцами и красноярцами. Вечеромъ 23-го апрѣля, послѣ убійства главная толпа послѣднихъ отправилась домой. На другой день, оставшіеся отъ пришлыхъ караульные ворвались въ церковь, отыскивая непопавшихся имъ

прежнихъ должностныхъ лицъ, которыхъ они считали главными и первоначальными виновниками продажи въ удѣлъ: въ церкви они выламывали половицы, взбирались на колокольню, требовали отъ собравшагося духовенства отворить имъ шкафъ съ церковными дѣлами, ругали и грозили священникамъ, врывались въ ихъ домы и спрашивали дѣлъ объ отдачѣ крестьянъ барину. Тѣло писаря Канахина, на пятый день послѣ его смерти, лежало въ сельской расправѣ обнаженное и прикованное къ стѣнѣ на цѣпи. По свидѣтельству медика,—тѣло все истегано плетьми и батогами, подъ правой мышкой чѣмъ-то проткнуто съ вырваньемъ мяса, голова проломана, волосы большею частью выдраны, вообще трупъ обезображенъ въ такой степени, что его нельзя бы было признать, если бы не было доподлинно извѣстно, что это Канахинъ. Подлинное медицинское свидѣтельство, приложенное къ производству военнаго суда, подробностями своими приводитъ въ ужасъ.

Волненіе, которое начало распространяться еще до убіенія Канахина, приняло съ тѣхъ поръ болѣе свирѣпый и серьезный характеръ. Съ 20-го и 21-го апрѣля, одновременно съ Тамакульскою волостью взволновалась волость Куровская, гдѣ крестьяне нещадно били и сѣкли должностныхъ лицъ и не участвовавшихъ крестьянъ, приговаривая: «не бери деньги и подаренный отъ господина съ галуномъ кафтанъ», — въ такой степени, что писарь Калугинъ отъ истязаній чрезъ мѣсяцъ умеръ; въ сосѣдней съ красноярскою расправою пышминской волости, — прекратить волненіе взялся начальникъ конно-этапной команды, штабсъ-капитанъ Кудіяровъ, который съ 38-ю рядовыми прибылъ въ село Пышменское, гдѣ крестьянинъ Ивойло Вагановъ, предводительствуя волнующимся трифоновскимъ обществомъ, заставлялъ крестьянъ того села присоединиться къ толпѣ и за отказъ билъ ихъ, такъ что многіе разбѣжались изъ домовъ. Крестьяне открыли по командѣ огонь изъ ружей и бросились на Кудіярова и команду, съ дреколинами, ранили одного рядового въ щеку, нѣсколькихъ избили, повредили 5 ружей и нанесли самому Кудіярову сильный ударъ дреколиною по головѣ. Команда открыла огонь, но спаслась только бѣгствомъ, причемъ крестьяне, ожесточившись, гнались около $^1/_4$ версты. Изъ Куровской волости деревни Квашниной, полѣсовщикъ Безсоновъ отправленъ въ смежную стриганскую расправу Ирбитскаго уѣзда, для распространенія тамъ волненій. А крестьяне той же волости села Никольскаго, извѣстнаго «по многимъ, прежде случавшимся въ немъ преступленіямъ»,—на сходкѣ рѣшили напасть на самый

Камышловъ, находящійся отъ нихъ въ 14-ти верстахъ, но вскорѣ въ уѣздъ вступили войска и безпорядки прекратились.

23-го апрѣля, на храмовомъ праздникѣ въ селѣ Тамакульскомъ, много было постороннихъ гостей и на глазахъ всѣхъ произошло убіеніе писаря Канахина; безъ сомнѣнія, вѣсть о томъ разнеслась быстро. Въ сосѣдней съ Тамакульскимъ селомъ крестовской сельской расправѣ Катайской волости, на другой же день,—24-го апрѣля, собралась толпа и требовала отъ священно-служителей дѣла о продажѣ ихъ въ удѣлъ господину, грозя, въ случаѣ отказа, убить ихъ. Священники укрылись въ церкви и оставались тамъ три дни. Изъ этой толпы, крестьяне дер. Мясникова, желая вызвать священника Іакова изъ церкви, хотѣли разбить домъ его. Это удалось: священникъ Іаковъ согласился ѣхать съ ними въ Катайское село, оттуда его привезли домой, дѣлали у него обыскъ и за невыдачу дѣлъ привели его къ колодцу, хотѣли спустить туда или обливать холодною водою, но оставивъ до другого дня, 27-го апрѣля, крестьяне отобрали церковный архивъ и перенесли его въ сельскую расправу, заставили читать дѣла дьякона Алексѣя Загуменскаго, потомъ въ церкви поднимали половицу, но не найдя ничего, дьякона Загуменскаго, строителя церкви, крестьянина Аѳанасья Тетерина и сельскаго писаря Воронина, обливая водой, били и сѣкли такъ, что Тетеринъ отъ побоевъ вскорѣ умеръ. 25-го апрѣля, въ селѣ Катайскомъ, у волостного правленія собрались толпы изъ всѣхъ обществъ и начались истязанія должностныхъ лицъ и не участвовавшихъ крестьянъ. Священники вышли, для увѣщанія, въ облаченіи съ хоругвями и иконами, толпа смирилась—было, но въ толпѣ разнесся слухъ, что священники за-одно съ писарями и начальниками,—тогда снова начались угрозы и перешли въ дѣло,—толпа отгоняла людей, несшихъ иконы, хотѣла вырвать и побросать крестъ и Евангеліе; даже женщины ругались надъ духовною процессіею и просили отдать ихъ священническія облаченія на кички и на сарафаны. 26-го, на другой день, крестовское сельское общество, расправившись съ своимъ причтомъ, прибыло къ толпѣ, собравшейся около катайскаго правленія; катайскіе крестьяне выдали крестовцамъ своихъ священниковъ, дѣлали въ домахъ ихъ обыскъ, съ самыми циническими подробностями, все отыскивая заудѣльныхъ бумагъ. Благочинный Михаилъ Рязанцевъ, во время крестнаго хода, увѣщевалъ прихожанъ своихъ, крестьянъ дер. Боровой, не присоединяться къ возмутителямъ, но крестьяне, вмѣсто того, утромъ 26-го апрѣля, взяли изъ дому и привели Рязанцева пѣшкомъ за 6 верстъ въ Катайское село: здѣсь его схватила толпа у волостного прав-

ленія и потребовала, какъ у начальника, заудѣльныхъ бумагъ. На его отказъ и увѣщанія толпа отвѣчала крикомъ и угрозами; наконецъ, принесли розги, — разъяренный крикъ — «отдай или разорвемъ тебя» пронесся между волнующимся народомъ. Престарѣлый священникъ перекрестился, — толпа утихла и велѣла ему потребовать остальныхъ священниковъ для очной ставки. Священники пришли, но крестьянамъ пришло въ голову, что они ошиблись, что священники, сведенные вмѣстѣ, могутъ легко стакнуться и запереться. Начали выводить священниковъ передъ народомъ по одиночкѣ: крестовцы своего священника увезли домой. Цѣлый вечеръ продолжался этотъ допросъ, гдѣ священниковъ осыпали ругательствами и угрозами, на ночь рѣшили приковать ихъ къ церковнымъ вѣсамъ и разсадить по разнымъ мѣстамъ, а передъ этимъ всѣхъ облить холодной водой. Но къ вечеру крестовцы собрались домой, толпа стала расходиться и священники безпрепятственно на ночь удалились въ церковь. Въ тотъ же день, крестьяне выхватили изъ среды священниковъ дьякона Матвѣя Мостова, изодрали на немъ рясу и подрясникъ. Мостовъ вырвался и убѣжалъ въ волостное правленіе, оттуда его вытащили, раздѣли до нага, сѣкли, облили холодной водой и болѣе получаса держали нагого въ своемъ кругу. 27-го апрѣля — новая сходка: народъ кричалъ, что полученъ указъ отъ государя убивать писарей и священниковъ, за продажу народа, что за это никакого отвѣта не будетъ; хотѣли разнести священническіе дома по бревну. Наконецъ духовенство просило дозволенія у толпы и дало подписку на гербовомъ листѣ, что духовенство никогда крестьянъ никакому господину не продавало, никогда на это не соглашалось и впредь никогда своего согласія не дастъ. Это прекратило преслѣдованія. Въ Катайской волости, главнымъ руководителемъ признанъ былъ добросовѣстный крестовской расправы Кондратій Гоголинъ, который собиралъ сходки, ѣздилъ по деревнямъ, убѣждая всѣхъ, «что пришло время и имъ поступить какъ прочія волости» и былъ главнымъ дѣятелемъ въ нападеніи на мѣстное духовенство. Того же 25-го апрѣля смежные съ Тамакульскимъ селомъ и бывшіе тамъ на праздникѣ крестьяне села Широковскаго домнатовской волости Шадринскаго уѣзда, собрались на сходку и волненіе съ 25-го апрѣля, въ теченіи нѣсколькихъ дней, охватило 9 волостей Шадринскаго уѣзда.

26-го и 27-го апрѣля открылись безпорядки въ колчеданской волости (Камышловскаго уѣзда), но значительно слабѣе; въ послѣднихъ числахъ апрѣля въ щербаковской, гдѣ появились двое эмиссаровъ, по слухамъ, изъ крестьянъ троицкой волости, подговаривавшіе къ волненію: лица эти не были ни пойманы, ни

узнаны. Въ послѣдней волости порядокъ скоро былъ возстановленъ самими крестьянами, такъ что военный судъ призналъ зачинщиковъ по щербаковской волости виновными не въ *возмущеніи*, но въ *своевольствѣ*.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля въ Камышловскій уѣздъ вступила линейная рота, съ двумя орудіями, а чрезъ нѣсколько дней еще рота и сотня башкирцевъ. «Мятежъ, говоритъ оффиціальный документъ, изчезъ на всѣхъ пунктахъ уѣзда, и безъ дѣйствія оружіемъ противъ встрѣчаемыхъ по селеніямъ огромныхъ скопищъ мятежниковъ, которые на мѣстахъ возмущенія были подвергнуты строгому исправительному наказанію, по личному распоряженію г. пермскаго вице-губернатора. Мятежники обнаружили сильный испугъ; но *въ постоянномъ убѣжденіи о правости своего дѣла не изъявили никакого признака сожалѣнія о содѣянномъ, а тѣмъ менѣе раскаянія*». Вслѣдъ за строгимъ исправительнымъ наказаніемъ, наряженъ былъ въ каждомъ уѣздѣ военный судъ и по окончаніи его начались казни.... Между тѣмъ, министерство государственныхъ имуществъ, 13-го мая 1842 г. за № 3838, циркулярно предписало управляющимъ палатами сдѣлать немедленное распоряженіе о возвратѣ крестьянамъ собраннаго въ неприкосновенный запасъ хлѣба и велѣло внушить крестьянамъ, что *возвращеніе имъ внесеннаго хлѣба должно убѣдить ихъ, что мѣра сія была принята единственно изъ предосторожности, въ видахъ собственной ихъ пользы, дабы въ случаѣ новой необходимости, въ возобновленіи сей мѣры, крестьяне приняли ее съ полною готовностію.*

Н. Колюпановъ.

Пермь.

ФИЗІОЛОГІЯ

РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ

Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою настоящаго года.

I.

Планъ лекцій.—Общія понятія объ устройствѣ кровеносной системы.

Мм. Гг.! Принявъ на себя обязательство представить вамъ въ общедоступной формѣ нѣкоторыя изъ жизненныхъ проявленій животнаго тѣла, я принужденъ принять за исходную точку нашихъ бесѣдъ ту сумму свѣдѣній о животномъ тѣлѣ, которой обладаетъ обыкновенно образованная часть публики. Только при этомъ условіи, въ ходѣ моей мысли не будетъ для васъ ничего насильственнаго и вамъ не придется многаго принимать на вѣру. По счастью, физіологическія свѣдѣнія, вытекающія изъ уроковъ практической жизни, совпадаютъ съ основными результатами современной физіологіи, и потому могутъ быть положены въ основу общаго плана нашихъ бесѣдъ. Они дадутъ мнѣ возможность не только привести въ порядокъ весь матеріалъ, подлежащій нашему описанію, но и обозначатъ путь, которымъ намъ слѣдуетъ идти при рѣшеніи нашихъ будущихъ вопросовъ.

Остановимся прежде всего на рабочемъ домашнемъ животномъ.

Вся жизнь его, если смотрѣть на нее объективно, проходитъ въ томъ, что оно ѣстъ, пьетъ, дышетъ, выдѣляетъ изъ тѣла жидкости и работаетъ (всю психическую сторону его жизни я оставляю пока въ сторонѣ). Изъ всѣхъ этихъ жизненныхъ дѣятельностей человѣкъ утилизируетъ въ рабочемъ скотѣ только его

способность производить механическую работу; это невольно заставило его подсмотрѣть главнѣйшія условія, которыми управляется рабочая сила въ животномъ, и посмотрите, что̀ изъ этого вышло: всякій простолюдинъ знаетъ, что источникомъ рабочей силы служитъ пища; онъ даже умѣетъ отличать качества ея, при которыхъ возможна болѣе или менѣе трудная работа. Уже одинъ этотъ фактъ въ глазахъ образованнаго человѣка долженъ служить неопровержимымъ доказательствомъ, что животное въ дѣлѣ произведенія механической работы дѣйствуетъ какъ машина, такъ какъ самое основное свойство машины и заключается именно въ томъ, что она можетъ работать только насчетъ силъ, приложенныхъ къ ней извнѣ. Смотря на дѣло съ такой точки зрѣнія можно было бы поставить въ причинную связь съ механической работой не только актъ принятія пищи, но и прочіе, неутилизируемые человѣкомъ жизненные процессы;—стоило бы, наприм., взглянуть на работу животнаго, какъ на работу паровой машины, и тогда пища получила бы значеніе топлива, дыханіе стало бы равнозначуще притоку воздуха, необходимаго для горѣнія, и наконецъ всѣ изверженія животнаго тѣла уподобились бы золѣ, дыму и прочимъ продуктамъ сгаранія. На это сдѣлано было бы конечно тотчасъ же возраженіе, что животное дышетъ и выдѣляетъ жидкости изъ тѣла какъ во время работы, такъ и при покоѣ; но на него отвѣчать очень легко.—Работа въ животномъ производится мышцами, двигающими при своемъ сокращеніи костями переднихъ и заднихъ ногъ (изъ движеній животнаго на работу употребляются, какъ извѣстно, только тѣ движенія, изъ которыхъ слагается актъ ходьбы); но сверхъ этихъ мышцъ, въ тѣлѣ есть много и другихъ, которыя работаютъ безпрерывно всю жизнь, напр., мышцы сердца, приводящія въ движеніе кровь, мышцы груди, производящія дыхательныя движенія, и пр.; стало быть, понятіе о покоѣ животнаго лишь относительное, а въ сущности оно работаетъ механически всю жизнь безъ перерыва, даже въ то время, когда спитъ. И замѣчательно, что въ эти періоды относительнаго покоя интенсивность дыхательныхъ и отдѣлительныхъ процессовъ понижается, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ стоятъ въ причинной связи съ механическою (мышечною) работою.

Во всякомъ случаѣ, на основаніи сказаннаго мы имѣемъ право думать, что *въ дѣлѣ произведенія механическихъ работъ, совершающихся при посредствѣ мышцъ, животное тѣло дѣйствуетъ какъ машина.*

Сверхъ этихъ услугъ животное даетъ человѣку цѣлый рядъ такъ-называемыхъ животныхъ продуктовъ—молоко, жиръ, шерсть и пр. Здѣсь тѣло животнаго является въ глазахъ раціональнаго

хозяина въ родѣ химической фабрики или завода, внутри котораго совершается переработка пищевыхъ веществъ въ перечисленные продукты! И здѣсь, какъ въ предыдущемъ случаѣ, оказывается тѣсная связь между количествомъ и качествомъ пищи съ одной стороны, количествомъ и качествомъ выработанныхъ продуктовъ съ другой (напр., чтобы откормить животное, произвести въ его тѣлѣ усиленное образованіе жира, пища непремѣнно должна имѣть опредѣленный составъ). Это обстоятельство дѣйствительно можетъ служить ручательствомъ, что по крайней мѣрѣ часть пищевыхъ веществъ переработывается въ тѣлѣ животнаго въ составныя части молока, жира и пр., но отсюда нельзя еще заключить, что фабрикація ихъ совершается такимъ же образомъ, какъ искуственная переработка веществъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ до сихъ поръ безъ посредства животнаго тѣла изъ пищи нельзя было искуственно получить ни одного изъ животныхъ продуктовъ. Тѣмъ не менѣе наука обладаетъ, мм. гг., строгимъ доказательствомъ, что фабрикація эта стоитъ подъ тѣми же общими законами, какіе управляютъ искуственною переработкою веществъ на химическихъ заводахъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ основѣ всякаго химическаго производства лежитъ слѣдующій непреложный законъ, вытекающій изъ закона Лавуазье о неразрушаемости матеріи: какой бы переработкѣ ни подвергался данный матеріалъ, при этомъ не созидается вновь, но и не разрушается ни одного атома вещества. Этотъ-то общій законъ и приложимъ всецѣло къ химическимъ превращеніямъ внѣшняго вещества, при переходѣ его черезъ животное тѣло. Если вы соберете и взвѣсите за опредѣленный періодъ времени весь вещественный приходъ тѣла, т.-е. пищу, питье и кислородъ вдыхаемаго воздуха съ одной стороны, а съ другой — все количество извержений тѣла (т.-е. калъ, мочу, молоко, кожныя и легочныя испаренія) за тоже время, то у взрослаго человѣка, съ неизмѣннымъ вѣсомъ тѣла, величины эти всегда оказываются равными другъ другу.

Этотъ фактъ, указывая на то, что тѣло животнаго, въ дѣлѣ химической переработки пищевыхъ веществъ, не способно ни созидать, ни разрушать матеріи, сразу доказываетъ, что всѣ вообще выдѣляемые тѣломъ наружу соки переработываются изъ пищи, притомъ по тѣмъ же основнымъ законамъ, какіе управляютъ всѣми вообще химическими производствами на фабрикахъ и заводахъ.

Если же опыты взвѣшиванія вещевого прихода и расхода дѣлать при условіяхъ, когда тѣло растетъ, увеличивается въ вѣсѣ, то всегда оказывается перевѣсъ на сторонѣ вещевого прихода

надъ расходомъ, и именно настолько, сколько прибавилось въ вѣсѣ тѣло [1]).

Отсюда же слѣдуетъ, что самыя составныя части тѣла фабрикуются изъ пищи по тѣмъ же основнымъ законамъ, какъ и его изверженія.

Итакъ, *жизненные химическіе процессы въ животномъ тѣлѣ подчинены общимъ основнымъ законамъ химическихъ превращеній вещества.*

Соедините теперь оба полученные главные результата вмѣстѣ и посмотрите, къ какому важному выводу приводятъ насъ указанія практической жизни, при самой маленькой помощи со стороны науки: *животное тѣло является машиной, производящей насчетъ внѣшняго вещества рядъ разнообразныхъ работъ въ формѣ чисто механической дѣятельности, приготовленія соковъ и элементовъ тѣла.*

Въ эту рамку укладываются, мм. гг., всѣ жизненные процессы, которые я перечислилъ въ началѣ лекціи. Но затѣмъ въ тѣлѣ животныхъ остается еще цѣлый рядъ явленій до чрезвычайности сложныхъ и запутанныхъ; начиная отсюда указанія практической жизни уже теряютъ свою опредѣленность и я принужденъ прибѣгнуть къ выводамъ науки, чтобы освѣтить передъ вами значеніе этихъ процессовъ. Я разумѣю всю область психической жизни и способность животныхъ къ размноженію.

Обнять собою въ бѣгломъ очеркѣ всю сферу психическихъ явленій, въ основѣ которыхъ лежатъ дѣятельности нервной системы, было бы однако дѣломъ невозможнымъ; поэтому я ограничусь разборомъ тѣхъ только нервныхъ явленій, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ составляющимъ предметъ нашихъ бесѣдъ растительнымъ процессамъ животнаго тѣла. Съ этимъ ограниченіемъ нервные акты являются регуляторами разнообразныхъ работъ въ животномъ тѣлѣ; они управляютъ какъ мышечными движеніями, такъ и процессами выдѣленія соковъ. Чтобы выяснить вамъ мою мысль, я прибѣгну къ аналогіи. Представьте себѣ паровую машину въ состояніи, когда въ ней, какъ говорится, разведены пары, но когда она еще не пущена въ ходъ. Въ этомъ состояніи паровая машина заключаетъ уже въ себѣ всѣ условія для работы, но она остается неподвижной, пока не открытъ кранъ, дающій доступъ пару въ цилиндръ съ поршнемъ. Такъ устроены въ животномъ тѣлѣ и рабочіе органы, т.-е. мышцы и соко-отдѣлительныя желѣзы: независимо отъ нервовъ,

---

[1]) Въ случаяхъ, когда тѣло умепьшается въ вѣсѣ, величина вѣсовой убыли всегда равняется избытку расхода надъ приходомъ.

они въ самихъ себѣ заключаютъ уже всѣ условія для дѣятельности, но безъ импульса со стороны нервной системы остаются неподвижными. Такое простое отношеніе первныхъ аппаратовъ къ мышечному движенію и отдѣленію соковъ не могло бы, конечно, ускользнуть отъ взгляда образованнаго человѣка, еслибы этому не мѣшало скрытое положеніе рабочихъ органовъ съ ихъ регуляторами и крайняя своеобразность въ устройствѣ послѣднихъ, своеобразность, не имѣющая никакихъ аналогій въ регуляторахъ машинъ, устраиваемыхъ руками человѣка. Кто бы повѣрилъ, напримѣръ, что вся регуляція животныхъ работъ вытекаетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ изъ того легіона разнообразныхъ ощущеній и инстинктивныхъ стремленій, которыя составляютъ наибольшую массу психическихъ явленій въ жизни животнаго, а между тѣмъ это такъ. Что выводитъ обыкновенно животнаго изъ покоя?—голодъ, жажда, термическія и болѣзненныя вліянія на его кожу, внезапный свѣтъ, звукъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ побудительныя причины къ движенію лежатъ внѣ рабочихъ органовъ и передаются имъ лишь при посредствѣ нервной системы. Съ этой цѣлью животное тѣло снабжено цѣлымъ рядомъ такъ-называемыхъ чувственныхъ поверхностей (глазъ, уши, кожа и пр.), способныхъ возбуждаться различными внѣшними вліяніями. Изъ этихъ поверхностей идутъ нервы, служащіе проводниками возбужденій; по нимъ, какъ по телеграфнымъ проволокамъ, передаются сигналы головному мозгу и въ сознаніи является то или другое ощущеніе, которымъ опредѣляются импульсы къ движенію. Для послѣднихъ существуютъ новые проводники, другой рядъ нервовъ (первые называются вообще чувствующими, а послѣдніе двигательными), которые передаютъ возбужденіе уже рабочимъ органамъ. Такое устройство нервныхъ регуляторовъ выражается всего нагляднѣе, наприм., въ актахъ выведенія мочи и кала. Процессъ вызывается ощущеніемъ, позывомъ, вытекающимъ изъ раздраженія внутренней поверхности мочевого пузыря и прямой кишки со стороны ихъ содержимаго, а кончается мышечною дѣятельностью, опоражнивающею ту и другую полость.

Но регулирующее дѣйствіе нервныхъ механизмовъ не ограничивается однимъ вызываніемъ дѣятельности въ неподвижныхъ до тѣхъ поръ рабочихъ органахъ, оно вліяетъ на самый ходъ работы, видоизмѣняя ея направленіе и силу, и наконецъ на самый конецъ, т.-е. прекращеніе работы. Первое всего лучше видно на актахъ ходьбы, которые, какъ всякій знаетъ, управляются ощущеніями и по силѣ и по направленію; примѣрами же второго рода могутъ служить тѣ обыкновенно пріятныя ощу-

щенія, которыми заканчивается всякое удовлетвореніе насущныхъ потребностей организма,—ощущеніе насыщенія, утоленіе жажды и пр.

Службы нервной системы по отношенію къ растительнымъ процессамъ тѣла этимъ и ограничиваются.

Если смотрѣть на дѣло съ такой точки зрѣнія, — а другая невозможна, то *нервные механизмы, по ихъ значенію въ тѣлѣ, являются не болѣе, какъ машинообразно устроенными придатками животной машины, регулирующими ея работы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.*

О способности животныхъ размножаться я не буду говорить вовсе по слѣдующей простой причинѣ: въ теченіи нашихъ бесѣдъ мы будемъ имѣть дѣло исключительно съ такими процессами, которыми поддерживается индивидуальная жизнь животныхъ и которые совершаются совершенно независимо отъ процессовъ дѣторожденія, обезпечивающихъ лишь видовую жизнь животнаго царства.

За этимъ въ животномъ тѣлѣ не остается болѣе никакихъ новыхъ жизненныхъ проявленій, доступныхъ непосредственному наблюденію, и я могъ бы уже теперь воспользоваться добытыми фактами, чтобы выстроить на нихъ общій планъ нашихъ бесѣдъ. Но прежде нужно, конечно, посмотрѣть, нѣтъ ли въ тѣлѣ еще и такихъ процессовъ, которые происходятъ настолько скрытно, что ускользаютъ отъ непосредственнаго наблюденія.

Если животное тѣло сравнить съ машиной, особенно если поставить его рядомъ, съ машинными издѣліями рукъ человѣческихъ, то нельзя не замѣтить слѣдующей поразительной разницы между ними. Всѣ наши машины выстроены обыкновенно изъ матеріаловъ очень прочныхъ; въ составъ ихъ входятъ металлы, дерево, камень и пр.; животная же машина, за исключеніемъ костей, выстроена изъ веществъ мягкихъ, полужидкихъ, притомъ веществъ до крайности легко разрушающихся (вспомните, какъ быстро разрушаются мягкія части животнаго тѣла при гніеніи!); а между тѣмъ на свѣтѣ нѣтъ такой желѣзной машины, которая просуществовала бы и 100 лѣтъ, тогда какъ животное тѣло можетъ существовать гораздо болѣе ста. Этотъ фактъ ставитъ на первый взглядъ между произведеніями рукъ человѣческихъ и животнымъ тѣломъ какую-то непроходимую бездну; если однако присмотрѣться къ дѣлу, то можно найти ключъ къ загадкѣ. Вообразите себѣ, что механику дана задача выстроить долговѣчную машину изъ легко и быстро разрушающагося матеріала. Какъ ему поступить въ такомъ трудномъ случаѣ? Единственный выходъ — устроить машину такимъ образомъ, чтобы малѣйшее разрушеніе

вещества тотчасъ же возстановлялось притокомъ свѣжаго матеріала. При этомъ условіи машина очевидно можетъ существовать очень долго. Животное тѣло и устроено, мм. гг., именно такимъ образомъ — въ немъ, рядомъ съ разрушеніемъ вещества, существуетъ постоянное возстановленіе его. Въ обыкновенныхъ машинахъ различныя составныя части, рычаги, колеса, оси, скрѣпы и пр. выстроены изъ инертныхъ не возстановляющихся массъ, узирующихся при работѣ и подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, оттого онѣ не долговѣчны; а въ животномъ тѣлѣ малѣйшая узура частей, тотчасъ же пополняется притокомъ новаго матеріала. Съ этой цѣлью всѣ рычаги, скрѣпы, колеса животной машины пронизаны густой сѣтью каналовъ, по которымъ вѣчно течетъ кровь, этотъ пластическій матеріалъ, которымъ залѣпливаются всѣ дыры въ организмѣ и который въ свою очередь безпрерывно пополняется притокомъ пищевыхъ веществъ. Вѣроятно въ связи съ этими же процессами безпрерывнаго разрушенія и возстановленія вещества стоитъ другая особенность животной организаціи, заключающаяся въ такъ-называемомъ микроскопическомъ строеніи органовъ и тканей животнаго тѣла. Дѣло вотъ въ чемъ: если вы будете изслѣдовать подъ микроскопомъ очень тонкія пластинки стекла, металла или камня, вы не найдете въ нихъ никакого строенія, тогда какъ малѣйшіе кусочки любой ткани тѣла представляютъ сочетанія разнообразныхъ формъ то въ видѣ волоконъ, то въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ шаровъ или пузырковъ. Такъ какъ эти микроскопическіе элементы тканей повсюду лежатъ отдѣльно другъ отъ друга, каждый изъ нихъ образуетъ по отношенію къ сосѣдямъ самостоятельное цѣлое, то понятно, что при такомъ устройствѣ все тѣло распадается на безчисленное множество самостоятельныхъ микроскопическихъ участковъ. Предположите теперь, что означенные процессы разрушенія и возстановленія вещества происходятъ именно въ области этихъ маленькихъ территорій, и вы поймете, что черезъ это фокусы разрушенія становятся разсѣянными по тѣлу и сферы ихъ въ каждомъ данномъ мѣстѣ сводятся на микроскопическіе размѣры. Оттого-то эти процессы и становятся неуловимыми для непосредственнаго наблюденія.

Итакъ, *въ животномъ организмѣ*, сверхъ перечисленныхъ выше явленій, *существуетъ еще постоянный процессъ разрушенія и возстановленія элементовъ тѣла, и пластическимъ матеріаломъ для пополненія вещественныхъ убылей служитъ та же пища, которая употребляется и на произведеніе работъ.*

Этимъ исчерпывается, мм. гг., вся сумма жизненныхъ явле-

ній въ животномъ тѣлѣ и вотъ тотъ общій выводъ, къ которому привелъ насъ нашъ бѣглый анализъ ихъ: *животное тѣло есть крайне своеобразная машина, непрерывно работающая насчетъ внѣшняго вещества, постоянно разрушающаяся и столько же постоянно возобновляющаяся.*

Владѣя этимъ выводомъ, мы можемъ уже выстроить общій планъ изученія животнаго тѣла, т.-е. можемъ привести въ стройный порядокъ подлежащій нашему разсмотрѣнію матеріалъ и обозначить въ общихъ чертахъ тѣ пути, которымъ нужно слѣдовать при изученіи явленій животной жизни вообще.

Съ развитой точки зрѣнія, элементомъ, связующимъ всѣ жизненные процессы въ тѣлѣ, является поступающее въ него извнѣ вещество. Оно вноситъ съ собою не только источники всѣхъ дѣятельностей, но и элементъ разрушенія — кислородъ атмосфернаго воздуха. Прослѣдить судьбу внѣшняго вещества при его странствованіи по тѣлу значитъ описать всю исторію жизни.

Внѣшнее вещество входитъ въ тѣло двумя путями: пища и питье (твердыя и жидкія вещества) черезъ ротъ въ полость пищеварительнаго канала, а воздухъ (газообразное вещество) въ легкое. Пища и питье начинаютъ измѣняться уже въ пищеварительной полости и измѣненія эти составляютъ т.-наз. *процессъ пищеваренія*, вхожденіе же воздуха въ легкое составляетъ начало *дыханія*. Оба рода веществъ, какъ источники всѣхъ жизненныхъ дѣятельностей, должны разноситься по всѣмъ точкамъ тѣла; съ этой цѣлью они вступаютъ изъ пищевой и легочной полости въ кровь. Для пищи и питья процессы эти принято собирать въ отдѣльную главу подъ именемъ *всасыванія пищевыхъ веществъ изъ полости пищеваго канала*, тогда какъ вступленіе воздуха въ кровь обозначается какъ продолженіе дыхательнаго акта. Затѣмъ идетъ разноска внѣшняго вещества по тѣлу при посредствѣ движущейся крови—это *процессъ кровеобращенія*. Въ кровеной полости внѣшнее вещество застаиваться не можетъ, такъ какъ всѣ элементы тѣла, для которыхъ именно оно и предназначается, лежатъ внѣ этой полости; отсюда необходимость *выступленія частей крови изъ кровеныхъ вмѣстилищъ*. Выступивъ изъ нихъ какъ пластическій матеріалъ, кровь возстановляетъ въ тканяхъ всѣ вещественныя убыли—это *процессъ питанія*; притекая къ сокоотдѣлительнымъ органамъ, желѣзамъ, она снабжаетъ ихъ матеріалами для приготовленія соковъ; въ мышцахъ она, подобно топливу паровыхъ машинъ, служитъ источникомъ развитія механическихъ силъ; наконецъ въ первныхъ массахъ она поддерживаетъ всѣ тѣ свойства ихъ, въ силу которыхъ они спо-

собны возбуждаться различными внѣшними вліяніями и проводить импульсы къ рабочимъ органамъ. Сумма всѣхъ дѣятельностей въ сферѣ желѣзъ собирается въ общую главу подъ именемъ *процесса отдѣленій;* дѣятельности въ сферѣ мышечной ткани составляютъ *процессъ развитія мышечной работы въ тѣлѣ;* наконецъ, процессы въ нервной системѣ составляютъ обширную главу *нервныхъ актовъ.* Протекая такимъ образомъ по тѣлу, кровь разноситъ по всѣмъ его тканямъ и органамъ вмѣстѣ съ пластическими и рабочими матеріалами элементъ разрушенія—кислородъ атмосфернаго воздуха. Судьбы его въ крови и тканяхъ составляютъ заключительные акты дыхательныхъ процессовъ, и результатами ихъ являются въ тѣлѣ, съ одной стороны *животная теплота,* съ другой скопленіе въ немъ продуктовъ разрушенія. Послѣдніе, образуясь повсемѣстно, выводятся изъ тѣла при посредствѣ той же движущейся крови; съ этой цѣлью она собираетъ ихъ на своемъ пути по тканямъ и передаетъ въ вѣдѣніе нѣкоторыхъ спеціально назначенныхъ для этого желѣзъ; твердые и жидкіе продукты разрушенія выводятся почками (моча) и потовыми желѣзами (потъ), а газообразныя вещества (угольная кислота и водяной паръ) легкими и поверхностью кожи. Въ этомъ смыслѣ соко-отдѣлительные органы распадаются на двѣ группы: одни приготовляютъ соки, утилизируемые тѣломъ (напр. всѣ пищеварительныя желѣзы), а другіе служатъ исключительно для выведенія изъ тѣла продуктовъ разрушенія.

Такъ группируются, мм. гг., жизненные процессы въ животномъ тѣлѣ. Изъ нихъ мы, однако, вовсе не будемъ говорить о мышечной и нервной дѣятельности, такъ какъ онѣ не входятъ въ кругъ растительныхъ актовъ животнаго тѣла; въ остальныхъ же намъ придется сдѣлать маленькую перестановку. Прежде всего я буду говорить о движеніи крови по тѣлу, такъ какъ безъ знанія условій этого процесса невозможно описывать актовъ поступленія въ кровь внѣшняго вещества.

Теперь о способѣ изученія жизненныхъ процессовъ. Если животное тѣло есть машина, то и изучать его слѣдуетъ какъ машину. Во-первыхъ, нужно умѣть раскладывать его на крупныя составныя части. Это дѣло описательной анатоміи. Затѣмъ нужно знать микроскопическое строеніе его органовъ, такъ какъ многіе и самые существенные процессы совершаются въ сферѣ микроскопическихъ элементовъ тѣла. Этимъ занимается отрасль анатоміи, называемая гистологіей. Обѣими науками исчерпывается вся форменная сторона животной машины—опредѣляется, такъ сказать, ея устройство въ покойномъ состояніи,—и отсюда уже начинаются собственно задачи физіологическія, изученіе живот-

ной машины въ дѣятельномъ состояніи. Здѣсь на подмогу физіологіи являются по очередно, или всѣ разомъ, то механика, то физика, то химія, смотря по тому, имѣетъ ли данное явленіе чисто механическій, физическій, химическій или смѣшанный характеръ. Механическія движенія, явленія упругости, теченіе жидкостей и пр. изучаются на основаніи законовъ механики; свѣтовыя, тепловыя и электрическія явленія въ животномъ тѣлѣ относятся въ область физики; наконецъ вѣдѣнію химическихъ законовъ подчиняется вся сумма химическихъ превращеній внѣшняго вещества. Приложеніемъ механическихъ, физическихъ и химическихъ знаній къ явленіямъ животнаго тѣла исчерпывается, мм. гг., вся научная сторона современной физіологіи, и потому ее справедливо называютъ, и по содержанію, и по способамъ изслѣдованія, отраслью физики и химіи. Собственно своего физіологія прибавляетъ къ этому лишь способы изолированія въ тѣлѣ, при живомъ его состояніи, тѣхъ или другихъ частей, съ цѣлью изученія ихъ отправленій. Съ этой печальной, но къ сожалѣнію, неизбѣжной стороной нашей науки, я буду знакомить васъ однако лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ безъ привычки трудно выносить подобныя кровавыя зрѣлища.

Послѣ этого вступленія я приступаю къ описанію перечисленныхъ выше процессовъ въ частности и начну, какъ уже сказано, съ движенія крови.

Чтобы внести порядокъ въ описаніе этого процесса, я сравню кровеносный аппаратъ съ какимъ-нибудь городскимъ, хоть напр. петербургскимъ, водопроводомъ; тѣмъ болѣе, что по своему существенному значенію между ними большое сходство, такъ какъ тотъ и другой аппаратъ имѣютъ назначеніе снабжать организмы питательными жидкостями. Посмотримъ же, какъ устроенъ петербургскій водопроводъ. Въ основѣ его устройства лежитъ чрезвычайно простая мысль. Вообразите себѣ, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ города, выше уровня петербургскихъ крышъ, помѣщенъ большой резервуаръ воды. Если изъ этого пріемника провести къ землѣ трубку и загнуть ее снова кверху, то по закону сообщающихся сосудовъ вода пойдетъ по трубкѣ кверху до тѣхъ поръ, пока не станетъ на одномъ уровнѣ съ водой въ резервуарѣ; другими словами, вода достигнетъ самыхъ верхнихъ этажей домовъ. Это-то мысль и осуществлена въ здѣшнемъ водопроводѣ. Въ извѣстной всѣмъ водокачальной башнѣ, на верху ея, помѣщается огромный бакъ, служащій общимъ резервуаромъ для всей воды, расходящейся по Петербургу. Съ одной стороны бакъ этотъ, при посредствѣ паровой машины, безпрерывно пополняется водой,

накачиваемой снизу изъ Невы, съ другой изъ него идетъ цѣлая система вѣтвящихся водопроводныхъ трубъ, разносящихъ воду по домамъ. Въ домахъ концы трубокъ открыты и снабжены кранами; ими водопроводъ и кончается. Въ городахъ существуетъ однако еще другая система трубъ, служащая какъ бы продолженіемъ водопроводовъ. Когда хозяйственныя потребности, для которыхъ проведена вода, удовлетворены, весь излишекъ ея и всѣ нечистоты сливаются въ водосточныя трубы. Эти послѣднія тоже представляютъ вѣтвящуюся систему и часто выливаютъ свое содержимое неподалеку отъ того источника, изъ котораго черпается для города свѣжая вода. Въ этомъ случаѣ обѣ системы трубъ образуютъ почти замкнутое кольцо, по одной половинѣ котораго непрерывно течетъ свѣжая, нужная для хозяйства, вода, а по другой — таже вода, но уже испорченная продуктами домашняго хозяйства.

Кровеносная система человѣка и высшихъ животныхъ устроена именно по этому типу. Она образуетъ замкнутое кольцо, состоящее изъ нѣсколькихъ системъ вѣтвящихся трубокъ, назначенныхъ съ одной стороны для разнесенія по тѣлу свѣжей неиспорченной крови, съ другой для проведенія такой, которая обременена продуктами внутренняго хозяйства тѣла. Въ кровеносной системѣ есть и центральная часть, соотвѣтствующая нашей водокачальной башнѣ; въ ней есть, наконецъ, и такіе механизмы, которые подобно кранамъ служатъ для выведенія питательной жидкости изъ полости кровеносныхъ трубокъ наружу. Единственная существенная разница въ устройствѣ водопроводовъ и кровеносной системы заключается лишь въ томъ, что послѣдняя образуетъ дѣйствительно замкнутое кольцо, т.-е. что въ ней испорченная жидкость вливается въ тотъ самый резервуаръ, изъ котораго черпается свѣжая кровь. Невыгода такого устройства сразу бросается въ глаза, но она устраняется тѣмъ, что у высшихъ животныхъ испорченная кровь, прежде чѣмъ достигнуть резервуара свѣжей жидкости, проходитъ черезъ цѣлую систему фильтровъ (цѣдилокъ).

Изъ этого общаго очерка устройства кровеносной системы легко уже понять, что задачи наши въ дѣлѣ описанія процесса движенія крови по тѣлу должны заключаться въ описаніи: 1) путей, по которымъ двигается какъ свѣжая, такъ и испорченная кровь; 2) устройства и дѣйствія тѣхъ снарядовъ, которые приводятъ въ движеніе тотъ и другой родъ крови; наконецъ 3) въ описаніи снарядовъ, соотвѣтствующихъ кранамъ.

Итакъ, о путяхъ, по которымъ движется кровь.

Пути эти изучаются, мм. гг., на трупахъ при посредствѣ

наполненія ихъ изъ сердца какими-нибудь ярко окрашенными и способными застывать растворами (всего лучше растворами клея). Такія жидкости, вытѣсняя кровь и отвердѣвая, воспроизводятъ до мельчайшихъ подробностей всѣ каналы, по которымъ течетъ кровь. Впрыскиванія эти производятся изъ сердца потому, что оно съ его полостями представляетъ центральный пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ кровеносные пути. Поэтому же начинать наше описаніе всего удобнѣе съ сердца.

Этотъ органъ, лежащій въ полости груди и прикасающійся къ ея передней стѣнкѣ (слѣва, тамъ гдѣ слышится толчекъ сердца) частью своей передней поверхности, всего проще представить себѣ въ формѣ полаго каучуковаго шара (сердце имѣетъ однако конусообразную форму) съ полостью, раздѣленною вертикальною и горизонтальною перегородкою на 4 отдѣленія: два верхнія, называемыя *предсердіями (правое и лѣвое)* и два нижнія, называемыя *желудочками (правый и лѣвый)*. Вертикальная перегородка сердца сплошная, въ горизонтальной же есть 2 отверстія, называемыя *венными* и сообщающія каждое изъ предсердій съ желудочкомъ своей стороны. Емкости всѣхъ четырехъ полостей слѣдуетъ представлять себѣ равными (въ каждой изъ нихъ можетъ помѣститься до 180 грм. крови), тогда какъ стѣнки ихъ не одинаковой толщины: въ лѣвой половинѣ сердца онѣ вообще толще чѣмъ въ правой, притомъ стѣнки желудочковъ толще стѣнокъ предсердій [1]).

Изъ этихъ полостей выходитъ цѣлая система вѣтвящихся и упругихъ какъ каучукъ трубокъ, называемыхъ вообще *кровеносными сосудами*. Изъ желудочковъ выходятъ трубки (по одной изъ каждаго), называемыя *артеріями*; изъ лѣваго—*аорта*, изъ праваго—*легочная артерія;* онѣ характеризуются тѣмъ, что въ нихъ кровь течетъ въ направленіи отъ сердца, притомъ неравномѣрно, толчками, оттого онѣ бьются, пульсируютъ; изъ предсердій же выходятъ *вены*, — изъ праваго *верхняя и нижняя полая вены*, изъ лѣваго *легочныя вены;*—по нимъ кровь течетъ ровною струею въ направленіи къ сердцу. Изъ всѣхъ этихъ сосудовъ одна только аорта съ ея вѣтвями представляетъ истинный эквивалентъ водопроводныхъ трубокъ — одна она назначена разносить свѣжую, т.-е. питательную, кровь по всѣмъ тканямъ и органамъ нашего тѣла. Съ этой цѣлью аорта, выйдя изъ лѣваго желудочка въ формѣ одиночной трубки, начинаетъ вѣтвиться въ формѣ дерева; каждый отдѣльный органъ нашего

[1]) Значитъ, всего толще стѣнки въ лѣвомъ желудочкѣ, затѣмъ въ правомъ желудочкѣ, въ лѣвомъ и въ правомъ предсердіи.

тѣла, смотря по величинѣ, получаетъ отъ нея болѣе или менѣе толстую вѣтвь, которая вѣтвится въ свою очередь, чтобы дать возможность крови разлиться по всей толщѣ даннаго органа или данной ткани. Если органъ, снабжаемый кровью аорты, лежитъ недалеко отъ сердца, то вѣтвь, отходящая къ нему отъ главнаго ствола, бываетъ коротка и быстро разсыпается (обыкновенно уже послѣ вхожденія вѣтви въ толщу органа) на мелкія вѣтви; въ противномъ случаѣ приводящія трубки имѣютъ значительную длину. Но какъ здѣсь, такъ и тамъ конецъ бываетъ одинаковъ: вѣтвясь и разсыпаясь по толщѣ органовъ, артеріальныя трубочки измельчаются до такой степени, что перестаютъ быть видимы простымъ невооруженнымъ глазомъ и переходятъ наконецъ въ сѣти до чрезвычайности мелкихъ сосудовъ (несравненно болѣе тонкихъ, чѣмъ паутина), распознаваемыхъ только при сильныхъ увеличеніяхъ подъ микроскопомъ. Это такъ-называемыя сѣти *волосныхъ сосудовъ* — мѣста, гдѣ кровь приходитъ въ наиболѣе тѣсное соприкосновеніе съ элементами тканей и органовъ. Какой густоты могутъ достигать эти сѣти, всего лучше можно видѣть на кожѣ: уколите ее въ какомъ бы то ни было мѣстѣ булавкой, изъ ранки непремѣнно потечетъ кровь; это значитъ, промежутки между волосными трубочками кожи такъ малы, что булавка не помѣщается въ нихъ и непремѣнно ранитъ какой-нибудь изъ сосудцевъ. Волосныя сѣти не представляютъ однако слѣпого конца развѣтвившихся артерій; въ каждомъ органѣ волосная сѣть имѣетъ истоки, собирающіеся въ новую систему трубокъ, называемыхъ венами; мельчайшія вѣтви послѣднихъ, сливаясь въ болѣе и болѣе крупные стволы, переходятъ наконецъ въ упомянутыя выше полыя вены, вливающіяся въ правое предсердіе. Стало быть и венная система представляетъ по формѣ развѣтвленное дерево, только не объ одномъ главномъ стволѣ, какъ артеріальная, а объ двухъ: верхняя полая вена собираетъ кровь, принесенную артеріями въ верхнюю половину тѣла (голова, шея, руки и грудь), а нижняя несетъ сердцу кровь отъ нижней половины туловища и отъ ногъ. Систему аорты мы признали эквивалентною водопроводнымъ трубкамъ,—вены нужно признать соотвѣтствующими водосточной системѣ, а лежащую между ними волосную сѣть мѣстами, гдѣ кровь употребляется на внутреннее хозяйство тѣла, хотя въ стѣнкахъ волосныхъ трубочекъ и нѣтъ никакихъ отверстій, которыя соотвѣтствовали бы концамъ водопроводовъ.

По описанному пути, называемому *большимъ кругомъ кровеобращенія*, кровь течетъ во все время жизни въ направленіи отъ лѣваго желудочка къ правому предсердію (въ прилагаемомъ схе-

матическомъ изображеніи (рис. 1) этотъ путь обозначенъ буквами ABC). Здѣсь она однако не застаивается и поступаетъ, черезъ правое венное отверстіе, въ правый желудочекъ, откуда идетъ въ систему легочной артеріи. Эта послѣдняя вѣтвится совершенно также какъ аорта, но только исключительно въ ткани легкаго, гдѣ и переходитъ сначала въ сѣть волосныхъ сосудовъ, а затѣмъ въ такъ-называемыя легочныя вены, вливающіяся въ лѣвое предсердіе. Путь крови отъ праваго желудочка къ лѣвому предсердію (на схемѣ =DE) называется *малымъ кругомъ кровеобращенія*. Такъ какъ кровь изъ лѣваго предсердія поступаетъ въ лѣвый желудочекъ, а отсюда въ аорту, то понятно, что въ сердцѣ соединяются большой и малый кругъ кровеобращенія въ замкнутое кольцо, по которому кровь течетъ во все время жизни такимъ образомъ: изъ лѣваго желудочка по системѣ аорты черезъ волосные сосуды всего тѣла въ полыя вены, отсюда въ правое предсердіе и правый желудочекъ; изъ послѣдняго по легочной артеріи черезъ легкія въ легочныя вены; изъ нихъ въ лѣвое предсердіе и лѣвый желудочекъ. Это полный оборотъ крови по тѣлу. Въ теченіи этого оборота кровь подвергается слѣдующимъ измѣненіямъ: по системѣ аорты она идетъ свѣжая, годная для питанія, въ волосныхъ сосудахъ портится, превращается въ темную, венную кровь и въ этой формѣ поступаетъ черезъ правое предсердіе въ правый желудочекъ; послѣдній проталкиваетъ ее въ легкія, гдѣ кровь очищается и откуда въ обновленной формѣ поступаетъ черезъ легочныя вены и лѣвое предсердіе въ лѣвый желудочекъ.

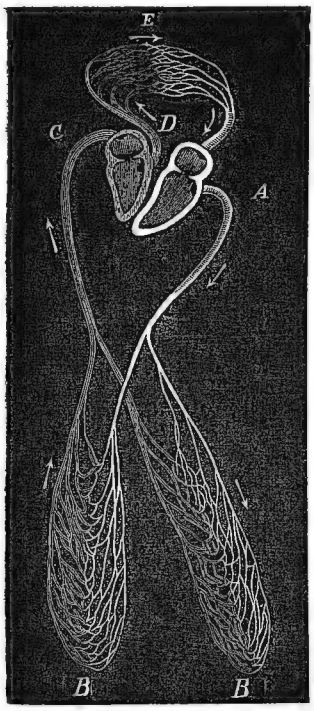

Рис. 1.

II.

Устройство и дѣятельность сердца, какъ снаряда, приводящаго кровь въ движеніе.

Прошлый разъ я вамъ описалъ путь, по которому двигается кровь; сегодня рѣчь будетъ о механизмахъ, которые приводятъ ее въ движеніе. Между ними, по важности, первое мѣсто занимаетъ сердце.

Передъ вашими глазами здѣсь на столѣ лежитъ снарядъ, извѣстный подъ именемъ *Веберовской схемы кровеобращенія* (рис. 2).

Онъ состоитъ изъ полаго каучуковаго шара (C) съ двумя выводными каучуковыми трубками (*A* и *B*), надвинутыми на стеклянный цилиндръ (D), туго набитый губками. Внутри шара, изображающаго собою сердце, около мѣстъ выхожденія изъ него трубокъ, сдѣланы клапаны, открывающіеся въ сторону трубки *A*. Послѣдняя изображаетъ артерію, цилиндръ съ губками—волосные сосуды, а трубка *B*—вены. Вся эта система безъ остатка наполнена водой. Я беру въ руку каучуковый шаръ и произвожу на него періодическое давленіе. Что́ должно произойти? При каждомъ сдавливаніи шара прежде всего долженъ запираться клапанъ около трубки *B*, затѣмъ жидкость изъ шара должна поступать въ *A* и двигаться по ней, растягивая эту трубку; при каждомъ распусканіи сжатаго шара долженъ наоборотъ захлопываться клапанъ *A*, такъ какъ растянутая передъ этимъ трубка *A* тотчасъ же начинаетъ спадаться; это паденіе дѣйствуетъ, какъ новая двигающая сила, и она, очевидно, проталкиваетъ жидкость отъ *A* черезъ

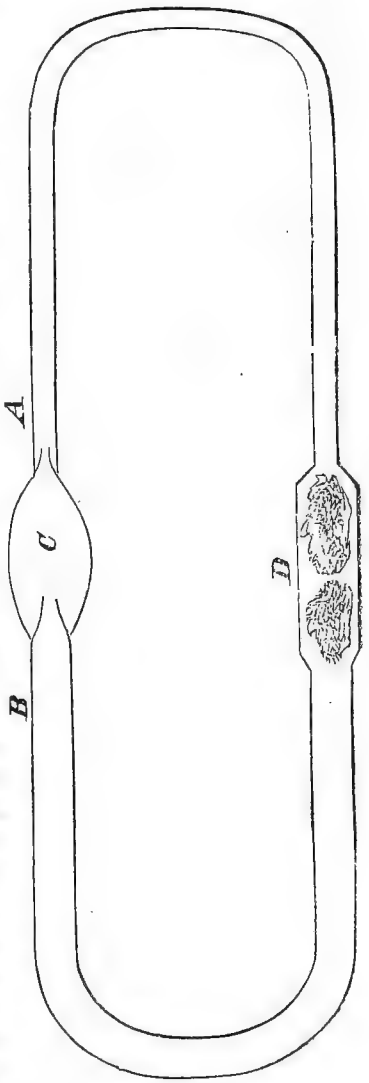

Рис. 2.

D къ *B*. Новое сжатіе и распусканіе шара дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, стало быть, если періодическія давленія повторяются часто другъ за другомъ, то должно установиться, наконецъ, постоянное теченіе жидкости по всему кольцу въ направленіи отъ *A* къ *B*.

Отъ этой схемы уже не трудно перейти къ дѣятельности сердца. И въ немъ, какъ въ нашемъ каучуковомъ шарѣ, есть клапаны, позволяющіе течь крови лишь въ извѣстномъ направленіи; давленіе же на кровь, заключенную въ его полостяхъ, производится со стороны стѣнокъ предсердій и желудочковъ, во время извѣстныхъ каждому біеній сердца. Сначала я скажу о клапанахъ и покажу ихъ дѣйствіе на опытѣ. Клапановъ въ сердцѣ 4: первая пара окружаетъ отверстія, сообщающія предсердія съ желудочками, и имѣетъ форму цвѣточныхъ лепестковъ, сидящихъ вокругъ сказанныхъ отверстій и обращенныхъ свободными концами въ полость желудочковъ. Эти клапаны позволяютъ крови течь изъ предсердій въ желудочки, но не наоборотъ. Другая пара клапановъ сидитъ при самомъ выходѣ изъ желудочковъ артерій и устроена на подобіе каретныхъ кармановъ, они позволяютъ течь крови изъ желудочковъ въ артеріи, но при обратномъ теченіи тотчасъ же захлопываются. Въ такомъ дѣйствіи той и другой пары клапановъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ двухъ опытовъ (рис. 3).

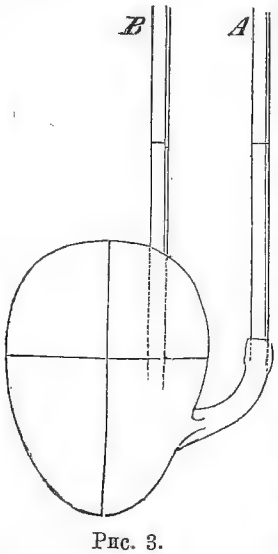

Рис. 3.

Вотъ сердце, въ которое ввязаны двѣ длинныя стеклянныя трубки *A* и *B*. Первая изъ нихъ (A) сидитъ въ аортѣ, но не доведена своимъ концомъ до артеріальныхъ клапановъ; трубка *B* введена въ полость лѣваго желудочка черезъ одну изъ легочныхъ венъ и черезъ лѣвое венное отверстіе. Беру окрашенную воду и наливаю въ трубку *B*; вы видите, вода свободно проникаетъ въ трубку *A* и становится въ ней, на основаніи закона сообщающихся сосудовъ, на одномъ уровнѣ съ водою въ *B*. Теперь я начну дуть въ *B* и вы увидите, что уровень воды въ ней понизится, а въ *A*, наоборотъ, повысится, и это будетъ доказательствомъ того, что клапаны въ началѣ аорты допускаютъ вытеченіе жидкости изъ лѣваго желудочка. Теперь посмотрите, что̀ будетъ, если я перестану дуть въ трубку *B*; еслибы въ началѣ аорты не было клапановъ, то вода изъ *A*

потекла бы обратно въ B и встала бы въ обѣихъ трубкахъ опять на одномъ уровнѣ. Этого однако нѣтъ—вода стоитъ въ A на той самой высотѣ, на которую она была поднята предшествовавшимъ давленіемъ изъ B, и это указываетъ на существованіе препятствія къ возврату жидкости изъ аорты въ желудочекъ. Чтобы убѣдиться, насколько значительно это препятствіе, стóитъ подуть въ трубку A (одинъ изъ слушателей дуетъ въ A изъ всѣхъ силъ, но уровень воды въ A не понижается).

Въ другомъ сердцѣ, которое вы видите (рис. 4), трубки вставлены такимъ образомъ, чтобы показать игру клапановъ праваго веннаго отверстія; одна изъ нихъ (A) введена въ правое предсердіе черезъ верхнюю полую вену, а другая (B) въ правый желудочекъ; эта послѣдняя своимъ краемъ заведена за клапаны при началѣ легочной артеріи, слѣдовательно они дѣйствовать не могутъ. Въ этомъ сердцѣ давленіе изъ трубки A повышаетъ уровень воды въ B; по прекращеніи же давленія вода изъ B не поступаетъ обратно въ A, даже если сильно дуть въ B.

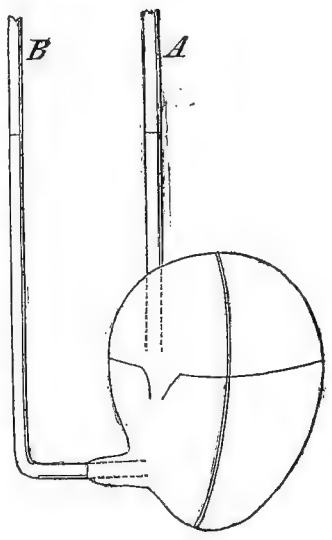

Рис. 4.

Изъ этихъ опытовъ уже легко понять, что по сердцу кровь можетъ течь только изъ предсердій въ желудочки, а изъ послѣднихъ въ артеріи, но никакъ не наоборотъ.

Но какая же сила производитъ это теченіе?

Уже въ теченіи 1-й лекціи мнѣ довелось указать вамъ, мм. гг., на мышечную ткань (мясо), какъ на двигателей въ тѣлѣ. По своему строенію она представляетъ сочетаніе чрезвычайно тонкихъ волоконъ, лежащихъ другъ подлѣ друга и способныхъ укорачиваться въ длину при извѣстныхъ условіяхъ, называемыхъ раздраженіемъ (при нормальныхъ условіяхъ мышечныя волокна укорачиваются исключительно подъ вліяніемъ импульсовъ, приносимыхъ имъ нервными волокнами). Благодаря этому свойству своихъ основныхъ элементовъ, мышцы, какъ сочетанія сократительныхъ волоконъ въ отдѣльные пучки, тоже способны укорачиваться, и конечно сила, развиваемая различными мышцами, будетъ тѣмъ больше, чѣмъ бóльшее число волоконъ входитъ въ ея составъ и наоборотъ. Съ другой стороны, въ мышцахъ волокна располагаются, бóльшею частію, болѣе или менѣе параллельно другъ другу, и такъ какъ всѣ они сокращаются въ длину,

то направленіе мышечной тяги совпадаетъ обыкновенно съ направленіемъ составляющихъ мышицу волонъ. Для примѣра я покажу вамъ сокращеніе мышцы, взятой изъ ноги лягушки.

(На экранъ бросается тѣнь вертикально повѣшенной и отягощенной снизу икряной мышцы лягушки. При каждомъ раздраженіи нерва мышца укорачивается и поднимаетъ подвѣшенную тяжесть прямо кверху).

Въ этой мышцѣ, мм. гг., при ея теперешнемъ положеніи, волокна идутъ отвѣсно, и вы видите, что укороченіе происходитъ въ томъ же направленіи. Теперь вообразите себѣ, что изъ сократительныхъ мышечныхъ волоконъ образовано кольцо и что волокна начинаютъ сокращаться, т.-е. укорачиваться. Явно, что при этомъ просвѣтъ кольца долженъ уменьшаться, и понятно, что при извѣстной длинѣ кольцевыхъ волоконъ дѣло можетъ дойти до того, что сокращеніе ихъ совершенно уничтожитъ просвѣтъ кольца. Стѣнки сердечныхъ полостей и выстроены изъ такихъ именно колецъ, наложенныхъ другъ на друга, какъ нитки въ клубкѣ, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Волокна, окружающія полости предсердій, образуютъ общую систему (т.-е. волокна переходятъ изъ одного предсердія въ другое), совершенно независимую отъ группы волоконъ, окружающихъ желудочки, и расположены преимущественно въ направленіи плоскостей, перпендикулярныхъ къ продольной оси сердца; волокна желудочковъ тоже образуютъ общую систему, но здѣсь направленіе отдѣльныхъ колецъ болѣе разнообразно; важно замѣтить только то, что главнѣйшими исходными точками этимъ кольцамъ служитъ окружность венныхъ отверстій, сообщающихъ предсердія съ желудочками.

Сокращеніе только-что описанныхъ мышечныхъ волоконъ, образующихъ стѣнки сердца, и составляетъ, съ одной стороны, причину біенія его, съ другой главнѣйшую причину движенія крови.

Чтобы описать, въ какомъ порядкѣ происходитъ сокращеніе различныхъ отдѣловъ сердца, нужно вообразить его на минуту въ совершенномъ покоѣ.

(При этомъ на экранъ была брошена тѣнь отъ вырѣзаннаго и отвѣсно повѣшеннаго сердца лягушки).

Сокращеніе начинается одновременно въ обоихъ предсердіяхъ съ мѣстъ впаденія въ нихъ венъ и *постепенно* спускается книзу въ направленіи къ желудочкамъ. Послѣдніе всё это время остаются въ покоѣ, но начинаютъ тотчасъ же сокращаться, какъ только прекратилось сокращеніе предсердій. Всё время, пока сокращаются желудочки,—они сокращаются во всей массѣ ра-

зомъ,—предсердія стоятъ покойно. Кончилось сокращеніе желудочковъ—предсердія остаются еще на одно мгновеніе покойны; это такъ-называемая пауза сердца, когда всѣ отдѣлы его въ растянутомъ состояніи. За этимъ снова повторяется тотъ же рядъ движеній, начиная съ сокращенія предсердій. Въ этомъ порядкѣ сокращенія сердца продолжаются безъ перерыва всю жизнь, повторяясь безъ измѣненія среднимъ числомъ по 70—80 разъ въ минуту (у взрослаго человѣка).

Теперь посмотримъ, какъ двигается при этихъ сокращеніяхъ по сердцу кровь. Начнемъ съ паузы. Въ это время предсердія уже вполнѣ наполнены кровью, а желудочки только что начали переходить изъ сокращеннаго состоянія въ разслабленное. При сокращеніи предсердій полость ихъ уменьшается, и кровь изъ нихъ по необходимости должна вытекать. Путей для нея два, или вернуться назадъ въ вены, или войти въ желудочки. Первый путь затрудненъ тѣмъ, что сокращеніе начинается именно съ венныхъ устьевъ, которыя слѣдовательно съужены, притомъ въ венахъ существуютъ клапаны, не позволяющіе крови течь по нимъ въ направленіи отъ сердца; со стороны же желудочковъ препятствія чрезвычайно ничтожны, такъ какъ переставшая сокращаться мышца вообще, при самомъ слабомъ отягощеніи, переходитъ въ растянутое состояніе, соотвѣтствующее ея покою. Поэтому изъ предсердій кровь идетъ въ желудочки и наполняетъ ихъ все время, пока длится сокращеніе предсердій. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ оба желудочка вполнѣ наполнены кровью, предсердія перестали сокращаться, и начинается сокращеніе желудочковъ. Полости ихъ сдавливаются, и кровь должна изъ нихъ вытекать. Отсюда ей опять два пути—или вернуться назадъ въ предсердія, или вытечь въ артеріи. Первый путь абсолютно невозможенъ, потому что при малѣйшемъ напорѣ крови изъ полости желудочковъ клапаны венныхъ отверстій тотчасъ же захлопываются. Въ артеріи путь, наоборотъ, совершенно свободенъ и кровь желудочковъ вталкивается въ эти упругія трубки, по необходимости расширяя ихъ. Кончилось сокращеніе желудочковъ — начинается спаденіе растянутыхъ передъ тѣмъ артерій. Спаденіе это должно выдавливать изъ нихъ кровь, какъ впередъ, такъ и назадъ въ направленіи къ сердцу. Но при этомъ послѣднемъ движеніи кровь встрѣчаетъ на своемъ пути артеріальные клапаны, они отдуваются отъ стѣнокъ артерій и запираютъ возвратъ крови въ желудочки. Въ этомъ направленіи двигательная дѣятельность сердца длится всю жизнь.

Есть возможность убѣдиться и на живыхъ животныхъ и на человѣкѣ въ томъ, что клапаны сердца принимаютъ самое важ-

ное участіе въ кровеобращеніи. Если приложить ухо къ груди здороваго человѣка, то слышатся постоянно два звука, повторяющіеся другъ за другомъ правильнымъ образомъ. Одинъ изъ нихъ болѣе протяженъ и менѣе звонокъ, другой короче и яснѣе. Первый звукъ совпадаетъ по времени съ моментомъ расширенія артерій (это узнается такимъ образомъ: ухо нужно приложить къ груди въ мѣстѣ біенія сердца и въ тоже время щупать на рукѣ пульсъ), или, что тоже, съ моментомъ сокращенія желудочковъ, а 2-й — съ моментомъ спаденія артерій. Первый звукъ происходитъ отъ захлопыванія клапановъ венныхъ отверстій, а 2-й производится артеріальными клапанами. Доказывается же это тѣмъ, что въ болѣзненныхъ случаяхъ, когда разстроены тѣ или другіе клапаны сердца, ухо наблюдателя тотчасъ же слышитъ измѣненіе въ характерѣ соотвѣтствующаго звука; и при этомъ обыкновенно нарушается правильность кровеобращенія, такъ какъ кровь получаетъ возможность или течь изъ артерій въ желудочки—при недостаткахъ артеріальныхъ клапановъ, или возвращаться изъ желудочковъ въ предсердія—когда разстроены венныя заслонки.

Изъ этого описанія вы видите, мм. гг., что желудочки сердца, по ихъ дѣйствію, можно сравнить съ давящими насосами, періодически вдавливающими кровь въ артеріи и періодически же наполняющимися ею изъ предсердій. Этимъ сразу объясняется, какъ сравнительно бо́льшая толщина стѣнокъ желудочковъ, такъ и то, что въ лѣвомъ онѣ толще, чѣмъ въ правомъ. Что̀ обозначаетъ въ самомъ дѣлѣ въ нашемъ случаѣ бо́льшая или мéньшая толщина стѣнки?—Бо̀льшее или мéньшее число мышечныхъ волоконъ, образующихъ стѣнки. Но вѣдь каждое такое волокно при своемъ сокращеніи представляетъ силу, слѣдовательно болѣе толстая мышечная стѣнка есть вообще болѣе сильная давящая машина, чѣмъ тонкая. Препятствія къ передвиженію крови изъ предсердій въ желудочки слабы, оттого и стѣнки предсердій тонки; желудочки должны, наоборотъ, продавить кровь сквозь вѣтвистую систему каналовъ, кончающуюся волосными трубками, — для этого нужна значительная сила и конечно тѣмъ бо́льшая, чѣмъ больше самая система каналовъ. Вы помните, мм. гг., что аорта снабжаетъ кровью всѣ безъ исключенія органы нашего тѣла, тогда какъ легочная артерія развѣтвляется только въ легкихъ. Отсюда-то и вытекаетъ необходимость болѣе сильнаго насоса для аорты.

Достаточна ли однако сила желудочковъ для того, чтобы передвигать кровь не только черезъ артеріи и волосные сосуды, но и по венамъ; другими словами, не существуетъ ли въ тѣлѣ

другихъ двигателей крови кромѣ сердца? — Если разбирать вопросъ чисто теоретически, то казалось бы, что для этого достаточно однихъ желудочковъ, подобно тому, какъ въ Веберовской схемѣ достаточно шара объ одной полости, чтобы производить движеніе, тѣмъ болѣе, если къ желудочку придать еще предсердіе. Въ самомъ дѣлѣ, и большой и малый круги кровеобращенія представляютъ кольца, на окружности которыхъ помѣщены попеременно сокращающіяся полости; въ то время, когда желудочекъ сжимается, полость предсердія остается такъ-сказать пустой и можетъ воспринять тотъ избытокъ крови, который былъ вдавленъ въ артеріи силою желудочка; этотъ порядокъ никогда не измѣняется въ теченіи жизни, и слѣдовательно существуютъ условія для постояннаго теченія крови по всей длинѣ того и другого кольца. Такъ говоритъ теорія, и для малаго круга кровеобращенія она совершенно справедлива—здѣсь, я полагаю, можно безошибочно принять сердце за единственнаго двигателя крови; но по отношенію къ большому кругу кровеобращенія дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Нужно вамъ замѣтить, мм. гг., что въ устройствѣ венной системы аорты есть два очень невыгодныхъ условія для лѣваго желудочка, какъ насоса, предназначеннаго прогонять кровь, между прочимъ, и по венамъ. Разсуждать о томъ, насколько были неизбѣжны эти условія при образованіи животнаго тѣла и насколько они выгодны ему въ другихъ отношеніяхъ, я не берусь; достаточно, что они есть, и моя обязанность заключается лишь въ томъ, чтобы, показавъ ихъ существованіе, показать вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ остроумныя средства, которыя употребила природа для ихъ устраненія. Дѣло вотъ въ чемъ: во-первыхъ, венная система расположена далеко не такъ правильно, какъ артеріальная — путь ея прерывается множествомъ сѣтей, тогда какъ артеріи вѣтвятся въ огромномъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ какъ дерево; при теченіи крови по звеньямъ венной сѣти, кровяные токи безпрерывно сталкиваются другъ съ другомъ, а при всѣхъ подобныхъ встрѣчахъ необходимо теряется часть движущей силы; во-вторыхъ — и это самый главный порокъ венной системы — стѣнки венъ до чрезвычайности растяжимы (несравненно растяжимѣе общеупотребительныхъ маленькихъ каучуковыхъ трубокъ). Съ послѣдней стороны венную систему можно, безъ всякаго преувеличенія, уподобить крайне растяжимому мѣшку, въ который безпрерывно вливается изъ артерій черезъ волосные сосуды жидкость. Вообразите себѣ на минуту, что этотъ мѣшокъ до края наполненъ водой и что въ него приливаются все новыя и новыя порціи воды. Еслибы стѣнки мѣшка были не растяжимы, каждая новая

капля заставляла бы часть жидкости переливаться за край, т.-е. выходить изъ мѣшка, но если этого нѣтъ, мѣшокъ будетъ болѣе и болѣе растягиваться и вода въ немъ будетъ застаиваться. Совершенно тоже повторялось бы и на венахъ, еслибы природа не пустила въ ходъ условій, мѣшающихъ застаиванію въ нихъ крови. Съ одной стороны она помѣстила венные мѣшки такимъ образомъ, что стѣнки ихъ или по временамъ, или даже постоянно, держатся сдавленными (въ этихъ условіяхъ находятся венныя сѣти подъ кожей, венные стволы между мышцами и въ полости живота); съ другой, устроила при концѣ венной системы, около сердца, такой снарядъ, который дѣйствуетъ на кровь венъ присасывающимъ образомъ и тѣмъ помогаетъ движенію крови по венной системѣ аорты. Объ этомъ-то снарядѣ, извѣстномъ въ наукѣ подъ именемъ *присасывательнаго дѣйствія грудной клѣтки*, я и поведу теперь рѣчь, заранѣе предупреждая васъ, мм. гг., что дѣло съ перваго раза представляется нѣсколько запутаннымъ, и потому требуетъ сосредоточеннаго вниманія.

Прежде всего мнѣ нужно говорить объ устройствѣ полости руди, въ которой лежитъ лёгкое и сердце съ выходящими изъ него артеріями и вливающимися въ него венами. Ради нашихъ цѣлей эту полость всего удобнѣе сравнить вотъ съ этой стеклянной банкой (рус. 5); внутри ея вы видите полый каучуковый шаръ, который навязанъ на стеклянную трубку (*A*), проходящую черезъ крышку банки. Черезъ ту же крышку въ полость банки проведена другая трубка (*B*), назначеніе которой вы тотчасъ увидите. Въ настоящую минуту воздухъ въ полости шара и внѣ его въ полости банки имѣетъ одинаковое напряженіе [1]), такъ какъ обѣ полости сообщаются съ атмосферой; эти двѣ силы дѣйствуютъ на стѣнки шара въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ, поэтому послѣднія остаются неподвижными, или, какъ говорится, находятся въ равно-

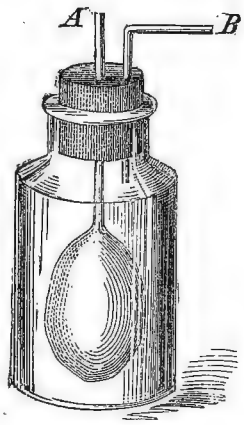

Рис. 5.

[1]) Нужно припомнить, что воздухъ, какъ всякій газъ вообще, есть упругое тѣло, способное сжиматься и расширяться. Степенью его сжатія, вызваннаго дѣйствіемъ какой-бы то ни было сдавливающей силы, и опредѣляется напряженіе газа. Величина послѣдняго очевидно можетъ всего удобнѣе измѣряться величиною произведшей его сдавливающей силы. Напряженіе нижнихъ слоевъ свободнаго атмосфернаго воздуха есть результатъ сдавливанія этихъ слоевъ всѣми вышележащими воздушными слоями, оттого на высокихъ горахъ воздухъ менѣе сгущенъ и имѣетъ меньшее напряженіе, чѣмъ въ глубокихъ долинахъ.

вѣсіи. Теперь я беру конецъ трубки B въ ротъ (или, еще лучше, сообщу его съ воздушнымъ насосомъ) и начну высасывать изъ банки воздухъ. Вы видите, при этомъ каучуковый шаръ все больше и больше расширяется. Перестаю высасывать воздухъ и запираю трубку B — шаръ остается неподвижнымъ, но уже въ растянутомъ состояніи. Новое высасываніе воздуха произведетъ дальнѣйшее расширеніе шара, а замыканіе трубки B остановитъ его въ томъ состояніи, до котораго онъ былъ доведенъ высасываніемъ. Послѣ этого уже легко понять, что если бы стѣнки нашего шара были болѣе растяжимы, или емкость банки была бы поменьше, шаръ могъ бы выполнить наконецъ всю полость банки безъ остатка, и остался бы въ этомъ состояніи на неопредѣленное время, если бы трубка B была тотчасъ послѣ высасыванія закрыта. Стóитъ однако открыть ее — воздухъ съ силою устремляется въ полость банки и шаръ спадается до своего первоначальнаго объема. Весь этотъ рядъ явленій объясняется чрезвычайно просто. Высасываніемъ воздуха изъ банки уменьшается его напряженіе въ этой полости, слѣдовательно нарушается равенство силъ, дѣйствовавшихъ на стѣнки изнутри и снаружи. Давленіе воздуха, дѣйствующее изнутри, беретъ перевѣсъ и начинаетъ растягивать шаръ. Чѣмъ больше высасывается воздухъ изъ банки, тѣмъ больше становится перевѣсъ силы, дѣйствующей на стѣнки шара изнутри, и тѣмъ больше онъ долженъ растягиваться. Но при этомъ шаръ остается не совершенно пассивнымъ — онъ противодѣйствуетъ расширяющей силѣ, въ немъ есть постоянное стремленіе къ спаденію, и оттого, когда въ какой ни на есть моментъ высасываніе прекращается и трубка B запирается, шаръ вмѣсто того, чтобы расширяться дальше, останавливается въ растянутомъ состояніи. Теперь сила атмосфернаго давленія, дѣйствующая изнутри, уравновѣшивается именно этою эластическою силою шара (его стремленіемъ къ спаденію) + остающеюся величиною напряженія воздуха въ банкѣ. И понятно, что по мѣрѣ высасыванія воздуха первое изъ этихъ слагаемыхъ должно возрастать, такъ какъ 2-е уменьшается, а сумма ихъ постоянно должна оставаться равною величинѣ атмосфернаго давленія дѣйствующаго изнутри. Если трубка B, запертая послѣ высасыванія, открывается, то по законамъ равновѣсія газовъ внѣшній воздухъ, какъ болѣе плотный, устремляется въ разрѣженную полость и наполняетъ ее до тѣхъ поръ, пока напряженіе его не сдѣлается равнымъ атмосферному. При этомъ условіи эластическая сила шара, очевидно, должна сдѣлаться нулемъ, другими словами — шаръ долженъ спасться до того объема, который онъ имѣлъ въ свободномъ воздухѣ.

Герметически закрытая банка съ выкачаннымъ изъ нея воздухомъ представляетъ, мм. гг., грудную полость, а шаръ съ выводной трубкой, растянутый до выполненія всей этой полости безъ остатка, соотвѣтствуетъ легкому. Доказать это на трупѣ очень легко — стóитъ только пробуравить въ какомъ бы то ни было мѣстѣ стѣнку грудной полости, въ отверстіе съ силою врывается воздухъ и лёгкое спадается; если же передъ вскрытіемъ грудной полости перевязать выводную трубку легкаго, т.-е. дыхательное горло, то при вскрытіи мы видимъ, что легкое выполняетъ собою всю грудную полость безъ остатка.

(Вслѣдъ за этимъ была демонстрирована на вырѣзанномъ кроличьемъ легкомъ его растяжимость, при надуваніи черезъ дыхательное горло, и отпрепарованная грудная клѣтка собаки. При этомъ было обращено вниманіе на куполообразное вдавленіе нижней стѣнки грудной клѣтки, т.-е. діафрагмы, и показано движеніе ея при вдуваніи воздуха въ дыхательное горло).

Теперь я обращаю ваше вниманіе, мм. гг., на другой снарядъ (рис. 6), устроенный однимъ изъ моихъ помощниковъ, г. Спиро,

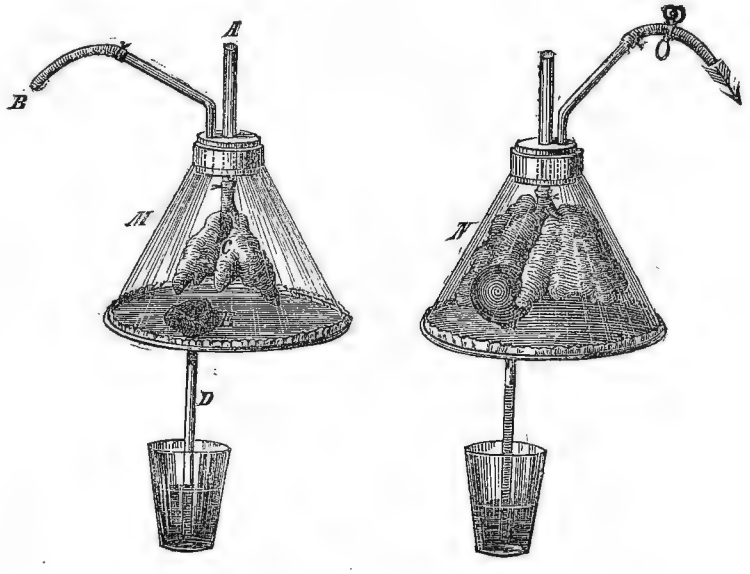

Рис. 6.

снарядъ, который еще больше походитъ на грудную клѣтку, чѣмъ предыдущая банка. Онъ состоитъ изъ стеклянной воронки, въ которой широкое основаніе закрыто каучуковой пластинкой,

изображающей діафрагму, а верхушка закупорена пробкой, пропускающей черезъ себя двѣ трубки *A* и *B*. На первую изъ нихъ навѣшено дыхательнымъ горломъ кроличье легкое *C*; вторая же изогнутая трубка *B* служитъ для сообщенія полости воронки съ атмосферой. Кромѣ того, вы видите,—черезъ діафрагму пропущена стеклянная трубочка *D*, кончающаяся въ полости воронки каучуковымъ мѣшечкомъ *E*; послѣдній изображаетъ сердце, а трубочка *D*—выходящую изъ него вену. Беру эту воронку въ руки, опускаю трубочку *E* въ стаканъ съ окрашенной жидкостью, а трубку *B* беру въ ротъ и высасываю изъ воронки воздухъ. Вы видите (половина N рисунка 6), что вслѣдъ за этимъ происходитъ: 1) расширеніе легкаго, 2) расширеніе мѣшечка, изображающаго сердце, 3) куполообразное вдавленіе внутрь воронки каучуковой пластинки, симулирующей діафрагму; наконецъ 4) подниманіе воды изъ стакана по трубочкѣ *D* кверху, т.-е. *присасывающее дѣйствіе сердца*. Объясненіе всему этому лежитъ опять-таки въ томъ, что послѣ высасыванія воздуха изъ воронки напряженіе его становится тамъ меньше. Расширеніе легкаго, послѣ того, что уже было сказано по поводу банки, не требуетъ объясненія; расширеніе сердца и вдавленіе діафрагмы тоже становится сразу понятнымъ, если принять во вниманіе, что передъ высасываніемъ воздуха напряженіе его по обѣ стороны діафрагмы и по обѣ стороны мѣшечка, изображающаго сердце, было равно атмосферному. Но отчего вслѣдъ за высасываніемъ поднимается вода по трубкѣ *D*? Полость мѣшка *E*, при посредствѣ воды, въ которую опущена трубка *D*, герметически закрыта и полость эта при высасываніи воздуха изъ воронки расширяется. Вслѣдствіе этого напряженіе воздуха въ мѣшечкѣ и въ трубкѣ *D* становится меньше атмосфернаго, тогда какъ на воду, въ которую погружена эта трубка, давитъ цѣлая атмосфера. Другими словами, давленіе на воду изъ полости мѣшка меньше, чѣмъ снаружи;—явно, что вода должна подниматься по трубкѣ до тѣхъ поръ, пока напряженіе воздуха въ мѣшкѣ, вслѣдствіе уменьшенія его полости, не усилится до того, что будетъ уравновѣшивать внѣшнее давленіе.

Перейти отъ этой схемы къ рѣшенію нашего вопроса о присасывательномъ дѣйствіи грудной клѣтки будетъ уже очень легко, я попрошу васъ только удержать въ памяти, что въ схемѣ присасываніе воды сердцемъ обусловливалось меньшимъ давленіемъ на жидкость изъ полости мѣшка въ сравненіи съ давленіемъ на нее воздуха извнѣ воронки.

Присасываніе сердцемъ венной крови производится совершенно такимъ же образомъ, но чтобы доказать это, нужно до-

казать сначала, что внутри грудной клѣтки давленіе на сердце и выходящіе изъ него сосуды меньше атмосфернаго. Въ схемѣ г. Спиро этого и доказывать было нечего, такъ какъ присасывательное дѣйствіе сердца вызывалось высасываніемъ, т.-е. разрѣженіемъ воздуха, окружающаго сердце. Въ истинной грудной клѣткѣ это не такъ. Здѣсь сердце съ выходящими изъ него сосудами безъ малѣйшаго промежутка окружено растянутыми легкими, которые придавливаютъ его къ передней грудной стѣнкѣ, слѣдовательно тутъ можетъ быть только рѣчь о давленіи на сердце легкаго, а никакъ не о давленіи на него воздуха. Посмотримъ же, какъ велико можетъ быть это давленіе. Выше уже было доказано, что въ грудной полости легкое растянуто за предѣлы своего естественнаго объема и что растягивающая сила есть давленіе атмосферы, дѣйствующее на легкое изнутри. Отсюда слѣдуетъ уже съ непобѣдимою ясностью, что со стороны легкаго на всякій предметъ, лежащій въ грудной полости внѣ его, давленіе въ самомъ счастливомъ случаѣ могло бы быть равно лишь атмосферному, и это значило бы, что сила, давящая на легкое изнутри, передавалась бы наружу его безъ всякой потери. Но выше мы видѣли, что легкое, какъ всякое эластическое тѣло, противодѣйствуетъ растяженію, оно постоянно стремится къ спаденію, и растягивающей силѣ приходится побѣждать это препятствіе, тратиться на произведеніе работы растяженія. Ясно, что величина растягивающей силы не можетъ при этомъ условіи передаваться за предѣлы легкаго безъ потери — *тамъ она должна быть меньше атмосфернаго давленія*, растягивающаго легкое изнутри, и именно настолько, насколько велика была сумма препятствій, которыя представляло легкое при его растяженіи. Стало быть *давленіе со стороны легкаго на сердце и выходящіе изъ него въ грудной полости сосуды* дѣйствительно *меньше атмосфернаго*. На вены же, лежащія внѣ грудной клѣтки, давитъ цѣлая атмосфера, и слѣдовательно являются условія для присасыванія крови снаружи въ грудную клѣтку. Вообразите себѣ въ самомъ дѣлѣ закрытую съ обоихъ концовъ каучуковую трубку, наполненную водой. Начните давить на ея концы руками, на одинъ слабѣе, на другой сильнѣе; — что̀ изъ этого будетъ? Очевидно, жидкость пойдетъ по трубкѣ отъ мѣста бо́льшаго давленія туда, гдѣ оно слабѣе; стало быть и съ венами будетъ тоже самое.

Присасываніе венной крови грудною клѣткой имѣетъ мѣсто, мм. гг., даже въ минуту смерти, когда дыхательныя движенія прекращаются, но во время жизни оно еще сильнѣе, вслѣдствіе существованія дыхательныхъ движеній. Послѣднія, какъ всякій,

конечно, знаетъ, заключаются въ томъ, что легкія то расширяются (вдыханіе), то спадаются (выдыханіе); когда кончается покойное выдыханіе, легкія находятся нѣсколько секундъ въ томъ положеніи, какое они имѣютъ на трупѣ, затѣмъ легкія снова расширяются и т. д. Выше мы видѣли, что уже на трупѣ давленіе со стороны легкаго на сердце должно быть меньше атмосфернаго; — тѣмъ болѣе во время акта вдыханія, когда вслѣдствіе бо́льшаго расширенія легкаго увеличивается его стремленіе къ спаденію, вычитающееся изъ величины атмосфернаго давленія. Поэтому на живомъ человѣкѣ присасывающее дѣйствіе грудной клѣтки, соотвѣтственно дыхательнымъ движеніямъ, то усиливается (во время вдыханія), то ослабѣваетъ (при противуположной дыхательной фазѣ). Есть два опыта, которые доказываютъ это очень наглядно. Попробуйте удлиннить насколько возможно вдыханіе, производя нѣсколько отдѣльныхъ вдыханій безъ перерыва — черезъ это усиливается оттокъ венной крови къ сердцу и лицо блѣднѣетъ. Если же вы, наоборотъ, натужитесь, т.-е. сдавите силою грудныхъ мышцъ грудную клѣтку и легкое при закрытомъ состояніи голосовой щели (выходное отверстіе дыхательнаго горла), то кожа на лицѣ, какъ извѣстно, краснѣетъ и вены раздуваются. Это происходитъ оттого, что тогда давленіе на сердце и выходящіе изъ него сосуды дѣлается болѣе атмосфернаго, присасывающее дѣйствіе грудной клѣтки уничтожается и кровь застаивается въ венахъ. Усиленіе присасывательнаго дѣйствія сердца подъ вліяніемъ вдыханія можетъ быть также показано на схемѣ г. Спиро. Для этого нужно, погрузивши трубку D въ стаканъ съ жидкостью, высосать нѣсколько воздуха изъ воронки и затѣмъ, ухвативши пробку, ввязанную въ средину діафрагмы, оттянуть ее книзу. При этомъ движеніи, соотвѣтствующемъ вдыханію, вмѣстѣ съ расширеніемъ легкаго и сердца замѣчается повышеніе водяного столба въ трубкѣ D, т.-е. усиленіе присасывающаго дѣйствія сердца.

Итакъ, мы знаемъ теперь, мм. гг., всѣхъ двигателей крови и можемъ уже охарактеризовать механическую дѣятельность сердца. Желудочки его суть нагнетательные насосы; околосердечныя части венъ и предсердія, въ силу ихъ положенія въ грудной клѣткѣ, суть присасывательные снаряды; наконецъ предсердія, какъ сократительныя полости, суть регуляторы въ дѣлѣ наполненія желудочковъ кровью.

III.

Процессъ выхожденія жидкой части крови изъ полости кровеносныхъ сосудовъ.— Регуляторы сердца и артерій. — Кровяные фильтры.

Въ прошлую лекцію была исчерпана параллель между сердцемъ и водокачальной машиной водопроводовъ. Сегодня, согласно принятому нами плану, я буду имѣть честь бесѣдовать съ вами о механическихъ условіяхъ выступленія питательной жидкости изъ полости кровеносныхъ сосудовъ въ полости тѣла, т.-е. буду говорить о снарядахъ эквивалентныхъ открытымъ концамъ водопроводныхъ трубокъ.

Необходимость выступленія крови, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей ея, изъ полости кровеносной системы была выяснена въ теченіи 1-й лекціи, гдѣ указано было на кровь, какъ на единственную питательную жидкость, могущую возстановлять потери вещества въ тѣлѣ, такъ какъ въ нее поступаетъ съ одной стороны внѣшнее питательное вещество, съ другой, только одна кровь приходитъ *повсемѣстно* въ *непосредственное соприкосновеніе* съ постоянно разрушающимися и постоянно возобновляющимися элементами тѣла. При этомъ же случаѣ было указано на повсемѣстность разрушенія и возстановленія вещества въ тѣлѣ, поэтому понятно, что и выступленіе питательныхъ частей крови изъ кровеносной системы должно быть повсемѣстное,—нужно, чтобы питательное вещество имѣло возможность омывать, такъ сказать, каждую точку нашего тѣла. Это послѣднее обстоятельство уже указываетъ на то, что мѣстами выступленія питательныхъ веществъ изъ полости кровеносной системы всего лучше могутъ быть волосные сосуды, такъ какъ только здѣсь развѣтвленіе приносящихъ кровь трубокъ достигаетъ maximum'а и кровяные токи пронизываютъ ткани тѣла во всю толщу, сближаясь часто другъ съ другомъ на микроскопическія разстоянія.

Но какъ же можетъ выступать жидкость изъ полости волосныхъ сосудовъ, если въ стѣнкахъ ихъ, какъ уже было сказано одинъ разъ, нѣтъ никакихъ отверстій, видимыхъ глазомъ? Отвѣтомъ на это всего лучше можетъ служить опытъ, который здѣсь приготовленъ. Вы видите стеклянную трубку болѣе чѣмъ въ сажень длиной. Сверху она кончается воронкой, а снизу на нее навязанъ кусокъ свѣжей телячьей кишки, свободный конецъ которой плотно завязанъ. Черезъ воронку была налита жидкость въ полость кишки и въ трубку вплоть до верху. Въ настоящее время въ стаканѣ, куда вложена кишка, какъ видите, нѣтъ жид-

кости, но мы оставимъ опытъ въ покоѣ въ теченіи всей лекціи и подъ конецъ ея вы найдете въ стаканѣ воду, просочившуюся черезъ стѣнки кишки. Въ послѣднихъ, какъ и въ стѣнкахъ волосныхъ сосудовъ, тоже нѣтъ отверстій видимыхъ глазомъ, притомъ онѣ въ нѣсколько тысячъ разъ толще стѣнокъ волосныхъ сосудовъ, а между тѣмъ жидкость просачивается даже черезъ нихъ. Если бы въ нашемъ распоряженіи было побольше времени, мы могли бы путемъ очень простыхъ опытовъ добраться и до наиболѣе раціональнаго, или по крайней мѣрѣ простого разъясненія этого явленія. За неимѣніемъ его я ограничусь словами. Вообразите себѣ полый и открытый съ обоихъ концовъ стеклянный цилиндръ, который вы снизу завязываете, то кускомъ какой-нибудь животной перепонки (животнымъ пузыремъ), то пропускной (непроклеенной) бумагой, то туго набиваете какимъ-нибудь болѣе или менѣе крупнымъ порошкомъ, и все это съ цѣлью процѣживать черезъ образованную такимъ образомъ стѣнку воду. При этомъ вы замѣтили бы конечно, что вода процѣживается всего легче черезъ крупный порошокъ и бумагу, всего же труднѣе черезъ животную перепонку, и совершенно справедливо объяснили бы это тѣмъ, что въ перегородкахъ 1-го рода существуютъ отверстія, которыхъ въ пузырѣ нѣтъ. Но модифицируя ваши опыты далѣе, вы легко нашли бы, что стѣнка изъ животнаго пузыря не вовсе непроницаема для жидкости;—чтобы послѣдняя просачивалась черезъ нее, нужно только въ цилиндръ сразу налить очень много воды или, что все равно, значительно повысить надъ перепонкой столбъ жидкости. Преслѣдуя это новое открытіе, вы нашли бы, наконецъ, что вообще въ дѣлѣ процѣживанія жидкости черезъ стѣнки, пористостью послѣднихъ объусловливается высота давящихъ столбовъ: чѣмъ мельче поры въ стѣнкѣ, тѣмъ выше долженъ быть столбъ жидкости, которая черезъ нея цѣдится, и наоборотъ. И это, мм. гг., понятно, такъ сказать, само собою: чѣмъ мельче отверстія въ цѣдилкѣ, тѣмъ большее препятствіе они представляютъ прохожденію черезъ нихъ жидкости, тѣмъ больше должна быть сила (вѣсъ столба жидкости), продавливающая жидкость сквозь эти отверстія. Послѣ этого вы уже, конечно, помиритесь съ мыслью, что во всякой животной перепонкѣ существуютъ до чрезвычайности мелкія невидимыя для глаза по́ры, черезъ которыя и могутъ цѣдиться, при благопріятныхъ условіяхъ, жидкости.

Итакъ, первая половина нашего вопроса кончена; теперь намъ остается рѣшить, существуютъ ли въ сферѣ кровеносной системы силы (соотвѣтствующія давящему столбу въ нашихъ опытахъ), которыя могли бы продавливать кровь или часть ея

черезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ наружу, и если да, то откуда берутся эти силы.

Здѣсь я опять прибѣгну къ аналогіи изъ обыденной жизни, которая уже не разъ выручала насъ. Многимъ изъ васъ, конечно, доводилось наблюдать пожарную трубу во время ея дѣйствія, или быть свидѣтелями очень распространеннаго теперь способа поливанія улицъ посредствомъ длинныхъ рукавовъ, навинчиваемыхъ на водопроводныя трубы. Если вы при этомъ обратили вниманіе на состояніе рукава, то знаете конечно, что стѣнки его въ томъ и другомъ случаѣ находятся подъ вліяніемъ напора жидкости въ напряженномъ состояніи. Если рукавъ былъ худъ, то вы видѣли, конечно, и результатъ этаго напряженія въ формѣ фонтанчиковъ, бьющихъ изъ каждой дыры въ сторону. Понять причину напряженнаго состоянія стѣнокъ рукава очень легко изъ слѣдующаго простого опыта. Передъ вами на столѣ лежитъ каучуковая трубка, запирающаяся съ одного конца краномъ и имѣющая въ стѣнкѣ посрединѣ длины маленькое отверстіе. Я наполняю эту трубку жидкостью, даю ей нѣсколько наклонное положеніе (краномъ книзу) и отпираю кранъ—вы видите, вода вытекаетъ изъ трубки слабою струею, а изъ отверстія въ ея стѣнкѣ она едва сочится. Повторяю этотъ опытъ, но конецъ трубки, неснабженный краномъ, беру въ ротъ и вдуваю въ трубку воздухъ (еще лучше этотъ конецъ трубки сообщить съ обыкновеннымъ шприцемъ наполненнымъ водой, и съ силою вдавливать въ трубку воду) — струя воды, идущей черезъ кранъ, усиливается, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ отверстія въ стѣнкѣ начинаетъ бить фонтанъ и въ стѣнкахъ трубки чувствуется на ощупь напряженіе. Величину послѣдняго и высоту фонтанчика я могу усиливать и ослаблять по произволу, притомъ двоякимъ образомъ: 1) усиливая или ослабляя напоръ воды въ трубку, 2) уменьшая или увеличивая повертываніемъ крана ея вытечное отверстіе. Напряженіе зависитъ, стало быть, отъ двухъ причинъ: отъ усиленнаго напора жидкости въ трубку и отъ существованія въ послѣдней препятствій къ ея теченію. Итакъ, дѣло объясняется очень просто слѣдующимъ образомъ: когда обѣ названныя причины дѣйствуютъ разомъ, вода, вбрасываемая въ растяжимую трубку, не успѣвая вытекать изъ нея, должна застаиваться, растягивать полость трубки, и слѣдовательно давить на ея стѣнки. Понятно, что при этомъ условіи жидкость должна съ силою вырываться изъ трубки, какъ только она найдетъ хоть маленькое отверстіе въ ея стѣнкѣ, и струя будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе было давленіе со стороны жидкости на стѣнки. Всѣ эти условія существуютъ, мм. гг., и

и для рукава пожарной трубы и для поливного рукава водопроводовъ. Въ первомъ напоръ жидкости производится дѣйствіемъ нагнетательнаго насоса, а въ водопроводныхъ трубахъ высотою столба жидкости водокачальной башни; препятствія же объусловливаются суммою треній жидкости въ рукавѣ и съуженіемъ его вытечного отверстія.

Но такія же условія очевидно существуютъ и въ сферѣ кровеносной системы, гдѣ желудочки съ силою вдавливаютъ кровь въ артеріи и гдѣ жидкости приходится пробираться черезъ такіе узкіе каналы, какъ волосные сосуды. Теоретически это дѣйствительно ясно, особенно по отношенію къ артеріямъ, для которыхъ волосные сосуды представляютъ родъ чрезвычайно съуженныхъ вытечныхъ отверстій. Но вѣдь для насъ важно знать, существуетъ ли со стороны крови давленіе на стѣнки волосныхъ сосудовъ, такъ какъ, по нашимъ же словамъ, фильтрація жидкихъ частей крови происходитъ преимущественно, если не исключительно, въ этомъ отдѣлѣ кровеносной системы; поэтому прямой переходъ отъ явленій въ пожарной трубѣ къ рѣшенію нашего вопроса еще не возможенъ — необходимо показать, прямо или косвеннымъ путемъ, но на опытѣ, что стѣнки волосныхъ сосудовъ дѣйствительно находятся въ напряженномъ состояніи.

Прямые опыты надъ волосными сосудами, по причинѣ ихъ микроскопическихъ размѣровъ, къ сожалѣнію, невозможны, поэтому приходится довольствоваться косвенными доказательствами, которыя, впрочемъ, нисколько не уступаютъ, со стороны непреложности, любому прямому. Я постараюсь именно доказать вамъ, что давленіе со стороны крови существуетъ какъ на стѣнки артерій, такъ и на стѣнки венъ, и если успѣю въ этомъ, то докажу вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе давленія крови на стѣнки волосныхъ сосудовъ, такъ какъ послѣдніе представляютъ единственные пути, черезъ которые давящая сила сердца—единственная причина давленія крови и въ артеріяхъ, и въ венахъ—можетъ передаваться въ вены.

Доказать существованіе давленія крови на стѣнки артерій и венъ можно на нѣсколько ладовъ. Если обнажить живому животному артерію или вену и перевязать ее ниткой, то по одну сторону перевязки, и именно съ той стороны, откуда притекаетъ кровь, трубка расширяется, а по другую пустѣетъ и значительно съуживается сравнительно съ объемомъ до перевязки. Это ясно указываетъ, что полости какъ артерій, такъ и венъ находятся во время жизни въ растянутомъ состояніи, а послѣднее, конечно, можетъ зависѣть только отъ давленія крови на стѣнки. Тоже можно доказать путемъ пораненія стѣнокъ, при-

чемъ изъ отверстій брызжутъ (особенно сильно въ артеріяхъ) фонтаны крови. Лучше же всего давленіе крови на стѣнки артерій и венъ доказывается особеннымъ инструментомъ, называемымъ *манометромъ*, который служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣрителемъ величины этого давленія въ разныхъ отдѣлахъ кровеносной системы. Въ сущности манометръ даетъ не что иное, какъ высоту кровеного фонтана, бьющаго изъ отверстія въ боку сосуда, но только этотъ фонтанъ заключенъ въ стеклянную трубку. Вотъ этотъ инструментъ. Онъ имѣетъ форму Т-образной трубки съ короткимъ горизонтальнымъ и очень длиннымъ (болѣе чѣмъ въ сажень) вертикальнымъ колѣномъ. Горизонтальное колѣно вставляется на живомъ животномъ черезъ пораненную стѣнку сосуда въ его полость и укрѣпляется лигатурами. Токъ крови вдоль сосуда не перерывается, но подходя къ вертикальному колѣну манометра, она бьетъ въ него фонтаномъ и поднимается на ту самую высоту, до которой достигала бы верхушка фонтана. Въ этомъ случаѣ величина давленія крови измѣряется, какъ говорятъ обыкновенно, высотою кровеного столба. Такъ какъ однако для артерій высота эта выходитъ очень большая, притомъ столбъ, вслѣдствіе дыхательныхъ движеній, дѣлаетъ большіе размахи кверху и книзу (давленіе крови въ артеріяхъ повышается во время выдыханія и понижается при вдыханіи, когда усилено присасывающее дѣйствіе грудной клѣтки), то ради удобства измѣренія величины давленія описанный манометръ замѣняютъ такъ-называемымъ ртутнымъ манометромъ, который я держу теперь въ рукахъ (рис. 7). Это есть U-образно изогнутая стеклянная трубка, оба колѣна которой открыты и въ полость налита ртуть (до уровня OO). Одно изъ колѣнъ манометра сообщается, посредствомъ свинцовой трубки (*a*), кончающейся Т-образнымъ наконечникомъ, съ полостью сосуда (и здѣсь горизонтальная вѣтвь наконечника ввязывается въ сосудъ черезъ пораненую стѣнку), и кровь начинаетъ давить на ртуть въ бли-

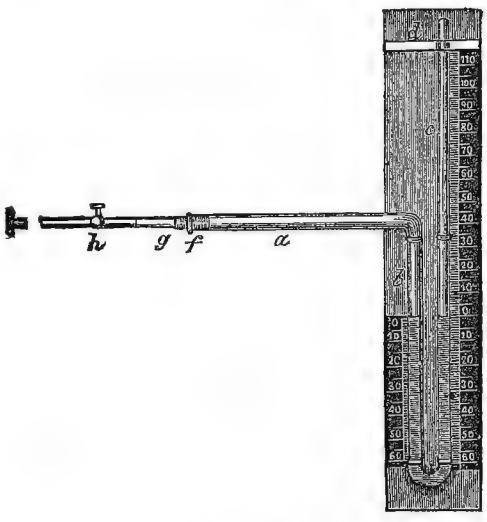

Рис. 7.

жайшемъ колѣнѣ (*b*), поднимая ее въ другомъ (*c*). Разность уровней стоянія ртути въ обоихъ колѣнахъ и показываетъ величину давленія. Этимъ путемъ найдено среднимъ числомъ, что величина давленія въ артеріяхъ, близъ волосныхъ сосудовъ, должна доходить до 100 миллим. ртути, тогда какъ въ венахъ эта величина не превышаетъ 40 миллим. Стало быть въ волосныхъ сосудахъ давленіе крови на стѣнки будетъ равно среднимъ числомъ 70 миллим. ртути, что составитъ (переведя ртутный столбъ на кровеной, т.-е. помножая высоту ртутнаго столба на отношеніе удѣльныхъ вѣсовъ ртути и крови) столбъ крови почти въ полтора аршина величиной. Это значитъ, стѣнки волосныхъ сосудовъ, по отношенію къ фильтраціи, находятся въ такихъ условіяхъ, какъ будто бы перепонкой, образованной изъ ихъ стѣнокъ, былъ завязанъ нижній конецъ цилиндра и надъ нею стоялъ столбъ крови высотою въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Если принять во вниманіе необычайную тонкость стѣнокъ волосныхъ сосудовъ,—прошу вспомнить, что весь сосудъ тоньше самой тонкой паутины, а въ немъ есть полость и стѣнки,—то можно съ увѣренностью принять такое давленіе достаточнымъ для продавливанія крови черезъ стѣнки. Тѣмъ болѣе, что наука имѣетъ въ рукахъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ фильтрацію жидкой части крови изъ полости кровеносныхъ сосудовъ наружу. Главнѣйшіе изъ нихъ будутъ сообщены ниже, теперь же я приведу пока одинъ очень поучительный результатъ впрыскиванія воды въ артеріи на трупахъ. Если бы вода, проходя по волоснымъ сосудамъ, не фильтровалась, то слѣдовало бы ожидать, что впрыснутая, наприм., въ главную артерію ноги, она цѣликомъ выйдетъ изъ главныхъ венъ того же члена,—этого однако не бываетъ: по мѣрѣ впрыскиванія воды, количество ея, выходящее изъ венъ, становится все меньше и меньше и при этомъ нога пухнетъ и дѣлается какъ бы отечной. Если же впрыскивать въ артеріи такіе растворы (напр. густые клеевые), которые очень трудно фильтруются черезъ животныя перепонки, то ничего подобнаго не замѣчается.

Итакъ, вы видите, мм. гг., что средства, которыя употребила природа для выведенія жидкихъ частей крови изъ полости кровеносныхъ сосудовъ въ одно и тоже время просты и крайне цѣлесообразны — только при такомъ способѣ выхожденія питательной жидкости получалась въ самомъ дѣлѣ возможность снабжать ею положительно каждую точку нашего тѣла.

Изъ этого бѣглаго обзора важнѣйшихъ частей кровеносной системы, вы уже вынесли, конечно, общее впечатлѣніе о превосходствѣ устройства снаряда, снабжающаго тѣло питательною

жидкостью; но сумма его совершенствъ далеко еще не исчерпана: кровеносный аппаратъ имѣетъ нѣсколько чрезвычайно существенныхъ придатковъ, въ дѣлѣ достиженія главной цѣли всего снаряда, притомъ придатковъ очень оригинальныхъ и остроумныхъ по своему устройству. Изъ нихъ въ нынѣшнюю лекцію я успѣю описать только снаряды, регулирующіе силу кровеного тока, да перечту тѣ фильтры, при посредствѣ которыхъ очищается кровь (подробное разсмотрѣніе этихъ фильтровъ предстоитъ намъ въ лекціяхъ о дыханіи и отдѣленіяхъ).

Общій смыслъ регуляціи кровеного тока не требуетъ, конечно, длинныхъ разъясненій: при посредствѣ ея достигается раціональное распредѣленіе крови по тѣлу, т.-е. усиленіе или ослабленіе общаго потока крови, равно какъ бо́льшій или меньшій притокъ питательнаго вещества въ ту или другую провинцію тѣла, смотря по существующимъ тамъ въ данную минуту потребностямъ. Регуляція 1-го рода, т.-е. усиленіе или ослабленіе всего кровеного потока разомъ, очевидно, можетъ быть всего легче достигнута регуляціей дѣятельности сердца, такъ какъ оно передвигаетъ кровь по всей длинѣ кровеноснаго кольца; частная же регуляція кровеныхъ токовъ достигается путемъ измѣненія въ обратныя стороны ёмкости приводящихъ артерій, причемъ, очевидно, масса притекающей къ данному органу крови должна или увеличиваться, когда ёмкость артерій увеличена, или уменьшаться, при обратномъ измѣненіи ихъ просвѣта.

Сначала я скажу о регуляторахъ сердца. Нужно вамъ замѣтить, мм. гг., что уже та средняя дѣятельность сердца, которая получается въ случаѣ, если вообразить себѣ регуляторы не дѣйствующими, обязана, какъ всѣ думаютъ въ настоящее время, своимъ происхожденіемъ импульсамъ на сердечныя мышцы изъ особеннаго нервнаго снаряда, лежащаго въ стѣнкахъ сердца. Этотъ аппаратъ, въ своей дѣятельности, считаютъ независимымъ отъ регуляторовъ, имѣющихъ тоже нервную природу и подходящихъ къ сердцу извнѣ; поэтому сердце можно вырѣзать у живого животнаго изъ тѣла и оно продолжаетъ нѣкоторое время биться.

(При этомъ на экранъ была брошена тѣнь отъ вырѣзаннаго изъ тѣла лягушечьяго сердца и въ немъ было очень ясно видно попеременное сокращеніе предсердій и желудочка).

Говорить объ устройствѣ этого двигательнаго снаряда я не буду, такъ какъ по основной мысли нашего курса нервныя явленія могутъ интересовать насъ лишь по результатамъ ихъ вліянія на растительные процессы, и потому скажу прямо, что регуляторы дѣйствуютъ не на мышцы сердца, а на нервные сна-

ряды, приводящіе ихъ въ движеніе. Самыя существенныя части регуляторовъ лежатъ въ головномъ мозгу и оттуда вліяніе ихъ передается сердцу черезъ посредство нервныхъ волоконъ, которыя вообще имѣютъ въ тѣлѣ значеніе механизмовъ, проводящихъ по всей своей длинѣ нервные импульсы. Регуляторовъ сердца два. Одинъ изъ нихъ умѣряетъ сокращенія его и при усиленной дѣятельности можетъ совершенно подавить ее—это сердечный тормозъ; другой, наоборотъ, усиливаетъ сердечныя сокращенія.

Дѣятельность перваго регулятора я могу показать вамъ на опытѣ; демонстрація же его антагониста требуетъ очень кровавой операціи на большомъ животномъ, и потому я принужденъ отъ нея отказаться.

(На экранъ бросается тѣнь бьющагося лягушечьяго сердца, вырѣзаннаго изъ тѣла съ кускомъ бродящаго нерва, въ которомъ заключены приводы тормозящаго снаряда. Нервъ раздражается электрически съ промежутками, и каждый разъ при раздраженіи его сердце перестаетъ биться).

На представленномъ вамъ опытѣ вы ясно могли убѣдиться, что каждый разъ, какъ возбуждается бродящій нервъ, сердце перестаетъ биться; но разобрать—останавливается ли оно въ сокращенномъ состояніи или наоборотъ въ разслабленномъ, вы конечно не могли. Поэтому я говорю вамъ теперь,—сердце подъ вліяніемъ тормоза останавливается въ разслабленномъ состояніи, бродящій нервъ парализуетъ дѣятельность сердца.

Дѣйствіе этого регулятора на движеніе крови вамъ, конечно, понятно. Ослабляя, при слабомъ возбужденіи, дѣятельность желудочковъ, онъ уменьшаетъ массу крови, вталкиваемой въ артеріи, и напоръ ея въ этомъ отдѣлѣ кровеносной системы, поэтому давленіе крови падаетъ какъ въ артеріяхъ, такъ и въ волосныхъ сосудахъ, фильтрація жидкой части крови ослабѣваетъ, но за то крови накопляется больше въ венахъ, и здѣсь она застаивается. Когда же сердце, подъ вліяніемъ усиленнаго возбужденія тормоза останавливается совсѣмъ, какъ это случается при сильныхъ подавляющихъ аффектахъ, напр. при ужасѣ, кровь очень быстро перестаетъ течь по артеріямъ, головной мозгъ, лишенный притока крови, временно прекращаетъ свою дѣятельность, какъ бы перестаетъ жить — отсюда потеря сознанія, обмороки. Начало биться сердце — артеріальная кровь получила снова доступъ къ мозгу и сознаніе возвращается. Другой регуляторъ сердца тоже можетъ возбуждаться къ дѣятельности психическими аффектами, но возбуждается еще усиленными движеніями тѣла. И замѣчательно, что во всѣхъ случаяхъ, когда

усиливается дѣятельность сердца, усиливаются обыкновенно и дыхательныя движенія, какъ знакъ, что для гармоніи кровеобращенія, съ усиленіемъ напора крови въ артеріи, должно быть связано усиленное присасываніе венной крови грудной клѣткой.

Регуляторовъ артерій тоже два. Одинъ изъ нихъ держитъ постоянно всѣ приводящіе сосуды тѣла въ нѣсколько сжатомъ состояніи, а другой дѣйствуетъ, вѣроятно (образъ дѣйствія 2-го регулятора не вполнѣ еще выясненъ для различныхъ мѣстъ тѣла), парализующимъ образомъ (подобно тому, какъ тормозящій снарядъ дѣйствуетъ на двигателей сердца) на различные отдѣлы перваго регулятора. Снарядъ, съужающій артеріи, есть нервный механизмъ, родящійся изъ головного мозга и расходящійся отсюда по всему тѣлу въ формѣ нервныхъ волоконъ, идущихъ самыми разнообразными путями, но въ концѣ концовъ внѣдряющихся въ стѣнки артерій. Здѣсь этотъ аппаратъ оканчивается мышечными кольцами, оплетающими артеріи по всей ихъ длинѣ. Есть очень простые опыты, мм. гг., которые показываютъ, что изъ центральныхъ частей описаннаго аппарата должны выходить по длинѣ нервныхъ нитей непрерывные импульсы, которые и держатъ всю систему мышечныхъ колецъ артерій въ нѣсколько сокращенномъ состояніи. Стоитъ, напр., перерѣзать всѣ нервы, подходящіе къ какому-нибудь отдѣльному члену тѣла, напр. къ ногѣ, рукѣ или уху, и въ членѣ появляется цѣлый рядъ явленій, указывающихъ на усиленный притокъ крови, вслѣдствіе расширенія артерій: рука, нога и ухо становятся при этомъ теплѣе, кожа краснѣетъ, изъ надрѣзовъ ея вытекаетъ крови болѣе чѣмъ обыкновенно. Такіе опыты особенно поучительны на кроличьемъ ухѣ, такъ какъ оно настолько тонко, что просвѣчиваетъ; здѣсь послѣ перерѣзки нервовъ глазъ видитъ непосредственно расширеніе артерій, которое тотчасъ же переходитъ наоборотъ въ съуженіе, если конецъ перерѣзаннаго нерва раздражается рядомъ электрическихъ ударовъ. За невозможностью показать этотъ опытъ на кроликѣ нашему многолюдному собранію, я покажу вамъ соотвѣтствующій опытъ на лягушкѣ. У этого животнаго нервы къ заднимъ ногамъ идутъ двумя отдѣльными пучками. На лягушкѣ, которую я держу въ рукахъ, одинъ изъ нихъ, именно правый пучекъ, перерѣзанъ. Беру ножницы и отстригаю на обѣихъ заднихъ лапкахъ концы пальцевъ, такъ, чтобы поверхности ранъ, изъ которыхъ будетъ сочиться кровь, были равны между собою, иначе опытъ былъ бы недоказателенъ. Операція эта сдѣлана, и вы видите, что изъ правой ноги вытекло уже нѣсколько капель крови, тогда какъ изъ лѣвой не упало еще ни одной.

Теперь вы спросите меня, какими причинами приводится въ дѣйствіе тотъ или другой регуляторъ? Причины эти, мм. гг., очень разнообразны, но, къ сожалѣнію, вопросы объ образѣ ихъ дѣйствія еще чрезвычайно мало разработаны. Оба регулятора возбуждаются психическими аффектами (напр. краска и блѣдность лица), на нихъ въ значительной степени дѣйствуетъ тепло и холодъ окружающаго воздуха, наконецъ очень важную роль въ ихъ возбужденіи играютъ, такъ-называемыя, мѣстныя раздраженія.

Къ дальнѣйшимъ придаткамъ кровеносной системы относятся аппараты, служащіе для очищенія крови, родъ фильтровъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ по длинѣ кровеного кольца. Всѣ эти органы имѣютъ между собою ту общую особенность, что при посредствѣ ихъ изъ крови выдѣляются, въ формѣ газовъ или жидкихъ растворовъ, продукты распаденія веществъ тѣла, сдѣлавшіеся уже негодными для жизни и выбрасываемые изъ тѣла наружу. Вслѣдствіе этого всѣ кровеные фильтры имѣютъ внутреннюю полость, въ которой временно собирается выдѣлившійся сокъ, и полость эта непремѣнно сообщается болѣе или менѣе прямо съ наружной поверхностью тѣла. Къ числу этихъ фильтровъ относятся почки, выдѣляющія мочу. Этою жидкостью часто выводится изъ тѣла избытокъ введенной въ него воды, но главнѣйшимъ образомъ моча представляетъ водный растворъ продуктовъ распаденія всѣхъ бѣлковыхъ веществъ въ тѣлѣ. Одною своею частью почки сидятъ на пути артерій, а другою на пути волосныхъ сосудовъ. Потовыя желѣзы представляютъ другой фильтръ, сидящій на волосныхъ сосудахъ кожи. Выдѣленная ими жидкость—потъ, по своимъ свойствамъ, очень близка къ мочѣ. Затѣмъ, на пути венной крови, оттекающей отъ всѣхъ брюшныхъ внутренностей, за исключеніемъ почекъ, сидитъ огромный органъ печень, выдѣляющій желчь. Наконецъ, въ самомъ концѣ венной системы лежитъ лёгкое, выдѣляющее угольную кислоту и водяной паръ.

Всѣ эти перечисленныя вещества считаются негодными для жизни по слѣдующимъ причинамъ. Вся тайна животной жизни, поскольку она выражается дѣятельностями, движеніемъ, заключается, мм. гг., въ непрерывныхъ химическихъ превращеніяхъ веществъ, входящихъ въ составъ животнаго тѣла. При томъ общемъ характерѣ, какой носятъ на себѣ всѣ химическіе процессы тѣла, вещества, выдѣляемыя кровеными фильтрами, оказываются неспособными къ дальнѣйшимъ превращеніямъ въ общемъ направленіи, а черезъ это они въ самомъ счастливомъ случаѣ очевидно становятся ненужнымъ балластомъ для тѣла. Но опытъ

показываетъ, что, задерживаясь въ организмѣ, вещества эти относятся къ тѣлу далеко не индефферентно: задерживается ли въ тѣлѣ моча, желчь или угольная кислота—всегда вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ значительныя разстройства, кончающіяся болѣе или менѣе быстро смертью.

IV.

Сила сердца.—Скорость движенія крови.—Лимфатическая система, какъ придатокъ кровеносной.

Сегодня мнѣ слѣдовало бы говорить по порядку еще объ одномъ и послѣднемъ придаткѣ кровеноснаго аппарата, о такъ-называемой лимфатической системѣ; но такъ какъ этотъ придатокъ очень обширенъ и говорить объ немъ мнѣ придется долго, то я предпочитаю начать лекцію съ описанія нѣкоторыхъ деталей кровеносной системы, которыя, конечно, будутъ для васъ небезъинтересны, такъ какъ ими пополнится общая картина машины, приводящей въ движеніе кровь. Подъ этими деталями я разумѣю опредѣленіе силы сердца и быстроты движенія крови.

Въ машинахъ, производящихъ чисто механическую работу, сила, очевидно, выражается величиною работы, произведенной въ теченіи даннаго времени, поэтому за мѣру силы всего удобнѣе принять величину работы. Но послѣдняя въ различныхъ машинахъ на видъ очень разнообразна, поэтому нужно было найти для всѣхъ механическихъ работъ, такъ сказать, одну общую формулу—такую работу, въ которую могла бы быть переведена работа каждой машины въ частности. Такою общею работою служитъ подниманіе въ теченіи извѣстнаго времени опредѣленной тяжести на опредѣленную высоту. Произведеніе первыхъ двухъ факторовъ (высоты на тяжесть) и принимается за мѣру механической работы; а условною единицею этой мѣры служитъ произведеніе изъ какой-нибудь вѣсовой единицы на высоту, выражаемую какою-нибудь единицею линейной мѣры. За единицу линейную берутъ обыкновенно метръ, за вѣсовую — килограммъ, за единицу времени—секунду, и эту мѣру называютъ килограммометромъ. Поэтому, если говорятъ: лошадиная сила равна 75 килограммометрамъ, это значитъ, что лошадь въ состояніи въ теченіи одной секунды поднять тяжесть въ 75 килогр. на высоту 1 метра, или наоборотъ, тяжесть 1 килогр. на высоту 75 метровъ.

Сердце, какъ давящій насосъ, тоже производитъ чисто ме-

ханическую работу, поэтому и его сила, если только желательно ея опредѣленіе, должна быть выражена въ килограммометрахъ. Но для этого намъ нужно работу сердца перевести въ работу поднятія тяжести на опредѣленную высоту. Этимъ мы теперь и займемся.

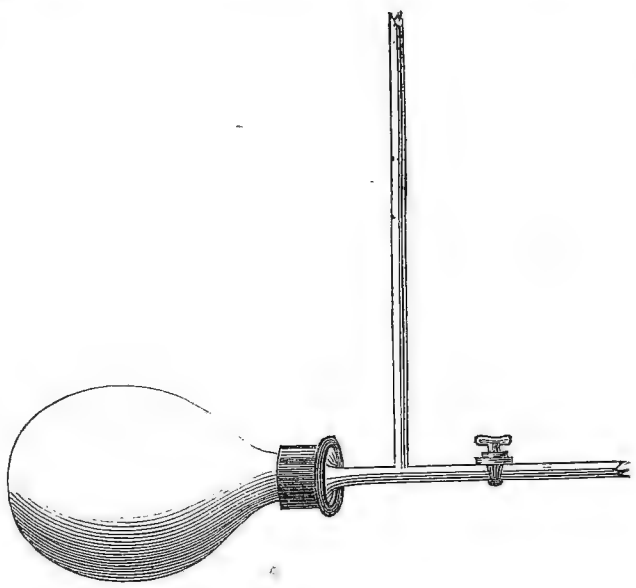

Рис. 8.

Съ цѣлью разъясненія дѣла я приготовилъ вотъ этотъ маленькій схематическій снарядъ (рис. 8), въ которомъ каучуковый шаръ представляетъ лѣвый желудочекъ, выходящая изъ него горизонтальная трубка—аорту, а длинная вертикальная—манометръ въ началѣ аорты. Шаръ наполненъ водой, заходящей и въ манометръ аршина на полтора къ верху, аорта же пока заперта краномъ. Беру шаръ въ руку и сдавливаю его стѣнки — вода поднимается по трубкѣ все выше и выше, наконецъ на высотѣ около $1^1/_2$ сажени она останавливается и нейдетъ больше къ верху. Можно было бы подумать, что остановка воды зависитъ отъ того, что изъ шара выдавлена въ манометръ вся вода, но этого нѣтъ, а между тѣмъ при всѣхъ усиліяхъ поднять воду выше мнѣ это не удается. Отчего же это можетъ зависѣть? Столбъ жидкости въ манометрѣ давитъ на стѣнки шара, и стремится ихъ расширить, тогда какъ моя рука старается, наоборотъ, сжать шаръ. По мѣрѣ повышенія столба жидкости, давящая сила его, противодѣйствующая мышечной силѣ моей руки, становится всё больше и больше и, очевидно, должна наконецъ до-

стичь такой величины, при которой она будетъ уравновѣшивать силу моей руки. Этотъ моментъ и наступилъ въ приведенномъ вамъ опытѣ, когда вода въ манометрѣ остановилась, не поднимаясь болѣе кверху, но и не опускаясь книзу; и конечно въ данномъ случаѣ высота водяного столба могла бы служить мѣрою для мышечной силы моей руки.

Теперь я дѣлаю тотъ же опытъ, но при открытомъ кранѣ аорты. Вы видите, манометрическій столбъ понизился сравнительно съ первымъ случаемъ, но все-таки оставался нѣсколько секундъ неподвижнымъ. Пониженіе его совершенно понятно — теперь сила моей руки производитъ не одно повышеніе воды въ манометрѣ, какъ было въ первомъ случаѣ, а приводитъ еще въ движеніе жидкость вытекающую черезъ аорту. Давящая сила разложилась слѣдовательно на двѣ части: одна превратилась въ напряженіе жидкости, выражающееся высотою манометрическаго столба, а другая часть превратилась въ скорость. Въ этомъ случаѣ, если бы пришлось измѣрять силу моей руки по произведеннымъ ею эффектамъ, или, что все равно, по величинѣ работъ, оба эффекта пришлось бы сложить вмѣстѣ.

Сердце или, правильнѣе, его желудочки, по производимымъ ими работамъ, очевидно находятся въ условіяхъ 2-го опыта: всей массѣ крови, которую они выталкиваютъ во время сокращенія въ артеріи, они сообщаютъ, съ одной стороны, извѣстной величины напряженіе, а съ другой извѣстную скорость. Къ счастію, величина послѣдней въ аортѣ настолько незначительна, что можно безъ ощутительной погрѣшности пренебречь производящею ее долею сердечной силы [1]); черезъ это лѣвый желудочекъ, по его работѣ, становится въ условія нашего перваго опыта съ каучуковымъ шаромъ. Отъ него же перейти къ опредѣленію работы лѣваго желудочка въ килограммометрахъ уже очень легко. При каждомъ сокращеніи онъ вталкиваетъ въ аорту около 200 грм. или $^2/_{10}$ килогр. крови и всему этому количеству сообщаетъ напряженіе = почти 3 метрамъ кровеного столба; это значитъ каждая частичка всей выталкиваемой желудочкомъ крови могла бы быть поднята сердцемъ въ манометрѣ на высоту 3 метровъ; но отсюда явно слѣдуетъ, что работа одного сокращенія = $^2/_{10}$ килогр. $\times$ 3 метра = $^6/_{10}$ килограммометра. Помноживъ эту величину на 75—получимъ 45 килограммометр.—величину работы лѣваго желудочка въ теченіи одной минуты, такъ какъ въ этотъ періодъ времени сердце сокращается 75 разъ. Помноживъ далѣе

---

[1]) Я лишенъ, къ сожалѣнію, возможности доказать это, такъ какъ мнѣ пришлось бы прибѣгнуть къ математическимъ выкладкамъ.

величину этой работы на 60 и 24, получаемъ наконецъ 64.800 килограммометр. — суточную работу лѣваго желудочка. Это произведеніе, отбросивъ въ немъ сотни, можно разложить на 64 килò, какъ тяжесть, и 1000 метровъ, какъ высоту поднятія. 1000 метр. равны приблизительно верстѣ, а 64 килò, считая каждое равнымъ 2 фунт., составятъ 3 пуда. Слѣдовательно суточная работа лѣваго желудочка будетъ равняться поднятію 3 пудовъ на высоту одной версты, или одного пуда на высоту 3 верстъ.

Правый желудочекъ значительно слабѣе лѣваго. По приблизительнымъ измѣреніямъ онъ сообщаетъ крови въ началѣ легочной артеріи напряженіе втрое меньше, чѣмъ лѣвый желудочекъ, поэтому и величина его работы втрое меньше.

Теперь поговоримъ о быстротѣ теченія крови.

Такъ какъ она двигается по замкнутому кольцу и вмѣстѣ съ тѣмъ по ложу очень неправильной формы, поперемѣнно то расширяющемуся, то съуживающемуся, то вопросъ о быстротѣ теченія крови вообще долженъ обнимать собою слѣдующихъ два частныхъ вопроса: съ какою быстротою совершаетъ кровь весь свой кругъ по тѣлу и съ какою скоростью она двигается по различнымъ, хотя главнымъ, отдѣламъ кольца, т.-е. по артеріямъ, волоснымъ сосудамъ и венамъ.

Первый вопросъ рѣшается такъ. Живому животному обнажаются какихъ-нибудь два парныхъ венныхъ ствола—всего удобнѣе такъ-называемыя яремныя вены, лежащія по бокамъ шеи, непосредственно подъ кожей (обѣ онѣ составляютъ вѣтви верхней полой вены и несутъ кровь отъ головы къ сердцу), и въ стѣнкахъ обоихъ стволовъ дѣлаются отверстія. Затѣмъ въ одну изъ венъ впрыскивается въ направленіи къ сердцу растворъ какого-нибудь не вреднаго вещества, которое, однако, легко можно было бы открыть въ крови (впрыскиваютъ обыкновенно растворъ такъ-называемой желтой кровяной соли, которая съ солями окиси желѣза даетъ берлинскую лазурь) и считаютъ время съ начала впрыскиванія до того момента, когда изъ ранки противоположной вены покажется кровь, содержащая впрыснутое вещество. Съ этой цѣлью эту кровь собираютъ маленькими отдѣльными порціями черезъ равные короткіе промежутки времени. Такимъ образомъ получается время передвиженія крови отъ одной яремной вены къ другой. Путь впрыснутаго вещества при этомъ слѣдующій: отъ ранки черезъ верхнюю полую вену въ правое предсердіе, отсюда въ правый желудочекъ, изъ него по малому кругу кровеобращенія черезъ лёгкое въ лѣвую половину сердца, изъ лѣваго желудочка по вѣтвямъ аорты къ головѣ, отсюда черезъ волосные сосуды въ систему верхней полой вены—въ отверстіе,

изъ котораго собирается кровь. Явно, что впрыснутое вещество описываетъ полный кругъ кровеобращенія. Эти опыты, очевидно, можно варьировать на нѣсколько ладовъ, впрыскивая вещества въ вены ногъ (тогда путь нѣсколько длиннѣе) и собирая кровь изъ венъ же, или изъ артерій (въ послѣднемъ случаѣ впрыснутое вещество описываетъ менѣе, чѣмъ полный кругъ кровеобращенія). Путемъ такихъ опытовъ и найдено, что среднимъ числомъ кровь проходитъ одинъ разъ черезъ тѣло менѣе, чѣмъ въ минуту, именно въ 40 сек.; но полагая время оборота равнымъ даже минутѣ, оказалось бы, что въ теченіи сутокъ кровь пройдетъ по тѣлу до 1,500 разъ.

Теперь о частныхъ скоростяхъ кровяного тока по различнымъ отдѣламъ кровеносной системы.

Для теченія жидкостей по замкнутымъ ложамъ существуетъ, мм. гг., одинъ очень простой законъ, изъ котораго очень легко вывести распредѣленіе по ложу скоростей, даже въ случаѣ, если оно представляетъ съуженія и расширенія. Этотъ законъ, вытекающій изъ несжимаемости жидкостей, говоритъ: какъ бы неправильно по формѣ и по объему ни было ложе, всегда количества жидкости, протекающей въ теченіи даннаго времени черезъ различныя мѣста (черезъ поперечные разрѣзы) ложа, равны между собою. Вдумайтесь, въ самомъ дѣлѣ, хоть на минуту въ эти слова, и вы увидите, что иначе быть не можетъ. Не будь такого закона, текущая жидкость должна была бы сгущаться въ мѣстахъ, гдѣ черезъ поперечные разрѣзы ложа ея проходитъ больше и разрѣжаться по обѣ стороны такихъ сгущеній. При невозможности этого, законъ нашъ и ведетъ къ тому, что въ случаѣ неравномѣрности ложа измѣняется только быстрота тока—въ съуженныхъ мѣстахъ она увеличивается, а въ расширенныхъ замедляется. Это явленіе, извѣстное, конечно, каждому изъ того, какъ текутъ рѣки, всецѣло примѣняется къ скоростямъ крови по длинѣ кровяного кольца.

Артеріальное ложе, какъ вы помните, постоянно вѣтвится, но при этомъ вѣтвленіи оно, какъ я прибавлю теперь, и постоянно расширяется: сумма поперечныхъ разрѣзовъ всѣхъ вѣтвей, отходящихъ отъ даннаго ствола, всегда превышаетъ въ артеріяхъ поперечный разрѣзъ послѣдняго. Такое же расширеніе ложа существуетъ и въ мѣстѣ перехода артерій въ волосные сосуды. По другую сторону послѣднихъ венное ложе, наоборотъ, постепенно съуживается, но съуженіе это по длинѣ веннаго пути къ сердцу идетъ не такъ быстро, какъ расширеніе артерій въ обратномъ направленіи. Это вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что кровь аорты относится къ сердцу двумя полыми венами, изъ которыхъ каждая (особенно нижняя) имѣетъ попе-

речный разрѣзъ, равный поперечному разрѣзу аорты; но кромѣ того и на пути по тѣлу на одну приносящую артерію приходится обыкновенно не одна, а двѣ относящихъ вены. Поэтому ложе большого круга кровеобращенія имѣетъ вообще слѣдующую форму: начинаясь изъ лѣваго желудочка самымъ узкимъ мѣстомъ, она быстро расширяется въ направленіи къ волоснымъ сосудамъ, здѣсь имѣетъ наибольшую ширину и затѣмъ снова начинаетъ съуживаться въ направленіи къ сердцу, но менѣе быстро, чѣмъ расширялись артеріи. По такому ложу кровь должна течь съ наибольшей скоростью въ началѣ аорты, отсюда по длинѣ артерій она должна постоянно убывать; въ волосныхъ сосудахъ скорость должна быть меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь; наконецъ, по венамъ кровь должна течь вообще съ быстротой приблизительно вдвое меньшею, чѣмъ по артеріямъ и скорость должна въ нихъ прибывать по мѣрѣ приближенія къ сердцу.

Въ наукѣ существуютъ, мм. гг., средства измѣрять скорость теченія крови во всѣхъ отдѣлахъ кровяного кольца; я не буду, однако, описывать этихъ способовъ, такъ какъ подобныя измѣренія не привели до сихъ поръ ни къ какимъ важнымъ соображеніямъ или практическимъ выводамъ; поэтому скажу лишь нѣсколько словъ объ измѣреніи скорости въ волосныхъ сосудахъ. Это дѣлается при посредствѣ микроскопа. Берется отъ живого животнаго какая-нибудь прозрачная часть тѣла, безъ нарушенія, конечно, ея связи съ сердцемъ, и разстилается подъ микроскопомъ, который долженъ быть снабженъ придаткомъ, дающимъ возможность измѣрять поле зрѣнія во всевозможныхъ направленіяхъ. Передъ глазами у васъ появляется цѣлая сѣть каналовъ, по которымъ текутъ, на видъ очень быстро, цѣлые сонмы круглыхъ тѣлецъ, окрашенныхъ въ желто-зеленоватый цвѣтъ, если разсматривать ихъ поодиночкѣ. Это и есть, мм. гг., кровь, представляющая не жидкость, какъ мы говорили до сихъ поръ, а смѣсь жидкости съ круглыми тѣльцами, которыя называются кровяными шариками. Присматриваясь къ сѣти сосудовъ попристальнѣе (передвигая, если нужно, объектъ подъ микроскопомъ), вы легко увидите такія трубки, по которымъ кровь течетъ чрезвычайно быстро, притомъ неравномѣрно, а толчками—это артеріи; затѣмъ навѣрное наткнетесь на толстыя трубки съ медленнымъ равномѣрнымъ теченіемъ—это навѣрное вены. Волосные же сосуды вы узнаете потому, что они, во-первыхъ, очень тонки — многіе едва даютъ возможность проталкиваться черезъ ихъ просвѣтъ одному только шарику разомъ; во-вторыхъ, они образуютъ сѣти. Между звеньями послѣдней выберите такую трубочку, которая была бы по всей длинѣ передъ вашими глазами и въ которой вы могли бы прослѣдить движеніе каждаго шарика въ отдѣль-

ности. Найдя такой сосудецъ, вамъ остается только опредѣлить время прохожденія по его длинѣ одного какого-нибудь шарика, такъ какъ длина пути непосредственно измѣряется микроскопомъ. Такія измѣренія и показываютъ, что въ волосныхъ сосудахъ кровь еле-еле ползетъ—въ 1 секунду она проходитъ 1 миллиметръ. Кому случалось наблюдать подъ микроскопомъ движеніе крови безъ всякой задней мысли, тотъ можетъ не повѣрить моимъ словамъ—такъ быстро на видъ ея теченіе; стóитъ, однако, сообразить, что представленіе о скорости слагается всегда изъ двухъ элементовъ, времени и пробѣгаемаго пространства, и что микроскопъ, оставляя первое безъ измѣненія, увеличиваетъ пространство въ нѣсколько разъ, тогда дѣло и объяснится. Въ среднихъ отдѣлахъ аорты измѣреніе даетъ 200 мм. слишкомъ въ 1 сек., а въ началѣ ея скорость крови принимается = 400 мм. въ 1″.

Послѣ этого отступленія я перехожу уже къ описанію послѣдняго придатка кровеноснаго аппарата—къ лимфатической системѣ.

Въ грубо-анатомическомъ смыслѣ она представляетъ систему вѣтвящихся трубокъ, столько же распространенную по тѣлу, какъ венная система большого кровяного круга, и очень похожую на нея какъ по устройству трубокъ (лимфатическія трубки также сильно растяжимы, какъ вены и въ полостяхъ ихъ по длинѣ тоже сидятъ клапаны), такъ и по наклонности ихъ образовать сѣти. Вся система кончается одиночной трубкой, такъ-называемымъ *грудным протокомъ*, который вливаетъ свое содержимое въ верхней части груди въ одну изъ главныхъ вѣтвей верхней полой вены. Этотъ главный стволъ образуется изъ сліянія развѣтвляющихся по всему тѣлу трубокъ, мельчайшія вѣточки которыхъ лежатъ, подобно волоснымъ сосудамъ, въ глуби тканей. Чтобы сразу опредѣлить сферу распространенія лимфатической системы по тѣлу, достаточно будетъ сказать, что во всѣхъ органахъ, снабжаемыхъ кровью, непремѣнно есть и лимфатическіе сосуды. Однако лимфатическая система своими окончательными развѣтвленіями не стоитъ въ прямомъ сообщеніи съ кровеносной; это доказывается уже тѣмъ, что окрашенныя клеевыя массы, впрыскиваемыя въ полость послѣдней, никогда не переходятъ въ лимфатическія трубки. Стало быть, начала лимфатической системы въ тканяхъ должны представлять самостоятельныя полости. Если обнажить на живомъ животномъ лимфатическія трубки, то онѣ оказываются наполненными прозрачной, слегка желтоватой жидкостью, которая носитъ общее названіе *лимфы*. Перевязкою этихъ сосудовъ, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, легко убѣдиться, что лимфа находится въ постоянномъ движеніи и течетъ, какъ кровь по венамъ (безъ толчковъ, какъ венная, но еще медленнѣе ея) въ направленіи отъ

мелкихъ вѣтвей къ главному стволу, т.-е. отъ тканей тѣла къ венной системѣ. Это вытекаетъ изъ того, что вслѣдъ за перевязкой лимфатической трубки, ея периферическая часть сильно раздувается, а по другую сторону лигатуры просвѣтъ сосуда значительно спадается.

Этого бѣглаго очерка пока достаточно, чтобы приступить къ описанію жизненнаго значенія различныхъ отдѣловъ лимфатической системы.

Говоря о выступленіи жидкихъ частей крови изъ полости кровеносной системы, я старался лишь доказать вамъ, что этотъ процессъ происходитъ путемъ фильтраціи въ сферѣ волосныхъ сосудовъ; но о мѣстѣ, куда фильтруется жидкость, было сказано лишь вскользь. Теперь пришло время и для этого вопроса. Много разъ было уже говорено, что питательная жидкость крови предназначена возстановлять разрушенія въ сферѣ элементовъ тѣла; казалось бы, что при этомъ условіи ей всего цѣлесообразнѣе проникать въ самую середину элементовъ, а между тѣмъ микроскопическія изслѣдованія животнаго тѣла показываютъ, что нѣтъ такой ткани, нѣтъ такой точки тѣла, гдѣ тканевой элементъ пронизывался бы волоснымъ сосудомъ. И это обстоятельство становится сразу понятнымъ, если разсудить, что всѣ форменные элементы тѣла, снабжаемые кровью, имѣютъ полужидкую (слѣдовательно до извѣстной степени твердую) консистенцію, которая представляла бы огромныя препятствія для фильтраціи. Но куда же фильтруется тогда кровяная жидкость? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я постараюсь описать вамъ, по возможности наглядно, то общее представленіе, которое выработано современной наукой о микроскопическомъ строеніи нашихъ органовъ и о томъ, въ какомъ относительномъ положеніи находятся въ нихъ форменные элементы органовъ и кровеносные сосуды. Каждый органъ нашего тѣла непремѣнно состоитъ изъ мягкаго остова или скелета, служащаго, такъ сказать, механическою поддержкою всему зданію. Форма этого скелета, образованнаго всегда изъ такъ-называемой соединительной ткани, можетъ видоизмѣняться, смотря по формѣ и положенію входящихъ въ составъ органа характерныхъ или, какъ говорятъ, специфическихъ элементовъ [1]) (т.-е. смотря по тому, имѣютъ ли послѣдніе форму шаровъ, или волоконъ, лежатъ ли они разсѣянно въ толщѣ органа, или идутъ пучками и пр.); но въ сущности она все-таки представляетъ густую сѣть, образованную изъ волоконъ и пластинокъ соединительной ткани. Поэтому мягкій скелетъ

[1]) Въ мышцѣ специфическій элементъ есть мышечное волокно; въ нервной—нервное волокно и нервная клѣтка; въ желѣзѣ—отдѣлительная клѣтка и пр.

органовъ очень удобно можно сравнить съ губкой, только ноздри ея слѣдуетъ уменьшить въ воображеніи до микроскопическихъ размѣровъ. Въ этихъ ноздряхъ лежатъ специфическіе элементы тканей, но лежатъ свободно, не срастаясь ни съ волокнами, ни съ пластинками скелета, такъ что между ними образуются свободныя пространства. Поддерживая и скрѣпляя специфическіе элементы органовъ въ компактную массу, мягкіе скелеты служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ правиломъ для внѣдряющихся въ органы сосудовъ. Послѣдніе распространяются и вѣтвятся сначала по перекладинамъ сѣти, но перейдя въ волосные сосуды, пронизываютъ и самыя ноздри, т.-е. входятъ въ свободные промежутки, или, какъ ихъ называютъ, трещины между элементами тканей. Эти-то микроскопическія полости или трещины въ органахъ и представляютъ мѣста, куда фильтруется изъ волосныхъ сосудовъ кровь; въ то же время они составляютъ *начала лимфатической системы* [1]). Такъ какъ описанное отношеніе между элементами тканей, волосными сосудами и началами лимфатической системы считается въ тѣлѣ повсюднымъ, то явно, что вообще *лимфатическая система своими началами даетъ питательной жидкости, выступившей изъ кровяныхъ сосудовъ, возможность непосредственнаго соприкосновенія съ элементами тѣла.* Это первое значеніе лимфатической системы, ея первая услуга тѣлу.

Было бы, конечно, очень желательно показать вамъ на дѣлѣ, въ какомъ-нибудь органѣ, начала лимфатической системы и собрать изъ нихъ хоть нѣкоторое количество жидкости, чтобы вы имѣли возможность сравнить кровь съ ея фильтратомъ; желательно было бы также показать на опытѣ самый процессъ фильтраціи крови. Къ сожалѣнію, большинство этихъ желаній или абсолютно неисполнимо, или неудобно къ исполненію по чисто внѣшнимъ условіямъ нашихъ бесѣдъ. Устройство началъ лимфатической системы есть, мм. гг., плодъ долговременныхъ изысканій; надъ этимъ труднымъ и еще незаконченнымъ вопросомъ работало много спеціалистовъ, и несмотря на то, въ результатахъ и по сіе время существуютъ еще нѣкоторыя разногласія. Что же касается до собиранія жидкости изъ лимфатическихъ началъ, то безъ особенныхъ уловокъ это невозможно по той простой причинѣ, что тканевыя лимфатическія трещины имѣютъ микроскопическіе размѣры. Въ чемъ состоитъ эта уловка, я скажу ниже, теперь же взамѣнъ лимфы изъ началъ лимфатической системы я представляю вашему вниманію жидкость, скопляющуюся

[1]) Въ наукѣ существуетъ еще другое воззрѣніе на начала лимфатической системы, но я его не привожу, потому что оно отличается отъ развитаго скорѣе по деталямъ, чѣмъ по сущности, притомъ же большинство физіологовъ держится описаннаго воззрѣнія.

у людей во время общеизвѣстной болѣзни водянки, чтобы вы имѣли возможность сравнить ее съ кровью. Впослѣдствіи я докажу, что лимфа и водяночная жидкость тождественны между собою, и по составу и по способу происхожденія. Эта жидкость стоитъ передъ вами въ стаканѣ, и вы видите, что по виду она очень значительно отличается отъ подлѣ стоящей крови, которая непрозрачна и окрашена въ красный цвѣтъ, тогда какъ водяночная жидкость прозрачна и почти безцвѣтна. Это различіе зависитъ, мм. гг., оттого, что въ крови, какъ разъ уже было упомянуто, сверхъ прозрачной безцвѣтной жидкости есть окрашенныя тѣльца, такъ-называемые кровяные шарики, которымъ кровь обязана своимъ цвѣтомъ и непрозрачностью, и которые не могутъ, какъ твердыя тѣла, фильтроваться сквозь стѣнки сосудовъ. Удалите изъ крови шарики и въ остаткѣ получится жидкость, ничѣмъ не отличающаяся отъ водяночной. Въ доказательство этого обращаю ваше вниманіе на 3-й стаканъ, въ которомъ изъ крови выдѣлилась, путемъ свертыванія, жидкая часть, называемая кровяною сывороткою. Если вы сравните ее съ водяночною жидкостью, то съ виду въ самомъ дѣлѣ не замѣтите между ними никакой разницы. Но сходство идетъ и далѣе. Если обѣ жидкости я вскипячу, особенно прибавивъ къ нимъ немного кислоты, обѣ онѣ, какъ видите, свертываются. Въ обѣихъ жидкостяхъ заключается, мм. гг., бѣлокъ (свертывающійся отъ жара), и это ихъ главнѣйшая составная часть, придающая и крови и ея фильтрату значеніе питательнаго сока. Если бы по удаленіи свернувшагося бѣлка, я сталъ анализировать въ обѣихъ жидкостяхъ остающуюся затѣмъ воду, то нашелъ бы и тутъ въ обѣихъ порціяхъ совершенно однородный рядъ веществъ. Можно ли сомнѣваться послѣ этого, что водяночная жидкость и жидкая часть крови тождественны между собою.

Теперь обращаюсь къ опытамъ, доказывающимъ фильтрацію жидкой части крови въ начала лимфатической системы. Дѣлать ихъ я не стану, такъ какъ они требуютъ кровавыхъ операцій на большихъ животныхъ, а только опишу.

Въ основѣ ихъ лежитъ слѣдующій рядъ разсужденій. Прямые опыты надъ лимфатическими трещинами, по причинѣ ихъ малости, невозможны, но каналы, выводящіе лимфу изъ тканей, настолько велики, что ихъ можно обнажать, перерѣзывать и собирать, съ цѣлью измѣренія, вытекающую изъ нихъ жидкость; по количеству же послѣдней, очевидно, можно судить и о количествѣ лимфы, приготовляемой въ данномъ участкѣ тѣла; на этомъ основаніи, если лимфа приготовляется изъ крови путемъ фильтраціи, то конечно слѣдуетъ ожидать, что съ усиле-

ніемъ послѣдней въ какомъ ни-на-есть мѣстѣ тѣла, количество лимфы, выносимой изъ него отводящимъ каналомъ, тотчасъ же должно увеличиваться, и наоборотъ. Все дѣло, стало быть, въ томъ, чтобы навѣрняка усилить или ослабить условія фильтраціи крови, а тамъ уже вопросъ рѣшается простымъ измѣреніемъ количества вытекающей изъ лимфатической трубки жидкости. Но какъ же усилить или ослабить условія фильтраціи крови? Усиленіе ихъ легче, и потому я скажу только объ немъ. Усилить условія фильтраціи — значитъ усилить дѣйствіе силы, продавливающей кровь черезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ, другими словами, для этого нужно усилить напоръ крови въ волосныхъ сосудахъ. Достигнуть этого, очевидно, легко, затруднивъ оттокъ крови по венамъ,—тогда въ соотвѣтствующей провинціи волосныхъ сосудовъ должно накопляться бо́льшее противъ нормы количество крови, такъ какъ она продолжаетъ притекать по артеріямъ, кровь должна застаиваться въ волосныхъ сосудахъ, расширять ихъ и усиленно давить на стѣнки.

Въ этой формѣ опыты обыкновенно и дѣлаются. Вотъ, напр., самая простая, хотя и не лучшая форма опыта. Собакѣ обнажается на шеѣ лимфатическій каналъ, относящій лимфу отъ головы къ груди, прорѣзывается и измѣряется количество лимфы, вытекающей въ теченіе извѣстнаго времени. Затѣмъ собакѣ перетягиваютъ морду шнуркомъ. Такъ какъ артеріи лежатъ вездѣ глубже венъ и сдавливаются значительно труднѣе ихъ, то лигатура уничтожаетъ оттокъ крови отъ морды вполнѣ, не прекращая совсѣмъ артеріальнаго притока. Вслѣдствіе этого морда вскорѣ отекаетъ. Когда отекъ достигъ замѣтныхъ размѣровъ, шнурокъ распускается и на отекшія мѣста давятъ рукой; вслѣдъ за этимъ изъ лимфатическаго ствола вытекаетъ втрое или даже болѣе жидкости, чѣмъ передъ наложеніемъ лигатуры.

Опытъ этотъ доказываетъ, слѣдовательно, причинную связь между затрудненнымъ движеніемъ крови по венамъ и скопленіемъ жидкости въ лимфатическихъ трещинахъ, т.-е. отекомъ ткани; но затрудненное движеніе крови равносильно усиленію условій ея фильтраціи черезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ, стало быть, скопленіе лимфы въ лимфатическихъ трещинахъ есть результатъ усиленной фильтраціи крови. Еще болѣе доказательную форму представляютъ опыты собиранія лимфы изъ лимфатическихъ стволовъ при непосредственномъ сдавливаніи, или перевязкѣ венъ.

И. Сѣченовъ.

ОЧЕРКИ АНГЛІЙСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ РОМАНАХЪ

А. ТРОЛЛОПА

Phineas Finn. 1869.
He knew he was right. 1869.
The Vicar of Bullhampton. 1870.

II *).

— «Вы были моложе меня, когда взялись за это дѣло; я тоже довольно молодъ, чтобы въ парламентской карьерѣ принесть пользу, но все же недостаточно молодъ, чтобы начинать эту дѣятельность съ вашимъ увлеченіемъ. И я не въ силахъ предаться ей весь, какъ вы. Для васъ британская палата общинъ составляетъ *все*.

Такъ говорилъ г. Грей Паллизеру, будущему канцлеру казначейства, возвращаясь съ нимъ съ мѣста своей избирательной побѣды въ Сильвербриджѣ. Паллизеръ отвѣчалъ ему съ одушевленіемъ:

— «Да, для меня это — *все, все*. Палата общинъ и конституція для меня — *все*.

— «Ну, а для меня...

— «Точно такъ будетъ и для васъ. Когда вы въ самомъ дѣлѣ возьметесь за дѣло, войдете хорошенько въ упряжь, и вы будете

*) См. выше, авг. 613 стр.

чувствовать тоже самое. Тотъ человѣкъ, котораго товарищи признаютъ № 1-мъ на министерской скамьѣ въ англійской палатѣ общинъ, есть первый изъ всѣхъ живущихъ на свѣтѣ людей. Таково мое убѣжденіе. Не знаю, высказывалъ ли я это прежде, но таково мое глубокое убѣжденіе....»

Рѣчь идетъ о парламентской карьерѣ въ Англіи; герои Троллопа высказываютъ о ней ходячія убѣжденія англійскаго общества. Въ нашей первой статьѣ мы уже говорили объ этой карьерѣ по отношенію къ общимъ политическимъ даннымъ. Приведенный выше разговоръ открываетъ намъ значеніе парламентской карьеры въ Англіи, понимаемой въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, индивидуальномъ, т.-е. какъ одной изъ карьеръ открытыхъ въ Англіи для личной дѣятельности, одного — и именно главнаго—изъ призовъ, къ которымъ стремится въ этой странѣ великое соперничество массы образованныхъ, энергическихъ людей. Мистеръ Грей уже завладѣлъ однимъ изъ лучшихъ призовъ, онъ избранъ членомъ общинъ; и однакоже онъ не обнаруживаетъ упоенія своей побѣдой. Происходитъ это оттого собственно, что онъ не готовился къ самой борьбѣ, не провидѣлъ эту побѣду изъ-за долговременныхъ усилій и пожертвованій. На поле выборовъ онъ выступилъ потому только, что этого желала его жена Алиса Вавазоръ и другъ его Плантаженетъ Паллизеръ. Побѣда досталась ему легко и, собственно говоря, никакой побѣды тутъ не было, такъ какъ мѣстечко Сильвербриджъ принадлежитъ герцогу Омніумъ, дядѣ Паллизера. Мистеръ Грей пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, не имѣя даже случая съ кѣмъ-либо сразиться. Но не таково бываетъ положеніе людей, которые сами прокладываютъ себѣ дорогу. Мы уже говорили о такихъ кандидатахъ въ парламентъ, которые смотрятъ на мѣсто въ немъ только какъ на «увѣнчаніе своего зданія». Они составляютъ себѣ состояніе въ како-нибудь профессіи и потомъ добиваются мѣста въ палатѣ общинъ на старость. Но такіе люди—за рѣдкими исключеніями—уже не могутъ пріобрѣсть себѣ въ палатѣ вліятельнаго положенія, да и не стремятся къ этому. Энергія ихъ уже истрачена на другомъ поприщѣ, а мѣсто въ парламентѣ для нихъ — только мѣсто почетнаго отдохновенія. Такой примѣръ мы указали въ лицѣ стараго адвоката Лоу. Для того же, чтобы не ограничиться такимъ положеніемъ въ палатѣ, а пріобрѣсть вліяніе въ ней и современемъ приблизиться къ тому № 1-му, на который выше указывалъ Пленти-Пэллъ, надо взяться за парламентскую карьеру смолоду, не позже лѣтъ тридцати или тридцати-пяти.

Это легко для такихъ людей, какъ самъ Пленти-Пэллъ. Впро-

чемъ для этого нѣтъ необходимости быть непремѣнно наслѣдникомъ герцогскаго титула и состоянія. Достаточно вообще принадлежать по рожденію къ тому классу «верхнихъ ста тысячъ», который до сихъ поръ былъ настоящимъ ordo equestris Великобританіи. Его дѣти уже на школьной скамьѣ прямо готовились въ законодатели, и вотъ главная причина того, что система классическаго образованія такъ упорно держится въ высшихъ школахъ Англіи: дѣти богатыхъ классовъ готовятся прямо въ ораторы [1]).

Но возьмемъ примѣръ молодыхъ людей, хотя и принадлежащихъ къ классу genteel и получившихъ то образованіе, которое считается genteel, но неимѣющихъ большихъ денежныхъ средствъ для осуществленія честолюбивой мысли — посвятить себя политической карьерѣ. Какіе шансы представлялись до сихъ поръ *для нихъ* въ старой Англіи, или хотя бы въ Англіи того переходнаго періода, къ которому относятся эти очерки? У той же Алисы Вавазоръ, которая потомъ дѣлается м-ссъ Грей, есть кузенъ Джоржъ Вавазоръ [2]), внукъ почтенныхъ сквайровъ-помѣщиковъ, молодой человѣкъ весьма энергическій, отдавшійся вполнѣ мысли о политической карьерѣ. Джоржъ Вавазоръ не очень щепетиленъ въ нравственномъ отношеніи и на парламентскую карьеру смотритъ исключительно съ той точки, съ какой на нее смотрятъ вообще беззастѣнчивые, лишенные убѣжденій искатели счастья. Для нихъ представлялась такая, трудная, конечно, но довольно вѣрная, при средствахъ, система дѣйствій: ухватиться за какой-нибудь мѣстный интересъ, выступить поборникомъ его на выборахъ, обѣщать удовлетвореніе его, вступить въ палату, стать въ оппозицію, пріобрѣсть вниманіе палаты, стало быть вліяніе, и воспользоваться первымъ затруднительнымъ для правительства случаемъ, чтобы продать себя за мѣсто въ кабинетѣ, за мѣсто, напр., одного изъ лордовъ адмиралтейства или казначейства, или помощника какого-либо министра (under-secretary). И надо признаться, что при той ограниченности выбора людей, при той узкости правительственной сферы, какія обусловливались избирательною монополіею высшихъ классовъ, высокимъ цензомъ избирателей и огромными издержками избранія, старая Англія до того сжилась съ такою недо-

---

[1]) А на примѣръ высшихъ англійскихъ школъ постоянно указывали ревнители классическаго образованія — *у насъ!* Впрочемъ, и въ Англіи, какъ мы видѣли изъ отчетовъ Деможо и Монтуччи (см. выше, іюль, 391 стр.), совѣтуютъ высшимъ классамъ не ограничиваться упорно классицизмомъ, чтобъ не отстать въ образованіи отъ простого рабочаго. — *Ред.*

[2]) Can You forgive her.

бросовѣстною практикою, что джентльмены гораздо получше Вавазора не видѣли ничего скандалёзнаго въ подобномъ образѣ дѣйствій, то-есть въ проложеніи себѣ карьеры путемъ парламентской интриги. Это — одно изъ тѣхъ золъ, которыя должны значительно устраниться за расширеніемъ избирательнаго сословія и уменьшеніемъ обязательныхъ издержекъ на избраніе. Но при этомъ однако необходимо замѣтить, что подобный способъ дѣланія карьеры все-таки далеко не то, что карьера въ иныхъ странахъ путемъ личной протекціи. Парламентская интрига, хотя она тоже интрига, и въ нравственномъ отношеніи пожалуй не лучше вліянія тётушки при дворѣ, однако для того, чтобы она удалась, требуются отъ самого искателя счастія нѣкоторыя качества, о которыхъ не спрашиваетъ тётушка: ухватиться за реальный мѣстный интересъ, пріобрѣсть вниманіе палаты общинъ и своимъ вліяніемъ въ ней проложить себѣ брешь въ храмину власти, почестей и высокихъ жалованій — легко сказать, но сдѣлать это и въ старой Англіи было труднѣй, чѣмъ состоять четырнадцать лѣтъ по особымъ порученіямъ, а на пятнадцатый имѣть самому людей для особыхъ порученій.

Джоржъ Вавазоръ являлся кандидатомъ въ Лондонѣ, и именно въ рабочемъ округѣ Чельси. Мѣстнымъ интересомъ, который онъ себѣ избралъ, было продолженіе устройства насыпей и набережныхъ по берегамъ Темзы, начиная отъ домовъ парламента до дальняго квартала Пимлико. Vote for Vavasor and the River Bank! таковъ былъ избирательный ключъ, пущенный въ оборотъ его «избирательнымъ агентомъ» мистеромъ Скроби. «Избирательный агентъ» въ Англіи настоящій маклеръ — подрядчикъ выборовъ, если можно такъ выразиться. Онъ производитъ всѣ издержки по печатанію объявленій, устройству hustings (платформы и временныя помѣщенія въ родѣ балагановъ), печатанію статей, угощенію и т. д., и ведетъ всѣ подготовительные переговоры и маневры разнаго рода, болѣе или менѣе приличные. Если онъ и зайдетъ слишкомъ далеко, или если обнаружится что-нибудь негодное — вина падаетъ на агента, на его избытокъ усердія, а не на репутацію кандидата, хотя, конечно, если будетъ доказанъ фактъ чего-либо похожаго на подкупъ, то избраніе будетъ уничтожено и скандалъ этотъ ляжетъ тогда на самого кандидата.

Vote for Vavasor and the River Bank! Чельси пріятно было обѣщаніе огромныхъ работъ и расхода милліоновъ фунтовъ на нихъ въ этомъ округѣ. Враждебные агенты изъ клика: Vavasor and the River Bank! сдѣлали: Viscount Riverbank! и пытались осмѣять такимъ образомъ кандидата. Онъ самъ смутно

понималъ это дѣло, но думалъ, лишь бы быть избраннымъ, а тамъ когда-нибудь, при случаѣ, можно изучить вопросъ объ embankment и сдѣлать его предметомъ пламенной рѣчи, для удовольствія избирателей. Но хорошій девизъ еще далеко не все; нужны деньги. Мистеръ Скроби не дѣлаетъ затратъ изъ своего кармана. У него двѣ манеры: одна такая манера, какъ будто онъ глубоко убѣжденъ въ побѣдѣ своего кандидата и въ совершенной необходимости этой побѣды для блага страны; такъ что, можно подумать, будто изъ убѣжденія въ пользѣ и успѣхѣ, онъ самъ вынетъ деньги на предварительные расходы. Но кто такъ думаетъ, тотъ вскорѣ открываетъ въ мистерѣ Скроби другую манеру, а эта другая манера такова, что вдругъ деньги дѣлаются необходимы до-зарѣза, а то все пропадетъ, и даже все то, что́ уже издержано, пойдетъ прахомъ.

Вавазоръ имѣлъ случай ознакомиться съ обѣими манерами мистера Скроби. Однажды онъ уже провалился на выборахъ, и при этомъ издержалъ понапрасну тысячи двѣ фунтовъ, т.-е. рѣшительно все, что́ имѣлъ самъ. Какимъ образомъ избраніе можетъ обойтись тысячъ въ пятнадцать рублей, если нѣтъ подкупа? — вотъ таинственный вопросъ, о которомъ нельзя дать объясненій математически точныхъ. Но понятно, что всѣ издержки на печатаніе, бумагу, постройки, флаги, угощеніе и т. д. обходятся втри-дорога кандидату въ члены парламента именно потому, что въ этихъ издержкахъ онъ долженъ соперничать съ другимъ кандидатомъ. У Эскироса, отличнаго знатока англійскихъ обычаевъ, мы находимъ наивное сознаніе [1]), что онъ никогда не могъ понять, почему постройка какого-нибудь простого сарая на выборахъ обходится такъ дорого, именно до тысячи рублей.

Какъ бы то ни было, 15 т. р. совершенно необходимы, а Вавазору потребуется и больше, такъ какъ онъ является не въ провинціи, а metropolitan elections сто́ютъ еще дороже. Деньги, какія у него были, онъ уже издержалъ, получить денегъ изъ дому, отъ дѣда, онъ не имѣлъ надежды. И вотъ, Вавазоръ пускается уже на совсѣмъ неблаговидное дѣло. Онъ въ то время считался женихомъ Алисы Вавазоръ и рѣшается спекулировать на ея деньги. Даетъ онъ сперва мистеру Скроби сотенъ шесть фунтовъ, потомъ полторы тысячи; потомъ оказывается необходимость еще въ 1,300 фунтахъ. И мистеръ Скроби утѣшаетъ его своею увѣренностью въ успѣхѣ его карьеры. Особенно благопріятна для того мысль о продолженіи набережныхъ въ Чельси.

[1]) L'Angleterre et la vie anglaise, par Alphonse Esquiros.

— Да вѣдь это никогда же не будетъ сдѣлано, возражаетъ Вавазоръ.

— Такъ чтожъ? спрашиваетъ докá-агентъ. Вамъ слѣдуетъ освоиться съ этимъ предметомъ, такъ чтобы быть въ состояніи разсуждать о немъ со всѣхъ сторонъ. Затвердите цифры наизусть, а такъ какъ никто другой этого не сдѣлаетъ, то никто и не будетъ въ состояніи переспорить васъ. Конечно, *сдѣлано* это не будетъ, — еще бы! Да еслибъ это было сдѣлано, тѣмъ хуже для васъ, у васъ былъ бы отнятъ вашъ кусокъ хлѣба. Вы все-таки всегда можете обѣщать это на платформѣ, и всегда требовать въ парламентѣ, чтобы это было сдѣлано. Помилуйте, я зналъ людей, которые добились прочныхъ мѣстъ съ двумя тысячами фунтовъ жалованья, опираясь на мысль гораздо менѣе удовлетворительную.

Издержавъ такимъ образомъ, на первыхъ выборахъ, тысячъ пятнадцать рублей напрасно, да около двадцати четырехъ тысячъ рублей на вторыхъ выборахъ, Вавазоръ наконецъ попадаетъ въ парламентъ. Но онъ и послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ испытаній, только калифъ на часъ, то-есть до новыхъ выборовъ, когда потребуются новыя жертвы. Успѣетъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ привесть въ исполненіе извѣстную интригу — хорошо; тогда онъ получитъ большое содержаніе, котораго однако можетъ каждый день лишиться при перемѣнѣ кабинета. Не успѣетъ,—не изъ чего будетъ и начинать снова, и все издержанное пропадетъ безвозвратно. Въ настоящемъ случаѣ, Джоржъ Вавазоръ никакимъ образомъ не могъ сдѣлать карьеры до новыхъ выборовъ, потому что былъ избранъ для замѣщенія выбывшаго члена парламента, а самому этому парламенту оставалось существовать всего нѣсколько мѣсяцовъ. А пропустить эту сессію, не являться въ этотъ разъ на выборы, съэкономничать сумму на эту короткую сессію—нельзя было; кто-нибудь другой утвердился бы на мѣстѣ и на послѣдующихъ выборахъ имѣлъ бы уже за собою всѣ преимущества statu quo. «Еще разъ такая же битва», утѣшалъ его мистеръ Скроби, «и затѣмъ вы уже укрѣпитесь на мѣстѣ и выборы вамъ не будутъ стóить почти ничего».

Но когда парламентъ былъ распущенъ, Джоржъ Вавазоръ уже разсорился съ своей невѣстой и денегъ было взять не откуда; развѣ убить дѣда, что ему уже и приходило въ мысль, въ его отчаяніи. Кончилось тѣмъ, что Вавазоръ, потерявъ все, влѣзши въ неоплатные долги на всю жизнь, перессорившись со всѣми близкими, скрылся въ Америку. Правда, здѣсь допущено исключительное условіе—кратковременность перваго срока пар-

ламентской дѣятельности Вавазора. Но не будь его, все-таки и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ едва ли бы ему удалось упрочить свое положеніе въ палатѣ и завоевать себѣ мѣсто въ кабинетѣ. А при каждой перемѣнѣ—результатъ былъ бы однородный. Все это доказываетъ, что до послѣдней реформы, да еще и теперь, пока она не произвела всѣ свои послѣдствія, въ Англіи доступъ ко власти былъ исключительно открытъ только богатымъ классамъ.

Чтобы еще болѣе выяснить этотъ фактъ и въ тоже время поближе присмотрѣться къ дѣятельности члена парламента, познакомимся съ исторіею Финіаса Финна. Отецъ Финна былъ провинціальный докторъ въ Ирландіи, весьма достаточный по мѣстнымъ условіямъ, и сына своего послалъ въ Дублинъ изучать право. Финіасъ кончилъ курсъ съ успѣхомъ и вступилъ въ сословіе адвокатовъ въ Лондонѣ, получая отъ отца содержаніе 150 фунтовъ въ годъ, обѣщанные на три года. Но молодой Финнъ вмѣсто того, чтобы отдаться вполнѣ призванію адвоката, сталъ заниматься въ Лондонѣ политикою, и вступилъ въ знаменитый либеральный клубъ — Reform-club, гдѣ и познакомился съ разными значительными вигами, какъ напр. съ графомъ Брентфордомъ и Баррингтонъ-Эрлемъ, которые уже упоминались въ предшествующей статьѣ. Баррингтонъ-Эрль подалъ ему мысль явиться либеральнымъ кандидатомъ при предстоявшихъ выборахъ въ томъ округѣ, гдѣ жили родители Финна. Округъ этотъ *принадлежалъ* одному нобльмену; этотъ въ то время поссорился съ своимъ братомъ, котораго онъ до тѣхъ поръ постоянно *посылалъ* въ парламентъ. Старикъ-докторъ сперва испугался-было столь непомѣрнаго честолюбія, но потомъ чванство одержало-таки верхъ надъ благоразуміемъ. Все обошлось благополучно, такъ какъ нобльмену было совершенно все равно, кого ни «послать» въ парламентъ, вмѣсто брата, котораго онъ болѣе посылать туда не хотѣлъ. Финнъ былъ избранъ. Онъ отправился въ Лондонъ въ надеждѣ соединить свои парламентскія занятія съ адвокатской карьерою. Но сперва, конечно, надо было освоиться съ первыми и найти себѣ мѣсто въ парламентскихъ кружкахъ.

Финнъ былъ не глупъ, хорошо воспитанъ и вдобавокъ очень красивъ. Онъ попалъ въ домъ графа Брентфорда и поступилъ такъ-сказать подъ покровительство его дочери, леди Лауры Стэндишъ, которая была не моложе, а пожалуй даже старше Финіаса. Леди Лаура принимала большое участіе въ ходѣ политическихъ дѣлъ, то-есть въ успѣхахъ партіи виговъ, къ которой Брентфорды принадлежали фамильно. Съ Финномъ она подружилась, а онъ скоро и влюбился въ нее. Такимъ образомъ, Финіасъ Финнъ,

человѣкъ, относительно говоря, совершенно бѣдный, очутился въ парламентѣ и въ высшемъ свѣтѣ, и даже на хорошемъ счету въ обоихъ, то-есть въ свѣтѣ какъ умный, молодой и красивый членъ парламента, а въ парламентѣ—какъ человѣкъ принятый фамильярно въ высшемъ обществѣ. Какъ могъ онъ жить при такихъ условіяхъ? Говорятъ, что ирландцы имѣютъ особенную способность жить, такъ сказать, ничѣмъ. Финнъ иной разъ обѣдалъ и за шиллингъ, а жилъ во вліятельномъ обществѣ и жилъ безъ долговъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые навязало ему поручительство за одного изъ «блестящихъ» друзей. Свѣтъ, въ которомъ жилъ Финнъ, былъ тотъ свѣтъ, къ которому принадлежатъ вожди партіи виговъ; свѣтъ этотъ, подъ вымышленными именами Троллопа, намъ уже извѣстенъ: мы знаемъ, что Баррингтонъ-Эрль былъ родственникъ г. Мильдмея, главы виговъ, въ лицѣ котораго представляется лордъ Россель; мы знаемъ Паллизеровъ, изъ которыхъ одинъ—герцогъ Омніумъ—первый нобльменъ въ странѣ, и другой Плантаженетъ Паллизеръ дѣлается канцлеромъ казначейства; мы знакомы съ прежнимъ президентомъ совѣта, герцогомъ Сент-Бонгей, который приходится зятемъ графу Брентфорду (они женаты на сестрахъ) и представляетъ собою графа Гренвилля, нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ. Блестящій другъ Финна, ввергающій его въ финансовое затрудненіе, не кто иной какъ Лоренсъ Фицгиббонъ. Финнъ друженъ съ леди Лаурою Стэндишъ, дочерью графа Брентфорда и поперемѣнно то друженъ, то ссорится съ ея братомъ, неукротимымъ спортсменомъ лордомъ Чильтерномъ—«красноволосымъ чортомъ», какъ его изящно называютъ молодые джентльмены изъ Сити, обиженные его высокомѣріемъ. Мы знаемъ г. Грешэма (Гладстона) и Монка (Мильнера Гибсона) и намъ остается познакомиться съ г. Кеннеди, богатымъ джентльменомъ, надутымъ «правилами», страшнымъ педантомъ, который тоже принадлежитъ къ главному штабу виговъ, котораго имя также было упомянуто и который дѣлается претендентомъ на руку леди Лауры, а потомъ канцлеромъ герцогства ланкастерскаго. Вотъ свѣтъ, въ которомъ обращался Финнъ и въ которомъ онъ жилъ всецѣло умомъ, хотя тѣломъ и не всегда могъ держаться исключительно въ этой сферѣ.

Адвокатская работа, разумѣется, не шла. Да и какъ было ей идти? Во время сессіи — сговоры партіи, засѣданія палаты, свѣтскія отношенія, поглощающія много времени, занятія въ парламентской коммиссіи «объ употребленіи въ арміи голштинскаго прессованнаго гороха». А кончится сессія — Финнъ чувствуетъ себя въ Лондонѣ какъ въ пустынѣ. *Его* міръ, міръ, въ которомъ онъ всецѣло живетъ умомъ, уносится далеко отъ него

и продолжаетъ заниматься тѣми же интересами, устраивать тѣже комбинаціи безъ его, Финна, участія. Вотъ почему самъ Финіасъ по окончаніи сезона или принимаетъ приглашеніе въ одинъ изъ вигскихъ замковъ или помѣстій виговъ, къ графу Брентфорду, г. Кеннеди, лорду Чильтерну, или уѣзжаетъ домой, въ Ирландію, чтобы только не оставаться одному въ Лондонѣ. Адвокатское дѣло и не идетъ. Мистеръ Лоу, старый адвокатъ, у котораго онъ было-началъ свою юридическую карьеру, говорилъ ему впередъ, что это дѣло не совмѣстно съ проложеніемъ себѣ карьеры въ парламентѣ, что лучше ему отказаться отъ парламента, рискуя подвергнуться скорѣе кратковременнымъ шуткамъ своихъ великосвѣтскихъ друзей, чѣмъ окончательной неспособности къ какому бы то ни было дѣлу и окончательному разоренію.

— Наконецъ, какъ же вы будете жить? настаивалъ мистеръ Лоу. Отецъ даетъ вамъ содержаніе весьма скромное, такъ что вы и до сихъ поръ не уберегліись отъ долговъ.

— Онъ увеличилъ мое содержаніе, сказалъ Финнъ.

— И что же, вы рѣшаетесь жить здѣсь, пребывая въ парламентской и клубной праздности, насчетъ его сбереженій, добытыхъ тяжкимъ трудомъ? Вѣдь всякая гибель приходитъ человѣку не отъ того, что онъ прямо обратился ко злу, а отъ того, что былъ слабъ и постепенно поддался искушенію. Вамъ искушеніе представилось въ видѣ этого проклятаго мѣста въ парламентѣ.

Финнъ далъ ему понять, что и въ парламентѣ можно сдѣлать карьеру; что онъ будетъ участвовать въ ниспроверженіи торіевъ, и потомъ получитъ, въ силу своихъ связей и своихъ скромныхъ ораторскихъ способностей, какое-нибудь, хотя и незначительное сперва мѣсто въ кабинетѣ. Но мистеръ Лоу нисколько не убѣдился и доказывалъ ему, что даже въ случаѣ успѣха, это будетъ не что иное какъ рабство, съ какимъ-нибудь не большимъ жалованьемъ, которое онъ тотчасъ же утратитъ, какъ только перемѣнится министерство или онъ «провалится» на слѣдующихъ выборахъ. Но, въ то время, Финна уже неотразимо влекли въ міръ политическій не только честолюбивыя мечты, но и любовь къ леди Лаурѣ Стэндишъ.

Финнъ отправился съ мужчинами на охоту, но торопится домой, чтобы поспѣть ко времени прогулки леди Лауры. Кеннеди сперва задерживаетъ его, но узнавъ, что онъ имѣетъ что-то сказать леди Лаурѣ, достаетъ ему пони, чтобы возвратиться домой поскорѣе. Финіасъ сперва отказывается отъ лошади, ему совѣстно принять услугу отъ того человѣка, которому онъ самъ хочетъ перебить дорогу. Однакожъ онъ ѣдетъ и поспѣваетъ къ прогулкѣ.

Леди Лаура была готова и казалась особенно моложавой и хорошенькой. Они отправились вмѣстѣ. Финнъ не былъ вульгарный «искатель партіи». Леди Лаура увлекала его своимъ умомъ и своею величавостью; фактъ, что она была дочь лорда, а онъ сынъ провинціальнаго доктора, никакъ не побуждалъ его къ тому шагу, на который онъ теперь рѣшался, а напротивъ, обезкураживалъ его. Онъ ободрялся только при мысли, что дѣдъ г. Кеннеди былъ простымъ погонщикомъ скота въ Шотландіи, между тѣмъ, какъ дѣдъ его, Финіаса, былъ мелкій помѣщикъ въ Ирландіи. Что касается богатства, то это не стѣсняло его, такъ какъ леди Лаура отдала свою часть на уплату долговъ своего брата, лорда Чильтерна, и у ней теперь не было ничего.

Они пошли вмѣстѣ и наконецъ достигли вершины горы, съ которой открывался одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ въ Шотландіи. Финіасъ былъ въ охотничьемъ костюмѣ: шотландской шапочкѣ съ перомъ, бархатномъ пиджакѣ и темныхъ штиблетахъ (сдѣланныхъ въ долгъ). Онъ былъ необыкновенно хорошъ и притомъ изящно, аристократически хорошъ, какъ будто въ красотѣ его фигуры и въ художественной простотѣ его поступи сказывалась кровь легендарныхъ Финновъ древности, кровь сказочныхъ королей. Но онъ никогда не замѣчалъ своей красоты и ему не приходило въ голову, что леди Лаура пойдетъ за него потому, что онъ красивый мужчина.

— Вы вѣрно устали, взбираясь сюда, сказалъ онъ; не хотите ли присѣсть? Присядьте здѣсь на минуту, я желаю что-то сказать вамъ, и сказать именно на этомъ мѣстѣ. Она взглянула на него, и сказала себѣ, что онъ красивъ какъ классическій богъ.

— Хорошо, сказала она; но я имѣю также сказать вамъ нѣчто, и скажу прежде, чѣмъ сяду. Вчера г. Кеннеди сдѣлалъ мнѣ предложеніе и я его приняла.

— Такъ я опоздалъ, сказалъ Финнъ и, отвернувшись отъ нея, пошолъ въ сторону, кругомъ горы. Сердце его наполнилось желчью, когда онъ думалъ, какъ глупъ онъ долженъ казаться въ ея глазахъ, онъ, нищій претендентъ на ея руку, соперникъ несмѣтнаго богача. Онъ не чувствовалъ себя въ силахъ соблюсти простую вѣжливость и просто шолъ прочь отъ нея, какъ бы убѣгая отъ нея навсегда.

— Мистеръ Финнъ....

Онъ обернулся; она стояла вблизи, позади его. Онъ сдѣлалъ усиліе улыбнуться.

— Неужели вы не скажете мнѣ ни слова, ни одного добраго пожеланія, а я разсчитывала на вашу дружбу и сказала вамъ первому, послѣ батюшки.

— Да, конечно, я желаю вамъ счастья. Конечно желаю.

— Немудрено, что онъ доставилъ мнѣ лошадь! прибавилъ онъ невольно.

— Забудьте все это.

— Что забыть?

— Такъ.... ничего. Вамъ нѣчего забывать; ничего лишняго не сказано и не о чѣмъ жалѣть. Только пожелайте мнѣ счастья и все будетъ хорошо.

Финнъ пожелалъ ей счастья, потому что она побѣдила его уязвленное самолюбіе, и съумѣла заговорить его болѣзненное разочарованіе. И однакоже, леди Лаура любила, искренно любила Финіаса — не признаваясь себѣ въ томъ, и впослѣдствіи горько сожалѣла о своемъ благоразуміи, когда онъ давно уже забылъ свое неблагоразуміе и ей, ей — признавался въ новой любви своей къ ея подругѣ, а она сама, попавъ въ руки сухого, несноснаго педанта, который преслѣдовалъ ее поученіями на каждомъ шагу, поняла, что партія ея въ жизни была окончательно проиграна.

Троллопъ, какъ вѣрный представитель англійскаго средняго общества, проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ палатѣ общинъ. Сквозь юморъ, съ какимъ онъ описываетъ подробности внутренней жизни палаты, проглядываетъ искреннее благоговѣніе. Онъ не убѣжденъ, конечно, что всѣ члены, собирающіеся въ этихъ «священныхъ» стѣнахъ, составляютъ «цвѣтъ Англіи»; но онъ убѣжденъ, что цвѣтъ Англіи — въ ея палатѣ общинъ. Даже о тѣхъ двухъ фонаряхъ, которые освѣщаютъ входъ въ это великое собраніе, онъ говоритъ не безъ нѣкотораго благоговѣнія.

Говорить въ этомъ собраніи, говорить въ первый разъ составляетъ подвигъ не малый. Во французскомъ законодательномъ собраніи, несмотря на бурность его, положеніе начинающаго оратора все-таки легче. Достаточно ума и смѣлости, чтобы сразу имѣть успѣхъ. Въ палатѣ общинъ не то. Правда, тамъ всякаго начинающаго оратора привѣтствуютъ, одобряютъ, но самъ онъ предчувствуетъ, что это одобреніе покровительственное, и начинающій ораторъ въ палатѣ общинъ можетъ имѣть успѣхъ только относительный, то-есть можетъ произнесть рѣчь плохую, но лучше чѣмъ *обыкновенно* бываютъ такъ-называемыя «дѣвственныя» рѣчи (maiden speeches). Дѣло въ томъ, что ни одно изъ европейскихъ законодательныхъ собраній не имѣетъ такой исторіи, какъ палата общинъ. Это древнее собраніе выработало для своей дѣятельности множество условій и формъ, которыя необходимо знать и которыхъ несоблюденіе тотчасъ ставитъ новаго оратора *внѣ* всякой критики, какъ бы онъ ни былъ уменъ.

Палата общинъ выработала себѣ и особый, чисто-дѣловой складъ рѣчи, котораго необходимо держаться во-первыхъ потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ всего удобнѣе для парламентской дѣятельности, а во-вторыхъ еще и потому, что англичане ужасные формалисты. Сравните между собою рѣчи, произносимыя во французскихъ законодательныхъ собраніяхъ, и убѣдитесь, что условныхъ формъ, условнаго парламентскаго языка тамъ почти вовсе не существуетъ. Рѣчь одного французскаго оратора выходитъ въ тонѣ газетной статьи, другого въ тонѣ адвокатскаго plaidoyer (большинство), третьяго въ видѣ философской и даже поэтической импровизаціи. Такого различія въ англійскихъ парламентскихъ рѣчахъ нѣтъ, хотя, конечно, каждая рѣчь все-таки запечатлѣна личными свойствами оратора. Но условныя границы гораздо болѣе узки, и условный тонъ, по строгой «дѣловитости» своей гораздо болѣе опредѣленъ и болѣе обязателенъ. Вотъ почему только долговременный навыкъ даетъ англійскому оратору въ парламентѣ ту снаровку, которая необходима какъ первое условіе, чтобы на него обращали вниманіе: чтобы спикеръ замѣчалъ его, когда онъ «поднимается на ноги», и чтобы пока онъ «на ногахъ» ему принадлежало «ухо палаты». Изъ этого слѣдуетъ, что каждая первая рѣчь въ палатѣ общинъ непремѣнно бываетъ неудачною — a failure.

Мы должны напомнить, что первая сессія, въ которой Финнъ принималъ участіе, была та сессія, въ которой г. Мильдмей (лордъ Джонъ Россель), внесъ свой послѣдній проектъ билля о реформѣ. Въ предшествующей статьѣ уже были выведены Торнболлъ (Брайтъ), настаивающій на внесеніе въ этотъ билль закрытой баллотировки, и Монкъ (Мильперъ Гибсонъ), членъ росселева кабинета, тоже радикалъ по убѣжденію, но отвергающій тайную подачу голосовъ. Финнъ захотѣлъ принять участіе въ одномъ изъ парламентскихъ сраженій съ Торнболломъ. Онъ приготовилъ свою рѣчь дома, записавъ главные свои пункты и аргументы, и постарался затвердить ихъ, а также нѣсколько полныхъ фразъ, которыми предполагалъ начать рѣчь, и явясь въ палату, сталъ выжидать случая. Послѣ обличительной рѣчи Торнболла выступилъ Монкъ и сталъ оправдывать свое поведеніе и вмѣстѣ нападать на ballot. Финнъ, къ прискорбію своему, слышалъ, какъ Монкъ одинъ за другимъ употребилъ въ дѣло всѣ приготовленные имъ, Финномъ, аргументы, такъ, что когда онъ кончилъ, Финну показалось, что ему не оставалось сказать рѣшительно ничего. А между тѣмъ, товарищамъ его въ партіи было извѣстно его намѣреніе говорить въ этотъ разъ. Ему вдругъ показалось, что все въ палатѣ плаваетъ передъ его гла-

зами. Торнболлъ продолжалъ свою филиппику и въ ушахъ Финна, который уже не слышалъ или не понималъ ничего, что онъ говорилъ, продолжалъ звучать твердый, громкій, непріятный говоръ великаго радикала. Но кто могъ знать, много ли это продолжится еще; какъ вдругъ Торнболлъ кончитъ сейчасъ, когда Финнъ еще не освободился отъ своего замѣшательства? Защищать Монка — дѣло, конечно, великое. Но, чтобы имѣть успѣхъ, прежде всего необходима нѣкоторая доля увѣренности въ себѣ. А что, какъ придется окончательно запутаться и сѣсть посреди стыда? Финнъ даже еще не слыхалъ звука своего голоса въ этой залѣ, не отдавалъ себѣ отчета, какой тонъ взять при началѣ. Все вокругъ его какъ-то спуталось, до такой степени, что онъ даже не помнилъ навѣрное, на которой сторонѣ сидитъ г. Мильдмей, и на которой г. Добени (Дизраэли). Наконецъ, въ собственныхъ ушахъ ему послышался какъ будто шумъ воды, а палата приняла какой-то фантастическій, адскій характеръ....

Онъ не выдержалъ; повернулся къ одному изъ руководителей своей партіи и сказалъ, что уступаетъ свою очередь другому. Затѣмъ, онъ со стыдомъ, съ чувствомъ страшной досады на себя, разочарованія въ своихъ силахъ, отправился домой.

Въ другой разъ, онъ собрался говорить по дѣлу, о которомъ упомянуто въ первой статьѣ—по поводу безпорядковъ, происшедшихъ въ день, когда было предложено второе чтеніе билля о реформѣ. Онъ поставилъ себѣ задачею протестовать противъ поведенія полиціи и привесть въ примѣръ извѣстный ему случай съ мистеромъ Бонсомъ, который, хотя «добропорядочный человѣкъ», тѣмъ не менѣе подвергся аресту при этихъ безпорядкахъ. Въ этотъ разъ, онъ рѣшился дѣйствовать совсѣмъ иначе, чѣмъ въ первый разъ. По совѣту людей опытныхъ, онъ не приготовилъ своей рѣчи заранѣе и ничего не затвердилъ, а рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ, просто «броситься» въ самую глубину, самую суть своего предмета, подобно тому, какъ ловкій плавальщикъ бросается въ воду съ возвышенія. Онъ приготовился начать тотчасъ, когда кончитъ одинъ достопочтенный, медленно тянувшій въ своей рѣчи всѣ общія мѣста, всѣ старые аргументы противъ какой бы то ни было реформы. Дважды онъ вскочилъ на ноги, думая, что тотъ кончилъ, и дважды ошибся. Опускаясь на скамью, онъ чувствовалъ, что достоинъ смѣха. За то, когда тотъ въ самомъ дѣлѣ кончилъ, Финіасъ минуты двѣ запоздалъ встать. Однакоже, увидя, что встаютъ еще нѣсколько человѣкъ, онъ таки-поднялся и спикеръ пригласилъ его говорить; другіе сѣли. Отступленія уже не было.

Онъ началъ съ увѣренія, что каждый истинный другъ ре-

формы долженъ поддерживать билль г. Мильдмея, хотя бы даже только въ смыслѣ перваго шага впередъ. Но еще прежде, чѣмъ ему удалось ясно выразить эту мысль, онъ замѣтилъ, что повторяетъ нѣсколько разъ собственныя свои слова. Раздались клики одобренія, условленные обычаемъ, но онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что дѣло идетъ не хорошо. У него было нѣсколько аргументовъ, особенно близкихъ ему, не разъ уже употребленныхъ имъ въ разговорахъ, аргументовъ такъ сказать фамильярныхъ,— и они ему измѣнили, непостижимымъ образомъ скрылись изъ памяти. Онъ сознавалъ, что приводитъ въ защиту реформы только общія мѣста, плоскости, которыя устыдился бы употребить въ разговорѣ. Онъ говорилъ поспѣшно, боясь, что если дастъ себѣ какую-либо остановку, то затѣмъ слова совсѣмъ откажутся служить ему. Отъ этого происходило, что онъ говорилъ съ нервной поспѣшностью, такъ сказать билъ однимъ словомъ объ другое, такъ что рипортеры не могли слѣдить за смысломъ его рѣчи. И такимъ образомъ, сознавая, что онъ проигрываетъ сраженіе, онъ весь отдался послѣдней надеждѣ — возбудить вниманіе палаты и оправиться самому при помощи сильной заключительной выходки противъ образа дѣйствій полиціи. Онъ началъ ее, началъ очень энергично, но успѣлъ дать понять собранію только то, что онъ очень сердится, и больше ничего. Онъ никакъ не находилъ словъ выразить совершенно простую мысль, что народныя собранія внѣ палаты имѣютъ такое же право высказываться въ пользу закрытой баллотировки, какое имѣютъ члены въ палатѣ высказываться въ смыслѣ противномъ. Тогда онъ попытался, въ видѣ фактической иллюстраціи, разсказать случай съ мистеромъ Бонсомъ, въ видѣ легкаго, юмористическаго очерка, почувствовалъ, что неудается ему и это, и не окончивъ, сѣлъ. Опять раздались обычные клики одобренія, но посреди кликовъ Финну казалось, что онъ охотно размозжилъ бы себѣ голову, еслибы была возможность для такой операціи.

Минута крайне непріятная. Онъ не зналъ, что́ дѣлать съ собою: уйти поскорѣе прочь, или остаться на мѣстѣ. Въ продолженіи нѣкотораго времени онъ сидѣлъ все еще безъ шляпы (ораторъ снимаетъ шляпу); потомъ вдругъ спохватился и порывистымъ движеніемъ надѣлъ ее, какъ будто всѣ только тѣмъ и заняты были, что смотрѣть, какъ онъ забылъ накрыться. Когда засѣданіе кончилось, и онъ пошелъ домой, его догналъ Монкъ. Финнъ не сказалъ ему ни слова и Монкъ сперва не говорилъ ничего. Наконецъ, онъ неожиданно, замѣтилъ:

— Чтожъ, не совсѣмъ дурно; но вы съумѣете и получше.

— Г. Монкъ, сказалъ Финіасъ, я выказалъ себя такимъ со-

вершеннымъ дуракомъ, что по крайней мѣрѣ достигъ того хорошаго результата, что ужъ никогда болѣе не рискну сдѣлаться такимъ дуракомъ еще разъ.

— Ага, отвѣчалъ Монкъ, я такъ и думалъ, что вы чувствуете нѣчто въ этомъ родѣ, и потому-то хотѣлъ сказать вамъ кое-что. Вы можете быть увѣрены, Финнъ, что я вамъ льстить не стану, и вы сами, полагаю, убѣждены, что я скажу вамъ правду. Ваша рѣчь — конечно, не Богъ знаетъ что́, и совершенно одинакова, по достоинству, со всѣми дѣвственными рѣчами, какія произносятся въ палатѣ общинъ. Вы не одержали побѣды и не понесли пораженія, да и вовсе нежелательно, чтобы случилось то или другое. Теперь мой совѣтъ вамъ — никогда не уклоняться отъ слова по такому предмету, который васъ интересуетъ, но никогда также не говорить долѣе минутъ трехъ заразъ, до тѣхъ поръ, пока вы не будете чувствовать себя столь же твердо *на ногахъ*, какъ сидя. Но никакъ не думайте, что вы выказали себя сегодня дуракомъ,—то-есть какъ-нибудь особенно. Затѣмъ доброй ночи».

При распущеніи палаты Финнъ лишился своего мѣста, но аристократическіе друзья его, и въ особенности леди Лаура, которой онъ оказалъ услугу, именно спасъ ея мужа отъ «гароттеровъ», въ то время наводившихъ ужасъ на Лондонъ, не оставили его своимъ покровительствомъ и пріискали ему другой округъ, въ которомъ онъ былъ избранъ почти также легко, какъ въ первомъ. При преобразованіи кабинета, Финнъ дѣлаетъ неожиданно рано карьеру; именно дѣлается однимъ изъ лордовъ казначейства, съ жалованьемъ въ тысячу фунтовъ, а вскорѣ потомъ товарищемъ министра колоній, съ жалованьемъ въ двѣ тысячи фунтовъ. Третье избраніе его въ парламентъ также проходитъ удачно, несмотря на сильное на этотъ разъ соперничество торійскаго кандидата, но благодаря тому, что мѣстный лордъ самъ завидуетъ этому кандидату, то-есть опять-таки благодаря случаю. На расходы по этимъ выборамъ даетъ ему средства отецъ, который въ виду блестящей карьеры сына рѣшается на самыя чувствительныя для себя пожертвованія.

Въ иной странѣ положеніе такого человѣка, какъ Финнъ, было бы теперь окончательно обезпечено. Не только попавъ разъ въ товарищи министра, но попавъ хотя бы въ какой-нибудь министерскій совѣтъ, молодой человѣкъ съ его связями и способностями пошелъ бы въ гору твердыми шагами, не имѣя надобности оглядываться назадъ. Но тутъ не такъ. Отецъ Финіаса уже болѣе не въ состояніи дѣлать для него дальнѣйшія пожертвованія. Правда, Финіасъ получаетъ тысячъ пятнадцать

рублей жалованья. Но на долго ли это? При первой значительной неудачѣ виговъ, все это исчезнетъ какъ сонъ; кабинетъ подастъ въ отставку, и содержаться будетъ нечѣмъ, а затѣмъ при новыхъ выборахъ не будетъ средствъ на расходы по избранію. Мало того, въ его положеніи, Финнъ долженъ безусловно подчиняться премьеру — главѣ своей партіи. Пусть Монкъ, напримѣръ, если разойдется въ чемъ-либо съ товарищами, подастъ въ отставку — его карьера не будетъ кончена; это будетъ только одно изъ совершенно нормальныхъ видоизмѣненій въ его политическомъ положеніи. Онъ станетъ въ оппозицію и въ первыхъ рядахъ ея будетъ имѣть еще болѣе вліянія, чѣмъ во второмъ ряду министровъ. Наступятъ выборы и хотя у Монка и нѣтъ лакея въ ливреѣ, и онъ самъ разливаетъ свое вино, однако у него есть достаточно средствъ на выборы, и если захочетъ онъ быть снова министромъ, ему не трудно дождаться своей очереди— выборъ людей малъ.

Ничего этого не можетъ сдѣлать Финіасъ Финнъ. Положеніе его и зависимо, и непрочно. И разногласіе, и пораженіе кабинета, и распущеніе парламента — каждая изъ этихъ весьма вѣроятныхъ, вполнѣ нормальныхъ въ парламентарномъ правленіи случайностей, что называется, выбьетъ его изъ сѣдла, и выбьетъ окончательно, потому что у него нѣтъ средствъ держаться въ палатѣ и проходить чрезъ новые выборы.

Финнъ влюбляется въ миссъ Віолетту Эффингэмъ, подругу леди Лауры, но миссъ Віолетта, послѣ многихъ колебаній и разныхъ затрудненій, выходитъ замужъ за брата леди Лауры Стэндишъ — «красноволосаго» лорда Чильтерна. Финну впослѣдствіи представляется случай вполнѣ обезпечить свое положеніе въ политическомъ мірѣ: одна иностранка, фантастическая вдова, художественно нарисованный авторомъ типъ остроумной, чувствительной и эксцентричной женщины среднихъ лѣтъ—сама влюбляется въ него и наконецъ, откровенно, предлагаетъ ему средства. Но Финнъ порядочный человѣкъ. Онъ не хочетъ пользоваться помощію совершенно посторонней ему женщины.

— Но вы скорѣе можете принять помощь отъ меня, чѣмъ отъ друга, говорила она. Вы не хотите взять денегъ изъ моей руки?

— Нѣтъ, m-me Гослёръ; — я не могу сдѣлать этого.

— Ну, такъ возьмите сперва мою руку.

Удовлетворительная развязка для труднаго положенія! Политическая карьера, мечта всей молодости Финна была бы обезпечена, такимъ образомъ, навсегда и тѣмъ болѣе удовлетворительно, что m-me Гослёръ сама—очаровательная женщина. Но

Финнъ все-таки отказывается. Отказывается потому, что самъ—уже не свободенъ въ то время.

Монкъ шелъ согласно съ кабинетомъ Мильдмея въ вопросѣ о реформѣ; онъ самъ лично былъ нерасположенъ къ закрытой подачѣ голосовъ. Но былъ такой вопросъ, въ которомъ Монкъ не совсѣмъ сходился въ мнѣніяхъ со своими товарищами въ кабинетѣ. Это былъ вопросъ ирландскій. Извѣстно, что виги даже впослѣдствіи, подъ предводительствомъ Гладстона, не очень-то были расположены въ пользу необходимости уступокъ Ирландіи въ виду феніанизма. Они, правда, пошли наконецъ впередъ въ этомъ вопросѣ подъ предводительствомъ Гладстона, но пошли впередъ подъ давленіемъ Брайта, хотя и не пошли такъ далеко, какъ того хотѣлъ Брайтъ, который именно для того и согласился дать кабинету Гладстона личную свою поддержку, т.-е. вступилъ въ его министерство. Но въ то время, къ которому относится исторія Финіаса Финна, кабинетъ виговъ вовсе не былъ расположенъ къ уступкамъ въ пользу Ирландіи, придерживаясь мнѣнія, что *еще не пора*. А Монкъ былъ убѣжденъ, что *пора*. Финнъ и вообще ближе всѣхъ держался именно Монка. А въ вопросѣ ирландскомъ, онъ, будучи самъ ирландцомъ и католикомъ, разумѣется, безусловно раздѣлялъ взглядъ своего друга. Но между имъ и Монкомъ была та огромная—въ политической сферѣ Англіи—разница, что Монкъ былъ независимъ по своимъ средствамъ, а Финнъ независимъ не былъ. Вслѣдствіе такого различія, легко предвидѣть, что ихъ согласіе въ этомъ дѣлѣ должно было привесть къ совершенно различнымъ результатамъ: слѣдуя своему убѣжденію и принося ему жертву, Монкъ только упрочивалъ свое политическое положеніе; а Финнъ, если хотѣлъ слѣдовать своему убѣжденію, долженъ былъ пожертвовать ему именно самымъ своимъ положеніемъ въ политическомъ мірѣ.

Такъ и случилось. Въ промежуткѣ между сессіями, Монкъ поѣхалъ въ Ирландію, чтобы еще ближе ознакомиться съ особенно-занимавшимъ его вопросомъ. Финнъ, обыкновенно ѣздившій домой въ это время, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. Здѣсь Финнъ, испытавшій двѣ неудачи въ своихъ любовныхъ стремленіяхъ въ Лондонѣ, встрѣтивъ молодую дѣвушку, воспитанную вмѣстѣ съ его сестрою, и любившую его, обмѣнялся съ нею обѣщаніями. Потомъ онъ сопутствовалъ Монку, а Монку давали въ городахъ обѣды, на которыхъ Монкъ, разумѣется, говорилъ. Говоря одинъ, не посовѣтовавшись со своими товарищами, по такому важному вопросу, онъ, конечно, заходилъ далѣе, чѣмъ они располагали идти и тѣмъ самымъ ставилъ себя въ необходимость, при открытіи сессіи, въ случаѣ несогласія большинства министровъ съ

его заявленіями — выйти въ отставку. А Финнъ поддерживалъ его.

Когда они возвратились въ Лондонъ и открылась сессія, необходимость эта вскорѣ представилась. Ирландскія рѣчи Монка въ кабинетѣ одобрены не были, онъ подалъ въ отставку и затѣмъ внесъ самъ билль въ пользу Ирландіи. Каково же теперь было положеніе Финна? Онъ долженъ былъ вотировать или съ Монкомъ, т.-е. противъ министерства, и въ такомъ случаѣ прежде всего подать въ отставку; или вотировать въ качествѣ члена кабинета, за кабинетъ, но противъ того билля, который выражалъ его личное глубокое убѣжденіе, вотировать противъ человѣка, съ которымъ былъ открыто-солидаренъ, котораго мнѣнія, наконецъ, онъ открыто поддерживалъ на ирландской поѣздкѣ.

Еслибы въ умѣ Финна оставалось еще колебаніе, то его, конечно, разсѣяли бы разсужденія вслухъ такихъ благопріятелей, которые всегда найдутся позади человѣка, имѣющаго успѣхъ; тѣхъ посредственностей, которыя всегда завидуютъ успѣху, тѣхъ *безличностей*, которымъ никогда и въ мысль не приходитъ, что человѣкъ можетъ принесть жертву личному своему убѣжденію. Послушайте, что́ жужжатъ эти насѣкомыя въ уши Финіаса, когда онъ явился въ клубъ за нѣсколько дней до вотированія билля Монка.

Рэтлеръ и Бонтинъ тотчасъ пристали къ нему; одинъ съ одной стороны, другой — съ другой.

— Итакъ, говорятъ, вы уходите отъ насъ? сказалъ Бонтинъ.

— Какой же это недобрый человѣкъ распускаетъ такіе слухи? иронически отвѣчалъ Финіасъ.

— Мое мнѣніе, сказалъ Бонтинъ, таково, что человѣкъ долженъ быть или откровеннымъ другомъ или открытымъ противникомъ. Я могу уважать открытаго противника.

— Ну, такъ считайте меня открытымъ противникомъ, и уважайте меня.

— Все это прекрасно, вступился Рэтлеръ, но все это не имѣетъ смысла. Я, знаете Финнъ, всегда опасался, что вы когда-нибудь да собьетесь со слѣда. Ну, конечно, независимость — это весьма великое дѣло, прибавилъ онъ.

— Великолѣпнѣйшая вещь въ свѣтѣ, замѣтилъ Бонтинъ, только ни къ чорту негодна.... Но всѣ вы, ирландцы, таковы. Вы — славные кони такъ, на-показъ. Но вы не любите ига упряжки.

— А на хлыстъ мы лягаемся, не такъ ли, Рэтлеръ? сострилъ Финнъ. (Хлыстомъ называется въ партіи «загонщикъ», то-есть

тотъ, кто взялъ на себя обязанность сосчитывать впередъ голоса, на которые партія можетъ разсчитывать и сгонять членовъ партіи въ палату въ случаѣ важнаго рѣшенія, для составленія большинства. Таковъ былъ Рэтлеръ у виговъ).

— Я завтра покажу Грешэму смѣту голосовъ, сказалъ Рэтлеръ; ваше имя не на нашей сторонѣ. Пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ, но я право не понимаю такихъ отношеній.

— Не торопитесь Рэтлеръ, прибавилъ Бонтинъ. Держу соверень, что Финнъ все-таки останется съ нами и будетъ вотировать противъ Монкова билля. Финнъ, наконецъ, не выдержалъ и ушелъ изъ клуба.

Онъ уже былъ убѣжденъ, что ему необходимо подать завтра же въ отставку, когда онъ явился на раутъ къ премьеру, Грешэму (Гладстону), который уже зналъ, конечно, о томъ положеніи, въ какомъ находился Финнъ. Онъ встрѣтилъ самого Грешэма на площадкѣ, наверху лѣстницы, гдѣ Грешэмъ принималъ гостей.

Мы не будемъ описывать раута у Гладстона, но приведемъ разговоръ Финна съ нимъ, то-есть съ Грешэмомъ.

— Радъ васъ видѣть, привѣтствовалъ его хозяинъ. Вы, я вижу, имѣете достаточно умѣнья и настойчивости, чтобы проложить себѣ дорогу вверхъ (лѣстница была запружена народомъ).

— Я взлетѣлъ какъ искра, сказалъ Финнъ входя въ шутку.

— Ну, несовсѣмъ такъ быстро, продолжалъ г. Грешэмъ.

— Но совсѣмъ на столь же короткое время, возразилъ Финнъ. Однако премьеръ не подалъ вида, что понялъ этотъ намекъ. —Читали вы извѣстія изъ Америки? спросилъ онъ, перемѣняя разговоръ (угрозы феніанскаго вторженія въ Канаду).

— Да, читалъ, но мнѣ не вѣрится, отвѣчалъ Финнъ.

— О, вы, я вижу, такъ убѣждены въ силѣ устройства британскихъ колоній изъ Доунингъ-Стрита, что считаете его внѣ опасности, хотя бы угрожалъ весь свѣтъ. (Припомнимъ, что Финнъ—товарищъ министра колоній.) И я на вашемъ мѣстѣ держался бы такого убѣжденія, крѣпко держался бы его.

— И теперь раздѣляете его, надѣюсь, г. Грешэмъ?

— Пожалуй такъ — я не пессимистъ. Но я долженъ признаться, что по моему мнѣнію міръ не перевернулся бы вверхъ дномъ и тогда, еслибы у насъ въ Америкѣ не осталось ничего. Впрочемъ, это только для вашего частнаго свѣдѣнія, прибавилъ онъ, и пожалуйста не скажите этого въ Доунингъ-Стритѣ.

Финнъ, убѣдившись, что по совѣсти не можетъ вотировать противъ монкова билля, подалъ въ отставку, и вотировалъ *за* билль. Затѣмъ—политическая карьера его была, очевидно, кон-

чена. Хотя, когда онъ, подавъ просьбу объ отставкѣ, пришолъ откланиваться Грешэму, премьеръ и выразилъ ему убѣжденіе, что это разногласіе разлучитъ ихъ не на долго, и что онъ надѣется со-временемъ опять видѣть Финна на министерской скамьѣ,—но Финнъ очень хорошо зналъ, что этому никогда не бывать, потому что у него не было средствъ держаться долѣе.

А то средство, которое предлагала ему m-me Гослёръ, онъ уже принять не могъ, по причинѣ сказанной выше. Поэтому, когда m-me Гослёръ, протянувъ ему руку, сказала ему уже приведенныя слова: «....не хотите принять денегъ изъ моей руки, ну такъ возьмите сперва мою руку»—онъ очутился въ крайне неловкомъ положеніи.

— Вы истинный другъ мнѣ, началъ-было онъ. Но она нетерпѣливо прервала его.

— Я не хочу, чтобы вы называли меня вашимъ другомъ, сказала она; теперь вы должны или назвать меня Мэри, вашею Мэри, или—никогда не называть меня болѣе никакимъ именемъ. Скажите же, сэръ, какъ будетъ? Онъ помолчалъ, не выпуская ея руки, и она не отнимала свою руку, дожидаясь отвѣта. Говорите же! Скажите мнѣ! Что же будетъ? воскликнула она; но не глядѣла на него. Онъ все молчалъ. Скажите же! повторила она.

— То, на что вы намекаете мнѣ — невозможно, произнесъ онъ, наконецъ.

— Невозможно! воскликнула она. Значитъ я себя—выдала?

— Нѣтъ, m-me Гослёръ....

— Сэръ, я вамъ говорю, что *да*. Извините меня, я должна уйти отсюда; извините, что я должна оставить васъ однихъ. И она исчезла. Финнъ самъ не помнилъ впослѣдствіи, какимъ образомъ онъ вышелъ изъ этой комнаты, изъ ея дома.

Онъ возвратился въ Ирландію, собирался жениться на той дѣвушкѣ, которая давно любила его и, благодаря памяти о немъ вліятельныхъ друзей его въ Лондонѣ, получилъ сюрпризомъ мѣсто инспектора въ попечительствѣ бѣдныхъ, въ Коркѣ — должность безсмѣнную, съ тысячью фунтовъ жалованья. Полученіе этого мѣста дало Финну возможность жениться—и тѣмъ кончается его исторія, исторія человѣка съ недостаточными средствами, который при всѣхъ остальныхъ благопріятныхъ данныхъ, даже при совершенно исключительныхъ условіяхъ успѣха, при сильной охотѣ, способностяхъ, связяхъ и счастьи—не могъ исполнить своего политическаго призванія въ Англіи.

Таково было положеніе дѣлъ въ старое время, и въ переходное время; таково отчасти оно еще и теперь. Исторія Финна

разыгрывается въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Но новый билль о реформѣ осуществляетъ тотъ шагъ впередъ, который неизбѣжно поведетъ къ измѣненію и этихъ условій. Мы уже ссылались на примѣръ Милля, который по принципу не хотѣлъ несть издержекъ избранія. Когда будетъ введена скрытая баллотировка, издержки избранія должны будутъ сократиться сами собой. А когда рабочіе захотятъ, чтобы въ палатѣ общинъ сидѣли и *ихъ* люди, тогда рушится вся эта система денежныхъ преградъ, политическая карьера станетъ доступной всѣмъ людямъ, умѣвшимъ заслужить довѣріе избирателей и тогда и самый кругъ выбора людей для составленія правительства расширится и выйдетъ изъ альтернативы—*Россель или Дэрби, Гладстонъ или Дизраэли.*

Эту узкость дѣйствующей политической труппы, ограниченность персонала политическихъ людей мимоходомъ сатиризовалъ Тэккерей своею разъѣдающею ироніею, которая, указывая на какой-либо общественный недостатокъ, обыкновенно представляла его какъ бы безнадежно упрочившимся, непоправимымъ. Троллопъ не имѣетъ столь опредѣленныхъ цѣлей, какъ Тэккерей, но столь примѣчательное явленіе, какъ то, о которомъ мы говорили теперь, не могло не привлечь и его вниманія, какъ всесторонняго, хотя безтенденціознаго описателя общественной жизни.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ романовъ [1]) онъ вставилъ цѣлый политическій эпизодъ, весьма удачно характеризующій ходъ политическихъ дѣлъ въ переходномъ періодѣ, когда единственными дѣйствительно вліятельными представителями желаній и настроенія «верхнихъ ста тысячъ» были только два кружка: виги и тори и органъ Сити—газета «Times». Въ этомъ романѣ главнымъ антагонистомъ вождя тори, лорда Де-Терріера (Дэрби) является еще лордъ Брокъ (Пальмерстонъ), удачно оканчивающій великую восточную войну, вѣчно подозрѣваемый въ излишней склонности къ содѣйствію императору Наполеону, и возбуждающій всеобщее раздраженіе, даже въ средѣ своей партіи, тѣмъ насмѣшливымъ высокомѣріемъ, съ какимъ онъ трактовалъ депутатовъ «исполняющихъ свою обязанность», т.-е. дѣлающихъ запросы.

Борьба тори съ вигами здѣсь остроумно изображена въ видѣ борьбы титановъ съ богами. Титаны вѣчно бросаютъ въ Олимпъ каменья и стараются взобраться туда. Цѣль ихъ при этомъ не только прогнать боговъ, но и завладѣть Олимпомъ самимъ и

---

1) Framley Parsonage.

править землею; не даромъ же они воздвигаютъ Пеліонъ на Оссу. Но замѣчательно, что титаны, когда имъ это въ самомъ дѣлѣ удается, не приносятъ въ Олимпъ ничего своего, а захвативъ тамъ оставшіеся отъ боговъ перуны, т.-е. проекты законовъ приготовленные вигами, присвоиваютъ ихъ себѣ, выдаютъ ихъ за свои и стараются осуществить ихъ на землѣ. Вождемъ титановъ въ нижней палатѣ въ это, такъ сказать миѳическое время, былъ Сидонія, въ которомъ нельзя не признать того же Дизраэли, которому Троллопъ въ послѣдующихъ своихъ романахъ далъ уже болѣе подходящее имя Добени.

Между торіями и вигами стоитъ самый вліятельный органъ печати—«The Jupiter (Times)». «Юпитеръ» самый вліятельный органъ, потому что онъ—органъ самаго вліятельнаго въ то время класса. Но кромѣ главнаго интереса собственно этого класса—поддерживать и утверждать во всѣхъ случаяхъ его преобладаніе, «Юпитеръ» имѣетъ въ виду, конечно, и интересы своихъ издателей.

Замѣтимъ, что среди боговъ вигскаго Олимпа, среди Марса, Минервы, Сатурна и такъ далѣе, печатному органу дано имя «Юпитера», величайшаго изъ боговъ. Марсъ—военный министръ, а Сатурнъ—лордъ-канцлеръ, и оба эти бога весьма важны; но важнѣе ихъ Юпитеръ, то-есть «Times», органъ Сити. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда Англія считалась могущественнѣйшимъ государствомъ въ мірѣ, самый вліятельный органъ въ этомъ государствѣ вполнѣ заслуживалъ такое названіе. Не разъ уже «Times'a» называли великою державой; вспомнимъ, что «Times» *приказывалъ* (и не печатно, а *письмами*) сэру Чарльсу Нэпиру непремѣнно аттаковать Кронштадтъ, и сэръ Чарльсъ вслѣдствіе того былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе.

Но какое бы міровое значеніе ни имѣли въ то время интересы «Times'a», какъ органа Сити, у него, повторяемъ, были еще и другіе, ближайшіе, хотя и мелкіе интересы — интересы его издателей. Издатели же «Times'a», т.-е. «Юпитера», принадлежали къ категоріи второстепенныхъ политическихъ людей, и пріятели ихъ, о которыхъ издатели наиболѣе и заботились въ ежедневной политикѣ, принадлежали къ той же категоріи людей претендовавшихъ на второстепенныя должности въ кабинетѣ. Съ точки этихъ ближайшихъ интересовъ редакціи «Юпитера» для нея было важно, кто премьеръ: Дэрби или Пальмерстонъ только потому, что отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ рѣшить вопросъ о томъ, получитъ, или сохранитъ, или утратитъ какую-нибудь второстепенную должность какой-нибудь второстепенный человѣкъ. И съ этой-то мелкой точки зрѣнія смотрѣлъ

органъ, имѣвшій право на имя «Юпитера»! Вотъ неизбѣжное послѣдствіе всякой монополіи; въ настоящемъ случаѣ — монополіи управленія. Монополія непремѣнно создаетъ интригу, узкость, мелочность. Вотъ почему теперь, послѣ новой реформы, когда начало уже колебаться исключительное преобладаніе «верхнихъ ста тысячъ», и органъ наиболѣе вліятельный въ этой узкой средѣ сферы, органъ лондонскихъ капиталистовъ, «Times» начинаетъ уже терять прежнее значеніе. Равномѣрно съ упадкомъ значенія дорогого «Times» возвышается значеніе дешеваго (сравнительно) «Daily Telegraph», который заходитъ уже впередъ въ смыслѣ демократическомъ.

Намъ остается привесть изъ одного романа Троллопа, въ краткихъ словахъ, иллюстрацію той мелочности, какая прокралась было въ политическія сферы Англіи переходнаго времени. Нѣсколько второстепенныхъ политическихъ людей собираются въ замкѣ богача-вига, герцога Омніумъ, и затѣваютъ тамъ интригу— ниспровергнуть собственнаго своего премьера, лорда Брока (Пальмерстона), во-первыхъ потому, что онъ сидитъ уже слишкомъ долго, и надоѣлъ; во-вторыхъ потому, что онъ высокомѣрно третируетъ депутатовъ «исполняющихъ свою обязанность», такъ что если это продолжится, то «совсѣмъ не стоитъ и ходить въ лавочку» и нѣтъ никакого интереса въ томъ, что она открыта. Въ-третьихъ, наконецъ, потому что нѣкоторые изъ этихъ второстепенныхъ людей имѣютъ въ виду, при передѣлкѣ кабинета, получить мѣста для себя. Гарольдъ Смитъ надѣется быть «лордомъ печати», а г. Сэппльгоузъ — одинъ изъ издателей «Юпитера» тоже чего-то ожидаетъ. Впослѣдствіи нѣкоторые великіе «боги» вступаютъ въ эту комбинацію, и вотъ — при открытіи сессіи начинается кампанія въ этомъ смыслѣ. Лордъ Брокъ, понимая откуда вѣтеръ, дѣлаетъ Гарольда Смита лордомъ печати, думая такимъ образомъ удовлетворить интригу. Но Сэппльгоузъ, издатель «Юпитера», никакъ этимъ не удовлетворяется; напротивъ, возвышеніе пріятеля въ немъ возбуждаетъ только зависть. И вотъ, «Юпитеръ» начинаетъ громить лорда Брока, предсказывая ему неизбѣжное паденіе. Онъ беретъ себѣ за тезисъ выраженіе кого-то изъ приверженцевъ Смита, что министерство назначеніемъ этого политическаго человѣка, «влило въ свои жилы молодую, свѣжую кровь», и въ теченіи нѣкотораго времени играетъ на эту тему разныя варьяціи, въ которыхъ «молодая кровь» выставляется вовсе недоброкачественною и неспособною спасти кабинетъ отъ неизбѣжнаго, всѣми ожидаемаго, давно рѣшеннаго въ общественномъ сознаніи паденія.

Въ результатѣ всей этой интриги — лордъ Брокъ дѣйстви-

тельно падаетъ, но цѣль интриги не достигается въ томъ смыслѣ, что наступаетъ не преобразованіе вигскаго кабинета, съ другимъ премьеромъ во главѣ, и съ друзьями «Юпитера» въ составѣ— а замѣна въ министерствѣ виговъ торіями. Королева призываетъ лорда Де-Терріера и поручаетъ ему составить новый кабинетъ, а бѣдный Гарольдъ Смитъ никакъ не можетъ утѣшиться, что процарствовалъ въ качествѣ лорда-хранителя тайной печати, столь короткое время, и никакъ не можетъ понять, что же будетъ, если людей будутъ «сегодня облекать довѣріемъ, а завтра лишать этого довѣрія». Здѣсь произносится любимая фраза того времени: «How is the Queen's government to be carried on?» то-есть—«при такихъ *обстоятельствахъ* возможно ли управлять страною?» И конечно Гарольду Смиту кажется, что безъ Гарольда Смита, управлять страною нѣтъ никакой возможности.

Коснувшись этой мелочности, этихъ закулисныхъ интригъ, этого фальшиваго величія «Times'a» въ Англіи переходнаго времени, мы должны повторить здѣсь уже сказанное нами прежде: что въ свободной странѣ отдѣльные люди, касты и партіи, хотя и имѣютъ въ виду, въ большинствѣ случаевъ, собственно свои интересы, но обращаются невольно въ орудія иной, высшей и безусловной силы, которая добьется своего такъ или иначе, и неизбѣжно получитъ то, чего серьёзно захотѣла.

Предшествующая картинка изъ политической жизни, именно исторія паденія лорда Брока *безъ пользы* для его же партіи, могла бы представить намъ удобный переходъ въ иной міръ, также весьма старательно и всесторонне описанный Троллопомъ, именно въ міръ духовенства, высшаго и низшаго, воинствующаго и миролюбиваго. Дѣло въ томъ, что при описанной сейчасъ катастрофѣ не осуществился предложенный вигами билль о назначеніи новыхъ епископовъ. Но это событіе касалось именно той части англиканскаго духовенства, которую мы называемъ «воинствующею», т.-е. той части, которая участвуетъ въ борьбахъ клерикальнаго міра за болѣе или менѣе «высокіе» (т.-е. англиканскіе) принципы и за болѣе или менѣе высокія мѣста. Такова интересная борьба архидіакона Грэнтли съ епископомъ Проуди, въ Барчестерѣ, за права мѣстнаго капитула, борьба, которая на сторонѣ высшаго изъ этихъ двухъ духовныхъ сановниковъ энергично велась женою его, *епископшею* Проуди [1]).

Но касаться такихъ дѣлъ можно не прежде, какъ познакомивъ въ краткости читателя съ значеніемъ и условіями жизни большинства англиканскаго духовенства, духовенства сельскаго,

[1]) Burchester Towers.

которое всю жизнь довольствуется скромнымъ титуломъ викарія, т.-е. приходскаго священника, который или помощникъ «ректора», т.-е. духовнаго лица, получившаго инвеституру въ извѣстномъ округѣ отъ мѣстнаго владѣльца, архіепископа или короны, или же самъ независимо управляетъ приходомъ менѣе важнымъ. Мѣста, т.-е. священническіе доходы (livings), раздаются тою изъ приведенныхъ сейчасъ властей, которой принадлежитъ право инвеституры въ данномъ приходѣ: большинство livings принадлежитъ землевладѣльцамъ, а нѣкоторая часть прелатамъ, даже ректорамъ и, наконецъ, коронѣ, которая сама назначаетъ прелатовъ.

Начнемъ со скромнаго, но удовлетворительнаго положенія викарія въ небольшомъ мѣстечкѣ. Послѣдній романъ Троллопа [1]), вышедшій нынѣшнимъ лѣтомъ, представляетъ именно типъ настоящаго англійскаго провинціальнаго священника, довольнаго своимъ положеніемъ, которое и въ самомъ дѣлѣ очень недурно.

Мѣстечко Булльгэмптонъ имѣетъ полу-сельскій характеръ, хотя считается городомъ уже потому, что имѣетъ ярмарку. Булльгэмптонъ и окрестность его составляютъ одинъ приходъ. Необходимо замѣтить, что протестантскіе приходы всегда бываютъ гораздо пространнѣе православныхъ и католическихъ. Это относится не къ одной Англіи, но и къ Германіи, и къ нашимъ балтійскимъ провинціямъ, даже къ Петербургу и его окрестностямъ. Дѣло въ томъ, что протестантскій священникъ долженъ имѣть университетское образованіе. А для того, чтобы студенты шли на богословскій факультетъ, надо, чтобы духовная профессія обѣщала въ жизни средства не менѣе обезпеченныя, чѣмъ тѣ, какія предоставляются другими «учеными профессіями», профессіями врачей и адвокатовъ. Вотъ почему приходовъ опредѣлено немного. А такъ какъ по мѣрѣ возрастанія цифры населенія, число врачей и адвокатовъ, неопредѣленное ничѣмъ, кромѣ потребности въ нихъ, возрастаетъ постоянно, число же приходовъ остается опредѣленнымъ и умножается только отъ времени до времени новыми распредѣленіями,—то изъ этого естественно истекаетъ то послѣдствіе, что, вообще говоря, положеніе приходскаго протестантскаго пастора гораздо лучше положенія мѣстнаго врача и даже адвоката, которыхъ бываетъ нѣсколько на одного пастора. У насъ, сельскій приходъ душъ въ 500 на одного священника (цѣлая волость) считается уже значительнымъ. Протестантскіе же приходы бываютъ часто по нѣскольку ты-

[1]) The Vicar of Bullhampton.

сячъ душъ, такъ что пасторъ даже не успѣваетъ исполнять всѣхъ требъ.

Такой пасторъ находится въ отличномъ матеріальномъ положеніи и имѣетъ даже возможность, въ случаѣ, если приходъ его слишкомъ великъ—нанимать себѣ помощника—curate, которому и даетъ жалованье, конечно, незначительное, напр. фунтовъ 150 въ годъ. По большей части эти curates бываютъ молодые люди, только что кончившіе университетскій курсъ и не женатые. Такіе могутъ временно обходиться и этими средствами, и жить въ ожиданіи, когда имъ удастся получить чей-нибудь patronage и пріобрѣсть living, и тогда жениться. Но въ Англіи бываютъ и такіе священники, которымъ не повезло въ жизни, которые уже давно женились и обременены большими семействами, а между тѣмъ все еще остаются въ должности худо оплачиваемыхъ curates, или же, получивъ living неважный, въ какомъ-нибудь бѣдномъ округѣ, такъ и остаются при немъ всю свою жизнь. А между тѣмъ, они должны жить въ кругу джентльменовъ и содержать свои семейства по-джентльменски. Вотъ откуда происходятъ жалобы на дурное положеніе низшаго англиканскаго духовенства, положеніе тѣмъ болѣе возмутительное, что епископы, которымъ въ Англіи почти нечего дѣлать, получаютъ огромные доходы, а архіепископы кэнтрбэрійскій и йоркскій имѣютъ доходы баснословные по огромности и едва ли существующіе гдѣ-либо даже въ католическихъ земляхъ.

Но приходскій священникъ въ сельскомъ округѣ въ Англіи, имѣющій, что называется, «жирное мѣсто» (a fat living), находится въ такомъ положеніи, которое не оставляетъ желать ничего лучшаго. Такъ, булльгэмптонскій викарій, мистеръ Фенвикъ, хотя мѣста его, по англійскимъ понятіямъ, еще и нельзя назвать «жирнымъ», живетъ себѣ однако въ полное удовольствіе. У него прекрасный домъ, съ фруктовымъ садомъ, лошади, и почетное положеніе въ лучшемъ мѣстномъ обществѣ, именно въ обществѣ помѣщиковъ, въ которое несовсѣмъ легко попасть даже мѣстному богатому фабриканту, если у него нѣтъ имѣнія, estate, со всѣми принадлежностями англійскаго порядочнаго estate, какъ-то: охотою, хорошими верховыми лошадьми и участіемъ въ содержаніи отличной псарни (псовую охоту въ Англіи помѣщики содержатъ обыкновенно нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, такъ какъ любимая охота, на лисицу, состоитъ именно въ сборѣ «общества» всей окрестности и въ совмѣстномъ скаканіи, сломя голову, черезъ поля, рвы, и заборы).

Мистеръ Фенвикъ самъ — совершенный помѣщикъ. Ближайшій помѣщикъ г. Гиллморъ, товарищъ Фенвика по универси-

тету и закадычный его другъ. Другой помѣщикъ, которому принадлежитъ большая часть всей Булльгэмптонской земли — маркизъ Троубриджъ, весьма надутый и глупый нобльменъ, который старается надѣлать пастору серьезныя непріятности. Фенвикъ говоритъ съ нимъ тономъ равнаго и это ему не нравится. Онъ жалуется на пастора епископу. Но власть епископа въ Англіи такъ ограничена, что дисциплинарнаго взысканія онъ не можетъ наложить никакого и даже вслучаѣ обвиненія въ преступленіи можетъ только нарядить духовное слѣдствіе и не въ силахъ даже заставить въ этомъ случаѣ пастора прекратить, хотя бы временно, исправленіе духовной должности, иначе, какъ по формальному приговору уголовнаго (свѣтскаго) суда, за которымъ только и можетъ послѣдовать отрѣшеніе пастора судомъ духовнымъ. Въ одномъ разсказѣ Троллопа [1]), одинъ изъ бѣдныхъ пасторовъ обвиняется въ кражѣ, которой онъ не совершилъ, но дѣло такого рода, что самъ этотъ пасторъ Кроули никакъ не можетъ удовлетворительно объяснить его. Миссисъ Проуди, жена барсетшэрскаго епископа не возлюбила этого человѣка за его «строптивый нравъ». И вотъ, по ея повелѣнію, епископъ Проуди заходитъ даже далѣе, чѣмъ имѣетъ право, и посылаетъ своего капеллана, чтобы замѣнить Кроули въ воскресномъ богослуженіи. Но пока Кроули самъ не соглашается, епископъ, т.-е. жена епископа рѣшительно ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать.

Въ настоящемъ случаѣ, т.-е. въ спорѣ маркиза Троубриджа съ пасторомъ Фенвикомъ, епископъ отказывается даже и совѣтовать что-либо. Тогда маркизъ придумываетъ иное средство наказать Фенвика; противъ самой его церкви онъ уступаетъ мѣсто методистскому проповѣднику для постройки храма. И храмъ этотъ воздвигается и звонъ его колоколовъ приводитъ въ отчаяніе жену пастора Фенвика. Но и тутъ послѣдній одерживаетъ побѣду: по разсмотрѣніи адвокатомъ церковныхъ бумагъ, оказывается, что земля, уступленная маркизомъ методистамъ, есть земля церковная, т.-е., что она въ прежнія времена принадлежала къ булльгэмптонскому vicarage. И лордъ Троубриджъ, въ концѣ концовъ, сноситъ методистскій храмъ съ того мѣста, на которомъ онъ былъ поставленъ «въ пику» и для униженія англиканскаго пастора и переноситъ его на другое мѣсто.

Въ такомъ вполнѣ независимомъ и обезпеченномъ положеніи, въ какомъ находится мистеръ Фенвикъ — добросовѣстное исполненіе своихъ свѣтскихъ и духовныхъ обязанностей можетъ доставлять только удовольствіе. Мы уже сказали, что англикан-

[1]) The last Chronicle of Barset.

скій пасторъ въ сельскомъ округѣ принадлежитъ къ помѣщичьему классу. Зачастую онъ бываетъ членомъ окружнаго суда или мировымъ судьею. Адвокатъ и докторъ *не* пользуются такими преимуществами въ обществѣ, какъ пасторъ. Пасторы это—тѣже джентльмены, gentlemen in black coats. Джентльменское преимущество принадлежитъ *по профессіи* только лицамъ духовнымъ и военнымъ. Офицеръ—тоже джентльменъ въ силу своей профессіи. Но стряпчій, lawyer, или докторъ, physician,—если допускаются въ общество сквайровъ на равной ногѣ, то развѣ по личнымъ отношеніямъ, а никакъ не въ силу своей профессіи, хотя профессія эта тоже—ученая. Эти странности объясняются аристократическими преданіями, все еще преобладающими въ англійскомъ обществѣ и въ особенности именно въ помѣщичьей средѣ—landed gentry. Дѣло въ томъ, что церковь и армія издавна служили убѣжищами младшихъ сыновей знатныхъ или хотя бы только «почтенныхъ» фамилій.

Сельскій приходскій священникъ совершаетъ службу только по воскресеньямъ, три раза въ день (если имѣетъ помощника, то поручаетъ ему одну изъ нихъ), а въ остальные дни завѣдуетъ школой, въ которой жена его и дочери непремѣнно преподаютъ, посѣщаетъ больныхъ и бѣдныхъ. Сверхъ того, отправляетъ свои свѣтскія обязанности, среди которыхъ нѣкоторые пасторы, побогаче и порѣшительнѣе, даютъ мѣсто и «спорту», то-есть охотѣ верхомъ. Но не *всѣ* пасторы считаютъ это приличнымъ и общество смотритъ на sporting parson хотя и весьма снисходительно, но не безъ легкой иронiи. Такой пасторъ-спортсменъ выѣзжаетъ верхомъ на мѣсто сбора охотниковъ и потомъ скачетъ съ ними взапуски черезъ канавы и заборы, accross country. Вся разница въ томъ, что онъ не надѣваетъ употребительнаго въ Англiи краснаго охотничьяго казакина, а надѣваетъ черный.

Теперь лично о булльгэмптонскомъ викарiѣ. Мистеръ Фенвикъ совершаетъ регулярно свои обходы прихожанъ и направляетъ ихъ на путь истины. Одну изъ существенныхъ сторонъ романа,—кромѣ неизбѣжной любовной исторiи, неимѣющей здѣсь впрочемъ отношенiя къ быту пасторовъ—составляетъ попеченiе объ участи молодого человѣка и молодой дѣвушки—брата и сестры, дѣтей одного изъ фермеровъ его прiятеля, помѣщика Гиллмора. Этотъ фермеръ, старикъ Братль, самъ—«человѣкъ невѣрующiй», an old infidel, an old pagan. Онъ мельникъ и дѣла его идутъ худо. Еще хуже дѣла его сына и младшей дочери. Сэмъ Братль—отличный работникъ, любимый отцомъ, но непокорный сынъ, связывается съ негодяями, которые потомъ совер-

шаютъ убійство, такъ что подозрѣніе падаетъ и на Сэма. Сестра его, Карри Братль пошла по дурной дорогѣ, выгнана изъ дому и проклята отцомъ. Вотъ о нихъ и печется почтенный Фенвикъ, съ немалыми для себя хлопотами, и даже съ опасностью для своей репутаціи. Въ предисловіи къ своему послѣднему роману Троллопъ считаетъ необходимымъ оправдываться въ томъ, что онъ ввелъ женщину «такого рода» какъ Карри Братль; онъ оправдывается своимъ желаніемъ напомнить обществу, что страданія такихъ жертвъ заслуживаютъ все-таки участія, какъ всякія иныя страданія людей. Нельзя безъ улыбки читать этого наивнаго оправданія, которое однако совершенно необходимо автору въ виду того несноснаго англійскаго cant, который просто игнорируетъ судьбу этихъ жертвъ, въ убѣжденіи, что чѣмъ она хуже, тѣмъ лучше для общества. Подобное направленіе сказывается не только въ поверхностныхъ, легкихъ разговорныхъ сужденіяхъ, какія намъ удалось слышать въ Англіи, но даже въ такихъ спеціальныхъ этюдахъ, которые задаютъ себѣ задачею «исчерпать этотъ предметъ». Такъ, въ весьма интересныхъ, по нѣкоторымъ даннымъ, статьяхъ о проституціи въ «Westminster Review» прошлаго года проводится та мысль, что положеніе такихъ женщинъ и теперь уже въ дѣйствительности гораздо лучше положенія другихъ женщинъ, идущихъ путемъ честнаго труда.

Въ такомъ случаѣ для чего же возбуждать участіе общества къ ихъ страданіямъ?

Со стороны Троллопа это намѣреніе составляетъ заслугу. Но Троллопъ рѣшительно не обладаетъ тѣми способностями, которыя необходимы для проведенія въ общество, путемъ беллетристики, общественныхъ истинъ или новыхъ воззрѣній. Онъ превосходный психологъ, отличный анализаторъ обыкновенныхъ условій жизни и вседневныхъ отношеній между людьми; но онъ не имѣетъ задатковъ для «тенденціи». И въ настоящемъ случаѣ исторія Карри Братль выходитъ у него блѣдна и недоказательна.

Перейдемъ теперь къ той части духовенства, которую мы назвали «воинствующею». Въ общепринятомъ духовномъ значеніи это слово относится собственно къ христіанской дѣятельности духовенства. Но намъ оно служитъ для отдѣленія спокойныхъ, самодовольныхъ или покорившихся судьбѣ викаріевъ—отъ той части англиканскаго духовенства, которая ведетъ соревнованіе съ другими исповѣданіями «за души» людей, а между собой соревнованіе изъ-за «чистоты ученія» и — въ особенности изъ за-власти и доходовъ.

Здѣсь, само собою разумѣется, Троллопъ не дерзаетъ забраться на самыя вершины, какъ онъ это дѣлаетъ въ романахъ изъ міра политическаго. Самый высокопоставленный изъ выступающихъ въ его романахъ прелатовъ, это—барретшэрскій епископъ Проуди; затѣмъ (не говоря о миссисъ Проуди, которая всѣхъ важнѣе) выступаютъ члены капитула — деканъ, архидіаконъ и т. д. Есть почтенные прелаты — пребендаріи, которые уже совсѣмъ ничего не дѣлаютъ, а изъ большихъ своихъ доходовъ нанимаютъ себѣ намѣстниковъ, сами же проводятъ большую часть времени или заграницею (д-ръ Стэнгопъ [1]), или въ посѣщеніи своихъ друзей въ разныхъ мѣстностяхъ (г. Чамберленъ [2]). Несмотря однакоже на ихъ бездѣйствіе, о нихъ нельзя умолчать говоря объ англійской воинствующей церкви: этимъ джентльменамъ, прежде чѣмъ они могли предаться всѣмъ наслажденіямъ клерикальнаго farnientе, необходимо было завоевать себѣ такія жирныя и покойныя мѣста. Какія же условія нужны были для этого завоеванія? Конечно, нужна была ученость, то-есть оффиціальное удостовѣреніе учености—ученая степень. Это разумѣется само собой, и для карьеры въ англиканской церкви ученость составляетъ такое же необходимое условіе, какъ для политической карьеры въ Англіи — способности, дающія право на вниманіе палаты общинъ.

Но какіе бы недостатки мы ни усматривали въ политической и въ клерикальной дѣятельности въ Англіи, недостатки частью общечеловѣческіе, частью спеціально относящіеся къ мѣстнымъ условіямъ, мы никогда не должны забывать *того* обстоятельства, именно, что и въ политической и въ духовной сферѣ въ Англіи есть одно необходимое условіе, требуемое отъ людей, такое условіе, котораго не могутъ дать имъ никакія связи и никакія вездѣ неизбѣжныя интриги, и что это условіе все-таки представляетъ нѣкоторую гарантію противъ грубости, невѣжества и бездарностей, которыя тамъ, гдѣ этого условія нѣтъ, безпрепятственно выводятся въ люди посредствомъ связей и интригъ. Но одной учености опять мало.

Для ознакомленія съ міромъ англиканской церкви намъ необходимо взять нѣсколько типовъ Троллопа и описать ихъ вкратцѣ. Въ древнемъ городѣ Барчестерѣ есть каѳедральный соборъ и городъ этотъ — мѣстопребываніе епископа. Барчестерскій епископъ, докторъ Грэнтли, былъ отецъ архидіакона Грэнтли, который играетъ важную роль въ нѣсколькихъ романахъ Троллопа.

---

[1]) Barchester Towers.

[2]) Vicar of Bullhampton.

Архидіаконъ Грэнтли, въ силу своего сана, былъ одинъ изъ старшихъ членовъ барчестерскаго капитула, и когда отецъ его находился при смерти, естественно ожидалъ, что епископская митра перейдетъ по наслѣдству къ нему. Надѣяться на это онъ могъ въ практическомъ смыслѣ потому, что въ то время въ министерствѣ сидѣли тори, а фамилія Грэнтли была наслѣдственно торійская. Къ несчастію, въ то самое время когда скончался старикъ Грэнтли—произошолъ министерскій кризисъ и въ управленіе вступили виги. При обсужденіи въ печати кандидатовъ на барчестерское епископство, ни одному изъ органовъ либеральной партіи и въ мысль не пришли права архидіакона Грэнтли. Одна газета совѣтовала назначить нѣкоего извѣстнаго торія, для того чтобы «сдѣлать вѣжливость» министерству, вышедшему въ отставку, другая, радикальная газета порекомендовала нѣкотораго пастора, извѣстнаго естественно-научными познаніями. Но третья, а именно могущественный «Юпитеръ» — «который, какъ всѣ знаютъ, есть единственный источникъ непогрѣшимовѣрныхъ свѣдѣній по всѣмъ предметамъ»—сообщилъ, что барчестерскимъ епископомъ будетъ назначенъ докторъ Проуди. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ мѣсяцъ послѣ смерти д-ра Грэнтли, д-ръ Проуди цѣловалъ руку королевы, получая инвеституру барчестерскаго епископства.

Какія же были условія, доставившія доктору Проуди это высокое мѣсто? (Говоря объ этихъ условіяхъ, напомнимъ еще разъ, что онъ былъ докторъ богословія, условіе первое). Д-ръ Проуди былъ племянникъ ирландскаго пэра и долгое время состоялъ въ Лондонѣ въ числѣ придворнаго духовнаго штата. Онъ былъ проповѣдникъ парадной дворцовой стражи, кураторъ богословскихъ рукописей при высшемъ церковномъ судилищѣ и капелланъ «его королевскаго высочества принца Раппе-Бланкенбергскаго». Д-ръ Проуди былъ прелатъ — фэшенебльный; по рожденію и по средствамъ онъ принадлежалъ къ высшему обществу, а по характеру былъ особенно способенъ имѣть успѣхъ въ политической сферѣ, потому что богословскія убѣжденія его были свойства самаго «мягкаго». Онъ относился съ терпимостью и къ «римскому идолопоклонству», и даже къ невѣрнымъ социніанцамъ, а съ такими неокончательно погибшими диссентерами, какъ шотландскіе пресвитеріане, онъ жилъ, что называется hand and glove (какъ рука съ перчаткой). Для политическихъ людей это былъ человѣкъ неоцѣненный, и его въ самомъ дѣлѣ привлекали ко всякимъ реформамъ по духовнымъ дѣламъ. Ему давали порученія и касательно государственной помощи католической церкви въ Ирландіи, и касательно вспомоществованія

майнутской католической семинаріи, и по изслѣдованію доходовъ англиканскихъ соборныхъ капитуловъ, и т. д. Онъ постоянно бывалъ или членомъ, или секретаремъ правительственныхъ коммисій, назначаемыхъ для обслѣдованія и рѣшенія церковныхъ вопросовъ.

Но не должно выводить изъ этого заключенія, что д-ръ Проуди былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ умомъ; основныя мысли тѣхъ реформъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, всегда принадлежали людямъ политическимъ вигской партіи, а детальная разработка дѣлалась подчиненными чиновниками. Вся услуга д-ра Проуди состояла въ томъ, что необходимо было, чтобы въ разработкѣ подобныхъ вопросовъ оффиціально принимало участіе какое-нибудь значительное духовное лицо, и вотъ для такого назначенія д-ръ Проуди, съ его мягкими принципами, былъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ незамѣнимый; тѣмъ болѣе, что исполняя чужія мысли, онъ умѣлъ выступать съ большимъ личнымъ достоинствомъ.

Но самъ д-ръ Проуди, разумѣется, былъ убѣжденъ, что возвышеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ высокимъ своимъ способностямъ. Въ честолюбивыхъ мечтахъ своихъ онъ даже не ограничивался барчестерскимъ епископствомъ, а имѣлъ въ виду дальнѣйшее возвышеніе и провидѣлъ для себя въ будущемъ архіепископскую митру.

Доходы епископа въ Барчестерѣ не были велики. Но это, разумѣется, только въ относительномъ смыслѣ, т. е. сравнительно съ громадностью доходовъ нѣкоторыхъ другихъ архипастырей англиканской церкви. Д-ръ Грэнтли получалъ 9,000 фунтовъ въ годъ (около 60 тысячъ рублей). Преемникъ его — въ силу тѣхъ самыхъ общихъ реформъ, въ которыхъ участвовалъ нѣкогда самъ д-ръ Проуди — долженъ былъ получить уже только 5,000 фунтовъ (около 40 тысячъ рублей, только!)

Д-ръ Проуди явился въ Барчестеръ безъ особенныхъ завоетельныхъ цѣлей. Но личныя предположенія его значили не много. Все значила его супруга—страшная деспотка. Бѣдный Проуди дома пикнуть не смѣлъ, а г-жа Проуди дала себѣ слово, что въ епархіи *будетъ* порядокъ и именно порядокъ устроенный ею. Помощникомъ себѣ епископша избрала нѣкоего Слопа, тоже духовнаго джентльмена, но происхожденія не-джентльменскаго и не-джентльменскихъ манеръ. Этотъ Слопъ — типъ совершенно противоположный типу архидіакона Грэнтли, и оба эти типа обрисованы Троллопомъ очень рельефно и необыкновенно живо. Они едва ли не списаны съ натуры, такъ какъ только относя всѣ факты къ знакомому, живому типу, можно сохранить до та-

кой степени правду, реальность и вмѣстѣ характерность въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ то удалось автору по отношенію къ этимъ двумъ персонажамъ. Слопъ—ученикъ Кэмбриджа, а не Оксфорда; онъ магистръ. Онъ былъ прежде туторомъ при университетѣ, потомъ пасторомъ въ Лондонѣ, въ одной изъ новыхъ церквей. Г-жѣ Проуди понравились его проповѣди и она ввела его въ свой домъ; впослѣдствіи, при возвышеніи доктора Проуди, Слопъ послѣдовалъ за нимъ въ Барчестеръ въ качествѣ капеллана новаго епископа.

Англиканская церковь, какъ извѣстно, дѣлится на «верхнюю» или аристократическую, торійскую, и «нижнюю», народную, либеральную. Такъ было въ началѣ; чѣмъ «выше» англиканизмъ, тѣмъ менѣе онъ проникся методистскими стремленіями; чѣмъ онъ «ниже»—тѣмъ онъ далѣе зашелъ въ реформѣ, то-есть далѣе ушелъ отъ католичества, отъ обрядности, тѣмъ болѣе онъ приблизился къ такимъ сектамъ, которыя упростили до-нельзя богослуженіе. Направленіе этихъ сектъ въ свое время можно было назвать либеральнымъ, ибо онѣ представляли передовыя колонны церковной реформы. Но въ настоящее время въ нихъ либеральнаго очень мало, напротивъ въ нихъ больше духа нетерпимости, больше педантства, чѣмъ въ высокомъ англиканизмѣ, котораго гнѣздо—Оксфордъ.

Мистеръ Слопъ склонялся болѣе на сторону методистовъ, чѣмъ на сторону высокаго англиканизма; что касается такъ-называемыхъ «пюзеитовъ» т.-е. новаго направленія въ крайнемъ смыслѣ англиканизма, которое стремится къ возстановленію значительной доли католической обрядности — то ихъ онъ считалъ самыми отверженными изъ людей. Замѣчателенъ этотъ контрастъ въ направленіяхъ англійскаго протестанства: чѣмъ болѣе оно отдаляется отъ началъ консервативныхъ, тѣмъ болѣе становится педантично, сухо, ограниченно, тѣмъ болѣе въ немъ духа нетерпимости, фанатизма, и тѣмъ страстнѣе и гнѣвнѣе языкъ его проповѣдниковъ. Мистеръ Слопъ, какъ проповѣдникъ, былъ крайне строгъ, такъ что, казалось, взиралъ на большую часть міра какъ на совершенно даже недостойную его заботливости. Когда онъ идетъ по улицѣ, вы на лицѣ его читаете негодованіе его на грѣховность сего міра, и изъ взоровъ его вѣчно грозитъ анаѳема. Ненависть его къ пюзеитамъ простирается на внѣшнюю сторону, также какъ на внутреннюю, и не оставляетъ безъ вниманія даже мелочей. Его приводитъ въ ужасъ церковь съ высокою, заостренною кверху крышею; черный шелковый жилетъ во всю грудь, какой носятъ нѣкоторые англиканскіе священники, какъ признакъ своего званія, онъ считалъ симво-

ломъ Сатаны. Столь же преступными, соблазнительными, кощунственными онъ признаетъ тѣ молитвенники, въ которыхъ заглавныя буквы отпечатаны красной краскою, и которыхъ переплетъ украшенъ крестомъ. Большая часть членовъ истинно-воинствующей церкви, то-есть проповѣдники, занимающіеся пропагандою, имѣютъ какой-нибудь особый конёкъ, заботятся особенно о какомъ-нибудь пунктѣ, который, какъ имъ кажется, слишкомъ долго оставался въ забвеніи или можетъ оказаться особливо-душеспасительнымъ. Такой конёкъ былъ и у Слопа, и г-жа Проуди переняла у него этотъ конёкъ. Конёкъ этотъ былъ заботливость «о святости дня субботняго». Это была — спеціальность, которую избралъ себя Слопъ, спеціальность, имѣющая — при многочисленности проповѣдниковъ—и нѣкоторое профессіонное значеніе. Надо же отличаться чѣмъ-нибудь отъ другихъ. Среди врачей есть же спеціалисты—по части глазныхъ, ушныхъ, внутреннихъ и т. д. болѣзней; есть особые зубные врачи. Мистеръ Слопъ былъ спеціалистъ по святости субботняго дня. «Еже святити его» было главнымъ его принципомъ, главнымъ такъ сказать его убѣжденіемъ. Троллопъ отлично высказываетъ всю нелѣпость такихъ узкихъ направленій въ смыслѣ общаго духа христіанства, и дорисовываетъ убѣжденія Слопа такимъ штрихомъ: «самъ новый завѣтъ для него не имѣлъ большого значенія потому именно, что въ новомъ завѣтѣ нельзя найти никакого подтвердительнаго текста относительно обязанности «святити день субботній».

По внѣшности, Слопъ, какъ уже сказано, не былъ «джентльменъ»; огромныя руки и ноги, плоскіе, жирно напомаженные волосы, вѣчно потныя руки, и т. д. Однимъ словомъ, Троллопъ представляетъ человѣка непріятнаго, пошлаго, сладенькаго, но въ сущности деспотическаго лицемѣра, и такого-то человѣка вводятъ въ духовный міръ Барчестера, міръ чисто-джентльменскій, и въ смыслѣ умственномъ, и въ отношеніи внѣшности, образа жизни и пріемовъ. Таково—орудіе г-жи Проуди для покоренія этого мірка.

Лучшимъ представителемъ этого мірка является самъ архидіаконъ Грэнтли, о которомъ уже упомянуто. Архидіаконъ Грэнтли, сынъ покойнаго епископа, былъ человѣкъ образованный и хорошій. По убѣжденіямъ, онъ наслѣдственно былъ тори и high churchman; онъ былъ изъ Оксфорда и держался самыхъ консервативныхъ началъ англиканизма, тѣхъ именно началъ, которыя всего менѣе заражены (прибавимъ однако—въ настоящее время) духомъ нетерпимости. Человѣкъ—искренно религіозный, онъ презиралъ всякое лицемѣріе, и заботливость свою о «бла-

тахъ міра сего» онъ нисколько не думалъ скрывать. «Будучи искренно религіозенъ, онъ однако не любилъ, чтобы религію безпрестанно вводили въ повседневную жизнь и еслибы кто-нибудь ему сказалъ, напримѣръ, что духовному лицу не подобаетъ стремиться къ епископскому сану, а слѣдуетъ только «пещись о душахъ пасомаго стада», или въ то время, когда дочь архидіакона Грэнтли вышла за лорда Домбелло, и онъ открыто радовался ея счастію, — если бы кто-нибудь ему сказалъ, что это грѣшно, что «величіе міра сего—суета» и что «все суета аще не отъ Бога», — то архидіаконъ Грэнтли, хотя самъ искренно вѣровалъ въ эти истины, почувствовалъ бы къ такому человѣку неодолимое отвращеніе и даже презрѣніе.

Это былъ высокій, сильный, красивый мужчина, съ громкимъ голосомъ, очень горячій и нескупой на эпитеты, но истинно-добрый. Онъ жилъ открыто, даже пышно, и въ семействѣ своемъ былъ хозяинъ, уважая однакоже и волю и мнѣніе своей жены, очень умной женщины, также порядочно честолюбивой.

Эти два человѣка — Грэнтли и Слопъ встрѣчаются въ той борьбѣ, которая возникаетъ въ барчестерскомъ міркѣ. При этомъ всѣ выгоды, конечно, на сторонѣ Слопа потому именно, что архидіаконъ слишкомъ гордъ, чтобы бороться *съ нимъ*, Слопомъ. «Пусть, кого бы ни сдѣлали епископомъ — хотя бы обезьяну — приходилось бы бороться съ самимъ епископомъ. А то съ такимъ—лицомъ; придется трактовать съ мистеромъ Слопомъ, писать о мистерѣ Слопѣ, здороваться съ мистеромъ Слопомъ, и руку»—но эта мысль была такъ непріятна, что архидіаконъ прервалъ ее насильно.

До тѣхъ поръ въ Барчестерѣ не преобладала въ церковномъ отправленіи и управленіи никакая крайняя система. Духовенство тамошнее, правда, было вполнѣ предано принципамъ верхней церкви, высокаго англиканства, со всѣми его преимуществами и привилегіями, но какъ господство его было безспорно, то приверженцы его и не впадали въ преувеличеніе. Они не впадали въ пюзеитизмъ, который есть именно преувеличеніе англиканства и сближеніе его съ католичествомъ, покрайней мѣрѣ по внѣшности. Барчестерскіе священники говорили проповѣди въ черныхъ талярахъ, а не въ ризахъ; жилеты они носили обыкновенные—черные суконные (и не шелковые высокіе, со стоячими воротничками); на алтарѣ они не держали свѣчъ (ставить на алтарѣ незажженные свѣчи—это уже первый шагъ къ пюзеитизму, а зажигать ихъ во время служенія—второй шагъ); во время богослуженія, они не преклоняли колѣна, и вообще держались тѣхъ порядковъ, какіе существовали въ теченіи послѣд-

нихъ ста лѣтъ, не думая ни усиливать или «возвышать», ни ослаблять или «очищать» ихъ.

Но въ виду появленія Слопа, который съ перваго же раза повелъ себя съ нимъ неприлично, архидіаконъ рѣшился открыть явную оппозицію. Епископъ и свита его очевидно принадлежали къ нижайшей изъ «нижнихъ» сферъ англиканской церкви, и потому докторъ Грэнтли долженъ былъ заявить себя въ смыслѣ крайне-противоположномъ. Безъ сомнѣнія, д-ръ Проуди захочетъ отмѣнить всякіе формы и обряды, а потому д-ръ Грэнтли почувствовалъ необходимость эти формы и обряды пріумножить. Д-ръ Проуди, конечно, окажетъ склонность къ лишенію церкви всякаго коллективнаго обязательнаго авторитета и каноническаго правила, поэтому д-ръ Грэнтли рѣшился отстаивать полную авторитетность конвокаціи (собраніе англиканскаго духовенства, въ родѣ духовнаго парламента), и обновленіе всѣхъ ея древнихъ привилегій. Архидіаконъ, разумѣется, не могъ самъ взяться за непривычное для него дѣло—«подавать гласъ» при церковномъ пѣніи; но онъ могъ найти достаточно джентльменскихъ молодыхъ пасторовъ, вполнѣ посвященныхъ въ таинства богослужебныхъ «гласовъ». Ему самому, конечно, не хотѣлось облечься въ какія-либо новыя ризы, но онъ могъ наводнить Барчестеръ молодыми священниками въ самыхъ длинныхъ — какіе только есть—талáрахъ, и самыхъ высокихъ шелковыхъ жилетахъ. Само собою разумѣется также, что архидіаконъ не рѣшился бы осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ или провозгласить свою вѣру въ «истинное присутствіе» (таинство евхаристіи); но и не заходя такъ далеко, онъ могъ найти достаточно обрядностей, которыхъ исполненіе могло весьма осязательно выказать антипатію его къ такимъ вѣрующимъ, какъ докторъ Проуди и мистеръ Слопъ.

Открытіе военныхъ дѣйствій—если позволительно такъ выразиться относительно богослужебныхъ демонстрацій одного толка противъ другого — послѣдовали очень скоро. Епископъ назначилъ своему капеллану (Слопу) день для произнесенія проповѣди въ барчестерскомъ соборѣ. По этому случаю, богослуженію было придано особое благолѣпіе. Хоръ въ Барчестерѣ былъ отличный; псалмы и «Тебе Бога хвалимъ» были спѣты великолѣпно, и литанія возглашена съ той древней правильностью, какую теперь уже трудно и найти. Соборъ былъ биткомъ набитъ. Наконецъ, мистеръ Слопъ взошелъ на амвонъ. Уже изъ самаго выбора имъ текста для проповѣди — изъ посланія св. Павла къ Тимоѳею объ обязанностяхъ добраго пастыря—было ясно, что проповѣдь назначена преподать урокъ всему барчестерскому духовенству. Въ своей проповѣди, Слопъ, намекнувъ, что онъ есть только

скромный о́рганъ высокочтимаго архипастыря, сталъ развивать именно тѣ поученія, которыя должны были особенно непонравиться барчестерскому духовенству, наиболѣе противорѣча тѣмъ взглядамъ и обычаямъ, какихъ оно до сего времени держалось. Между прочимъ, онъ коснулся и обрядовой стороны, и высказалъ мысль, что слишкомъ часто въ богослуженіи дается музыкальности преобладаніе надъ поучительностью. Онъ развилъ далѣе, что преобладаніе музыки и вообще обрядности могло соотвѣтствовать тому варварскому времени, когда религія была дѣломъ воображенія, не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ, болѣе возвышеннымъ понятіямъ о ней, когда каждое слово, произносимое священникомъ, должно дѣйствовать на умъ убѣжденіемъ, а не звукомъ или формою и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, мистеръ Слопъ, вслѣдъ за пышнымъ богослуженіемъ соборнаго капитула произнесъ въ самомъ же соборѣ рѣчь, которая была ни болѣе ни менѣе, какъ слово полнаго осужденія всѣмъ формамъ этого богослуженія. Лучше всего то, что самъ епископъ вовсе не былъ заранѣе посвященъ своимъ капелланомъ въ такія воинственныя его намѣренія и съ величайшимъ изумленіемъ и съ крайне неловкимъ чувствомъ выслушивалъ эту рѣчь, такъ что подъ конецъ, давая свое благословеніе, даже не вполнѣ могъ соблюсти все то изящное величіе, какого онъ достигъ въ этомъ дѣлѣ долговременнымъ упражненіемъ въ тиши своего кабинета.

Весь Барчестеръ пришолъ въ волненіе. Д-ръ Грэнтли едва сдерживался въ церкви, едва не высказалъ тутъ же своего нетодованія. Люди свѣтскіе раздѣлились въ своихъ мнѣніяхъ; большинству ихъ собственно нравилось красивое богослуженіе, но красивое богослуженіе было дѣломъ довольно обычнымъ, а проповѣдь мистера Слопа была дѣломъ неслыханнымъ. Антифоны и тедеумы, исполняемые весьма согласно, пожалуй даже надоѣли; такъ точно и все въ Барчестерѣ доселѣ дышало согласіемъ, нѣсколько скучнымъ. Весь міръ внѣ Барчестера обуревался религіозными преніями: возбуждались вопросы, происходило обсужденіе ихъ, представлялось разнообразіе путей для спасенія души. А тутъ, въ Барчестерѣ все тѣже антифоны. И на счетъ субботняго дня, Слопъ, казалось, едва ли не былъ правъ. Ясно, что день субботній въ Барчестерѣ святили до сихъ поръ такъ сказать «спустя рукава». Промежутки между богослуженіями въ воскресенье наполнялись визитами и подкрѣпительнымъ завтраканьемъ. А воскресныя школы? Тутъ мистеръ Слопъ былъ очевидно правъ. Слѣдовало сдѣлать нѣчто болѣе для воскресныхъ школъ или какъ этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ назвалъ ихъ «школъ дня субботняго». Наконецъ, что касалось до преобла-

данія музыки, то и въ этомъ отношеніи многіе оправдывали взглядъ Слопа; не было сомнѣнія, что нѣкоторые изъ вѣрныхъ являлись въ церковь именно съ цѣлью слышать музыку.

Началась борьба. Въ борьбѣ этой самую жалкую роль игралъ самъ епископъ, докторъ Проуди. Онъ принужденъ былъ только слѣдовать за женою, стараясь умѣрить ея порывы. Капитулъ собора собрался въ конклавъ, въ которомъ, по предложенію архидіакона, было рѣшено, чтобы мистера Слопа никогда болѣе недопускать на каѳедральный амвонъ. Нашлись въ Барчестерѣ консерваторы, старые люди, которые привыкли къ архидіакону и сочувствовали ему. Умные люди сочувствовали ему уже потому, что провидѣли въ Слопѣ интригана, а въ епископѣ человѣка слабаго и пустого. Но молодыя, чувствительныя и религіозныя дамы, а также весь легіонъ старыхъ дѣвъ, для которыхъ церковь и ея дѣла составляли интересъ капитальный, были весьма обрадованы толчкомъ, даннымъ Слопомъ, и составили ему партію, нелишенную значенія.

На помощь консервативной партіи въ Барчестерѣ явилось совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство въ лицѣ одной изъ дочерей пребендарія, того самаго д-ра Стэнгопа, о которомъ уже упомянуто. Маделена Стэнгопъ вышла замужъ въ Италіи, но мужъ ея, синьоръ Нерони, оставилъ ее. У всѣхъ англійскихъ беллетристовъ, не исключая даже геніальнаго Тэккерея, есть одна довольно пошлая манера, которой не чуждъ и Троллопъ: если имъ нужно представить женщину — кокетку и интригантку, однимъ словомъ, такую женщину, которой поведеніе «неженственно» — unwomanly — то они избираютъ для этого непремѣнно иностранку, француженку или итальянку, или хотя и берутъ англичанку, но поясняютъ, что мать ея была иностранка, или что женщина эта получила воспитаніе въ чужихъ краяхъ. Это принадлежитъ къ тому несносному canе, по которому англійскія условія жизни все еще какъ будто стоятъ выше всякой критики. Вся дѣятельность Тэккерея, значительная часть дѣятельности Диккенса и нѣкоторыхъ другихъ романистовъ подкапываютъ это британское самообольщеніе, это филистерское, глупое поклоненіе самимъ себѣ. Но въ отношеніи къ женщинамъ и они не имѣютъ достаточно смѣлости, чтобы вывести примѣры вовсе «неженственнаго» поведенія природныхъ англичанокъ, хотя такіе примѣры у всѣхъ передъ глазами. Англійскаго романиста въ этомъ случаѣ останавливаетъ то возраженіе, которое онъ провидитъ въ устахъ всѣхъ читающихъ Смитовъ, Броуновъ, Джонсовъ и Дженкинсовъ: «англичанка *не можетъ* сдѣлать этого», «англійское воспитаніе не допуститъ этого».

Вотъ почему Маделену Стэнгопъ пришлось сдѣлать синьорою Нерони. Только благодаря зловредному чужеземному, unenglish, направленію, она могла сдѣлаться такою опасною кокеткой, что въ ея присутствіи нельзя поручиться ни за одного мужчину, какъ бы уменъ и «выдержанъ» онъ ни былъ. Всѣ они, на минуту, непремѣнно влюбляются въ нее. На минуту въ нее влюбляется и необыкновенно умный докторъ Арабинъ, одно изъ богословскихъ свѣтилъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ факеловъ Оксфорда, и г. Торнъ, владѣлецъ Уллаторна, почтеннѣйшій сквайръ, котораго фамилія владѣла этимъ помѣстьемъ еще до нормандскаго покоренія и съ тѣхъ поръ всегда сіяла всѣми спеціально-англійскими добродѣтелями. Мало того, въ нее влюбляется—и уже не на одну минуту, а весьма прочно, до забвенія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, и всѣхъ своихъ низкихъ разсчетовъ—самъ мистеръ Слопъ, это лучезарное явленіе «нижняго» англиканизма.

Такъ силенъ, такъ вредоносенъ этотъ заграничный ядъ, что никто не можетъ устоять отъ его обворожительной заразы. Само собой разумѣется, что въ той же мѣрѣ, въ какой г-жа Нерони неотразимо дѣйствуетъ на мужчинъ, она возбуждаетъ непримиримое отвращеніе къ себѣ въ женщинахъ. И леди де-Курси, и миссисъ Грэнтли, и, въ особенности, миссисъ Проуди — возмущены ею. Послѣдняя возмущена до глубины души, тѣмъ болѣе, что синьора Нерони какъ-то съумѣла задѣть ее за кружева ея платья и, главнымъ образомъ, задѣть заживое преданнаго миссисъ Проуди, образцоваго проповѣдника, мистера Слопа.

Мистеръ Слопъ, тѣмъ временемъ, самъ уже дошелъ до убѣжденія, что ему придется отдѣлить свои интересы отъ интересовъ своей покровительницы. Мистеръ Слопъ имѣлъ твердое намѣреніе забрать управленіе барчестерскою епархіей въ свои руки, и это казалось ему легко, по личнымъ свойствамъ епископа. Но всѣ должны были убѣдиться, что г-жа Проуди хотѣла управлять епархіею сама, а его, Слопа, держать на скромной степени капеллана, орудія и секретаря ея всемогущества. Между тѣмъ такого рода положеніе вовсе не соотвѣтствовало тѣмъ средствамъ, какія были въ рукахъ у этого талантливаго сына воинствующей церкви. Дѣло въ томъ, что самъ могущественный «Юпитеръ» не пренебрегъ въ прежнее время помѣщеніемъ на своихъ столбцахъ нѣкоторыхъ церковно-литературныхъ изліяній почтеннаго Слопа, а, стало быть, у него были связи поважнѣе миссисъ Проуди.

Открывается, за смертью декана барчестерскаго капитула, вакансія этого доходнаго, почетнаго и спокойнаго мѣста, одного изъ тѣхъ «жирныхъ» мѣстъ, которыми еще недавно англиканская церковь изобиловала и которыхъ и теперь, несмотря на

всѣ произведенныя реформы, имѣется еще достаточное количество для награжденія усердныхъ, дѣятельныхъ сѣятелей. Мистеръ Слопъ, къ великому негодованію барчестерскаго клерикальнаго міра, является кандидатомъ на мѣсто декана. Но этотъ честолюбивый планъ не удается Слопу, несмотря на высокія его связи, потому именно, что на пути честолюбія всякая иная страсть составляетъ помѣху, а мистеръ Слопъ предался иной страсти. Мало того, ухаживая за Маделеною Нерони, онъ въ тоже время ухаживаетъ за одной клерикальной вдовушкой, у которой есть состояніе. Все это вмѣстѣ слишкомъ сложно, и очевидно не можетъ быть приведено къ концу удовлетворительнымъ образомъ. И въ самомъ дѣлѣ, наступаетъ, наконецъ, день паденія мистера Слопа, паденія полнаго: деканомъ назначается не онъ, вдовушка даетъ ему отставку нѣкоторымъ весьма непріятнымъ образомъ, Маделена Нерони только смѣется надъ нимъ, заставляетъ его, духовную особу, становиться на колѣни и потомъ прямо объясняетъ ему, что онъ жалокъ; наконецъ, миссисъ Проуди, епископша, возмущенная и любовною интригою образцоваго проповѣдника, и его попытками отнять у нея безусловное господство надъ мужемъ, отказываетъ ему отъ мѣста епископскаго капеллана. Мистеръ Слопъ, въ бурной прощальной сценѣ, грозитъ «обличить» ихъ путемъ печати. — «Это—грязная клерикальная исторія», быть можетъ, подумаетъ читатель, ставящій высоко призваніе духовныхъ лицъ, служителей алтаря. Но, спрашиваемъ такого читателя, еслибы до изложенія этого очерка мы предварили его, что изложимъ «грязную клерикальную исторію», какая картина впередъ представилась бы его уму? Картина ли борьбы духовныхъ принциповъ, отражающейся, какъ всѣ людскія дѣла, въ личныхъ отношеніяхъ, картина ученыхъ людей, преслѣдующихъ личныя цѣли, при епископѣ, котораго назначеніе зависитъ отъ торжества въ парламентѣ той или другой партіи, при могущественной печати, которая зорко слѣдитъ и за духовнымъ вѣдомствомъ, которое не представляетъ замкнутаго, непроницаемаго для общества міра, а только часть самого же общества? Или же читателю при этихъ словахъ впередъ представилась бы картина закрытаго отъ всѣхъ очей міра, гдѣ царствуетъ полный произволъ епископской власти, гдѣ нѣтъ господства г-жи Проуди, но есть еще болѣе безусловное господство взятки, гдѣ вся борьба даже и не исходитъ изъ различія принциповъ, а прямо, наивно-открыто ведется изъ-за денегъ, изъ-за непозволенныхъ доходовъ, изъ-за невѣрныхъ отчетовъ объ употребленіи суммъ, и гдѣ весь этотъ мракъ спеціально поддерживается посредствомъ отстраненія отъ него всякой опасности со

стороны надзора свѣтской печати? Намъ, правду сказать, самимъ немножко неловко кажется постоянно вставлять подобныя оговорки: онѣ выходятъ изъ рамки очерковъ *англійской* жизни. Но онѣ необходимы. Мы живемъ въ такое время, что если сказать: «посмотрите, какая грязь на улицахъ Лондона послѣ дождя», то изъ этого непремѣнно выведутъ утѣшительное заключеніе насчетъ бремени, какое несетъ петербургская дума по расходамъ на содержаніе полиціи.

Міръ клерикальный разработанъ Троллопомъ особенно тщательно и цѣлый циклъ изъ его романовъ посвященъ этому міру, такъ что въ разныхъ романахъ являются тѣже лица: архидіаконъ Грэнтли и миссисъ Грэнтли, докторъ Проуди и миссисъ Проуди, докторъ Арабинъ и т. д. Этотъ міръ интимно соприкасается другому міру—міру помѣщичьему, міру country squires, такъ какъ сельское духовенство живетъ, какъ уже сказано, въ ихъ средѣ, принадлежитъ къ ихъ средѣ. Поэтому всѣ клерикальные романы Троллопа — Barchester Towers, The last Chronicle of Barset, Framley Parsonage, Vicar of Bullhampton—наряду съ клерикальною жизнью воспроизводятъ и жизнь сельскихъ джентльменовъ.

Мы уже сказали, что адвокатъ или докторъ-врачъ не такъ непремѣнно проникаютъ въ эту сферу, какъ приходскіе пасторы и вообще духовенство. Въ духовной сферѣ самое происхожденіе значитъ очень много, и чтобы сдѣлаться ректоромъ, и въ особенности епископомъ, если не необходимо, то очень полезно принадлежать къ старинной фамиліи. Родственныя связи между духовною сферою и высшею аристократіею нерѣдкость уже потому, что младшіе сыновья аристократическихъ фамилій охотно избираютъ духовную карьеру. Нерѣдки и брачныя связи: такъ, напримѣръ, дочь архидіакона Грэнтли выходитъ за богача, лорда Домбелло, а лордъ Лофтонъ женится на сестрѣ своего товарища по университету, мѣстнаго приходскаго священника Робартса. Этотъ же Маркъ Робартсъ является у Троллопа отчасти представителемъ пастора-спортсмена.

Но докторъ-врачъ можетъ все-таки упрочить себѣ равное положеніе въ помѣщичьей средѣ силою личныхъ достоинствъ. Таковъ докторъ Торнъ [1]); надо, впрочемъ, прибавить, что докторъ Торнъ принадлежитъ къ той же старинной фамиліи, которой главу—г. Торна, владѣльца Уллаторна, мы уже назвали. Докторъ Торнъ пользуется большимъ уваженіемъ, и Троллопъ самъ такъ привязывается къ нему, что въ другомъ романѣ доставляетъ ему, наконецъ, и достаточныя средства, чтобы фигурировать въ этомъ свѣтѣ со всѣмъ необходимымъ внѣшнимъ достоинствомъ.

[1]) Doctor Thorne.

Средства эти Троллопъ доставляетъ доктору весьма простымъ образомъ: женитьбою на богатой наслѣдницѣ. Кто когда-либо видалъ англійскую газету, видалъ и тѣ объявленія, въ которыхъ десять разъ повторяется одно имя и за нимъ — преимущества его изобрѣтенія. Такія объявленія долгое время превозносили всѣ преимущества изобрѣтеннаго мистеромъ Донстэблемъ «ливанскаго масла»—oil of the Lebanon. Докторъ Торнъ, несмотря на свое саксонское происхожденіе, подъ конецъ женится на этомъ ливанскомъ элексирѣ, то-есть на миссъ Донстэбль, дѣвицѣ зрѣлой, наслѣдницѣ ливанскаго масла, дѣвицѣ, впрочемъ, очень умной, которая нисколько не скрываетъ «неаристократичности» того humbug, благодаря которому она унаслѣдовала очень значительное состояніе. Дѣвица Донстэбль — опять одинъ изъ удачныхъ типовъ Троллопа, который вообще обладаетъ рѣдкимъ качествомъ рисовать въ совершенствѣ женскіе типы.

Но насъ интересуетъ не докторъ Торнъ, и не миссъ Донстэбль, а жизнь англійскихъ помѣщиковъ. Англичане вообще полагаютъ, что самый завидный въ свѣтѣ удѣлъ, это—удѣлъ англійскаго независимаго помѣщика. Мнѣніе это вполнѣ патріотично, въ томъ смыслѣ, что оно всѣ огромные капиталы, пріобрѣтаемые англичанами во всѣхъ частяхъ міра, стягиваетъ на англійское земледѣліе. Не мудрено, что земледѣліе это процвѣтаетъ. Еще бы! англичане, какъ извѣстно, не колонизируютъ въ настоящее время странъ, съ которыми имѣютъ сношенія. Колонизація изъ Англіи — дѣло оконченное, и если она еще происходитъ, то дѣятелями ея являются люди, которые въ самой Англіи не имѣли никакой цѣны. Вліяніе англичанъ внѣ Англіи — мы разумѣемъ вліяніе общественное, промышленное и торговое— осуществляется способомъ не колонизаціоннымъ, не производительнымъ, а чисто-завоевательнымъ. Англичане высылаютъ заграницу не земледѣльцевъ и ремесленниковъ, какъ нѣмцы, не *солдатъ*, а *офицеровъ* колонизаціи: ихъ колонизація — не колонія, а факторія. Ихъ орудія — не плугъ, не шило, не машина для печенія хлѣбовъ или копченія говядины, а просто торговые, по мѣрѣ возможности монополистскіе, привилегированные пріемы. Они снабжаютъ другія страны не производителями-рабочими, какъ нѣмцы—другая колонизаціонная нація,—не рядовыми производительности, а распорядителями, хозяевами, то-есть завоевателями. Только въ одной странѣ новые эмигранты изъ Англіи еще являются въ качествѣ рабочихъ, именно въ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Здѣсь возвышенность заработковъ еще продолжаетъ соблазнять англійскихъ рабочихъ, простыхъ рабочихъ. Во всѣхъ другихъ странахъ, англичанинъ является только

предпринимателемъ, торговымъ человѣкомъ, за котораго работаетъ капиталъ. И всѣ эти капиталы, въ силу англійскаго міросозерцанія, по которому самымъ завиднымъ въ свѣтѣ положеніемъ представляется положеніе country squires въ самой Англіи,—стекаются въ Англію, и обращаются на англійское земледѣліе, которое и достигло совершенства, невозможнаго въ другихъ мѣстахъ, предоставленныхъ собственнымъ своимъ рессурсамъ.

Англичане похожи на французовъ и не похожи на нѣмцевъ въ томъ отношеніи, что они не «прилѣпляются» къ мѣсту своей торговой дѣятельности заграницею, а все думаютъ о возвращеніи на родину, чтобы *тамъ* наслаждаться собранными плодами. *Полный* идеалъ всякаго англичанина таковъ: нажить капиталъ, на часть его пріобрѣсть въ Англіи имѣніе, помѣстье, и сдѣлаться основателемъ, родоначальникомъ country family, то-есть помѣщичьяго рода. Сквайръ, живущій въ имѣніи, унаслѣдованномъ отъ отца или дѣда (хотя и пріобрѣтенномъ, можетъ быть, на торговые барыши), имѣющій домъ, устроенный съ тѣмъ неизвѣстнымъ на континентѣ, крайне сложнымъ комфортомъ, какимъ умѣютъ окружать себя англійскіе помѣщики, и въ который входятъ между прочимъ и такія вещи, какъ паркъ — хотя бы не большой—своя охота на лисицъ, заботливо оберегаемыхъ и поддерживаемыхъ, и фазановъ, которыми снабжаются рощи, погребъ со старыми винами, конюшня съ превосходными лошадьми, такой сквайръ, живущій совершенно независимо отъ кого-либо и представляющій свою мѣстность въ парламентѣ — это самый высокій идеалъ каждаго англичанина. И англичане, не безъ нѣкотораго основанія, убѣждены, что нѣтъ во всемъ мірѣ другого сословія, котораго жизнь была бы такъ привольна и такъ исполнена независимости и достоинства, какъ жизнь ихъ богатаго помѣщичьяго сословія. Сословіе сквайровъ есть именно *гордость Англіи*, и англичане вовсе не раздѣляютъ континентальнаго взгляда, по которому Англія—страна главнымъ образомъ торговая, и англичане — народъ преимущественно коммерческій. Троллопъ, въ одномъ романѣ, прямо отрицаетъ этотъ взглядъ: «Англія и теперь еще вовсе не коммерческая страна, въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно называютъ этимъ эпитетомъ; она еще все — не страна однихъ коммерсантовъ, и будемъ надѣяться—не скоро и сдѣлается такою.» Съ неменьшей основательностью, ее можно еще и теперь называть феодальною, или рыцарскою страною.

«Если есть на просвѣщенномъ Западѣ Европы нація, среди которой есть истинные бояре, которой истинная аристократія представляется землевладѣльцами, истинная аристократія, пользующаяся общимъ довѣріемъ, признаваемая способною къ управ-

ленію, то нація эта именно — англичане. Возьмите изъ среды каждаго великаго народа въ Европѣ по десятку наиболѣе вліятельныхъ людей; возьмите во Франціи, Австріи, Сардиніи, Пруссіи, Россіи, Швеціи, Даніи, Испаніи — по десятку первостепенныхъ по вліянію своему на дѣла націи людей, и затѣмъ отмѣтьте также въ Англіи десятеро извѣстныхъ въ качествѣ наиболѣе значительныхъ государственныхъ людей настоящей минуты — и вы убѣдитесь, въ которой изъ этихъ странъ феодальная, а по нынѣшнему помѣстная собственность внушаетъ къ себѣ наиболѣе преданности и наиболѣе искренняго довѣрія. Англія — торговая страна! Да, она торговая, но въ томъ только смыслѣ, какъ древняя Венеція. Пусть она и превосходитъ другія страны въ торговлѣ, но торговля все-таки, въ ней самой — никакъ не то, чѣмъ она наиболѣе гордится, не то, въ чемъ она сама признаетъ свое превосходство. Негоціанты, которые — только негоціанты, у насъ далеко не занимаютъ перваго мѣста, но негоціянту открытъ доступъ къ людямъ первороднымъ; онъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ нихъ. Купля и продажа — вещи хорошія и необходимыя; онѣ вполнѣ необходимы и могутъ быть очень полезны; но купля и продажа все-таки не могутъ составлять благороднѣйшаго занятія для человѣка; и будемъ надѣяться, что пока мы живемъ, купля и продажа не будутъ почитаться почетнѣйшимъ занятіемъ англичанина».

Мы не станемъ критиковать этого взгляда, весьма наивнаго; мы привели его какъ истинный взглядъ англійскаго общества доселѣ. Утѣшать себя мыслью, что огромное вліяніе англійской аристократіи на дѣла зависѣло доселѣ собственно отъ общаго къ ней довѣрія — такую вещь можетъ сказать только англичанинъ, который вообще расположенъ къ оптимисткому взгляду на все то у себя дома, чего онъ еще не имѣетъ въ виду измѣнять. Нынѣшняя англійская аристократія, безъ сомнѣнія, образованнѣе другой и болѣе заслуживаетъ довѣрія; но какъ будто преобладаніе аристократіи въ этой странѣ было меньше въ то — вовсе еще недалекое время, когда она по нравственнымъ своимъ качествамъ не заслуживала довѣрія? Напротивъ — сама нравственная распущенность этого класса именно и происходила отъ безусловнаго въ то время его преобладанія.

Представимъ изъ одного разсказа Троллопа краткій очеркъ богатаго англійскаго помѣщика, одного изъ гордыхъ патриціевъ этой республики, представлявшей до нашего времени не мало сходства съ республикой древняго Рима. Г. Грешэмъ [1] — про-

[1] Doctor Thorne. Этотъ Грешэмъ не имѣетъ отношенія къ Грешэму новѣйшихъ разсказовъ Троллопа, тому Грешэму, который представляетъ собой Гладстона.

стой commoner, и титулуется «мистеръ» Грешэмъ, или «Франсисъ Ньюбольдъ Грешэмъ esq» — то-есть точно также, какъ любой изъ Джонсовъ. Въ Англіи нѣтъ дворянства, въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается на континентѣ. Въ Англіи есть только аристократія, а дворянства нѣтъ. Г. Паллизеръ — племянникъ герцога, и наслѣдникъ его титула; но онъ—не нобльменъ. Онъ будетъ нобльменомъ и даже первымъ нобльменомъ своей страны, когда унаслѣдуетъ отъ дяди титулъ герцога. До тѣхъ поръ онъ — мистеръ, и такой же коммонеръ, какъ Джонсъ, или какъ мистеръ Грешэмъ. Но между *положеніемъ* мистера Грешэма и другихъ мистеровъ, великая разница. М-ръ Грешэмъ—владѣлецъ Грешэмсбэри, помѣстья, принадлежащаго его роду со временъ нормандскаго покоренія. Мистеръ Грешэмъ по положенію гораздо выше даже лорда, вновь испеченнаго за заслуги въ какой-нибудь профессіи.

У насъ, гдѣ и недвижимая собственность весьма подвижна, гдѣ рѣдки имѣнія, остававшіяся въ рукахъ одного рода въ теченіи какого-нибудь одного столѣтія, гдѣ, наконецъ, частныя каменныя постройки и всѣ-то относятся ко времени недавнему, нелегко составить себѣ понятіе о томъ, что такое есть place старинаго богатаго англійскаго помѣщика. Для этого надо вспомнить, что каменныя постройки въ Британіи были уже во время римлянъ, что нѣсколько покореній, послѣдовавшихъ одно за другимъ, легли пластами на эту землю и сказались твердыми каменицами. Послѣднее изъ этихъ покореній, покореніе нормандское, покрыло страну рыцарскими за́мками, и этотъ пластъ остается верхнимъ до сихъ поръ, какъ ни поросъ онъ индустріализмомъ, коммерціею и тѣмъ новымъ величіемъ, которое возникло не въ за́мкѣ, а въ городской коммунѣ. Къ сословію нормандскихъ завоевателей постепенно пріобщались, примыкали новые землевладѣльцы, какъ къ тому же сословію примкнуло то, что осталось отъ прежняго, англосаксонскаго землевладѣнія. По мѣрѣ того, какъ древній за́мокъ приходилъ въ ветхость (много ихъ разорено во время войны Розъ), близъ его постепенно воздвигалось новое полуукрѣпленное, полуорнаментное зданіе, и каждая отдѣльная часть этого зданія запечатлѣвалась характеромъ той эпохи, которая видѣла ея возникновеніе. Такимъ образомъ, возникли живописныя барскія постройки, которыя составляютъ агломерацію изъ разныхъ стилей, представляютъ собою монументальные отрывки исторіи Англіи. Такимъ образомъ, средства, собираемыя въ теченіи многихъ вѣковъ, употреблялись на продолженіе давно начатаго дѣла. Мы назвали г. Грешэма помѣщикомъ богатымъ, но относительно говоря, для Англіи, онъ еще

вовсе не очень богатъ. Когда онъ наслѣдовалъ отцу, у него было 15 тысячъ фунтовъ годового дохода — сумма огромная по континентальнымъ понятіямъ, но нисколько не огромная въ той странѣ баснословныхъ капиталовъ, которая эксплуатировала Соединенные Штаты и множество другихъ колоній, которая эксплуатируетъ до сихъ поръ Индію, которая унаслѣдовала или похитила несмѣтные ресурсы торговли, нѣкогда составлявшей величіе итальянскихъ республикъ, потомъ Испаніи и Португаліи, потомъ Нидерландовъ. Цифры доходовъ англійскихъ богачей кажутся баснословны, но онѣ не представляютъ ничего баснословнаго, когда вспомнишь, что для какихъ-нибудь ста тысячъ богатыхъ (по континентальнымъ понятіямъ) семействъ работаетъ болѣе 200 милліоновъ душъ, не говоря уже о дани собираемой англійскою промышленностью и торговлею со всего остального человѣчества.

Имѣя 15 тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода, г. Грешэмъ былъ богатъ для землевладѣльца-коммонера. Но для нобльмена онъ богатъ бы не былъ. Сосѣдъ и родственникъ его лордъ де-Курси былъ гораздо богаче, а самъ лордъ де-Курси былъ неважная персона въ сравненіи съ герцогомъ Омніумъ. Это еще не все: на ежегодный доходъ въ 15 тысячъ фунтовъ можно, конечно, устроить себѣ весьма красивое жилище. Но ни на эту и ни на бóльшую сумму дохода нельзя устроить въ короткое время Грешэмсбери-Гоузъ; нельзя придать зданію величіе старины, нельзя вдругъ устроить паркъ, населенный оленями и богатую лисью охоту, нельзя устроить аллею изъ лимонныхъ деревъ съ версту длиною, какъ та, которая вела къ главнымъ воротамъ Грешэмсбери-Гоуза. Все это, въ настоящемъ видѣ, могло явиться только постепенно, вслѣдствіе прочности владѣнія и наслѣдственной дѣятельности владѣльцевъ.

Всѣ упомянутыя принадлежности украшали Грешэмсбэри-Гоузъ, который стоялъ во главѣ угла, образуемаго селомъ. Съ одной стороны его—оленій паркъ и многочисленныя конюшни и службы, съ другой—великолѣпная, длинная аллея изъ лимонныхъ деревъ. Самый домъ былъ окруженъ чугунною рѣшеткою, съ каменными воротами, надъ которыми высился гербъ Грешэмовъ, поддерживаемый двумя дикими, съ пáлицами въ рукахъ, и съ девизомъ «Gardez Gresham» (берегитесь Грешэма).

Большая часть дома выстроена въ чистомъ тюдорскомъ стилѣ; изъ оконъ дома, стоящаго на возвышеніи, видъ — на нѣсколько разнообразныхъ садовъ, на множество каменныхъ террасъ, разбросанныхъ посреди садовъ; грешэмсбэрскіе сады славятся своею красотой уже два вѣка.

Такому джентльмену, какъ мистеръ Грешэмъ, не предстоитъ надобности дѣлать карьеру. Однако и онъ долженъ работать, долженъ стараться занять въ округѣ то положеніе, которое соотвѣтствуетъ ему, то положеніе, которое передъ нимъ принадлежало его отцу и его дѣду. Для этого, онъ прежде всего и какъ непремѣнное условіе долженъ пройти чрезъ университетъ; потомъ, онъ путешествуетъ, видитъ свѣтъ, возвращается домой и является кандидатомъ на выборы въ парламентъ. Если свою политическую роль сыграетъ умно, то можетъ надѣяться до глубокой старости представлять свой округъ въ палатѣ общинъ, издерживая отъ времени до времени нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на избраніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — членъ мѣстнаго суда и естественный покровитель своихъ фермеровъ (таково призваніе; исполняется оно, разумѣется, весьма различно). Непосредственная дѣятельность его посвящена хозяйству, заботамъ о поддержаніи и улучшеніи имѣнія. Бо́льшую часть времени онъ проводитъ на воздухѣ: объѣзжаетъ работы, посѣщаетъ фермеровъ и сосѣдей, наконецъ въ сезонъ охоты проводитъ цѣлые дни на конѣ, скача, что называется, сломя голову, чрезъ плетни и двухаршинные заборы, для того, чтобы присутствовать при томъ удивительномъ торжествѣ, когда собаки затравятъ лисицу, и старшій егерь отрѣжетъ у нея голову и хвостъ, а остальное броситъ собакамъ.

Таковы черты дѣятельности настоящаго англійскаго сквайра. Затѣмъ—все различіе, зависящее отъ личныхъ качествъ. Возьмемъ примѣръ нынѣшняго сквайра, Грешэма-старшаго. Онъ — человѣкъ со способностями, и человѣкъ добрый и мягкій. Но ему «не повезло» въ жизни. Главною его ошибкой было то, что онъ женился слишкомъ рано и сдѣлалъ неудовлетворительный выборъ. Двадцати одного года, онъ женился на дочери лорда де-Курси, особѣ эгоистической, холодной и пустой. Грешэмы были наслѣдственно—тори. Де-Курси—виги. Вступивъ въ палату общинъ, молодой Франсисъ Грешэмъ не съумѣлъ ясно опредѣлить своего положенія. Онъ сблизился съ вигами и на слѣдующихъ выборахъ, не бывъ поддержанъ ни торіями, ни вигами, «сѣлъ между двухъ стульевъ», провалился. Между тѣмъ, онъ никакъ не хотѣлъ отказаться отъ политическаго положенія, какое принадлежало его отцу, трижды пробовалъ являться снова кандидатомъ на выборахъ, и трижды потерпѣлъ неудачу, что уже составило потерю (при борьбѣ расходы избранія сильно возрастаютъ) втрое превосходившую сумму его годового дохода. Это уже былъ чувствительный ударъ. Но этого мало. Леди Арабелла, жена Грешэма, непремѣнно желала проводить «сезонъ» въ Лондонѣ, и вотъ они провели въ Лондонѣ четыре первыхъ сезона своей супруже-

ской жизни. Въ Лондонѣ, леди Арабелла, разумѣется, хотѣла жить на равную ногу со своими родными, т.-е. съ де-Курси, и въ ихъ свѣтѣ. Это поглотило такія суммы, что Грешэмъ просто обѣднѣлъ. При немъ оставалось большое имѣніе; но у него вѣчно былъ недостатокъ въ деньгахъ; нельзя было производить своевременно нужныхъ хозяйственныхъ расходовъ, а семейство все возрастало. Къ этому еще прибавилось то обстоятельство, что Грешэмъ взялся содержать у себя псарни, служащія для охоты всего округа. При такомъ имѣніи, въ другихъ обстоятельствахъ, это былъ бы расходъ незначительный; но въ обстоятельствахъ Грешэма и это было чувствительно, такъ что, бывъ master of the hounds въ теченіи десяти лѣтъ, онъ, наконецъ, долженъ былъ отказаться отъ этой чести. Разъ вступивъ на путь займовъ, онъ все болѣе и болѣе запутывался, долженъ былъ закладывать доходы съ имѣнія и, наконецъ, довелъ дѣла до того, что сынъ его, поимени тоже Франкъ Грешэмъ, *долженъ* жениться на деньгахъ; онъ *долженъ* сдѣлать это, если хочетъ сохранить свое наслѣдственное положеніе въ графствѣ. Эта fatalité и даетъ канву для романа, который оканчивается однако иначе, совершенно случайно-благопріятнымъ образомъ, ибо Франкъ женится на дѣвушкѣ бѣдной, но Троллопъ дѣлаетъ ее потомъ богатою.

Мы представили сквайра «настоящаго»; возьмемъ иной примѣръ — человѣка, случайнаго, попадающаго въ среду богатаго землевладѣнія. Положеніе человѣка, случайно выходящаго изъ своей среды и попадающаго въ такую среду, которой не соотвѣтствуетъ ни происхожденіе его, ни воспитаніе — въ Англіи труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ Англіи для всякаго рода дѣятельности существуютъ опредѣленныя грани. Простой, необразованный рабочій или сидѣлецъ можетъ разбогатѣть — это случается очень часто, а потому есть цѣлый классъ, въ которомъ такіе люди и могутъ помѣститься весьма удобно — классъ богатыхъ предпринимателей, «вышедшихъ въ люди» спекулянтовъ. Оставаясь между собою, они живутъ въ свое удовольствіе, и мало-по-малу, посредствомъ браковъ, сближаются съ инымъ, высшимъ классомъ, такъ что черезъ какихъ-нибудь два поколѣнія, у наслѣдниковъ такого человѣка есть уже и образованіе, и связи, достаточныя для любого общества. Но быть въ положеніи *исключительномъ*, не принадлежать ни къ какому опредѣленному классу, съ опредѣленными условіями жизни, весьма тяжко въ Англіи, странѣ рѣзкихъ и твердыхъ общественныхъ граней.

Послѣ помѣщика «настоящаго», возьмемъ такого помѣщика случайнаго. Таковъ сэръ Роджеръ Скатчердъ. Сэръ Роджеръ по ремеслу—каменьщикъ, простой каменьщикъ, со вкусами, и нра-

вами и съ женою—какіе бываютъ у каменьщика. А между тѣмъ онъ страшно разбогатѣлъ. Сперва маленькія постройки, потомъ большіе общественные и казенные подряды — при необыкновенной энергіи и талантливости этого человѣка дали ему, наконецъ, такія средства, что онъ взялся за желѣзно-дорожное строительство и сталъ строить нѣсколько линій вдругъ. Большую часть того округа, гдѣ онъ родился, онъ купилъ и сдѣлался богатымъ землевладѣльцомъ. Это бы еще все ничего. Пусть бы онъ жилъ себѣ въ городѣ, «съ себѣ подобными», а въ имѣніе привозилъ своихъ городскихъ друзей, пилъ и охотился съ ними. Но случилось такъ, что правительству какъ-то особенно понадобилось въ скорѣйшее время построить нѣкоторую новую линію, и богатый каменьщикъ Скатчердъ исполнилъ это весьма скоро и весьма дешево, просто изъ гордости, чтобы сдѣлать одолженіе британскому правительству.

Британское правительство, за эту услугу, возвело его, съ нисходящимъ мужскимъ потомствомъ, въ достоинство баронета Соединеннаго Королевства. Положеніе богатаго баронета-землевладѣльца было уже совсѣмъ иное. Онъ захотѣлъ въ парламентъ. Въ классѣ городскихъ вновь возникшихъ богачей онъ не остался, а въ сословіе землевладѣльцовъ «настоящихъ» онъ могъ вступить только по формѣ. Они не приняли бы его какъ равнаго; да ему и скучно было съ ними. Они скакали верхомъ, а онъ работалъ съ утра до вечера какъ волъ—когда работалъ. Они пили бордо, а онъ пилъ коньякъ. Наконецъ его «миледи», леди Скатчердъ ужъ никакъ не годилась въ общество тѣхъ людей, у которыхъ она нѣкогда служила въ кормилицахъ. И вотъ сэръ Роджеръ, человѣкъ умный, пожалуй, геніальный въ своемъ родѣ—сталъ пить запоемъ. «Должно быть эта концессія уже обѣщана», или «должно быть эта компанія уже состоялась — такъ какъ Скатчердъ вотъ уже цѣлую недѣлю пьетъ мертвую»—такъ стали говорить. «Сказываютъ, выпилъ три галлона коньяку; должно быть дѣло слажено».

Сына своего, Скатчердъ послалъ въ Итонъ. Молодой Скатчердъ все-таки учится же чему-нибудь, наконецъ онъ не родился рабочимъ, онъ сынъ баронета, и самъ будетъ современемъ сэръ Люисъ Скатчердъ; но ядъ разграниченія, исключительности такъ глубоко проникъ это общество, что послушайте, какъ относились къ молодому Скатчерду дѣти — товарищи его въ Итонѣ: «у молодого Скатчерда было больше карманныхъ денегъ, чѣмъ у кого-либо въ школѣ, и сверхъ того у него было достаточно нѣкоторой наглости, которая давала ему мѣсто въ первомъ ряду однолѣтковъ. Поэтому онъ пріобрѣлъ нѣкоторый éclat въ школѣ,

признанный даже тѣми учениками, которые знали и очень часто говорили одинъ другому, что молодой Скатчердъ не можетъ быть приличнымъ для нихъ товарищемъ, кромѣ такихъ многочисленныхъ собраній, какъ напр., при игрѣ въ «крокетъ» или на гонкѣ школьныхъ лодокъ. Мальчики въ этомъ отношеніи столь же исключительны, какъ люди взрослые и точно также хорошо понимаютъ разницу, какая есть между кругомъ общаго товарищества и кружкомъ болѣе интимнымъ. У Скатчерда было много такихъ товарищей, которые охотно отправлялись съ нимъ въ Мэйденгэдъ, на его гичкѣ; но ни одинъ изъ числа ихъ не сталъ бы говорить съ нимъ, напримѣръ.... о своей сестрѣ».

Молодому Скатчерду не въ прокъ пошло отцовское богатство, какъ оно пошло не въ прокъ самому сэр-Роджеру, и именно потому, что они стояли въ положеніи исключительномъ, въ томъ обществѣ, гдѣ на все установлены грани, и гдѣ стоять внѣ этихъ граней крайне неудобно. «Нѣтъ ничего труднѣе, какъ дать порядочное воспитаніе такому юношѣ, который не имѣетъ нужды готовиться къ заработыванію себѣ впослѣдствіи куска хлѣба, а между тѣмъ не имѣетъ *признаннаго* положенія въ средѣ другихъ молодыхъ людей, тоже воспитываемыхъ не въ виду заработковъ. Будущіе герцоги и графы находятъ *готовыя* для нихъ обязанности и мѣста, столь же легко — какъ будущіе пасторы и адвокаты. Въ виду ихъ особеннаго положенія все уже давно устроено; и хотя и они, конечно, могутъ сбиться съ пути, но имъ все-таки заранѣе обезпечены всѣ шансы дороги вѣрной. Тоже самое можно сказать о такихъ молодыхъ джентльменахъ, какъ Франкъ Грешэмъ. Ихъ есть достаточно много, а потому, благосостояніе ихъ, въ періодѣ приготовленія къ жизни, давно уже обсуждено, устроено и обставлено какъ слѣдуетъ. А такихъ молодыхъ людей, каковъ былъ Люисъ Скатчердъ, юношей брошенныхъ въ свѣтъ въ *его* положеніи — слишкомъ мало; и вотъ изъ небольшого числа ихъ, еще только очень малая часть вступаетъ въ борьбу жизни подъ условіями благопріятными».

Этими характеристическими словами Троллопа мы заключимъ очеркъ одной изъ сферъ столь исключительнаго и несклоннаго къ уступкамъ англійскаго общества.

Л. Полонскій.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ

КОВАЛЕВСКІЙ

Біографическій очеркъ.

Въ жизни русскаго общества, съимпровизированнаго на европейскій ладъ, и все еще импровизируемаго,—въ этомъ вихрѣ быстро несущихся порядковъ, направленій, требованій и учрежденій,—дѣятели являются неожиданно, часто всего менѣе готовые, рѣдко годные, для предстоящей дѣятельности. Назначаемые съ-дѣтства къ прохожденію извѣстныхъ поприщъ, они обыкновенно ихъ-то и не проходятъ; вытвердивъ извѣстныя роли, они этихъ-то именно ролей и не играютъ, а являются совершенно въ другихъ, и принуждены ихъ импровизировать. При талантѣ это удается, безъ таланта нѣтъ, если преданность или смѣлость всего не превозмогутъ; но во всякомъ случаѣ свѣжій умъ освѣжитъ рутину, и поможетъ иному—роль, которую онъ не знаетъ, сыграть гораздо лучше тѣхъ, кто вытвердилъ ее въ совершенствѣ... Какъ въ небогатой персоналомъ труппѣ, ему придется сыграть и не одну, а можетъ быть, нѣсколько ролей въ той-же пьесѣ... Тамъ, гдѣ умственный спросъ превышаетъ предложеніе, иначе и быть не можетъ.

Ег. П. Ковалевскій принадлежалъ къ разряду такихъ умовъ—быстрыхъ и воспріимчивыхъ, ростящихъ плоды на всякой почвѣ. Студентъ-словесникъ въ Харьковѣ, горный инженеръ на золотыхъ пріискахъ и заводахъ Сибири, дипломатическій агентъ въ Китаѣ, Черногоріи, Нубіи и Египтѣ; директоръ азіатскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и независимо отъ всего этого, а частію и благодаря этому,—даровитый лите-

раторъ - путешественникъ и историческій писатель; наконецъ, главный дѣятель въ Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: вотъ тѣ роли и поприща, гдѣ суждено было Е. П. Ковалевскому оставить по себѣ слѣды, очень характерные и симпатическіе, оригинальные и живые, какимъ былъ онъ самъ. Много людей всякихъ развитій и народностей, подъ всякими градусами широты видѣли этого утлаго, худощаваго и скучающаго человѣка, какъ бы нехотя и съ трудомъ ворочавшаго языкомъ, съ виду ко всему равнодушнаго и слабаго, и который, въ минуты, когда предстояло совершить то, что онъ себѣ поставилъ цѣлью, внезапно преображался въ энергическаго дѣятеля, съ огненною рѣчью, съ несокрушимою волею и силою, даже физическою... Но начинался опять обычный ходъ жизни, скучный и безъ содержанія, и опять являлся немощный и лѣнивый человѣкъ, лѣниво отдѣлывающійся шутками и полусловами отъ пустыхъ разглагольствованій и споровъ. Только среда совершенно близкая ему по душѣ и по направленію всегда имѣла въ своемъ распоряженіи то особое добродушіе и тотъ полузадумчивый, но оттого еще болѣе разительный юморъ, которые отличали Ковалевскаго. Уроженецъ юга Россіи, онъ до конца сохранилъ на себѣ отличительныя черты своей родины, милые холмы которой, съ ея дубовыми рощами, хуторками въ степи и стаями бѣлыхъ гусей на прудахъ, не удалось затмить въ его сердцѣ ни величавымъ красотамъ Бѣлаго Нила, ни стремнинамъ Алтая и Черной Горы.... На обратномъ пути изъ Нубіи онъ приводилъ въ недоумѣніе своихъ земляковъ, увѣряя ихъ, что Малороссія гораздо лучше всего, о чемъ они его разспрашивали. Каждое случайно услышанное мѣткое выраженіе на родномъ нарѣчіи приводило его въ восторгъ неописанный: «ахъ, какъ это хорошо! говорилъ онъ, воспламеняясь,—ну можетъ ли что-нибудь сравниться съ этимъ!»

Егоръ Петровичъ родился въ 1811 году, въ тридцати верстахъ отъ Харькова, въ деревнѣ Ярошовкѣ, родовомъ имѣніи своего отца, почтеннаго екатерининскаго бригадира, уважаемаго, за стойкость правилъ и строгую жизнь, многочисленными родными и сосѣдями, которые всегда находили въ его уютномъ домѣ радушный пріемъ и готовый разумный совѣтъ. Младшій изъ пяти сыновей, и притомъ съ-дѣтства болѣзненнаго сложенія, авторъ нашъ, по всѣмъ этимъ правамъ, былъ баловнемъ дома—сестеръ, братьевъ, отца и особенно матери, женщины неистощимой доброты и любви, на которую онъ и походилъ болѣе другихъ въ семействѣ. Патріархальность тихаго и небогатаго, впрочемъ совершенно достаточнаго, помѣщичьяго быта; приволье по-

лей и садовъ; разсказы суевѣрной дворни, и особенно няни, о разныхъ таинственныхъ чудесахъ, происходящихъ въ темныя южныя ночи, иногда даже середи бѣлаго дня, въ старыхъ тѣнистыхъ аллеяхъ; жалобные крики совы на семейномъ кладбищѣ подъ серебрянными чащами тополей: вотъ обстановка дѣтства, имѣвшая неотразимое вліяніе на молодую душу Ковалевскаго. Не безъ серьёзной ироніи, ему столько свойственной, разсказывалъ онъ послѣ легенду о себѣ, созданную конечно воображеніемъ все той-же няни: какъ она пошла съ нимъ, ребенкомъ, въ садъ, какъ посадила на траву подъ грушу, а сама полѣзла «трусить дули»; какъ она вдругъ услышала, что Лёленька заплакалъ,—смотритъ, а рядомъ съ нимъ сидитъ другой Лёленька и тянется къ нему; какъ она спустилась скорѣе на землю и схватила ребенка—котораго, ужъ и сама не знаетъ, да ну бѣжать.... и т. д. и т. д.

— Я увѣренъ, что она взяла именно не меня, а того другого; оттого-то я и не похожъ ни на что,—прибавлялъ онъ съ уморительной серьёзностью. Но и не шутя, расположеніе къ таинственному и чудесному сохранило надъ нимъ власть до старости. Предсказатели и гадальщицы находили въ немъ своего посѣтителя. Правда, онъ тутъ-же съ несравненнымъ комизмомъ передавалъ ихъ пророчества и свои собственныя ощущенія, когда ему приходилось продѣлывать разныя испытанія, въ родѣ нюханья съ пророками табаку, питья чаю и т. п. Восторженная религіозность дѣтства, — плодъ домашней обстановки, въ немъ продержалась не долго. Въ голубомъ воротникѣ студента онъ еще молился горячо: близость и частыя посѣщенія родного крова, тревоги и неизвѣстность экзаменовъ поддерживали въ немъ эту потребность. За нею показалась другая—потребность выливать душу въ размѣренныхъ звукахъ и образахъ, и вотъ, уже на студентской скамейкѣ, задумана и начата цѣлая трагедія, оконченная впослѣдствіи и напечатанная подъ названіемъ «Марѳа, посадница Новгородская, или Славянскія жены». Единственные экземпляры этой библіографической рѣдкости сохранились въ семействѣ автора. Небольшая книжка, писанная бѣлыми стихами, съ посвященіемъ трагедіи, прозою, памяти Озерова, интересна только какъ первый опытъ будущаго писателя и иного значенія не имѣетъ.

Окончанію курса въ университетѣ предназначено было дать новый оборотъ жизни молодого человѣка. Отправленный въ Петербургъ, къ своему брату, который былъ двадцатью годами его старше и имѣлъ самостоятельное служебное положеніе, онъ скоро послѣдовалъ за нимъ въ далекую Сибирь — на Алтай, куда по-

слѣдній былъ назначенъ главнымъ горнымъ начальникомъ. Евграфу Петровичу Ковалевскому, впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія, а тогда дѣльному горному инженеру и умному администратору, не оставалось ничего другого, какъ пустить своего меньшого брата по пути, на которомъ онъ могъ руководить его. Скоро молодой студентъ, облеченный въ форменную одежду горнаго человѣка, уже работалъ на золотыхъ пріискахъ, и плодомъ новыхъ ощущеній въ дѣвственныхъ тайгахъ полудикаго края былъ очеркъ жизни золотопромышленниковъ и рабочихъ, напечатанный въ «Библіотекѣ для Чтенія» и замѣченный въ свое время по мѣткости описаній и наблюдательности. Тощая брошюрка стихотвореній, «Сибирь — Думы», написанная въ тѣхъ же пустыняхъ, подъ шумъ Иртыша и Оби, осталась, вмѣстѣ съ «Марѳою посадницею», свидѣтельствомъ того, что ни драма, ни стихи не были удѣломъ Ковалевскаго. Послѣднихъ онъ и не пытался писать болѣе; но къ драмѣ еще разъ вернулся, уже въ развитіи своего литературнаго таланта, — не съ бо́льшимъ однакожъ успѣхомъ. Это была пьеса въ прозѣ, изображавшая судьбу свѣтскаго мота, обѣднѣвшаго и всѣми покинутаго, но у котораго достало воли—въ глуши золотыхъ пріисковъ, собственными усиліями и трудомъ, поправиться, разбогатѣть и явиться мстителемъ въ прежнее общество за свое временное уничиженіе. Драма предназначалась для сцены, даже разучивалась, и главную роль, съ горячими монологами, долженъ былъ играть Каратыгинъ,—обстоятельство особенно пугавшее автора.

— Какъ я только подумаю, говорилъ онъ, что Каратыгинъ примется кричать это на весь театръ, — такъ-бы вотъ и взялъ назадъ пьесу.

И точно, онъ ее взялъ, а рукопись уничтожилъ; такимъ образомъ она не появилась и въ печати.

Случайно попавъ на дорогу горнаго инженера, Ковалевскій былъ выведенъ ею также неожиданно и на другое поприще, поприще дипломатическое, гдѣ врожденные таланты и энергія выдвинули его скоро на видное мѣсто. Какъ горный инженеръ, онъ былъ командированъ въ 1839 году въ Черногорію, для развѣдки золота и обученія туземцевъ промывкѣ его. Но при условіяхъ, какія тогда сложились, не одна эта цѣль была достигнута: молодой, горячій, симпатическій русскій, поэтъ въ душѣ, и такой же молодой и горячій, поэтъ уже на дѣлѣ, владыка Черногоріи, Петръ Негожъ, воспитанный въ Россіи, близкій ея нравамъ и интересамъ, — не замедлили сойтись тѣсно и дружески—не какъ представитель могущественнаго народа и государь маленькаго племени, но какъ сходится только молодость.

Они дѣлили досуги и труды, читали, декламировали Пушкина и вспоминали милую имъ обоимъ далекую страну. Патріархальные сенаторы и весь патріархальный людъ Цетиньи и горъ смотрѣли на обходительнаго и всему сочувствовавшаго, чему они сами сочувствовали, русскаго, какъ на своего... Какой-то первобытный миръ и тишина охватили душу молодого путешественника: «мнѣ кажется, будто я опять въ Малороссіи—въ Ярошовкѣ», писалъ онъ роднымъ.

И вдругъ въ невозмутимыхъ горахъ разразилась военная буря: исконные враги черногорцевъ, австрійцы, вторглись въ эти священныя горы и подняли на ноги всѣхъ, отъ старика до отрока. Ковалевскій, какъ не чужой, былъ принужденъ (и, конечно, не жалѣлъ о томъ) взять также ружье и карабкаться вмѣстѣ съ горцами по стремнинамъ, преслѣдуя скоро разбѣжавшагося врага. Тутъ начинаются трудности положенія нашего героя: упоенные побѣдою смѣльчаки, не сознавая того, что они сильны только подъ защитою этихъ природныхъ стремнинъ, и непобѣдимы своимъ умѣньемъ карабкаться по нимъ, вздумали перейти въ наступленіе и перенесть войну въ Австрію.

— Пусть русскій капитанъ насъ ведетъ туда! кричали они.

И не было никакой возможности вразумить ихъ ни въ томъ, что идти въ Австрію безумно, ни въ томъ, что русскому капитану вести ихъ туда просто преступно.

— Русскій царь для того и послалъ тебя, чтобъ ты за насъ заступился! шумѣла толпа, — веди на австріяковъ!

Дѣло доходило даже до угрозъ... Не легко, и то подъ условіемъ перевѣшать плѣнныхъ австрійцевъ (между ними были и офицеры), склонились черногорцы на миръ, котораго они не хотѣли заключать безъ личнаго ручательства Ковалевскаго.

— Пускай подпишетъ капитанъ! говорили они: его австріяки не посмѣютъ обмануть, а насъ обманутъ.

Капитану горныхъ инженеровъ приходилось стать главнокомандующимъ, трактующимъ о мирѣ...

Австрійскія, а за ними и всѣ европейскія газеты, конечно, не преминули раздуть эпизодъ этотъ чуть не во вмѣшательство русскаго капитана въ международныя дѣла дружественной державы, и онъ едва не поплатился за него своими эполетами... Времена были не особенно ласковыя, и только искреннее и совершенно правдоподобное изложеніе всего дѣла, какъ оно дѣйствительно было, а не такъ какъ хотѣли увѣрить, что оно было, — въ особой запискѣ, поданной вѣнскому нашему послу самимъ виновникомъ, смѣнило гнѣвъ на милость и расположило въ его пользу государя, который даже пожелалъ видѣть Кова-

левскаго лично по возвращеніи его въ Петербургъ. Вывезенный имъ маленькій черногорецъ, сынъ одного изъ сенаторовъ, для воспитанія въ Россіи, былъ допущенъ также въ Аничкинъ дворецъ, и оба были приняты милостиво.

— Ты въ какую службу хотѣлъ бы? спросилъ императоръ черногорца.

— Въ такую, какъ капитанъ! отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

— А въ такую, какъ я, не хочешь? продолжалъ Николай, указавъ на свой гвардейскій мундиръ.

— Не хочу — у капитана лучше.

Послѣ этого онъ былъ опредѣленъ въ Горный Институтъ, на казенный счетъ, гдѣ однако отличился болѣе на разводахъ, чѣмъ въ классахъ. Настоящее свое призваніе нашолъ онъ на Кавказѣ.

Поѣздка въ Черногорію рѣшила однажды навсегда дальнѣйшее направленіе жизни Ковалевскаго: въ литературѣ первою книгой его, замѣченною критикою и публикою, были «Четыре мѣсяца въ Черногоріи»; на поприщѣ служебномъ — дорога дипломатическая открыла ему двери, и съ этихъ поръ не было той щекотливой, трудной или отдаленной командировки, для исполненія которой не прибѣгали бы къ нашему горному инженеру. Затѣятъ-ли экспедицію въ Бухару, или зимній походъ въ Хиву, — въ снѣжныхъ степяхъ уже качается на верблюдѣ этотъ неутомимый путешественникъ; задумаютъ ли пробиться дипломатическими факторіями и консульствами, въ недоступныя для нихъ земли Китая; пошлютъ ли по Нилу ученую коммиссію для менѣе ученаго сближенія съ Мегметомъ-Али; надо ли ѣхать въ Пекинъ, или въ земли славянъ въ разгаръ европейской коалиціи противъ Россіи; наконецъ, быть въ осажденномъ Севастополѣ: вездѣ — въ Африкѣ и Китаѣ, въ Крыму и Хивѣ, въ Черногоріи, Босніи, Сербіи, Далмаціи, — вездѣ и всюду знакомая намъ тощая фигура усталаго человѣка подвизается самоотверженно и неутомимо...

Обстоятельное изложеніе этой стороны дѣятельности автора не входитъ въ планъ бѣглаго очерка его жизни. Мѣсто ея, и мѣсто весьма почетное, — въ исторіи нашихъ международныхъ отношеній съ племенами далекаго Востока и славянами. Здѣсь довольно указать на то личное вліяніе, какое вносилъ вездѣ Ковалевскій, обязанный всегда счастливыми результатами только своему богатому уму и знанію людей. Съ народами упрямыми и лживыми, съ ихъ властями въ шарикахъ на шапкахъ, ему помогала его неустрашимая, почти отчаянная рѣшимость. Заключеніемъ крайне выгодныхъ торговыхъ условій съ Китаемъ

Россія обязана именно этой чертѣ своего уполномоченнаго. Помышляя вообще немного о всякой опасности, онъ особенно мало помышлялъ объ опасности отъ начальства, и потому часто прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ мѣрамъ, менѣе всего указаннымъ инструкціею. Истощивъ мирные способы для окончанія переговоровъ съ несговорчивымъ и лживымъ народомъ Востока, онъ дѣлалъ ему какъ бы примѣрную войну: издали показывались конвойные казаки, и какая-нибудь незлобивая пушка, едва ли хоть разъ стрѣлявшая во всю жизнь, обращала однимъ видомъ своего безвреднаго жерла непреклонныхъ шариковъ въ самыхъ послушныхъ, и трактатъ подписывался. Затѣмъ, и казаки и пушка, съ такимъ успѣхомъ сыгравшая несвойственную ей грозную роль, возвращались опять къ ихъ мирнымъ занятіямъ... Въ хивинскую экспедицію Ковалевскому пришлось кинуть всѣ свои пожитки, и только тѣмъ задержать гнавшихся хищниковъ, которые дѣлили добычу, пока онъ успѣлъ запереться въ крѣпостцу, откуда и отражалъ дикарей съ необыкновенной стойкостью и находчивостью...

Для насъ преимущественно до́роги эти индивидуальныя черты политическаго дѣятеля, потому что онѣ обрисовываютъ его какъ человѣка.

Удивительно ли, что вліяніе и популярность Ковалевскаго всегда превосходили его общественное положеніе? Между славянами, напримѣръ, они были такъ велики, что ревнивое австрійское правительство, послѣ 1854 года, закрыло ему навсегда въѣздъ въ имперію, и не одному носившему тоже имя пришлось испытать на границѣ его неудобства. Зато назначеніе Ковалевскаго директоромъ азіатскаго (онъ же и славянскій) департамента было встрѣчено какъ счастливое предзнаменованіе между славянами. Тогда, какъ и прежде, и даже послѣ, когда онъ почти уже частнымъ человѣкомъ, сенаторомъ, вдали отъ административныхъ сферъ, отдался любезнымъ ему занятіямъ литературою, — его скромный, но гостепріимный кабинетъ былъ тою точкою притяженія, которой не миновалъ ни одинъ заѣзжій славянинъ. Отъ князя Черногорскаго до послѣдняго пастуха всѣ перебывали въ немъ, отвели свою душу искреннею бесѣдою, получили разумный и благой совѣтъ, нашли поддержку, ободреніе, нерѣдко и денежную помощь, хотя самъ помогавшій, случалось, вынималъ для этого послѣднія деньги изъ бумажника. Любя и балуя, онъ часто и журилъ своихъ любимцевъ, высказывалъ имъ горькія истины, заставлялъ измѣнять рѣшенія, мириться и проч., и всѣ они видѣли въ этомъ его право, а въ своемъ повиновеніи ему — долгъ.

— Егоръ Петровичъ—отецъ намъ! говорили, уходя, иногда наиболѣе обруганные и пристыженные.

Но не одни славяне знали кабинетъ Ковалевскаго—эту своего рода иллюстрацію къ разнообразной жизни странствователя, всю составленную изъ прихотливыхъ произведеній далекихъ странъ. Изъ нихъ двое живыхъ: китайская собачка (скоро впрочемъ исчезнувшая), съ поразительнымъ типомъ Небесной Имперіи, и черный какъ сапогъ негръ, вывезенный изъ Нубіи и окрещенный въ Пекинѣ, привѣтствовали еще на порогѣ посѣтителя, — первая сиповатымъ лаемъ, а другой — осклабленными, снѣжной бѣлизны зубами... Если къ этому присоединить кипы журналовъ, книгъ и рукописей, валявшихся всюду и неизбѣжныя конфекты, которыми хозяинъ, слоняясь лѣниво изъ угла въ уголъ, лакомился во всякое время дня и угощалъ другихъ,— то небольшая комната, постоянно наполненная самымъ разнообразнымъ обществомъ, представитъ довольно наглядно домашнюю обстановку человѣка насъ занимающаго. Въ извѣстные часы можно было навѣрное встрѣтить здѣсь, рядомъ съ первобытнымъ сыномъ Черной-Горы или жителемъ Бѣлграда, всю аристократію ума, а иногда и рожденія или общественнаго положенія. И все это какъ-то укладывалось вмѣстѣ, гармонировало въ этихъ гостепріимныхъ стѣнахъ. Самые разнородные оттѣнки мнѣній, направленій и чувствъ могли встрѣчаться только здѣсь; представители самыхъ противуположныхъ литературныхъ лагерей—сходиться только сюда. За то все, что̀ можно было узнать и услышать свѣжаго и никому еще неизвѣстнаго по всѣмъ отраслямъ, — литературы, администраціи, политики и науки, — узнавалось и слышалось именно здѣсь. Не будучи пуристомъ въ дѣлѣ политическихъ убѣжденій, Ковалевскій отличался полнѣйшею терпимостью. Часто споръ, принимавшій жесткій оборотъ, искусно обрывался искреннимъ смѣхомъ, вызваннымъ оригинальною и всегда умѣстною шуткою хозяина. Самая неуступчивая и строгая молодежь крѣпко пожимала ту самую руку, которая протягивалась людямъ, считавшимъ чуть не сокрушителями основъ общества многихъ молодыхъ посѣтителей кабинета. Только люди нечестивые и казнокрады знали, каковы тѣ неумолимые сарказмы, которыми онъ обстрѣливалъ ихъ, какъ артиллерійскимъ огнемъ. Добрый и снисходительный вообще, онъ испытывалъ даже нѣкоторое наслажденіе въ томъ, что умѣлъ продлить муки этихъ людей и оказывался неистощимымъ въ изобрѣтеніи къ тому способовъ.

Разсказавъ о дипломатической карьерѣ нашего автора, мы почти расказали и объ его карьерѣ литературной: одна вызвала

другую и обѣ онѣ взаимно дополнились. Путешествія и въ службѣ и литературѣ составили того цѣльнаго «Странствователя по сушѣ и морямъ», который по праву завладѣлъ принадлежащимъ ему и тамъ и здѣсь мѣстомъ. Послѣ Черногоріи, Хива, Бухара, Ташкентъ и проч., вызвали рядъ самобытныхъ и яркихъ очерковъ, въ формѣ до того времени небывалой, въ изложеніи легкомъ и живописномъ, трепетавшихъ образностью, юморомъ и мѣткой наблюдательностью.

— Надо написать то, что́ я видѣлъ такъ, какъ обыкновенно у насъ не пишутъ, — говорилъ Ковалевскій близкимъ. Мнѣ кажется, тогда только и выйдетъ интересно.

И точно, оно вышло хорошо. Первая, небольшая книжка разсказовъ, изданная самимъ авторомъ подъ общимъ названіемъ, выписаннымъ выше, разошлась такъ быстро, что право второго изданія было уже куплено книгопродавцемъ по истеченіи какого-нибудь мѣсяца. Критика всѣхъ журналовъ и газетъ единодушно признала замѣчательный талантъ писателя-странствователя. Даже газета Булгарина, не всегда воздававшая должное авторамъ, не воздававшимъ должнаго редактору, превознесла книгу, чѣмъ и остановила-было на время ея продажу. Эта характерная черта должна быть сохранена для будущаго историка русской литературы.

— Помилуйте! что́ вы надѣлали! говорилъ прибѣжавшій къ автору издатель. Зачѣмъ вы не просили Ѳаддея Венедиктовича лучше обругать?

Но такъ какъ авторъ не просилъ также и хвалить, за непрошенную же похвалу не воздалъ должнаго, то скоро появилась и брань, начинавшаяся оговоркою, что мы-де поддались первому впечатлѣнію и сожалѣемъ о томъ... Этой поправки было достаточно, чтобъ снять опалу публики съ книги и направить продажу лучше прежняго.

Успѣхъ подстрекнулъ писателя, и за первымъ выпускомъ послѣдовали другіе, съ неменьшею удачею. Хотя съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и появилось нѣсколько прекрасныхъ путешествій въ русской литературѣ, но «Странствователь по сушѣ и морямъ» сохранилъ все-таки свою цѣну, уже потому, что страны имъ изображенныя не изъ тѣхъ, которыя посѣщаются легко и охотно, а если и посѣщаются, то не всегда такими даровитыми и умными литераторами. Египетъ съ Нубіей и Китай доставили еще нѣсколько интересныхъ томовъ того же автора, уже хозяйничавшаго въ литературѣ путешествій.

Болѣе сложная и заботливая дѣятельность служебная приковала потóмъ многолѣтняго путешественника къ столу директора

департамента, и остановила-было надолго продолженіе литературной его карьеры. Романы, повѣсти и разсказы, писанные имъ большею частью подъ разными псевдонимами (Нилъ Безымянный, Егоревъ и др.), въ разные промежутки безденежья, вызваннаго пораженіями за ломбернымъ столомъ, не могутъ идти въ счетъ и не вошли въ настоящее собраніе сочиненій. Самъ сочинитель видѣлъ въ нихъ не болѣе, какъ литературные грѣхи. Проказы же современной цензуры дѣлали ихъ еще грѣховнѣе. Такъ, въ одной повѣсти «Виртуозы», посвященной описанію извѣстнаго въ то время зловреднаго кружка игроковъ, цензоръ, руководимый охранительными началами ко всему, даже къ игорнымъ домамъ, счелъ за лучшее перенесть мѣсто дѣйствія «на воды въ Германію», и оставилъ свѣтлыя петербургскія ночи, ялики на Невѣ, ночныхъ ванекъ-извощиковъ, нанимаемыхъ въ Коломну, табакъ Жуковъ и т. п.

Въ послѣдніе годы своей жизни, опытный и извѣстный уже на прежнемъ поприщѣ писатель попробовалъ свои силы на новомъ, и въ книгѣ «Блудовъ и его время» явился искуснымъ передавателемъ портретовъ историческихъ личностей и эпохъ....

Да, въ эти послѣдніе, тихіе годы жизни, протекшей такъ тревожно и богато въ опасностяхъ дальнихъ странствованій, въ столкновеніяхъ общественной и служебной дѣятельности; послѣ долго неумолкавшихъ порывовъ къ новымъ трудамъ, новымъ ощущеніямъ и новымъ тревогамъ,—неутомимый странствователь и пылкій дѣятель мало-по-малу уложился въ почти безвыходнаго работника у письменнаго стола. Во всякое время дня можно было застать его съ перомъ въ рукѣ, или надъ документами и книгами публичной библіотеки, и редакторы лучшихъ нашихъ журналовъ не безъ удовольствія видѣли мелкую и частую его скоропись, которою покрывались листы за листами. Если что отрывало еще Ковалевскаго отъ такихъ занятій, такъ это дѣла по комитету Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, котораго онъ былъ однимъ изъ главныхъ осуществителей и почти пожизненнымъ предсѣдателемъ. Говоримъ *почти*, потому что уставъ временно устраняетъ выбывающаго члена, впредь до новой очереди, причемъ Ковалевскій былъ всегда избираемъ вновь единогласно. Тутъ сосредоточилась вся послѣдняя энергія и вся любовь, вносимая имъ всюду, гдѣ только онъ являлся дѣйствующимъ лицомъ. Общество и его комитетъ, пенсіонеры общества и вспомоществуемая учащаяся молодежь стали семьею стараго холостяка. Устройство чтеній и лекцій, концертовъ и представленій въ пользу Общества занимали и поглощали его какъ юношу, почти какъ ребенка: онъ оживлялся, суетился,

ѣздилъ, писалъ во всѣ инстанціи, державшія въ своихъ рукахъ дозволенія и запрещенія этихъ невинныхъ собраній; не чувствовалъ усталости, весело шумѣлъ и молодѣлъ душою. Успѣхъ радовалъ его, какъ побѣда, равнодушіе публики выводило изъ себя, а рѣдкія нападки журналистики на дѣйствія комитета просто дѣлали его несчастнымъ. Онъ о нихъ говорилъ съ огорченіемъ, почти со злобой; видѣлъ страшную несправедливость къ людямъ, дающимъ свое время, свои труды и часто свои деньги дѣлу, за которое ихъ же еще и ругаютъ! Дни засѣданій комитета, всегда собиравшагося у него, были для него отрадными днями, и какъ эти засѣданія мало походили на что-либо формальное, чинно устроенное, и какъ въ то же время они велись умно, послѣдовательно и осмотрительно при помощи радушнаго предсѣдателя, не забывавшаго своихъ конфектъ и слонянья изъ угла въ уголъ! Всегдашнее расположеніе Ковалевскаго помочь и дать денегъ нашло себѣ полное примѣненіе въ его новой роли. Не ожидая рѣшенія комитета, по просьбѣ нуждающагося, иногда даже не внося въ комитетъ этой просьбы, онъ спѣшилъ выдать изъ своего бумажника, всякій разъ, когда послѣдній позволялъ это. А бывали случаи, что онъ и не позволялъ. Обладатель его былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ высшихъ русскихъ чиновниковъ, которые, дослужась «до степеней извѣстныхъ», остаются съ окладами такимъ степенямъ неизвѣстными и едва дозволяющими существовать безбѣдно. А тутъ еще — всякое отсутствіе сильныхъ ощущеній и неугасшая вполнѣ потребность въ нихъ, заставляли искать опасностей и тревогъ на единственномъ доступномъ поприщѣ въ четырехъ стѣнахъ — на поприщѣ картъ. За то, когда случалось этому истертому, большому бумажнику, который вѣчно валялся на столѣ, не скрывая ни отъ кого своихъ удачъ и пораженій, — когда ему удавалось полнѣть, онъ былъ къ общимъ услугамъ. Счастливъ былъ проситель, попадавшій въ такое время; хорошо было и близкой молодежи, — а она постоянно окружала молодого до старости Ковалевскаго.

— Берите, господа, покуда есть, говорилъ онъ съ веселою искренностью: послѣ и захотите — не будетъ.

Затѣмъ импровизировался какой-нибудь необыкновенный завтракъ, пикникъ; ложи и подарки роднымъ, племянникамъ, игрушки внукамъ, — словомъ, «покуда было», нельзя было успокоиться. Говорятъ, тоже самое проявлялось и въ игрѣ: покуда еще было, онъ не останавливался....

Умеръ Ковалевскій, 21 сентября 1868 года, почти внезапно — отъ нервнаго удара, не оставивъ по себѣ, какъ и слѣ-

довало ожидать, ничего, кромѣ чистаго, честнаго имени, многимъ извѣстнаго и дорогого тѣмъ, кто имѣлъ случай узнать ближе человѣка, его носившаго; ничего, кромѣ такихъ услугъ отечеству на разныхъ поприщахъ, какія не всякій гражданинъ можетъ предъявить на судъ общества, да кромѣ замѣтной пустоты тамъ, гдѣ не стало этого благороднаго дѣятеля, умѣвшаго все наполнять собою, и кромѣ литературныхъ трудовъ, полныхъ таланта и наблюдательности....

П. М.

Литературные труды Е. П. Ковалевскаго нашли себѣ издателя въ извѣстномъ книгопродавцѣ И. И. Глазуновѣ, внесшемъ деньги за право изданія въ Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ на пополненіе капитала, собираемаго по подпискѣ для стипендіи въ память покойнаго, бывшаго долгое время предсѣдателемъ Общества. Первый томъ, заключающій въ себѣ біографію графа Блудова и Восточныя дѣла въ 20-хъ годахъ, уже вышелъ въ свѣтъ. Современныя событія дѣлаютъ особенно интересными послѣднее изслѣдованіе, которое составляетъ главу изъ неоконченнаго, къ сожалѣнію, труда Е. П. Ковалевскаго. Остальные два тома, къ которымъ будетъ приложенъ портретъ автора, должны выйти въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ред.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

V. Переходное время. — Возбужденіе умовъ послѣ 1812 года.

«Планъ» Сперанскаго и «Записка» Карамзина представляютъ крайніе пункты, до которыхъ дошелъ общественный вопросъ въ первую половину царствованія: «Планъ» былъ крайнимъ пунктомъ того, что̀ думало сдѣлать правительство, стоявшее въ тѣ годы во главѣ либеральнаго меньшинства; «Записка» выказывала настроеніе большинства, т.-е. главнымъ образомъ дворянскаго общества, надутаго своимъ мнимымъ значеніемъ и недовольнаго нововведеніями, между прочимъ, грозившими крѣпостному праву. Эти два произведенія даютъ понятіе о сущности положенія; къ нимъ вообще сводятся мнѣнія тогдашняго общества, насколько оно позволяло себѣ разсуждать.

Къ этимъ главнымъ направленіямъ приводится и содержаніе литературы. Мы до сихъ поръ почти не упоминали о ней, потому, что эта литература, издавна пріученная къ почтительному молчанію обо всемъ, что̀ именно и должно бы быть ея серьезнымъ содержаніемъ, по своимъ условіямъ и до сихъ поръ, собственно говоря, не можетъ служить настоящей мѣркой общественнаго мнѣнія, а тогда въ особенности. Либерализмъ правительства расширилъ нѣсколько рамку дозволенныхъ разсужденій, и сопоставляя факты и сравнивая тонъ литературы съ прежнимъ, можно и въ теченіе этихъ лѣтъ найти извѣстный успѣхъ; но, говоря

вообще, литература еще слишкомъ мало касалась дѣйствительныхъ общественныхъ вопросовъ, или касалась ихъ слишкомъ отвлеченнымъ и далекимъ образомъ, и со времени книги Радищева никогда не касалась ихъ въ такой прямой формѣ, какъ мы видимъ это въ изложенныхъ выше трудахъ Сперанскаго и Карамзина.

Собственно говоря, эти труды и не принадлежали литературѣ. Одинъ былъ оффиціальная работа; другой — частная записка, предназначенная также только для государя. Литература, въ своемъ обыкновенномъ содержаніи, не представляла и тѣни подобной прямоты и смѣлости изложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ она не выражала и дѣйствительнаго состоянія мнѣній, до которыхъ доходили въ обществѣ болѣе просвѣщенные и болѣе смѣлые умы: *такого* рода выраженіе, во-первыхъ, не было бы дозволено обществу, во-вторыхъ, въ большинствѣ и *не было* еще этихъ попытокъ свободной мысли и свободнаго слова. Это безсиліе литературы было весьма естественнымъ результатомъ всей ея исторіи, и всей исторіи общественнаго образованія. Со временъ Петра и до временъ Александра литература играла почти чисто служебную роль, какъ одно изъ орудій реформы: это былъ долго ея главнѣйшій, даже исключительный характеръ, котораго она не покидаетъ вполнѣ даже тогда, когда въ ней выступаютъ «свободныя» силы — поэзія и научное изслѣдованіе. Въ этомъ служеніи дѣлу реформы литература имѣла вообще двойную задачу: ей предстояло усвоивать русскому сознанію тѣ общія понятія цивилизаціи, которыхъ не дала ему сама русская жизнь и ея прошедшее; во-вторыхъ, уразумѣть и изображать собственную жизнь нашего общества. Извѣстно, какъ для исполненія перваго, она должна была просто учиться и заимствоваться у западной литературы, брать изъ нея не только содержаніе, но и формы: она повторяла тѣже мысли, вводила у себя всѣ литературныя формы, какія находила въ литературѣ иностранной. Съ такого же, чисто подражательнаго пріема начала она и исполненіе второй задачи: Кантемиръ вставлялъ черты русской жизни въ передѣлки Буало и Ювенала; зависимость отъ чужого образца очень замѣтна даже у фонъ-Визина. Въ теченіе XVIII-го вѣка, отношеніе литературы къ русской жизни остается въ сущности тоже, какое такъ рѣзко отличаетъ первый образчикъ ея — сатиру Кантемира. Литература еще не можетъ назваться свободнымъ выраженіемъ идей, выросшихъ въ самомъ обществѣ, зрѣлымъ произведеніемъ умственной жизни, независимой отъ правительственнаго руководства; этой самостоятельности еще нѣтъ, и литература продолжаетъ своею служебную роль — она воспѣ-

ваетъ дѣянія правительства, караетъ и осмѣиваетъ въ обществѣ недостатки, мѣшающіе намѣреніямъ правительства и ему непріятные. Единственнымъ исключеніемъ остаются въ XVIII-мъ столѣтіи Новиковъ и Радищевъ: поэтому съ нихъ и начинается исторія попытокъ самостоятельной общественной литературы. Но характеръ жизни былъ таковъ, что эти попытки обошлись ихъ авторамъ очень дорого. Власть вовсе не была намѣрена выпускать общество изъ своихъ рукъ и дозволять ему собственное разсужденіе: совсѣмъ напротивъ, и потому, послѣ этихъ попытокъ, литература возвращается въ свой уголокъ, изъ котораго хотѣла-было выглянуть, и опять довольствуется скромными разсужденіями объ отвлеченной нравственности, которыя однѣ ей предоставлялись...

Впрочемъ, въ этомъ распространеніи отвлеченнаго умственнаго и нравственнаго образованія, литература дѣлаетъ успѣхи. Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, уже выступившій съ романтизмомъ, были большимъ прогрессомъ противъ XVIII-го вѣка, и вели дѣло впередъ, потому что общественная мысль все-таки нѣсколько развивалась подъ вліяніемъ новыхъ понятій, ощущеній, новыхъ идеаловъ, которые выставляла литература, — хотя, это было движеніе медленное и еще мало сознательное, еслибы мы стали опредѣлять его непосредственное практическое дѣйствіе. Въ изученіи и изображеніи собственно русской жизни литература начала царствованія Александра (или по крайней мѣрѣ наибольшая ея доля) сдѣлала мало успѣховъ, сравнительно съ прежнимъ: она больше начинаетъ приглядываться къ этой жизни, лучше схватываетъ многія внѣшнія ея черты, старается усвоить ея языкъ и ввести его въ книгу на мѣсто прежняго искусственнаго и схоластическаго, — но она еще далека отъ дѣйствительной жизненной правды, она еще не понимаетъ настоящей народной жизни, ея нужды и горя, ея надеждъ и мучительныхъ ожиданій. Протестъ, нѣкогда выставленный Радищевымъ, оставался неподдержаннымъ. Александръ снялъ съ писателя опалу,—но ожидалъ, конечно, что и онъ измѣнитъ свои мнѣнія. Смерть Радищева была страшнымъ предзнаменованіемъ, что времена гоненій еще не кончились; два-три голоса изъ новаго литературнаго поколѣнія почтили его память выраженіями горячаго сочувствія къ его личности, но его свободное критическое направленіе не нашло продолжателей даже въ смягченной формѣ. Господствующій тонъ литературы былъ все еще временъ Державина, который и самъ продолжалъ дѣйствовать.

Державинская поэзія (мы разумѣемъ тѣ его произведенія, которыя относятся къ непосредственнымъ событіямъ времени), въ которой такъ господствуетъ неумѣренно хвалебная ода, имѣетъ,

безъ сомнѣнія, свое историческое значеніе. Это — поэзія того періода, когда Россія доканчивала завоевательную программу Петра Великаго и утверждала свое политическое значеніе въ Европѣ, когда вся политическая жизнь сосредоточивалась въ правительствѣ, и когда дворъ, торжествуя счастливыя побѣды, желалъ присоединить къ своему величію блескъ европейскаго изящнаго образованія и свѣтскихъ нравовъ. Дворъ былъ блестящимъ фокусомъ этой жизни: общество почти впервые начало образовываться, и еще далекое отъ какой-нибудь самобытности, въ большинствѣ было вполнѣ вѣрно старымъ нравамъ безусловной покорности и слѣпо шло по указаніямъ безгранично повелѣвавшей власти. Высшимъ предметомъ поклоненія, какой былъ понятенъ для Державина, была «Фелица». Поэзія Державина воспѣла, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ идеалъ самодержавной власти, и гиперболическій способъ ея выраженія считался высокимъ образцомъ для патріотическихъ пѣснопѣній. Быть можетъ, онъ и былъ нуженъ для грубоватаго эстетическаго вкуса тогдашней публики, на который могли не подѣйствовать болѣе тонкія вещи. Вмѣстѣ съ восхваленіемъ «богоподобной царицы», Державинъ покушался въ своихъ одахъ говорить «истину», но истина была обыкновенно такъ переплетена съ лестью, что мудрено сказать, могла ли она произвести какое-нибудь дѣйствіе.

Державинъ былъ самымъ крупнымъ и характеристическимъ представителемъ этой литературы: въ результатѣ поэзіи и общественной жизни XVIII-го вѣка остался въ нашей литературѣ панегирическій тонъ, который сталъ почти обязателенъ въ литературѣ; въ обществѣ складывался тотъ особый патріотизмъ, сущность котораго состоитъ въ самовосхваленіи и воинственномъ задорѣ, и которымъ преисполнена литература описываемаго времени. Вслѣдъ за Державинымъ цѣлая толпа риѳмотворцевъ развивала его темы. Эта поэзія перешла въ цѣлости и въ александровскія времена. Можно было бы привести цѣлый длинный рядъ образчиковъ этого рода; возьмемъ первый, который встрѣчается. Торжество коронованія праздновалось въ Москвѣ, между прочимъ, особеннымъ собраніемъ университета со множествомъ рѣчей и стиховъ. Русская ода написана была Мерзляковымъ, который, между прочимъ, призывалъ русскихъ къ наукамъ, просвѣщенію, благотворенію, словомъ къ мирнымъ добродѣтелямъ,— но и этотъ мирный призывъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Гдѣ, гдѣ неслышно имя Россовъ?
Какъ *буря*, міръ они прошли!
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли! (?)

Куда еще имъ бросить громы?...
Постойте, пламенные сонмы!
Вамъ новый къ славѣ путь открытъ!
Пусть Россъ наукой, просвѣщеньемъ,
Добротою, благотвореньемъ,
Въ другой разъ міръ сей побѣдитъ!

Такимъ образомъ гордость націи, и по мнѣнію скромнаго служителя науки и изящнаго, состоитъ въ томъ, чтобъ народъ былъ бурей, бросалъ громы, побѣждалъ, разрушалъ и т. д. Наилучшей славой для народа казалась репутація Чингисхановой орды.... Успѣхи просвѣщенія понимаются, весьма характеристично, тоже какъ побѣда надъ другими, — не какъ желаніе мирной образованности для самихъ себя, а какъ желаніе—заткнуть за поясъ другихъ. Восхваленіе нашихъ военныхъ дѣяній въ тогдашней поэзіи всегда превышало мѣру вѣроятія и здраваго смысла: у Державина русскій полководецъ «ступитъ на горы, горы трещатъ», «башни рукою за облакъ бросаетъ» и творитъ другія подобныя невѣроятности. Здѣсь являются какіе-то сто колоссовъ, «Россы» проходятъ «міръ» и смотрятъ, «куда еще имъ бросить громы» — какъ будто только въ этомъ и состоитъ ихъ занятіе.

Таковы были національные идеалы.

У себя дома эти страшные Россы, метавшіе громы по всему міру, были тише воды, ниже травы. Бывали у нихъ минуты шалости, когда они мечтали о прелестяхъ республиканской свободы: «счастливые швейцары,—восклицалъ Карамзинъ,—при всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живя въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и *предъ однимъ Богомъ наклоняя гордую выю свою?*» Старшіе прощали эти шалости по ихъ совершенной невинности. Помышленія большинства не доходили и до этого. Смѣлѣйшіе представители литературы намѣревались иногда возвѣщать «истину», но на дѣлѣ на это не рисковали, и въ концѣ концовъ придумали способъ «истину царямъ *съ улыбкой* говорить», такъ что слушающій истины конечно не узналъ, а видѣлъ только улыбку и преданность.

Таковъ былъ наиболѣе распространенный тонъ. Онъ конечно свидѣтельствовалъ о весьма ничтожномъ уровнѣ общественной мысли. Такъ оно дѣйствительно и было, по собственному сознанію корифеевъ литературы: Державинъ еще не такъ давно предавался радости, что ему—

И знать, и мыслить позволяютъ [1]),

[1]) Ода къ Фелицѣ.

а Карамзинъ утверждалъ, что Екатерина «научила насъ разсуждать» [1]).

Понятно, что при этой степени развитія большинство мало разумѣло тѣ общественные вопросы, которые возбуждало въ первые годы царствованія Александра само правительство. Правда, литература вовсе не осталась безотвѣтна на эти поощренія. Въ журналахъ стали появляться статейки политическаго и общественнаго содержанія, переводы изъ иностранныхъ политическихъ писателей; вопросы объ общественномъ устройствѣ, о дворянствѣ, о свободѣ печати и т. п. обсуждались по мѣрѣ силъ,—иногда высказывались здравыя замѣчанія и честныя понятія авторовъ,—но серьезныхъ людей и мнѣній было немного, по всему видно было, что это были еще первыя упражненія часто очень искреннія и благородныя, но робкія и нерѣшительныя.

Литература этихъ годовъ какъ будто боялась повѣрить приглашеніямъ къ свободѣ, какъ будто ей еще памятно было, какъ, несмотря на «позволеніе мыслить и разсуждать», настоящія разсужденія очень дорого обходились тѣмъ, кто повѣрилъ этому позволенію. Хотя теперь наступило царствованіе Александра, котораго таже литература поголовно восхваляла за кротость, «небесную» милость и т. д., но въ литературѣ тѣмъ не менѣе господствуетъ еще старая боязнь сказать что-нибудь, что могло бы не понравиться властямъ. Какая страшная разница была между литературой, существовавшей оффиціально, и дѣйствительными мыслями людей, мы видѣли на Карамзинѣ: конечно, никогда бы онъ не рѣшился сказать въ печати десятой доли того, что онъ говоритъ въ своей «Запискѣ».

Литературныя партіи, образовавшіяся въ это время, споръ стараго и новаго слога, который сталъ потомъ споромъ классицизма съ романтизмомъ, довольно характеристически свидѣтельствуютъ объ уровнѣ понятій. Цѣлью нападеній Шишкова былъ собственно Карамзинъ, въ которомъ люди стараго вѣка на первыхъ порахъ заподозрили чистаго революціонера. Въ старой литературѣ сумароковскихъ и державинскихъ временъ, когда еще не былъ конченъ трудъ перваго внѣшняго устройства литературы, величайшая важность придавалась именно слогу, внѣшней формѣ: мысль не возбуждала споровъ, потому что всегда была достаточно благонамѣренна и невинна,—за то все вниманіе критики направлялось на внѣшнюю отдѣлку фразы, на выборъ словъ, на удачныя или неудачныя риѳмы, на соблюденіе правилъ о трехъ извѣстныхъ степеняхъ слога. Поэтому, когда стали

[1]) Похвальное Слово Екатеринѣ.

появляться первыя сочиненія Карамзина, и въ нихъ обнаружилось стремленіе освѣжить литературныя формы, это нововведеніе прежде и сильнѣе всего бросилось въ глаза писателямъ старой школы, и они вооружились на ересь; новость была и въ самомъ содержаніи, и они заключили, что это измѣненіе слога, которое они сочли непозволительнымъ нарушеніемъ правилъ и достоинства языка, предполагаетъ и зловредное направленіе писателя. Въ карамзинской манерѣ замѣтно было французское вліяніе, отсюда не трудно было заключить, что онъ вообще заразился французскимъ духомъ. Шишковъ съ жаромъ доказывалъ, что порча языка свидѣтельствовала о нравственной порчѣ, потому что съ неуваженіемъ къ старинному языку соединялось вообще неуваженіе къ старинѣ, къ стариннымъ русскимъ добродѣтелямъ, словомъ, вольнодумство и потеря любви къ отечеству. Карамзинъ не отвѣчалъ, но писатели его школы отвѣтили на нападенія Шишкова насмѣшками надъ ошибками его собственнаго слога, которыхъ онъ надѣлалъ въ пылу своей старовѣрческой ревности.

На дѣлѣ между Шишковымъ и Карамзинымъ,—кромѣ разницы въ языкѣ, — не было существеннаго различія. Впослѣдствіи Шишковъ самъ имѣлъ случай достаточно убѣдиться, что въ основныхъ общественныхъ вопросахъ имъ почти не о чемъ спорить. Ихъ патріотизмъ былъ одинаково консервативный. Оба они писали о любви къ отечеству и говорили въ сущности одно и тоже; оба не любили нововведеній и предпочитали старую патріархальность, оба возставали противъ иностранныхъ учителей, которымъ поручалось у насъ воспитаніе, и Шишковъ конечно принялъ бы всѣ выводы «Записки» Карамзина. Во внѣшности между ними была разница: въ Шишковѣ было много церковно-архаическаго, Карамзинъ въ свое время былъ деистомъ и отличался свѣтской образованностью во французскомъ родѣ. Шишковъ въ своей литературной внѣшности былъ аляповатъ, Карамзинъ всегда приглаженъ,—но при всей этой разницѣ оба приходили къ той же консервативной нетерпимости: Карамзину не помѣшали въ этомъ ни деизмъ, ни «республиканскія» чувства.

Какъ не понялъ Шишковъ самого Карамзина, такъ онъ и послѣ не понималъ молодыхъ писателей, противъ которыхъ направлялось его обличеніе «новаго слога». Онъ видѣлъ въ нихъ что-то для него новое, видѣлъ явный ущербъ старому слогу, но никакъ не могъ понять сущности ихъ мнѣній. Онъ взваливалъ на нихъ такія вещи, въ которыхъ они были совершенно неповинны,—обвинялъ ихъ въ пристрастіи къ французскому, т.-е. революціонному и вольнодумному, чуть не въ измѣнѣ и союзѣ съ Наполеономъ. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ литературой въ пользу

новаго образованія, въ пользу нѣсколькихъ общихъ гуманныхъ понятій, было довольно, чтобы поднять самыя озлобленныя обвиненія....

Такова была тогдашняя война противъ галломаніи, въ которой ревностные консерваторы находили тогда источникъ всѣхъ нашихъ золъ и бѣдствій: эта война можетъ служить образчикомъ той неясности понятій, какая господствовала въ большинствѣ общества.

Съ начала наполеоновскихъ войнъ, когда «россы» потерпѣли нѣсколько пораженій и «громы» оказались безсильны, въ этомъ обществѣ начинается сильное раздраженіе противъ «изчадія революціи», и національная вражда къ французамъ. Воинственный задоръ нѣсколько утихъ, но вражда становилась тѣмъ сильнѣе, и у себя дома нашла себѣ исходъ въ литературномъ обличеніи галломаніи и французскаго воспитанія. Эту тему начали еще журналы екатерининскаго времени, нападавшіе на «петиметровъ», воспитанныхъ на французскихъ манерахъ, но никогда она не разработывалась съ такимъ усердіемъ, какъ въ это время. По словамъ обличителей можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ вся бѣда заключалась только въ пристрастіи къ французскому, что не будь этого, все бы у насъ было отлично. Обличители, во главѣ которыхъ стояли Шишковъ и Ростопчинъ, видѣли во французскихъ обычаяхъ и воспитаніи язву, которая подкапываетъ всѣ наши добродѣтели. Шишковъ утверждалъ это во всей сердечной простотѣ; насколько эта проповѣдь была искренна и имѣла смыслъ у Ростопчина, можно видѣть изъ того, что этотъ прославляемый патріотическій писатель, «столь извѣстный у насъ за самаго русскаго», по замѣчанію о. Морошкина, самъ поощрялъ самую худшую форму этой галломаніи, когда писалъ хвалебные гимны іезуитскому пансіону аббата Николя [1]).

Люди болѣе благоразумные замѣчали, что не слѣдуетъ однако думать, что все французское дурно, ссылались въ подтвержденіе на знаменитыхъ французскихъ писателей и т. п., но резоны не помогали, и обличеніе галломаніи, какъ обличеніе «новаго слога», превратилось въ преслѣдованіе вольнодумства, представляющее чрезвычайно много сходства съ травлей нигилизма въ наше время: даже люди, повидимому честные, вопіяли о воображаемыхъ опасностяхъ отъ вольнодумства, жаловались, что мы забываемъ добрые русскіе нравы и почтенную старину, и считали нашихъ вольнодумцевъ настоящими агентами и союзниками революціи. Эти люди чувствовали что-то неладное въ общественной жизни, и не

[1]) См. Морошкина: Іезуиты, II, стр. 112 и въ друг. мѣст.

были въ силахъ сообразить, что́ именно неладно и откуда оно идетъ, накидывались на французское вліяніе, какъ на источникъ всего зла. Это былъ дешевый способъ рѣшить вопросъ, не ломая головы, способъ, который до сихъ поръ у насъ въ большомъ употребленіи. На дѣлѣ вольнодумство было еще такъ невинно, и его было такъ немного, что говорить объ опасности его для государства было просто глупо. Подражаніе французскимъ обычаямъ въ полуобразованномъ дворянствѣ или страсть къ французскому языку были больше забавны, чѣмъ опасны. Но никто изъ обличителей, и даже тѣхъ, кто воздерживалъ ихъ и спорилъ съ ними, не подумалъ о томъ, отчего же въ русскомъ обществѣ могла развиться до такой степени эта подражательность, и отчего мы такъ легко забывали добрые русскіе нравы (если это была правда). Обличители и ихъ противники не подумали оглянуться на состояніе русскаго общества, которое могло бы объяснить это равнодушіе къ старымъ нравамъ и податливость къ чужому вліянію; они не видѣли, что это было состояніе безпомощное въ умственномъ отношеніи, что въ этой подражательности обнаруживалось только, грубымъ образомъ, желаніе получить какіенибудь цивилизованные обычаи, какую-нибудь внѣшность образованія, что французскіе учителя были въ модѣ, потому что русскихъ и вовсе не было. Первый примѣръ подражательности подавалъ старый дворъ восемнадцатаго столѣтія, т.-е. именно того времени, когда предполагалось существованіе добрыхъ старыхъ нравовъ; потомъ, примѣръ подавало высшее общество, гдѣ иностранные воспитатели были нерѣдко дѣйствительно образованные люди, безъ сомнѣнія, принесшіе у насъ свою, не малую долю пользы русскому образованію,—средній дворянскій классъ искалъ такого же воспитанія, потому, что таковое требовалось и что другого и не было, потому, что и власть и само общество были вовсе невзыскательны относительно образованности, и кое-какого знанія французскаго языка было довольно, чтобы начинать свою дворянскую карьеру. Сами консерваторы находили, что университеты для дворянства не нужны, что «дворяне служатъ», — а на службѣ требовалось хорошее происхожденіе и связи, нѣкоторый лоскъ и французскій языкъ. Было много случаевъ, что брали въ учителя поваровъ и парикмахеровъ, но виноваты были, разумѣется, не парикмахеры и повара, а собственное невѣжество людей, которые ихъ брали, т.-е. невѣжество самаго общества.

Съ такимъ характеромъ являются въ литературѣ общественные вопросы. Состояніе общественнаго мнѣнія было не блестящее. Въ образованномъ меньшинствѣ бродили мысли о необходимости улучшеній и преобразованій, было искреннее сочувст-

віе къ либеральнымъ нововведеніямъ правительства, но какъ самыя нововведенія были нерѣшительны, такъ были нерѣшительны и мнѣнія либеральнаго меньшинства. Приверженцы стараго порядка были смѣлѣе: они видѣли колебанія правительства, и перестали слишкомъ опасаться за порядокъ вещей, при которомъ въ прежнее время процвѣтали. Но первые годы царствованія встревожили ихъ спокойствіе, и теперь они отплачивали обличеніемъ французскаго вольнодумства.

Паденіе Сперанскаго развязало руки реакціонной партіи въ высшемъ обществѣ. Въ Сперанскомъ видѣли представителя этого безпокойнаго вольнодумства; на него взвалили всѣ обвиненія, какія могли придумать. Въ его ссылкѣ, сначала въ Нижній, потомъ дальше, въ Пермь, можно было указывать подтвержденіе повсюду распространяемыхъ толковъ объ его «измѣнѣ». Эти безсмысленные толки убѣждали простодушную массу общества, что дѣйствительно люди, хотѣвшіе передѣлывать русскую жизнь, были враги Россіи и союзники революціи. Александръ, въ ожиданіи приближающейся войны и послѣ удаленія Сперанскаго, остановилъ свои преобразованія, и хотя, какъ увидимъ, въ это самое время ссылки Сперанскаго съ жаромъ говорилъ о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ, но тѣмъ не менѣе въ его обстановкѣ люди либеральныхъ взглядовъ отступили окончательно на задній планъ.

Не лишенную интереса характеристику русскаго общества этой эпохи оставила, между прочимъ, г-жа Сталь. Загнанная въ 1812 году въ Россію, она, въ свое короткое пребываніе въ Москвѣ и Петербургѣ, съумѣла вѣрно замѣтить нѣкоторыя существенныя черты русской жизни, — какъ вообще иностраннымъ писателямъ о Россіи нерѣдко удается подмѣчать наиболѣе характеристическія общія черты, которыхъ мы сами не замѣчаемъ по привычкѣ, хотя въ подробностяхъ эти писатели часто дѣлаютъ грубыя ошибки. Г-жа Сталь вращалась только въ высшемъ обществѣ, но слова ея часто могутъ относиться и ко всему русскому обществу. Какъ европейская знаменитость, она была встрѣчена въ Россіи весьма гостепріимно, ей оказывались всякія любезности: она скорѣе была расположена судить о русскомъ обществѣ благопріятно, тѣмъ не менѣе отзывы ея очень недовѣрчивы.

«Большая часть русскихъ аристократовъ, — разсказываетъ она,—говоритъ такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ *иллюзію* относительно степени ума и знаній у людей, съ которыми говоришь. Начало почти всегда показываетъ умнаго человѣка или умную женщину; но въ заключеніе, иногда только и находишь одно начало. Въ Россіи не привыкли говорить отъ глубины души или ума; еще не-

давно, русскіе такъ боялись своихъ повелителей, что еще не могли привыкнуть къ благоразумной свободѣ, которою они обязаны характеру Александра.

«Образованность распространена еще мало для того, чтобы могло составиться общественное мнѣніе (jugement public), образуемое мнѣніями каждаго отдѣльнаго лица. У русскихъ слишкомъ увлекающійся характеръ, чтобы они могли любить *идеи*, а особенно идеи отвлеченныя: ихъ занимаютъ только *факты;* у нихъ еще нѣтъ ни времени, ни вкуса на то, чтобы переводить эти факты въ общія понятія. Да притомъ всякая сильная мысль всегда болѣе или менѣе опасна среди двора, гдѣ люди подстерегаютъ другъ друга и всего чаще завидуютъ другъ другу».

Она восхваляетъ любезность русскихъ вельможъ, напр. Ростопчина, Румянцева, Орлова, Нарышкина и т. д., описываетъ великолѣпные праздники и всякія развлеченія, въ которыхъ проводитъ время аристократическое общество. «Восточное молчаніе, — продолжаетъ она, — превратилось у русскихъ въ любезныя слова, но эти слова обыкновенно не проникаютъ до сущности вещей. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но въ концѣ концовъ, въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ.»

Относительно политическихъ мнѣній въ русскомъ обществѣ г-жа Сталь находила, что въ Петербургѣ, въ особенности высшая аристократія гораздо менѣе либеральна, чѣмъ самъ императоръ. «Привыкши быть абсолютными господами своихъ крестьянъ, они хотятъ, чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущимъ, чтобы поддерживать іерархію деспотизма».

Образованность даже высшаго сословія показалась ей, конечно справедливо, весьма неполной, даже ограниченной. Она съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣчала, что «дворяне служатъ», не успѣвши получить никакого правильнаго образованія, что всѣ дворяне идутъ обыкновенно въ военную службу и «образованіе кончается въ 15 лѣтъ» [1]). Г-жа Сталь соглашалась, что это еще понятно

---

[1]) Въ письмахъ Евгенія Болховитинова (въ маѣ 1804) читаемъ: «Вы все дожидаетесь открытія харьковскаго университета, но и открытые *едва дышатъ* о сю нору. *Ни учитъ, ни учиться некому.* Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія» (т.-е. съ приготовительнымъ ученьемъ). Кто-жъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ» и пр. (Р. Арх. 1870, стр. 838). Эту дворянскую «службу» Карамзинъ, какъ мы видѣли, считалъ совер-

было въ то время, при военныхъ обстоятельствахъ, но — «въ болѣе спокойное время справедливо можно было бы сказать, что въ гражданскомъ отношеніи, во внутреннемъ управленіи Россіи есть *большіе пробѣлы*. У націи есть энергія и величіе; но *порядка* и *образованности* часто еще недостаетъ и въ правительствѣ и въ частной жизни». Она ожидала, что по возстановленіи мира императоръ займется улучшеніемъ своей страны въ этихъ отношеніяхъ.

Разсказавъ объ увеселеніяхъ большого свѣта, безпрестанныхъ балахъ, многолюдныхъ собраніяхъ и т. п., г-жа Сталь говоритъ: «Съ нѣкоторыми различіями такую же жизнь ведутъ всѣ большіе дома въ Петербургѣ; какъ видимъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ (entretien suivi), и въ такомъ обществѣ образованіе ни къ чему не требуется; и когда кто-нибудь хочетъ собрать у себя большое общество, то увеселенія составляютъ вообще единственный способъ предупредить скуку, какую всегда производитъ въ салонахъ толпа». Нравы съ прошлаго столѣтія улучшились подъ вліяніемъ новаго двора, — «но и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, принципы нравственности не установились хорошенько въ головахъ русскихъ. Вліяніе повелителя было всегда такъ сильно, что съ перемѣной царствованія могутъ перемѣниться всѣ понятія обо всѣхъ предметахъ».

Это послѣднее замѣчаніе должно давать весьма печальное понятіе о внутреннемъ содержаніи тогдашняго общества, но что это замѣчаніе не было лишено основанія — объ этомъ едва ли можно спорить. Вслѣдъ затѣмъ, г-жа Сталь говоритъ о крайней сдержанности и робости, къ которой пріучило русскихъ свойство ихъ правленія. «Эта сдержанность, — говоритъ г-жа Сталь, — была, въ разныя царствованія, слишкомъ необходима для нихъ, и ей надо приписать недостатокъ правдивости, въ которомъ ихъ обвиняютъ. Утонченности цивилизаціи вездѣ вытѣсняютъ искренность характера; но когда государь имѣетъ неограниченную власть ссылать, сажать въ тюрьму, посылать въ Сибирь и пр. и пр., его могущество есть уже нѣчто слишкомъ сильное для человѣческой природы. Можно было бы встрѣтить людей, которые изъ гордости пренебрегали бы милостями, но надо имѣть героизмъ, чтобы идти на преслѣдованіе, а героизмъ не можетъ быть качествомъ всѣхъ». Это не относится къ настоящему царствованію, замѣчаетъ г-жа Сталь, — «но подданные сохраняютъ *не-*

шенно въ порядкѣ вещей, и «ученое сословіе» онъ предполагалъ всего лучше устроить изъ мѣщанства!

достатки рабства долго послѣ того, какъ даже самъ государь хотѣлъ бы уничтожить въ нихъ эти недостатки» [1]).

Къ этой характеристикѣ надо прибавить только, что остальныя ступени общества отличались тѣмъ же отсутствіемъ самостоятельности и недостаткомъ прочнаго образованія. Только небольшая часть этого общества живо чувствовала потребность въ лучшемъ порядкѣ вещей; теперь и эта часть должна была замолчать. Либеральное направленіе было подавлено съ паденіемъ Сперанскаго; программа Карамзина, такъ благопріятствовавшая патріархальнымъ нравамъ большинства, могла бы осуществиться теперь же, еслибы великое историческое потрясеніе не дало жизни новаго толчка, который снова пробудилъ въ ней засыпáвшія силы. Это потрясеніе произвелъ двѣнадцатый годъ.

Война двѣнадцатаго года была изъ тѣхъ великихъ войнъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память и производятъ сильное дѣйствіе на народную жизнь. Таковы бываютъ тѣ войны, въ которыхъ дѣйствуетъ извѣстное историческое начало, сильно затрогивающее народныя понятія, или рѣшается вопросъ національной независимости,—войны, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ борьбы является не одна армія, но самъ народъ. Быть можетъ, со временъ Петра, когда Россія завоевала свое положеніе въ системѣ европейскихъ государствъ, не было войны, которая бы такъ сильно дѣйствовала на національное сознаніе. Войны турецкія, польскія, шведскія, прусскія, и т. д., происходившія отъ Петра до Александра, имѣли большое внѣшнее политическое значеніе, но оставались довольно индифферентны для народа: всего больше народъ чувствовалъ ихъ тягость, до него доносилась темная молва о событіяхъ, оставалось даже нѣкоторое сознаніе славы и силы русскаго царства, но вообще онъ былъ довольно чуждъ къ этимъ войнамъ, резонъ которыхъ былъ для него неизвѣстенъ. Не то было теперь. Нѣсколько предыдущихъ войнъ уже сдѣлали имя Наполеона извѣстнымъ всякому: неудачи русскаго войска, прежде такъ часто побѣждавшаго, а теперь всего чаще побѣждаемаго, внушали тревожное опасеніе, которое переходило наконецъ въ національную ненависть къ врагу. Такая ненависть была уже въ обществѣ, среди котораго стали раздаваться озлобленные голоса противъ французовъ и противъ пристрастія къ нимъ многихъ русскихъ; эта ненависть стала сообщаться и народу. Начало войны отвѣчало ожи-

---

[1]) Dix années d'exil. Brux. 1821, стр. 226 — 227, 231 — 232, 238 — 240.

данiямъ. Наполеонъ пришелъ съ арміей, которая своей громадностью подтверждала опасенія, что она предназначена если не покорить Россію, то много отнять у нея. Ходъ войны, разрушеніе городовъ, страшное истребленіе людей, занятіе Москвы, не видавшей непріятеля со временъ междуцарствія, все это производило потрясающее дѣйствіе и дало войнѣ страшный видъ борьбы за существованіе. Среди всѣхъ пораженій и бѣдствій, народъ не упалъ духомъ; напротивъ, опасность, въ которой понадобилась его прямая помощь, подняла его; исходъ войны, отступленіе наполеоновской арміи, усилилъ въ обществѣ и даже въ народѣ пробудившееся чувство національнаго достоинства....

Общее историческое значеніе войны двѣнадцатаго года не подлежитъ сомнѣнію. Упорство и единодушіе борьбы свидѣтельствовало о сильномъ чувствѣ національной особности; война должна была подѣйствовать на современниковъ, какъ общее дѣло, въ которомъ приняли участіе всѣ слои народа, и осталась историческимъ воспоминаніемъ, которое поддерживало вѣру въ силы народа и въ его будущее. Наконецъ война, указывавшая такую національную энергію, произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ, пріобрѣла Россіи извѣстныя симпатіи и, между прочимъ, содѣйствовала той роли, какую занимала Россія въ теченіе послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ.

Труднѣе опредѣлить частное значеніе этой войны и ея непосредственныя послѣдствія въ общественномъ отношеніи.

Въ разныхъ слояхъ народа и общества война, конечно, подѣйствовала различно. Въ народной массѣ ненависть къ нашествію приняла религіозно-суевѣрный оттѣнокъ; книжники и грамотѣи открыли, что Наполеонъ есть воплощеніе Антихриста, который пришелъ съ войскомъ нехристей истреблять народъ и вѣру, что въ его имени скрыто апокалиптическое число. Это убѣжденіе, которое народъ сохранилъ надолго, конечно, только усиливало ненависть къ французамъ долей религіознаго фанатизма. Общая опасность, грозившая цѣлой націи, произвела единодушіе, какого никогда не видала русская жизнь въ обыкновенное время. Всѣ соединялись въ пожертвованіяхъ, всѣ готовы были вооружаться. Записки того времени разсказываютъ о «добромъ согласіи между всѣми состояніями», объ «общемъ братствѣ». Народная сила дѣйствовала по своимъ инстинктамъ и оказала великую помощь усиліямъ правительства. «Всѣ распоряженія и усилія правительства,—замѣчаетъ одинъ современникъ — были бы недостаточны, еслибъ народъ, попреженему, остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители, при приближеніи французовъ, удалялись въ лѣса и болота, остав-

ляя свои жилища на сожженіе; не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы.... Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.... Конечно, никогда прежде, и никогда послѣ императоръ Александръ не былъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время; въ это время онъ его любилъ и уважалъ» [1]). Другой современникъ разсказываетъ, что по изгнаніи непріятеля, крестьяне, также по-своему воевавшіе съ французами, думали, что ихъ усилія и жертвы даютъ имъ право на свободу, и между ними стали оказываться случаи неповиновенія. Правительство показало здѣсь большую умѣренность; но прежній порядокъ былъ мало-по-малу возстановленъ. «Еслибы русская армія—прибавляетъ тотъ же авторъ—заключала тогда въ себѣ тѣ элементы прогресса, зародыши которыхъ она представила впослѣдствіи, то попытки освобожденія вѣроятно обнаружились бы не только между крѣпостными, — такъ велико было въ русскомъ народѣ, въ эту минуту, чувство своей силы и своего достоинства» [2]).

Но это чувство, какъ и другія движенія, возбужденныя этимъ временемъ въ народной массѣ, не имѣли дальнѣйшаго дѣйствія. Война, вызвавшая столько жертвъ со стороны народа, не сдѣлала никакой перемѣны въ его положеніи, ничѣмъ не улучшила его судьбы. «Чувство достоинства» заглохло снова, и этотъ печальный результатъ понятенъ: народъ стоялъ только за свою національную цѣлость, руководился однимъ инстинктомъ самосохраненія, но ни прежде, ни послѣ онъ не былъ въ силахъ заявить своихъ другихъ интересовъ, и ничто не обѣщало ему лучшаго порядка вещей. Народная жизнь вскорѣ вернулась на старую колею....

Довольно трудно опредѣлить съ точностью вліяніе событій въ другихъ слояхъ общества. У насъ не однажды выражена была мысль, что двѣнадцатый годъ составляетъ эпоху въ исторіи нашего внутренняго развитія въ томъ отношеніи, что съ него начинается сильный поворотъ къ національному сознанію, что русская жизнь съ этого времени оставляетъ прежнюю программу заимствованій и подражанія Европѣ, выходитъ на дорогу народности, становится глубже и самостоятельнѣе, что литература съ этихъ поръ принимаетъ національный характеръ, обращается

---

[1]) La Russie I, 20—21.

[2]) Зап. И. Д. Якушкина.

къ изученію народной жизни, старины, и первый поэтъ, выросшій подъ впечатлѣніями этого времени, былъ Пушкинъ.

Дѣйствительно, двѣнадцатый годъ оказалъ сильное вліяніе въ подобномъ смыслѣ, но, во-первыхъ, вѣрнѣе было бы сказать, что это оживленіе русскаго общества произведено было не однимъ только взрывомъ народнаго возстанія противъ нашествія, но цѣлымъ періодомъ войнъ противъ Наполеона; во-вторыхъ, эта эпоха не кончила періода заимствованій, а, напротивъ, быть можетъ, еще усилила европейскія вліянія, но эта эпоха навела русское общество на его внутренніе вопросы, внушила понятіе объ общественной свободѣ, которое и было зародышемъ позднѣйшаго движенія въ смыслѣ такъ-называемой «народности». Первый толчекъ былъ данъ внутреннимъ потрясеніемъ и экзальтаціей двѣнадцатаго года, но потомъ онъ былъ еще усиленъ событіями послѣдующихъ годовъ, и новымъ сближеніемъ съ Европой, которыя и открывали особенный путь для вліяній европейскаго либерализма. И трудно было бы сказать, что результатомъ движенія была народность въ томъ археологическомъ и беллетристическомъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ. Напротивъ, событія вызвали и возбудили въ обществѣ броженіе самыхъ разнообразныхъ элементовъ нравственныхъ и общественно-политическихъ, которые, на первое время, далеко не представляли собой народнаго содержанія и направленія. Передовое общественное движеніе второй половины царствованія Александра обратилось къ вопросамъ русской жизни не съ археологической, а съ политической точки зрѣнія, и рѣшало эти вопросы не въ смыслѣ русскаго преданія, какъ его защищалъ Карамзинъ, а въ смыслѣ европейскихъ политическихъ идей, которыя привились въ русскомъ обществѣ преимущественно послѣ наполеоновскихъ войнъ, отъ тѣснаго сближенія съ европейской жизнью, отъ вліянія идей, наполнявшихъ само европейское общество. Археологическая народность была и теперь, но не въ ней былъ настоящій нервъ тогдашняго движенія, и особенное развитіе ея началось позднѣе, когда политическое направленіе потерпѣло пораженіе въ 1825 году.

Ближайшимъ слѣдствіемъ войны было то, что она вызвала и раздула ненависть къ иностранцамъ, къ французамъ и нѣмцамъ, которые доставили главный контингентъ нашествія: эта ненависть была всеобщая, не только въ народѣ, но и въ среднемъ, даже высшемъ классѣ. Подозрителенъ сталъ даже Барклай де-Толли. Въ Россію прибыло и поступило въ русскую армію много нѣмецкихъ, особенно прусскихъ офицеровъ, покидавшихъ родину, чтобы сражаться противъ Наполеона; состав-

лялся даже цѣлый нѣмецкій легіонъ,—но положеніе этихъ иностранцевъ было очень трудно и непріятно все время, пока война шла въ Россіи; имъ не вѣрили и подозрѣвали ихъ. Общій голосъ потребовалъ, чтобы главнокомандующимъ былъ русскій генералъ; общее мнѣніе указывало на Кутузова, и Александръ долженъ былъ уступить, хотя лично не любилъ Кутузова. Въ обществѣ произошло мнимое возвращеніе къ народности, стало входить въ моду все русское; люди, весь вѣкъ говорившіе по-французски, старались говорить по-русски; барыни стали носить сарафаны и кокошники; губернаторы и ихъ чиновники надѣвали ополченскіе мундиры и т. п.

Въ литературѣ патріотическое одушевленіе выразилось одами стараго поколѣнія и поэзіей новаго поколѣнія. Среди старомодныхъ шумливыхъ и хвастливыхъ одъ, слышались истинно-поэтическіе отголоски общественнаго одушевленія, какъ, напр., въ «Пѣвцѣ» Жуковскаго. Цѣлую патріотическую пропаганду предпринялъ Глинка, «первый ратникъ московскаго ополченія», едва ли не самый характеристичный представитель тогдашней литературы. Чрезвычайно популярный въ народной массѣ, безкорыстный патріотъ, немного взбалмошный, но смѣлый «гражданинъ», поклонникъ и защитникъ всего русскаго и довольно образованный, чтобы въ другое время не остаться слѣпымъ къ тому, что́ дѣлалось въ русской жизни, Глинка представлялъ собой то смѣшеніе горячаго патріотизма съ довѣрчивымъ простодушіемъ, которыхъ было много въ тогдашнемъ общественномъ настроеніи и которыя потомъ принесли такъ мало дѣйствительныхъ результатовъ для улучшенія внутреннихъ порядковъ. «Русскій Вѣстникъ» Глинки посвященъ былъ возбужденію національнаго чувства и любви къ отечеству, восхваленію патріотическихъ подвиговъ, превознесенію доблестей русской старины и т. п. Это послѣднее онъ продолжалъ и потомъ, и если его патріотическая пропаганда заслуживала полнаго сочувствія и была совершенно естественна въ минуту опасности, то его ретроспективный патріотизмъ, его «бесѣда съ праотцами», стала съ самаго начала смѣшна: сравненіе мнѣній боярина Матвѣева съ философіей Локка, сравненіе Кормчей съ Солономъ, Шатобріаномъ и Монтескьё, нравились многимъ «почтеннымъ старикамъ», читавшимъ его журналъ, но другіе только поднимали Глинку на-смѣхъ. Графъ Ростопчинъ взялся также обличать французовъ и восхвалять простыя русскія добродѣтели: его читали и онъ нравился, — въ то время не замѣчали натянутой манерности мнимо-народнаго языка, которымъ онъ писалъ свои филиппики. Обличеніе, какъ и у Глинки, было очень не-

глубокое и вертѣлось на прибауткахъ. Народность Ростопчина, поддѣльная и преувеличенная, не мѣшала ему, какъ мы замѣтили, восхвалять іезуитскіе пансіоны для русскаго знатнаго юношества, быть самымъ ревностнымъ защитникомъ крѣпостного права, и въ сущности ровно ничего не желать для блага народа: онъ былъ крайній консерваторъ, т.-е. человѣкъ, у котораго не было никакой серьезной мысли объ улучшеніи существующаго порядка; впослѣдствіи, удалившись изъ Россіи, онъ держалъ себя въ нѣкоторой оппозиціи, — какъ человѣкъ умный, онъ видѣлъ смѣшныя и слабыя стороны правленія и новыхъ предпріятій императора Александра, — но едва ли не главный источникъ его оппозиціи была неудача плановъ его собственнаго честолюбія. Третій рьяный защитникъ благочестивой старины, немудрствующей народности и врагъ всего иноземнаго былъ Шишковъ. Въ свои свѣтлыя и спокойныя минуты Шишковъ съ большой разсудительностью говорилъ о необходимости русскаго воспитанія, о необходимости для русскихъ знать свой народъ и свою исторію. Въ его мнѣніяхъ бывали нерѣдко преувеличенія, странности, многое онъ понималъ очень ограниченно, но очищенныя отъ этого сора, его мнѣнія представляли много справедливаго, и искреннее чувство его угадывало и нѣкоторыя дѣйствительныя потребности русскаго образованія. Что же онъ вынесъ теперь изъ этихъ событій? Послѣ войны двѣнадцатаго года Шишковъ убѣдился, что его литературные противники дѣйствительно вели отечество къ погибели. Слѣдующій отрывокъ изъ письма его къ одному пріятелю въ 1813 г. наглядно показываетъ, какъ онъ понималъ свое ревнованіе за старый слогъ и чѣмъ онъ считалъ своихъ противниковъ: «Вы знаете, — говоритъ онъ, — какъ господа *Вѣстники* и *Меркуріи* противъ меня возстали [1])... Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество... Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ по-неволѣ воздерживаться; но теперь *я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы* и громко имъ сказалъ: *вотъ чего вы хотѣли!* Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели сожженные города наши сдѣлаютъ насъ русскими». Нелегко представить себѣ процессъ мысли, которымъ Шишковъ дошелъ до столь твердаго убѣжде-

[1]) Рѣчь идетъ о журналахъ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804—1805) и «Московскомъ Меркуріѣ» (1803). Издателемъ перваго былъ извѣстный Ив. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, и статья противъ Шишкова была писана Каченовскимъ; издателемъ второго былъ П. Макаровъ.

нія, что Каченовскій и Макаровъ хотѣли обращенія Москвы въ пепелъ.

Такъ смѣшивались въ то время вообще впечатлѣнія и выводы, внушенные событіями. Съ ребяческими разсужденіями, съ наивнымъ или надутымъ самохвальствомъ соединялось и теплое патріотическое чувство, народная гордость и стремленіе къ общественному благу или инстинктивное чувство общественной потребности. Дальнѣйшіе результаты, какъ увидимъ, были столько же сложные: одни еще больше бросались въ тупое упрямство застоя, для другихъ начиналась новая школа общественныхъ понятій.

Рядомъ съ этимъ патріотическимъ движеніемъ начинались новыя связи съ либерализмомъ, или закрѣплялись прежнія. Война двѣнадцатаго года приводила къ новому сближенію съ Европой, и уже въ это время мы видимъ первые примѣры той тѣсной связи съ европейскими дѣлами и людьми, которая потомъ оказала сильное вліяніе на умы образованнѣйшаго молодого поколѣнія. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Съ самаго начала наполеоновскихъ войнъ, императоръ Александръ принималъ живое участіе въ европейской политикѣ, иной разъ даже руководясь не столько интересомъ Россіи, сколько желаніемъ, съ своей стороны, имѣть рѣшающій голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Ко времени послѣдней войны Наполеонъ деспотически господствовалъ надъ большей частью западной Европы, и война двѣнадцатаго года съ самаго начала представлялась Александру не только какъ защита Россіи, но и какъ освобожденіе Европы отъ ига. Отсюда начинаются довольно характеристичныя отношенія императора Александра съ Штейномъ.

Знаменитый министръ, которому новая Пруссія такъ много обязана своимъ возвышеніемъ,—потому что его либеральныя реформы въ первый разъ и энергически открыли для страны, стоявшей на краю гибели послѣ страшнаго іенскаго пораженія, истинный и единственный путь къ спасенію въ развитіи внутреннихъ силъ народа,—какъ извѣстно, долженъ былъ удалиться изъ Пруссіи въ 1808 г., по требованію Наполеона, который справедливо опасался, что дѣятельность Штейна снова можетъ сдѣлать Пруссію опаснымъ врагомъ. Штейнъ былъ безспорно одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Пруссіи. Онъ принадлежалъ къ высшей феодальной аристократіи; въ его мнѣніяхъ сохранилась нѣкоторая наклонность къ идеализированной аристократіи (довольно понятная въ тогдашнихъ условіяхъ Германіи, когда масса общества все еще играла чисто подчиненную роль), но обширный и благородный умъ ставилъ его выше

пошлыхъ притязаній касты, и всѣ его стремленія направлены къ общему благу народа, которое онъ понималъ самымъ серьезнымъ и искреннимъ образомъ. Его любовь къ народу была рѣдкимъ феноменомъ между тогдашними государственными людьми; его реформы, съ которыхъ Пруссія считаетъ свою новѣйшую исторію, были реформы чисто демократическія. Впослѣдствіи, на вѣнскомъ конгрессѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ феодальной аристократіи, и не скрывалъ своего презрѣнія къ массѣ владѣтельныхъ принцевъ, чаявшихъ тогда движенія воды, т.-е. возвращенія своего феодальнаго господства. Теперь онъ видѣлъ полное безсиліе правительствъ противъ Наполеона, и ожидалъ освобожденія только отъ возстанія самихъ народовъ, за которыми и должна была остаться эта завоеванная ими свобода. Энергическій и въ высшей степени независимый характеръ давалъ особенную силу его мнѣніямъ и словамъ: онъ высказывалъ правду тамъ, гдѣ всѣ молчали, и если не всегда убѣждалъ другихъ, то по крайней мѣрѣ не уступалъ ее и самъ не измѣнялъ ей. Когда основался нѣмецкій Тугендбундъ, «союзъ добродѣтели», направленный противъ французскаго владычества, то сильно было распространено мнѣніе, что тайнымъ главою его былъ именно Штейнъ.

Послѣ іенскаго пораженія и войны 1807 года, нѣмцы начали поступать въ русскую службу; въ двѣнадцатомъ году, число такихъ выходцевъ стало еще больше, и между ними были извѣстныя потомъ имена, какъ напр., замѣчательный партизанъ Теттенборнъ, Клаузевицъ, Вольцогенъ, Мюффлингъ, эксцентрическій генералъ Пфуль и пр. Всѣ шли въ Россію, чтобы сражаться за свою національную свободу. Въ началѣ 1812 года императоръ Александръ, какъ говорятъ, вспомнилъ въ критическую минуту нѣсколько пророческихъ словъ, сказанныхъ ему Штейномъ наканунѣ тильзитскаго мира и послалъ къ нему приглашеніе пріѣхать въ Россію. Любопытны выраженія его письма [1]). «Рѣшительныя обстоятельства настоящей минуты, — писалъ императоръ Александръ къ Штейну, — должны соединить всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ *друзей человѣчества* и *либеральныхъ идей*. Дѣло идетъ о томъ, чтобы *спасти* ихъ *отъ варварства и рабства*, которыя готовятся поглотить ихъ... Друзья добродѣтели и всѣ, одушевленные чувствомъ независимости и любви къ человѣчеству, заинтересованы въ успѣхѣ этой борьбы». Александръ говорилъ о блестящихъ заслугахъ Штейна и про-

[1]) Оно было написано 27 марта 1812 года, слѣдовательно черезъ десять дней послѣ удаленія Сперанскаго.

силъ его совѣтовъ, изъ-за границы или въ Россіи, куда онъ его призывалъ. «Я прошу васъ, — продолжалъ онъ, — зрѣло обдумать важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и сдѣлать то, что̀ покажется вамъ наиболѣе полезнымъ для великаго дѣла, которому принадлежимъ *мы оба*. Я не имѣю нужды увѣрять васъ, что вы будете приняты въ Россіи съ отверстыми объятіями», и пр.

Письмо императора дошло къ Штейну въ Троппау только 19-го мая; черезъ нѣсколько дней онъ отвѣчалъ Александру, 27-го онъ выѣхалъ въ Россію и 12-го іюня былъ въ Вильнѣ; оттуда онъ отправился вслѣдъ за императоромъ въ Москву, наконецъ въ Петербургъ. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Вильну, онъ представилъ Александру записку о томъ, какъ воспользоваться для дѣла силами Германіи. Онъ изображалъ угнетеніе Германіи, ожесточеніе ея противъ французскаго господства, но указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что народъ видитъ, какъ его независимость, жизнь и собственность покинуты его государями, которые его предавали изъ своей личной выгоды. Штейнъ совѣтовалъ поддерживать этотъ духъ недовольства, мѣшать дѣйствіямъ Наполеона и возбудить наконецъ открытое сопротивленіе. Онъ совѣтовалъ поддерживать литературную пропаганду противъ Наполеона; послѣ открытія военныхъ дѣйствій устроить черезъ извѣстнаго нѣмецкаго патріота Юстуса Грунера перехватъ французскихъ курьеровъ (что и дѣйствительно дѣлалъ тогда Грунеръ, составившій въ Германіи цѣлый заговоръ противъ французовъ), издать прокламацію къ нѣмцамъ съ приглашеніемъ выселяться въ Россію, организовать нѣмецкій легіонъ и т. д.

Воззваніе къ нѣмцамъ составлено было Штейномъ, и смягченное Александромъ, напечатано было отъ имени главнокомандующаго Барклая де-Толли: оно призывало нѣмцевъ въ нѣмецкій легіонъ, составлявшійся въ Россіи, «для завоеванія свободы Германіи». Составился по волѣ Александра и особый комитетъ для образованія нѣмецкаго легіона; подъ предсѣдательствомъ герцога Ольденбургскаго, онъ составленъ былъ изъ Штейна, Кочубея и Ливена. При самомъ началѣ работъ Штейнъ радикально не сошелся съ ольденбургскимъ герцогомъ, такъ что Александръ разрѣшилъ Штейну вести дѣло только съ Ливеномъ и Кочубеемъ. Они разошлись на вопросѣ о феодальныхъ владѣльцахъ и о тайныхъ обществахъ. Герцогъ хотѣлъ выставить за правило, что въ предлагаемыхъ дѣйствіяхъ въ Германіи, не слѣдуетъ возбуждать народа и обращаться прямо къ нему, а что изгнанные государи должны чрезъ своихъ подданныхъ старать-

ся о возстановленіи своихъ прежнихъ владѣній; и во-вторыхъ, что не слѣдуетъ при этихъ дѣйствіяхъ пользоваться тайными обществами. Объ изгнанныхъ государяхъ, т.-е. множествѣ нѣмецкихъ феодаловъ (къ которымъ принадлежалъ и герцогъ) Штейнъ отозвался очень язвительно; о тайныхъ обществахъ онъ говорилъ съ пренебреженіемъ: по его словамъ, они были ничтожны; онъ не зналъ ихъ настоящаго положенія, — но еслибы нашлись въ нихъ хорошіе люди, онъ вовсе не отказывался ими воспользоваться, и готовъ былъ извинить ихъ маленькую слабость къ таинственности. Такимъ образомъ, герцогъ хотѣлъ легитимнаго возстановленія феодаловъ, Штейнъ разсчитывалъ только на общество и народъ, въ ихъ собственномъ интересѣ, а никакъ не въ интересѣ феодализма. Мнѣніе о тайныхъ обществахъ было вѣроятно искреннее; Штейну вѣроятно не нравилась нравоучительная сантиментальность и отсутствіе практической энергіи въ прежнемъ Тугендбундѣ, — но онъ тогда же разсчитывалъ на такихъ людей тайныхъ обществъ, каковъ былъ Грунеръ. Составленіе нѣмецкаго легіона шло однако медленно, потому что стало уже чувствоваться недружелюбное къ иностранцамъ настроеніе русскихъ [1]).

Съ цѣлью литературной пропаганды Штейнъ вызвалъ въ Россію Э. М. Арндта, столь извѣстнаго впослѣдствіи нѣмецкаго патріота, автора знаменитой пѣсни о «нѣмецкомъ Рейнѣ». Въ своихъ воспоминаніяхъ Арндтъ разсказываетъ о томъ чрезвычайномъ возбужденіи, въ которомъ находилась Пруссія и Берлинъ передъ началомъ войны 1812 года. Общество волновалось самыми разнообразными мнѣніями и чувствами: это былъ гнѣвъ, ненависть, надежды, отчаяніе, ожиданія — гдѣ разразится гроза, на чью сторону станетъ король, куда надо стать каждому: въ обществѣ сказывалось то самобытное движеніе, которое потомъ дало главныя средства для борьбы съ Наполеономъ и которое свидѣтельствовало, что для общества начинается политическая возмужалость. Для Арндта не было сомнѣній, когда къ нему пришло приглашеніе Штейна. Прямой путь былъ уже закрытъ, и Арндтъ отправился черезъ Житоміръ и Кіевъ на Смоленскъ. Въ русскомъ обществѣ господствовалъ патріотическій энтузіазмъ; въ Вязьмѣ Арндтъ попалъ на какой-то обѣдъ и описываетъ чрезвычайное одушевленіе русскихъ патріотовъ: когда узнали, что иностранцы эти пришли въ Россію съ той же враждой къ Наполеону, и на ихъ долю достались «объятія, пожатія рукъ, по-

[1]) Pertz, Stein's Leben, III, 68 и слѣд., 77, 99, 115, 135, 599 — 600. См. также la Russie I, 420, 426 — 427.

цалуи хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ, чувствовавшихъ свое отечество». «Во всемъ народѣ (въ городъ сошлись рекруты) была необыкновенная жизнь и движеніе» [1]).

Въ Петербургѣ Арндтъ работалъ подъ руководствомъ Штейна, занимался дѣлами нѣмецкаго легіона, разной перепиской и дешифровкой писемъ, составленіемъ политическихъ памфлетовъ и книжекъ [2]).

Другой писатель, котораго рекомендовалъ Штейнъ и трудами котораго воспользовались въ это время, былъ извѣстный въ свое время публицистъ Теодоръ Фаберъ. Рижскій уроженецъ (род. 1768 г.), Фаберъ учился въ Германіи; затѣмъ революція захватила его во Франціи, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, между прочимъ, на военной и гражданской службѣ республикѣ былъ журналистомъ, наконецъ при Наполеонѣ нашелъ возможность покинуть Францію и переселиться въ Россію, первоначально по приглашенію Адама Чарторижскаго, который кажется желалъ имѣть его въ своемъ министерствѣ. Во французской службѣ онъ успѣлъ прекрасно изучить механизмъ и свойства наполеоновскаго правленія, и покинувъ Францію, написалъ: «Замѣтки о внутреннемъ состояніи Франціи» (Notices sur l'intérieur de la France, écrites en 1806): они были изданы въ Петербургѣ, но ихъ распространенію помѣшалъ, кажется, наступившій тѣмъ временемъ тильзитскій миръ. Теперь Штейнъ, въ одномъ изъ своихъ предложеній, совѣтовалъ, между прочимъ, перевесть сочиненіе Фабера на нѣмецкій языкъ и распространить его въ Германіи, и вообще пригласить Фабера къ новой публицистической дѣятельности. Уже въ іюлѣ 1812 г. Кочубей дѣйствительно вступилъ въ сношенія съ Фаберомъ, который и хотѣлъ заняться второй частью своего сочиненія, неокончennаго прежде по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и другими публикаціями. Хотѣли, напр., воспользоваться трудами д'Ивернуа, швейцарца, бывшаго тогда въ англійской службѣ, одного изъ друзей Бентама, — которымъ написано было нѣсколько памфлетовъ противъ Наполеона. Не знаемъ, сдѣланъ ли былъ нѣмецкій переводъ книги Фабера, рекомендованный Штейномъ; но въ 1813 году вышелъ русскій переводъ со-

---

[1]) Arndt, Erinnerungen aus dem äusseren Leben. 3-te Aufl. 1842, стр. 120, 144.

[2]) Такъ онъ издалъ въ Петербургѣ: Die Glocke der Stunde. St.-Pet.—1812 (было потомъ еще два изданія въ Германіи, 1813); Historisches Taschenbuch für d. J. 1813 (цензура 26 ноября 1812); Katechismus für den deutschen Kriegs—und Wehrmann (потомъ съ нѣкоторыми перемѣнами въ «Германіи», потомъ въ Кельнѣ 1815, и наконецъ въ Kleine Schriften, 1845, I); затѣмъ: Kurze und wahrhafte Erzählung von Napoleon Bonapartens verderblichen Anschlägen, von seinen Kriegen in Spanien und Russland etc. Germanien, 1813 и пр.

чиненія подъ другимъ заглавіемъ, соотвѣтствовавшимъ настроенію времени [1]). Въ 1813 году ему поручена была, вмѣстѣ съ аббатомъ Могеномъ, редакція оффиціозной газеты «Conservateur impartial» [2]).

Арндтъ не остался чуждъ и русской политической литературѣ. Подъ вліяніемъ совѣтовъ и указаній Штейна, правительство не только воспользовалось тѣми писателями иностранными, которыхъ онъ рекомендовалъ, но рѣшилось употребить политическую пропаганду и въ русской литературѣ. Въ концѣ 1812 года съ такой цѣлью основанъ былъ «Сынъ Отечества», издававшійся Гречемъ; новое изданіе должно было служить для патріотическихъ цѣлей этой пропаганды, и въ немъ воспользовались содѣйствіемъ Арндта. Отдѣлъ «Воззваній и приглашеній» въ «Сынѣ Отечества» начатъ былъ статьей Арндта «Гласъ Истины» [3]). Не знаемъ, насколько простиралось участіе Арндта въ этомъ изданіи, но повидимому оно не было случайно, и его имѣли въ виду. Въ своихъ воспоминаніяхъ Арндтъ ничего не говоритъ объ этомъ, хотя объ этомъ есть русскія извѣстія, и разсказываетъ только о своихъ сношеніяхъ съ Шишковымъ, въ то время государственнымъ секретаремъ. «Ему разсказывали обо мнѣ какъ о гремящей военной трубѣ, — говоритъ Арндтъ; — онъ прочелъ нѣсколько моихъ напечатанныхъ мелочей, отчасти на нѣмецкомъ (который, впрочемъ, онъ зналъ мало), отчасти во французскомъ переводѣ, и вслѣдствіе того, когда ему надо было писать для публики и народа воззванія и извѣстія о непріятелѣ, онъ звалъ меня на помощь». Арндтъ съ сочувствіемъ говоритъ о патріотическомъ одушевленіи Шишкова, котораго онъ изображаетъ чрезвычайно подвижнымъ, живымъ, шутливымъ старикомъ. По словамъ Арндта, когда Шишковъ писалъ свои вещи, онъ искалъ сильныхъ оборотовъ и выраженій, которыми онъ хотѣлъ метать въ Наполеона, онъ переводилъ ихъ Арндту, и они, бесѣдуя оба на плохомъ французскомъ языкѣ, пріискивали наиболѣе возвышенныя и энергическія слова, которыми Шишковъ и усиливалъ свои воззванія и филиппики [4]). Это сотрудни-

[1]) «Бичь Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія нынѣшняго повелителя французовъ», переводъ Г. Я. (Яценкова?). Спб. 1813.

[2]) О сношеніяхъ съ Фаберомъ см. Pertz, ibid., III, 70, 614, 699. V. Wolzogen, Memoiren, Leipz. 1851, стр. 48.

[3]) «Сынъ Отеч.» 1812, 2-е изд., стр. 1 — 15. Между прочимъ Арндтъ еще проклинаетъ Наполеона за сожженіе Москвы и опровергаетъ французовъ, которые обвиняли въ этомъ сожженіи русскихъ.

[4]) Arndt, Erinnerungen, 115 — 152; Meine Wanderungen und Wandelungen mit Stein, изд. 1869, стр. 27 — 28. Быть можетъ, здѣсь идетъ рѣчь о томъ, что печаталось въ »Сынъ Отечества».

чество Арндта съ Шишковымъ и основаніе политическаго изданія подъ вліяніемъ совѣтовъ Штейна — весьма характеристично, какъ бы ни были эти факты отрывочны.

Одинъ русскій современникъ прямо говоритъ, что мысль воспользоваться литературой для политическихъ цѣлей была именно внушена Штейномъ, и такъ передаетъ характеръ этого нововведенія: «Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, *не смѣлъ* отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты, издаваемыя отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ, разсказывали о происшествіяхъ, не позволяя себѣ никакихъ сужденій; не только о другѣ Наполеонѣ, даже о *злодѣѣ Бонапартѣ* говорили съ нѣкоторою *почтительностію* и *робостію*. Самые такъ называемые литературные журналы наши почти не выходили изъ предметовъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то *офиціальнымъ колоритомъ*». Назвавъ Штейна и Арндта, и отозвавшись неодобрительно объ ихъ вольнодумствѣ и ихъ совѣтахъ употребить «магическое слово вольность» для возбужденіи европейскихъ народовъ,—авторъ продолжаетъ: «Какъ бы то ни было, ученые и восторженные нѣмцы нашли, что наступило уже время *откровенно говорить съ просвѣщенною частію жителей* и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ, населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала... Портфели Арндта наполнены были неизданными проклятіями на Наполеона... Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины ноября, ибо въ началѣ декабря уже читалъ я съ жадностію жиденькія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ статей»... [1]) Тотъ же авторъ приписываетъ иностранному образцу и появленіе извѣстныхъ Теребеневскихъ каррикатуръ на Наполеона.

Отдача Москвы глубоко опечалила Александра; при дворѣ образовалась цѣлая партія, говорившая о невозможности бороться съ Наполеономъ: о мирѣ громко говорила императрица Марія, в. кн. Константинъ, Аракчеевъ, Румянцевъ. Штейнъ оставался тѣмъ же непримиримымъ врагомъ Наполеона, и его твердость, повидимому, имѣла на Александра свое дѣйствіе [2]). Въ

[1]) Зап. Вигеля II, IV, 71—72.

[2]) Мы не находимъ возможнымъ оспаривать безусловно показанія иностранныхъ писателей, какъ авторъ «Исторіи имп. Александра» и пр. (III, 345): Штейнъ конечно не оставался безъ вліянія,—иначе, зачѣмъ бы самъ импер. Александръ вызывалъ его въ Россію? Несомнѣнно и его позднѣйшее вліяніе на дѣла, хотя онъ не имѣлъ для этого оффиціальныхъ основаній.

русскомъ аристократическомъ обществѣ Штейнъ завязалъ дружескія связи, которыя, безъ сомнѣнія, поддерживались именно характеромъ его воззрѣній. Таковы были его дружескія связи въ домахъ Кочубея, Ливена, Орловыхъ, Уваровыхъ, Салтыковыхъ, у герцогини Вюртембергской; къ нему была расположена и императрица Елизавета. Какъ высказывался въ русскомъ высшемъ обществѣ этотъ характеръ, можно судить по слѣдующему разсказу, который передаютъ біографы Штейна. По выступленіи французовъ изъ Москвы, когда въ Петербургѣ распространилась большая радость, Штейнъ былъ приглашенъ на обѣдъ ко двору. Императрица Марія, которая еще недавно такъ настаивала на мирѣ, много говорила о великомъ событіи и наконецъ сказала: «Право, если хоть одинъ человѣкъ изъ французской арміи вернется за Рейнъ на родину, я буду стыдиться, что я нѣмка!» Штейнъ поблѣднѣлъ и тотчасъ вставши отвѣчалъ: «В. в. очень неправы, когда говорите это, и притомъ передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ. Вамъ надо было сказать не то, что вы будете стыдиться за нѣмцевъ, а надо было назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я жилъ на Рейнѣ въ 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 и т. д. Честный нѣмецкій народъ не былъ виноватъ; если бы ему довѣряли, еслибы съумѣли воспользоваться имъ, ни одинъ французъ не перешелъ бы за Эльбу, не говоря уже за Вислу или за Днѣпръ». Императрица, сначала смутилась отъ этихъ рѣзкихъ словъ, но потомъ оправилась и съ достоинствомъ отвѣчала: «быть можетъ, вы правы, баронъ; благодарю васъ за урокъ». Арндтъ приводитъ этотъ разсказъ со словъ Уварова, который слышалъ его отъ лица, бывшаго на этомъ обѣдѣ.

Въ перепискѣ Штейна остались слѣды его дружескихъ отношеній и нравственнаго вліянія въ русскомъ обществѣ. Отголосокъ этого вліянія сохранился и въ горячихъ отзывахъ о немъ современника той эпохи, Н. И. Тургенева. Рекомендованный Штейну Уваровымъ, г. Тургеневъ близко зналъ Штейна, работалъ подъ его руководствомъ въ «центральной правительственной коммиссіи», учрежденной при вступленіи русскихъ войскъ въ Германію: нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкій патріотъ внушилъ долю своего глубокаго чувства къ народу и его свободѣ сотруднику, который сталъ однимъ изъ лучшихъ представителей молодого русскаго общества десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. Чтобы кончить о Штейнѣ, прибавимъ, что въ самыхъ русскихъ предметахъ, онъ могъ говорить вещи, которыя очень не многимъ были тогда понятны. Еще въ 1809—1810 г. Штейнъ говорилъ о томъ, какъ вредно для Россіи подражаніе иностраннымъ обы-

чаямъ и высказывалъ свои, правда, нѣсколько преувеличенныя понятія о томъ, какъ этому противодѣйствовать. Но главнымъ, необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и національнаго богатства русскаго народа, онъ уже тогда считалъ —освобожденіе крестьянъ «съ полной поземельной собственностью» и личной свободой, хотя подъ полицейскимъ и судебнымъ надзоромъ дворянства [1]).

Разсказанные факты, безъ сомнѣнія, очень единичны, но въ нихъ нельзя однако не видѣть извѣстнаго историческаго значенія: стремленія лучшихъ европейскихъ людей временъ войны за освобожденіе не случайно и не безслѣдно сливались съ тѣмъ броженіемъ, какое зарождалось въ русскомъ обществѣ. Страшная національная опасность грозила въ обѣихъ странахъ столь дорогимъ и существеннымъ интересамъ, что живое сознаніе общаго дѣла неизбѣжно должно было сближать людей, иначе слишкомъ далекихъ и чуждыхъ другъ другу. Энтузіазмъ освобожденія долженъ былъ оказать свое нравственное дѣйствіе и бросить въ русскомъ обществѣ сѣмена новыхъ общественно-политическихъ понятій. Сначала подобное сближеніе обнаруживается отдѣльными примѣрами въ высшемъ образованномъ кругѣ; въ теченіе 1813—1815 вліяніе европейскихъ событій сильно распространяется въ образованныхъ военныхъ, видѣвшихъ и сдѣлавшихъ войну за освобожденіе, и наконецъ отражается въ обширномъ кругѣ общества...

Намъ нѣтъ необходимости говорить подробно о значеніи событій 1813—1815 года. Эта блестящая для Россіи и для Александра эпоха произвела глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Александръ, еще въ началѣ 1812 года говорившій объ освобожденіи Европы, и теперь безкорыстно стремился къ этой цѣли. Штейнъ съ самаго начала говорилъ о необходимости призвать самые народы къ борьбѣ; въ замѣчательной запискѣ 5 (17) ноября 1812 онъ призывалъ Александра быть освободителемъ Европы и излагалъ Александру свои мнѣнія о томъ, какъ должно было бы вести дѣло — обращаясь къ народамъ и не довѣряя правительствамъ и, если возможно, овладѣвая правленіемъ [2]). Воззваніе, изданное Кутузовымъ въ Калишѣ 13 (25) марта 1813, отъ имени имп. Александра и короля прусскаго, говорило объ

---

[1]) Pertz, Stein's Leben, II, 407, 468—470. III, 107, 158, 167—168, 199—200, 693. Arndt, Erinnerungen, 157; Wander. und Wandelungen, 83—84.

[2]) См. эту записку у Пертца, III, 212—220.

освобожденіи Европы и особенно Германіи, о возстановленіи Германіи и устройствѣ ея въ духѣ нѣмецкаго народа, которое должно быть предоставлено — нѣмецкимъ государямъ «и народамъ», говорило, что лозунгъ монарховъ—«честь и свобода» и т. д. Это обращеніе къ народнымъ силамъ произвело энтузіазмъ еще никогда невиданный: прусскій король изумился, когда по объявленіи воззванія къ оружію, обращеннаго къ образованнымъ классамъ, *не обязаннымъ* военной службой, въ Берлинѣ въ три дня записалось 9.000 молодыхъ людей. «Центральная коммиссія», изъ русскихъ и нѣмцевъ, учрежденная первоначально подъ предсѣдательствомъ Кочубея, потомъ Штейна, овладѣвала управленіемъ.... Война принимала дѣйствительно характеръ войны за національную свободу.

Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ событія подѣйствовали на личный характеръ Александра, который, подъ трудными испытаніями, искалъ опоры въ мистической религіи, и какъ потомъ мистицизмъ совершенно извратилъ его либеральные планы. Но теперь Александръ былъ еще вѣренъ своему либерализму. Онъ упорно велъ борьбу съ Наполеономъ, въ которой союзники иногда слишкомъ вяло его поддерживали. Въ вопросахъ о политическомъ устройствѣ освобожденныхъ земель Александръ былъ столько же готовъ на рѣшительныя мѣры. По словамъ современниковъ, «никто въ это время не пользовался въ умѣ императора такимъ довѣріемъ какъ Штейнъ» [1]), а исполненіе плановъ Штейна было бы для Германіи цѣлой революціей, потому что мелкіе феодалы не имѣли злѣйшаго врага. Дѣятельность Александра и весь образъ его дѣйствій доставлялъ ему величайшую популярность. Онъ положительно высказывался за либеральныя учрежденія не въ одной Германіи; онъ защищаетъ Францію отъ своихъ союзниковъ и соглашается на возстановленіе Бурбоновъ только подъ условіемъ конституціонныхъ учрежденій; онъ упорно стоитъ на возстановленіи Польши и наперекоръ другимъ державамъ, наперекоръ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, рѣшается дать Польшѣ конституціонное устройство; въ кругу довѣренныхъ его министровъ является Каподистрія пламенный греческій патріотъ, ожидавшій отъ Россіи помощи для освобожденія своего отечества; въ это первое время греческіе патріоты не безъ основанія возлагали

---

[1]) La Russie I, 27. «Можно утверждать положительно, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, что мысль о низложеніи Наполеона раздѣлялась въ главной квартирѣ союзниковъ только имп. Александромъ, Штейномъ, и, можетъ быть, Поццо-ди-Борго. Всѣ другіе были чужды этой мысли или были противъ нея». (Тамъ же, стр. 33; см. также стр. 28—29).

надежды на сочувствіе имп. Александра къ освобожденію Эллады. Александру должна была представляться великость задачи, когда въ его рукахъ сосредоточивалось столько власти и вліянія, и едва ли можно отвергать, что въ это время онъ часто понималъ ее въ смыслѣ искренняго либерализма. Его способъ дѣйствій относительно побѣжденной Франціи останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ его тогдашняго настроенія. На него подѣйствовала, безъ сомнѣнія, и европейская общественная жизнь, при всей путаницѣ тогдашнихъ событій представлявшая столько свободы, сколько ему еще не случалось видѣть. Среди шумныхъ тріумфовъ онъ встрѣчался съ проявленіями этой свободы, и въ политической печати, и въ учрежденіяхъ и нравахъ, и въ отдѣльныхъ лицахъ независимаго образа мыслей, и въ общемъ тонѣ европейской образованности, среди которыхъ онъ жилъ эти годы. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ въ подобныхъ встрѣчахъ онъ доискивался разрѣшенія своихъ недоумѣній, напр. въ религіозныхъ вопросахъ, и пробовалъ (по крайней мѣрѣ) сближаться съ представителями независимой политической литературы и знакомиться съ ихъ произведеніями [1]). Знакомясь съ европейскимъ либерализмомъ, онъ слышалъ и прямыя напоминанія о томъ, что еще нужно сдѣлать въ Россіи. Въ Парижѣ онъ посѣщалъ, между прочимъ, г-жу Сталь. Разсказываютъ, что однажды хозяйка заговорила о рабствѣ негровъ, которое тогда становилось вопросомъ въ европейской публицистикѣ и политикѣ. Александръ съ негодованіемъ говорилъ о немъ, какъ о вещи постыдной. «Одинъ изъ присутствовавшихъ, — разсказываютъ записки того времени, — позволилъ себѣ возразить императору, что въ его земляхъ есть однако крѣпостное право. Человѣколюбивый императоръ смутился на минуту, но тотчасъ оправился и сказалъ съ благородной твердостью: «ваша правда, въ Россіи есть крѣпостные, но есть еще очень большая разница между ними и неграми; но я не хочу ссылаться на это и объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено, и что съ божіей помощью оно прекратится еще въ мое правленіе». По всей залѣ прошелъ шопотъ одобренія, потому что императоръ сказалъ эти слова громко, и ихъ тотчасъ стали повторять и объяснять дальше» [2]).

Когда имп. Александръ возвратился въ Россію, онъ встрѣ-

---

[1]) Таковы сношенія его съ Бентамомъ; въ 1817 г. Лагарпъ составлялъ для него извлеченія изъ Сэя, и т. п. (Р. Арх. 1869, стр. 80).

[2]) Varnhagen, Denkwürd. 2-te. Aufl. III, стр. 216.

ченъ былъ цѣлымъ потокомъ одушевленныхъ привѣтствій [1]). Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, кончавшій свое поприще Державинъ, и начинавшій свое поприще Пушкинъ, еще юноша, соединялись въ этихъ привѣтствіяхъ: онѣ были единодушны въ обществѣ, — молодая часть его исполнена была ожиданіями отъ великодушнаго либерализма императора; въ старомъ поколѣніи, еще недавно возставшемъ противъ Александра за прежній либерализмъ, вѣроятно столько же искренна была радость отъ славныхъ военныхъ подвиговъ, сокрушившихъ «изчадіе революціи» и поддерживавшихъ особенно для нихъ пріятную славу русскаго оружія.

Движеніе, вызванное въ обществѣ двѣнадцатымъ годомъ, по минованіи опасности, прекратилось и жизнь снова пошла привычнымъ порядкомъ [2]). Патріоты жаловались, что сталъ слабѣть энтузіазмъ,—хотя, собственно говоря, большинство ихъ не знало, что же было затѣмъ дѣлать этому энтузіазму, кромѣ того, что проклинать французовъ? Журналы начинаютъ уже въ началѣ 1813 года жаловаться, что ненависть къ французамъ проходитъ, что ихъ опять принимаютъ въ гувернеры, что барышни собирались уже выходить за французовъ замужъ; жалуются даже, что купечество, доселѣ вѣрное русскому платью, съ 1812 года, начало носить родъ французскихъ длинныхъ сертуковъ [3]), и т. п.

Это «охлажденіе», какъ мы замѣчали, было совершенно понятно въ массѣ, потому что единственнымъ источникомъ возбужденія была внѣшняя и случайная опасность, инстинктъ самосохраненія; вражда къ французамъ не имѣла другихъ основаній и прекратилась, когда нашествіе было отбито и отомщено. Большинство, сначала понемногу, потомъ уже безъ всякихъ опасеній, обратилось къ прежнимъ привычкамъ—къ французскому языку, отчасти къ литературѣ, потому что здѣсь все еще заключалась та небольшая доза цивилизаціи, которая проникала въ нашъ образованный классъ и была ему всего доступнѣе.

---

[1]) Ср. Вигеля, II, IV, 159.

[2]) „По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала изчезать съ лицъ нашихъ.., но увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ея какъ будто уже никогда и не бывало". Вигель, II, IV, 69.

[3]) «Какъ будто въ поруганіе стариннымъ обычаямъ нашимъ, купечество, не брѣющее бородъ, начало носить родъ французскихъ длинныхъ сертуковъ, съ отложнымъ какимъ-то воротникомъ... думая, можетъ быть, новымъ симъ одѣяніемъ приближиться къ обычаямъ образованныхъ народовъ» (Сынъ Отеч. 1813, ч. VI).

Но если патріоты и не искоренили въ русскомъ обществѣ французскаго языка и подражанія французскимъ нравамъ, тѣмъ не менѣе возбужденіе двѣнадцатаго года, поддержанное впечатлѣніями послѣдующихъ событій, не прошло безслѣдно и для большой массы общества. Это возбужденіе высказывалось весьма различными проявленіями: вообще казалось, что жизнь требуетъ обновленія, что она начинаетъ какой-то новый періодъ, который различныя партіи предетавляли различно, каждая по своимъ собственнымъ понятіямъ. Людямъ стараго вѣка изъ школы Шишкова казалось, что пришло время возвратиться къ старинным русскимъ добродѣтелямъ и славянскому языку; мистики думали, что пришла пора для пропаганды внутренней церкви; консерваторы находили, что слѣдуетъ уничтожить либеральныя нововведенія или что вообще надо очень позаботиться объ истребленіи якобинскаго духа, которому они приписывали всѣ европейскія событія послѣдняго времени и примѣры вольнодумства, проявлявшіеся въ Россіи. Но рядомъ съ чистымъ консерватизмомъ и мистикой начинались движенія иного рода: начиналось броженіе общественно-филантропическихъ идей, которое всего ярче выразилось въ ту пору основаніемъ библейскаго общества и въ которомъ одно время сходились очень разнообразные оттѣнки мнѣній — и религіозность, и филантропія, и даже либерализмъ, въ видѣ религіозной терпимости и въ видѣ заботы о просвѣщеніи народа. Одновременно съ этимъ, въ извѣстной связи съ библейскимъ обществомъ съ другой стороны и въ связи съ чисто либеральнымъ направленіемъ являются ланкастерскія школы; далѣе заботы объ улучшеніи тюремъ, масонскія ложи, литературно-филантропическія общества и т. п. Мы разскажемъ далѣе, какъ все сильнѣе развивалось, наконецъ, либеральное направленіе, уже въ самомъ обществѣ, совершенно независимо отъ правительственной иниціативы, а потомъ даже въ оппозиціи къ правительству, и наконецъ въ положительной враждѣ съ существующимъ порядкомъ вещей.

Всѣ эти направленія въ періодъ времени 1812—1815 остаются весьма неясными и смутными. Въ теченіе самой войны всѣ различные оттѣнки мнѣній сливаются въ одномъ патріотическомъ возбужденіи, и даже потомъ это движеніе все еще было такъ неопредѣленно, что нерѣдко въ одномъ и томъ же дѣлѣ могли встрѣчаться люди совершенно различныхъ мнѣній, которые не вдругъ понимаютъ другъ друга и только послѣ распредѣляются по своимъ дѣйствительнымъ свойствамъ. Такъ было въ библейскомъ обществѣ, въ масонскихъ ложахъ, въ ланкастерскихъ школахъ и т. п., гдѣ одинаково сходились и либералы и піэти-

сты,—но въ тоже время складывалась и та партія, которую потомъ олицетворилъ Магницкій съ своими клевретами...

Въ какомъ положеніи находились вещи уже въ эту переходную пору, можно видѣть, напримѣръ, изъ письма, писаннаго въ ноябрѣ 1813 года Уваровымъ къ Штейну. Уваровъ могъ нѣсколько преувеличить свои ощущенія, чтобы тѣмъ больше выставить трудности своего либерализма, но тѣмъ не менѣе главныя черты конечно вѣрны. Изображая Штейну свое трудное, почти отчаянное положеніе среди ретроградnаго общества, въ которомъ онъ, при всей умѣренности своихъ понятій, не можетъ удержаться на выбранной дорогѣ, «не жертвуя честью, мнѣніями, благосостояніемъ» и пр., Уваровъ пишетъ: «Не подумайте, чтобы въ моихъ словахъ было какое-нибудь преувеличеніе... Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т.-е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа(?), мечты Ш...[1]) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно долго выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франк-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуешь каждую минуту компрометтировать себя, или стать органомъ всякихъ нелѣпостей, палачемъ (executeur des hautes-oeuvres) самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какой путаницы и какого глубокаго невѣжества приходится работать надъ зданіемъ, которое подкапывается въ основаніи и грозитъ разрушеніемъ со всѣхъ сторонъ... Я жду только благопріятнаго случая, чтобъ уйти изъ этого хаоса... Обо мнѣ не скажутъ, что я слишкомъ скоро потерялъ мужество. У меня также было много надеждъ и иллюзій, но *три года* опыта разрушили ихъ» [2]).

Уваровъ разумѣетъ здѣсь вѣроятно свое положеніе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и свои встрѣчи съ представителями библейскаго общества. Изъ его словъ видно, что въ то время уже началъ разыгрываться обскурантизмъ, получившій такую силу впослѣдствіи. Старые и новые консерваторы, масоны стараго покроя, съ которыми въ этомъ случаѣ согласны были и іезуиты, дѣйствовавшіе черезъ своихъ патроновъ въ высшей

---

[1]) Можетъ быть: Шиллера?

[2]) Pertz, Stein's Leben, III, 697—698.

аристократіи, видѣли въ новыхъ идеяхъ нѣчто слишкомъ враждебное собственнымъ ихъ теоріямъ и возставали противъ новыхъ идей съ ожесточеніемъ, свойственнымъ невѣжеству и лицемѣрію. Собственно говоря, трудно было опредѣлить предметъ, на который направлялась ихъ вражда, и потому теперь снова пошло въ ходъ давнишнее пугало, подъ названіемъ иллюминатства. Мы разсказывали прежде, какъ опасливо старые масоны восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія оберегались тогда только-что явившагося иллюминатскаго ордена. Этотъ орденъ давно исчезъ, но въ свое краткое существованіе онъ навелъ такой страхъ на ортодоксальное, или слишкомъ невинное, или совершенно ретроградное масонство въ Германіи, что имя иллюминатовъ надолго осталось для нихъ предметомъ ужаса. Имя иллюминатовъ въ тоже время пріобрѣло дурную репутацію и во Франціи. Тамъ это названіе прилагалось къ другого рода людямъ — къ фантастическимъ мечтателямъ, въ родѣ Сенъ-Мартена и его школы, къ крайнимъ піэтистамъ и даже къ шарлатанамъ, какъ Каліостро, которыхъ считали вообще людьми подозрительными. Существованіе тайныхъ обществъ, напр. масонскихъ, число и значеніе которыхъ преувеличивалось слухами, заставляло массу людей простодушныхъ вѣрить всякимъ разсказамъ объ ихъ разрушительныхъ идеяхъ и замыслахъ. Французская революція еще больше выдвинула мнимую секту иллюминатовъ, въ которыхъ стали теперь видѣть союзниковъ якобинства и виновниковъ всѣхъ ужасовъ революціи. Писатели стараго режима, эмигранты и іезуиты вообще приписывали революцію одному огромному заговору, въ которомъ главная роль была отдана ими якобинцамъ, масонамъ и иллюминатамъ. Многотомная исторія якобинства, аббата Баррюэля, представила цѣлую массу мнимыхъ фактовъ, доказывавшихъ, что виной революціи было не что иное какъ именно ихъ заговоръ. Книга Баррюэля переведена была у насъ дважды [1]) и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала распространенію и у насъ фантастическаго представленія о какомъ-то таинственномъ, злонамѣренномъ союзѣ, который повсюду стремится разрушить порядокъ и нравственность, ниспровергнуть всякую святыню и посѣять губительныя лжеученія. Этимъ врагамъ общественнаго порядка, религіи и нравственности приписывалось вообще величайшее коварство: они умѣли скрываться подъ самыми различными видами, проникать въ самыя высшія сферы правительства и двора и всюду разсѣявать свои тлетворныя

[1]) «Волтеріанцы или исторія о якобинцахъ», 1805—1809, въ 12 частяхъ; «Записки о якобинцахъ», 1806—1808, въ 6 частяхъ.

ученія. Понятно, что при этомъ качествѣ легко было заподозрить въ иллюминатствѣ кого угодно. Аббатъ Жоржель, пріѣзжавшій въ Россію при Павлѣ, въ свое время причислялъ къ злымъ иллюминатамъ даже Ростопчина, управлявшаго тогда иностранными дѣлами [1]). Теперь, обвиненія въ иллюминатствѣ пошли въ ходъ и у насъ. Наши консерваторы были обыкновенно такъ невѣжественны (какъ это продолжается и до сей поры), что имъ мудрено было вообще ясно формулировать и доказывать свои обвиненія противъ либерализма, и тогда обвиненіе въ иллюминатствѣ становилось чрезвычайно удобно. Иллюминатство было такъ неопредѣленно и неосязаемо, что его можно было взваливать на кого угодно. Имъ пользовались и враги либеральныхъ реформъ, обвинявшіе въ связяхъ съ иллюминатами Сперанскаго; и старые масоны, помнившіе иллюминатство Вейсгаупта, какъ Голенищевъ-Кутузовъ, еще въ 1810-мъ году писавшій доносы противъ Карамзина и «вольнодумческаго и якобинскаго яда» его сочиненій; и библейскіе піэтисты, обличавшіе либеральное безвѣріе, и предлагавшіе противъ иллюминатства свои библейскія средства; наконецъ, консерваторы стараго покроя, какъ Шишковъ, Державинъ, а потомъ и архимандритъ Фотій въ томъ же иллюминатствѣ обвиняли самихъ библейскихъ піэтистовъ, напримѣръ Лабзина и т. д. Это былъ цѣлый перекрестный огонь однихъ и тѣхъ же обвиненій, и изъ этого уже видно, какъ были безсмысленны эти обвиненія, которыми однако все-таки можно было дѣйствовать! Іезуиты, которые во второмъ десятилѣтіи царствованія Александра успѣли пріобрѣсть много друзей въ русскомъ обществѣ, съ своей стороны присоединились къ обвиненіямъ и предлагали свои услуги для искорененія иллюминатства. Въ такомъ духѣ Де-Местръ настроивалъ Разумовскаго, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія. Мы разсказывали прежде, какимъ кладомъ для этой пропаганды обскурантизма оказался Священный Союзъ: Магницкій воспользовался имъ совершенно такъ, какъ могъ бы желать этого Жозефъ Де-Местръ.

Въ 1818 г. обвиненія въ иллюминатствѣ направлялись, между прочимъ, на Лабзина. Сперанскій, который его не любилъ, въ письмѣ къ Столыпину однако не вѣритъ обвиненіямъ, какія противъ него взводились, и между прочимъ замѣчаетъ по этому поводу: «Какъ мало еще просвѣщенія въ Петербургѣ! Изъ письма вашего я

---

[1]) Онъ приписывалъ иллюминатство Ростопчина происканъ нѣмецкихъ иллюминатовъ, особенно баварскаго министра Монжела, котораго іезуиты не терпѣли. (Abbé Georgel, Voyage à St.-Pétersbourg. Paris, 1818). Въ чемъ онъ считалъ иллюминатство Ростопчина, неизвѣстно.

вижу, что тамъ еще и нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки, коими можно пугать только дѣтей» [1]).

Изъ выраженій въ письмѣ Уварова мы видимъ, что обвиненія въ иллюминатствѣ были теперь въ полномъ ходу. Уже въ это время начиналось бѣснованіе обскурантизма: гнѣздомъ его становилось теперь библейское общество, которое возстало, наконецъ, противъ всякаго образованія во имя масонско-піэтистической «внутренней церкви» и распространило цѣлую систему лицемѣрія и ханжества. Верхомъ и послѣднимъ пунктомъ его обскурантизма была исторія петербургскаго университета, о которой мы будемъ имѣть случай упомянуть далѣе. Извѣстно, какъ само библейское общество пострадало отъ другого обскурантизма, менѣе замысловатаго, который изображался союзомъ Аракчеева, Фотія, Магницкаго и Шишкова.

Другое заявленіе консервативной реакціи происходило въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ послѣ паденія Сперанскаго не было пока никакихъ реформаторскихъ затѣй. Планы Сперанскаго получали теперь послѣдній ударъ. Въ 1814 году выступилъ опять на правительственную сцену старый дѣлецъ Трощинскій, назначенный тогда министромъ юстиціи. Между тѣмъ, въ государственный совѣтъ (въ декабрѣ 1813) поступила изъ Коммиссіи законовъ третья часть «Уложенія». Императоръ, въ іюнѣ 1814, велѣлъ вмѣстѣ съ ней вновь разсмотрѣть и первыя двѣ части. Это разсмотрѣніе остановлено было возраженіями Трощинскаго (27 янв. 1815), который на подобіе Карамзина доказывалъ несвойственность «уложенія» духу русскаго народа. Мнѣніе Трощинскаго было принято, и проектъ былъ устраненъ подъ предлогомъ необходимости сличенія его съ существующими законами, что и было поручено Коммиссіи законовъ (8 марта 1815). Впослѣдствіи, по возвращеніи Сперанскаго, которому Александръ въ 1821 г. снова поручилъ работу по «уложенію», Оленинъ, завѣдывавшій послѣ Сперанскаго государственной канцеляріей, передавая ему бумаги по этому дѣлу, объяснялъ тогдашнее рѣшеніе государственнаго совѣта слѣдующимъ образомъ. Въ этомъ рѣшеніи совѣта Оленинъ видитъ примѣръ того, какъ могутъ увлекаться даже умные люди, руководящіеся однимъ только долговременнымъ навыкомъ. «Сіи, впрочемъ опытные люди, устрашенные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ людей нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить, даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго въ управленіи устройства, какія нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся, по ихъ

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 1151—52.

мнѣнію, къ испроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ на нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя оный уже давно, отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ, пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Въ семъ-то именно видѣ — *испроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми* — принятъ былъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта и проектъ гражданскаго уложенія». Оленинъ упоминаетъ, какъ эти люди, привыкшіе видѣть законы не иначе какъ въ видѣ «немаловажнаго числа томовъ въ листъ и въ четвертку», удивлены и испуганы были видомъ небольшой книжки проекта [1]). Этому дивился и Карамзинъ.

Упомянутое мнѣніе Трощинскаго написано въ очень враждебномъ тонѣ, повторяетъ въ сущности тѣже аргументы, какіе приводилъ Карамзинъ, и заканчивается — опять также какъ въ «Запискѣ». «Не могу оставить въ молчаніи,—говоритъ Трощинскій,—что полученное мною сличеніе проекта гражданскаго уложенія съ кодексомъ Наполеона [2]) родило во мнѣ чувствительнѣйшее прискорбіе». Онъ увидѣлъ, что проектъ собственно есть «испорченный переводъ Наполеонова кодекса». «Сколь скоро все сіе несомнѣнно, — продолжаетъ онъ, — то нѣтъ уже нужды искать особенныхъ причинъ, для чего смѣшанными оказались власти судебныхъ мѣстъ и дѣла духовныя съ гражданскими. Причины сіи, конечно, гнѣздятся въ самомъ кодексѣ и въ *софизмахъ новой философіи*, доказавшей заблужденія свои *гибельными переворотами* Французскаго Королевства. Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами отъ *ужасной революціонной пропаганды!* Какъ можетъ ревнительный россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ *безбожнѣйшаго властелина!* Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и въ самомъ алтарѣ, совершились какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!» и проч. [3]).

---

[1]) «Жизнь Сперанскаго» I, 169—170.

[2]) Быть можетъ, составленное Шишковымъ; см. «Жизнь Сперанскаго», I, 167—168, прим.

[3]) «Мнѣніе министра юстиціи по части составленія законовъ для россійской имперіи», 27 янв. 1815, стр. 57—59.

Въ совѣтѣ мнѣніе Трощинскаго встрѣтило мало возраженій и было принято большинствомъ. Въ одномъ письмѣ отъ того времени, Трощинскій говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ «всю благомыслящую публику имѣетъ на своей сторонѣ». Въ совѣтѣ, «всѣ почти согласно съ нами (т.-е. съ нимъ и Шишковымъ) мыслятъ, но не смѣли говорить, доколѣ флюгеръ укажетъ имъ на какую, страну обратиться. Между тѣмъ безъ самолюбія скажу, что не только публика, даже дворъ въ восхищеніи. Оказываютъ мнѣ всѣми образами отличія»... [1]).

Радовались вѣроятно обличенію революціонной пропаганды. Впослѣдствіи, Магницкій, когда былъ попечителемъ казанскаго округа, доказывалъ главному правленію училищъ, что и указъ объ экзаменахъ (составленный Сперанскимъ, въ то время его ближайшимъ другомъ и покровителемъ) состоялся — дѣйствіемъ иллюминатовъ: «сдѣлано положеніе,—писалъ онъ,—по которому все, въ старомъ благочестіи воспитанное, отрѣзано отъ всякаго повышенія и надеждъ по службѣ, и замѣнено людьми новаго, разрушительнаго воспитанія»... [2])

VI. Переходное время. — Возобновленіе масонскихъ ложъ. — Ланкастерскія школы и проч.

Чтобы дать ближайшее понятіе о тогдашнемъ броженіи, обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ. Мы уже называли одно изъ нихъ — библейское общество, основанное въ концѣ 1812 года и, главнымъ образомъ, процвѣтавшее до начала двадцатыхъ годовъ. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно излагали его исторію.

Другимъ, не менѣе характеристическимъ явленіемъ было возстановленіе масонскихъ ложъ.

Исторія масонскаго движенія во времена импер. Александра до сихъ поръ мало извѣстна. По существующимъ въ печати матеріаламъ трудно еще составить о нихъ достаточно ясное понятіе.

Масонство этихъ временъ сохраняло еще много связей съ прежнимъ, но во многомъ и отличалось отъ него. Въ обществѣ было еще не мало людей стараго московскаго кружка—живы были Новиковъ, Гамалѣя, И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, Ключаревъ, О. Поздѣевъ, З. Я. Карпѣевъ и друг.; было много ихъ

---

[1]) Сборникъ Р. Истор. Общ. III, стр. 19.

[2]) «Жизнь Сперанскаго», I, стр. 181.

непосредственныхъ учениковъ, какъ Лабзинъ, Невзоровъ, Ковальковъ и проч.; было много масоновъ прежнихъ школъ петербургскихъ, елагинской и шведской системы, у которыхъ были свои адепты изъ младшаго поколѣнія. Старики, конечно, держались, сколько возможно вѣрно, своихъ преданій, — но преданія тѣмъ не менѣе ослабѣвали: такъ прежнее розенкрейцерство не получило прямого дальнѣйшаго развитія, — оно пало въ самомъ своемъ берлинскомъ источникѣ; алхимическое масонство потеряло кредитъ тѣмъ болѣе, что теперь было уже меньше простодушнаго суевѣрія, чѣмъ прежде, и мало-по-малу розенкрейцерство московскихъ масоновъ превратилось въ аскетическій піэтизмъ. Въ новомъ поколѣніи стали дѣйствовать новыя вліянія: онѣ приходили, съ одной стороны, изъ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ ложъ, гдѣ тѣмъ временемъ утвердились новыя масонскія направленія; съ другой стороны, въ ложахъ отражаются направленія, образовавшіяся въ самой русской общественной жизни.

Старыя ложи перестали дѣйствовать при Екатеринѣ. Только немногія проявляли, кажется, еще нѣкоторые признаки существованія. Павелъ освободилъ Новикова, и въ числѣ людей, гонимыхъ при Екатеринѣ, онъ возвысилъ и нѣкоторыхъ масоновъ (кн. Куракинъ, Н. В. Репнинъ, И. В. Лопухинъ, кн. Трубецкой, З. Я. Карнѣевъ, Плещеевъ; вспомнили и умершаго тѣмъ временемъ Панаева, и пр.); но ложи не открывались: ихъ замѣнилъ другой орденъ,—потому что мальтійское рыцарство отчасти было похоже на масонскихъ тамплiеровъ. При вступленіи на престолъ Александра можно было разсчитывать, что мягкость и либерализмъ императора откроютъ свободу и для масонства [1]). Дѣйствительно, при Александрѣ ложи опять организовались въ правильную систему.

Свѣдѣнія о первомъ возстановленіи ложъ при Александрѣ до сихъ поръ очень смутны. По одному разсказу, въ масонскихъ источникахъ, Александръ въ 1801 г. возобновилъ запрещеніе своего предшественника противъ тайныхъ обществъ, но уже въ 1803 г. онъ будто бы такъ измѣнилъ свои мнѣнія, что не только отмѣнилъ запрещеніе, но самъ приступилъ къ союзу. Одинъ изъ прежнихъ масоновъ, Бёберъ, рѣшился будто бы уничтожить въ императорѣ предубѣжденіе противъ ордена и, ис-

---

[1]) Капфигъ, La baronne de Krüdner, стр. 76, говоритъ о Лагарпѣ, что онъ былъ «lié aux loges maçonniques et aux martinistes», — но мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ этомъ, ни о томъ, чтобы эти связи Лагарпа отразились чѣмъ-нибудь на русскомъ масонствѣ. Лагарпъ скорѣе былъ вольнодумецъ въ духѣ «просвѣщенія». Нѣсколько ясныхъ свѣдѣній о временахъ Павла находится у Фиделя, Gesch. der Freimaur. 2-te Aufl. Leipz. 1866, стр. 575—576.

просивъ себѣ аудіенцію, съумѣлъ такъ защитить орденъ, что Александръ не только обѣщалъ ему свое покровительство, но самъ пожелалъ быть принятымъ въ ложу. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ будто бы посвященъ, и послѣ того не только возстановились старыя ложи, но стали открываться и новыя [1]).

Самъ Бёберъ (старый масонъ, вступившій въ орденъ еще въ 1776 году и игравшій роль въ петербургскихъ ложахъ шведской системы) разсказываетъ только, что въ 1805 г. нѣсколько старыхъ «братьевъ» вздумали сдѣлать попытку возстановленія ордена и основали ложу (Mildthätigkeit zum Pelikan). Министръ полиціи, извѣщенный объ этомъ, не сдѣлалъ противъ этого никакихъ возраженій, и потому братья продолжали свои работы, хотя въ тишинѣ и скромно, и число братьевъ не очень размножалось. Члены этой ложи были знакомые Бёбера, которымъ извѣстно было его прежнее положеніе въ орденѣ; но тѣмъ не менѣе онъ узналъ о существованіи ложи только случайно и вступилъ въ нее въ 1808 г. вслѣдствіе сильныхъ убѣжденій со стороны братьевъ. Число членовъ стало вскорѣ увеличиваться; изъ первой ложи выдѣлились новыя, а затѣмъ учреждена была и первая Великая ложа. Это была Великая Директоріальная ложа «Владиміра къ Порядку» [2]).

Въ одномъ позднѣйшемъ оффиціальномъ документѣ русскихъ ложъ, о возстановленіи масонства говорится такимъ образомъ: «Русскія ложи, процвѣтавшія еще въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, по собственному побужденію прекратили свои работы въ то время, когда благоразуміе и обстоятельства дѣлали это полезнымъ. Тѣмъ временемъ вѣрныя и опытныя руки сохраняли и поддерживали въ тиши священный огонь, пока измѣнившіяся обстоятельства и либеральный образъ мыслей монарха, стоящаго выше предразсудковъ и ненавидящаго всякія ненужныя стѣсненія, въ 1804 году дали нѣкоторымъ старымъ каменьщикамъ, происходившимъ большей частью изъ старой ложи «Коронованнаго Пеликана» [3]), возможность формально возстановить эту ложу подъ именемъ «Александра къ Коронованному Пеликану». Въ 1809, эта ложа, вслѣдствіе принятія новыхъ братьевъ и присоединенія старыхъ масоновъ (между которыми

---

[1]) «Acta Latomorum», цитир. въ Handbuch der Freim. Leipz. 1866, III, 112. Тѣже «Acta» упоминаютъ подъ 1804 годомъ о возобновленіи ложъ и въ особенности съ похвалой говорятъ о ложахъ вел. кн. Константина и графа Потоцкаго. Ср. Clavel, Hist. de la Fr.-Maçonnerie, стр. 286.

[2]) Разсказъ Бёбера, въ запискѣ его о русскомъ масонствѣ писанной въ 1815 и напечатанной въ Handb. III, 612—615.

[3]) Вѣроятно таже, которая выше названа Mildthätigkeit zum Pelikan.

были и братья Эллизенъ и Бёберъ), столь значительно умножила число своихъ членовъ, что отъ нея образовалось еще двѣ ложи— сестры, изъ которыхъ одна, «Елизаветы къ добродѣтели», работала на русскомъ языкѣ, а другая, «Петра къ Истинѣ», на французскомъ и нѣмецкомъ. Всѣ эти три ложи слѣдовали старой шведской системѣ, и образовали общую директорію, подъ именемъ Великой Директоріальной ложи Владиміра къ порядку» [1])...

Гросмейстеромъ этой ложи единогласно былъ выбранъ Бёберъ. Какъ мы замѣтили, онъ былъ издавна послѣдователемъ шведской системы, введенной нѣкогда кн. Куракинымъ и Гагаринымъ; онъ былъ великимъ секретаремъ тогдашней Провинціальной, или Національной ложи. И теперь, при возобновленіи ложъ, Бёберъ остался вѣренъ старому преданію, и открытіе новой Директоріальной ложи совершилось, по его словамъ, именно «на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Національной ложи», т.-е. Гагаринской ложи 1779 года.

Начали возстановляться и старыя ложи. Прежняя шотландская ложа «Сфинкса» и капитулъ «Феникса», который состоялъ нѣкогда подъ управленіемъ кн. Гагарина и при появленіи шведской системы присоединился къ ней, оставивъ систему Елагина, — также возобновили теперь свои работы и учредили директорію подъ именемъ высшаго орденскаго совѣта.

Года черезъ два послѣ основанія Директоріальной ложи «Владиміра» въ 1811 и 1812, къ ней присоединились двѣ французскія ложи: «Les amis réunis» и «La Palestine». Онѣ уже много лѣтъ работали въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ и по французскимъ актамъ, а теперь приняли обрядъ, введенный въ соединенныхъ ложахъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Бёберъ въ своей запискѣ — въ 1812 году во всей Россіи, за исключеніемъ работавшихъ въ тиши мартинистовъ, которые впрочемъ въ трехъ первыхъ степеняхъ также имѣли наши акты, существовала только одна отрасль каменьщичества... До конца 1813 г., всѣ ложи, зависѣвшія отъ Директоріальной (т.-е. Елизаветы, Александра, Les amis réunis, Петра и Палестины) были не только въ полномъ соединеніи, но имѣли одну общую кассу и работали въ одномъ и томъ же помѣщеніи».

Въ томъ же 1813 г. къ Директоріальной ложѣ приступили и возобновленныя передъ тѣмъ старыя ложи: «Изиды» въ Ревелѣ, и «Нептуна къ Надеждѣ» въ Кронштадтѣ.

---

[1]) Циркуляръ, разосланный (въ 1815 г.) отъ второй Великой Ложи «Астреи» къ другимъ масонскимъ союзамъ, послѣ ея открытія. Мы беремъ его изъ Handb. III, 615—616. См. еще тамъ же, стр. 112—113.

Но согласіе въ масонскомъ союзѣ сохранилось недолго. Въ Директоріальной ложѣ началось разногласіе, причиной котораго были новыя масонскія вліянія, приходившія изъ Германіи. Первое раздѣленіе произошло, кажется, въ началѣ 1814 года. Нѣкто Эллизенъ, также одинъ изъ старыхъ извѣстныхъ масоновъ [1]), мастеръ стула въ ложѣ «Петра къ истинѣ», нанялъ для своей ложи отдѣльное помѣщеніе, отдѣлился отъ общей кассы и сдѣлалъ другія распоряженія, которыя были противны принятымъ законамъ Директоріальной ложи.

Причиной отдѣленія было различіе во взглядахъ на масонскую іерархію и вѣроятно также нѣкоторое различіе въ общихъ понятіяхъ о масонствѣ. Въ Директоріальной ложѣ собрались старые и новые элементы; ея система была система съ «высшими степенями», многіе изъ ея членовъ имѣли высшія степени и конечно придавали особенную важность этимъ «градусамъ», пріобрѣтеннымъ нѣкогда съ большимъ трудомъ и издержками; но въ ней были и представители такъ-называемыхъ «іоанновскихъ ложъ», т.-е. такихъ, гдѣ существовали только три первоначальныя масонскія степени. Между тѣмъ, въ русское масонство проникло и новое направленіе, развившееся въ Германіи и окончательно отвергавшее высшія степени, которыхъ нелѣпость и ненужность уже давно разнымъ образомъ обнаруживалась. Такова была новая система Шрёдера, къ которой и обратился Эллизенъ.

Фридр. Лудв. Шрёдеръ (1744 — 1816) имѣетъ очень извѣстное имя и въ исторіи масонства, и въ исторіи нѣмецкаго драматическаго искусства, — въ послѣдней какъ замѣчательный актеръ, содержатель гамбургскаго театра и драматическій писатель, между прочимъ, знакомившій нѣмцевъ съ Шекспиромъ. Шрёдеръ былъ вообще человѣкъ, обязанный своимъ развитіемъ всего больше самому себѣ, но въ его литературномъ и масонскомъ характерѣ не мало также отразились его связи съ Лессингомъ и его другомъ Боде. Намъ случалось прежде упоминать объ отношеніяхъ Лессинга и Боде къ масонству: оба они вступали въ ложи и старались придать масонству тотъ смыслъ космополитической человѣчности, къ какому приводило тогдашнее революціонное движеніе европейской мысли. Подъ этими вліяніями началъ и Шрёдеръ свою дѣятельность въ орденѣ. Тогда орденъ еще вполнѣ былъ въ рукахъ послѣдователей «Строгаго Наблюденія», розенкрейцеровъ и подобныхъ шарлатановъ, и Вейсгауптъ безуспѣшно старался преобразовать орденъ своимъ иллюминатствомъ. Шрёдеръ во-первыхъ возсталъ рѣшительнымъ обра-

[1]) См. о немъ Зап. Вигеля III, V, стр. 58.

зомъ противъ высшихъ степеней, потому что первоначальныхъ трехъ степеней, по его мнѣнію, было совершенно довольно для изложенія нравственныхъ масонскихъ ученій; во-вторыхъ, онъ старался опредѣлить достовѣрную,—т.-е. по крайней мѣрѣ не слишкомъ невѣроятную—исторію ордена. Сочиненія Шрёдера объ исторіи масонства занимаютъ непослѣднее мѣсто въ этомъ, такъ сказать, раціоналистическомъ объясненіи его происхожденія, какъ вообще его дѣятельность и литературная и масонская обнаруживаетъ въ немъ почтеннаго человѣка серьезныхъ нравственныхъ убѣжденій. Не вдаваясь въ подробности о томъ, какъ онъ практически осуществлялъ свои взгляды, довольно сказать, что его стремленія имѣли успѣхъ и его взгляды были приняты многими изъ лучшихъ людей и многими ложами, и его система, которую называютъ иногда «англійской» (такъ какъ она возвращалась къ этой первоначальной формѣ масонства), имѣла большое вліяніе въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ. Въ своихъ предпріятіяхъ онъ отчасти работалъ вмѣстѣ съ другимъ подобнымъ ревнителемъ масонской морали, Фесслеромъ, съ которымъ мы также встрѣтимся въ исторіи нашихъ ложъ, и который также хотѣлъ реформы ордена, похожей на Шрёдерову. Они имѣли сходныя понятія о высшихъ степеняхъ, считали ихъ чуждыми настоящему масонству, но, такъ какъ въ этихъ степеняхъ еще работали многія масонскія системы, и такъ какъ для «мастера» важно было вообще знать историческое развитіе ложъ и масонства, то Шрёдеръ и Фесслеръ согласились составить для братьевъ третей степени («мастеровъ») особое общество, отдѣлъ или пожалуй особую послѣдную степень, въ которой и должна была излагаться исторія союза и сущность высшихъ степеней. У Шрёдера это общество названо было: довѣренные братья (vertraute Brüder), или степень историческаго знанія (historische Kenntnissstufe) или тѣсный союзъ (Engbund). У Фесслера за степенью мастера слѣдовали «посвященія» въ шести отдѣлахъ или степеняхъ познанія (Erkenntnissstufen), съ нравственно-философскими разъясненіями [1]).

Съ этимъ Шрёдеромъ вступилъ въ сношенія Эллизенъ и, по словамъ Бёбера, «началъ декламировать противъ высшихъ степеней», къ которымъ самъ Бёберъ, очевидно, имѣлъ пристрастіе. Вслѣдствіе этихъ несогласій, Бёберъ сложилъ съ себя званіе гросмейстера Директоріальной ложи и продолжалъ управлять

---

[1]) По словамъ Бёбера въ концѣ 1814; по другимъ указаніямъ, въ концѣ 1813 г. См. Записку Бёбера и циркуляръ Вел. ложи «Астреи». Послѣдняя цифра кажется вѣрнѣе.

только до прибытія вновь избраннаго гросмейстера, графа Шувалова. Между тѣмъ несогласія такъ усилились, что онъ сложилъ съ себя и это временное управленіе [1]). Графъ Шуваловъ не принялъ однако должности, и потому выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

При этомъ новомъ веливомъ мастерѣ, въ Директоріальной ложѣ единогласно постановлена была полная терпимость ко всѣмъ масонскимъ системамъ, принятымъ и признаннымъ другими «великими востоками» и великими ложами [2]). Тогда Эллизенъ формально ввелъ въ своей ложѣ систему Шрёдера, и его примѣру послѣдовали ложи «Изиды» въ Ревелѣ и «Нептуна» въ Кронштадтѣ, получавшія прежде свои акты отъ Директоріальной ложи. Эта терпимость и переходъ нѣсколькихъ ложъ къ Шрёдеровой системѣ еще умножили столкновенія, которыя уже происходили между владѣтелями высшихъ степеней и представителями іоанновскихъ ложъ относительно управленія орденомъ. Въ Іоанновъ день 1815 года, когда приступлено было къ исполненію давно принятаго рѣшенія—замѣнить прежній уставъ, крайне недостаточный и утвержденный только на годъ, новымъ, то оказалась полная невозможность помирить притязанія владѣтелей высшихъ степеней съ притязаніями большинства представителей. Это подало поводъ къ закрытію Директоріальной ложи «Владиміра къ порядку», которое послѣдовало по общему желанію всѣхъ семи соединенныхъ прежде ложъ и съ согласія правительства такимъ образомъ, чтобы ея мѣсто заняли двѣ великія ложи, равныя въ правахъ и независимыя одна отъ другой [3]). Вслѣдъ затѣмъ четыре ложи: «Петра къ истинѣ» (гдѣ мастеромъ стула былъ Эллизенъ), «Палестины», «Изиды» и «Нептуна» основали, 30 августа 1815, великую ложу «Астреи».

Такимъ образомъ, основаніе «Астреи», происшедшее подъ вліяніемъ системы Шрёдера, обозначаетъ уже новое масонское направленіе въ средѣ нашихъ ложъ. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему распространенію «Астреи», упомянемъ о другихъ масонскихъ вліяніяхъ, и во-первыхъ о томъ, которое шло черезъ Фесслера.

Въ нашей литературѣ въ послѣднее время не разъ упоми-

---

[1]) Въ циркулярѣ это постановленіе означено мартомъ 1814 года.

[2]) О Шредерѣ см. Handb. I, 276 (Engbund); III, 200 и слѣд. Keller, Gesch. des eklektischen Freimaurerbundes (Giessen 1857), стр. 141, и его же Gesch. der Freim. in Deutschland, стр. 225 и слѣд.

[3]) По словамъ Бёбера, это предложеніе основать двѣ независимыя отрасли масонства, по невозможности сохранить прежніе законы при совершенно различномъ характерѣ ложъ, было сдѣлано имъ же.

налось имя Фесслера [1]), было разсказано о томъ, какъ онъ былъ вызванъ Сперанскимъ въ Россію, какъ вступилъ на профессуру еврейскаго языка, а потомъ философіи въ петербургской духовной академіи, какъ русскіе духовные ученые, именно архіепископъ Ѳеофилактъ, заподозрили его философію въ недозволительномъ вольнодумствѣ, какъ вслѣдствіе того Фесслеръ долженъ былъ выйти изъ академіи и, наконецъ, удалился въ Саратовъ, гдѣ онъ былъ потомъ лютеранскимъ супер-интендентомъ. Въ томъ, что у насъ говорилось о Фесслерѣ, обыкновенно отдается справедливость его учености, но бросается сильная тѣнь на его нравственныя правила; его обвиняли, между прочимъ, одни — въ іезуитствѣ, другіе — въ корыстолюбіи, третьи — въ вольнодумствѣ или просто въ безбожіи. Мы увидимъ, какой былъ главный источникъ этихъ обвиненій.

Игнатій-Аврелій Фесслеръ (1756 — 1839) родился въ Венгріи, въ небогатомъ нѣмецкомъ семействѣ; воспитанный набожной матерью, онъ съ-дѣтства отличался религіозной экзальтаціей, которая все больше возрастала съ лѣтами. Одаренный блестящими дарованіями, онъ еще въ школѣ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія, классическую и церковную начитанность, и подъ вліяніемъ своей религіозности, семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ капуцинскій монастырь. Здѣсь онъ ревностно продолжалъ свои ученыя занятія, читалъ отцовъ церкви и древнихъ, знакомился съ новѣйшей литературой и философіей, и путемъ этихъ изученій, вводившихъ его въ область серьезной мысли и разрушавшихъ его прежніе идеалы, онъ уже вскорѣ пришелъ къ сомнѣнію, борьба съ которымъ принесла ему много нравственнаго страданія. Эта-то борьба съ самимъ собой и эти сомнѣнія, въ которыхъ онъ сознавался, стоили ему потомъ обвиненій въ атеизмѣ — со стороны людей, которыхъ никогда не посѣщали никакія сомнѣнія. Фесслеръ остался религіознымъ человѣкомъ, но вѣру въ католицизмъ онъ потерялъ. Монахи стали подозрѣвать его и присматривать за нимъ; его положеніе было крайне трудное. Наконецъ, въ своемъ монастырѣ ему случилось открыть тѣ ужасы свирѣпаго инквизиціоннаго фанатизма, какіе до сихъ поръ открываются отъ времени до времени въ благочестивыхъ католическихъ обителяхъ. Пораженный тѣмъ, что видѣлъ, Фесслеръ тайно извѣстилъ объ этомъ самого императора Іосифа, который, къ счастію, ненавидѣлъ церковный фанатизмъ и въ это время занимался планами церковныхъ преобра-

[1]) Напр. въ «Жизни Сперанскаго», бар. Корфа, I, стр. 256—261; «въ Запискахъ о жизни Филарета», г. Сушкова, и друг.

зованій. Іосифъ назначилъ осмотръ монастырей. Капуцины подозрѣвали Фесслера. Вскорѣ затѣмъ онъ издалъ сочиненіе (Was ist der Kaiser?), подъ своимъ именемъ, въ защиту правъ императора въ церковныхъ дѣлахъ и въ защиту либеральныхъ реформъ Іосифа. Это окончательно навлекло ему страшную ненависть монаховъ, изъ которыхъ одинъ едва не зарѣзалъ Фесслера. Наконецъ, онъ отправился во Львовъ, профессоромъ восточныхъ языковъ и ветхозавѣтной герменевтики; сочиненія, написанныя имъ здѣсь по этой спеціальности, послужили потомъ его правомъ на каѳедру въ петербургской академіи. Но и во Львовѣ положеніе его было не лучше; онъ вышелъ изъ капуцинскаго ордена, но вражда монаховъ преслѣдовала его и здѣсь, такъ что Фесслеръ былъ наконецъ вынужденъ бѣжать изъ Австріи. Онъ поселился въ Пруссіи, окончательно оставилъ католицизмъ и принялъ лютеранство, былъ нѣсколько времени воспитателемъ въ одномъ знатномъ домѣ, занялся литературной дѣятельностью, въ которой долженъ былъ искать и средствъ существованія, и вообще находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Его умственная работа шла своимъ чередомъ: онъ усердно изучалъ новую философію, особенно Канта, чтобы разрѣшить свои вопросы о Богѣ и человѣкѣ; въ общественной жизни онъ дѣйствовалъ своими сочиненіями, мистическо-нравственнаго направленія, и своей дѣятельностью въ масонствѣ. Онъ вступилъ въ масонскую ложу еще во Львовѣ, въ 1783 г., гдѣ онъ прошелъ степени шведской системы; познакомившись съ исторіей ложъ, онъ тотчасъ увидѣлъ всю пустоту «высшихъ степеней», и сталъ въ масонствѣ реформаторомъ въ томъ же смыслѣ, какъ упомянутый нами Шрёдеръ. Главная его дѣятельность въ этой области принадлежитъ девяностымъ годамъ и первымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Это было время сильнаго броженія умственнаго и общественнаго, которое отразилось и на масонствѣ. Уже Лессингъ ставилъ ему высокія нравственно-философскія задачи; теперь такія же задачи ставили ему Фихте и Фесслеръ; другіе хотѣли внести въ него и прямую общественную цѣль пропаганды гражданской свободы. Фесслеръ одно время принадлежалъ къ подобному союзу «Эвергетовъ», но отказался отъ него, когда для него выяснился характеръ этого союза,—самъ онъ видѣлъ въ масонствѣ средство только для нравственнаго воспитанія, на которомъ гражданское должно основаться. Союзъ «Эвергетовъ» подвергся вскорѣ преслѣдованію властей, и Фесслера оставили въ покоѣ только потому, что за него вступился король, который прочиталъ его «Марка-Аврелія», нрав-

ственно-политическій романъ, гдѣ Фесслеръ является искреннимъ монархистомъ.

Ученость и литературная дѣятельность [1]) Фесслера уже доставили ему большую извѣстность въ это время, и его реформаторскіе планы производили впечатлѣніе въ масонскомъ мірѣ. Въ 1801 вышло уже цѣлое собраніе его сочиненій, относящихся собственно къ масонству. Его преобразованіе, какъ мы упоминали, по мысли своей было сходно съ «Тѣснымъ Союзомъ» Шрёдера. Фесслеръ отбросилъ высшія степени, но для братьевъ третьей степени онъ сдѣлалъ изъ нихъ предметъ историческаго изученія, гдѣ послѣдовательно излагались разныя масонскія системы, раскрывались тайныя причины масонскихъ дѣленій и раздоровъ, и такимъ образомъ объяснялось происхожденіе и историческое развитіе ордена, и его настоящая цѣль, и дѣйствительная сущность. Нѣтъ сомнѣнія, что если только масонство должно было существовать, эта его форма была остроумно придумана, чтобы дать ему цѣльность, историческій смыслъ и практическое дѣйствіе среди множества разнородныхъ системъ и стремленій. Это были такъ-называемыя «степени познанія» (Erkenntnissstufen) или «Фесслерова система» [2]).

Въ Петербургѣ Фесслеръ, какъ профессоръ, имѣлъ положительный успѣхъ между воспитанниками академіи, на которыхъ онъ произвелъ впечатлѣніе новостью и богатствомъ свѣдѣній, строго систематическимъ изложеніемъ и компетентнымъ знаніемъ тогдашняго состоянія философской науки — все это было большой рѣдкостью. Но тѣмъ же самымъ онъ произвелъ другое дѣйствіе на академическихъ наставниковъ и начальниковъ. Фесслеръ, вѣроятно, затмѣвалъ отчасти ихъ собственную ученость, говорилъ вещи необычныя, и при нашихъ нравахъ и необильномъ просвѣщеніи не мудрено было въ самыхъ простыхъ вещахъ найти опасное и еретическое вольнодумство или революціонныя мысли,—потому что до сихъ поръ, если къ намъ доходятъ иногда отрывки *дѣйствительной* европейской науки, то не только большинство, но иногда сами цеховые и оффиціальные представители

---

[1]) Кромѣ его трудовъ по восточнымъ языкамъ, онъ былъ извѣстенъ и чисто литературными произведеніями, а впослѣдствіи также своей большой «Исторіей Венгріи».

[2]) О Фесслерѣ см. Handb. I, 329—339, и названныя выше книги Келлера; далѣе его собственныя любопытныя воспоминанія—«Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft» (Leipz. 1851). Его «Степени познанія», между прочимъ, изложены въ антимасонской книгѣ «Hephata», oder Denkwürdigkeiten und Bekenntnisse eines Freimaurers». Leipz. 1836, стр. 223; передъ тѣмъ, стр. 195 и слѣд., изложена масонская дѣятельность Фесслера.

науки еще пугаются ихъ, какъ вольнодумства, и спѣшатъ охранить отъ него спокойствіе своего болота. Въ академіи были, правда, и послѣ такіе же иностранные и иновѣрные профессора, какъ Фесслеръ, но они были слишкомъ ничтожны, чтобы противъ нихъ кому-нибудь нужно было возставать; Фесслеръ былъ человѣкъ, который могъ дѣйствительно имѣть вліяніе на умы, и этого конечно боялись. Архіепископъ Ѳеофилактъ, считавшійся въ свое время ученымъ человѣкомъ, успѣлъ такъ заподозрить Фесслера, что этотъ послѣдній въ томъ же году долженъ былъ выйти изъ академіи. Что касается религіозныхъ мнѣній Фесслера, которыя были тогда заподозрѣны, то дѣйствительно, въ теченіе своей жизни онъ прошелъ періоды религіозной экзальтаціи, вѣрующаго католичества, сильнаго скептицизма и пришелъ наконецъ къ протестантскому религіозному идеализму, на которомъ и остановился: — очень обыкновенный путь людей, дѣйствительно мыслящихъ, которые задавали себѣ вопросъ о религіи и не хотѣли жертвовать мыслью одной слѣпой вѣрѣ. Фесслеръ былъ только искреннѣе людей, которые предпочитаютъ прикрывать сомнѣніе лицемѣріемъ, и конечно выше тѣхъ, кто въ свое вѣрованіе не вноситъ никакой мысли. Присоединившись къ лютеранской церкви и вступая въ число ея служителей, Фесслеръ написалъ свое протестантско-идеалистическое исповѣданіе, и оно было признано лютеранскими властями въ Россіи. Какъ предсѣдатель лютеранской консисторіи нѣмецкихъ колоній Волжскаго края, и потомъ супер-интендентъ, Фесслеръ дѣятельно трудился въ своемъ округѣ и пользовался уваженіемъ не у однихъ лютеранъ [1]). Ѳеофилактъ и другіе противники Фесслера предпочитали говорить о Фесслерѣ такъ, какъ говорили австрійскіе капуцины [2]).

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Фесслеръ, повидимому, работалъ и для распространенія своихъ масонскихъ взглядовъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ пріобрѣлъ много знакомствъ въ нѣмецкомъ и русскомъ обществѣ, и въ кругу его знакомыхъ и друзей было не мало людей, игравшихъ роль въ тогдашнемъ движеніи библейскомъ, масонскомъ и либеральномъ. Фесслеръ называетъ, въ этомъ кружкѣ, своихъ земляковъ и бывшихъ львовскихъ слушателей проф. Лоди (черезъ котораго Сперанскій и приглашалъ его въ Россію), Балугьянскаго, Орлая,

[1]) Объ его дѣятельности въ Саратовѣ см. «Rückblicke». Вліяніе мистической стороны его характера не было, конечно, всегда полезно;—таково было напр. его вліяніе въ воспитаніи поэта сороковыхъ годовъ, Н. Губера.

[2]) См. напр. отзывъ о Фесслерѣ у Струдзы, Oeuvres posth., religieuses, historiques etc. Paris 1858, стр. 73,

Кукольника, далѣе — Эллизена, Бека, Гауэншильда, Штоффрегена, Пезаровіуса, пастора Фольборта, книгопродавца Вейгера, Александра Тургенева, Уварова,—Павскаго, Ирод. Вѣтринскаго и пр.; о другихъ онъ замѣчаетъ, что «скромность велитъ ему умолчать ихъ имена» [1]). Очень вѣроятно, что вліяніе Фесслера способствовало распространенію тѣхъ новыхъ масонскихъ понятій, вслѣдствіе которыхъ въ нашихъ ложахъ стала приниматься система Шрёдера.

Старые масоны, владѣльцы «высшихъ степеней», не могли смотрѣть благосклонно на Фесслера, отвергавшаго эти высшія степени и вносившаго въ масонство свою либеральную религіозность и мораль. Повидимому, они встрѣтили его также враждебно, какъ архіепископъ Ѳеофилактъ. Бёберъ, кажется, гордившійся тѣмъ, что до 1814 г. русскія ложи подъ его гросмейстерствомъ принадлежали къ одной системѣ (шведской, обильной высшими степенями), въ своей запискѣ всячески старается замарать Фесслера. Когда въ ложахъ было это единогласіе, Фесслеръ, по словамъ его—«хотѣлъ сдѣлать диверсію, а въ самомъ дѣлѣ привлекъ къ себѣ нѣсколькихъ уважаемыхъ братьевъ, которымъ *за чистыя деньги* продавалъ свою мудрость. Но такъ какъ я сильно противодѣйствовалъ его попыткамъ, а затѣмъ его отставка отъ мѣста, на которое онъ былъ первоначально призванъ (въ духовной академіи), поселила не совсѣмъ благопріятное предубѣжденіе противъ него, то ученики мало-по-малу покинули его, и онъ вскорѣ потомъ удалился изъ Петербурга... Духовенство Невскаго монастыря обвиняло его, что онъ хотѣлъ распространять между своими учениками въ семинаріи социніанскія ученія, и кто читалъ 3-ю часть его рукописи подъ заглавіемъ: критическая исторія масонства отъ древнѣйшихъ и до нашихъ временъ,—тотъ не будетъ спорить, что его справедливо можно было упрекать въ лжеученіи»... [2])

Фесслеръ не думалъ однако основывать своей особой системы. Какъ Шрёдеръ, онъ просто довольствовался тремя первыми іоанновскими степенями старой англійской системы, и не искалъ никакой исключительности: его «посвященія» или «степени познанія» могли быть доступны для всякаго, кто прошелъ первыя ступени мастерства. Отъѣздъ изъ Петербурга помѣшалъ, конечно, распространенію «посвященій», и впослѣдствіи, въ числѣ ложъ, принадлежавшихъ къ «Астреѣ», мы находимъ только одну ложу

---

[1]) Rückblicke, стр. 222, 223, 227. Въ послѣдней фразѣ онъ разумѣлъ, конечно, Сперанскаго.

[2]) Handb. III, 614.

такъ-называемой Фесслеровой системы, занесенную какимъ-то образомъ въ Бѣлостокъ... Но Фесслеръ, повидимому, производилъ въ петербургскомъ обществѣ извѣстное вліяніе, и въ двадцатыхъ годахъ, когда Фотій, въ союзѣ съ Аракчеевымъ, Магницкимъ и Шишковымъ, разыскивалъ виновниковъ «бѣсовскаго» вольнодумства, онъ не забылъ въ своихъ проклятіяхъ иллюмината Фесслера, «разстригу католицкаго исповѣданія»...

Мы не знаемъ, кого собственно посвящалъ Фесслеръ въ Петербургѣ въ свое ученіе. Одно посвященіе, которое извѣстно, очень любопытное какъ черта времени, — было посвященіе Сперанскаго. Біографъ Сперанскаго, упоминая о томъ, какъ пытливость Сперанскаго старалась узнать и тайны иллюминатства, въ которыхъ Фесслеръ былъ его просвѣтителемъ, замѣчаетъ: «позволено даже думать, что это собственно и было главною, хотя, разумѣется, сокровенною цѣлью вызова знаменитаго мистика въ Россію». Когда впослѣдствіи, въ 1822 г., издано было распоряженіе о закрытіи въ Россіи масонскихъ ложъ, Сперанскій въ своей подпискѣ, говоря о прошедшемъ времени, упоминаетъ, что въ 1810 году, по случаю разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ въ особо учрежденномъ отъ правительства комитетѣ, котораго Сперанскій былъ членомъ, онъ принятъ былъ, «съ вѣдома правительства», въ масонскіе обряды подъ предсѣдательствомъ «извѣстнаго доктора Фесслера», въ частной домашней ложѣ, не имѣвшей собственно ни имени, ни состава, ни учрежденія, свойственнаго ложамъ: эту ложу онъ посѣтилъ два раза. Біографъ Сперанскаго, по поводу словъ «съ вѣдома правительства», дѣлаетъ предположеніе: не подтверждаютъ ли онѣ сохранившагося до сихъ поръ темнаго преданія о томъ, что Сперанскій вступилъ въ ложу собственно по приказанію императора Александра, который будто бы самъ хотѣлъ посвятить себя въ тайны масонства?

Къ этимъ обстоятельствамъ относятся, конечно, и слова Сперанскаго въ концѣ пермскаго письма (приведеннаго нами въ главѣ о Сперанскомъ), гдѣ онъ, по поводу обвиненій его въ связяхъ съ мартинистами, иллюминатами и проч., напоминаетъ Александру ихъ бесѣды «о предметахъ сего рода» и особенно «о мистической ихъ части». Эти бесѣды вызваны были, какъ видно, самимъ Александромъ. Сперанскій находилъ въ нихъ удовольствіе, но замѣчаетъ, что истины, которыя онъ тогда излагалъ, онъ почерпалъ «не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій» [1]), а

[1]) Такъ стоитъ въ однихъ копіяхъ пермскаго письма; въ другихъ—«не изъ сектъ и партій». Первое чтеніе, нами принятое, можетъ именно относиться къ масонскимъ актамъ и хартіямъ.

изъ собственной души: «что другое въ сихъ истинахъ вы слышали отъ меня, — спрашиваетъ Сперанскій, — кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго?»

О такихъ именно предметахъ онъ долженъ былъ услышать и въ «посвященіяхъ» иллюмината Фесслера, которыя, поэтому могли интересовать его самого и кромѣ порученій императора Александра, — и если онъ потомъ ссылался на правительство, эта оговорка въ 1822 г. могла требоваться благоразумной осторожностью. Нравственная философія самого Сперанскаго издавна отличалась такимъ характеромъ, что ему могъ быть близокъ масонскій идеализмъ не только такого человѣка, какъ Фесслеръ, но даже и такого, какъ Лопухинъ. Напечатанная недавно переписка [1]) показываетъ, что Сперанскій еще задолго до этого, въ 1804 г., былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Лопухинымъ, который ревностно знакомилъ его съ мистическими и розенкрейцерскими писаніями и авторитетами своей школы; съ другой стороны письма къ Цейеру представляютъ чрезвычайно любопытное выраженіе его собственныхъ понятій объ этихъ предметахъ. Его собственная система есть созерцательно-мистическій квіетизмъ [2]). Въ письмѣ изъ Перми къ Цейеру, онъ такъ говоритъ о своемъ внутреннемъ состояніи, которое было предметомъ ихъ прежнихъ мистическихъ бесѣдъ и взаимныхъ наблюденій. «До времени нашей разлуки, состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и умственной молитвы. Вся наша духовность собственно сводилась къ теософіи. Къ ней же относятся творенія Бёма, Сенъ-Мартена, Сведенборга и т. п. *Это лишь азбука.* Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе царствія божія». Письма состоятъ въ разсужденіяхъ о внутренней церкви, въ наставленіяхъ о томъ, какъ достигнуть состоянія благодати, даже въ практическихъ совѣтахъ о томъ, какими средствами можно придти къ мистическому созерцанію, и рекомендуетъ (въ письмѣ 1817 г.) пріемы древнихъ

---

[1]) Письма Лопухина къ Сперанскому, Р. Арх. 1870, стр. 609 и слѣд.; письма Сперанскаго къ Цейеру, тамъ же, стр. 174 и слѣд.

[2]) Какъ справедливо замѣчаетъ издатель этихъ писемъ. Но намъ кажется, что по самымъ письмамъ довольно мудрено указывать границу, отдѣляющую настроеніе Сперанскаго отъ «господствующаго настроенія тогдашнихъ мистиковъ», какъ это указываетъ издатель. Сперанскій, какъ человѣкъ очень умный, сдерживался во внѣшнихъ выраженіяхъ своего воззрѣнія, но его теорія такъ мистически туманна и неопредѣленна, что иногда онъ самъ говоритъ языкомъ Лопухина, Лабзина, Невзорова и т. д.

аскетовъ—напр. уединиться въ самый удаленный уголъ комнаты; принять положеніе наиболѣе удобное — сѣсть, скрестить руки подъ грудью, и устремить взоры на какую-нибудь часть своего тѣла, а именно на пупокъ; повторять «Господи помилуй»; оставаться въ этомъ положеніи пока оно длится и т. д. Въ этомъ состояніи аскеты видѣли такъ-называемый ѳаворскій свѣтъ и т. д. Онъ не хочетъ говорить о «собственномъ жалкомъ опытѣ» рядомъ съ этими великими примѣрами духовнаго созерцанія; но былъ и «собственный опытъ»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Сперанскій (въ письмѣ 1818 г.) возстаетъ противъ «заблужденій ложнаго мистицизма», которыя происходятъ, по его словамъ, отъ ревности къ вѣрѣ, не очищенной отъ самолюбія, и осуждаетъ крайности Лабзина....

О посвященіи Сперанскаго Фесслеромъ сохранился разсказъ одного изъ свидѣтелей, ольденбургскаго каммергера Ренненкампфа. Ренненкампфъ, извѣстный Фесслеру еще съ Берлина и уже прежде принятый въ первыя степени, получилъ теперь, въ 1810 г., отъ Фесслера степень мастера (вѣроятно, чтобы имѣть право участвовать въ «посвященіи», назначавшемся только для мастеровъ) и вмѣстѣ порученіе — перевесть на французскій языкъ ритуалы для принятія Сперанскаго, не знавшаго тогда по-нѣмецки. Отъ этого принятія ожидали многаго для успѣховъ масонства въ Россіи. При посвященіи присутствовали, кромѣ Фесслера и Ренненкампфа, еще Розенкампфъ, Дерябинъ, профессоръ Гауэншильдъ, проф. Лоди, еще одинъ масонъ и братъ-служитель».... [1]).

Какой былъ особый комитетъ, учрежденный отъ правительства «для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ» и гдѣ Сперанскій былъ членомъ, — мы не знаемъ.

Мистицизмъ Сперанскаго, такъ странно соединявшійся съ большой положительностью другихъ его мнѣній, есть характери-

---

1) Handb. III, стр. 59. Розенкампфъ есть, конечно, извѣстный баронъ, изъ коммиссіи законовъ, масонъ и мистикъ; Дерябинъ—также извѣстный въ свое время масонъ (см. Лонгинова, Новиковъ и пр., стр. 294, прим.) О Гауэншильдѣ см. Истор. очеркъ царскосел. лицея (1811—1861), Селезнева, Спб. 1861, стр. 102 и слѣд. Въ біографіи Штейна, находятся записанные съ его словъ разсказы о Сперанскомъ, объ его наклонности къ мечтательному мистицизму, о томъ, какъ онъ вѣрилъ въ перерожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, какъ для этого вступилъ въ связи съ Фесслеромъ и Розенкампфомъ, домъ котораго сталъ центромъ ложъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ и т. п. (Pertz, III, стр. 57 и слѣд.). Этотъ разсказъ повторенъ цѣликомъ у Шницлера (Rostoptchine et Koutouzof, 2-e édit. Paris 1863, стр. 88—90). Онъ полонъ преувеличеній и совершенныхъ небылицъ, но тѣмъ не менѣе любопытенъ, потому что это—отголосокъ толковъ, какіе Штейнъ слышалъ тогда въ петербургскомъ обществѣ.

стическая черта времени. Если такой умъ увлекался мистическимъ теченіемъ до такой степени, то понятно, что имъ еще легче могла увлекаться масса общества. Какъ у Сперанскаго изученіе Бёма, Сенъ-Мартена и Сведенборга совпадало съ наибольшимъ развитіемъ его либерализма, такъ и у многихъ другихъ людей тогдашняго либеральнаго круга, напр., у членовъ нашихъ тайныхъ обществъ политическое свободомысліе соединялось съ религіозностью, которая показалась бы удивительной, напр., въ наше время, или съ мистицизмомъ масонскихъ ложъ. Такъ это было въ то время и въ тайныхъ обществахъ западныхъ, гдѣ радикальныя политическія увлеченія иногда прямо основывались на экзальтаціи идеальнымъ христіанствомъ. Немудрено, поэтому, что въ нѣкоторыхъ нашихъ масонскихъ ложахъ, какъ увидимъ, могли уживаться свободомысліе политическое и мистицизмъ.

Возвращаемся къ ложамъ. Въ числѣ ложъ, соединившихся подъ управленіемъ Директоріальной ложи «Владиміра», были между прочимъ такія, которыя «работали» по французскимъ актамъ. Откуда взялись эти акты, мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ вообще о связяхъ нашихъ ложъ съ французскими. Эти связи отчасти сохранились, вѣроятно, отъ прежнихъ временъ, когда уже бывали сношенія съ «великимъ востокомъ» Франціи, отчасти были завязаны вновь, какъ можно судить по нѣкоторымъ обстоятельствамъ [1]).

Слѣдствіемъ раздоровъ, внесенныхъ Шрёдеровой системой, было, какъ мы видѣли, основаніе другой великой ложи — «Астреи». Она уже вскорѣ стала преобладать. Конституція, или Уложеніе этой ложи, одобренное правительствомъ, утверждалось на слѣдующихъ главныхъ правилахъ: терпимость ко всѣмъ признаннымъ масонскимъ системамъ; совершенное равенство представителей отдѣльныхъ ложъ въ великой ложѣ; занятіе масонскихъ должностей ежегодными правильными выборами, и невмѣ-

---

[1]) Такъ, въ одномъ французскомъ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ (La Lyre Maçonnique. Paris 1809 намъ встрѣтилось стихотвореніе, написанное послѣ Тильзитскаго мира, съ обращеніями къ Нѣману, — какъ будто французскіе масоны обращались къ русскимъ. Въ масонской библіотекѣ и бумагахъ гр. Віельгорскаго, ревностнаго масона тѣхъ временъ, собрано множество книгъ и брошюръ, относящихся къ французскимъ ложамъ, много мелкихъ бумагъ, записокъ, приглашеній въ собранія парижскихъ ложъ, которыя указываютъ на масонскія связи ихъ владѣльца съ парижскими ложами около 1810 года. Въ перепискѣ съ Дмитріевымъ Карамзинъ упоминаетъ о какомъ-то французскомъ шевалье де-Месансъ, судя по его отзывамъ, не то шпіонѣ, не то авантюристѣ, который между прочимъ въ Москвѣ «вербовалъ масоновъ, ссылаясь на петербургскую моду». (Письмо къ Дмитріеву, отъ 19 февр. 1811).

шательство великой ложи въ вопросъ о высшихъ степеняхъ, такъ какъ она принимала только три первыя іоанновскія степени.

Гросмейстеромъ или Великимъ мастеромъ Великой Ложи «Астреи» по единогласному избранію назначенъ былъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. Тогда же напечатана была для «братьевъ» конституція Астреи, принятая и утвержденная на шесть лѣтъ (1815 — 1821) представителями упомянутыхъ четырехъ ложъ, 20-го дня VI мѣсяца 5815 г., или 20 августа 1815 [1]).

Съ тѣхъ поръ союзъ Астреи постоянно распространялся. Въ сентябрѣ того же 1815 года эта великая ложа основала въ Петербургѣ новую ложу, работавшую на русскомъ языкѣ, подъ именемъ «Избраннаго Михаила»; въ октябрѣ она «имѣла радость видѣть», что къ ея союзу приступила старѣйшая и самая многочисленная изъ всѣхъ ложъ въ Петербургѣ «Александра къ Коронованному Пеликану», которою до тѣхъ поръ управлялъ Бёберъ, въ качествѣ мастера стула [2]).

Въ слѣдующіе годы къ Астреѣ присоединяются еще другія ложи, или вновь открывавшіяся или старыя. Черезъ два года по основаніи Великой ложи, въ 1817 г., мы находимъ въ союзѣ Астреи уже двѣнадцать ложъ, именно кромѣ шести, названныхъ выше, еще слѣдующія: Іордана — въ Ѳеодосіи; Les amis réunis (Соединенныхъ Друзей) и Пламенѣющей Звѣзды — въ Петербургѣ; военная ложа Георгія Побѣдоносца — въ Мобежѣ, при главной квартирѣ русскаго оккупаціоннаго корпуса, стоявшаго во Франціи; Les Ténèbres dispersées (Разсѣяннаго Мрака)—въ Житомирѣ; и Zu den drei Streithammern (Трехъ Сѣкиръ)—въ Ревелѣ [3]).

Еще черезъ годъ, къ 24 марта 1818, въ союзѣ Астреи было уже восемнадцать ложъ, именно прибавились ложи: Александръ тройственнаго Спасенія — въ Москвѣ; Трехъ коронованныхъ Мечей—въ Митавѣ; Ключа къ Добродѣтели—въ Симбирскѣ;

---

[1]) «Уложеніе Великой масонской ложи Астреи на В. (Востокѣ) С.-Петербурга. Часть первая. 5815», и «Законы великой масонской ложи Астреи на востокѣ Санктпетербурга или подъ конституціею великой ложи Астреи состоящаго масонскаго союза». Вторая часть. На Востокѣ Санктпетербурга 5815 года И. С.» (т. е. Истиннаго Свѣта), съ дополненіями. Въ нашемъ экземплярѣ послѣднія дополненія отъ 24 марта 1818. (345 стр.). Это Уложеніе, какъ и списки членовъ ложъ, печаталось кромѣ русскаго, также на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

[2]) Handb. III, 616.

[3]) Tableau général de la Grande Loge Astrée à l'or de St.-Pétersbourg et de douze Loges de sa dépendance, pour l'an maçonique $58^{17}/_{18}$. A l'Or de St.-Pétersbourg, $58^{24}/_{IV}$ 17 (т.-е. 24 іюня 1817).

Орла Россійскаго—въ Петербургѣ; Соединенныхъ Славянъ — въ Кіевѣ; Любви къ истинѣ—въ Полтавѣ [1]).

Въ спискѣ ложъ на 1818—1819 г. Астрея считала двадцать три ложи. Къ упомянутымъ выше присоединились ложи: Сѣверныхъ Друзей (Les amis du Nord) и Бѣлаго Орла — въ Петербургѣ; Золотаго Кольца—въ Бѣлостокѣ; Пчелы — въ Ямбургѣ, и Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ [2]). Въ концѣ 1818 года (26-го дек.) основалась еще ложа Озириса въ Каменцѣ Подольскомъ.

Въ спискѣ ложъ на 1820—1821 г. перечислены тѣже двадцать четыре ложи, но нѣкоторыя изъ нихъ уже прекратили свои работы. Такъ ревельская ложа Изиды по постановленію Великой Ложи пріостановила свои работы (a suspendu les travaux); мобёжская военная ложа Георгія Побѣдоносца покрылась (a couvert) на неопредѣленное время — конечно вслѣдствіе выступленія русскаго корпуса изъ Франціи; кромѣ того покрыли свои работы на неопредѣленное время полтавская ложа Любви къ истинѣ и петербургская Сѣверныхъ Друзей [3]).

За послѣднее время существованія ложъ, мы къ сожалѣнію не имѣемъ объ Астреѣ другихъ свѣдѣній.

Еще скуднѣе извѣстныя до сихъ поръ данныя о другомъ союзѣ старой Директоріальной, или такъ-называемой Провинціальной ложи. По свѣдѣніямъ 1815 года къ этому союзу принадлежали ложи: Елизаветы къ добродѣтели, Les amis réunis, Пламенѣющей Звѣзды и Трехъ добродѣтелей—въ Петербургѣ и ложа Zu den drei gekrönten Schwertern — въ Митавѣ; кромѣ того, въ этомъ союзѣ находились двѣ, такъ-называемыя, шотландскія ложи: Сфинкса и св. Георгія. Въ чиноначаліи высшихъ степеней этого союза главныя мѣста занимали Жеребцовъ—великій префектъ въ капитулѣ Феникса, и Бёберъ—президентъ высшаго орденскаго совѣта [4]).

Въ концѣ 1817 года къ союзу Провинціальной Ложи при-

---

[1]) Дополненія къ «Уложенію» Астреи.

[2]) Tableau général de la grande Loge Astrée à l'O. de St. Pétersbourg et des 23 loges de sa dépendance. Pour l'an maçonnique $58^{18}/_{19}$.

[3]) Tableau général de la grande Loge etc. et des Loges de sa dépendance. Pour l'an maçonnique $58^{10}/_{21}$.

[4]) Въ запискѣ Бёбера. Handb. III, 615. Ложа «Трехъ вѣнчанныхъ (коронованныхъ) Мечей», состоявшая въ союзѣ Провинціальной ложи и названная у Бёбера митавскою,—упоминается у Вителя какъ петербургская (Зап. Виг. III, V, 57). Впослѣдствіи ложу этого имени митавскую, о которой говоритъ Бёберъ, мы находимъ въ союзѣ Астреи (см. «Уложеніе», стр. 345). Наконецъ, еще въ другомъ мѣстѣ она называется ложею «Трехъ Мечей» просто (Handb. III, 113). Эти разнорѣчія несовсѣмъ ясны.

надлежали по оффиціальнымъ даннымъ слѣдующія шесть ложъ: Елисаветы къ Добродѣтели, Трехъ Добродѣтелей, Трехъ Свѣтилъ, Дубовой Долины къ Вѣрности и Сѣверныхъ Друзей — въ Петербургѣ, и Сѣверной Звѣзды — въ Вологдѣ [1]).

Существованіе этого союза было, повидимому, довольно безпорядочно. Союзъ былъ немногочисленъ, и нѣсколько разъ ложи этого союза переходили къ Астреѣ. Такъ, уже въ первый годъ существованія Астреи, перешла къ ней ложа «Александра къ коронованному Пеликану», въ которой управляющимъ мастеромъ былъ передъ тѣмъ самъ Бёберъ; далѣе ложи Les amis réunis и Пламенѣющей Звѣзды, потомъ митавская ложа Трехъ вѣнчанныхъ Мечей, ложа Сѣверныхъ Друзей.

Гросмейстеромъ Провинціальной ложи послѣ Бёбера съ 1815 года былъ Александръ Александр. Жеребцовъ (генералъ-майоръ), а потомъ, кажется съ 1817 года, графъ Михаилъ Віельгорскій—имя, очень извѣстное и въ послѣдующее царствованіе. Вторымъ мастеромъ, при Віельгорскомъ, былъ Сергѣй Степ. Ланской [2]).

Въ 1819 году, въ союзѣ Провинціальной ложи считалось только шесть ложъ, именно: Елизаветы, Трехъ добродѣтелей, Дубовой долины — въ Петербургѣ, Понта Евксинскаго — въ Одессѣ, Сѣверной Звѣзды — въ Вологдѣ, и Искателей манны (Chercheurs de la manne)—въ Москвѣ [3]).

Приведенный списокъ ложъ, существовавшихъ въ то время, безъ сомнѣнія, не полонъ; но мы не имѣемъ пока свѣдѣній о другихъ ложахъ. Такъ напр. здѣсь не названы ложи масоновъ московской школы, о которыхъ говорится однако, что они «въ тиши» работали, и т. п.

Въ 1817-мъ году, 12 декабря, двѣ великія ложи, Астрея и Провинціальная въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ офиціаловъ и членовъ, заключили между собою «актъ взаимныхъ отношеній двухъ великихъ ложъ на Востокѣ С.-Петербурга» [4]). По этому акту они положили: не при-

---

[1]) См. «Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ» и пр. (1817).

[2]) Ср. Зап. Вигеля, тамъ же, и разсказъ А. П. Степанова, въ Р. Старинѣ, 1870 т. I, стр. 150, 155.

[3]) По другому счету (въ статьѣ Полика о русскихъ ложахъ, въ Bauhütte, 1862, № 20 и слѣд.,—этого журнала мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ), къ Провинціальной ложѣ принадлежало 11 ложъ, а къ Астреѣ 23. См. Handb. III, 114 прим. Вигель (Зап. III, V, стр. 57) называетъ, неизвѣстно за какое время, пять ложъ: Елизаветы, Сѣверныхъ Друзей, Дубовой Долины, Трехъ вѣнчанныхъ Мечей и Александра къ вѣнчанному Пеликану. Ложу Трехъ Добродѣтелей онъ считаетъ въ Астреѣ. Его показанія, кажется, значительно спутаны.

[4]) Изданъ былъ подъ этимъ заглавіемъ, 4°, 18 стран. Было сдѣлано также изда-

знавать въ Россіи никакой ложи законною, которая не будетъ признана правительствомъ, или которая, со времени существованія бывшей Директоріальной ложи Владиміра къ порядку, т. е. послѣ 1809 г., учредилась безъ ея или двухъ этихъ ложъ соизволенія, или которая будетъ учреждена отъ какой нибудь иностранной В. ложи. Положены были условія на случай, еслибы пожелала возобновить свои работы и заявила свои права какая нибудь изъ прежнихъ ложъ, существовавшихъ еще ранѣе Директоріальной ложи: ея требованія должно было рѣшать по взаимному соглашенію двухъ Великихъ ложъ. Далѣе обѣ ложи обязывались взаимно признавать іоанновскія ложи, основанныя которою либо изъ нихъ, такъ какъ обѣ имѣютъ право на основаніе такихъ ложъ; обязывались не признавать законною ту ложу, надъ которой ея Великая ложа будетъ производить судъ, или въ которой она остановитъ или же и вовсе прекратитъ работы. Впрочемъ ни у одной іоанновской ложи не отнималось право перейти изъ одного союза въ другой, — только при соблюденіи извѣстныхъ условій, напр., чтобы этотъ переходъ былъ постановленъ большинствомъ наличныхъ членовъ, чтобы она получила предварительно отъ своей В. ложи свидѣтельство, что не имѣетъ никакого денежнаго обязательства противъ союза, — безъ чего принявшая ее В. ложа сама удовлетворяетъ ея денежный долгъ. Далѣе ложи взаимно извѣщаютъ другъ друга объ исключеніи членовъ, объясняя и причины исключенія: извѣщаемая В. ложа можетъ, впрочемъ, по своему усмотрѣнію принимать или не принимать исключеннаго изъ другой ложи, — кромѣ однако тѣхъ братствъ, которыя, по своимъ преступленіямъ, подвергаются совершенному исключенію изъ ордена. Онѣ сообщаютъ другъ другу списки своихъ ложъ, чиновниковъ и членовъ. Далѣе, опредѣляются правила, по какимъ совершаются торжества ложъ, почести, какія оказываются при взаимныхъ посѣщеніяхъ двухъ В. ложъ, церемоніалъ при торжественныхъ столовыхъ ложахъ и порядокъ тостовъ. Наконецъ, правила на случай неудовольствія одной В. ложи на другую, или члена одного союза противъ члена другого.

Мы уже замѣчали, что ложи, собравшіяся подъ управленіемъ Астреи и Провинціальной ложи, происходили изъ нѣсколькихъ различныхъ системъ. Какъ исполнялись ложами эти системы, трудно еще сказать теперь съ точностью, за недостаткомъ ука-

---

ніе нѣмецкое и французское. «Актъ» подписанъ былъ, въ двухъ столбцахъ, членами В. ложи и представителями 8 ложъ Астреи, и членами В. ложи Провинціальной и представителями подчиненныхъ ей шести ложъ.

заній. Въ Провинціальной ложѣ, не принявшей нововведеній, сохранялись вѣроятно обычаи старыхъ системъ и высшія степени съ ихъ іерархіей. Въ Астреѣ терпимы были всѣ *признанныя* системы, и въ ней мы встрѣчаемъ также большое разнообразіе. Такъ въ спискѣ 1819 года, самое большее число ложъ, семь или восемь, слѣдовало системѣ Шрёдера или такъ-называемой *древне*-англійской [1]); далѣе было двѣ-три ложи англійской Елагинской системы; было очень много ложъ системы шведской,—это были ложи, отчасти перешедшія изъ Провинціальной, отчасти основанныя по этой системѣ вновь; было отъ четырехъ до шести ложъ, гдѣ принята была такъ-называемая исправленная шотландская система; было наконецъ по одной ложѣ—системы Grand Orient de France и системы Фесслера.

Союзъ Астреи оказывалъ терпимость къ этимъ различнымъ системамъ, но у себя не давалъ никакого значенія высшимъ степенямъ. Въ своемъ Уложеніи онъ рѣшительно высказался противъ явныхъ крайностей и извращеній масонства. Въ первыхъ положеніяхъ, принятыхъ соединившимися ложами, сказано, что: «Онѣ обязуются — не имѣть, въ предметѣ работъ, изысканія сверхъ-естественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ такъ-называемыхъ Иллюминатовъ и Мистиковъ, ниже Алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ, и наконецъ не стараться о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ орденовъ».

Но внѣ Астреи, старое рыцарство и розенкрейцерство, хотя въ измѣнившейся формѣ, вѣроятно еще не мало имѣли послѣдователей. Въ самой Астреѣ, въ числѣ почетныхъ членовъ разныхъ ея ложъ, были и ученики Новиковской школы, какъ напр. Лабзинъ.

Въ прошломъ столѣтіи масонство всего больше распространилось сначала въ Петербургѣ; потомъ при Новиковѣ, гнѣздомъ его стала Москва. Теперь Москва почти не дѣйствуетъ, и это довольно понятно. Въ Петербургѣ было гораздо больше условій для новаго движенія, больше возбужденій общественныхъ, и либеральныхъ и реакціонныхъ, больше сближеній съ западными вліяніями; Москва только что возрождалась изъ пепла, и старый кружокъ ордена разбился и разсѣялся. Изъ числа 30 ложъ обоихъ союзовъ, за послѣдніе года, въ Петербургѣ находилось всего больше ложъ, именно 12; только двѣ ложи считалось въ

---

[1]) Ее называли теперь древне-англійской, потому что Шрёдеръ принялъ старый англійскій ритуалъ съ тремя степенями, изъ книги «Iakin and Boaz», о которой намъ случалось прежде упоминать.

Москвѣ и двѣ въ Ревелѣ; по одной ложѣ было въ разныхъ провинціальныхъ городахъ [1]). Въ Петербургѣ собраны были и орденскія власти.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ всѣхъ масонскихъ изданій, списковъ и другихъ матеріаловъ, по которымъ можно было бы составить точное понятіе о личномъ составѣ и внутреннихъ отношеніяхъ ложъ. Мы можемъ судить объ этомъ только приблизительно. Составъ этотъ былъ очень разнообразный, и масонская мода охватила теперь гораздо болѣе значительную часть общества, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Главныя власти были отчасти изъ старыхъ масоновъ, дѣйствовавшихъ еще при Екатеринѣ (какъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, Бёберъ, Эллизенъ), отчасти изъ новыхъ адептовъ (какъ Віельгорскій и др.). Аристократическій элементъ, игравшій въ сущности главную роль въ ложахъ при Екатеринѣ, довольно значителенъ и теперь, но вообще былъ гораздо слабѣе прежняго. Ложи заняты и управляются по преимуществу среднимъ классомъ; чиновники и военные, купцы и ремесленники составляютъ главный контингентъ. Было много иностранцевъ, французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Россіи, но въ особенности русскихъ, или главнымъ образомъ петербургскихъ нѣмцевъ, чиновниковъ, учителей, докторовъ, купцовъ и ремесленниковъ [2]). Было также много поляковъ.

Поэтому, между прочимъ, многія ложи производили свои работы на иностранныхъ языкахъ. Изъ числа 30 ложъ, по послѣднему списку десять ложъ работало на нѣмецкомъ языкѣ; три работали на французскомъ; двѣ на польскомъ; одиннадцать ложъ было русскихъ, и наконецъ нѣсколько смѣшанныхъ ложъ, гдѣ работали на двухъ языкахъ: именно, было двѣ ложи французско-русскихъ, и ложи нѣмецко-польская и французско-польская. Изъ этого числа, въ Петербургѣ было пять русскихъ ложъ, четыре нѣмецкихъ, двѣ французскихъ и одна смѣшанная, французско-русская.

Разбирая списки членовъ [3]), мы уже видимъ, какое разнооб-

---

[1]) Именно: въ Кронштадтѣ, Митавѣ, Ямбургѣ, Вологдѣ, Симбирскѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ѳеодосіи, Каменцѣ, Житомирѣ, Бѣлостокѣ и Томскѣ. Одна ложа была въ арміи. Впослѣдствіи ложи были и въ другихъ городахъ, напр. въ Кишиневѣ...

[2]) Изъ нѣмцевъ еще съ прошлаго столѣтія были ревностные масоны, работавшіе и въ своемъ нѣмецкомъ кругу и вмѣстѣ съ русскими. Нѣмецкіе пропагандисты много сдѣлали и вообще для распространенія ложъ; вспомнимъ Рейхеля, Шварца, а также Штарка, Розенберга, барона Шрёдера и т. д.

[3]) Списокъ членовъ ложи Георгія Побѣдоносца, при русскомъ корпусѣ въ Мобёжѣ, не помѣщенный въ Tableau général 1817 г. за неполученіемъ его, напечатанъ былъ недавно въ Р. Архивѣ; но онъ былъ помѣщенъ послѣ въ Tableau 1818—1819 года.

разіе мнѣній и какіе различные слои общества встрѣчались въ тогдашнихъ ложахъ. Въ Астреѣ гросмейстеромъ былъ, какъ упомянуто, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, почетный членъ ложи Royal Jork въ Берлинѣ и ложи Du Bouclier du Nord въ Варшавѣ. Съ 1820 года, гросмейстеромъ былъ графъ Адамъ Лаврентій Ржевускій, вѣроятно тотъ, который въ спискахъ 1817—18 г. упоминается какъ намѣстный мастеръ въ ложѣ Tenèbres Dispersées въ Житомирѣ. Далѣе, намѣстнымъ великимъ мастеромъ Астреи былъ князь Александръ Як. Лобановъ-Ростовскій, почетный членъ польскихъ ложъ въ Варшавѣ и въ Краковѣ. Вторымъ великимъ надзирателемъ былъ Фридрихъ Шёлеръ, прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Великимъ витіей—Фр. Фольбортъ, лютеранскій пасторъ, намѣстный мастеръ «Палестины», почетный членъ одной гамбургской ложи, съ 1815 г. одинъ изъ директоровъ въ петербургскомъ комитетѣ библейскаго общества. Почетнымъ членомъ Астреи былъ графъ Станиславъ Костка-Потоцкій, гросмейстеръ великаго востока Польши, министръ народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ.

Въ ложѣ *Петра къ истинѣ*, управлявшейся Эллизеномъ, въ числѣ почетныхъ членовъ былъ Павелъ Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный попечитель моск. университета и врагъ Карамзина; въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ встрѣчаемъ піэтиста пастора Буссе, упомянутаго выше проф. Гауэншильда, Павла Свиньина, наконецъ много генераловъ и гвардейскихъ офицеровъ, — между прочимъ Александра ф. д. Бриггена (декабриста?)

Въ ложѣ *Палестины* показанъ въ числѣ членовъ Карлъ Зайгеръ (Sayger), секретарь в. кн. Николая Павловича.

Въ ложѣ *Нептуна* былъ намѣстнымъ мастеромъ также названный выше книгопродавецъ Вейгеръ, одинъ изъ «великихъ чиновниковъ Астреи, извѣстный масонъ, почетный членъ ложъ въ Варшавѣ, Гамбургѣ и Вильнѣ.

Въ ложѣ *Александра* мастеромъ стула былъ извѣстный основатель и издатель «Русскаго Инвалида», секретарь и директоръ въ библейскомъ комитетѣ, Павелъ Поміанъ-Пезаровіусъ. Въ его ложѣ Лабзинъ былъ почетнымъ членомъ. Членами этой ложи были преимущественно нѣмецкіе купцы и ремесленники.

Въ ложѣ *Соединенныхъ-Друзей* подъ управленіемъ полковника Оде-де-Сіона и генерала Прево-де-Люміана [1]), мы находимъ въ числѣ членовъ, за 1817—1818 годы, извѣстнаго П. Я. Чаадаева, тогда офицера гвардейскихъ гусаръ, въ степени мастера,

[1]) См. объ нихъ у Вигеля, III, V, 55—56.

и Александра Грибоѣдова, также гусарскаго офицера, въ степени товарища; здѣсь же встрѣчаемъ принца Александра Виртембергскаго, тогда бѣлорусскаго генералъ-губернатора, и нѣсколько лицъ изъ русской и польской аристократіи; здѣсь же названъ гвардіи полковникъ Мих. Митьковъ (декабристъ?).

Въ ложѣ *Пламенѣющей звѣзды*, гдѣ управляющимъ мастеромъ былъ баронъ Андрей Корфъ, въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ — генералъ отъ инфантеріи Борисъ Лецдано, кажется старый масонъ новиковской школы. Въ спискѣ членовъ этой ложи за 1820—21 г. въ числѣ братьевъ 1-й степени упомянутъ офицеръ гвардіи Кондратій Рылѣевъ.

Въ ложѣ *избраннаго Михаила* управляющимъ мастеромъ былъ графъ Ѳ. П. Толстой, въ то время отставной флота капитанъ-лейтенантъ, почетный членъ академіи художествъ; въ числѣ «великихъ чиновниковъ» ложи были: Гречъ, Ѳ. Н. Глинка, Вас. И. Григоровичъ, Н. Кошанскій, извѣстный лицейскій профессоръ, который былъ въ ложѣ «витіей». Членами этой ложи были: Н. А. Бестужевъ (съ 1818 г.), А. Еф. Измаиловъ; въ 1820—21 г. братьями 1-й степени были М. К. Кюхельбекеръ и К. Ив. Арсеньевъ, профессоръ петербургскаго университета. Въ числѣ отсутствующихъ, за тѣже 1820—21 г. показаны Ив. Ив. Давыдовъ, адъюнктъ-профессоръ, и (въ качествѣ братьевъ 2-й степени) баронъ А. А. Дельвигъ и В. К. Кюхельбекеръ; въ 1818 г. въ числѣ отсутствующихъ показанъ и Гавр. Степ. Батенковъ, который находился тогда въ Томскѣ и былъ секретаремъ тамошней ложи Восточнаго Свѣта, основанной 30 авг. 1818 года. Въ этой ложѣ Батенковъ упомянутъ и въ спискѣ 1820 г.

Въ ложѣ *Сѣверныхъ Друзей*, за 1818—1819 г. мастеромъ стула былъ Алекс. Жеребцовъ, одинъ изъ самыхъ чиновныхъ масоновъ, бывшій великимъ мастеромъ Директоріальной ложи Владиміра, потомъ В. ложи Провинціальной, почетный членъ разныхъ ложъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Провинціальной ложи Литовской въ Вильнѣ, потомъ разныхъ ложъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Россіенахъ и въ Вильнѣ. Первымъ надзирателемъ былъ П. Чаадаевъ, обрядоначальникомъ князь Ник. Ипсиланти (кавалергардскій офицеръ); въ числѣ членовъ — много офицеровъ семеновскаго полка. Между отсутствующими названы генералъ-лейтенантъ гр. Павелъ Шуваловъ, кн. Алексѣй Шаховской, Филиппъ Вигель.

Въ ложѣ *Орла Россійскаго* управляющими мастерами были поочереди кн. Гагарины (Ив. Алекс. и Павелъ Гаврил.), дѣйствительными членами были самъ гросмейстеръ гр. Мусинъ-

Пушкинъ-Брюсъ, А. Я. Лобановъ-Ростовскій, А. Л. Нарышкинъ, кн. В. С. Голицынъ и др.

Ложа *Орла Бѣлаго* была польская, и мастеромъ стула былъ гр. Адамъ Ржевускій [1]).

Въ московской ложѣ *Александра Тройственнаго Спасенія*, гдѣ членами было много нѣмецкихъ купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, былъ также ректоръ университета Геймъ, между отсутствующими названъ генералъ-майоръ Михаилъ Фонъ-Визинъ (декабристъ).

Въ полтавской ложѣ *Любви къ истинѣ* встрѣчаемъ имя извѣстнаго И. П. Котляревскаго.

Въ кіевской ложѣ *Соединенныхъ Славянъ*—князья Адександръ и Петръ Трубецкіе, а также подполковникъ Леонтій Дуббельтъ.

Въ ѳеодосійской ложѣ *Іордана* членомъ былъ Ив. Липранди.

Въ ревельской ложѣ *Трехъ Сѣкиръ* былъ членомъ Августъ Коцебу.

Такимъ образомъ, въ ложахъ собирались люди самаго различнаго характера, и дѣятели библейскаго мистицизма, мрачные обскуранты и безобидные филантропы, наконецъ представители либерализма и люди весьма сомнительныхъ мнѣній. Въ чемъ же состояла эта масонская дѣятельность, какой былъ ея смыслъ, и былъ ли вообще въ ней какой-нибудь смыслъ?

По нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ масонство вообще представляется какимъ-то страннымъ шутовствомъ, ни къ чему ненужнымъ ребячествомъ. Въ наше время мудрено обманывать масонскими переодѣваньями и обрядами, и намъ легко все это представляется въ комическомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, масонская декорація и тогда уже переставала обманывать, и въ то время были люди, которые, извѣдавши масонскія таинства, наскучали ими и даже получали къ нимъ отвращеніе. Другіе и тогда видѣли въ масонствѣ только случай развлечься и, не ломая головы надъ нравственными проповѣдями, предпочитали всему «столовыя ложи». И въ то время, люди, слишкомъ серьезно принимавшіе масонскую мудрость, подавали поводъ къ остроумію. Но тѣмъ не менѣе, масонское движеніе имѣло свой историческій смыслъ и, вредное или безразличное одними своими сторонами, оно другими своими сторонами приносило даже нѣкоторую пользу.

Для многихъ дѣйствительно ложа не имѣла другого смысла, кромѣ того, что въ ней можно было попить и поѣсть. Объ этой

---

[1]) По словамъ Вигеля эта ложа выдѣлилась изъ Сѣверныхъ Друзей, см. Зап. III, V, 58.

сторонѣ дѣла даетъ понятіе указанный нами разсказъ Вигеля и другія свидѣтельства [1]). Но затѣмъ ложа оказывала и другое дѣйствіе. Очень многіе, вѣроятно, серьезно вѣрили масонской легендѣ, хотя и мало примѣняли ее на дѣлѣ. Учрежденіе было такъ своеобразно, ему приписывали такую старину (происхожденіе отъ римлянъ или изъ среднихъ вѣковъ, отъ рыцарей Храма, не представляло тогда ничего невѣроятнаго), что на многихъ оно должно было производить извѣстное впечатлѣніе, если даже не чудесной своей стороной, то авторитетомъ древняго учрежденія. Многіе изъ главныхъ масоновъ были люди убѣжденные въ своемъ орденѣ: таковы были, по разсказу самого Вигеля, гр. Віельгорскій и Бёберъ, и конечно очень многіе другіе; Лабзинъ былъ фанатикомъ своего мистицизма. Ложи, управляемыя такими убѣжденными людьми, могли оказывать вліяніе на своихъ адептовъ.

Вліяніе это было различное. Едва ли не всего сильнѣе было вліяніе мистическое. Сколько ни старалась новая масонская школа, проникшая къ намъ въ видѣ системы Шрёдера или Фесслеровой, очистить масонство отъ постороннихъ примѣсей, наросшихъ въ теченіе XVIII вѣка, — оно далеко не успѣло отъ нихъ освободиться и у насъ, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, внушало не столько добродѣтели, служащія къ «благополучію человѣковъ», какія оно ставило своей первой цѣлью [2]), сколько

---

[1]) Зап. Вигеля, II, IV, 148—149; III, V, 56—57. Ложа Елизаветы къ добродѣтели, гдѣ мастеромъ стула былъ Віельгорскій, гросмейстеръ Провинціальной ложи,—по разсказу Вигеля, — отличалась большой строгостью въ соблюденіи масонскихъ узаконеній и обрядовъ. Она должна была служить образцомъ для другихъ ложъ. «Въ первомъ изъ общихъ собраній, Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками храмовниковъ не пользовалось доброю славой (Вигель былъ въ ложѣ Amis du Nord); казалось, что нравственности моей грозитъ опасность. Никто изъ сѣверныхъ друзей не былъ проникнутъ чувствомъ истиннаго вольнаго каменьщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представленія піесы, спѣшили они понатѣшиться, поѣсть, попить, и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціальной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Віельгорскаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного человѣка достойнаго уваженія»... Ср. подобный отзывъ А. П. Степанова (извѣстнаго автора «Постоялаго Двора»), который такимъ же образомъ осуждаетъ ложу, подъ управленіемъ Жеребцова, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о масонскихъ достоинствахъ Віельгорскаго (Р. Старина, 1870, т. I, стр. 155).

[2]) «Уложеніе» Астреи, § 6: «Онѣ (соединенныя ложи) признаютъ цѣлію работъ своихъ: усовершеніе благополучія человѣковъ исправленіемъ нравственности, распространеніемъ добродѣтели, благочестія» и проч.

туманный мистицизмъ, который очень легко прививается особенно къ полуобразованности.

Самыми ревностными распространителями мистицизма остались послѣдователи новиковской школы, хотя впрочемъ ихъ вліяніе распространялось не столько черезъ ложи, сколько литературнымъ путемъ и личными связями. Мы знаемъ мало объ ихъ собственно масонской дѣятельности, но у нихъ были, кажется, свои ложи, болѣе или менѣе правильныя, гдѣ они вели ревностную пропаганду. Настоящихъ розенкрейцерскихъ посвященій вѣроятно уже не было, потому что изсякъ самый источникъ розенкрейцерства въ Берлинѣ; но еще живы были его прежніе, дѣятели, которые поддерживали преданіе. Они усердно трудились, много писали, всѣ кѣмъ-нибудь руководили. Гамалѣя усердно переводилъ Бёма; Лопухинъ велъ большую переписку; Поздѣевъ, кажется, также; Карнѣевъ, сдѣлавшись членомъ библейскаго общества,—какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ,—устроилъ въ Харьковѣ, гдѣ былъ попечителемъ университета, библейское «сотоварищество» изъ студентовъ, занятія котораго были очень похожи на первоначальныя розенкрейцерскія работы стараго времени. Ученики старой московской школы, Максимъ Невзоровъ и особенно Лабзинъ, трудились неутомимо въ томъ же направленіи. Оставивъ чистое розенкрейцерство, Лабзинъ проповѣдывалъ особый ухищренный мистицизмъ, въ которомъ сохранились старые авторитеты, какъ Бёмъ, Дютуа, Гюйонъ и т. п., и вводились новые, какъ Штиллингъ и особенно Эккартсгаузенъ. И здѣсь опять повторяется старая алхимико-магическая терминологія, и кабалистическія умствованія, хотя эта алхимія играетъ больше роль аллегоріи и символа. Окончательное ея дѣйствіе было, конечно, тоже самое. Свою дѣятельность Лабзинъ примкнулъ съ библейскому обществу, гдѣ ему вторилъ и Пезаровіусъ, хотя послѣдній, какъ членъ Астреи, и не долженъ былъ бы «слѣдовать правиламъ Мистиковъ» [1]). Мистическая литература этого времени, главнымъ образомъ, конечно, переводная, была чрезвычайно изобильна...

---

[1]) Чтобы познакомиться съ этимъ отдѣломъ масонскаго мистицизма, стóитъ взять какую-нибудь изъ книжекъ Эккартсгаузена, переведенныхъ Лабзинымъ, или изъ книжекъ его «Сіонскаго Вѣстника». Любопытный матеріалъ читатель найдетъ въ указанной выше перепискѣ Лопухина съ Сперанскимъ; далѣе наглядную картину даетъ С. Т. Аксаковъ въ статьѣ «Встрѣча съ мартинистами», Р. Бесѣда 1859, кн. I; см. также біографіи Лабзина и Невзорова; и интересные «Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи» (Труды Кіевской Дух. Акад. 1863, окт., 161—203).—Записки К. А. Лохвицкаго (знакомства съ Чеботаревымъ, Е. В. Карнѣевымъ, Лабзинымъ, Лѣвшинцевымъ, Татариновой, Лубяновскимъ и проч.).

Но эта мистика, конечно, не составляла общей принадлежности ложъ. «Астрея» даже прямо отвергала ее и вѣроятно въ ея ложахъ больше мѣста находила обыкновенная масонская мораль, и какъ бы ни была она мало дѣйствительна сама по себѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ масонскія ложи тѣмъ не менѣе были извѣстнымъ успѣхомъ.

Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, почему такимъ успѣхомъ былъ даже крайній новиковскій мистицизмъ. Въ грубой массѣ нашего общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ, мистики являлись все-таки людьми съ какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свой хотя элементарный смыслъ. Таковы были, напр., ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое по недостатку порядочнаго образованія слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность. Сами мистики, правда, мало помогали этому недостатку, но они по крайней мѣрѣ его видѣли и даже иногда съ нѣкоторой храбростью указывали. Въ духовенствѣ были люди, признававшіе за ними правду, и митрополитъ Филаретъ въ своей молодости часто бывалъ ихъ союзникомъ; другіе охотно съ ними спорили; за то третьи, которымъ старый порядокъ вещей былъ совершенно хорошъ, какъ Фотій, обвиняли ихъ какъ безбожниковъ и учениковъ Антихриста.... Не надо при этомъ забывать, что весь умственный уровень массы былъ тогда крайне невысокъ, мистическій туманъ застилалъ даже такіе умы, какъ Сперанскій, и эти люди выдѣлялись изъ массы, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать—а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и не думающемъ русскомъ обществѣ. — Такъ выдѣляются и раскольники изъ массы простого народа.

Кромѣ мистицизма, въ характерѣ стариннаго «масона» была и другая черта, — можетъ быть, встрѣчавшаяся менѣе часто. Люди, искренно принимавшіе поученія ордена, нерѣдко отличались извѣстной независимостью характера, какую производило въ нихъ присутствіе убѣжденія, а иногда дѣйствительно пріобрѣтали то нравственное чувство, сознаніе человѣческаго достоинства, для которыхъ хотѣли работать первые вольные каменьщики. Нужно было конечно извѣстное простодушіе, чтобы сохранить вѣру въ авторитетъ учрежденія, слабыя стороны котораго уже тогда были достаточно видны, — но эта вѣра могла все-таки оказывать нравственное вліяніе. Исторія этихъ людей еще мало извѣстна, но мы знаемъ однако любопытные примѣры характеровъ, которые выработывались подъ этими вліяніями и въ которыхъ нравственная строгость соединялась съ лю-

бовью къ людямъ, готовой на помощь и участіе. Таковъ былъ, судя по отзывамъ Вигеля, Эллизенъ; таковъ былъ воспитанникъ масоновъ, московскій профессоръ Мудровъ, оригинальный и типическій характеръ [1]).

Другой слой масоновъ, молодого поколѣнія, вступавшій въ новыя ложи, повидимому, отличался другими свойствами. Вѣроятно, многіе изъ нихъ и тогда смотрѣли не серьезно на свои ложи, мало вѣрили въ авторитетъ учрежденія, легко оставляли ложи и легко мирились съ ихъ закрытіемъ,—но тѣмъ не менѣе, и они придавали нѣкоторую важность своему союзу. Соединеніе въ ложахъ людей разныхъ слоевъ общества, разныхъ положеній, возрастовъ, мнѣній, соединеніе ихъ во имя какой-то идеи, должно было производить впечатлѣніе; мысль, что они исполняютъ какую-то программу, служатъ какимъ-то нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, способна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, особенно въ тогдашнее время. Броженіе, какимъ отразились у насъ война двѣнадцатаго года и послѣдующія событія, давало достаточную пищу для умовъ, и когда Россія впервые въ этихъ событіяхъ стала лицомъ къ лицу съ Европой, то враждебно, то въ тѣсномъ союзѣ, политическое возвышеніе Россіи подняло и уровень политическихъ интересовъ общества; сближеніе съ Европой привело и у насъ много новыхъ понятій, и неясные зачатки общественной самодѣятельности обнаружились и въ масонскихъ ложахъ. Библейскіе дѣятели думали обновлять русскую жизнь евангельской пропагандой, масонскія ложи также хотѣли работать для «благополучія человѣковъ» — «усовершеніемъ нравственности». Что эти первыя пробы не были совершенно безплодны, можно судить потому, что въ ложахъ уже скоро стало обнаруживаться движеніе, которое, не ограничиваясь отвлеченной масонской моралью, стало искать болѣе положительныхъ принциповъ, примѣнимыхъ къ общественной жизни. Разныя направленія, какія были въ обществѣ, проникаютъ въ масонскія ложи и находятъ здѣсь новую точку опоры. Въ масонствѣ, которое до сихъ поръ служило всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе, — политическій либерализмъ.

Повторяемъ опять, что, къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ мало матеріала, чтобы говорить объ этомъ съ какой-нибудь точностью, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ масонскихъ ложахъ были сильные отголоски либеральныхъ мнѣній, тамъ было не мало людей изъ молодого либеральнаго круга, и

[1]) См. его біографію въ Словарѣ моск. проф. 1855.

была извѣстная связь между ложами и образовавшимися тогда тайными обществами. Членомъ ложи былъ Грибоѣдовъ; въ степени мастера и въ масонской должности находимъ «офицера гусарскаго» Чаадаева, которому Пушкинъ въ это самое время (въ 1818) писалъ свое посланіе, гдѣ находятся извѣстные стихи:—

....Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,—
Россія вспрянетъ ото сна...

Мы видѣли въ спискахъ ложъ много людей, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ декабристовъ, членовъ тайныхъ обществъ, людей, принадлежавшихъ къ тогдашнему либеральному кругу...

Вигель разсказываетъ о ложѣ «Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей», принадлежавшей къ союзу Провинціальной ложи и состоявшей подъ управленіемъ князя Павла Петровича Лопухина, сына канцлера: «одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ семеновскихъ офицеровъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ». Отступленіе отъ правила сдѣлано было только для одного невоеннаго, Н. И. Тургенева. «Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность».

Оно было дѣйствительно безвинно. Но присутствіе названныхъ здѣсь именъ показываетъ, что было стремленіе дать масонскимъ бесѣдамъ болѣе живое общественное содержаніе, которое до извѣстной степени, вѣроятно, и прививалось. Довольно понятно, что въ концѣ концовъ, члены ложи «Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей», какъ и другіе либеральные члены ложъ, не удовлетворились тѣмъ, что́ имъ представляли масонскія собранія и предпочли выдѣлиться въ свое особое общество, не связанное ненужнымъ масонскимъ обрядомъ.

Мы не знаемъ ничего о кіевской ложѣ «Соединенныхъ Славянъ», но ея названіе напоминаетъ о тайномъ обществѣ этого имени [1]). Это послѣднее имѣло политическій характеръ и впер-

[1]) По словамъ «Донесенія Слѣдственной Коммиссіи, 30 мая 1826 г.», общество Соединенныхъ Славянъ, съ которымъ въ 1825 г. вступили въ сношенія члены тайнаго Южнаго Общества, существовало не болѣе двухъ лѣтъ, а ложа упоминается гораздо раньше. Но подробности, сообщенныя въ «Донесеніи» объ этомъ обществѣ, очень напоминаютъ масонскіе пріемы и формулы.

вые задавалось панславистскими идеалами; свою форму оно, повидимому, заимствовало изъ масонскихъ ложъ. Съ другой стороны, ложа «Соединенныхъ Славянъ», по всей вѣроятности, также выбрала свое имя не случайно, и могла имѣть первыя неясныя тенденціи панславистскаго свойства.

Въ запискахъ современниковъ мы находимъ и другія указанія на существованіе въ ложахъ политическаго элемента. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о совѣщаніи между членами тайнаго общества у Никиты Муравьева, гдѣ были, между прочимъ, кн. Лопухинъ (вѣроятно тотъ же, который управлялъ ложей Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей), кн. Шаховской (вѣроятно тотъ Ѳедоръ Шаховской, который, по «Донесенію слѣдственной коммиссіи», завѣдовалъ одной изъ «управъ» тайнаго общества) и другіе. Собраніе было чрезвычайно формально: «въ продолженіи всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ Союзъ Благоденствія, и о томъ, какъ приносить самую присягу — надъ евангеліемъ или надъ шпагой вступающіе должны присягать. Все это было до крайности смѣшно,—прибавляетъ разскащикъ. Но Лопухинъ, Шаховской и *почти всѣ* присутствующіе были *ревностные* масоны; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія» [1]).

Другой современникъ говоритъ о первомъ тайномъ обществѣ, образовавшемся въ то время; «члены союза учредили и отдѣльныя отъ него общества подъ вліяніемъ его духа и направленія... и двѣ массонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ союза благоденствія» [2]). Какія были эти ложи, онъ не говоритъ,—но нѣчто подобное мы видѣли въ разсказѣ Вигеля о ложѣ Михаила Избраннаго.

Ложа Георгія Побѣдоносца, находившаяся при русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Мобёжѣ во Франціи, повидимому также представляла примѣръ политическаго настроенія, какой мы видѣли въ другихъ ложахъ.

Пушкинъ, въ интимномъ письмѣ къ Жуковскому (1826 г.), повѣряя ему свои тогдашнія обстоятельства, говоритъ о своихъ близкихъ сношеніяхъ со многими изъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ 14 декабря, и при этомъ упоминаетъ, что «былъ масономъ въ Киш. (кишиневской) ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничто-

---

[1]) Зап. Якушкина.

[2]) Зап. М. фонъ-Визина.

жены въ Россіи всѣ ложи» [1]), но о которой мы, впрочемъ, ничего пока не знаемъ.

По словамъ «Донесенія» 30 мая 1826 при первомъ основаніи тайнаго общества была мысль «вмѣстить его въ составъ какой нибудь масонской ложи»; и въ уставѣ союза, нѣкоторыя внѣшнія подробности заимствованы были изъ уставовъ масонскихъ ложъ.

Изъ этихъ примѣровъ достаточно видно, что политическій элементъ существовалъ въ ложахъ въ очень значительной степени,—хотя самое масонство, вѣроятно, мало было въ этомъ виновато. По всей вѣроятности, политическій элементъ приходилъ въ ложи готовый, и ложи представляли скорѣе только случай къ сближеніямъ, и хотя сами существовали съ разрѣшенія и вѣдома правительства, поддерживали однако привычку къ формѣ тайнаго общества.

Такимъ образомъ мы видѣли въ ложахъ самыя различныя направленія тогдашней общественной жизни. Въ числѣ масоновъ были темные мистики и суровые піэтисты, какъ школа старыхъ московскихъ масоновъ и ихъ учениковъ; и озлобленные обскуранты, образчикомъ которыхъ можетъ служить Голенищевъ-Кутузовъ; и люди молодого либеральнаго поколѣнія, склонные къ филантропіи, но не къ піэтизму, смѣявшіеся надъ обскурантами, и скорѣе искавшіе въ ложѣ интереса политическаго. Послѣдовательный ходъ ихъ тогдашней исторіи состоялъ, кажется, въ томъ, что онѣ основаны были сначала старыми масонами по не посредственнымъ воспоминаніямъ о прежнемъ масонствѣ и въ томъ же духѣ старой масонской мистики; вскорѣ присоединились къ послѣдней черты библейскаго піэтизма, искавшаго внутренней церкви и либерально относившагося къ старымъ религіознымъ понятіямъ; далѣе, началось вліяніе новѣйшаго, болѣе раціональнаго масонства, въ системѣ Шрёдера и Фесслера, и затѣмъ стали входить стремленія чисто-политическія, которыя впрочемъ скоро нашли себѣ иной исходъ — въ тайныхъ обществахъ, такъ что запрещеніе ложъ, въ 1822 году, произведенное подъ внушеніями западной реакціи, повсюду опасавшейся революціонныхъ замысловъ, это запрещеніе у насъ не остановило распространенія либеральныхъ идей и обрушилось всего больше на самую невинную сторону масонства,—потому что большинство его было совершенно благонамѣренно, невинно, даже ограниченно, и вполнѣ безопасно.

[1]) Р. Архивъ, 1870, стр. 1177.

Мы еще опередимъ порядокъ разсказа, чтобы остановиться на другой чертѣ этого времени, также отражающей въ себѣ различныя направленія тогдашняго общества. Это — распространеніе ланкастерскихъ школъ.

Намъ случалось говорить въ другомъ мѣстѣ о происхожденіи этихъ школъ, о быстромъ распространеніи ихъ по всей Европѣ, и наконецъ въ Россіи, и о томъ, какъ у насъ покровителями этихъ школъ стали дѣятели библейскаго общества. Прибавимъ здѣсь еще нѣкоторыя подробности.

Первая мысль о введеніи ланкастерскихъ школъ относится у насъ къ 1813 году: для ея осуществленія много сдѣлало министерство внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на это англійское изобрѣтеніе указывали англійскіе агенты Библейскаго Общества. Ланкастерскими школами интересовались библейскіе и масонскіе дѣятели, и люди изъ молодого либеральнаго поколѣнія. Школы вводимы были самимъ правительствомъ, потомъ стали ему же казаться опасными и подъ конецъ эти учрежденія мало-по-малу изчезли... Здѣсь повторились опять почти тѣже переходы мнѣній въ правительствѣ и обществѣ, какіе происходили относительно библейскихъ обществъ и масонскихъ ложъ.

Въ 1813 году Іосифъ Гамель посланъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ за границу для усовершенствованія своихъ познаній и для собранія полезныхъ свѣдѣній по разнымъ частямъ хозяйства и мануфактуръ. Съ самаго пріѣзда въ Лондонъ онъ познакомился съ Вилльямомъ Алленомъ, какъ извѣстнымъ химикомъ, но вскорѣ въ этомъ химикѣ узналъ «отличнаго и заслуживающаго уваженія филантропа». Это былъ тотъ знаменитый квакеръ, о которомъ мы имѣли случай говорить прежде: «въ Лондонѣ,—разсказываетъ Гамель,—мало благотворныхъ (т.-е. благотворительныхъ) заведеній, въ коихъ бы г. Алленъ не былъ дѣятельнымъ членомъ». Между прочимъ онъ сказалъ Гамелю, что давно желалъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, чтобы рекомендовать изобрѣтенный не такъ давно новый способъ обученія; на другой день онъ показалъ Гамелю ланкастерскую школу. Эта школа, въ нѣсколько сотъ учениковъ, которыми управлялъ и руководилъ одинъ мальчикъ, поразила Гамеля, и дальнѣйшее испытаніе способа взаимнаго обученія убѣдило его въ чрезвычайной пользѣ этого способа и въ тѣхъ выгодахъ, какія онъ можетъ представить въ Россіи. Гамель рѣшился обстоятельно познакомиться съ этой системой и сообщилъ о ней нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ, который велѣлъ помѣстить ихъ въ

газетѣ министерства, «Сѣверной Почтѣ», откуда они были заимствованы даже и въ иностранные журналы.

Впослѣдствіи Гамель составилъ (на нѣмецкомъ языкѣ) болѣе подробное описаніе ланкастерской системы, которое министръ представилъ на усмотрѣніе императора Александра. Александръ велѣлъ напечатать эту книгу: нѣмецкое изданіе предоставлено было сдѣлать самому автору; изготовленіе и напечатаніе русскаго перевода поручено было министерству внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ Гамель продолжалъ изслѣдованіе предмета, и въ путешествіи по Англіи посѣтилъ всѣ главныя ланкастерскія училища; ему позволено было вновь передѣлать свое сочиненіе, которое вышло наконецъ въ 1818 году въ Парижѣ; русскій переводъ вышелъ черезъ два года въ Петербургѣ [1]).

Въ тоже время, когда Гамель изучалъ ланкастерскія школы въ Англіи, имп. Александръ поручалъ графу Каподистріи, посланному тогда въ Швейцарію съ дипломатическими цѣлями, ознакомиться съ другими школьными учрежденіями, которыя пріобрѣтали тогда въ Европѣ большую славу, именно со школами знаменитаго Фелленберга, сподвижника Песталоцци [2]). Въ это же время комитетъ библейскаго общества печаталъ въ своихъ отчетахъ письма своихъ англійскихъ корреспондентовъ, описывавшихъ и рекомендовавшихъ англійское устройство школъ для сельскаго населенія и для бѣдныхъ и т. п.

Между тѣмъ правительство не забывало о ланкастерскихъ школахъ, и въ 1816 г. въ Лондонъ прибыли четыре студента педагогическаго института [3]), посланные по высочайшему пове-

---

[1]) Hamel, Joseph: Der gegenseitige Unterricht, Gesch. seiner Einführung und Ausbreitung durch Bell, Lancaster und andere. Mit 12 Kupf. und den Bildnissen von Bell und Lancaster in Steindruck. Auf Befehl S. Kaiserl. Russ. Majestät. Paris 1818. Русскій переводъ: — Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Ланкастера и другихъ и пр. Сочиненіе надв. сов., доктора медицины Іосифа Гамеля, переведенное съ нѣм. языка тит. сов. Карломъ Кнапне. По высочайшему повелѣнію издано министерства внутреннихъ дѣлъ отъ департамента госуд. хозяйства и публ. зданій. Съ XII чертежами. Спб. 1820. V и 352 стр. Книга Гамеля составлена весьма обстоятельно и, если не ошибаемся, до сихъ поръ остается едва ли не лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету. Авторъ зналъ лично многихъ людей, работавшихъ въ этомъ дѣлѣ, и между прочимъ имѣлъ отъ нихъ историческія свѣдѣнія о возникновеніи ланкастерской системы (ср. Pädag. Real-Encyclop. von Hergang. Grimma und. Leipz. 1851, I, стр. 253).

[2]) Донесеніе Е. И. В-ву, представленное статсъ-секретаремъ гр. Каподистрія, о заведеніяхъ Фелленберга въ Гофвилѣ, въ октябрѣ 1814 года. Съ франц. Спб. 1817. Сперанскій, въ письмѣ къ Столыпину, очень интересуется этой книжкой (Р. Арх. 1870, стр. 1140).

[3]) Это были, впослѣдствіи довольно извѣстные педагоги: Тимаевъ, Свенске, Буссе

лѣнію для изученія учебной системы въ обоихъ разрядахъ заведеній взаимнаго обученія—какъ въ школахъ Ланкастера, такъ и въ школахъ Белля. Подъ руководствомъ барона Штрандмана, состоявшаго при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, посланные студенты посѣтили главнѣйшія школы въ Англіи и потомъ отправились черезъ Парижъ въ Швейцарію, чтобы и тамъ познакомиться съ заведеніями Песталоцци и Фелленберга.

Графъ Румянцевъ пригласилъ изъ Англіи одного молодого человѣка, г. Герда (Heard), для введенія ланкастерскихъ школъ въ своихъ помѣстьяхъ; тоже намѣревались сдѣлать и другіе знатные люди.

Причина, почему ланкастерскія школы пріобрѣли въ свое время такой успѣхъ, заключалась въ чрезвычайной простотѣ и дешевизнѣ ихъ устройства: если находилось помѣщеніе, находился учитель, то школа могла быть готова для нѣсколькихъ сотъ учениковъ, — вещь, невозможная при другомъ устройствѣ школъ. Такимъ образомъ ланкастерская школа представляла чрезвычайныя выгоды тамъ, гдѣ средства народнаго обученія были бѣдны, и гдѣ трудно было найти большое число учителей,—какъ это было особенно въ Россіи. Гамель съ самаго начала настаивалъ на пользѣ введенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, и въ своей книгѣ — вѣроятно еще въ первой ея редакціи—говорилъ о необходимости устроить общества для введенія системы взаимнаго обученія, на подобіе обществъ, существовавшихъ уже въ Лондонѣ и Парижѣ и которыя, по его мнѣнію, могли послужить готовымъ образцомъ того, какъ слѣдовало приступить къ этому дѣлу и вести его. Въ краяхъ мало населенныхъ, гдѣ трудно было бы учредить правильныя, постоянныя ланкастерскія школы, онъ находилъ полезнымъ устроивать школы переходящія, по образцу англійскихъ ambulatory, или circulating schools.

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для введенія взаимнаго обученія въ школахъ, устроенныхъ для солдатскихъ дѣтей. Начальникомъ этого комитета назначенъ былъ гр. Сиверсъ, который пріобрѣлъ подробныя свѣдѣнія о ланкастерскихъ школахъ въ Парижѣ. Къ 1818 г. въ Петербургѣ была уже такая школа для 150 учениковъ.

Въ 1819 г. въ Петербургѣ составилось «Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія». Уставъ его получилъ высочайшее утвержденіе, объявленное министромъ народ-

---

и Ободовскій. Студентъ Свенске, по списку 1817—1818 г., имѣлъ степень ученика въ ложѣ Петра къ истинѣ.

наго просвѣщенія, 14-го января 1819 г. Предметы занятій этого общества были, во-первыхъ, сочиненіе и отпечатаніе руководства къ учрежденію первоначальныхъ школъ, таблицъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, списковъ и прочихъ учебныхъ пособій; во-вторыхъ, учрежденіе въ Петербургѣ сначала одного, а современемъ, еслибы позволили его средства и успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и болѣе первоначальныхъ училищъ по методѣ взаимнаго обученія; въ-третьихъ, попеченіе о снабженіи желающихъ завести подобныя училища внѣ Петербурга необходимыми на то пособіями за самую умѣренную цѣну; обученіе въ этихъ училищахъ и снабженіе учащихся пособіями должны были производиться безденежно. Главныхъ лицъ этого общества мы находимъ въ ложѣ Избраннаго Михаила (въ ея составѣ около 1820 года). Графъ Ѳ. П. Толстой, управляющій мастеръ ложи, былъ предсѣдателемъ общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія; Ѳ. Н. Глинка, намѣстный мастеръ, былъ помощникомъ предсѣдателя общества; Н. И. Гречъ, бывшій намѣстный мастеръ, былъ другимъ помощникомъ предсѣдателя; В. И. Григоровичъ, бывшій витія, былъ секретаремъ общества; Н. И. Кусовъ, бывшій казначей ложи, былъ казначеемъ общества. Далѣе, въ той же ложѣ были должностные члены общества гр. Влад. Петр. Толстой, П. Е. Доброхотовъ и нѣсколько другихъ членовъ этого общества.

Общество имѣло свое первое торжественное собраніе 16-го іюня 1819 г., и на этихъ основаніяхъ въ томъ же году открыло въ Петербургѣ училище для бѣдныхъ мальчиковъ, потомъ еще нѣсколько другихъ школъ для бѣдныхъ, и наконецъ много школъ въ провинціальныхъ городахъ [1]).

Въ октябрѣ 1821 г. учреждено было образцовое училище для дѣвочекъ по системѣ взаимнаго обученія. Объ этомъ училищѣ, находившемся подъ управленіемъ Сарры Килеамъ, дѣлались въ тогдашнихъ журналахъ очень благопріятные отзывы, и подобныя училища въ особенности представлялись «единственными въ своемъ родѣ» для дѣвочекъ недостаточнаго или посредственнаго состоянія. (Плата за приходящихъ ученицъ, въ годъ, была 12 руб. [2]).

---

[1]) Ланкастерскія школы были устроены въ Перми, Вологдѣ, Болховѣ, Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильнѣ и т. д.

[2]) См. Гамеля, стр. I — III, 114 — 115, 317 — 319; «Сынъ Отечества», 1823, ч. 84, стр. 97; «Соревнователь просв. и благотвор.» 1823, ч. XXIII, стр. 216.

Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію ланкастерскихъ школъ; изъ приведенныхъ указаній можно видѣть, что они имѣли у насъ большой успѣхъ, и въ правительственной сферѣ и въ обществѣ. Ими интересовался самъ императоръ; о нихъ заботились разныя министерства; ихъ рекомендовалъ библейскій комитетъ и заѣзжіе квакеры; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія устроилось для нихъ особое вѣдомство, заботившееся о приготовленіи для нихъ таблицъ и руководствъ; основалось общество для распространенія этихъ школъ. Въ ланкастерской системѣ видѣли средство просвѣтить народную массу, думали при этомъ воспитать народъ въ благочестіи и нравственности и т. д. Но кромѣ бюрократическихъ просвѣтителей и піэтистовъ, кромѣ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія оффиціальной или модной филантропіи, были также совершенно искренніе «соревнователи просвѣщенія и благотворенія», какихъ было вообще много въ тогдашнемъ либеральномъ кругу.

Между прочимъ, съ такими побужденіями устроивались ланкастерскія школы въ арміи, гдѣ онѣ основаны были уже очень скоро. Гамель уже видѣлъ эти школы въ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ послѣ 1815 года во Франціи. «Во многихъ полкахъ корпуса россійскихъ войскъ во Франціи,—говоритъ онъ,—учреждены солдатскія школы на основаніи взаимнаго обученія, къ устроенію которыхъ прилагалъ особую дѣятельность г. Генри, изучившійся оной методѣ въ Парижѣ». Этотъ Генри, подъ надзоромъ С. И. Тургенева, примѣнилъ французскія ланкастерскія таблицы для русскаго языка, которыя и употреблялись въ этихъ солдатскихъ школахъ: здѣсь помѣщенъ былъ катихизисъ для солдатъ, тактика Суворова, обязанности караульныхъ и пр. Кромѣ того, для употребленія въ этихъ школахъ издано было въ Мобёжѣ другое руководство, переведенное съ французскаго [1]). Въ іюнѣ 1818 г., великій князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ въ Мобёжѣ школу, въ которой обучалось триста русскихъ солдатъ, и остался ей очень доволенъ, особенно, когда узналъ, что многіе солдаты въ три мѣсяца очень хорошо выучились читать и писать. «Безъ сомнѣнія, — прибавляетъ Гамель, — соотечественники отдадутъ полную справедливость г. ге-

---

[1]) Это былъ сокращенный переводъ сочиненія Ніона (Nyon, Manuel pratique ou Précis de la méthode d'enseign. mutuel etc. Paris, 1817), подъ заглавіемъ: «Краткая метода взаимнаго обученія для первоначальной школы россійскихъ солдатъ. Крѣпость Мобежъ во Франціи 1817 года». С. И. Тургеневъ былъ также членомъ мобёжской ложи Георгія Побѣдоносца.

нералу графу Воронцову за учрежденіе въ россійскомъ войскѣ столь полезныхъ школъ»: по словамъ его, эта мобёжская школа принадлежала къ лучшимъ, какія только онъ видѣлъ, а онъ видѣлъ ихъ очень много [1]). Ланкастерскія школы распространились и по войскамъ, находившимся въ Россіи; въ гвардейскихъ полкахъ многіе офицеры усердно занимались обученіемъ солдатъ, учреждались формальныя школы и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ совершалась благопріятная перемѣна и въ другихъ отношеніяхъ: суровая дисциплина смягчалась, тѣлесныя наказанія становились рѣже, даже иногда совсѣмъ не употреблялись...

Но ланкастерскія школы и это смягченіе военныхъ нравовъ недолго сохранили одобреніе правительства. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ и для нихъ начинается своя реакція. Какъ ни были скромны эти школы, какъ ни были невинны тѣ первыя вліянія, какія производило элементарное обученіе и человѣческое обращеніе на солдатъ, правительство стало подозрѣвать ланкастерскія школы, какъ средство распространенію вольнодумства и мятежа. Источникомъ этихъ опасеній, а потомъ запрещеній и преслѣдованій, опять была та же западная реакція, которая такъ застращивала Александра воображаемыми опасностями и которую дома ревностно поддерживали свои домашніе реакціонеры, ненавидѣвшіе всякія либеральныя нововведенія или желавшіе ловить рыбу въ мутной водѣ.

Гамель въ своей книгѣ упоминаетъ уже о той враждѣ, какая начиналась противъ ланкастерскихъ школъ во Франціи. Эта вражда оказалась тотчасъ послѣ реставраціи, со стороны клерикаловъ, іезуитовъ и Frères de la doctrine chrétienne, которые всячески старались забрать въ свои руки народное образованіе и которымъ мѣшали ланкастерскія школы, учрежденныя не ими и введенныя не въ томъ духѣ, какой былъ имъ нуженъ. Они стали въ особыхъ сочиненіяхъ предостерегать публику отъ новыхъ школъ, какъ учрежденія, еще не испытаннаго, введеннаго при Наполеонѣ и Карно будто бы только для пріученія къ солдатству, и кромѣ того заимствованнаго изъ чужой страны — не исповѣдующей римскаго католицизма. Ланкастерскія школы заподозривали, какъ новое какое-то ученіе или новую политическую систему [2]). Вопросъ о ланкастерской школѣ и дѣйстви-

---

[1]) Гамель, стр. 115, 318, 346.

[2]) Гамель, говоритъ уже объ этой враждѣ французскихъ клерикаловъ противъ ланкастерскихъ школъ, не думая, вѣроятно, что она придетъ и къ намъ, стр. 110—112, прим.; ср. Ludwig Hahn, Das Unterrichts-Wesen in Frankreich, Bresl. 1848, стр. 277 — 278.

тельно сталъ принимать политическій оттѣнокъ, не потому, чтобы съ ихъ введеніемъ въ самомъ дѣлѣ связана была какая-нибудь прямая политическая цѣль, а просто потому, что врагами ланкастерской системы,—дѣйствительно благотворной въ тѣхъ условіяхъ, какія были во Франціи (и у насъ), тамъ, гдѣ былъ крайній недостатокъ въ народныхъ школахъ, — явились клерикальные реакціонеры, руководившіеся простыми личными своими разсчетами, и либеральная партія естественно брала школы подъ свою защиту.

Хотя у насъ ланкастерскія школы вовсе не играли такой роли, нѣчто подобное повторилось и съ нашими школами. Императоръ Александръ интересовался школами, еще недавно бесѣдовалъ о нихъ съ квакеромъ Грелье, филантропіи котораго такъ сочувствовалъ, но потомъ, повидимому, наслышался обвиненій противъ ланкастерскихъ школъ, и сталъ думать, что и у насъ онѣ служатъ разсадникомъ вольнодумства. Когда случился такъ-называемый «бунтъ» семеновскаго полка, Александръ, между прочимъ, приписывалъ его вліянію ланкастерскихъ школъ... Въ семеновскомъ полку этихъ школъ, кажется, вовсе и не было; но тѣмъ не менѣе школы, по обыкновенію, остались заподозрѣнными—никто не могъ хорошенько объяснить, почему,—и къ нимъ мало-по-малу охладѣваютъ власти, а за ними и всѣ, кто ими занимался...

Эти отдѣльные примѣры, которые представляетъ намъ исторія масонскихъ ложъ, библейскихъ обществъ и ланкастерскихъ школъ, уже рисуютъ отчасти характеръ общественной жизни во вторую половину царствованія имп. Александра. Всѣ эти учрежденія начались еще въ то время, когда пора реакціи еще не наступала, когда правительство еще сохраняло свой либерализмъ, когда въ европейскихъ дѣлахъ Александръ выступалъ нерѣдко истинно великодушнымъ защитникомъ народовъ и другомъ свободы. Всѣ они возникали съ вѣдома, даже съ одобренія правительства, но потомъ оно же само закрываетъ ихъ или окружаетъ ихъ своими подозрѣніями. Какъ ни односторонни были библейскія общества, какъ ни вредно они часто дѣйствовали, распространяя лицемѣріе и мистицизмъ (въ чемъ много было виновато само правительство, которое ихъ поощряло); каковы бы ни были недостатки масонскихъ ложъ, ихъ піэтизмъ, пустая

игра въ таинственность и въ обряды,—они имѣли свой смыслъ, потому что все-таки давали какую-нибудь пищу общественному интересу, были первой пробой общественности, и закрытіе ихъ, не вызванное никакими достаточными основаніями, падало только лишнимъ стѣсненіемъ на общество и увеличивало раздраженіе. Въ интересѣ къ ланкастерскимъ школамъ выражалась чистая филантропія, можетъ быть очень неопытная, но во всякомъ случаѣ совершенно невинная. Но при всемъ томъ, правительство не могло вынести и той ничтожной доли свободы, какую оно давало обществу въ этихъ учрежденіяхъ. Оно не устояло на своихъ первыхъ разрѣшеніяхъ; оно такъ мало знало русскую жизнь, что начало пугаться политическихъ опасностей и революціонныхъ замысловъ въ вещахъ, въ которыхъ едва были зачатки, первые склады общественной дѣятельности.

Таковы были у насъ отношенія власти къ тѣмъ первымъ опытамъ общественной дѣятельности, въ которыхъ обнаруживались признаки мысли и общественнаго интереса и которые сама власть сначала одобряла или вызывала. Власть стала почти подавлять всѣ эти попытки, не имѣя никакого яснаго понятія о томъ, что эти попытки выражали, каковы были ихъ размѣры и значеніе, и слѣдуя только внушеніямъ европейской реакціи, которымъ вторили домашніе интриганы или совершенно невѣжественные обскуранты.

Въ средѣ самого общества или той доли его, въ которой шло броженіе, эти попытки также были очень смутны и неопредѣленны. Мы видѣли на масонскихъ ложахъ, какіе разнообразные элементы могли соединяться вслѣдствіе того, что никто не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что значили эти ложи, и чего можно было ими достигать. Мистики, не имѣвшіе никакого прямого общественнаго интереса, сантиментальные филантропы, явные обскуранты и либералы, задававшіеся политическими идеями, все это могло сходиться въ масонской ложѣ, — соединяясь только однимъ инстинктомъ, что обществу чего-то недостаетъ, что нужно что-то дѣлать...

Но жизнь дѣлала свое дѣло; эти смутныя предчувствія стали разъясняться и складываться въ опредѣленныя понятія. Событія двѣнадцатаго года и послѣдующихъ годовъ дали толчекъ, который не могъ пройти безплодно для общественнаго сознанія. Новое поколѣніе, видѣвшее европейскую борьбу и вновь воспринявшее европейскіе идеалы, проникалось искреннимъ и горячимъ чувствомъ общаго блага, человѣческаго достоинства, просвѣщенія и общественной свободы. Неудовлетворенные господствующей

дѣйствительностью, часто грубо ею отталкиваемые и стѣсненные, эти люди скоро должны были почувствовать тягость и сознать неправильность различныхъ существующихъ отношеній, и въ силу своихъ идеаловъ стали искать средствъ для измѣненія и улучшенія этихъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были чувствовать себя одинокими среди большинства, совершенно безучастнаго къ этому положенію вещей; и это еще тѣснѣе сблизило ихъ въ союзъ, скрѣпленный единствомъ понятій и горячимъ желаніемъ служить общественному благу. Либеральное направленіе выдѣлилось изъ путаницы понятій, отличающей періодъ времени около двѣнадцатаго года, и въ послѣднее десятилѣтіе правленія имп. Александра оно приняло свой особенный, опредѣленный характеръ. Оно выразилось очень ясно даже въ литературѣ, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія. Тѣ люди этого направленія, въ которыхъ сильнѣе возбуждены были идеальныя стремленія и сильнѣе было желаніе дѣйствовать для ихъ осуществленія, составили тѣсный кружокъ, которому хотѣли дать правильную дѣятельность. Духъ времени, вліяніе европейскаго движенія, частныя условія русской жизни дали этому либеральному союзу форму тайнаго общества.

А. Пыпинъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА

Замѣтки о Германіи.

VI*).

— «По вашему, въ Германіи все доведено до совершенства. Это односторонне!» Такъ говорили мнѣ нѣкоторые знакомые, прочитавшіе начало моихъ замѣтокъ. Въ свое оправданіе я могу только сказать, что я и не претендовалъ на многосторонность; я говорилъ только, что въ Германіи все лучше, чѣмъ у многихъ, рѣшительно все: учрежденія, промышленность, торговля, финансы, народное просвѣщеніе и проч. Вы едва ли можете мнѣ назвать какую-нибудь отрасль народной жизни, какъ бы велика или мала она ни была, которой бы, наприм., намъ не пришлось завидовать. Это еще не значитъ совершенство въ абсолютномъ смыслѣ, но безспорно совершенство, или около того, сравнительно съ тѣмъ, что̀ у насъ есть. Сравнительно съ нами — многое совершенно, сравнительно съ другими странами—не знаю и не сужу: я не задавался критикою германской жизни въ разныхъ ея проявленіяхъ, — я хочу только сопоставить ее съ нашею; я хочу только уяснить себѣ знаменитую формулу, которая съ такой легкостью пошла ходить по Руси, именно, что «Западъ сгнилъ», а мы процвѣли.

Я искалъ этого «гнилого» Запада и находилъ вездѣ тѣло болѣе или менѣе здоровое; я сравнивалъ его съ нашимъ организмомъ и мнѣ постоянно казалось, что здоровье не у насъ. И я видѣлъ не одни города, не одни «показные», широкіе пути, по которымъ движется масса путешественниковъ; я видѣлъ села нѣмецкія,

*) См. выше, сен. 296 стр.

нѣмецкихъ мужиковъ, нѣмецкія избы, нѣмецкую бѣдность. Бѣдность тамъ тоже есть, само собой разумѣется, есть и попрошайство, есть эксплуататорство, есть весьма неравное распредѣленіе земныхъ благъ, есть колоссальный трудъ, плохо оплачиваемый, и трудъ ничтожный, хорошо оплачиваемый, есть, однимъ словомъ, все то, чѣмъ страдаетъ современная жизнь Европы, но все это на Западѣ не въ такой степени, какъ у насъ, не въ такой безсознательной, такъ сказать, не въ такой первобытной, наивной и простодушной формѣ, какъ у насъ. На Западѣ во всемъ залегло сознаніе, во всемъ тамъ свѣтится мысль, она дрожитъ и бьется тамъ въ каждомъ проявленіи жизни, а то, что̀ мыслитъ, то не погибло, то не сгнило, то способно совершенствоваться.

У насъ довольно распространено убѣжденіе, что нѣмецъ очень глубокъ въ отвлеченныхъ сферахъ, но мелокъ на практикѣ: я говорю не о практикѣ ежедневной жизни, гдѣ нѣмецъ рѣшительно торжествуетъ, а о практикѣ въ широкомъ значеніи этого слова. Это пожалуй и справедливо, если принять въ соображеніе, что въ области духа онъ проникнулъ въ неизвѣданныя пучины, все смѣрилъ и свѣсилъ, все подвергъ обстоятельной критикѣ. И все это онъ сдѣлалъ почти безстрастно, безъ пламеннаго увлеченія, которое часто разбиваетъ все враждебное извѣстному настроенію, извѣстной предвзятой идеѣ, единственно потому, что такъ или иначе, а надо разбить во что бы то ни стало; нѣмецъ разбивалъ аккуратно, не торопясь, долгимъ и упорнымъ сосредоточиваніемъ мысли на всякой подробности, даже съ придирчивостью. Онъ часто осаживалъ свою мысль, когда она неудержимо неслась впередъ, и какъ бы говорилъ ей: «нѣтъ, погоди, мы еще не кончили, мы еще посидимъ на мѣстѣ»; и этотъ добросовѣстный педантизмъ дѣлалъ нѣмца въ литературѣ немножко туманнымъ, даже невыносимымъ для многихъ читателей, нѣмцевъ и не-нѣмцевъ. Если принять въ соображеніе эту критическую дѣятельность въ области духа, то дѣйствительно можетъ показаться, что нѣмецъ на практикѣ мелокъ, что онъ признаетъ давно сожженное и поклоняется давно низвергнутому.

Но мнѣ кажется, что самый этотъ основательный, глубокоразумный процессъ въ области мышленія объясняетъ, почему нѣмецъ на практикѣ поклоняется многому тому, что̀ въ теоріи имъ забраковано. Практика не такая свободная сфера, какъ мышленіе: тутъ приходится бороться съ такими твердынями, такими преданіями, такими подробностями, которыя трудно сломать разомъ, къ которымъ даже приступать слѣдуетъ съ величайшею осторожностью; практика должна пережить тѣже мо-

менты, но еще болѣе продолжительные, какіе пережила мысль; она будетъ усвоивать себѣ прогрессъ мысли медленно, но прочно и основательно, и ни одна страна, быть можетъ, не представляетъ такого торжества «постепеннаго прогресса», какъ Германія. Конечно, порывы и восторженность французовъ во времена великой революціи—грандіозны, какъ грандіозны и увлекательны многія другія явленія бурной исторіи Франціи; но сколько борьбы, крови, жертвъ, сколько годовъ тяжкихъ несчастій должна была вынести Франція, чтобъ искупить свой высокій энтузіазмъ, чтобъ провести въ жизнь великія идеи, такимъ потокомъ бившія изъ головъ даровитыхъ и геніальныхъ представителей революціи. Скоро Франція будетъ праздновать годовщину первой своей революціи, а многое ли перешло въ жизнь и крѣпко засѣло въ ней изо всего того, что̀ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ казалось столь истиннымъ и поэтому легко осуществимымъ? Сколько разъ видѣли мы, что она переходила отъ военнаго деспотизма къ неограниченной свободѣ и обратно? Безъ сомнѣнія, такіе порывы и переходы служили превосходнымъ урокомъ для другихъ странъ, черпавшихъ въ бурномъ потокѣ свѣтлыя, живительныя струи; безъ сомнѣнія, безъ Франціи, безъ отчаянной борьбы этого народа, стремившагося разомъ овладѣть на практикѣ всѣмъ прогрессомъ мысли, Германія пошла бы впередъ медленнѣе, но она несомнѣнно пошла бы, потому что продолжала неутомимо учиться, работать и совершенствоваться. А между тѣмъ, Франція то скакала впередъ, то скакала назадъ; ея порывы были всегда быстры и рѣшительны, словно она не чувствовала себя способной только *идти*: ей нужно бѣжать или остановиться; она даже съ недовѣріемъ и съ чувствомъ нѣкотораго презрѣнія взирала на свою сосѣдку, двигавшуюся медленнымъ шагомъ, и какъ бы думала: «Бѣдная, жалкая сосѣдка, туманная мыслительница, я не завидую тебѣ, не завидую тому, что ты такъ упорно учишься и работаешь, не завидую тому, что ты мыслишь такъ много и такъ туманно, ибо что́-жъ тебѣ и дѣлать во время скучнаго, томительнаго пути, какъ не пробавляться туманными идеями? Но я догоню тебя разомъ — одного порыва мнѣ достаточно, чтобъ ты преклонилась предо мною и признала меня первенствующею державою въ мірѣ. Я — сама блескъ и яркая мысль; мой день—другіе измѣряютъ вѣками; славѣ моихъ фельетонистовъ завидуютъ твои короли и князья...»

А Германія все себѣ шла и шла впередъ, точно рѣшившись представить міру доказательство противоположнаго принципа, именно, что только то прочно и вѣчно, что пріобрѣтается не спѣша, не бурными порывами, а твердымъ шагомъ человѣка,

сознающаго свои силы и свои права. Это—смѣлость особеннаго рода, не страстная смѣлость француза, но все-таки смѣлость; это—смѣлость инженера, перебрасывающаго легкій мостъ черезъ бурную рѣку; это — смѣлость капитана корабля, самоувѣренно пускающагося по океану; это—смѣлость ученаго, столь увѣреннаго въ истинахъ своей науки, что онъ станетъ спокойно излагать и анализировать дѣйствія властей въ аудиторіи, наполненной властями, излагать съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло идетъ о сусликахъ; это—смѣлость оператора, спокойно отрѣзывающаго руку, пораженную антоновымъ огнемъ. Но инженеръ, перебрасывающій мостъ черезъ рѣку, не уничтожаетъ рѣки; операторъ рѣжетъ руку, чтобъ спасти остальное тѣло; голову онъ отрѣжетъ только у трупа, а не у человѣка живого, хотя бы въ немедленной смерти его онъ былъ убѣжденъ. Хорошо бы, конечно, перелетѣть рѣку вмѣсто того, чтобъ трудиться строить черезъ нее дорогой мостъ; хорошо бы совсѣмъ уничтожить заразу, чтобъ она не заставляла рѣзать члены, и т. д.; но пусть къ этому стремятся пылкія души, страстные мечтатели, не умудренные опытомъ исторіи и истинами механики и медицины; ихъ порывы, ихъ дерзновенная отвага могутъ имѣть свои плоды въ отдаленномъ будущемъ, но для настоящаго надо пользоваться данными настоящими: мы переѣдемъ рѣку, вылечимъ отъ антонова огня, возьмемъ, или лучше сказать, заставимъ своею серьезностью, дѣльностью и крѣпостью дать необходимыя намъ права и побудимъ справляться постоянно съ нашимъ мнѣніемъ по всѣмъ вопросамъ, которые касаются нашей жизни, нашего кармана, нашего духовнаго развитія.

Понятно, что при такомъ серьезномъ отношеніи къ дѣйствительности, при такомъ «ученомъ» взглядѣ на вещи, нѣмецъ можетъ быть и либераломъ и радикаломъ въ одно и тоже время—либераломъ на практикѣ и радикаломъ въ теоріи. Оттого, быть можетъ, нѣкоторые остроумцы и говорятъ, что у двухъ нѣмцевъ непремѣнно три мнѣнія; къ этому можно бы прибавить, что два изъ нихъ непремѣнно разумныя и основательныя. Если бы мы стали считать, сколько мнѣній приходится на двухъ русскихъ, то едва ли могли бы отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно. По большей части у насъ совсѣмъ никакихъ мнѣній нѣтъ, и замѣчательно, что мы этимъ ни мало не тяготимся, тѣмъ болѣе, что всегда есть книги, изъ которыхъ довольно легко заимствовать необходимое на извѣстный случай: «что̀ послѣдняя книга намъ скажетъ, то на душѣ нашей и ляжетъ». Не хлопотливо и недорого: книги у насъ товаръ дешевый. Вообще же можно положить, что minimum на двухъ русскихъ можно положить шесть

мнѣній: одно у каждаго изъ нихъ для себя самого и очень тѣснаго кружка домашнихъ и друзей; другое — для знакомыхъ болѣе или менѣе близкихъ, третье—для незнакомыхъ и въ общественныхъ мѣстахъ. Я могъ бы прибавить, что есть еще четвертое мнѣніе — для начальства, но это, собственно говоря, даже и не мнѣніе.

VII.

Я не могу не вспомнить одного своего пріятеля, отчаяннаго французофила, который писалъ мнѣ изъ Берлина въ началѣ настоящей войны: «Развѣ есть нѣмецкіе либералы? нѣмецкій либерализмъ смѣшенъ». Я отвѣчалъ ему, что можетъ быть нѣмецкій либерализмъ смѣшенъ, но онъ несомнѣнно серьезенъ, потому что подкладка подъ нимъ весьма положительна—сознательное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ политическимъ, юридическимъ и религіознымъ. Правда, либерализмъ этотъ всегда въ мѣру, но это въ характерѣ нѣмца, въ складѣ его ума и образованія, какъ говорилъ я выше; та же черта сказывается и въ вопросахъ религіозныхъ. Повидимому, при существующей въ Германіи свободѣ религіозной критики, надо бы ожидать, если смотрѣть на дѣло съ иной, запретительной точки зрѣнія, что нѣмцы самый безбожный народъ. Въ самомъ дѣлѣ, евангеліе у нихъ анализировано самымъ обстоятельнымъ образомъ, въ библіи нѣтъ мѣста, оставшагося безъ коментарій, не всегда уважительныхъ; самые ортодоксальные писатели принуждены «мирить» науку съ теологіей и дѣлать многія уступки въ пользу первой: соблазнъ очевидный и, однако, нѣмецъ религіозенъ и продолжаетъ вѣрить и молиться даже въ то время, когда перечиталъ и усвоилъ себѣ многія истины, добытыя наукой. Противорѣчіе странное, но легко объяснимое: говорятъ же, что астрономы, наиболѣе основательно изучившіе небо и законы, управляющіе теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, люди религіозные. Привычка къ вѣчному анализу, кропотливое вниманіе ко всѣмъ подробностямъ, постоянное взвѣшиванье и примѣриванье, заставляющія уважать вѣру другихъ, и самому не оставаться въ пустотѣ и потемкахъ, дѣлаетъ то, чего не можетъ сдѣлать и никогда не сдѣлаютъ никакія полицейскія постановленія, никакіе гражданскіе и духовные цензоры. Такимъ образомъ, давнишняя свобода изслѣдованія во всѣхъ областяхъ мышленія не только не мѣшаетъ нѣмцу быть человѣкомъ умѣреннымъ и основательнымъ на практикѣ, но эта свобода и создала эту основательность. Не бѣда, если человѣкъ все знаетъ и

все понимаетъ,—бѣда, если онъ мало знаетъ и мало понимаетъ; знаніе дѣлаетъ человѣка возмужалымъ очень скоро, незнаніе оставляетъ его надолго въ пеленкахъ. Нѣмцы не называютъ себя народомъ молодымъ, а мы прожили тысячу лѣтъ и все молоды, и не краснѣемъ за эту молодость, хотя она безспорно молодость старой дѣвы, не желающей замѣчать морщинъ, бороздящихъ ея лицо.

— Отчего вы не выходите замужъ?

— Рано еще: мнѣ только еще тысячу лѣтъ. Я не созрѣла.

— Да? Какъ вы счастливы: подождете второй тысячи?

— Подожду, потому я не хочу обижать родителей.

Нѣтъ, не шутя, когда посмотришь кругомъ и увидишь—что же? Плохая научная подготовка, вѣчныя отступленія въ сторону, отсутствіе въ умахъ дисциплины, никогда прочно не насаждаемой приказами и «правилами», мелочнымъ преслѣдованіемъ, шаткость убѣжденій и легковѣсность морали и т. п., чѣмъ такъ сильно страдаютъ у насъ. У насъ наука и критика постоянно на привязи, какъ добрый конь, которому не даютъ размять членовъ, не пріучаютъ къ свободному и благородному бѣгу и кормятъ въ проголодь; вдругъ, въ одно прекрасное утро, нежданно-негаданно, коня спускаютъ съ привязи и даютъ ему вволю овса—конь начинаетъ брыкать и мчится, закусивъ удила.

— Ну, вотъ, кричатъ иные съ боязнью въ сердцѣ и съ торжествующей улыбкой на лицѣ: мы говорили, что рано еще спускать—на наше и вышло!

Начинаютъ ловить коня, выпустятъ множество народу для ловли и разумѣется поймаютъ, постегаютъ его изрядно и снова на привязь и солому, и выходитъ въ концѣ концовъ, что наука и критика—кляча клячей, а нѣмцы кричатъ между тѣмъ у себя про насъ:

— «Да помилуйте, русскіе—это неспособный народъ; со временъ Петра ихъ учатъ, учатъ—ничему не выучатъ. Еще дѣло идетъ кое-какъ на ладъ, когда они приглашаютъ къ себѣ въ наставники нѣмцевъ, какъ культуру приносящій и культурѣ споспѣшествующій (culturbringendes und culturförderndes) элементъ. Помилуйте, денегъ тратятъ множество, а ничего не выходитъ, потому что въ самомъ характерѣ нѣтъ терпѣнія и выдержки, нѣтъ культурныхъ элементовъ. Изъ всѣхъ университетовъ только въ одномъ дерптскомъ всѣ ученыя силы, требуемыя штатомъ, на лицо; во всѣхъ остальныхъ—страшный недостатокъ: въ Казани изъ 117 преподавателей по штату — на лицо только 64, въ Кіевѣ изъ 114 — 67, въ Харьковѣ изъ 114 — 76 и проч. и проч. Правительство отправляетъ молодыхъ людей за-границу,

расходуетъ для этого большія суммы, а молодые люди оказываются неспособными. Русскіе воображаютъ, что къ профессурѣ можно приготовить всякаго и не обращаютъ никакого вниманія на призваніе, котораго впрочемъ, и нѣтъ, или которое и существуетъ только какъ счастливое исключеніе.

— Неправда, говоришь имъ, вы не знаете нашихъ дѣлъ, вы не можете вообразить себѣ всѣхъ нашихъ условій, которыми было обставлено наше просвѣщеніе, вы не можете себѣ представить той бюрократической рутины, которая разъѣдала у насъ все....

— А что же это доказываетъ? Это доказываетъ, что вы неспособный къ культурѣ народъ....

— Но выслушайте: намъ не довѣряли, не слушали нашего голоса, не хотѣли знать нашихъ потребностей; какимъ образомъ у насъ могутъ развиться призванія, когда у насъ въ филологи набирали молодыхъ людей точно также, какъ вашъ Фридрихъ-Вильгельмъ набиралъ себѣ солдатъ: кому ѣсть нечего, кому дѣваться некуда—тотъ и идетъ, а если и такихъ нѣтъ, то прямо говорятъ: мы дадимъ стипендію только тѣмъ, которые захотятъ быть филологами... Захотятъ быть?! Вѣдь это все равно, что захотѣть быть Гумбольдтомъ. Наше просвѣщеніе...

— Oh, das wissen wir schön, ihre Volksaufklärung!

И нѣмецъ улыбается самымъ добродушнымъ образомъ и на языкѣ у него вертится нѣмецкій *witz*. Мнѣ становится ужасно конфузно; я смотрю на него изподлобья и утѣшаюсь: погоди, думаю я себѣ.

— Oh, das wissen wir schön ihre Volksaufklärung! еще добродушнѣе повторяетъ нѣмецъ. Вы — нація оригинальная въ томъ отношеніи, что начинаете съ конца, тогда какъ всѣ культурныя націи (и онъ подчеркиваетъ слово «культурныя») начинаютъ сначала. Народное просвѣщеніе вы начали съ академіи и утѣшались тѣмъ, что вы наравнѣ съ другими стоите, потому что и у васъ есть академія наукъ. За этимъ первымъ представленіемъ послѣдовало другое—законодательная коммиссія вашей Екатерины: вотъ, заговорили въ Европѣ, свѣтъ идетъ теперь изъ Россіи. Но ахъ, свѣтъ отъ васъ такъ и не вышелъ. Къ академіи вы прибавили университеты, къ университетамъ гимназіи, къ гимназіямъ *нѣсколько* народныхъ школъ и баста! Много ли это? Вы хвалились, что васъ 60 милліоновъ, стало быть, у васъ 9 милліоновъ дѣтей; полагая на каждую школу по 50 дѣтей, что̀ очень много при вашихъ разстояніяхъ, вы должны бы имѣть 180,000 школъ, но у васъ ихъ всего около 30,000, и вы стояли ниже Турціи, потому что въ Турціи изъ 100 дѣтей 11 посѣщаютъ школу, а у васъ всего—6. Вотъ вамъ

и остается утѣшаться тѣмъ, что у васъ есть по части просвѣщенія все, но народнаго просвѣщенія нѣтъ. У васъ все такъ: есть формы для всего, но сущности нѣтъ. Ваша законодательная коммиссія упредила на нѣсколько лѣтъ учредительныя французскія собранія, но изъ этого не слѣдуетъ, что вы упредили Францію, нѣтъ, не слѣдуетъ, добродушно повторяетъ нѣмецъ и жметъ мнѣ руку.

Господи! думалъ я, хоть бы сквозь землю провалиться....

— Да, продолжалъ онъ, у васъ впрочемъ есть кое-что, чего и у другихъ нѣтъ: у насъ, напр., всѣ школы сосредоточены въ рукахъ одного министерства, а у васъ всѣ министерства хотятъ просвѣщать народъ и у каждаго есть подъ вѣдѣніемъ школы. Повидимому, какъ бы процвѣтать вамъ должно, когда всѣ народъ просвѣщаютъ, а вотъ нѣтъ же этого, и нѣтъ потому, что вы народъ не культурный....

Я не на шутку начинаю волноваться и доказываю этому филистеру, что виноваты не мы....

— О, я и не думаю обвинять васъ. Мы знаемъ о васъ больше, чѣмъ вы воображаете, мы знаемъ васъ, какъ свою родину. Вѣдь доказали же мы, что Францію знаемъ мы лучше французовъ; не даромъ же и всѣ ваши путешественники были нѣмцы: вы даже самихъ себя не можете изучить или не хотите....

— А чьи же школы у васъ лучше? началъ опять нѣмецъ.

— Чьи лучше — я не знаю. Но я знаю, что военное министерство преслѣдуетъ въ своихъ школахъ принципъ реализма, народнаго просвѣщенія—принципъ классицизма, и такимъ образомъ оба принципа идутъ братски, взаимно другъ друга поддерживая и подталкивая. Намъ не было бы спасенія отъ латыни и грековъ, если бы не было военныхъ гимназій....

— Вамъ не будетъ спасенія ни отъ такого реализма, ни отъ такого классицизма, по той простой причинѣ, что тамъ, гдѣ нѣтъ народныхъ школъ, тамъ не можетъ быть насаждена твердо ни одна система образованія. Это все равно, что начать строить домъ сверху, съ крыши. Быть можетъ, удастся и такимъ манеромъ построить домъ, особенно крышу: можно вывести ее очень высоко, такъ что далеко ее будетъ видно, и потомъ выводить этажи, но я знаю, что никто и нигдѣ такъ дома не строитъ. А вы все съ крыши начинаете и, конечно, одному Богу извѣстны результаты: пожалуй, вамъ и удастся провести это новое начало въ европейскую цивилизацію....

Я былъ нѣсколько озадаченъ всѣмъ этимъ, но потомъ утѣшился, когда мнѣ удалось услышать разговоръ одной русской дамы съ другимъ нѣмцемъ, отецъ котораго долго жилъ въ Москвѣ

и вывезъ оттуда даже самоваръ, который, кстати сказать, усвоивается европейскою цивилизаціей. Дама доказывала нѣмцу, начитавшемуся очевидно брошюръ о нѣмецкихъ колонистахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что у насъ послѣднимъ очень хорошо, что они у насъ не столько подчиненные, сколько хозяева, и что вообще и всѣмъ другимъ нѣмцамъ у насъ очень хорошо и они занимаютъ даже высокія мѣста.

— Далеко еще не всѣ, возразилъ нѣмецъ.

А, подумалъ я, это все изъ зависти они такъ плохо отзываются о нашемъ народномъ просвѣщеніи и утверждаютъ, что мы воздвигаемъ его съ крыши: имъ хочется всюду насадить нѣмцевъ... Но такъ ли это? Нѣтъ ли правды въ нѣмецкихъ словахъ? Какія цифры представимъ мы противъ ихъ цифръ? И воображеніе рисуетъ мнѣ милую, дорогую родину, пространную родину и пространное невѣжество и пространныя затрудненія, которыми обставлены у насъ устройство и веденіе школъ, и я невольно нападаю на мысль: разрушаютъ ли домъ оттого, что въ немъ усмотрѣно нѣсколько худыхъ камней? Нѣтъ, вмѣсто этихъ камней можно вставить новые. Отчего же мы разрушили воскресныя школы, когда увидѣли, что въ нихъ завелось нѣсколько наставниковъ, которые начали учить не-вѣсть чему, вмѣсто того, чтобъ учить азбукѣ? Развѣ нельзя было устранить этихъ наставниковъ, развѣ нельзя было подвергнуть благоразумному контролю это благородное стремленіе образованной части нашего общества обучить неграмотныхъ мужиковъ? Не разрушили ли мы домъ за то только, что въ немъ оказалось нѣсколько негодныхъ камней?...

Когда Богъ вздумалъ наказать Содомъ и Гоморру, онъ обѣщалъ Лоту пощадить эти города, если въ нихъ найдется только нѣсколько праведныхъ. Но то былъ Богъ! Мы же, вѣрующіе въ этого Бога, болѣе склонны поступать совершенно наоборотъ.

VIII.

А какъ бы намъ нужно учиться, Боже мой, какъ нужно! Европа не будетъ насъ ждать долго, а между тѣмъ внутри насъ сидитъ весьма опасный врагъ; этотъ врагъ — наше невѣжество, наша отсталость, наше незнакомство съ азбукой общественной и политической жизни, столь колоссальное незнакомство, что мы продолжаемъ упорно считать вреднымъ многое изъ того, что на Западѣ считается безспорно полезнымъ. И эта война съ невѣжествомъ должна быть на жизнь и смерть, отчаянная, упорная война, ни на минуту не ослабѣвающая.

Въ наше время существуетъ еще и другой бичъ, изъ области внѣшней политики; онъ новъ по своимъ средствамъ и по своимъ задачамъ, хотя, повидимому, средства и задачи стары—война и европейское равновѣсіе! Надъ послѣднимъ одни смѣются, попираютъ его ногами, другіе ставятъ его на прежнюю высоту и кричатъ: не допустимъ нарушить европейскаго равновѣсія! Все это ужасно старо, все отзывается гнилью и плесенью, и въ морѣ обыденныхъ фразъ, испускаемыхъ нашею журналистикою на этотъ счетъ, напрасно вы станете искать даже подновленнаго слога, какимъ писалась въ былые дни цѣлая куча сочиненій о европейскомъ равновѣсіи.

А между тѣмъ, оно существуетъ, оно должно существовать это равновѣсіе, но въ новой формѣ: это, если можно такъ выразиться, не просто европейское равновѣсіе, а равновѣсіе европейской цивилизаціи, не счеты за территоріальныя границы, за присоединеніе разныхъ клочковъ земли, а счеты за умственную отсталость, за духовную слѣпоту, за разширеніе и уровень умственной территоріи. Уже войска первой революціи, безжалостно нарушавшіе территоріальное европейское равновѣсіе, возстановляли равновѣсіе умственное; но безъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ нельзя было быстро совершать подобные перевороты, и Европа, покрываясь этими быстрыми путями сообщенія, тѣшилась на Востокѣ и дѣлала небольшія революціи у себя дома. Со временъ крымской войны начались войны мирно-революціоннаго характера, т.-е. преобразовательнаго характера въ своемъ результатѣ. Мы слишкомъ прежде высоко подняли голову, не имѣя на то духовнаго права; намъ доказали это очень ясно и осязательно, и мы бросились въ догонку за Европою. За нами настала очередь Австріи, которой потребовались два сильныхъ урока, чтобъ обновить свои обветшалыя формы; за Австріей страшно поплатилась сама Франція. Тамъ оставались глухи къ голосу общественнаго мнѣнія, строго наказывали печать, если она посмѣетъ сказать рѣзкую правду въ глаза, и полицейскимъ порядкомъ, въ тихомолку, «запрятывали» недовольныхъ, если они неосторожно выражали свое мнѣніе; стѣсняли совѣсть, мысль, но за то расширяли права и число полицейскихъ, возлагая на нихъ всю надежду; благодаря такимъ мѣрамъ, страна теряла духъ иниціативы, пріобрѣтала равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, становилась даже неспособной на патріотическіе порывы. «У меня есть преданная армія и преданная полиція», думалъ Наполеонъ и спалъ на лаврахъ, успокоенный на счетъ революціи. Въ самомъ дѣлѣ, съ арміей и съ полиціей можно было стѣснять жителей, можно брать съ нихъ произвольные на-

логи, можно не отдавать имъ ни въ чемъ отчета, Но вотъ армія разбита, деньги потрачены на войну и правительство осталось съ народомъ, обезсиленнымъ имъ же самимъ. Это слово въ слово случалось съ Австріей; но теперь, не дѣлая революціи, она нашла въ войнѣ 59 и 66 годовъ результаты болѣе блистательные, чѣмъ какіе могла бы дать ей революція. Съ Франціей случилось нѣчто несравненно болѣе трагичное, и теперь весь свѣтъ относится съ уваженіемъ къ тѣмъ самымъ людямъ, которые слыли за противниковъ общественнаго порядка, а охранители этого порядка явились въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, т.-е. охранителями своей карьеры, которая была и есть и будетъ дороже имъ всѣхъ интересовъ родины.

Но и революціи и войны — все-таки бичи, и, конечно, было бы желательно, чтобъ міръ не видѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ; Европа осѣла въ своихъ геологическихъ переворотахъ, пора бы осѣсть ей и въ переворотахъ политическихъ, но случится это вѣроятно не скоро, и надъ народами еще множество честолюбцевъ станутъ производить свои эксперименты. Даже мечтатели о Соединенныхъ Штатахъ Европы врядъ ли станутъ спорить, что и при существованіи подобныхъ штатовъ можетъ возгорѣться война столь же убійственная и продолжительная, какъ американская. Понятно, что до этихъ европейскихъ соединенныхъ штатовъ намъ также далеко, какъ до звѣзды небесной, и надо утѣшаться уже и тѣмъ, что Европа дожила до той поры, когда никакому государству, занимающему часть ея территоріи, невозможно больше отставать отъ другихъ, если оно не хочетъ испытать на себѣ всей тяжести отвѣтственности за свою отсталость.

Привилегированные патріоты наши увидѣли опасность, которая грозитъ намъ со стороны Германіи, но они, къ сожалѣнію, понимаютъ эту опасность чрезвычайно узко, и какъ ни вчитывайтесь въ многорѣчивыя статьи ихъ, ничего не вынесете изъ нихъ, кромѣ того, что Бисмаркъ непремѣнно отниметъ у насъ Остзейскій край. Я не знаю, замышляетъ ли это Бисмаркъ, но нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что рано или поздно намъ придется вступить въ борьбу не съ одними туркестанцами. Исторія исполнена случайностей и въ ней нельзя предсказывать, какъ въ астрономіи. «Мы должны готовиться», говорятъ патріоты; «мы не готовы», великодушно сознаются самые смѣлые изъ нихъ. Но съ этимъ послѣднимъ увѣреніемъ никто не можетъ согласиться. Военный бюджетъ Сѣверогерманскаго союза составляетъ 67 мил. талеровъ, военный бюджетъ Франціи—100 милліоновъ, а нашъ военный бюджетъ 150 мил. талеровъ. Вотъ доказательство, что мы могли бы вызвать на бой весь Сѣверогер-

манскій союзъ и съ Франціей вмѣстѣ, а намъ говорятъ, что мы не готовы для одной Пруссіи, и что Бисмаркъ возьметъ Остзейскій край. Еслибъ Остзейскаго края у насъ не было, патріоты не пошевельнулись бы, но теперь «они не готовы». Радуюсь этой откровенности, но сожалѣю, что она не полная. Робко и многорѣчиво, пряча свою мысль въ обиліи патріотическихъ фразъ, въ какой-то смѣси ухорства и уничиженія, они стали прибавлять въ послѣднее время, что намъ необходимо завесть такую же народную армію, какъ въ Пруссіи. Это все ради Остзейскаго края—не будь его, народной арміи намъ было бы не нужно, какъ не нужно теперь ничего другого, кромѣ народной арміи. По крайней мѣрѣ, патріоты никакихъ другихъ желаній не высказываютъ; народная армія—и только: неграмотному очки—и онъ будетъ читать превосходно.

Да не подумаетъ читатель, что я желаю говорить противъ образованія у насъ народной арміи; совсѣмъ напротивъ: если есть у меня пламенное желаніе, то именно это, но я знаю въ тоже время, что одного этого недостаточно. Надо, чтобъ и все другое у насъ хотя бы приблизилось къ уровню ужъ если не общеевропейскаго, то по крайней мѣрѣ прусскаго, да, прусскаго, какъ это слово ни рѣжетъ чувствительные уши читателя, привыкшаго думать, что Пруссія—это даже не Европа, а нѣчто въ родѣ Россіи, только послабѣй въ военномъ отношеніи. Конечно, она нашла своего мастера для ружей, тогда какъ мы искали ихъ повсюду то принимая одинъ образецъ и передѣлывая по немъ свои ружья, то принимая другой и передѣлывая по немъ передѣланныя уже, и т. д., но это ничего—извѣстно, что мы не такъ скупы, какъ Пруссія. Правда и то, что самую военную форму мы заняли отъ Пруссіи, но за то сколько разъ мы ее передѣлывали, тогда какъ Пруссія передѣлывала ее очень мало.

Говоря серьезно, очень жаль, что вмѣстѣ съ формой мы не заимствовали отъ Пруссіи ея военной системы; еще болѣе жаль, что, принужденные послѣ севастопольской кампаніи, принесшей намъ не мало пораженій и невыгодный миръ, мы не вспомнили о прусской военной системѣ, а ограничились реформами, правда существенными, преобразившими нашу армію, но не столь существенными, какія рѣшительно приняла Пруссія послѣ пораженія при Іенѣ. Униженная, обрѣзанная въ своей территоріи, низведенная въ разрядъ ничтожныхъ государствъ, принужденная даже держать только извѣстное количество войска, какъ мы принуждены были не держать флота на Черномъ морѣ, Пруссія нашла энергическихъ и талантливыхъ людей: въ то время, какъ

Штейнъ взялся за внутреннія реформы, Шарнгорстъ, Бюловъ, Гнейзенау, и др. рѣшились, къ ужасу и негодованію сильной аристократической и придворной партіи,—ввести всеобщую военную повинность. Дѣло неслыханное и до сихъ поръ остающееся безпримѣрнымъ, дѣло, стоившее Пруссіи названія милитарной, въ самомъ худомъ значеніи этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, самую тяжкую повинность, на которую обречены обыкновенно тѣ, которые несутъ наиболѣе тяжкій и неблагодарный трудъ, заставить исполнять всѣхъ, рѣшительно всѣхъ, и даже не дозволить выкупа, не дозволить богатому поставить вмѣсто себя рекрута—какой взрывъ негодованія долженъ былъ объять всѣхъ привилегированныхъ рожденіемъ и богатствомъ! Вѣдь это не то, что Сперанскій у насъ сдѣлалъ, заставивъ дворянство кое-что дѣлать на службѣ гражданской; но мы его сломили за это (между прочимъ), и все дворянство рукоплескало этому паденію. Я не даромъ вспомнилъ Сперанскаго: когда ему ничего не удавалось, въ это же время его прусскимъ современникамъ удалось многое, и мы не даромъ остались позади....

IX.

Едва ли теперь надо еще доказывать, что побѣды зависятъ столько же отъ генія полководца, сколько отъ духа и вооруженія арміи: геніальный полководецъ создаетъ обыкновенно и духъ арміи; но такъ какъ геніальныхъ полководцевъ нельзя достать изъ кармана при всякой нуждѣ, то приходится довольствоваться духомъ арміи, ея энтузіазмомъ, ея твердымъ сознаніемъ своего долга, т.-е. устранить по возможности случайность и создать нѣчто постоянное. Когда нѣмцы, въ эпоху большой революціи двинулись во Францію, они имѣли сначала успѣхъ; но когда образовалась наскоро республиканская армія—нѣмцы простились съ успѣхомъ. Нѣмецкаго солдата того времени, эту живую машину, привыкшаго къ пассивному повиновенію своимъ командирамъ, привыкшаго не разсуждать и не имѣть другой воли и другихъ цѣлей, кромѣ воли и цѣлей отцовъ-командировъ, страшно поразило во французскомъ войскѣ гражданъ именно то, что, по мнѣнію отцовъ-командировъ нѣмецкихъ, должно было погубить республиканцевъ—это отсутствіе въ нихъ механической выправки. Нѣмецкій солдатъ очутился въ безпомощномъ положеніи противъ воодушевленнаго француза, который бѣжалъ впередъ изъ рядовъ и дрался самостоятельно, бросаясь то на того, то на другого непріятеля. Эту свободу и самостоятельность На-

полеонъ употребилъ какъ могучее орудіе новаго способа войны; когда уже приходилось не защищать свое отечество, а идти на завоеванія, геніальный полководецъ создалъ дисциплину и открылъ широкую дорогу всякому дарованію. Тотъ не солдатъ, кто не надѣется быть генераломъ — у насъ это больше для пустословія говорится, а во французскомъ войскѣ дѣйствительно каждый солдатъ могъ быть генераломъ и маршаломъ и солдаты дѣлались генералами и маршалами. Такой новый принципъ создалъ превосходную армію, противъ которой старая Пруссія не могла выставить ничего равносильнаго. Тогда-то она ввела общую военную повинность, разсчитывая, что войско, составленное изъ людей всѣхъ званій, народное войско, проникнется любовью къ отечеству и чувствомъ своего долга несравненно сильнѣе, чѣмъ механически-созданные солдаты, которымъ въ массѣ болѣе знакомо чувство повиновенія и страха, чѣмъ чувство настоящаго патріотизма. Разсчетъ всегда оказывается вѣрнымъ, когда неестественное противополагается естественному. Понятно, что такое войско было образованнѣе прежняго и, стало быть, необходимо было создать и образованныхъ офицеровъ. Завели офицерскіе экзамены, военныя школы и разныя другія образовательныя средства. Протекція, наполняющая обыкновенно арміи высокопоставленными, но бездарными и ничтожными офицерами, потеряла значительную долю своей силы, когда сынъ фельдмаршала не могъ сдѣлаться поручикомъ, не выдержавъ строгаго экзамена.

Такимъ образомъ, прусское войско явилось представителемъ новой эры въ военной исторіи; во время войнъ за освобожденіе Европы оно показало себя съ лучшей стороны, но затѣмъ продолжительные годы мира, когда оно было почти безполезно, были употреблены на плацпарады, безсодержательныя ученья, на механическую выправку, на уничтоженіе самостоятельности въ солдатѣ; необычайная выправка русскаго солдата, которою такъ усердно занимались въ прежнія времена, соблазнила пруссаковъ и они конкуррировали въ этомъ отношеніи съ нами. Къ счастью для Пруссіи, насъ побили прежде, и Пруссія немедленно воспользовалась урокомъ. Съ 1855 года ученья солдатъ приняли совсѣмъ другой характеръ: все было направлено къ тому, чтобъ образовать интеллигентнаго, думающаго и способнаго солдата, для котораго честь и защита родной страны являлись вовсе не пустой фразой. Офицерское сословіе, всегда развитое, развилось еще сильнѣе, протекція совсѣмъ была изгнана, и все то, что было лѣниво, но жаждало отличій, ушло въ Австрію, гдѣ подобнымъ людямъ всегда раскрывали объятія, и гдѣ протекція играла

такую же роль, какъ у насъ до крымской войны. Кому неизвѣстно, какія дѣла дѣлались въ эту кампанію? Кто не читалъ очерковъ графа Л. Толстаго, гдѣ съ такою любовью и правдою описанъ солдатскій и офицерскій бытъ? Сражались солдаты, посылались въ жаркія схватки разные Петровы и Ивановы, а князья, графы и сыновья извѣстныхъ фамилій получали чины и ордена: вакансіи быстро очищались смертью и производство разныхъ штабныхъ, прикомандированныхъ къ разнымъ генераламъ, ихъ адъютантовъ шло чрезвычайно быстро. Вражеская пуля щадила этотъ «цвѣтъ» дворянства, потому что его защищалъ лѣсъ простыхъ смертныхъ, за которыхъ не хлопотали ни тетушки, ни бабушки, ни маменьки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ огорчить какую-нибудь княгиню смертью ея сына, какъ поразить въ сердце высокопоставленную даму, если сынъ ея потеряетъ способность танцовать на блестящихъ балахъ? Развѣ мало безвѣстныхъ матерей, плачъ и горе которыхъ никому не будетъ извѣстно? Съ тѣхъ поръ наше военное сословіе двинулось впередъ и стало получать образованіе болѣе солидное.

Нашъ солдатъ всегда былъ храбръ; теперь онъ и развитѣе, но массу солдатскую, конечно, нечего сравнивать относительно развитія съ прусскою. Недавно было напечатано распоряженіе, чтобъ солдаты при стрѣльбѣ жалѣли заряды, чтобъ они непремѣнно цѣлились. Распоряженіе прекрасное и очевидно вызванное примѣрною экономіей прусскаго солдата; но почему сей послѣдній экономенъ? Онъ экономенъ потому, что въ зарядѣ для него цѣлый рядъ мыслей: онъ знаетъ, что этотъ зарядъ купленъ на народныя деньги, на деньги его же семьи, онъ знаетъ, что мелочная экономія въ концѣ концовъ сводится на большія суммы, что эти суммы входятъ въ бюджетъ, а бюджетъ пополняется его отцомъ, будетъ пополняться имъ же самимъ, когда онъ сниметъ свой мундиръ и отдастся мирнымъ занятіямъ. Эта экономія вошла уже въ плоть и кровь нѣмца и на казенное добро онъ не смотритъ какъ на дойную корову, а какъ на народныя деньги, которыя слѣдуетъ беречь больше чѣмъ свои. У многихъ ли у насъ, сложились такія прекрасныя понятія? Нѣмецкая честность вошла въ пословицу и въ ихъ администраціи военной и гражданской дѣйствительно всякая копѣйка идетъ на дѣло: администраторъ тамъ не наживется, еслибъ и хотѣлъ этого, потому что среда такая, что не дастъ ходу безчестному человѣку.

Прусскіе кавалеристы оказались особенно интеллигентными въ этой войнѣ, и кавалерія, какъ войско, получило самое разнообразное примѣненіе. Я ничего не знаю о нашихъ кавалеристахъ, но въ обществѣ почему-то сложилось убѣжденіе не

въ пользу ихъ; за послѣдніе годы было нѣсколько случаевъ, описанныхъ въ газетахъ, когда кавалеристы являлись далеко не въ выгодномъ свѣтѣ. Я вовсе не думаю обобщать этихъ случаевъ, но офицерское сословіе не должно представлять такъ много даже и единичныхъ примѣровъ; случаи, разсказанные въ газетахъ, касались столкновеній съ гражданами и заставляли предполагать о какомъ-то антагонизмѣ между военными и штатскими. Ничего не можетъ быть безнравственнѣе и уродливѣе этого антагонизма, потому что довѣріе гражданъ къ арміи—первое качество хорошей арміи, то-есть, я хочу сказать, что армія должна прежде всего заслужить уваженіе и довѣріе согражданъ. Только во времена крайней солдатчины можно еще понимать обособленность военнаго сословія и развитіе особенныхъ понятій о превосходствѣ мундира передъ фракомъ; въ Пруссіи такая обособленность особенно сильно проявлялась въ XVIII вѣкѣ, такъ что король Фридрихъ Вильгельмъ III былъ вынужденъ отдать слѣдующій приказъ: «Съ большимъ неудовольствіемъ узналъ я, что многіе, особенно молодые офицеры стараются выставлять на видъ свое превосходство надъ гражданскимъ сословіемъ. Я съумѣю внушить уваженіе къ войску тамъ, гдѣ это необходимо, на театрѣ войны, гдѣ оно кровью и жизнью защищаетъ своихъ гражданъ. Но въ остальное время никто изъ военныхъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, не долженъ смѣть оскорблять кого-либо изъ гражданъ; граждане, а не я содержатъ армію; ихъ хлѣбомъ живетъ войско, ввѣренное моей власти, и потому арестъ, отставка и смерть будутъ наказаніемъ, которому подвергнется каждый ослушникъ настоящаго приказа». Однако, приказъ этотъ, запечатлѣнный гуманными идеями, высказанными съ высоты трона, не уничтожилъ совсѣмъ печальныхъ явленій обособленности военнаго сословія: устраненія ихъ можно ожидать только тогда, когда арміи станутъ народными и когда военные будутъ подчинены одному суду со всѣми.

X.

Съ точки зрѣнія честолюбцевъ, заботящихся не столько о народѣ, имъ управляемомъ, сколько о собственной безопасности, лучшею арміей была бы, можетъ быть, та, которая состояла бы изъ здоровыхъ и крѣпкихъ людей, чувствующихъ особенное призваніе къ военному дѣлу и посвящающихъ ему цѣлую жизнь свою; отслуживъ 15 — 20 лѣтъ, такой солдатъ

отпускается на покой и получаетъ обезпеченіе до конца своихъ дней. Но откуда набрать такую армію? Если же и можно было бы образовать ее, то она стоила бы страшно дорого, такъ что никакое государство не въ состояніи было бы вынести ея бюджета. Но это еще не самое важное: новѣйшія войны, при усовершенствованномъ оружіи, требуютъ огромныхъ массъ людей, ловкихъ, понятливыхъ, самостоятельныхъ, умѣющихъ обращаться съ сложнымъ оружіемъ, имѣющихъ понятіе о планахъ, картахъ, способныхъ познакомиться, хотя бы поверхностно, съ матеріальными и нравственными силами враждебной страны. Положимъ, что при настойчивости и продолжительности срока службы, и это достижимо; но нынѣшнія сраженія уносятъ десятки тысячъ людей и 300 — 400-тысячная армія, даже побѣдоносная, можетъ очутиться, послѣ нѣсколькихъ битвъ, въ положеніи весьма незавидномъ. Откуда взять новыхъ столь же способныхъ и обученныхъ солдатъ? Все это понято современною Европой и срокъ солдатской службы уменьшенъ, за то наборы стали чаще, такъ что государства имѣютъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ дѣйствующей арміи и резервовъ, значительное число отпускныхъ. Это уже переходъ къ болѣе разумной системѣ, существующей у насъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Но самая разумная система только въ Пруссіи; вся бѣда только въ томъ, что она требуетъ для себя и такого образованнаго народа, какъ въ Германіи.

Въ Пруссіи военная повинность всеобщая; у насъ—она привилегія самаго бѣднаго слоя населенія. Наше крестьянство, обремененное податями, почти одно держитъ на себѣ всю тяжесть бюджета. Кромѣ того, оно одно несетъ военную повинность натурой.

У насъ, какъ и во Франціи, жеребьевая система, основанная чисто на случайности, на счастьи. Рекрутъ, вынувшій жеребій, можетъ подумать и, конечно, думаетъ: «За чтожъ я попалъ, а сосѣдъ мой остался дома? За чтожъ именно я долженъ проливать кровь, терпѣть всѣ лишенія, а сосѣдъ остался дома?» —Что дѣлать, братецъ, армія нужна; впрочемъ, если не хочешь служить, то откупись, поставь за себя наемщика, купи рекрутскую квитанцію. — «Купилъ бы, да купила нѣтъ». Но у кого есть купило— тотъ откупается, и на службу идетъ самый бѣдный слой населенія, тотъ слой, у котораго единственное богатство—здоровые члены. Еслибъ случилось, что эти обдѣленные судьбой братья впослѣдствіи не выказали надлежащаго мужества на полѣ сраженія, не проникнулись бы въ достаточной степени одушевленіемъ, то мы не имѣли бы никакого права осуждать ихъ, ибо

откуда же взять имъ этого одушевленія? Я очень понимаю старыхъ военныхъ нашихъ, недовольныхъ современными реформами въ арміи, будто бы ослабившими военную дисциплину:

— Помилуйте, да безъ строжайшей дисциплины, кто ихъ удержитъ отъ бѣгства, кто заставитъ ихъ сражаться какъ слѣдуетъ? Прежде онъ былъ машиной, прежде онъ не разсуждалъ, а исполнялъ то, что́ прикажутъ. Теперь же онъ разсуждать сталъ, говорятъ эти служаки.

Конечно, такіе вопросы и сомнѣнія преждевременны и вовсе не заслужены прошлымъ нашего прекраснаго солдата; но отчего не имѣть въ виду всѣхъ случайностей? Если въ самой системѣ лежитъ случайность и несправедливость, т.-е. зло, то почему же мы должны ожидать непремѣнно только добра? Вѣдь служила же до сихъ поръ французская армія образцомъ и даже нашъ солдатъ считалъ француза лучшимъ воякой на свѣтѣ, а что́ сталось съ этой арміей послѣ перваго пораженія?

Затѣмъ, обратите вниманіе на требованіе новѣйшихъ войнъ— развитость солдата. Конечно, обучить можно, но вѣдь нужна теперь страшная масса солдатъ. Мы тратимъ на военный бюджетъ вдвое болѣе того, что́ расходуетъ вся Германія, воюющая теперь, а между тѣмъ, по словамъ нашихъ военныхъ, съ которыми удавалось мнѣ говорить, мы не могли бы выставить не только такого развитаго, но просто такого по количеству войска, какое легко выставила Германія. Кромѣ того, въ какомъ положеніи остались бы многочисленные калѣки, произведенныя войной? Что сталось бы съ вдовами и сиротами бѣдняковъ, всею тяжестью павшихъ бы на общины и безъ того не богатыя? Государство или должно было бы потратить громадныя суммы на ихъ призрѣніе или пустить по міру. Если Германія, гдѣ общій уровень благосостоянія несравненно выше нашего, гдѣ частная благотворительность развита очень сильно, гдѣ въ арміи люди всѣхъ состояній и, стало быть, особенно бѣдныхъ сиротъ, сравнительно, не много, если Германія, говорю, смущается передъ этою массою искалѣченныхъ и сиротъ и призываетъ всѣ сословія на помощь имъ, то что же оставалось бы намъ дѣлать? какія арміи нищихъ пустили бы мы по свѣту, нищихъ, голодъ, безпріютность и нужда которыхъ могли бы образовать сильный противообщественный элементъ? Вы только поработайте воображеніемъ надъ этой ужасающей картиной и если волосы у васъ не встанутъ дыбомъ, то я завидую вашему спокойствію...

Единственный выходъ изъ этого порядка вещей — всеобщая повинность. Конечно, она встрѣтитъ сильную оппозицію въ тѣхъ слояхъ, которые оппозируютъ даже и тогда, если къ нимъ са-

мые обыкновенные законы примѣняютъ съ такою же справедливостью, какъ къ послѣднему мужику, которые волнуются и оппозируютъ даже и въ томъ случаѣ, если хотятъ обложить налогомъ ихъ хорошенькихъ собакъ и собачекъ, этихъ chiens de luxe, подать съ которыхъ приноситъ Берлину ежегодно 50 т. талеровъ. Конечно, законъ о всеобщей военной повинности встрѣтитъ противодѣйствіе и въ нашихъ «спасителяхъ» отечества, которымъ повсюду мерещится революція или, лучше сказать, которые изъ этого пугала устроили себѣ прибыльное ремесло и почили на лаврахъ вліянія и значенія; конечно, много слезъ прольютъ чувствительныя мамаши, когда увидятъ своихъ сыновей, съ измлада предназначенныхъ къ дипломатическому поприщу, въ солдатскихъ мундирахъ; конечно, барышни будутъ очень шокироваться при встрѣчѣ въ великосвѣтскихъ гостинныхъ съ солдатомъ, но скоро все это сгладится, какъ сгладилось въ Берлинѣ, гдѣ въ великосвѣтскихъ гостинныхъ не рѣдкость встрѣтить солдата.

А между тѣмъ правительство будетъ имѣть за себя большинство образованнаго сословія, не считая народной массы, которая вздохнетъ свободно при явленіи справедливости въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ военная повинность. Народное войско, составленное изъ представителей всѣхъ сословій и состояній, будетъ самымъ консервативнымъ войскомъ; это говоритъ не одна теоретическая вѣроятность, понятная безъ разсужденій, но и примѣры историческіе: народное войско уничтожало баррикады на улицахъ Берлина въ 1848, а войско профессіональное переходило на сторону революціи или готово было перейти на ея сторону въ южныхъ германскихъ государствахъ и въ Австріи. И отчего ему не перейдти, когда оно ни мало не заинтересовано въ треволненіяхъ революціи, обрушивающихся обыкновенно сильнѣе всего на богатыхъ? Отчего ему не перейдти, когда ему терять нечего, какъ нечего терять и его роднымъ? Кто голъ, какъ соколъ, тотъ скорѣе можетъ разсчитывать на пріобрѣтенія во время революціи, на улучшеніе своей участи— отчего жъ ему не служить революціоннымъ цѣлямъ?

Введеніе всеобщей военной повинности безъ сомнѣнія подняло Пруссію, а не уронило ее; она стала имѣть возможность употреблять на войско сравнительно весьма немного при томъ числѣ его, которое она могла выставить въ каждую минуту; повидимому, торговля, ремесла и наука должны были потерять весьма много при ежегодномъ отторженіи въ войско лучшихъ, самыхъ здоровыхъ силъ, а между тѣмъ ремесла, торговля и наука ни въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ, гдѣ царствовала

прежняя система конскрипціи, такъ не развились, какъ въ Пруссіи. Оно и естественно: военная служба съ ея дисциплиною, съ ея трудами и опасностями и при ея непродолжительности, дѣлается отличною школою порядка, трезвости, пунктуальности, твердости и настойчивости въ достиженіи цѣлей; военная служба при системѣ всеобщей повинности, безъ выкупа и наемщиковъ, способствуетъ образованію характера человѣка, вноситъ въ него нравственное чувство удовлетворенія, когда онъ видитъ, что рядомъ съ нимъ, бѣднякомъ, стоитъ сынъ банкира и графа; она способствуетъ сближенію бѣднаго съ богатымъ, образованнаго съ невѣждою, она научаетъ любить трудъ и чувствовать почтеніе къ трудящимся; она вноситъ въ общество тотъ здоровый демократизмъ, безъ котораго ни одно государство процвѣтать не можетъ, что бы ни говорили разные «спасители» отечества, готовые преслѣдовать самое это слово, какъ нѣчто столь же страшное, какъ «жупелъ» и «металлъ», при произнесеніи которыхъ вскрикиваютъ купчихи Островскаго.

Если Пруссія обладаетъ такими почтенными чиновниками, ставящими чувство долга такъ высоко, если администрація желѣзныхъ дорогъ и почтъ устроена столь образцово, то это благодаря системѣ всеобщей военной повинности: на желѣзныхъ дорогахъ, напр., почти всѣ высшія должности занимаютъ образованные офицеры ландвера.

Я ужъ не говорю о томъ приливѣ въ войско техниковъ, ремесленниковъ, врачей, аптекарей, ветеринаровъ и проч., которые столь нужны ему. Всѣ эти спеціалисты должны отслужить государству извѣстный срокъ, должны отбыть свою натуральную повинность, какъ всѣ остальные. Безъ лишнихъ хлопотъ, безъ лишнихъ расходовъ, государство въ военное время обладаетъ огромными интеллигентными средствами, тогда какъ при нашей системѣ военной службы, государство спеціально для военнаго дѣла должно образовывать врачей, техниковъ и проч., или прибѣгать къ понудительнымъ средствамъ, къ увеличенію содержанія, наконецъ, прибѣгать просто къ встрѣчнымъ и поперечнымъ, невѣждамъ или неопытнымъ, которые больше напортятъ, чѣмъ принесутъ пользы. Тоже самое относится и до офицеровъ, которыхъ нынѣшняя война истребила столь много. Что стали бы мы дѣлать на мѣстѣ Германіи? Замѣнять опытныхъ неопытными, не кончившими курса въ военныхъ гимназіяхъ юношами? Тогда какъ Пруссія могла пополнить этотъ недостатокъ офицерами ландвера и наконецъ образованными унтеръ-офицерами и солдатами, производя ихъ въ офицеры.

Я не вхожу въ другія подробности, но настоящая война

слишкомъ очевидно показала всѣмъ, исключая желающихъ остаться во что бы то ни стало слѣпыми, что если государство хочетъ быть сильнымъ, если оно желаетъ не попасть когда-нибудь въ положеніе Франціи — то единственное для этого средство — всеобщая военная повинность, школы для народа, реальныя и техническія школы.

XI.

Наша разъединенность поразительна, и что всего поразительнѣе, такъ это то, что чѣмъ выше люди поднимаются по ступенямъ образованія, тѣмъ больше встрѣчаютъ препятствій къ дружному дѣйствію вмѣстѣ. Мужики могутъ сбираться на сходки, образованные—нѣтъ; мужики могутъ составлять артели—образованные нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ только послѣ большихъ хлопотъ. Можно подумать, что образованіе есть нѣчто вредное и что мы завели его у себя только потому, что оно въ Европѣ есть, и что, въ сущности, безъ него было бы лучше. Мы до сихъ поръ думаемъ, что артели, ассоціаціи — могущественное средство революціи; въ Европѣ ужъ давно убѣдились, что это — могущественное средство противъ революціи и чѣмъ либеральнѣе законы, регламентирующіе разные союзы и ассоціаціи, тѣмъ общество болѣе выигрываетъ, тѣмъ бѣдняки спокойнѣе и консервативнѣе; тѣмъ менѣе тайныхъ обществъ, чѣмъ доступнѣе общества явныя. Это азбука. Между тѣмъ, нигдѣ нельзя встрѣтить такой словобоязни, какъ у насъ. Недавно я читалъ одинъ русскій журналъ за 1851 г. и нашелъ, что тамъ англійскій парламентъ называется англійскимъ амфитеатромъ. Намъ надо долгое время, чтобъ привыкнуть не бояться словъ, иногда очень невинныхъ, и затѣмъ, тоже не малое время для того, чтобъ не бояться содержанія, скрывающагося за словами, но главное—словъ не бояться, это ужъ будетъ великимъ шагомъ впередъ, ибо иногда мы готовы скорѣе допустить самое содержаніе, чѣмъ слово, его обозначающее. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напр., затруднялись позволить вывѣску: «складъ сыроварной артели», хотя самыя артели получили уже должную санкцію и стали приносить народу ту пользу, которую ожидали отъ нихъ благомыслящіе люди.

Въ Германіи уже не боятся ни слова, ни дѣла, и въ особенности не боятся ни образованія, ни людей образованныхъ. Мы считаемъ Петербургъ городомъ, который можетъ соперничать съ Берлиномъ, но это крайнее заблужденіе. Берлинъ—центръ германской

культуры, центръ широко-развитой умственной жизни, и это значеніе онъ завоевалъ быстро, на что указываетъ между прочимъ увеличеніе населенія. Въ 1740 году въ Берлинѣ было всего 90,000 жителей, изъ нихъ болѣе 20 т. солдатъ; въ 1804 году число это уже возросло до 182 тысячъ, черезъ 16 лѣтъ число это почти удвоилось; въ настоящее время въ немъ 800 т. жителей; ни одинъ городъ не представляетъ такого быстраго возрастанія: меньше чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ число его жителей учетверилось. Нѣтъ также другого города въ Европѣ, гдѣ бы въ такой степени были развиты союзы и ассоціаціи, благодаря которымъ дальнѣйшее возрастаніе и богатство Берлина не подлежатъ сомнѣнію. Однихъ обществъ взаимнаго кредита, основанныхъ для бѣднаго и средняго состоянія людей, здѣсь 29 и 25 разныхъ ассоціацій по шульце-деличской системѣ; въ этихъ обществахъ могутъ найти себѣ дѣятельность болѣе 5,000 человѣкъ; подъ надзоромъ магистрата состоитъ 31 общество для призрѣнія бѣдныхъ больныхъ и выдачи ссудъ рабочимъ; въ этихъ обществахъ — 67,000 членовъ и 60,000 больныхъ ежегодно призрѣваются ими. Разныхъ благотворительныхъ обществъ—огромное количество. Вообще всѣхъ учрежденій подобнаго рода, т.-е. ассоціацій, товариществъ, обществъ, извѣстныхъ оффиціально и состоящихъ подъ покровительствомъ закона о союзахъ (Vereingesetz), въ Берлинѣ—720. Можно съ достовѣрностью положить, что по крайней мѣрѣ четверть всего берлинскаго населенія непремѣнно участвуетъ въ какомъ-нибудь обществѣ, въ какой-нибудь ассоціаціи. А у насъ сравниваютъ Берлинъ съ Петербургомъ и называютъ первый капральскимъ городомъ! Можно бы утѣшиться, еслибы у насъ во всей Россіи можно было насчитать столько ассоціацій, съ такимъ числомъ членовъ, сколько ихъ въ одномъ Берлинѣ.

Относительно народнаго образованія онъ тоже значительно впереди насъ; во-первыхъ, надо сказать, что Берлинъ тратитъ на свою полицію, которая лучше петербургской гораздо, всего 800 т., тогда какъ Петербургу она обходится болѣе чѣмъ въ мильонъ; во-вторыхъ, берлинское городское общество тратитъ на народное образованіе гораздо больше, чѣмъ на полицію, именно 1,300,000 талеровъ, тогда какъ Петербургъ объ этомъ и мечтать не можетъ. Въ-третьихъ, вотъ перечисленіе школъ, тоже въ назиданіе Петербургу: 10 гимназій, 9 реально-ремесленныхъ школъ (Real-und Gewerbeschulen), 4 высшихъ школы для дѣвицъ, 50 среднихъ и элементарныхъ школъ, 35 школъ разнообразнаго характера, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ ферейновъ (союзовъ), церквей и проч., 2 еврейскія школы—всего 110

общественныхъ школъ, не считая школъ частныхъ, которыхъ цѣлая сотня. Въ 1867 году въ этихъ школахъ обучалось 40,675 мальчиковъ и 34,725 дѣвочекъ, учителей было 2,471, классовъ во всѣхъ нихъ 1,644. Кромѣ того, въ Берлинѣ существуетъ 48 дѣтскихъ садовъ, посѣщаемыхъ 1,500 дѣтьми. Но это еще не все: городское общество содержитъ нѣсколько гимнастическихъ заведеній и 10 народныхъ библіотекъ съ отличнымъ выборомъ книгъ.

А вы, петербургскіе, путка?!

скажу я, пародируя стихъ Лермонтова.

Мы требовательны и вмѣстѣ близоруки: вездѣ дурно, кромѣ Парижа; для насъ общественная жизнь — это уличная жизнь, театры, увеселительныя заведенія, пожалуй, шумныя политическія сходки, а здоровой, полезной общественной жизни, незримо идущей въ ферейнахъ, тѣсно связывающей жителей взаимною помощью, общимъ трудомъ, — мы не видимъ. Наши взоры постоянно обращены къ Франціи: усовершенствовать надо полицію—ѣдемъ во Францію; надо усовершенствовать печать—списываемъ съ Франціи; надо немножко съузить земство—ссылаемся на Францію; надо образцовыхъ прокуроровъ—изучаемъ Францію; надо покутить—ѣдемъ въ Парижъ. Противъ послѣдняго я спорить не буду, но всѣ эти заимствованія, сдѣланныя нами у Франціи, всѣ эти уроки, которые брали мы у ней именно тогда, когда тамъ брать было нечего,—кромѣ вреда ничего не приносили и ничего не принесутъ въ будущемъ. Мы брали у страны, которая шла скачками, и обходили страну, которая шла и идетъ постепенно, которая тоже не все выдумываетъ сама, но она беретъ у другихъ лучшее и всегда переработываетъ, всегда вноситъ свое, иногда малость какую-нибудь, но свое: она въ томъ поставляетъ свою гордость, чтобы не списывать, не копировать, а все завертывать въ нѣмецкую оболочку. Оттого тамъ все нѣмецкое; у насъ же такая пестрота, такая помѣсь нижегородскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, что нѣтъ ничего мудренаго, если мы до сихъ поръ не знаемъ, что́ собственно значитъ слово «обрусить», и носимся съ этимъ словомъ ужъ нѣсколько лѣтъ, а обрусить все-таки никого не можемъ.

Пора, однако, кончить. Я могъ надоѣсть съ нѣмцемъ читателю, который не можетъ себѣ представить его иначе, какъ въ колпакѣ, погруженнаго въ мелочныя заботы и въ мелочныя

развлеченія; наша славянская душа ищетъ простора, дали, широкихъ горизонтовъ. Все это прекрасно, но цѣль жизни гдѣ? Читали вы соціалистовъ, проникались вы желаніемъ жить въ тѣхъ коммунахъ, которыя строило пылкое воображеніе Фурье и другихъ? Если читали, то должны знать, что даже у этихъ мечтателей цѣль жизни была весьма узенькая: довольство малымъ и болѣе или менѣе ровное распредѣленіе богатствъ и труда; иначе и нельзя — земной шаръ не могъ бы доставить всѣмъ существованіе банкировъ, но можетъ доставить всѣмъ хорошую пищу, здоровое жилище и мирныя наслажденія физическія и духовныя. Коммунисты думаютъ прямо посадить насъ въ свой рай, созданный ихъ воображеніемъ; мечта благородная, но самая неисполнимая; но къ этому раю, т.-е. къ довольству малымъ, къ общему благосостоянію, къ солидарности интересовъ, медленно и прочно движется нѣмецъ путемъ взаимной помощи, путемъ производительной артели, ферейновъ, порядка и личной иниціативы. Онъ не устроитъ ничего подобнаго коммунамъ Фурье и Оуэна, потому что знаетъ, что только то прочно, что создаетъ прогрессъ цѣлой націи, а не то, что создаетъ фантазія одного человѣка, хотя бы самаго благороднаго. Я могу жестоко ошибаться, но мнѣ кажется, что будущее принадлежитъ не Франціи, не Англіи, а Германіи, и что мы должны изучать ее больше, чѣмъ всякую другую страну.

А. С—нъ.

ВОЙНА

и

ЦИВИЛИЗАЦІЯ

Великіе принципы и идеологи второй имперіи.

I.

Европа никогда еще не присутствовала при такихъ событіяхъ, какія совершились и совершаются теперь на французской землѣ. Съ одной стороны, быстрая перемѣна декорацій, быстрая смѣна одной неожиданности иною; съ другой стороны — громадное значеніе результатовъ, приносимыхъ каждою новою неожиданностью — невольно могутъ закружить голову многимъ глубокомысленнымъ публицистамъ и заставить смириться ихъ гадательныя и стратегическія поползновенія предъ грозными ударами фактовъ, бьющихъ на повалъ всѣ фантазіи и бредни, всѣ симпатіи и филиппики «чужеземныхъ патріотовъ», чужеземныхъ страстныхъ приверженцевъ и антагонистовъ той или другой стороны.

Можно положительно сказать, что, рядомъ съ громадностью событій, никогда еще не оказывалась столь мелкою и столь ничтожною извѣстная часть политической прессы, имѣвшей до сихъ поръ претензію служить наилучшею выразительницею общественнаго мнѣнія. Этой прессѣ остается развѣ только то утѣшеніе, что ея участь принуждена на этотъ разъ раздѣлить и высшая представительница политическаго мнѣнія странъ—каби-

нетная дипломатія. Война была начата и ведена наперекоръ всѣмъ соображеніямъ прессы, и при полномъ пассивномъ бездѣйствіи дипломатіи. Кто во всей европейской ежедневной прессѣ обладалъ настолько здравымъ смысломъ, чтобъ заранѣе указать на возможность подобнаго гигантскаго пораженія французскихъ армій, и настолько сильнымъ голосомъ, чтобъ остановить, предупредить эту титаническую, кровавую бойню людей, это только вѣками поправимое разореніе цѣлой страны? Какую роль играла европейская дипломатія во всемъ закулисномъ прологѣ этой столь долго готовившейся драмы? и когда, наконецъ, занавѣсъ былъ поднятъ и открылъ глазамъ любопытной публики походъ двухъ враждебныхъ армій на Рейнъ, что́ было предоставлено дипломатіи обѣими воюющими сторонами, кромѣ полнѣйшаго презрѣнія, высказаннаго въ циническомъ обнаруженіи тайныхъ сдѣлокъ о братскомъ дѣлежѣ мелкихъ европейскихъ странъ!...

Событія современной войны должны были бы послужить знаменательнымъ урокомъ европейскому обществу: оно слишкомъ привыкло безразлично разсчитывать и надѣяться на два указанные фактора своей публичной жизни: на прессу и на дипломатію. Теперь оказывается, что для безопасности общества, для огражденія его отъ невыгодныхъ, кровавыхъ сюрпризовъ — требуется отъ него прежде всего критика, критическое, строгое отношеніе къ извѣстнымъ факторамъ жизни, и тѣмъ болѣе строгое, чѣмъ болѣе тѣ факторы успѣли пріобрѣсти довѣрія и вліянія.

Оставляемъ пока въ сторонѣ дипломатію и скажемъ только о прессѣ. Вторая имперія и французская пресса при ней убѣждаютъ всякаго въ томъ, что критическое отношеніе общества къ явленіямъ общественной жизни должно быть тѣмъ болѣе велико и строго, чѣмъ неблагопріятнѣе политическія или административныя условія, въ которыя поставлена пресса въ той или другой странѣ. Ригоризмъ административной опеки надъ прессою всегда создаетъ только *партизанскую* прессу: подавляя всякое проявленіе того направленія, которое кажется этой опекѣ (часто совершенно неосновательно) неблагочиннымъ и вреднымъ, она оставляетъ мѣсто только прессѣ склонной безпрекословно потворствовать всѣмъ ея традиціоннымъ воззрѣніямъ и соображеніямъ, —прессѣ, такимъ образомъ сводящейся на прессу партіи, которую представляетъ собою сама опека, не умѣвшая сохранить безпристрастнаго, строго равенственнаго отношенія ко всѣмъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія.

И вотъ именно почему общество должно быть на сторожѣ относительно своей прессы, если она находится въ неблагопріят-

ныхъ для ея развитія обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ силу этихъ обстоятельствъ, опека, подавляя одну сторону общественнаго мнѣнія, развиваетъ самымъ принципомъ своимъ репрессаліи—страсть къ поклонничеству въ той прессѣ, которой одной предоставлено право служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія—выраженіемъ болѣе или менѣе тождественнымъ съ симпатіями и антипатіями тѣхъ элементовъ, для огражденія которыхъ опека поставлена. Зная, что съ одной стороны ее ждетъ кара, съ другой—одобреніе, пресса все болѣе подпадаетъ *фаворитизму*, и наконецъ, въ то время, какъ опека, подавивъ всякую вольную тенденцію, не боится уже никакого обличенія своихъ погрѣшностей и слабостей—а кто же не грѣшенъ? пресса тоже перестаетъ бояться обличенія своихъ подавленныхъ соперниковъ, и окончательно утопаетъ въ фаворитизмѣ. А общество, не замѣчая пониженія нравственнаго уровня въ прессѣ и привычное къ ея вѣщаніямъ, продолжаетъ надѣлять ее своимъ довѣріемъ, и такимъ образомъ рискуетъ въ концѣ концовъ поплатиться за свое довѣріе такъ жестоко и убійственно, какъ теперь поплатилось французское общество. Кто не понимаетъ теперь, хотя бы и смутнымъ образомъ, до какого нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго безсилія была доведена Франція круговою порукою между бонапартистской властью и французской прессой; въ какую бездну могъ ввергнуть французское общество режимъ, основанный на одномъ театральномъ блескѣ, купленномъ безчисленными жертвами, изъ года въ годъ вырывавшимися изъ всѣхъ слоевъ народа, режимъ поддержанный и прославленный на весь міръ извѣстною прессою, которой одной только было дано приволье во Франціи, и которая одинаково обманывала и общественное мнѣніе не только Франціи, но и всей Европы, и самую власть, привыкшую, наконецъ, принимать выраженіе своей собственной креатуры за дѣйствительное мнѣніе изувѣченнаго общества? Все это сдѣлалось теперь яснымъ, какъ день.

Если, однако, современныя событія вполнѣ осязательно показываютъ, къ чему ведетъ въ общественной жизни обманъ и маска режима, подобнаго бонапартовскому, то они же не менѣе ясно убѣждаютъ насъ въ такомъ же невыгодномъ слѣдствіи, вытекающемъ для общества изъ *добровольнаго* самообольщенія. Люди привыкли всегда все сваливать на административный авторитетъ; но они вѣрнѣе поступили бы, еслибъ приписывали чаще причину своихъ бѣдствій самимъ себѣ. И если опека, налагаемая авторитетомъ на прессу, неблагопріятна для общественнаго спокойствія, то еще болѣе наносится ущерба этому спокойствію, когда подобную опеку вздумаютъ произвольно принимать на

себя слишкомъ усердные, самозванные представители общественнаго мнѣнія. Непогрѣшимые папы — они обманываютъ и общество, и общественную власть, и самихъ себя. Они хотятъ имѣть вліяніе на общественныя дѣла, и думаютъ, что пріобрѣтутъ его, если suffrage universel, если большинство въ обществѣ будетъ стоять на ихъ сторонѣ. И вотъ они изыскиваютъ тѣ *формулы* своихъ вѣщаній, которыя, по ихъ мнѣнію, наиболѣе пріятны публикѣ. Публика—въ своихъ индивидуальныхъ составахъ — въ свою очередь, принимаетъ эти формулы за *общее* мнѣніе; вслѣдъ за нею, общественныя власти относятся къ формуламъ тоже какъ къ чему-то реальному, и такимъ образомъ идетъ взаимное, круговое обольщеніе....

Результатъ подобнаго явленія мы тоже видимъ на судьбѣ Франціи, которой въ своихъ бѣдствіяхъ, какъ и въ своихъ торжествахъ, суждено все еще служить поучительнымъ историческимъ примѣромъ для тѣхъ, для кого современность есть та же великая исторія, и для кого наблюдательность и близкій опытъ должны не пропадать даромъ, а примѣняться, въ томъ или другомъ видѣ, ко всѣмъ странамъ. И наконецъ, мы здѣсь же можемъ сказать, что выводъ, къ которому должны привести наши наблюденія надъ состояніемъ Франціи, — будетъ заключаться въ томъ, что нѣтъ ничего гибельнѣе для извѣстной страны, какъ отсутствіе знанія, какъ отсутствіе общественной иниціативы, парализованной невѣжествомъ, которое ведетъ къ отсутствію всякаго правильнаго масштаба для общественныхъ явленій и государственныхъ потребностей.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ нашему ближайшему предмету, мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь еще небольшое отступленіе и оглянуться на нашу собственную ежедневную прессу за послѣднее время. Безъ всякихъ личностей, мы должны засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что и у насъ, къ сожалѣнію, въ нашей газетной прессѣ, нѣтъ никакого положительнаго *масштаба* раціональнаго отношенія къ международному или междугосударственному положенію. А между тѣмъ европейскія газеты публикуютъ цѣлыя цитаты изъ русскихъ газетъ и выдаютъ эти цитаты за выраженіе общественнаго мнѣнія Россіи. Что̀ можетъ быть забавнѣе, какъ читать выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» или «Голоса» въ республиканствующихъ газетахъ Парижа, выдающихъ ихъ за выраженіе симпатій русскаго правительства и русскаго народа!... Судя съ своей точки зрѣнія, питая иллюзію о такомъ же значеніи газетной прессы повсюду, — французскіе журналы гадаютъ по цитатамъ «Моск. Вѣд.» и «Голоса» о вооруженномъ вмѣшательствѣ русской державы въ защиту Фран-

ціи!... Станемъ на минуту на ихъ точку зрѣнія, допустимъ, сообразно желанію публицистовъ, что наша газетная пресса имѣетъ вліяніе и на высшіе виды правительства и на все общество.... Очевидно, что въ такомъ случаѣ русская армія двинулась бы на поле битвы и ей пришлось бы играть еще небывалую роль: сегодня ей пришлось бы бить пруссаковъ, завтра — французовъ, послѣ завтра снова метаться изъ одного лагеря въ другой, сообразно съ патріото-стратегическими соображеніями, воззваніями и колебаніями нашей ежедневной прессы.... Все это было бы смѣшно, ужъ еслибъ не было такъ грустно: двуличная фигура Януса никогда не была такъ жалка, какъ въ нашей прессѣ! «Journal de St.-Pétersbourg», конечно, даетъ ей хорошій урокъ, отвергая всякую возможность солидарности съ выступающей на свѣтъ демократіей.... Надо быть болѣе послѣдовательнымъ, — съ одной стороны, восхищаться республикой за горами и призывать на помощь ей, и въ то же время, съ другой стороны, *классически* бичевать всякое стремленіе къ развитію въ странѣ тѣхъ, уже давно установившихся учрежденій, которыя выработала для обезпеченія и правильнаго хода общественной жизни западно-европейская цивилизація, — все это по меньшей мѣрѣ неприлично и не осмысленно. Вмѣсто всякихъ бредней, гораздо полезнѣе отнестись просто, трезво къ вопросамъ, поднимаемымъ нынѣшнею войною, отнестись къ нимъ съ точки зрѣнія нашего внутренняго благосостоянія и общечеловѣческаго прогресса, который, конечно, не минуетъ и насъ, рано или поздно, своею свѣтлою или мрачною стороною.

Внутреннее благосостояніе нашей страны, способствованіе развитію народнаго довольства, матеріальнаго и умственнаго; разумная экономія для облегченія доли нашего крестьянскаго сословія, несущаго на себѣ тяжелыя повинности; развитіе общественнаго контрольнаго участія въ нашихъ общихъ дѣлахъ; осуществленіе благопріятныхъ условій для общественной иниціативы; расширеніе возможности и путей для болѣе широкаго обмѣна продуктовъ земли, техники и мысли между всѣми частями широко раскинувшагося населенія; удовлетвореніе всѣмъ справедливымъ требованіямъ своеобразности отдѣльныхъ частей имперіи, — вотъ въ чемъ, полагаемъ мы, лежитъ болѣе или менѣе вѣрный масштабъ для всѣхъ нашихъ общественныхъ и политическихъ отношеній, и вотъ съ чѣмъ, съ пользою или вредомъ чему, должна сообразоваться и наша внѣшняя политика.

Мы впередъ знаемъ, что наши алармисты вознегодуютъ на такой взглядъ, очевидно рекомендующій, ни болѣе ни менѣе, узкую, чего добраго, по ихъ мнѣнію, низкую *нейтральность* по при-

мѣру какой-нибудь торгашеской Англіи! Но мы, тѣмъ не менѣе, останемся при томъ мнѣніи, что то, что̀ дозволено Англіи, то, чего держится Англія, Америка, Швейцарія — того нѣтъ никакого позора держаться и намъ. Попробуйте только хладнокровно сообразить логику нашихъ алармистовъ: какъ просвѣщенные люди, они должны были всегда проповѣдывать отвращеніе къ войнѣ и благоговѣніе предъ миромъ; они должны были понимать, что война—это покушеніе самое варварское и на личность и на собственность, на эти столбы современной цивилизаціи; что война—это «проповѣдь анархіи», переводимой на русскій языкъ просто «разбоемъ»,—и они были правы. Но вотъ разразилась гроза и пушечные раскаты оглушили нашихъ алармистовъ: двѣ державы хотятъ перещеголять другъ друга въ варварствѣ,—и намъ надо туда же, чтобы показать и посмотрѣть каковы-де и мы! Мы должны драться, потому что иначе позже, вѣроятно, съ нами захотятъ драться! Поэтому, сегодня съ Пруссіей противъ Франціи, завтра съ Франціей противъ Пруссіи!... Оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ, и живымъ взывать къ живымъ, и оставьте насъ идти своимъ путемъ народнаго развитія: не будемъ сыпать патріотическихъ попрековъ направо и налѣво, за то, что желѣзныя дороги наши не строятся исключительно по соображеніямъ стратегическимъ; напротивъ, будемъ знать и помнить, что въ этомъ скорѣе лежитъ заслуга, а не предметъ для попрековъ. Пусть сѣти желѣзныхъ дорогъ переплетутъ всю страну—это будетъ одно изъ тѣхъ внутреннихъ наилучшихъ завоеваній, которыя способствуютъ внутреннему росту страны, сообразно съ опредѣленнымъ нами масштабомъ, и повѣрьте, что Россіи нечего мѣшаться въ кровавую распрю, иначе, какъ, пожалуй, путемъ дипломатическихъ совѣтовъ, согласно со всѣми другими державами и просто въ интересахъ человѣчности, если только дипломатія другихъ странъ способна воодушевляться только одними этими интересами. Еслибъ вы даже захотѣли толковать о высшихъ и тонкихъ соображеніяхъ, требуемыхъ государственной наукой,—то вы поняли бы, что нейтралитетъ Россіи, принятый разъ навсегда во внѣшней политикѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ ея, одинаковая доброжелательность ко всѣмъ формамъ западноевропейской жизни — старымъ и новымъ, подобно опять-таки отношенію Америки, Англіи и Швейцаріи — такой нейтралитетъ, импозирующій своей справедливостью, долженъ предписываться Россіи самымъ положеніемъ ея окраинъ. Кому можетъ помогать въ данномъ случаѣ Россія? Франціи?—но за Франціей, говорятъ, стоитъ Польша, и до тѣхъ поръ будетъ стоять, пока и во Франціи и въ Польшѣ удержатся дряхлыя идеи о мишур-

номъ величіи и о вооруженной, будто-революціонной пропагандѣ Пруссіи? — но за Пруссіей, говорятъ, стоитъ другая Польша — балтійскій край, съ своимъ шляхетствомъ и своей цивилизаціей, — и наши алармисты готовы уже пророчить цѣлую кровавую распрю славянскихъ и германскихъ племенъ изъ-за остзейскихъ провинцій, изъ-за этого будто бы Эльзаса въ глазахъ Бисмарка; они пророчатъ уже теперь крестовый походъ для удержанія военною силою балтійскаго края, не понимая, что даже вовсе и не требуется прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ: не оружіемъ, не цѣпями можно теперь привлечь къ себѣ народы, а опять и опять способствованіемъ къ развитію ихъ внутренняго благосостоянія.

Обратимся же теперь къ Франціи и посмотримъ, какъ поступали оффиціальные представители ея общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ войны, чѣмъ руководились ея правительство и угодная ему пресса въ вызовѣ войны, чѣмъ руководилось общество въ поддержаніи ихъ политики? Искали ли они дѣйствительнаго блага для Франціи, или же, пользуясь старыми, отжитыми идеями, они безсовѣстно принесли страну въ жертву своего тупоумія и корысти? Въ послѣднемъ случаѣ разъясненіе вопроса очень важно для всѣхъ: оно на живомъ, кровавомъ примѣрѣ покажетъ всю гибель извѣстныхъ тенденцій, и оно дастъ намъ возможность указать на необходимость сдать въ архивъ нѣкоторыя идеи, за ихъ негодностью и разложеніемъ.

II.

Историческая схоластика, принятая на вѣру большею частью европейскихъ публицистовъ, создала какія-то національныя прерогативы, удѣленныя свыше одному народу для властвованія надъ всѣми другими, и этимъ однимъ народомъ представлялся до сихъ поръ — французскій. «Народъ — мученикъ, народъ — апостолъ, страна свѣта, маякъ цивилизаціи, прогресса, сокровищница великихъ идей и высокихъ дѣяній, хранительница міровой свободы» и т. п. — всѣ эти стереотипные эпитеты въ сущности ровно ничего собою не выражаютъ, а между тѣмъ они успѣли въѣсться въ мозги развитыхъ и неразвитыхъ людей и успѣли надѣлить міръ неоднократно обновленными кровавыми бѣдствіями. Слѣпые разсадники подобнаго пониманія судебъ Франціи не сознаютъ, конечно, всей виновности, всей отвѣтственности своей предъ народами, и врядъ ли можно ожидать, что даже теперь совершающаяся трагедія излечитъ пропагандистовъ схола-

стическихъ догматовъ. Отправляясь отъ ложной точки зрѣнія, естественно, что публицисты вносятъ ложь во всѣ свои разсужденія и заключенія о происходящихъ событіяхъ. Если у васъ есть терпѣніе взглянуть на всю массу политическихъ памфлетовъ, критикъ и руководящихъ статей, возбужденныхъ современной войной, то вы убѣдитесь, что авторы всѣхъ этихъ изліяній ярые партизаны одной или другой стороны; для всѣхъ ихъ — спасеніе или гибель всей цивилизаціи, всего міра зависитъ отъ побѣды или пораженія той или другой изъ сражающихся армій. Мы полагаемъ, что нисколько не нарушимъ своего безпристрастія, если скажемъ, что подобное отношеніе къ войнѣ и ея результатамъ шло по преимуществу со стороны французской прессы, и что этотъ французскій методъ изслѣдованія о причинахъ и слѣдствіяхъ историческихъ событій перешелъ отъ французовъ и въ нашу печать.

Переходъ этотъ понятенъ. Наша литература какъ и наше общество воспитаны, по преимуществу, на французскихъ книжкахъ, и французскій языкъ дался намъ легче нѣмецкаго и англійскаго. Вмѣстѣ съ языкомъ мы поддались и французской логикѣ, часто сводящейся на софистику; мы усвоили себѣ на исторію и политику *французскіе* взгляды, которыми до того переполнены всѣ ихъ книжки и писанія, что, вращаясь постоянно въ ихъ средѣ, невольно забываешь о существованіи *иныхъ* взглядовъ, и принимаешь ихъ за вѣрные и нормальные. *Иныхъ* взглядовъ,—это вовсе не значитъ нѣмецкихъ или англійскихъ или какихъ-нибудь нарочно-изобрѣтенныхъ русскихъ взглядовъ, — нѣтъ, дѣло идетъ просто объ *общечеловѣческихъ* взглядахъ, отрѣшенныхъ отъ локальной узкости и себялюбивой слѣпоты.

Общечеловѣческое отношеніе къ вещамъ требуетъ, чтобъ люди понимали, что нѣтъ особой единой націи, предназначенной Провидѣніемъ для выполненія историческаго прогресса и нельзя желать побѣды одной націи и пораженія другой потому, что будто одна нація внесла въ исторію великія идеи, а другая не вносила ихъ! *Великія идеи* — достояніе всего человѣчества, и каждая нація вноситъ свое драгоцѣнное приданое въ сокровищницу будущихъ поколѣній. Разграничивать націи метафизическими китайскими стѣнами, изображать каждую изъ нихъ пребывающею на отдѣльномъ оазисѣ — по меньшей мѣрѣ неосновательно, особенно, когда мы присутствуемъ при столь гигантскомъ развитіи *международныхъ* сношеній путемъ торговли, промышленности, труда, мысли, — при посредствѣ всѣхъ техническихъ изобрѣтеній, принадлежащихъ всему міру, а не одной обособленной націи. Конечно, до сихъ поръ еще, гораздо болѣе

въ силу политическихъ обстоятельствъ, чѣмъ вслѣдствіе этнологическихъ и физіологическихъ условій, каждая нація представляетъ въ своей общественной жизни извѣстныя особенности. Въ одной странѣ эти особенности болѣе сообразны съ установившеюся идеею о прогрессѣ,—какъ о безпрепятственномъ развитіи всѣхъ существенныхъ и матеріальныхъ силъ народа; въ другой странѣ онѣ менѣе соотвѣтствуютъ идеѣ прогресса; но что можетъ быть нелогичнѣе желанія, чтобъ въ силу нашихъ симпатій къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ страны, та или другая нація восторжествовала на полѣ битвы или была побита въ прахъ? что можетъ быть эксцентричнѣе, какъ основывать на военной побѣдѣ или пораженіи всѣ выводы о грядущемъ царствѣ свободы или мрака для всей Европы!

Если мы приверженцы прогресса, если мы признаемъ прогрессивную, внутреннюю стоимость за идеей, за мыслью, а не за грубою силой; если мы убѣждены, что прогрессъ совершается въ силу развитія въ обществѣ раціональныхъ свѣтлыхъ идей,—то какимъ образомъ можемъ мы вдругъ забывать всѣ наши принципы и лихорадочно отдавать судьбу народной исторіи на разрѣшеніе меча и огня?! Если, съ другой стороны, мы полагаемъ, что только войною и опустошеніемъ высокія идеи могутъ добиться до своего торжества, до своего примѣненія въ жизни націй,—то къ чему же вели всѣ проповѣди, столь обильныя въ послѣднее 10-ти-лѣтіе и особенно въ послѣднее пятилѣтіе о варварствѣ войны, и чѣмъ же мы отличаемся отъ ярыхъ поклонниковъ представителей грубой силы? Гуманисты и либералы, демократы и философы — оказываются вдругъ метафизиками, которые признаютъ только одну реальность—реальность гигантской бойни! Въ тотъ періодъ, который они знали нормальнымъ, т.-е. когда война еще не разразилась, они разсуждали о силѣ и величіи слова и идеи, они хлопотали о свободѣ печати и правѣ собраній для того, чтобъ проповѣдывать свои великія идеи; но императоръ французовъ вздумалъ изобрѣсти оскорбленіе своему послу и этого было достаточно для того, чтобъ всѣ идеи и принципы были сданы въ архивъ, впредь до востребованія, и чтобъ всякое миролюбивое человѣческое отношеніе къ вещамъ было сочтено за преступленіе! Въ такомъ отношеніи этихъ людей наилучше всего сказывается несостоятельность и недобросовѣстность всей ихъ *идеологіи*: въ извѣстный моментъ, критическій моментъ, когда наиболѣе всего нужно присутствіе трезвой логики и разумной воли—эти люди записались въ волонтеры и оказались *мамелюками* на активной службѣ въ одномъ изъ враждующихъ лагерей! Все, всѣ надежды,

всѣ мечтанія, вся будущность націи, и не только націи—но и всего міра—зависѣли отъ побѣды шаспо надъ игольчатымъ ружьемъ!!...

Оставимъ литературныхъ «мамелюковъ» сражаться своими стальными перьями на бумагѣ за спасеніе цивилизаціи, и сохраняя хладнокровіе, останемся при своемъ взглядѣ на историческій ходъ вещей. Въ силу нашего взгляда, мы полагаемъ, что война не можетъ погубить ни той, ни другой націи, и что война, будучи абсолютнымъ зломъ — не можетъ дать торжества никакой идеѣ. Война—говорятъ, можетъ приносить по крайней мѣрѣ отрицательную пользу, война — говорятъ, являясь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ политическихъ и экономическихъ компликацій, слѣдствіемъ цѣлыхъ наростовъ невѣжества и предразсудковъ, взлелѣяннымъ корыстными пастырями человѣчества, въ образѣ нашихъ мамелюковъ — она, во-первыхъ, выводитъ народъ изъ натянутаго, обложеннаго грозными тучами положенія неизвѣстности, и, во-вторыхъ, она въ образной картинѣ, въ кровавой рѣзнѣ даетъ человѣчеству поучительные уроки. Нѣтъ, въ сущности войною ничего и никогда не разрѣшается: ею не достигается свобода, точно также какъ, съ другой стороны, ею даже не получается власть.

— Какъ могутъ остановить насъ—да развѣ война не привела во Франціи къ республикѣ и развѣ она не отдала всю Германію во власть прусскаго короля?!

Дѣло республики, какъ и дѣло германскаго объединенія вовсе не зависѣло отъ войны: если во французской націи было достаточно внутренняго, сознательнаго стремленія къ республикѣ, то она пришла бы и безъ войны, и конечно не стоила бы столькихъ тысячъ жертвъ! если же французская нація была настолько забита систематическимъ невѣжествомъ бонапартскаго режима, что не могла еще помышлять, не была еще способна къ воспринятію республики — то можно ли надѣяться на состоятельность республики, дарованной Франціи «вандаломъ Гильомомъ», какъ чествуютъ французы прусскаго короля? Подобное же разсужденіе должно быть примѣнено къ Германіи: побѣдоносная война, повидимому, ускорила объединеніе Германіи. Единство—это фактъ совершенный теперь. Но развѣ и оно не создалось бы навѣрное и безъ войны? или, еслибъ оно не было въ сознаніи и стремленіи нѣмцевъ — развѣ война сама по себѣ могла бы создать его? Конечно нѣтъ, потому что, еслибъ война и произвела единство только силою внѣшняго толчка, то оно, какъ все искусственное, быстро распалось бы и только дало бы Германіи новые, *ослабляющіе* ея внутренній прогресъ, раздоры,

Нѣчто подобное уже было въ исторіи Германіи, во время войны за независимость во время Наполеона I-го. Германія явилась тогда единою въ своей борьбѣ за національное существованіе; урокъ былъ жестокій, ударъ—тяжелый, и, несмотря на то, это не помѣшало ей распасться и отдать свои долгіе годы на безплодную междоусобную борьбу за единство...

Искусственный плодъ никогда не замѣнитъ выращеннаго естественно, и здѣсь-то мы сталкиваемся съ положительнымъ зломъ войны въ ея *нравственныхъ* послѣдствіяхъ.

Режимъ Наполеона Бонапарта изгнанъ и «взятъ въ плѣнъ», но еще вовсе не рѣшено, изгнанъ ли также *шовинизмъ* изъ Франціи? Конечно, въ концѣ концовъ, простолюдины увидятъ на своей кожѣ, въ своей хижинѣ и на своемъ полѣ кровавыя раны войны, пожарища и могилы; но для того, чтобъ понять настоящую причину извѣстнаго слѣдствія,—требуется извѣстное развитіе умственное: не къ чему однако воображать простолюдина французскаго настолько глупымъ и дикимъ, чтобъ онъ не относился съ отвращеніемъ къ послѣдствіямъ войны, чтобъ онъ воодушевлялся энтузіазмомъ при видѣ своего разоренія и гибели своихъ братьевъ и готовъ былъ «биться до послѣдней капли крови за берега Рейна»! Нѣтъ, онъ пойметъ, что бѣда, причиненная войною—дѣйствительная бѣда, но *мамелюки* оффиціальные и вольные, мамелюки-волонтеры, которымъ только и данъ доступъ въ деревни,—внушатъ ему, что причина этихъ бѣдствій лежитъ въ нѣмцѣ, въ пруссакѣ, что для отвращенія ея надо взять Рейнъ и тогда будетъ «брага, медъ и молоко», и вотъ гдѣ опора шовинизма, вотъ почему онъ можетъ еще удержаться во Франціи, хотя, по всей вѣроятности, теперь даже и сёла утратятъ свою вѣру въ военную звѣзду Бонапарта и перенесутъ свои надежды на иное правительство.

Но если села могутъ быть опорою шовинизма, то источникъ его кроется выше, въ высшихъ, въ литературныхъ и торговыхъ слояхъ французскаго общества. Насколько шовинизмъ этихъ слоевъ безкорыстенъ; насколько торговыя отрасли общества держатся его или просто по невѣжеству, или, вмѣстѣ съ невѣжествомъ также и въ силу экономическихъ неразумно-понимаемыхъ интересовъ, для которыхъ внѣшнее величіе извѣстной страны будто даетъ преимущества ея гражданамъ въ международной торговлѣ, въ силу могущихъ быть трактатовъ, отвлекая въ то же время взоры низшихъ классовъ отъ внутреннихъ дѣлъ; насколько литературный цехъ зараженъ шовинизмомъ, потому что «такъ уже принято и установлено» во Франціи историко-литературной традиціей, или потому, что идеи шовинист-

скія пріятно вкушаются обществомъ и слѣдовательно ихъ надо подносить ему, иначе не будетъ ни сбыта, ни славы, ни карьеры для литературнаго цеха; — насколько это такъ или иначе — объ этомъ можно многое бы сказать, но пока для насъ важенъ только фактъ, — что по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, а верхніе слои французскаго общества проникнуты шовинизмомъ; и можно весьма серьезно опасаться, что война не только не изгонитъ его, а напротивъ, сохранитъ его въ нихъ, прикрасивъ новымъ привкусомъ идеи за національную независимость, за территоріальную неприкосновенность. Манифестъ временного правительства, подписанный Ж. Фавромъ и полный весьма нелогическихъ противорѣчій, скорѣе подтверждаетъ высказанныя нами опасенія нежели разсѣеваетъ ихъ, и вотъ въ этомъ-то мы видимъ положительное зло, вытекающее изъ войны [1]).

Тоже самое антагонисты успѣховъ Германіи могутъ пророчить и о ней. Германія, или, по ихъ различію, Пруссія можетъ быть опьянена своими побѣдами, военный деспотизмъ будетъ царить въ ней безпрекословно, и всѣ требованія свободныхъ стремленій смолкнутъ и въ сѣверной, и въ южной Германіи, и реакція охватитъ всю Европу. Да, это тоже было бы положительное зло войны, и конечно, о немъ не могло быть и рѣчи, еслибъ Германія достигла объединенія безъ войны. Но мы сказали, что если войною не пріобрѣтается свобода, то ею не получается и власть, и въ концѣ концовъ, — еслибы реакціонеры хотѣли сочувствовать вообще войнѣ, надѣясь на новое торжество реакціи въ Европѣ, то и они обочтутся въ своихъ разсчетахъ: хуже чѣмъ было, не будетъ, потому что время и сила вещей заставляютъ реакцію дѣлать уступки прогрессу. Такимъ образомъ, врядъ ли возможенъ снова во Франціи такой дикій произволъ, который правилъ страною при Наполеонѣ III; а съ меньшимъ произволомъ — явится болѣе доступа въ села трезвымъ идеямъ; села станутъ въ уровень съ промышленными центрами, и сбросятъ съ пьедестала антикварную утварь шовинизма. Съ другой стороны, еслибъ Бисмаркъ захотѣлъ юнкерствовать не въ мѣру—то страна можетъ остановить его. Она можетъ рѣшить, что цѣль достигнута, Рейнъ спасенъ, Германія сплочена, и нынѣ въ ея сплоченіи болѣе задатковъ для проявленія свободы, чѣмъ для поддержанія абсолютизма; несмотря на возгласы литературныхъ мамелюковъ о безоб-

[1]) Изображеніе невѣжества въ селахъ Франціи, которое возведено Наполеономъ III и католическимъ духовенствомъ въ систему,—и которое дало результаты плебисцита — отвело бы насъ теперь въ сторону. Мы дадимъ читателю наглядное понятіе о немъ при рецензіи недавно вышедшей книги Audiganne'a—La morale dans les campagnes.

разіи прусскаго народа, мы помнимъ еще, какъ онъ недавно пять сессій сряду посылалъ все тѣхъ же оппозиціонныхъ депутатовъ въ нижнюю камеру, вопреки всѣмъ стараніямъ Бисмарка — по той простой причинѣ, что и прусскому народу не большая охота платить налоги и тянуть долгую лямку военной службы. Конституціонныя стремленія Германіи могутъ быть задержаны на время — это правдоподобно, особенно, если судить по послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Германіи, — но если они дѣйствительно живыя стремленія, то ихъ нельзя будетъ истребить и они возьмутъ свое — мирно или съ бою. И во всякомъ случаѣ, прежде всего не слѣдуетъ забывать, что со времени декабрьскаго переворота главнымъ представителемъ, и такъ сказать *машинистомъ* реакціи былъ Наполеонъ III, а никто другой.

Итакъ, по нашему мнѣнію, политическій оптимизмъ и пессимизмъ — оба могутъ окончательно успокоиться: война не можетъ нанести Европѣ неотразимаго, непоправимаго удара, зла; и война не способна сама по себѣ произвести благодѣтельныхъ результатовъ. Въ такомъ значеніи войны вообще лежитъ залогъ прогресса. Иначе, случалось бы одно изъ двухъ: или достаточно было бы явиться снова отчаянному авантюристу и, по своему патологическому капризу, нанести непоправимый ударъ прогрессу, заставить человѣчество своротить навсегда или на очень долго съ своего прогрессивнаго пути; или—возводя войну въ апотеозъ, и полагая, что войною достигаются благіе результаты — надо бы возвратиться къ поклоненію грубой силѣ и съ презрѣніемъ отбросить отъ себя память о завоеваніяхъ разума и свѣта; война — была бы наилучшею, могучею пропагандою для человѣческаго блага!

III.

Наши разсужденія могутъ, пожалуй, показаться не болѣе, какъ какимъ-то сводомъ противорѣчій, — мы приводимъ одни доводы и оспариваемъ ихъ; приводимъ другіе доводы и опять противуполагаемъ имъ иные. Но не наша вина въ томъ, что политическій міръ въ дѣйствительности самъ полонъ противорѣчій, которыя слѣдуетъ внимательно анализировать, чтобъ самому не впутаться и умѣть отрѣшиться отъ нихъ. Война, повидимому, не можетъ принести ни абсолютнаго зла, ни абсолютнаго добра; она можетъ приводить къ весьма плачевнымъ событіямъ, она можетъ производить такія катастрофы, — къ общей радости Европы и Америки — какъ паденіе Наполеона III. Но если мы ратуемъ про-

тивъ всякаго оптимизма и пессимизма по отношенію къ *результатамъ* войны, то это еще вовсе не значитъ, будто мы проповѣдуемъ *индифферентизмъ*, будто мы полагаемъ, что слѣдуетъ или можно относиться индифферентно къ войнѣ. Далеко нѣтъ! Самый фактъ войны — варварская, ужасная вещь! Сидя въ кабинетѣ или въ мансардѣ за письменнымъ столомъ, можно спокойно разсуждать о добрыхъ пожеланіяхъ одной или другой сторонѣ, о великихъ принципахъ маяка человѣчества — Франціи, и о мрачныхъ козняхъ врага человѣчества — Пруссіи! о грядущемъ паденіи всемірной цивилизаціи по причинѣ военнаго пораженія ея «alma mater», императорской Франціи; о темной ночи надъ міромъ въ силу объединенія «феодально-прусской» Германіи. Вы тѣмъ болѣе спокойно можете разсуждать, что на ваше счастье или къ общему сожалѣнію, вы уже ничего не можете измѣнить и въ сущности сами ничѣмъ не поплатитесь. Но перенеситесь—не бойтесь, не въ дѣйствительности, а хоть въ воображеніи — на поле битвы, гдѣ совершается *фактъ* войны во всей его ужасающей наготѣ. Хотите видѣть фактъ войны?

Взгляните на этихъ людей: у нихъ измученный видъ, у нихъ на языкѣ слова проклятія, а въ памяти обуздывающій призывъ къ покорности, къ дисциплинѣ.... вотъ они пришли на поле битвы — чрезъ день, чрезъ часъ они не досчитаются тысячей своихъ товарищей. Это поле—это собственно и была цѣль всей ихъ военной службы. Для того, чтобъ попасть на это поле, ихъ заставили бросить сельскій плугъ или ткацкій станокъ, строительное или фабричное ремесло, ихъ оторвали отъ родного угла, отъ семьи, отъ старой матери, которую они поддерживали за то, что она взростила ихъ, или отъ молодой подруги, съ которой забывалось горе нищеты и невзгоды наемнаго труда; ихъ держали цѣлые годы въ казармахъ, муштруя и дрессируя сообразно съ догматомъ дисциплины. Ихъ послали послѣ въ Африку для того, чтобъ они *напрактиковались* на непокорныхъ арабахъ. Ихъ вернули послѣ въ великую Францію и, по счастью, *«бѣлые* арабы» дали имъ случай не забывать своего ремесла: въ послѣдніе годы, по изслѣдованіямъ *послѣдняго* министра юстиціи экъ-императорскаго прокурора Граппере, дикіе анархисты *подговаривали* разныхъ углекоповъ и заводскихъ рабочихъ не быть сытыми и просить улучшенія своей судьбы, — и наши воины имѣли случай побивать своихъ братьевъ въ Рикамаре, Рошамбо, Крёзо. Они имѣли также случай пробовать шаспо на тѣхъ итальянцахъ, которые *хотѣли войти* въ Римъ *ранѣе*, чѣмъ тѣ, которые *вошли теперь*, и «наши шаспо произвели чудо!»

Съ этимъ «чудомъ» двинулись они на Рейнъ и *«заплакали*

отъ умиленія видя хладнокровіе маленькаго Бонапарта, вокругъ котораго летали бомбы» (послѣдняя предсмертная фантазія, сочиненная Наполеономъ III, авторомъ многихъ фантазій «о наполеоновскихъ идеяхъ» и о «пауперизмѣ!»). Пруссаки не устояли предъ войскомъ императора и позорно оставили высоты Саарбрюкена!

Парижъ иллюминуетъ торжество нашихъ войскъ, и императорскіе поставщики иллюминацій едва не спутали разноцвѣтныхъ фонарей на радости, и едва при этомъ не зажгли той иллюминаціи, которая *заготовлена съ самаго объявленія войны*, для празднованія торжественнаго въѣзда Бонапарта въ Берлинъ (не въ Вильгельмсгёе, а именно въ Берлинъ — фактъ достовѣрный!)... Нѣсколько дней проходятъ,—пруссаки захотѣли еще хуже быть побитыми и сунулись подъ Вейсембургъ, подъ Вёртъ— шасно опять «надѣлали чудо» — новое чудо! Насъ застали въ расплохъ и у насъ не хватило боевыхъ запасовъ: артиллерія душила насъ, мы бросились впередъ, мы захотѣли заставить ее замолчать, на насъ посыпался градъ пуль, каждое дерево проклятаго лѣса превратилось въ пруссака, и онъ работалъ своею иголкою, не обращая вниманія на наши митральёзы! Предательство! у него самого оказались митральёзы; наши зуавы, наши тюркосы помчались впередъ какъ вихрь, и какъ вихрь разсѣялись, устлавъ кровавыми рядами свой слѣдъ; наши знамена оказались въ рукахъ врага; одно знамя перешло 56 разъ изъ рукъ въ руки — это значитъ 28 человѣкъ легло изъ-за него съ каждой стороны... артиллерія ихъ валитъ нашихъ братьевъ, какъ снопы, гдѣ же *наша* артиллерія, гдѣ же помощь, которую мы ждемъ и съ которой мы побѣдимъ? Артиллерія молчитъ, у нея нѣтъ запасовъ, не стрѣлять же маршальскимъ багажемъ! помощь не идетъ, барабанъ забилъ отступленіе, насъ продали, измѣнники!...

Они шли долгіе дни и темныя ночи, пробираясь «какъ воры» среди непріятельскихъ карауловъ, какъ *воры* на *своей* землѣ— во Франціи! Даже третья часть изъ нихъ не дошла до Шалона, гдѣ остались ихъ товарищи по казармѣ — сколько убито на повалъ, сколько умерло на полѣ битвы, сколько засядетъ въ далекихъ крѣпостяхъ Пруссіи, въ плѣну.

Имъ обѣщаютъ въ утѣшеніе, что въ Шалонѣ будетъ великое отмщеніе за поруганіе французскаго оружія; что самъ мексиканскій Базенъ ударитъ на врага съ тылу, и ни одинъ пруссакъ не уйдетъ отъ вѣрной могилы на Шалонскомъ полѣ.... Надо опять въ походъ.... быстро, живо.... жгите свой лагерь, этотъ лагерь, въ которомъ гарцовалъ такъ часто на конѣ самъ императоръ, ободряя вашу воинственность и обѣщая вести васъ еще на но-

выя побѣды, этотъ лагерь, который васъ только-что заставляли укрѣплять;... въ дорогу, смѣлыми Богъ владѣетъ, насъ ждетъ побѣда! теперь все за насъ: Лебёфъ прогнанъ, и въ Парижѣ властвуетъ Паликао, тотъ самый, который такъ храбро ограбилъ лѣтній дворецъ Богдыхана; Паликао окруженъ людьми наиболѣе преданными отечеству и трону, особенно трону; самъ Гамбетта выражаетъ свое довольство и довѣріе къ Паликао. Надо идти, ихъ ждетъ Базенъ,—онъ побѣдоносно дрался подъ Мецомъ, онъ блистательно побилъ нѣмцевъ, онъ отбросилъ ихъ отъ крѣпости, *но* рѣшился *отдохнуть* въ Мецѣ—надо идти, чтобъ *выручить* его отъ *отдыха*....

И они идутъ, несмотря на свой голодъ. Они не ѣли двое сутокъ и они еще подождутъ, потому что поѣзды желѣзныхъ дорогъ заняты перевозкою императорскаго багажа. Во вторникъ, 23-го августа, они оставили за собой пожарище шалонскаго лагеря; Макъ-Магонъ повелъ ихъ въ Аннибаловъ походъ, онъ пройдетъ мимо армій королевскаго принца, мимо саксонскихъ и баварскихъ корпусовъ, онъ подастъ руку Базену и они задушатъ всѣ нѣмецкія арміи. Сами нѣмецкія арміи не вѣрятъ, чтобъ М. Магонъ рѣшился на такой подвигъ; онѣ повѣрили въ дѣйствительность похода М. Магона только въ четвергъ, и желтое лице Бисмарка поблѣднѣло, сама безстрастная фигура прусскаго Наполеона—Мольтке, съёжилась и совсѣмъ сконфузилась: по ихъ разсчету, чрезъ четыре дня М. Магонъ долженъ былъ оказаться подъ Метцомъ; надо гнаться за нимъ въ погоню и предупредить его....

Вовсе не особенно надо гнаться!—истощенные, голодные, пронизанные дождемъ и исполненные недовѣрія, французскіе солдаты въ три дня едва успѣли сдѣлать 20 миль, разсчитанныя на ежедневный этапъ. Еще планъ лопнулъ. Напрасно будетъ насъ ждать Базенъ; напрасно 31-го августа сдѣлаетъ онъ отчаянную попытку пробиться сквозь непріятельскіе ряды, въ надеждѣ на помощь М. Магона; напрасно мечтаетъ онъ о днѣ славы,—день славы станетъ днемъ могилы для тысячей храбрыхъ, тысячей неповинныхъ жертвъ.... Далѣе нельзя идти М. Магону, надо остановиться между Музономъ и Седаномъ и ждать, пока нѣмцы вздумаютъ напасть на насъ въ награду за семидневное шествіе изъ Шалона! О нѣмцы, нѣмцы! бѣдный генералъ де-Фальи—герой Ментаны и ближайшій другъ Бонапарта, который удержалъ его при себѣ вопреки всѣмъ требованіямъ министерства и маршаловъ,—де-Фальи только-что успѣлъ расположиться на бивуакахъ и велѣлъ готовить супъ солдатамъ, какъ пруссаки вздумали его *обмануть*: *подослали* къ нему крестьянина сказать, что

идутъ на него;—де-Фальи, конечно, прогналъ крестьянина и рѣшилъ, что пруссаки не могутъ не подождать, пока онъ не кончитъ ужина: но, вдругъ, на этотъ ужинъ попало нежданное блюдо: бомба влетѣла въ лагерь и разлетѣлась на мелкіе куски, впиваясь въ человѣческое мясо; за бомбою другая, за другою сами нѣмцы изъ Бомонтскаго лѣса! О Ментана! о папа, котораго мы защищали, спаси насъ своей непогрѣшимостью!... увы! вмѣсто папы пришлось обратиться за спасеніемъ къ собственнымъ ногамъ,— де-Фальи уже знаетъ, какъ бѣгаютъ отъ нѣмцевъ, они научили его при Виссамбургѣ и онъ переходитъ быстро рѣку и отступаетъ, оставляя боевое мѣсто пруссакамъ.... А неподалеку, въ Кариньянѣ, оказался самъ императоръ — это значитъ навѣрное будутъ отступать и отступать. Кариньянъ очистили и бросились— одни къ лѣвому флангу французской арміи, другіе къ бельгійской границѣ, а пруссаки идутъ по пятамъ. Солнце не успѣло подняться въ среду утромъ (31-го августа), а ужъ пруссаки привѣтствовали огнемъ и желѣзомъ правую сторону и центръ французской арміи; страшная канонада загремѣла съ обѣихъ сторонъ: богъ войны — Марсъ, улыбается то однимъ, то другимъ; вотъ нѣмцы какъ будто гнутся подъ огнемъ праваго крыла, вотъ французы какъ будто брошены въ сосѣдній лѣсъ, но ихъ кавалерія стоитъ предъ пруссаками и отчаянно защищаетъ подступъ. Съ утра и до 4-хъ часовъ дня не умолкалъ громъ пушекъ и свистъ пуль; только въ 4 часа огонь сталъ медленнѣе, только когда совсѣмъ стемнѣло, къ ночи, огонь прекратился, для того чтобъ съ зарею снова начаться, съ новою яростью, съ новымъ остервенѣніемъ.

Первый день осени, четвергъ, 1-го сентября. Французы подкрѣпили свою лѣвую сторону, опиравшуюся на бельгійскую границу, и держали всю линію отъ Базейля до высотъ противъ Лашапеля, опираясь правою стороною на Маасъ. А пруссаки выставили противъ нихъ новыя, свѣжія войска, не голодныя и не измученныя двухъ-дневной битвой; ихъ кавалерія атаковала деревню Лашапель и заняла ее въ 11 часовъ, изрубивъ защищавшихъ ее вольныхъ стрѣлковъ. Это занятіе предвѣщало грозу французамъ: они бились какъ львы, они отстояли нападеніе на ихъ центръ и правую сторону, но пруссаки все шли впередъ и наконецъ сбили корпусъ генерала Лебрёна, солдаты бросились въ бѣгство; лѣвая сторона не устояла противъ натиска кавалеріи, дрогнули ея порѣдѣвшіе полки и бросились спасаться кто за бельгійскую границу, кто въ далекіе отъ мѣста битвы лѣса.... Измученная, обезкураженная правая сторона стояла упорно на своемъ мѣстѣ, не считая ни груды труповъ вокругъ себя, ни

массы непріятеля, окружавшаго ее. Непріятель перешелъ чрезъ Маасъ съ одной стороны, съ другой стороны, правое нѣмецкое крыло ударило на послѣдніе храбрые ряды потопавшей въ крови и разсѣянной въ бѣгствѣ арміи Макъ-Магона. Самъ Макъ-Магонъ тяжело раненъ, команду принялъ генералъ Вимпфенъ, только-что подоспѣвшій изъ Алжира и не знавшій ни плана, ни средствъ битвы!....

7-ой корпусъ пропадаетъ въ окрестныхъ лѣсахъ подъ огненнымъ и желѣзнымъ градомъ нѣмецкой артиллеріи; напрасно Вимпфенъ посылаетъ имъ на выручку кавалерію и три батареи,—эти батареи сбиты менѣе чѣмъ въ 10 минутъ, и только еще болѣе труповъ усѣяло землю въ лѣсу. Одно лѣвое крыло 12-го корпуса держалось еще бодро противъ непріятельскаго натиска. Въ головѣ Вимпфена блеснула мысль броситься съ частью 12-го корпуса на выручку правой стороны, отбросивъ часть непріятельской армій къ Маасу, и вмѣстѣ съ остатками корпуса Лебрёна, съ частями 1-го и 5-го корпусса пробиться чрезъ стѣну непріятельской артиллеріи и лѣсъ непріятельскихъ штыковъ къ Кариньяну (на юв. отъ Седана), чтобъ идти на Монмеди или отступить къ бельгійской границѣ. Онъ послалъ своего адъютанта въ Седанъ звать императора, чтобъ онъ сталъ во главѣ войска и въ послѣдній разъ попытался одушевить его своимъ геройскимъ примѣромъ.

А въ головѣ императора уже зрѣлъ другой планъ, болѣе удобный и вѣрный.... Онъ отказалъ Вимпфену, генералъ рѣшился дѣйствовать безъ императора. 12-й корпусъ началъ наступательное движеніе и сбилъ позицію непріятельскихъ отрядовъ; но остававшіеся въ арьергардѣ 1-й и 7-й корпусъ, вмѣсто того, чтобъ идти съ 12-мъ корпусомъ, окруженные нѣмецкими легіонами, быстро стали отступать подъ стѣны Седана: солдаты увидѣли ворота крѣпости по-оплошности открытыми и бросились въ городъ, думая уже не о битвѣ, а о спасеніи, объ утоленіи голода.... Въ четыре часа курьеръ императора настигъ Вимпфена, хотѣвшаго идти вслѣдъ за 12-мъ корпусомъ и объявилъ ему, что императоръ велѣлъ вывѣсить бѣлый парламентёрный флагъ и что слѣдуетъ прекратить битву. Вимпфенъ вернулся въ крѣпость и сталъ звать всѣхъ кто хочетъ охотой идти съ нимъ вслѣдъ за 12-мъ корпусомъ и пробиться чрезъ непріятельскіе ряды: только *двѣ тысячи откликнулось на его зовъ*, и онъ бросился съ ними еще разъ въ огонь и успѣлъ прогнать нѣмцевъ изъ деревни Баланъ; но здѣсь суждено было окончиться 3-хъ-дневной битвѣ: далѣе идти было нѣкуда—предъ ними со всѣхъ сторонъ выростали стальныя стѣны непріятельской арміи. Вимп-

фенъ не могъ уйти отъ позора, не могъ настигнуть отрядовъ 12-го корпуса и вернулся въ Седанъ, гдѣ его ждали новые сюрпризы храбраго императора. Въ 8-мъ часовъ вечера совершилось великое событіе: Наполеонъ готовился къ личному походу: der Kaiser ist da! раздалось среди нѣмцевъ! «Братъ мой, не бывъ въ состояніи снискать смерть во главѣ моей арміи, я кладу къ вашимъ ногамъ мою шпагу».... На другой день, 80 тысячъ Шалонской арміи было вычеркнуто почеркомъ пера подъ капитуляціей изъ списковъ французскаго войска....

И только!...

Васъ интересуетъ кто побитъ и кто побѣдилъ, храбро ли дрались, отчего одни потеряли, другіе выиграли; васъ интересовало слѣдить за переходами, за стычками, за колебаніями побѣды и пораженія!...

Погодите, это только одна сторона, внѣшняя сторона войны! Другая сторона имѣетъ другой интересъ; оставьте 80 тысячъ идти въ Германію и оставаться тамъ на долго въ разлукѣ съ семьей, въ лишеніяхъ, безъ языка!... А теперь подумайте что́ надо было принести въ жертву для того, чтобъ дойти до капитуляціи 80 тысячъ? Надо было положить на мѣстѣ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ людей только съ одной стороны! 20 тысячъ смертей—сколько же это десятковъ тысячъ несчастныхъ, сколько дѣтей безъ отцевъ, матерей безъ сыновей, сестеръ безъ братьевъ, женъ безъ мужей! Сколько десятковъ тысячъ жизней разбито навсегда, нежданно, негаданно. Какія варварскія воспоминанія останутся у осиротѣлыхъ по погибшимъ: въ живыхъ, у нихъ не было что́ ѣсть и пить, они были почти босоногіе, идя форсированнымъ маршемъ; раненые, они были брошены въ лѣсахъ, и новыя муки не щадили и вонзались въ ихъ истерзанныя тѣла! Вотъ, подъ однимъ деревомъ ихъ доползло десять человѣкъ—французы и нѣмцы вмѣстѣ; вражда забыта, каждый изъ нихъ хочетъ помочь другому, не будучи въ состояніи помочь самому себѣ.

— Но, мосьё,—спросилъ раненый французъ у странствующаго англичанина, набревшаго на нихъ, пруссаки христіане или нѣтъ?

— Конечно, отвѣчалъ я.

— О, зачѣмъ же мы такъ убиваемъ другъ друга,—и тяжелый вздохъ испустила его раненая грудь.

— О, отвѣчалъ я ему, это дѣлается для Бонапарта и Гильома; развѣ вы не знаете, что мы, простые смертные, созданы для нихъ. «Но онъ, повидимому, не могъ помириться съ моимъ взглядомъ» — прибавляетъ скептическій англичанинъ. (Times)....

Войска дрались какъ львы и падали какъ мухи! А рядомъ съ войсками, дрались крестьяне, — они думали, что съумѣютъ защитить свое село Базейль (8 километровъ отъ Седана), или они вовсе ничего не думали, а просто ужасъ охватывалъ ихъ при мысли о вступленіи пруссаковъ въ ихъ село, о разореніи и разграбленіи всего, что было накоплено нищенскою бережливостью ихъ дѣдовъ и отцовъ! Все село превратилось въ Сарагоссу; каждая изба стала крѣпостью; изъ оконъ, изъ щелей летѣли пули въ баварцевъ; каждый домъ надо было брать приступомъ; женщины, дѣвушки стрѣляли; разъяренный врагъ хваталъ ихъ и разстрѣливалъ; одну дѣвушку схватили и поволокли на судъ — обѣ щеки ея красиваго лица были изранены, въ рукѣ судорожно сжалось нѣсколько патроновъ; дрянная винтовка была заряжена.... подъ дома стали бросать зажженную солому, село вспыхнуло; жители бросились искать убѣжища въ погребахъ и горѣли въ нихъ вмѣстѣ съ дѣтьми. «Духъ человѣческаго сожженнаго мяса душилъ вамъ горло; обгорѣлыя тѣла защитниковъ валялись около развалинъ ихъ домовъ....» (Разсказъ очевидца).

Запахъ человѣческихъ и конскихъ труповъ заставилъ зажечь огни въ Седанѣ на канунѣ выхода на капитуляцію: Седанъ превратился въ горнило ада: груды раненыхъ людей и лошадей валялись безъ всякой помощи; люди искали куска корки, глотка воды — ничего не было; только императоръ, говорятъ очевидцы — сидѣлъ спокойно все время битвы [1]) въ префектурѣ, только нѣсколько генераловъ ѣли въ гостиницѣ Золотого Креста.... «Мы ѣсть хотимъ» былъ отвѣтъ измученныхъ солдатъ, когда ихъ звали сражаться; «насъ продали и насъ предали, гдѣ наши боевые запасы, гдѣ нашъ провіантъ? зачѣмъ насъ сюда вели изъ Шалона?»... Дождь шелъ ливнемъ и мочилъ ихъ измученныя кости; — тысячи плакали какъ дѣти и проклинали императора и даже Макъ-Магона..... «Они съ ума сошли — жаловались на другой день французскіе офицеры побѣдителямъ, — они стрѣляютъ въ насъ, своихъ офицеровъ!...» Въ войскѣ прошелъ слухъ, что генералъ де-Фальи убитъ изъ револьвера одного капитана по требованію солдатъ.... Когда имъ пришлось выходить изъ крѣпости и идти въ плѣнъ, они ломали въ ярости свои ружья, рвали окровавленные остатки своей амуниціи.... На полѣ битвы валялись

[1]) Свѣдѣнія объ участіи Наполеона въ битвѣ весьма противорѣчивы: нѣмецкія оффиціальныя газеты, получивъ отъ Бисмарка приказаніе относиться почтительно къ императору, какъ „къ *единственной законной* верховной власти Франціи»,—говорятъ о его геройскомъ *самоотверженіи*, съ какимъ онъ *тщетно* искалъ смерти на полѣ битвы; а очевидцы, жители Седана сообщаютъ, что императоръ изволилъ храбро возсѣдать въ домѣ суб-префекта и не думалъ изъ него отлучаться!

головы безъ туловищъ, куски мяса; земля не принимала въ себя больше крови.... медики и сестры милосердія бродили по трупамъ, подбирая раненыхъ: англійскому корреспонденту попалась женщина, быстро переступавшая съ одного трупа на другой и безсмысленно улыбавшаяся: она искала своего возлюбленнаго и она помѣшалась, и не одна она помѣшалась....

Самъ спокойный протестантскій пасторъ, извѣстный Пресансе, описывая ужасы поля битвы, при всемъ своемъ патріотизмѣ восклицаетъ: «мы видѣли войну во всѣхъ ея безчеловѣчныхъ видахъ, мы прокляли ее всѣми силами нашей души и мы поклялись работать надъ ея уничтоженіемъ; *даже* торжество нашей арміи не измѣнило бы нашего отношенія къ войнѣ (!). Я всю жизнь буду слышать отчаянные крики одного несчастнаго крестьянина, котораго нѣмцы вели на разстрѣляніе за то, что онъ осмѣлился драться противъ нихъ: онъ напрасно молилъ о пощадѣ во имя своихъ четырехъ малолѣтныхъ дѣтей.... Я вижу до сихъ поръ лица женщинъ и стариковъ, бѣгущихъ спасаться въ госпиталь сестеръ милосердія.... Молодой новобранецъ, смертельно раненый, сдерживалъ свое послѣднее рыданіе отъ жгучей боли и просилъ насъ: «я умоляю васъ, напишите моему отцу такъ, чтобъ его не обезпокоить»... Другой, подставляя руки подъ пилу хирурга, не заботясь о боли, воскликнулъ: «у меня не будетъ болѣе рукъ, чтобъ работать на старика-отца».... Они просили пить, просили помощи. «Къ несчастью, у насъ былъ во всемъ недостатокъ: въ пищѣ, въ питьѣ, въ пособіяхъ, точно также какъ и въ боевыхъ припасахъ!»...

....А на другомъ концѣ Франціи — города горятъ отъ бомбардированья; жители падаютъ на улицахъ мертвыми, когда не могутъ высидѣть въ погребахъ; и комендантъ, въ отвѣтъ жителямъ, говоритъ тоже, что и генералъ непріятеля: «я сожгу скорѣе весь городъ, если онъ мнѣ будетъ мѣшать, но не сдамся», —военная честь не допускаетъ.... и въ центрѣ Франціи тысячи бѣгутъ сами не зная куда, оставляя свои села и города, спасаясь отъ разоренія и убійства; а на встрѣчу имъ попадаются десятки тысячъ нѣмцевъ, выгнанныхъ изъ Франціи, съ одобренія самого Гамбетты!...

Торжество Германіи скрываетъ слезы и горе матерей и женъ, но отъ этого въ ней все же не меньше сиротъ!...

Французской арміи не существуетъ, французская слава потоплена въ крови, собственность пожжена и разорена, жизнь обращена въ трупъ.... Вотъ на что шли милліоны и милліарды второй имперіи, вотъ зачѣмъ надо было вырывать ежегодно сто тысячъ народу, выжимая лучшій сокъ изъ деревень и городовъ...

Вотъ, значитъ, въ *чемъ* состоитъ *фактъ* войны, и вотъ когда мы приведены къ скромному, историческому изслѣдованію, къ простому, естественному вопросу—гдѣ же *причина* этого ужасающаго факта? *Кто* создалъ эту причину? *Кто* виновенъ въ совершеніи такого *факта?*

VI.

— «Виноватъ ненавистный Бисмаркъ и теологическій Гильомъ»! — восклицаютъ идеологи, эти мамелюки политической прессы. «Ихъ козни вздумали создать единую Германію, они нанесли оскорбленіе намъ своимъ внезапно выросшимъ могуществомъ; они унизили Францію. Франціи ничего не надо, но ей надо ея естественныя границы, ея Рейнъ; безъ нихъ она не можетъ существовать, она погибла: Рейнъ—ея историческая задача, Рейнъ завѣщанъ намъ великою революціею, во имя *великихъ принциповъ* 89-го года, мы должны драться до послѣдняго человѣка».

Къ несчастію, легкомысліе и невѣжество такъ сильны еще въ европейскомъ обществѣ, что дѣйствительно требуется опровергать воинственныя бредни мамелюковъ, дѣйствительно требуется напоминать людямъ исторію.

Исторія, сведенная даже на голое констатированіе фактовъ, какъ и статистика выражающаяся въ цифрахъ,—обличаетъ ложь всякихъ фантазій, и разбиваетъ въ прахъ всѣ метафизическія построенія.

Исторія свидѣтельствуетъ совершенно иначе, чѣмъ мамелюки и идеологи, о связи великихъ принциповъ съ второю имперіею, которая не могла сдѣлать шагу, чтобъ не сослаться на эти великіе принципы и свое родство съ ними.

Принципы 89-го года были совершенно миролюбивы. Первые представители освобождавшейся націи вовсе не мечтали не только о берегахъ Рейна, но и вообще о войнѣ. Конституція 1791-го года (tit. VI) провозглашала въ первый разъ въ исторіи Франціи, что «французская нація отказывается предпринимать какія бы то ни были войны съ цѣлью *завоеваній*, и что она никогда не употребитъ своихъ силъ противъ свободы какого-либо народа». Мелкій случай, ссора между англійскими купцами и испанскими надсмотрщиками—вывела на сцену истинныя чувства всѣхъ партій 90-хъ годовъ относительно войны и оставила въ исторіи великій протестъ нарождавшейся революціи противъ воинскихъ тенденцій древнихъ монархій.

Флотилія испанскаго короля захватила англійскіе корабли въ

заливѣ Ноотка; Англія стала снаряжать свой флотъ, чтобъ отомстить за оскорбленіе. Испанскій дворъ обратился къ Версальскому за помощью, и король Лудовикъ XVI приказалъ снарядить 14 кораблей, во имя *Семейнаго договора* (Pacte de famille). Это происходило 14-го мая 1790 г. Волненіе охватило всѣ революціонныя силы Парижа: «Какъ, чтобъ семейный договоръ могъ обязывать націю вести войну изъ-за кучи родственниковъ короля за границею! чтобъ Франція была связана какими-то дипломатическими договорами, невѣдомыми ей, заключенными безъ ея спроса, безъ ея согласія»? Всѣ оттѣнки свободной прессы сливались въ общемъ порицаніи воинственныхъ стремленій. «Война—писалъ Бриссо,—можетъ оказать пользу только деспотизму. Не попадемся въ просакъ, который ставятъ воинственному духу націи; война была бы гибельна для развитія свободы». Самъ Маратъ — это казенное пугало многихъ новѣйшихъ историковъ и поэтовъ, считающихъ необходимымъ изображать его «въ кровавыхъ рубищахъ», пророчилъ націи бѣдствія отъ войны: «Война только даетъ вѣчные предлоги власти требовать субсидій... націю отрываютъ отъ занятій общественными дѣлами, и занимаютъ *ложною* славою, и когда ее развратятъ этой славой, то вернутъ съ поля битвы полки ветерановъ, готовыхъ на исполненіе всякихъ мѣръ для низведенія націи въ рабство или для удержанія ея въ гнетѣ». И наконецъ, полу-шутя, полу-серьезно, по своему обыкновенію, балованное дитя революціи, будущій трагическій Тацитъ террора, Камиль-Демуленъ клалъ свое перо прямо на рану общественнаго неустройства: «Право войны и мира должно принадлежать національному собранію, народу, потому что *насъ* убиваютъ, а не бурбонскую династію, которая истребила уже столько милліоновъ людей, и за эти милліоны не поплатилась даже ни однимъ изъ своихъ ушей».

Дѣйствительно, вопросъ о правѣ войны и мира перенесенъ былъ изъ журналистики и изъ якобинскаго клуба въ національное собраніе. Засѣданія, посвященныя этому вопросу и занесенные «Монитёромъ» въ исторію, и теперь еще заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ какое они вызывали тогда, когда народъ толпами окружалъ собраніе, ожидая, чѣмъ рѣшится вопросъ, что́ еще изобрѣтетъ дворъ съ Монмореномъ, что̀ еще выкинетъ Мирабо, въ первый разъ пошатнувшійся на этомъ вопросѣ? Чѣмъ кончится споръ Барнава съ Мирабо? Что́ принесетъ на трибуну Робеспьеръ или Петіонъ изъ якобинскаго клуба?

Всѣ, безъ различія партій и титуловъ, герцоги и демократы сливались въ тотъ день въ одномъ общемъ желаніи: положить конецъ кровопролитіямъ и, если нельзя декретировать совер-

шеннаго уничтоженія войнъ, то по крайней мѣрѣ оградить народъ отъ легкомысленныхъ покушеній исполнительной власти на спокойствіе націи, изъ-за корыстныхъ или обскурантныхъ поводовъ къ войнѣ, и такое огражденіе — одинаково спасительное и для власти и для народа — представители конституанты видѣли въ *конституціонномъ правѣ законодательнаго собранія* рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ вмѣстѣ съ королемъ. «Насъ спрашиваютъ, говорилъ герцогъ д'Эгильонъ, должна ли нація удѣлить королю право вести войну? Но предварительно слѣдовало бы рѣшить, обладаютъ ли сами націи такимъ правомъ? Всякое несправедливое нападеніе противно естественному праву, и одна нація не имѣетъ бо́льшаго права нападать на другую, чѣмъ одинъ человѣкъ на другого; нація не можетъ дать королю право, котораго она не имѣетъ сама, и этотъ принципъ долженъ быть особенно священъ для народовъ свободныхъ. Пусть всѣ націи станутъ свободными, какъ мы хотимъ быть свободными, и тогда не будетъ войны».

На разстояніи почти вѣка эти слова кажутся намъ идеаломъ, утопіей; но будто бы человѣчеству было худо, еслибъ эта утопія осуществилась, и будто бы это вина герцога д'Эгильона, а не наша, что черезъ 80 лѣтъ послѣ его призыва мы такъ мало подвинулись впередъ, мы были такъ отброшены назадъ отъ политико-нравственнаго прогресса, что его призывъ остался утопіей и до сихъ поръ?... Скромная, миролюбивая фигура Петіона смѣнила на трибунѣ герцога д'Эгильона. Въ то время, Петіонъ еще былъ «простымъ смертнымъ», онъ не былъ ни мэромъ Парижа, ни «королемъ Петіономъ», какъ его звала позже, въ 92 г., толпа, требуя отъ короля Лудовика XIV отмѣны отставки, данной Петіону; онъ не былъ еще «предателемъ-федералистомъ», какъ его клеймила таже толпа въ 93 г. по указанію якобинцевъ, осудившихъ его на съѣденіе волковъ. А мнѣніе его особенно важно для здраваго сужденія о великихъ принципахъ XVIII-го вѣка, потому что онъ былъ позже однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ лицъ въ партіи жирондистовъ, которыхъ обвиняли въ предпринятіи революціонныхъ войнъ, вызванныхъ коалиціей феодальныхъ монархій.

Обратите вниманіе на слова Петіона и судите по нимъ, насколько правы современные мамелюки Франціи, гласящіе о воинственныхъ припадкахъ XVIII-го вѣка и ссылающіеся на принципы 89-го года, какъ на свой будто бы образецъ:

«Вы можете и вы должны дать великій примѣръ всѣмъ народамъ, примѣръ, я смѣю сказать, небывалый въ лѣтописяхъ исторіи. Провозгласите торжественно, что вы рѣшили из-

гнать отнынѣ изъ вашихъ международныхъ отношеній политику хитростей и мошенничества; что вы убѣждены, что народамъ, ни чуть не менѣе чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, не дозволено обманывать и надувать другъ друга; что съ слишкомъ давняго времени народы пріучены глядѣть другъ на друга съ недовѣріемъ, какъ враги, всегда готовые растерзать другъ друга; и пора, наконецъ, чтобъ они работали надъ взаимнымъ сближеніемъ, надъ соединеніемъ для ихъ общаго блага, надъ установленіемъ между всѣми ими прочнаго мира разъ навсегда. Объявите, что вы отказываетесь отъ всякихъ честолюбивыхъ предпріятій, отъ всякихъ завоеваній; что вы считаете нынѣшнія границы вашей державы границами, положенными самимъ Вѣчнымъ, что вы никогда не преступите ихъ. Убѣдите вашихъ сосѣдей послѣдовать этому примѣру, принять тѣ же обязательства, какъ и вы. Убѣдите ихъ, во имя ихъ интересовъ, во имя всемірнаго блага, во имя всего что́ имъ наиболѣе дорого, — не проливать больше человѣческой крови въ этихъ войнахъ—вѣчныхъ и безумныхъ. Оповѣстите манифестомъ *эти великіе* и *священные принципы*, эти чувства, предписанныя намъ человѣчностью и справедливостью, и вы не совершите ничего, что было бы болѣе достойно вызвать изумленіе и благоговѣніе міра и потомства».

Если Петіонъ выражалъ такое мнѣніе еще юной въ то время республиканской партіи, то другой ораторъ, умѣренной партіи, знаменитый авторъ «Развалинъ» Вольней, своимъ предложеніемъ доказывалъ, что всѣ элементы общества, участвовавшіе въ революціи, одинаково отвергали принципъ войны: «Пусть національное собраніе объявитъ, что оно смотритъ на человѣчество, какъ на великое единое общество, цѣль котораго — миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его членовъ; что ни одинъ народъ, какъ часть цѣлаго, не имѣетъ права вторгаться во владѣніе другого народа, ни покушаться на его естественныя права; что всякая война, предпринятая въ какихъ бы то ни было видахъ, кромѣ защиты права, признаннаго справедливымъ, есть дѣло угнетенія, которое великое общество должно подавить, потому что вторженіе одной державы въ область другой угрожаетъ свободѣ и безопасности всѣхъ странъ. Въ силу этихъ соображеній пусть національное собраніе декретируетъ, какъ основной параграфъ конституціи: «Французская нація отказывается съ этого момента предпринимать *какую бы то ни было войну съ цѣлью увеличенія ея настоящей территоріи*».

Право восторжествовало надъ произволомъ; великій споръ мая 90-го года кончился тѣмъ, что конституанта удержала за

законодательнымъ собраніемъ право рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, оставивъ королю только прерогативу предложенія и санкціи...

Таковы были убѣжденія людей, въ которыхъ выражались принципы обновлявшейся Франціи, сбрасывавшей съ себя кору феодальныхъ предразсудковъ. Эти убѣжденія высказывались въ періодъ наиболѣе нормальный или, вѣрнѣе, наименѣе ненормальный французской революціи, въ періодъ, когда вся Франція была занята своимъ внутреннимъ переворотомъ, своимъ политико-экономическимъ преобразованіемъ. Она не мечтала тогда о воинственныхъ завоеваніяхъ земель и державъ; ея мечта была болѣе возвышенная и разумная: она сознавала, что такъ-называемая судьба, т.-е. сцѣпленіе историческихъ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ этнографическими и физіологическими особенностями ея народа, — обратила ее въ лабораторію, въ которой должны были выработаться и реализироваться идеи и стремленія XVIII вѣка, этого кульминаціоннаго пункта человѣческато прогресса въ продолженіи германо-романскихъ вѣковъ... Она сознавала также, что идеи и стремленія XVIII вѣка были вовсе не собственною, обособленною принадлежностью французской національности, она была гораздо выше узкаго, уродливаго *локализма*, чтобъ не сказать патріотизма; она знала, что геніальные пропагандисты XVIII вѣка, Дидро и д'Аламберъ, Вольтеръ и Руссо, Гельвеціусъ и Гольбахъ, Кене и Бюфонъ, Мабли и Тюрго, и вся изумительная по своей силѣ и энергіи фаланга физіократовъ, натуралистовъ и энциклопедистовъ—главнымъ представителемъ которой оставался еще Кондорсе, что всѣ эти люди были продуктомъ не французскаго,—а общечеловѣческаго пытливаго, свободолюбиваго разума.

Стоя на общечеловѣческой точкѣ зрѣнія, представители Франціи знали, что, работая надъ обновленіемъ Франціи, они работаютъ для всего человѣчества; они не разъ громко высказывались о своей отвѣтственности предъ цѣлымъ міромъ, но они вовсе не думали, что человѣчество требуетъ надъ собою, для прогресса, операціи штыковъ и пороха... На ихъ несчастье, на бѣду всего міра, представители феодализма думали иначе: они тоже сознавали свою солидарность на всемъ пространствѣ Европы, но они полагали, что должны противустоять «буйнымъ фантазіямъ крамольниковъ», именно огнемъ и мечомъ, въ сопутствіи мелкихъ интригъ и жестокихъ казней. Они были правы съ своей точки зрѣнія, — имъ хотѣлось продлить существованіе феодальнаго хаоса, а между тѣмъ ихъ единственное нравственное орудіе, теологическій терроризмъ, было притуплено и вырвано изъ

ихъ рукъ упорными бойцами свободы и разума; другихъ нравственныхъ орудій въ ихъ арсеналѣ не оказывалось... Они были правы съ своей *личной* точки зрѣнія, но исторія, въ своемъ сужденіи, возвышается надъ личной точкой зрѣнія, она оправдываетъ только то, что сдѣлано въ интересѣ человѣчества и общества, и человѣческой личности, какъ единицы общества, и она осуждаетъ узурпаторовъ общественнаго блага.

Старый міръ, опираясь на корыстные интересы феодаловъ и на темное невѣжество низшихъ массъ и наемныхъ штыковъ—не хотѣлъ безъ бою уступить мѣсто Новому міру, который громко претендовалъ возродить человѣчество и облаготворить его своею единою нравственною и умственною силой: во имя этой силы, онъ требовалъ свободы, равенства, братства, но свобода требовала для своего осуществленія уничтоженія политическихъ тормазовъ; равенство и братство—требовали отмѣны нищеты и привилегій. Созиданіе требовало разрушенія, и два міра сошлись и столкнулись въ отчаянной, смертельной битвѣ, изъ которой имъ обоимъ суждено было выдти изкалѣченными. Историческій прогрессъ ведетъ человѣчество путемъ компромисовъ, купленныхъ кровавыми сдѣлками! Французская конституанта провозглашала миръ и свободу для *всѣхъ* народовъ, но ни ея декреты, ни декреты всѣхъ клубовъ, раскинувшихся широкою сѣтью по всей странѣ, не могли добыть свободы даже *одной* Франціи.

V.

Феодальная Европа, застигнутая въ расплохъ, никогда не отличавшаяся благоустройствомъ своихъ финансовъ и дружелюбнымъ отношеніемъ своихъ властелиновъ, оставляла революцію въ первое время въ покоѣ и тѣмъ только увеличила иллюзію революціонеровъ о возможности безпрепятственнаго, строгаго преобразованія. Но прошло два года, и феодальная Европа выросла предъ революціей въ образѣ вооруженной коалиціи. Тѣ же самыя мѣста, которыя и теперь, повидимому, должны составить предметъ распри,—прирейнскія страны Эльзаса, были первымъ поводомъ къ прямому вмѣшательству Европы во внутреннія дѣла Франціи—и поводомъ весьма знаменательнымъ, въ которомъ соціальный вопросъ становился поперегъ дороги къ возможному примиренію. Въ силу декретовъ ночи 4-го августа 1789 года, германскіе князья, владѣвшіе въ Эльзасѣ, должны были лишиться своихъ феодальныхъ правъ; по рѣшенію коалиціи на совѣтѣ въ Пильницѣ, въ которомъ принималъ участіе

и французскій дворъ — австрійскій императоръ счелъ нужнымъ дать первый залпъ по французской революціи: онъ торжественно объявилъ, что «его германскіе князья не могутъ быть *обезфеодализованы*», что имъ принадлежатъ территоріи во французскомъ Эльзасѣ и слѣдовательно имъ должны быть обезпечены ихъ феодальныя неотъемлемыя права, за кои они не примутъ никакого воображаемаго и предлагаемаго вознагражденія.

Притязаніе австрійскаго императора было тѣмъ болѣе характеристично, что оно являлось прототипомъ всѣхъ дальнѣйшихъ вмѣшательствъ феодальной коалиціи. Оно ставитъ революціонную Францію въ невозможность удовлетворить ея требованіямъ, и ставитъ именно для того, чтобъ рѣшать споръ оружіемъ; такъ, для удовлетворенія австрійскому императору слѣдовало бы отмѣнить декреты 4-го августа, — т.-е. отмѣнить всю сущность готовившагося экономическаго переворота.

Въ концѣ концовъ, феодальная коалиція успѣетъ остановить теченіе этого переворота, успѣетъ сбить революцію въ ея существенной задачѣ, заставивъ ее сосредоточить всю свою огненную энергію на оборонѣ, на защитѣ, шагъ за шагомъ, своихъ первоначальныхъ пріобрѣтеній въ спорѣ съ политическою властью, поддержанною коалиціей. За австрійскимъ императоромъ стоялъ прусскій король, за ними обоими стоялъ «врагъ рода человѣческаго» Питтъ, а во главѣ ихъ всѣхъ стоялъ французскій дворъ со своею предводительницею—Маріей Антуанетою. Угроза извнѣ, интриги внутри; сборы военныхъ силъ на границѣ въ союзѣ съ дворянскою эмиграціей, патріотизмъ которой не задумывался обагрить Францію кровью; искусственный голодъ внутри страны, искусственныя возмущенія и пожары, въ которыхъ въконецъ осквернена рука роялизма и феодаловъ;— борьба національнаго собранія съ монархическою партіею, борьба фельянтиновъ (клубъ умѣренныхъ) съ якобинцами, якобинцевъ съ кордельерами, кордельеровъ съ Маратомъ. Съ одной стороны, несмотря на всѣ клубные споры — одна общая, всѣхъ одушевляющая страсть къ установленію новыхъ началъ, къ воцаренію свободы и мира; съ другой стороны, несмотря на кажущееся примиреніе,—не менѣе бурная страсть одолѣть злодѣйскіе замыслы бунтовщиковъ, возстановить потрясенную власть роялизма, какими бы то ни было средствами и прежде всего чужестранною родственною помощью. Въ такихъ тяжелыхъ, раздирающихъ обстоятельствахъ шла Франція отъ монархіи къ республикѣ, и ранѣе чѣмъ пришла къ ней, была вызвана бороться со старымъ феодальнымъ оружіемъ въ рукахъ — оружіемъ желѣза и свинца!—

29-е ноября 1791 г. осталось памятнымъ въ анналахъ революціонныхъ собраній. Въ первый разъ съ трибуны національнаго собранія раздались странныя слова, звучавшія какою-то фальшивою нотою: въ этихъ словахъ краснорѣчивые представители воинственнаго періода революціи, смѣлые, первые республиканцы, жирондисты,—создавали новый, *революціонный патріотизмъ*, пробуждали старое воинственное чувство, обращенное на новый предметъ, хотѣли внести въ идею самопожертвованія человѣка разумное воодушевленіе, взамѣнъ слѣпого дисциплинарнаго послушанія: патріотизмъ, выражавшійся въ самоотверженной преданности не странѣ, а свободѣ страны, патріотизмъ, призывавшій на солидарность не націю въ ея безразличномъ составѣ, а націи—народы противъ ихъ угнетателей.

Варварское противорѣчіе факта идеѣ тѣмъ не менѣе обличало метафизику и этой новой постановки вопроса о международномъ отношеніи: жирондисты объявляли войну тиранамъ, и призывали народы къ братству, но на что́ сводилось въ сущности объявленіе войны? «Тираны» шли не одни, не сами по себѣ на революцію: они шли позади сотней тысячъ своего войска, это значитъ позади того же народа, только другой націи, и народу этому не легче могло быть умирать отъ обѣщанія французами братства!... Если жирондисты имѣли основаніе проповѣдывать необходимость войны противъ «тирановъ» и противъ феодализма, то эта война должна была оставаться въ предѣлахъ самой Франціи, какъ не разъ случалось позже; но жирондисты мечтали о другомъ: они хотѣли *внѣшнею* войною добиться до пораженія своихъ *внутреннихъ* враговъ; они не совсѣмъ обочлись въ *ближайшемъ* разсчетѣ, но они обочлись въ своихъ *дальнѣйшихъ* надеждахъ: войною имъ не удалось спасти революцію: они напрасно дозволили себѣ прибѣгнуть къ старому средству, оно не могло служить новому дѣлу — оно вело его къ вырожденію!

Не нужно быть слишкомъ внимательнымъ наблюдателемъ надъ современностью, чтобъ увидѣть, что мы и теперь еще во многихъ странахъ воображаемъ, будто война даетъ, даже въ случаѣ неудачи, по крайней-мѣрѣ отрицательно — полезные результаты: нѣтъ, дѣло цивилизаціи должно быть чисто, и оно не покупается международною войною.

Одинъ изъ самыхъ образованныхъ и умныхъ революціонеровъ, глава жирондистовъ, Бриссо нисколько не скрывалъ, что онъ хочетъ войны и готовъ желать пораженія войскъ Лудовика XVI для того, чтобъ покончить съ монархіей. Но это разсужденіе

было невѣрно новымъ принципамъ, потому что Бриссо такимъ образомъ хотѣлъ играть на старыхъ струнахъ солдатскаго патріотизма, солдатской славы. Плохо, если народъ избавляется отъ внутренняго гнета только потому, что представители этого гнета не съумѣли быть побѣдителями другихъ народовъ, и то что̀ было плохо въ XVIII вѣкѣ, то также печально и для современной Франціи. Бриссо не предвидѣлъ, что война, съ одной стороны, можетъ пробудить въ націи солдатскіе инстинкты, можетъ свернуть націю съ истиннаго пути ея освобожденія, можетъ дать всплыть на верхъ изъ среды солдатской толпы какому-нибудь авантюристу, который создастъ свой тронъ на развалинахъ свободы... Такими соображеніями руководились якобинцы и во главѣ ихъ Робеспьеръ, а съ нимъ Камиль Демуленъ, Дантонъ, Бильо-Варенъ, Сантеръ и др., ратовавшіе энергически противъ войны. Въ этомъ случаѣ, они были болѣе вѣрными представителями новыхъ началъ, чѣмъ жирондисты; хотя, въ сущности, въ тотъ моментъ жирондисты и не могли поступать иначе: они стояли во главѣ правленія, и какъ бы они ни противились войнѣ, она все же была бы: она была безаппелляціонно рѣшена коалиціей, и жирондисты, видя безвыходное положеніе, старались *догматизировать войну* сообразно съ своими новыми началами, не предвидя, что именно война, какъ самое грубое, безчеловѣчное проявленіе дикаго насилія, — и составляла главный, существенный элементъ стараго средневѣкового порядка, и что, слѣдственно, именно изъ этого элемента не могло быть и не должно было быть ничего извлечено, ничего заимствовано для новаго порядка.

Коалиція достигла *своего*, и войною побила революцію, несмотря на то, что была и сама побита, что, съ того времени и до сихъ поръ, феодальный, теократическій режимъ не могъ встать беззаботно на ноги, и даже въ союзѣ съ вошедшимъ съ нимъ въ сдѣлку элементомъ третьяго сословія—никогда не могъ обезпечить ни себя, ни третьяго сословія отъ всѣхъ напастей постоянной, то глухой, то разражающейся борьбы неугомонныхъ оппозиціонныхъ элементовъ современнаго общества...

Натянутое положеніе между миромъ и войной тянулось съ ноября 91-го до апрѣля 92-го года, и мы невольно должны остановиться предъ актомъ, въ которомъ снова подтверждались миролюбивые принципы XVIII-го вѣка, несмотря на все небывалое, варварское состояніе страны, несмотря на все чрезмѣрное возбужденіе умовъ, на всѣ тяжелыя сомнѣнія тѣхъ вѣрующихъ скептиковъ — тѣхъ предводителей или выразителей французской революціи.

20 апрѣля 92-го года, законодательное собраніе объявило войну «королю Венгріи и Богеміи» за его поддержку бунтующаго эмигригровавшаго дворянства; за образованіе имъ коалиціи противъ независимости и безопасности французской націи; за его отказъ свести съ обѣихъ сторонъ пограничныя войска на мирную ногу, отказъ, сопровожденный еще новыми приготовленіями къ войнѣ; за его происки гражданской войны въ самой Франціи; за его прямое покушеніе на верховность французской націи, выраженное въ его объявленіи о поддержкѣ силою претензій нѣмецкихъ князей, которымъ нація не переставала предлагать вознагражденіе; и наконецъ потому, что его отказъ отвѣчать на предложенія Франціи не оставлялъ болѣе никакой надежды на дружелюбное окончаніе спора. И тѣмъ не менѣе, объявляя войну, національное собраніе прибавляло: «Національное собраніе объявляетъ, что французская нація, вѣрная принципамъ, освященнымъ ея конституціей и въ силу которыхъ она постановила не предпринимать никакой войны съ цѣлью завоеванія и никогда не употреблять своей силы противъ свободы другого народа, — берется за оружіе теперь только для защиты своей свободы и своей независимости; національное собраніе объявляетъ, что война, которую французская нація обязана теперь выдержать, не есть война націи противъ націи, но справедливая защита свободнаго народа противъ несправедливаго нападенія короля. Французы никогда не смѣшаютъ своихъ братьевъ съ ихъ настоящими врагами; они ничего не пощадятъ для того, чтобъ облегчить зло войны, для того, чтобъ оберечь и сохранить имущества и чтобъ оставить пасть всѣ бѣды нераздѣльныя отъ войны на тѣхъ, которые составляютъ союзъ противъ ихъ свободы»...

Война 92-го года началась пораженіями, столь же неожиданными и тяжелыми для французовъ, какъ и злополучная кампанія 1870 года и, обращаясь къ исторіи того времени, даже странно читать въ книгѣ старика Кабета о французской революціи, писанной 30 лѣтъ тому назадъ, слова, какъ будто относящіяся ко вчерашнему дню: «Никто не сомнѣвается въ двойномъ предательствѣ; мы можемъ представить себѣ раздраженіе, ужасъ, подозрѣнія, обвиненія! Скоро узнали, *что ничего не было готово, даже оружіе, даже съѣстные припасы не были приготовлены, и пограничное населеніе было также раздражено, какъ солдаты противъ своихъ генераловъ!*» За однимъ пораженіемъ слѣдовало другое; Парижъ былъ открытъ непріятелю, а тутъ «Брунсвикъ» влилъ горячаго масла въ огонь своимъ манифестомъ 25-го іюля 92-го г., объявлявшимъ казнь всѣмъ

бунтовщикамъ, которые не признаютъ немедленно законной власти Лудовика XVI.

Непріятель подступалъ къ Парижу... Страшныя времена наступили... Понятно, что о такихъ временахъ нельзя судить какъ о нормальномъ періодѣ,—чувство привязанности къ своей странѣ слилось съ чувствомъ привязанности къ пріобрѣтенной свободѣ: французы чувствовали, что съ ихъ пораженіемъ гибнетъ свобода, потому что въ то время свобода была только во Франціи.

Насколько остроумно сравнивать тогдашнее время, тогдашній энтузіазмъ съ нынѣшнимъ состояніемъ Франціи — читатель самъ легко пойметъ: въ то время Франція отстаивала свободу, не вышедшую изъ войны, а напротивъ осажденную войною; она пріобрѣла ту свободу не побѣдою коалиціи, а своими собственными усиліями въ 89-мъ году; она отстаивала въ то время *извѣстныя, опредѣленныя* идеи, она отстаивала уничтоженіе феодальнаго грабежа и политическаго произвола; и она знала, *что* она отстаиваетъ.

Надо ли доказывать, что теперь положеніе совершенно иное, что народъ не знаетъ что̀, какія права, какія пріобрѣтенія долженъ онъ отстаивать, и *для кого* — для себя ли или тѣхъ избранныхъ, которыхъ онъ еще не вѣдаетъ? И безъ того, вообще нѣтъ никакой заслуги только уподобляться прошлому, отжившему, вмѣсто того, чтобъ идти далѣе въ своемъ развитіи, а между тѣмъ, сравненіе съ прошлымъ представится еще болѣе невыгодно для настоящаго, если мы докончимъ здѣсь наше напоминаніе о принципахъ того времени и укажемъ, что даже среди самаго отчаяннаго положенія никогда не шла рѣчь о естественныхъ границахъ, никогда никто не мечталъ о воинской славѣ и доблести.

Приходилось отвѣчать на угрозу Питта, произнесенную съ трибуны англійскаго парламента: «Начала революціи поражаютъ за разъ всѣ правительства и покушаются на неприкосновенность всѣхъ сувереновъ. Надо остановить заразу этихъ принциповъ, и для этого есть только одно средство—низвергнуть ненавистный порядокъ, который проповѣдуетъ ихъ. Для Англіи въ этомъ заключался особый интересъ: потому что ложные принципы революціи составляютъ для нея опасность: еслибы когда-нибудь они распространились въ націи, они погубили бы благодѣянія, коими она обязана своей счастливой конституціи.»

На эти слова дѣйствительно въ Конвентѣ раздалась иного рода угроза. 19-го ноября 92-го г. Конвентъ вздумалъ объявить,

что: «французская нація обѣщаетъ братство и *помощь* всѣмъ народамъ, хотящимъ возвратить себѣ свободу»..., но, чрезъ нѣсколько же мѣсяцевъ (3-го апрѣля 93-го года) по предложенію Дантона, Конвентъ спѣшилъ отбросить отъ себя *завоевательную политику*, съ какою бы то ни было цѣлью, провозглашая принципъ невмѣшательства въ смыслѣ ненарушимости воли другихъ народовъ: «Конвентъ объявляетъ, во имя французскаго народа, что онъ не будетъ вмѣшиваться никакимъ образомъ въ правленіе другихъ державъ, точно также какъ съ своей стороны, онъ скорѣе погибнетъ подъ грудою своихъ развалинъ, чѣмъ потерпитъ, чтобъ какая-нибудь держава вмѣшивалась во *внутреннее управленіе его республики* и вздумала бы вліять на устройство, которое онъ себѣ намѣренъ дать».

Республика отказывалась отъ всякой вооруженной пропаганды, и даже шла на сдѣлку съ противоположными ея началамъ режимами, на почвѣ интернаціональныхъ государственныхъ сношеній: «Пора, говорилъ Дантонъ, чтобъ Конвентъ показалъ Европѣ, что онъ умѣетъ соединять *политику* съ республиканскими добродѣтелями. Вы издали, въ моментъ увлеченія, декретъ, побужденіе къ которому было конечно прекрасно, такъ какъ вы обязывались оказывать покровительство всѣмъ народамъ, которые захотятъ противиться гнету ихъ тирановъ. Но этотъ декретъ, повидимому, могъ обязывать насъ оказать помощь нѣсколькимъ патріотамъ, которые захотѣли бы произвести революцію въ Китаѣ. Надо прежде всего озаботиться о сохраненіи нашего политическаго тѣла и основать французское величіе. *Пусть утвердится республика, и Франція своимъ свѣтомъ и своею энергіею привлечетъ къ себѣ всѣ народы*».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ снова сказалась вѣра во внутреннюю стоимость принциповъ XVIII вѣка, и снова подтвердилась рѣшимость вести пропаганду только нравственнымъ примѣромъ, а не путемъ вторженія и завоеваній.

Откуда же въ такомъ случаѣ явилась наконецъ эта традиціонная завоевательная политика Франціи, и какимъ образомъ, что́ общаго, по времени или по лицамъ, было у нея съ великою революціею, чтобъ имѣть право приписывать эту средневѣковую политику «великимъ принципамъ», и чтобъ такимъ образомъ на долго извратить ихъ истинное пониманіе?

Вопросъ этотъ для насъ чрезвычайно важенъ: императорскій манифестъ объ объявленіи нынѣшней войны сопровождался обращеніемъ въ «великимъ принципамъ» 89-го года; Наполеонъ-Бонапартъ являлся тутъ будто-бы орудіемъ, призваннымъ свыше,

исполнителемъ предначертаній великой революціи; марсельеза огласила Тюильрійскій дворецъ и оперную залу;—Луи Бонапартъ шелъ на Рейнъ довершать завѣщаніе XVIII вѣка, во имя великихъ принциповъ, и не только Эмиль де-Жирарденъ и герцогъ де-Муши снимали въ энтузіазмѣ свою атласную шляпу предъ фригійскою шапкою императора,—многіе почтенные публицисты, искренніе республиканцы, привѣтствовали *революціонное* рѣшеніе Бонапарта, приведшее нынѣ къ разоренію Франціи и истребленію ея сыновей. Этого ли требовали принципы 89-го года? Если да, то они заслуживаютъ проклятія, и историку слѣдуетъ искать начала новой европейской исторіи не въ нихъ, а въ чемъ-либо иномъ. Если же нѣтъ — то пусть судъ современниковъ заклеймитъ разъ навсегда всѣ пріемы этой разбитой нынѣ амальгамы изъ римской преторіанской имперіи и изъ разврата византійской схоластики, которая клевещетъ и, пользуясь людскимъ невѣжествомъ, показываетъ имъ цивилизацію въ образѣ сотней тысячъ труповъ ничѣмъ неповинныхъ людей, а имя этой амальгамы было—вторая имперія.

Разсмотримъ ближе этотъ вопросъ.

И. Н.

ПИСЬМА

о

ВОЙНѢ 1870 ГОДА.

Съ театра войны.

Письмо первое.

Берлинъ, 10 августа.

Я уѣзжаю отсюда на-дняхъ и, судя по началу кампаніи, мнѣ, пожалуй, скоро придется быть гдѣ-нибудь между Метцомъ и Нанси. Оттуда начну писать вамъ о войнѣ, а теперь позвольте, ограничиться однимъ вступленіемъ—краткимъ обзоромъ войны до войны.

Война была объявлена Германіи быстро; только увѣренность французскаго правительства въ успѣхѣ объясняетъ намъ, почему оно не считало нужнымъ быть особенно разборчивымъ въ пріисканіи предлога: взяли первое, что̀ попалось подъ-руку. Но первоначальная причина войны отдѣляется отъ дня ея объявленія цѣлыми годами. Начиная съ битвы при Садовой (1866), война съ Германіею составляла насущную потребность второй французской имперіи, именно потому, что рѣшительная побѣда, одержанная тогда Пруссіею, спутала всѣ разсчеты императора Наполеона III: онъ, очевидно, надѣялся, что Пруссія будетъ побѣждена Австріею, или, по крайней мѣрѣ, оба противника доведутъ себя до послѣдняго истощенія.

Что съ того дня Наполеонъ задумалъ войну съ Пруссіей—это высказалъ Руэ самымъ точнымъ и несомнѣннымъ образомъ. Въ рѣчи, недавно обращенной имъ, отъ имени сената, къ императору, онъ сказалъ буквально: «Не поддаваясь торопливой нетерпѣливости, воодушевленный спокойной увѣренностью, императоръ съумѣлъ выжидать; но *въ эти послѣдніе четыре года* онъ довелъ вооруженіе нашей (французской)

арміи до высокаго совершенства и развилъ организацію нашихъ военныхъ силъ до необыкновеннаго могущества. Благодаря вашимъ заботамъ, государь, Франція готова къ войнѣ».

Было бы слишкомъ долго перебирать, хотя бы и въ самыхъ краткихъ словахъ, всю исторію послѣднихъ четырехъ лѣтъ; притомъ, люксембургскій вопросъ, споръ о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, неутомимая дѣятельность маршала Ніеля въ дѣлѣ преобразованія французской арміи, послѣ того, какъ во время люксембургскаго спора оказалось, что она не совсѣмъ готова къ войнѣ — все это событія чуть не вчерашняго дня, и ими вполнѣ характеризуется направленіе французской политики наканунѣ объявленной нынѣ войны.

Но ближайшимъ моментомъ, съ котораго должна вести свое начало война 1870 г., слѣдуетъ считать 8-е нынѣшняго мая, день *плебисцита*. Въ сущности дѣло шло вовсе не о томъ, о чемъ формально заявлялъ вопросъ, предложенный въ тотъ день французскому народу на обсужденіе. Формально вопросъ касался того, одобряетъ ли народъ реформы, которыя правительство и палата сообща задумали въ послѣднее время. Въ дѣйствительности же дѣло шло о томъ: стоитъ ли народъ за наполеоновскую династію или противъ нея? Императоръ, вызываемый оппозиціей министра Олливье, тогда еще до нѣкоторой степени либеральнаго и дѣйствовавшаго въ конституціонномъ духѣ, прибѣгнулъ къ плебисциту, чтобы лично укрѣпиться и обезпечить себя противъ усилившагося, благодаря тѣмъ же самымъ реформамъ, *парламентаризма*. Повидимому, результатъ плебисцита вышелъ очень благопріятный, потому что изъ 10 милліоновъ избирателей 7,330,142 отвѣтили *да* и только 1,538,825 сказали *нѣтъ*. Плебисцитъ 8 мая признанъ былъ великой побѣдой Наполеона и даже иностранныя державы поспѣшили поздравить его съ ней. Только два обстоятельства омрачали блескъ побѣды: полтора милліона оппозиціонныхъ голосовъ принадлежали, главнымъ образомъ, большимъ городамъ и образованнымъ классамъ и показывали, что эти послѣдніе, никогда не любившіе имперіи, относятся къ ней враждебнѣе, чѣмъ прежде. Но еще хуже былъ результатъ подачи голосовъ арміи и флота. Армія отвѣтила 227,000 *да* и 39,000 *нѣтъ*, а флотъ 23,000 *да* и 5,000 *нѣтъ*. Оппозиція была притомъ сильнѣе, чѣмъ въ 1848 г. при выборахъ въ президенты, и хотя императоръ показалъ было видъ, что игнорируетъ этотъ фактъ, однако общій голосъ внутри Франціи и внѣ ея рѣшилъ, что подача голосовъ доказываетъ, что войско дурно настроено; 44,000 *нѣтъ* арміи и флота говорили: армія незанята и скучаетъ.

Ровно черезъ восемь дней послѣ плебисцита, а именно 15 мая, оффиціальная газета объявила о назначеніи герцога Грамона министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ назначеніи усматривали пере-

мѣну въ направленіи французской политики, потому что герцогъ Грамонъ былъ въ послѣдніе годы посланникомъ въ Вѣнѣ, находился въ самой тѣсной дружбѣ съ австрійскими государственными людьми и считался заклятымъ врагомъ гр. Бисмарка. Хотя прусское правительство и дѣлало видъ, что не вѣритъ въ дурныя намѣренія, хотя съ австрійской и французской сторонъ не было недостатка въ мирныхъ завѣреніяхъ, однако обнаружившіеся теперь факты ясно показываютъ, какую цѣль имѣло назначеніе герцога Грамона.

Въ тотъ же самый день въ различныхъ нѣмецкихъ газетахъ было заявлено, что кандидатура принца Гогенцоллерна на испанскій престолъ снова выступила на свѣтъ божій, но никто не обратилъ на это вниманія. Позже, 21 іюля, товарищъ статсъ-секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ, Отуэй, выразилъ въ нижней палатѣ, что англійскій посолъ въ Мадритѣ еще 11 мая заявлялъ своему правительству, что кандидатура принца весьма вѣроятна, и она «*давно* уже была гласнымъ вопросомъ». Никто однако не придавалъ этому вопросу значенія, и когда 26 іюня королева Изабелла рѣшилась подписать въ Парижѣ отреченіе отъ престола въ пользу своего сына, то общественное мнѣніе хотя и считало, что въ вопросѣ объ испанскомъ престолѣ наступитъ рѣшительный поворотъ, но никто не ожидалъ по этому поводу никакого сюрприза.

Еще 30 іюня, недѣли за двѣ до объявленія войны, въ засѣданіи законодательнаго корпуса Эмиль Оллівье объявилъ, при преніяхъ о назначеніи контингента на 1870 г., что *никогда еще миръ не былъ такъ обезпеченъ, какъ въ настоящее время.* Далѣе хранитель печати выразилъ при этомъ случаѣ, что правительство не сообщаетъ палатѣ никакихъ дипломатическихъ документовъ, потому что въ послѣдніе два года не происходило никакихъ дипломатическихъ переговоровъ, которые заходили бы далеко, и потому нѣтъ такихъ документовъ, которые заслуживали бы обнародованія.

Въ самомъ началѣ іюля, въ законодательномъ корпусѣ происходило совѣщаніе касательно петиціи орлеанскихъ принцевъ, просившихъ разрѣшенія возвратиться въ отечество. Особенно тонкіе политики усматривали уже въ этой петиціи признакъ того, что орлеанскіе принцы почему-то считаютъ минуту благопріятною, чтобы напомнить о себѣ французской націи. Не берусь судить о томъ, былъ ли тутъ какой разсчетъ и затаенная цѣль; но дѣйствія министерства и приверженцевъ правительства показываютъ, что моментъ выбранъ былъ ими въ высшей степени неблагопріятный и что дебаты, при которыхъ Эстанселенъ произнесъ горячую рѣчь въ пользу орлеанскихъ принцевъ, могли только усилить неблагопріятное впечатлѣніе.

Быть можетъ, эта петиція и вызванныя ею пренія послужили каплей переполнившей чашу. Во всякомъ случаѣ, вѣрно только то, что

вслѣдъ за преніями по поводу петиціи орлеанскихъ принцевъ французское правительство приняло тотъ образъ дѣйствій, который *въ теченіи десяти дней* вывелъ страну изъ глубоко-мирнаго положенія и поставилъ на военную ногу. Въ «Constitutionnel», отъ 4 іюля, появилась вдругъ замѣтка о томъ, что агенты маршала Прима отправились въ Пруссію къ принцу Гогенцоллерну, чтобы предложить ему корону и что принцъ принялъ предложеніе. Хотя «Constitutionnel» и предположилъ, что Примъ дѣйствовалъ не имѣя уполномочія, однако считалъ возможнымъ, что испанская нація одобритъ его дѣйствія и говорилъ, на тотъ случай, слѣдующее: «Хотя мы и признаемъ верховное право испанскаго народа, который можетъ быть въ этомъ случаѣ единственнымъ компетентнымъ судьей, однако не можемъ не высказать нашего удивленія, что скипетръ Карла V вручаютъ прусскому принцу, внуку принцессы изъ фамиліи Мюратъ, съ которой связаны для Испаніи самыя тяжелыя воспоминанія».

Въ тотъ же самый день французскій уполномоченный явился въ Берлинѣ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и высказалъ Тилле, заступавшему мѣсто гр. Бисмарка, въ качествѣ товарища статсъ-секретаря, какъ сильно задѣты интересы Франціи этой кандидатурой, а въ Парижѣ герцогъ Грамонъ пригласилъ къ себѣ въ министерство прусскаго посла, гдѣ послѣдній нашелъ также и Олливье, которому императоръ приказалъ присутствовать при разговорѣ двухъ государственныхъ людей. Герцогъ началъ разговоръ съ того, что спросилъ у Вертера: что́ ему извѣстно о проектѣ маршала Прима касательно возведенія на испанскій престолъ члена прусской королевской фамиліи? Прусскій посолъ отвѣчалъ, что онъ ровно ничего не знаетъ объ этомъ. Онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, прусское правительство совершенно чуждо этой комбинаціи, что это частное дѣло принца Гогенцоллерна, лежащее внѣ сферы дѣйствій берлинскаго кабинета. Затѣмъ герцогъ Грамонъ спросилъ посла: не считаетъ ли онъ нужнымъ лично представить королю все неудобство этого проекта, и когда Вертеръ изъявилъ готовность ѣхать въ Эмсъ, то Грамонъ просилъ его передать королю, какъ сильно удивленъ императоръ Наполеонъ тайною переговоровъ и результатомъ, къ какому они привели. Совсѣмъ тѣмъ императоръ и его министры сочтутъ себя удовлетворенными, если Пруссія воспользуется этимъ обстоятельствомъ и дастъ несомнѣнное доказательство своихъ мирныхъ намѣреній. Наполеонъ надѣется, такъ заключилъ Грамонъ, что король прусскій не только запретитъ своему *близкому родственнику* принять испанскую корону, но и вообще покидать Германію. Если же, сверхъ чаянія, король рѣшитъ иначе, то *катастрофа* неминуема. На вопросъ Вертера: заключается ли въ словѣ катастрофа угроза войны, Олливье вмѣшался въ

разговоръ и сказалъ: «Отъ имени императора и его правительства, отвѣчаю вамъ: Да, *мы угрожаемъ вамъ войной.*»

Этому поведенію соотвѣтствовали также дѣйствія французскаго министра въ законодательномъ корпусѣ, въ которомъ, 5-го числа, депутатъ Кошери сдѣлалъ запросъ о томъ, что извѣстно правительству о кандидатурѣ принца Гогенцоллерна на испанскій престолъ. Грамонъ, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, прочиталъ 6 числа слѣдующее объясненіе:

«Несомнѣнно, что генералъ Примъ предложилъ испанскую корону принцу Гогенцоллерну и этотъ послѣдній ея принялъ. Мы не знаемъ подробностей дѣла, которое держали отъ насъ въ тайнѣ. Мы никогда не вмѣшивались во внутреннія дѣла Испаніи, никогда не выказывали ни предпочтенія, ни ненависти къ кому-либо изъ кандидатовъ, добивавшихся ея престола. Но мы не считаемъ возможнымъ, чтобы чужеземная держава посадила кого-либо изъ своихъ принцевъ на престолъ Карла V и этимъ нарушила европейское равновѣсіе и оскорбила честь Франціи. Мы надѣемся, что этого не случится и полагаемся на мудрость нѣмцевъ, на дружеское расположеніе испанскаго народа. Въ противномъ случаѣ, сильные вашей поддержкой, милостивые государи, мы исполнимъ, неуклонно и безъ послабленій, наши обязанности».

Это объясненіе было принято законодательнымъ корпусомъ съ полнымъ одобреніемъ, которое возрастало при каждомъ словѣ, и министры могли бы убѣдиться при этомъ случаѣ, еслибы они этого не знали уже заранѣе, что слово *война* все еще имѣетъ обаятельное значеніе для французскаго народа. Дипломатія тотчасъ же поняла, какой смыслъ имѣетъ объясненіе Грамона; одна Пруссія, повидимому, не обратила на него никакого вниманія и продолжала сохранять спокойствіе.

Когда герцогъ Грамонъ упомянулъ въ вышеприведенномъ объясненіи о *близкомъ родствѣ* принца Гогенцоллерна съ прусскимъ королемъ, то онъ при этомъ сильно разсчитывалъ на плохое знакомство членовъ палаты съ генеалогіею и разсчитывалъ на звукъ имени Гогенцоллерновъ: съ 1201 г., когда бургграфъ Фридрихъ I Нюренбергскій умеръ, оставивъ двухъ сыновей, подѣлившихъ тогда между собой наслѣдіе отца, — обѣ отрасли гогенцоллернскаго дома, франконская и швабская, отдѣлились другъ отъ друга и съ тѣхъ поръ между ними не бывало браковъ. Мало того, до послѣдняго времени историки считали сомнительнымъ, чтобы тотъ нюренбергскій бургграфъ происходилъ изъ гогенцоллернскаго рода, и только Штильфридъ и профессоръ Ридель новѣйшими изслѣдованіями подтвердили этотъ фактъ. Въ 1849 г., гогенцоллернскіе принцы (Гогенцоллернъ-Гехингенъ и Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ) уступили свои земли Пруссіи за большое денежное вознагражденіе и личныя привилегіи. Имъ предоставлены были титулъ «высочества» и *прерогативы* младшихъ принцевъ прусскаго дома, но

безъ права престолонаслѣдія. Такимъ образомъ, *родство* княжескаго гогенцоллернскаго дома съ прусскимъ королевскимъ весьма отдаленное; за то родство Гогенцоллерновъ съ императоромъ Наполеономъ весьма близкое, потому что жена принца Карла Антона Гогенцоллерна (отца бывшаго кандидата на испанскій престолъ) дочь великой герцогини Баденской Стефаніи, пріемной дочери Наполеона I, а самъ онъ сынъ принцессы Антуанетты Мюратъ. Великая герцогиня Стефанія, умершая въ 1860 г. семидесяти лѣтъ отъ роду, была весьма дружна съ императоромъ Наполеономъ, и ея вліянію приписывались дружескія отношенія Наполеона съ Бельгіей и Германіей. Наполеонъ поддерживалъ избраніе принца Карла Гогенцоллерна въ Румыніи и въ Испаніи; могли думать, что онъ не отнесется враждебно къ кандидатурѣ на испанскій престолъ его брата принца Леопольда.

Когда раздался первый воинственный кликъ въ Парижѣ, король Вильгельмъ находился въ Эмсѣ, гдѣ началъ курсъ леченія, Бисмаркъ въ Варцинѣ, Мольтке гдѣ-то въ Шлезвигѣ въ своемъ имѣніи, Роонъ въ своемъ помѣстьи Гютерготцъ. Послѣ сильно напряженной парламентской сессіи всѣ нуждались въ отдыхѣ, и ничто не давало предчувствовать, что миръ будетъ нарушенъ! При королѣ находились лишь нѣсколько адъютантовъ и совѣтникъ иностраннаго министерства Абекенъ. Король, какъ мнѣ говорили люди, видѣвшіе его ежедневно, всего менѣе былъ расположенъ заниматься политикой на водахъ, да и Вертеръ, пріѣхавшій въ Эмсъ 6-го числа, изъ любви къ миру представилъ ему въ самомъ мягкомъ свѣтѣ обращеніе съ нимъ французскаго министра. Король потому отнесся къ дѣлу вовсе не съ мрачной точки зрѣнія, и когда 9-го числа графъ Бенедетти явился къ нему въ Эмсъ, то онъ дружески протянулъ ему руку и сказалъ: «Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали. Ну, мы не будемъ ссориться изъ-за гогенцоллернской кандидатуры.» Однако, когда Бенедетти заявилъ требованіе, чтобы король *запретилъ* принцу принимать испанскую корону, то король отказался исполнить это требованіе. Принцъ принялъ предложеніе, король не мѣшалъ ему въ этомъ и *теперь* не можетъ поступить въ противномъ смыслѣ. Прошло три дня, въ теченіи которыхъ взволновался весь дипломатическій міръ. Прусское правительство объявляло вездѣ, гдѣ требовали объясненій отъ его представителей, что оно отнюдь не считаетъ вопросъ о кандидатурѣ принца его домашнимъ дѣломъ, но король не имѣетъ *права* запретить принцу принять какую бы то ни было корону. Въ самой Германіи общественное мнѣніе раздѣлилось. Конечно, короля оправдывали въ томъ, что онъ не согласился на французское требованіе, но сожалѣли о томъ, что въ случаѣ войны можетъ казаться, что война началась изъ-за *династическихъ интересовъ*. Европейскія державы, какъ это оказалось въ люксембургскомъ вопросѣ, всегда были склонны щадить щекотливость

Франціи, и Англія всегда показывала имъ въ этомъ примѣръ. Къ счастію, принцъ Леопольдъ самъ взялъ инціативу въ этомъ вопросѣ и объявилъ, что совѣсть не проститъ ему, если изъ-за его кандидатуры Германія или Испанія будутъ вовлечены въ кровавую войну, и что поэтому онъ отказывается отъ испанской короны. Это было заявлено 12-го іюля сначала въ письмѣ отца принца Леопольда, затѣмъ въ объясненіи этого послѣдняго, сообщеннаго кортесамъ въ Мадритѣ и по телеграфу всѣмъ европейскимъ дворамъ, и миръ, повидимому, былъ обезпеченъ. Еще 8-го іюля (такъ гласитъ англійская синяя книга, документъ подъ № 15), самъ герцогъ Грамонъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Лайонсомъ, называлъ добровольный отказъ принца Леопольда «счастливымъ исходомъ» затруднительнаго вопроса и побуждалъ англійское правительство поддержать его.

Точно также и французскій министръ Олливье толковалъ частнымъ образомъ со многими лицами въ фойэ законодательнаго корпуса о томъ, что бѣда миновала, и на всѣхъ биржахъ курсы повысились. Король Вильгельмъ получилъ въ Эмсѣ первое увѣдомленіе объ этомъ черезъ прибавленіе къ «Кельнской Газетѣ», которое онъ съ большимъ удовольствіемъ показалъ Бенедетти. Между тѣмъ къ 11 и 12 іюлю прибыли въ Берлинъ Бисмаркъ, Роонъ и Мольтке. Первый хотѣлъ было ѣхать въ Эмсъ, но объявилъ, послѣ полученія извѣстія о добровольномъ отказѣ принца Леопольда, что возвращается въ Варцинъ. Но прежде, чѣмъ это намѣреніе было приведено въ исполненіе, *катастрофа* наступила.

Партія войны, всегда существовавшая во Франціи и особенно усилившаяся во время второй имперіи, партія, желающая войны ради самой войны, нашла себѣ сильную поддержку въ печати. Ея многочисленные органы, начиная съ 4-го іюля, вели неистовыя рѣчи противъ Пруссіи. Нѣмецкія газеты ограничивались только тѣмъ, что приводили иногда обращики изліяній французской ярости, и чѣмъ спокойнѣе была здѣшняя печать, тѣмъ необузданнѣе становились французскія газеты. Я ограничусь двумя примѣрами. Вотъ что говорила газета «Pays»: «*Кавдинское* ущелье готово, пруссакамъ не миновать его; они будутъ побѣждены безъ борьбы и обезоружены, если не рѣшатся вступить въ борьбу, исходъ которой не подлежитъ сомнѣнію. Нашъ воинственный кликъ остался безъ отвѣта. Эхо нѣмецкаго Рейна еще нѣмо. Мы бы уже давно открыли дѣйствія, если бы Пруссія заговорила съ нами въ томъ тонѣ, въ какомъ говоритъ Франція».

Дальше всѣхъ пошелъ Emile de Girardin, напечатавшій въ газетѣ «Liberté» слѣдующія слова: «Если нѣмцы ни въ какомъ случаѣ не захотятъ вступить съ нами въ войну, то мы прогонимъ ихъ за Рейнъ ружейными прикладами».

Даже въ «Rappel», крайней антибонапартской газетѣ, сынъ В. Гюго,

для поддержанія воинственнаго духа въ французахъ, изобразилъ въ каррикатурномъ видѣ военныя порядки нѣмцевъ и нѣмецкихъ солдатъ, которые отъ толстоты и неуклюжести едва могутъ передвигать ноги и ежечасно требуютъ привала и пива; и все это онъ выдалъ за результаты собственныхъ наблюденій, и все это, еще недавно было возможно во Франціи даже для самыхъ образованныхъ людей.

Подобныя выходки свидѣтельствовали только объ ослѣпленіи, невѣжествѣ и неслыханной заносчивости не однихъ бонапартистовъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти выходки не произвели никакого впечатлѣнія въ Германіи.

Но представители партіи войны при дворѣ, въ сенатѣ, законодательномъ корпусѣ и печати работали дружно, и французскіе министры ясно видѣли свою погибель, если дѣло обойдется безъ войны. Съ ними случилось тоже, что и съ ученикомъ волшебника въ извѣстныхъ стихахъ Гёте, который вызывалъ духовъ и затѣмъ не зналъ, какъ отъ нихъ избавиться. Дѣло было такъ: Совѣтъ министровъ, засѣдавшій 12 іюля, послѣ полученія гогенцоллернскаго отреченія, подъ предсѣдательствомъ императора Наполеона, рѣшилъ не считать себя удовлетвореннымъ этимъ отказомъ, а требовать отъ Пруссіи еще какого-нибудь удовлетворенія, которое-бы успокоило народную гордость французовъ. Въ чемъ должно было состоять это удовлетвореніе, сообщено было вскорѣ герцогомъ Грамономъ прусскому посланнику въ Парижѣ, прибывшему туда 12-го числа изъ Эмса. Герцогъ сказалъ ему, что онъ смотритъ на отказъ принца Леопольда, какъ на дѣло постороннее, такъ какъ Франція никогда не допустила бы его вступить на престолъ; но это обстоятельство можетъ повести къ недоразумѣніямъ и, во избѣжаніе ихъ, король Вильгелмъ долженъ написать императору письмо, въ которомъ бы говорилось, что онъ, уполномочивая принца Леопольда принять корону, и не помышлялъ нарушить тѣмъ интересы или оскорбить достоинство французскаго народа; что король согласенъ на отказъ и надѣется этимъ устранить всякую причину разрыва между обоими правительствами. О родственныхъ связяхъ принца Леопольда съ императоромъ запрещалось упоминать въ письмѣ. Письмо должно быть впослѣдствіи опубликовано.

Весьма естественно, что Вертеръ отклонилъ отъ себя посредничество для передачи королю подобнаго требованія, сведеннаго въ форму извинительнаго письма, и потому французское правительство передало это порученіе Бенедетти, находившемуся все еще въ Эмсѣ. Между тѣмъ справедливость показаній Вертера подтвердилась безпристрастнымъ свидѣтельствомъ англійскаго посланника въ Парижѣ, лорда Лайонса. Онъ разговаривалъ, 12-го іюля, съ герцогомъ Грамономъ послѣ того, какъ отказъ принца Леопольда сдѣлался извѣстнымъ, и въ своемъ отчетѣ объ этомъ дѣлѣ сообщилъ слѣдующее (англійская Синяя

книга, документъ № 30): «Господинъ де-Грамонъ говорилъ, что настоящее положеніе дѣлъ готовитъ большое затрудненіе французскому правительству. Съ одной стороны, общественное мнѣніе во Франціи такъ возбуждено, что министерство легко можетъ быть ниспровергнуто, если оно завтра появится передъ палатой и возвѣститъ, что считаетъ дѣло оконченнымъ, не получивъ отъ Пруссіи полнѣйшаго удовлетворенія. Съ другой стороны, отказъ Гогенцоллернскаго принца устраняетъ только одну изъ причинъ спора». Изъ этого становится ясно, что французское министерство нуждалось въ униженіи Пруссіи для упроченія своего собственнаго положенія, т.-е. совершенно изъ личныхъ интересовъ. Когда Бенедетти обратился 13-го іюля съ требованіемъ, чтобы король одобрилъ отреченіе гогенцоллернскаго принца и далъ обезпеченіе, что и на будущее время эта кандидатура не будетъ снова пущена въ ходъ, то король далъ на это рѣшительный отказъ. Такъ кончилась дипломатическая война.

Но исторія 13-го іюля еще далеко не вполнѣ разъяснена. Съ помощью уже изданныхъ документовъ не трудно приблизиться къ истинѣ. Мы имѣемъ въ настоящую минуту, во-первыхъ, прибавленіе къ оффиціозной «Сѣверо-германской всеобщей газетѣ», появившейся въ Берлинѣ 13-го іюля въ 9 часовъ вечера, содержаніе которой было телеграфировано прусскимъ посламъ за границей; во-вторыхъ, донесеніе адъютанта короля, князя Антона Радзивилла о событіи 13-го числа; и наконецъ, въ-третьихъ, анонимную статью въ прусскомъ «Государственномъ Указателѣ» о томъ-же предметѣ.

«Сѣверо-германская газета» говоритъ почти слѣдующее:

«Послѣ того какъ императорское французское правительство получило оффиціальное извѣстіе отъ испанскаго правительства объ отказѣ наслѣднаго принца гогенцоллернскаго, французскій посолъ обратился въ Эмсѣ къ королю съ требованіемъ уполномочить его телеграфировать въ Парижъ, что его величество обязуется на будущее время, въ случаѣ возобновленія гогенцоллернской кандидатуры, не давать на нее своего соглашенія. Его величество король отклонилъ вторичное свиданіе съ французскимъ посломъ и поручилъ дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имѣетъ ничего больше сообщить посланнику».

Адъютантъ Радзивиллъ разсказываетъ, напротивъ того, въ своемъ рапортѣ, какъ онъ въ два часа послѣ обѣда былъ посланъ королемъ къ Бенедетти, чтобы ему сообщить, что король получилъ оффиціальное извѣстіе объ отреченіи принца Леопольда и считаетъ этимъ споръ законченнымъ, какъ Бенедетти затѣмъ заявилъ ему (адъютанту) новыя требованія и просилъ аудіенціи у короля; но король, обходя сначала эти требованія, отвѣчалъ черезъ адъютанта, который затѣмъ, слово въ слово, продолжаетъ:

«Графъ Бенедетти принялъ съ благодарностью отвѣтъ короля и заявилъ, что онъ, согласно своему уполномочію, передастъ его своему правительству. Касательно второго пункта онъ вынужденъ,—на основаніи послѣдней телеграммы герцога Грамона, содержащей совершенно точное предписаніе,—возобновить свою просьбу о вторичномъ свиданіи съ его величествомъ, даже если бы ему пришлось выслушать тѣ же слова отъ его величества, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней депешѣ находятся новые аргументы, которые онъ желалъ бы представить на усмотрѣніе его величества. На это его величество возражалъ черезъ меня графу Бенедетти въ третій разъ, около $5^1/_2$ часовъ послѣ обѣда, что его величество не желаетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ переговоровъ касательно послѣдняго пункта (обезпеченія на будущее время). Сказанное имъ сегодня утромъ есть его послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ и ему не остается ничего больше, какъ только на него сослаться. Удостовѣрившись затѣмъ, что на пріѣздъ графа Бисмарка въ Эмсъ нельзя положительно разсчитывать даже и въ теченіи слѣдующаго дня, графъ Бенедетти объяснилъ, что онъ, съ своей стороны, при такомъ заявленіи е. в. короля, готовъ оставить дѣло, какъ оно есть».

Понятно, что приведенный разсказъ, съ подписомъ имени, имѣетъ всѣ права на достовѣрность. Дѣло происходило во всякомъ случаѣ именно такъ, какъ это здѣсь разсказано, и о рѣзкомъ обращеніи посланника не можетъ быть и рѣчи, а потому ясно, что ни король, ни Бенедетти не видѣли въ случившемся casus belli, какъ это вышло впослѣдствіи, и именно на основаніи выше-приведенной статьи «Сѣверной всеобщей газеты», которая по *сущности* согласна съ донесеніемъ князя Радзивилла, но гораздо рѣзче его по формѣ. Касательно этой статьи несомнѣнно то, что она составлялась не въ Эмсѣ, а въ Берлинѣ, и отсюда сообщена по телеграфу посольствамъ. Этой телеграммой воспользовался Олливье, принявъ ее невѣрно за ноту, чтобы объявить французское правительство оскорбленнымъ и создать необходимость войны. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что графъ Бисмаркъ предвидѣлъ эти послѣдствія и даже желалъ ихъ, доказательства чему находятся въ документахъ. 13-го числа утромъ Бисмаркъ имѣлъ разговоръ въ Берлинѣ съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Лофтусомъ, о которомъ этотъ послѣдній пишетъ (Синяя книга, документъ подъ № 53, 13-го іюля): «Его превосходительство (Бисмаркъ) сказалъ мнѣ, что чрезвычайная умѣренность, съ которой прусскій король отвѣчалъ на угрожающій тонъ французскаго правительства, и вѣжливый пріемъ, оказанный имъ графу Бенедетти въ Эмсѣ, несмотря на рѣзкія выходки Франціи противъ Пруссіи, какъ въ правительственныхъ отчетахъ, такъ и въ печати, *вызвали всеобщее неудовольствіе въ средѣ прусскаго населенія*. Онъ сказалъ мнѣ, что получилъ сегодня утромъ телеграммы изъ Бремена, Кёнигсберга и другихъ мѣстъ, въ которыхъ вы-

ражено сильное неодобреніе миролюбиваго образа дѣйствій прусскаго короля, и требованіе, чтобы честь страны не была принесена въ жертву».

Это сообщеніе проливаетъ достаточный свѣтъ на исторію 13-го іюля. Бисмаркъ, получивъ извѣстіе о событіяхъ въ Эмсѣ, воспользовался представившимся случаемъ, чтобы положить предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ уступкамъ короля и поставить французовъ въ необходимость: или снести оскорбленіе, или объявить войну изъ-за мелочныхъ причинъ. Онъ сдѣлалъ это съ обычною ему ловкостью и вѣрнымъ знаніемъ настроенія умовъ. Общественное мнѣніе было дѣйствительно крайне возбуждено.

Многочисленные враги Пруссіи въ Германіи говорили съ усмѣшкой, что столь заносчивые вообще пруссаки боятся французовъ. Вотъ они, результаты прославленнаго переворота 1866 года: монархъ, стоящій во главѣ сѣверо-германскаго союза, позволяетъ французамъ обращаться съ собой такъ, какъ Наполеонъ I не обращался съ покоренными пруссаками въ 1807 году! Патріоты не могли ничего возражать на эти упреки. Но положеніе дѣлъ сразу измѣнилось, и что важнѣй всего, спорный вопросъ сдѣлался необыкновенно яснымъ и каждому понятнымъ: французскій посланникъ, отъ имени своего правительства, поставилъ королю Вильгельму унизительныя требованія, а этотъ послѣдній, въ справедливомъ негодованіи, указалъ ему на дверь. Въ такомъ видѣ представилось событіе массѣ, прикрашенное естественно множествомъ подробностей, болѣе пикантныхъ, чѣмъ правдивыхъ, и вся Германія отъ одного конца до другого одушевилась безпримѣрнымъ энтузіазмомъ, проявившимся въ безчисленныхъ адрессахъ и особенно въ томъ пріемѣ, который король встрѣчалъ повсюду на своемъ возвратномъ пути изъ Эмса въ Берлинъ (15-го іюля—14-ое онъ посвятилъ на осмотръ укрѣпленій Кобленца). Я видѣлъ короля 15-го вечеромъ, при въѣздѣ его въ Берлинъ, четыре дня спустя я видѣлъ его при открытіи рейхстага въ бѣлой залѣ королевскаго дворца: въ немъ произошла страшная перемѣна, морщины на лицѣ углубились, спина сгорбилась болѣе прежняго, на лицѣ лежалъ отпечатокъ невыразимой серьёзности, голосъ его прерывался и глаза блестѣли отъ едва удерживаемыхъ слезъ, такъ что нѣсколько разъ онъ не могъ продолжать чтеніе, останавливался и снова перечитывалъ начатую фразу. Если бы кто-нибудь еще сомнѣвался въ томъ, какъ трудно было королю рѣшиться на войну, тому стоило бы только посмотрѣть на него въ эту минуту, чтобы вполнѣ разсѣять свои сомнѣнія. Между тѣмъ сантиментальничать было некогда, слѣдовало пользоваться каждымъ часомъ, и то, что произошло далѣе, возбудило удивленіе даже самого врага.

Французское правительство уже 13-го ч. вечеромъ получило вѣсти

отъ Бенедетти. Оно могло тотчасъ же признать все дѣло за *casus belli*, объявить войну (или даже и вовсе не объявлять, потому что новѣйшее народное право не считаетъ больше эту формальность необходимой) и вторгнуться въ Пруссію со всѣмъ войскомъ, какое у него было подъ руками. Пруссія дѣйствовала въ 1866 г. съ подобной быстротой. Тогда богатое событіями засѣданіе сейма, которое Пруссія признала предлогомъ къ войнѣ, происходило 14 іюня, а уже 16-го прусскія войска вошли въ Ганноверъ, 17 ч. въ Саксонію, а 22 ч. вся армія была въ Богеміи. Вмѣсто того въ Парижѣ *потеряли цѣлый день*. Все 14-го іюля прошло въ бездѣйствіи. Только 15-го утромъ прочитали: Грамонъ въ сенатѣ, а Олливье въ законодательномъ корпусѣ, заявленіе, которымъ мотивировалась война. Было ясно, что французское правительство не знало цѣны времени. Совсѣмъ не то въ Берлинѣ. Едва король получилъ извѣстіе о заявленіи, прочитанномъ 15 ч. въ засѣданіи сената и законодательнаго корпуса, какъ въ тотъ же день вечеромъ около 9 час. выѣхалъ изъ Эмса по желѣзной дорогѣ. Тотчасъ же по прибытіи его во дворецъ начались совѣщанія съ министрами и генералами, порѣшено было приступить къ мобилизаціи сѣверо-германской арміи и безотлагательно созвать рейстагъ. Уже 16 ч. союзный совѣтъ сѣверо-германскаго союза собрался въ Берлинѣ и одобрилъ всѣ предварительныя распоряженія союзнаго правительства. Полное единодушіе германскихъ правительствъ было уже обезпечено съ этого самаго дня, и Баварія, Баденъ, Виртембергъ приступили къ мобилизаціи своихъ войскъ съ поспѣшностью, которая не уступала прусской. Король баварскій призналъ уже 15 іюля, на основаніи министерскаго доклада, существованіе *casus fœderis* (на основаніи оборонительнаго и наступательнаго союза) и издалъ приказъ о мобилизаціи арміи; но согласіе палатъ еще не было получено, и баварское правительство дѣйствовало такъ подъ вліяніемъ однихъ народныхъ требованій, громко выразившихся при первомъ извѣстіи объ объявленіи войны. Палата депутатовъ была только-что выбрана въ предыдущемъ году и такъ-называемые «патріоты» и «ультрамонтаны», самые ярые противники Пруссіи и союза съ ней, получили большинство. Они вынудили (въ мартѣ) отставку принца Гогенлоэ, приверженца объединенія Германіи; мѣсто его впрочемъ заступилъ человѣкъ тѣхъ же убѣжденій, графъ Брэй-Штейнбургъ. Эта партія выставила на своемъ знаменіи нейтралитетъ Баваріи, въ случаѣ войны между Франціей и Пруссіей, съ цѣлью потомъ, за одно съ Австріей, продиктовать условія мира и, само собой разумѣется, уничтожить всѣ результаты 1866 года. Точно такой же программы держалась такъ-называемая «народная партія» въ Штутгартѣ, состоящая изъ демократическихъ элементовъ, но также горячо ненавидящая Пруссію и Бисмарка, какъ и баварскіе патріоты и ультрамонтаны. Ярымъ членамъ этой партіи казалось даже мало

нейтралитета; они хотѣли, чтобы Южная Германія соединилась съ Франціей, чтобы наказать Пруссію за «грабежъ», совершенный ею въ 1866 году.

Теперь или никогда! Рѣшительная минута наступила. Если партикуляристы не одержатъ теперь побѣды въ мюнхенской и виртембергской палатахъ, гдѣ на ихъ сторонѣ было большинство, если имъ не удастся по меньшей мѣрѣ отстоять нейтралитетъ, и помѣшать различнымъ германскимъ племенамъ рука объ руку биться съ общимъ врагомъ—то стремленія ихъ погибли на вѣки. И дѣйствительно, партикуляристы порѣшили такъ дѣйствовать, хотя съ первой минуты могли уже видѣть, что у нихъ вовсе нѣтъ приверженцевъ въ народѣ. Національное одушевленіе въ Мюнхенѣ проявилось сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, демонстрація слѣдовала за демонстраціей; дошло до того, что д-ръ Зигль, издававшій самый фанатичный изъ всѣхъ партикуляристическихъ газетъ «*Das Vaterland*», и упомянувшій о союзѣ съ Франціей, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ полиціи, которая отвела его въ тюрьму, чтобы спасти отъ народной ярости. Но партикуляристы палатъ были упорнѣе, и депутаты, которымъ пришлось обсуждать вопросъ о кредитѣ, потребованномъ *для войны*, опредѣлили открыть этотъ кредитъ лишь *для поддержанія нейтралитета*. Министерство объявило, что при этихъ условіяхъ оно подаетъ въ отставку. Едва узнали въ Мюнхенѣ о дѣйствіяхъ депутатовъ и о рѣчахъ, которыя были произнесены въ палатахъ, какъ народное возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ. Партикуляристамъ-депутатамъ грозили, при выходѣ ихъ изъ палаты, повѣсить ихъ на фонаряхъ, и пришлось призвать солдатъ, для охраны палаты. 19-го, палата, уступая такому давленію, согласилась отпустить требуемую сумму (хотя не сполна) *на случай неизбѣжности войны*. Палата государственнаго совѣта съ своей стороны единодушно дала свое согласіе, и такимъ образомъ правительство одержало верхъ. Эти событія въ Баваріи измѣнили тотчасъ же положеніе дѣлъ въ Виртембергѣ. Виртембергъ *одинъ* не могъ оставаться нейтральнымъ и глава народной партіи въ Штутгардтѣ, д-ръ Карлъ Мейеръ, объявилъ, что при существующихъ обстоятельствахъ онъ отказывается отъ своей программы. Поэтому всѣ требованія правительства были исполнены, и тоже самое случилось въ Карлсруэ и Дармштадтѣ, гдѣ партія партикуляристовъ вообще была гораздо слабѣе.

Всѣ эти въ высшей степени важныя событія объясняются самымъ простымъ образомъ. Кто изучалъ парламентскую жизнь, тотъ знаетъ, что есть такія эпохи, когда взгляды народа быстрѣе измѣняются, чѣмъ взгляды его представителей и что послѣдніе постоянно рискуютъ быть покинуту своими избирателями. При всякихъ выборахъ существуетъ извѣстное настроеніе и наиболѣе энергичные представители

его выбираются въ депутаты. Постоянно вращаясь въ своей средѣ, во время сессій, депутаты все болѣе и болѣе укрѣпляются въ своихъ мнѣніяхъ и обыкновенно утрачиваютъ живую связь съ народомъ. Такъ было и въ Баваріи. Послѣдніе выборы производились тогда, когда внѣшняя политика дремала. Ультрамонтаны и вожди «патріотовъ» пускались на самыя непозволительныя средства, чтобы привлечь на свою сторону избирателей, и такъ какъ никто не ожидалъ, что такъ скоро представится случай, гдѣ Баваріи придется рѣшать: стоять ли ей за Пруссію или нѣтъ, то къ этому пункту отнеслись довольно легкомысленно. Но когда этотъ случай представился, когда этотъ вопросъ былъ рѣзко поставленъ баварскому правительству и народу, тогда оказалось, что въ послѣдніе 55 лѣтъ національная идея проникла во всѣ слои общества. За исключеніемъ небольшого числа, никто не считалъ даже возможнымъ союзъ съ Франціей противъ Пруссіи, а невозможность продолжительнаго нейтралитета была ясна для самыхъ упорныхъ. Однимъ словомъ, правительства южно-германскихъ государствъ пошли за народомъ, оставивъ въ сторонѣ мнѣніе депутатовъ, отставшихъ отъ народа.

Тогда только стало очевиднымъ, что императоръ Наполеонъ, рѣшаясь объявить Пруссіи войну, которой онъ такъ долго избѣгалъ, разсчитывалъ на два обстоятельства: по меньшей мѣрѣ на нейтралитетъ Южной Германіи и на враждебное для Пруссіи настроеніе въ присоединенныхъ въ 1866 г. провинціяхъ: Ганноверѣ, Шлезвигъ-Голштиніи и Гессенъ-Нассау. Его политическіе агенты въ послѣднее время были особенно дѣятельны въ Южной Германіи, и теперь обнародованы по этому весьма интересные документы, доказывающіе какъ давно уже императорское правительство замышляло войну съ Германіей. Французскіе агенты, какъ это часто бываетъ съ агентами, усмотрѣли лишь то, что имъ желательно было видѣть, или же донесли то, чего, какъ они знали, хотѣлось императорскому правительству.

Въ то же самое время, какъ палаты въ Карлсруэ, Мюнхенѣ и Виртембергѣ рѣшали быть войнѣ или миру, 19-го іюля открылся рейхстагъ Сѣверо-Германскаго союза. Депутаты нахлынули въ бо́льшемъ чѣмъ когда-либо числѣ. Вступительная рѣчь коснулась лишь слегка вопроса объ испанской кандидатурѣ и затѣмъ затронула болѣе чувствительныя для нѣмцевъ струны. Она напомнила о былыхъ насиліяхъ Франціи надъ слабой и раздробленной Германіей и пролила яркій свѣтъ на существующія отношенія. Она очень мягко выражалась о французской націи и рѣзко осуждала ея «правителя», и въ заключеніе объясняла, что цѣль борьбы составляетъ обезпеченіе Европѣ *прочнаго* мира. Рѣчь была встрѣчена съ чрезвычайнымъ восторгомъ и на нее отвѣчали единодушно принятымъ одобрительнымъ адресомъ; затѣмъ, рейхстагъ опредѣлилъ отпустить на войну еще сумму въ 120 милліо-

новъ и послѣ трехдневнаго срока былъ закрытъ, на этотъ разъ безъ всякихъ празднествъ, для того, чтобы депутаты могли какъ можно скорѣй вернуться на свою родину.

На первомъ же засѣданіи рейхстага союзный канцлеръ сообщилъ, что онъ только-что (19 іюля въ полдень) получилъ отъ Франціи формальное объявленіе войны. Въ тоже время рейхстагъ узналъ весь ходъ распри, которая была представлена ему въ томъ же видѣ, въ какомъ, днемъ раньше, была изложена въ циркулярной депешѣ союзнаго канцлера къ представителямъ Сѣверо-Германскаго союза при нѣмецкихъ и иностранныхъ дворахъ, что и подало поводъ къ дипломатическимъ преніямъ необыкновеннаго свойства. При каждой войнѣ, какъ водится, воюющія стороны стараются сложить причину войны на противника, при чемъ пускаются въ ходъ такіе документы, которые до тѣхъ поръ скрывались во мракѣ архивовъ. Но такихъ признаній, какія Бисмаркъ держалъ на готовѣ, еще не встрѣчалось въ исторіи. Это былъ документъ, писанный рукой Бенедетти и опубликованный 25 іюля въ «Times». Въ немъ содержался проектъ договора, составленнаго еще въ 1867 году, въ силу котораго Франція обязуется признать прусскія завоеванія 1866 г. и не противодѣйствовать присоединенію южной Германіи къ Сѣверо-Германскому союзу, Пруссія же съ своей стороны должна ей помочь завладѣть Люксембургомъ и Бельгіей. Днемъ раньше Бисмаркъ пригласилъ къ себѣ посланниковъ иностранныхъ державъ, чтобы предъявить имъ оригиналъ этого документа и просить засвидѣтельствовать, что онъ написанъ рукой французскаго посланника, что они и сдѣлали. Въ Парижѣ сначала отрицали существованіе такого документа, но когда это сдѣлалось болѣе невозможнымъ, стали оправдываться: Бенедетти объявилъ, что этотъ документъ содержитъ предложенія графа Бисмарка, писанныя имъ (Бенедетти) *подъ диктовку* Бисмарка. Такое увѣреніе не трудно было опровергнуть: еслибы тѣ предложенія шли со стороны Бисмарка, то они пошли бы на разсмотрѣніе Наполеона, а между тѣмъ дѣло было наоборотъ; Бисмаркъ отвѣчалъ Бенедетти, что онъ долженъ передать предложеніе на разсмотрѣніе короля; слѣдов., предложенія шли съ другой стороны. Очевидно, предложенія были уже извѣстны Наполеону въ то время, когда еще былъ вопросъ, будутъ ли они приняты королемъ Пруссіи. Такъ поняли это дѣло во всемъ политическомъ мірѣ, и если нейтральныя державы не высказались по этому поводу вполнѣ точно, то это произошло по понятнымъ причинамъ: разъ высказавшись, они не могли бы оставаться болѣе нейтральными.

Говорятъ, что когда въ Берлинѣ получено было извѣстіе объ объявленіи французами войны, то Мольтке, начальникъ прусскаго генеральнаго штаба, подошелъ къ своему письменному столу, открылъ запер-

тый на ключъ ящикъ и вынулъ изъ него связку документовъ, со словами: Also doch!

Эта недоконченная фраза требуетъ объясненія. Такъ какъ въ 1815 г. Пруссіи не удалось установить такую границу между Франціей и Германіей, которая служила бы преградой для внезапнаго нападенія первой на послѣднюю, то между прусскими военными давно существовало мнѣніе, что рано или поздно возникнетъ большая война между Франціей и Германіей. Въ 1815 г., Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и принцъ Гарденбергъ выражали, что граница, установленная пятью великими державами, далеко не представляетъ прочной гарантіи для мира. Если желаютъ прочнаго и продолжительнаго мира, такъ говорилъ въ то время принцъ Гарденбергъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, то Франціи слѣдуетъ возвратить своимъ сосѣдямъ отнятыя у нихъ оборонительные пункты, Эльзасъ и крѣпости Нидерландовъ, Мааса, Мозеля и Саара. Только тогда Франція будетъ ограничена дѣйствительно оборонительной линіей, Вогезами и обѣими линіями крѣпостей, начиная съ Мааса до самаго моря, и только тогда Франція будетъ спокойна. Если же граница Франціи не будетъ отодвинута на западъ, то сосѣднимъ народамъ трудно будетъ обороняться противъ нея, и преимущества географическаго и военнаго положенія повліяютъ такъ сильно на ея политику, на славолюбивый характеръ населенія, наконецъ на общественное мнѣніе и министерство, что можно заранѣе сказать, Франція при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлаетъ попытку расширить свои границы до самаго Рейна, и съ этого момента вліяніе ея на Германію станетъ такъ велико, что она противъ воли будетъ нарушать европейскій миръ.

Въ первое десятилѣтіе послѣ великой катастрофы, постигшей Наполеона I, Франція была слишкомъ истощена, чтобы помышлять о войнѣ съ Германіей; но уже при Луи-Филиппѣ раздался воинственный кликъ: «На Рейнъ!» Каждое французское правительство укрѣпляло свое оборонительное и наступательное положеніе относительно Германіи. Желѣзныя дороги проводились такимъ образомъ, чтобы войска могли быть перевезены на границу съ наивозможной быстротой; крѣпость Метцъ, отстоящая лишь на нѣсколько миль отъ границы, представляетъ превосходный пунктъ для военныхъ операцій, и кромѣ того, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, небольшими, но сильными крѣпостями, въ особенности Тулемъ и Вёрденомъ, такъ перерѣзываетъ желѣзныя дороги, что непріятель, вступивъ въ предѣлы Франціи, не можетъ ими воспользоваться. Съ другой стороны, оборонительная система Германіи, какъ всѣмъ извѣстно, очень плоха; лѣвый берегъ Рейна, особенно со времени уступки крѣпости Люксембурга, вовсе не защищенъ; Раштадтъ и Ландау незначительныя крѣ-

пости и не могутъ остановить вторженія непріятеля въ южную Германію. Наконецъ, Франція владѣла значительнымъ флотомъ и въ случаѣ войны могла сдѣлать диверсію въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ. Само собой разумѣется, что воззрѣнія на войну мѣнялись смотря по обстоятельствамъ, смотря по тому, какъ держала себя южная Германія, и такимъ образомъ вопросъ войны съ Франціей представлялся неисчерпаемымъ источникомъ изученія, въ теченіи многихъ лѣтъ, для каждаго мыслящаго прусскаго офицера, начиная съ юнаго поручика, посѣщающаго военную академію, и кончая начальникомъ генеральнаго штаба, и на всемъ протяженіи всѣхъ линій между Парижемъ и Берлиномъ едва ли найдется хотя бы одинъ пунктъ, значеніе котораго для военныхъ дѣйствій не было бы точно взвѣшено и изучено. Конечно, такое отношеніе къ дѣлу было обоюдное: французскому генеральному штабу также хорошо былъ знакомъ путь въ Берлинъ, какъ и пруссакамъ путь въ Парижъ; у него въ рукахъ были планы прусскихъ крѣпостей, также какъ у пруссаковъ планы французскихъ.

Событія 1866 г. произвели въ Германіи коренныя перемѣны, отозвавшіяся на ея военныхъ силахъ непредвидѣннымъ образомъ: все могущество Австріи разбилось въ прахъ, но военная сила Германіи удесятерилась. Расширившаяся въ 1866 г. и слившаяся съ сѣверо-германскимъ союзомъ Пруссія могла выставить въ поле громадную и превосходно обученную и организованную армію, которая значительно усилилась, когда южно-германскія государства, Баварія, Виртембергъ и Баденъ присоединились къ Пруссіи въ силу союзовъ 1866 г. Въ 1866 г., одна Пруссія имѣла ружье, заряжающееся съ казенной части, игольчатое, превосходству котораго надъ ружьями старой системы, шомпольными, она много обязана побѣдѣ надъ австрійцами. Пруссія осталась съ этимъ ружьемъ, которое было принято во всей сѣверогерманской арміи, въ Виртембергѣ и Баденѣ. Одна Баварія медлила произвести коренную реформу въ вооруженіи, пробовала различныя системы и ввела наконецъ ружье, отличное отъ прусскаго, но при этомъ дѣло такъ затянулось, что даже и теперь нѣкоторые баварскіе полки вооружены ударными ружьями.

Французское правительство признало необходимымъ, послѣ войны 1866 г., измѣнить систему ружей, избрало шасспо и энергически приступила къ вооруженію арміи. Въ 1866 г. прусская артиллерія была неудовлетворительна, и, по свидѣтельству безпристрастныхъ наблюдателей, уступала австрійской, которая имѣла исключительно нарѣзныя орудія, между тѣмъ какъ Пруссія въ то время имѣла еще много гладкихъ орудій. Всѣми было признано превосходство прусскихъ гранатъ, снабженныхъ ударными фитилями и разрывающихся при паденіи, между тѣмъ какъ французскія гранаты снабжены обыкновенными фитилями и

разрываются по истеченіи извѣстнаго времени, разсчитаннаго по разстоянію. Въ теченіи послѣдняго года вся прусская и сѣверо-германская артиллерія была сплошь снабжена нарѣзными орудіями. Съ своей стороны Наполеонъ обогатилъ свою артиллерію новымъ орудіемъ, митральёзой, каналъ которой состоитъ изъ двадцати-пяти стволовъ, и такъ какъ ее можно необыкновенно быстро заряжать, то она осыпаетъ страшнымъ градомъ пуль узкое, сравнительно, пространство, обстрѣливаемое ею. Ни шасспо, ни митральёза не были незнакомы прусскимъ военнымъ, хотя французское правительство и держало въ тайнѣ устройство послѣдней. Оба оружія были испробованы, но рѣшено было держаться прежнихъ, и произвести нѣкоторое усовершенствованіе въ игольчатомъ ружьѣ, что и начало приводиться въ дѣйствіе какъ разъ передъ началомъ войны. Говорятъ, что французскій военный уполномоченный въ Берлинѣ, баронъ Штофель, писалъ своему императору, что если онъ намѣренъ начать войну, то пусть поторопится, пока не будетъ совершено улучшеніе прусскаго оружія, благодаря которому игольчатое ружье сравняется по своимъ достоинствамъ съ шасспо. Къ счастію для Пруссіи дѣло съ преобразованіемъ вооруженія не зашло еще очень далеко. Дѣло немедленно пріостановили и такимъ образомъ избѣжали по крайней мѣрѣ сумятицы. Если даже игольчатое ружье и уступаетъ въ качествѣ шасспо, то тѣмъ не менѣе оно съ успѣхомъ выдержало двѣ кампаніи; солдаты имѣли къ нему довѣріе и вполнѣ освоились съ его употребленіемъ.

Вѣра Наполеона въ свое оружіе была отнюдь не вздорная. Шасспо не только оказалось превосходнымъ оружіемъ; оно не только чуждо тѣхъ недостатковъ, которые ему приписываютъ, но и превосходитъ игольчатое ружье, какъ по быстротѣ, съ какою заряжается, такъ и по дальности полета (до 2,000 шаговъ). Французы не прицѣливаются, но осыпаютъ на дальнемъ разстояніи пространство, по которому движется непріятель, страшнымъ градомъ пуль, выбивающимъ массу народа изъ его рядовъ, прежде нежели онъ можетъ пустить въ ходъ свое оружіе. Но за тѣмъ, игольчатое ружье получаетъ перевѣсъ, потому что изъ него можно вѣрнѣе прицѣливаться, и тогда уже нѣмецкія войска производятъ страшныя опустошенія во французскихъ рядахъ. Но возможно ли требовать отъ какого бы то ни было войска, чтобы оно терпѣло такой страшный уронъ, прежде чѣмъ сойдется съ непріятелемъ: нѣмецкія войска зачастую сильно сокращались, прежде нежели могли завидѣть непріятеля. Совсѣмъ иное дѣло митральёза. Она также несомнѣнно страшное орудіе, но лишь при извѣстныхъ условіяхъ, а именно: она требуетъ подходящаго мѣстоположенія и прикрытія, потому что непріятельскіе выстрѣлы вредоноснѣе для нея, чѣмъ для обыкновенной пушки и скорѣе могутъ привести ее въ негодность. Всего же хуже было то, что императоръ, понадѣясь на чудодѣйственную силу ми-

тральёзы, пренебрегъ остальными артиллерійскими орудіями. Поэтому нѣмецкая артиллерія вездѣ, гдѣ ей приходилось дѣйствовать настоящимъ образомъ, имѣла перевѣсъ; огонь ея былъ такъ жестокъ, что даже самые лучшіе непріятельскіе полки не въ силахъ были его выдерживать, и въ трудныхъ моментахъ она рѣшала дѣло.

Дурные разсчеты Наполеона на нейтралитетъ южной Германіи, на возстаніе Ганновера, Нассау, на превосходство шассно и митральёзъ, могли бы, однако, быть уравновѣшены быстротою дѣйствія въ началѣ войны. Французское министерство имѣло въ своемъ распоряженіи девять дней, отъ 6-го до 15-го іюля, для приготовленій къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. 15-го ч. утромъ Грамонъ сообщилъ сенату, что война объявлена (настоящее объявленіе войны воспослѣдовало въ Берлинѣ не раньше 19-го ч.) и судя по невѣроятной поспѣшности, съ какой велось дѣло въ Парижѣ, можно было предполагать, что французы совершенно готовы къ войнѣ и могутъ въ слѣдующую же ночь отправить свои войска къ границѣ. Но это было не такъ. Единственный человѣкъ во Франціи, знавшій это, и заявившій о неразумности всѣхъ дѣйствій, Тьеръ, былъ освистанъ въ законодательномъ собраніи. Между тѣмъ, въ Берлинѣ, въ ночь съ 15-го на 16-е ч., издали приказъ о мобилизаціи арміи. Прусская военная организація такова, что на *девятый* день по изданіи указа о мобилизаціи, армія должна быть готова къ выступленію, т.-е. только 25-го ч. могло начаться передвиженіе войскъ, и оно дѣйствительно началось въ этотъ день. Былъ возбужденъ вопросъ о томъ, не послать ли впередъ нѣсколько отдѣльныхъ полковъ, для предупрежденія внезапнаго нападенія французовъ. Но генералъ Мольтке воспротивился этому самымъ положительнымъ образомъ. «Французы могутъ наступать сколько имъ угодно, говорилъ онъ, а мы спокойно соберемся съ силами и выступимъ всею арміей, вполнѣ поставленной на военную ногу». Этого невозможно было сдѣлать раньше первыхъ чиселъ августа, но французы не воспользовались и этимъ драгоцѣннымъ и невозвратимымъ временемъ. На границѣ Саарбрюкена, также какъ и на Рейнѣ, въ теченіе почти двухъ недѣль дѣйствовали лишь небольшіе передовые нѣмецкіе отряды, но дѣйствовали съ такой быстротой и энергіей, что французы полагали, что имѣютъ дѣло съ значительнымъ войскомъ. Генералъ Фроссаръ чистосердечно сознался въ этомъ, когда посѣтилъ Саарбрюкенъ послѣ дѣла, бывшаго подъ нимъ и при которомъ присутствовали Наполеонъ и его сынъ. Тѣмъ временемъ мобилизація арміи въ Пруссіи происходила въ такомъ порядкѣ и такъ спокойно, что даже въ Берлинѣ она прошла почти незамѣтно, несмотря на то, что изъ одного этого города поступило въ войско 35,000 человѣкъ. Какъ ни велико это число, но оно совсѣмъ стушевывается въ массѣ населенія. 25-го ч. желѣзныя дороги перестали возить пассажирскіе частные поѣзды и за-

нялись исключительно перевозкой громадной арміи. Дирекціи желѣзныхъ дорогъ была сообщена отъ генеральнаго штаба полная и во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ разработанная инструкція, касательно перевозки войскъ, часовъ отхода каждаго поѣзда и количества поѣздовъ, необходимыхъ для него; эта инструкція была составлена съ такимъ совершенствомъ, что дирекція, лѣтъ двадцать уже занимающаяся своимъ дѣломъ, была поражена изумленіемъ; передвиженіе войскъ совершилось безъ замѣшательства, несчастныхъ случаевъ было весьма немного. При этомъ передвиженіи держали въ тайнѣ тѣ собственно пункты, откуда предполагалось сдѣлать нападеніе; газеты молчали, а солдаты обязаны были вести открытую переписку, чтобы держать непріятеля въ полномъ невѣдѣніи насчетъ передвиженія войска.

Мобилизація нѣмецкаго войска оправдала всѣ надежды. Одно изъ великихъ преимуществъ нашей военной организаціи заключается въ томъ, что въ управленіи его господствуетъ правда и честность. У насъ не бываетъ, чтобы что-нибудь *существовало только на бумагѣ*. Если баталіонъ насчитываетъ 1.002 человѣка, то можно быть увѣреннымъ, что эти 1.000 *два* человѣка существуютъ въ дѣйствительности. Во Франціи же, напротивъ того, армія была значительно малочисленнѣе, чѣмъ предполагалось, и когда Наполеонъ упустилъ благопріятную минуту для нападенія, то не оставалось никакихъ сомнѣній, что шансы его плохи. Когда наступило 21-е іюля, а французы все еще не перешли черезъ Рейнъ, то несообщительный и молчаливый по природѣ Мольтке высказалъ, что теперь уже не перейти имъ его вовсе. Дальнѣйшія событія показали, что онъ былъ правъ.

Нѣмецкія войска были раздѣлены на три арміи: одна подъ начальствомъ принца Фридриха Карла, другая подъ начальствомъ генерала Штейнметца и третья подъ начальствомъ крон-принца прусскаго. Послѣдняя армія состояла, главнымъ образомъ, изъ южно-германскихъ полковъ, которымъ дано было этимъ доказательство полнаго довѣрія. Крон-принцъ, прежде чѣмъ стать во главѣ войска, посѣтилъ южногерманскія государства и былъ принятъ государями дружески, а народомъ и войсками съ восторгомъ. Онъ обладаетъ, какъ извѣстно, весьма привлекательной внѣшностью и умѣніемъ снискивать популярность. При этомъ онъ чрезвычайно любезенъ. Касательно его достоинствъ, какъ главнокомандующаго, нельзя еще сказать ничего опредѣленнаго. Вообще привыкли приписывать его успѣхи, какъ въ 1866 г. такъ и въ 1870 г., главнымъ образомъ, превосходнымъ распоряженіямъ его начальника штаба генерала Блюменталя; но какъ бы ни были велики заслуги Блюменталя, несомнѣнно также и то, что крон-принцъ заслуживаетъ величайшихъ похвалъ за то, что онъ умѣлъ всегда и вполнѣ согласоваться съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ крон-принцъ всегда лично присутствуетъ на полѣ сраженія, и, быть можетъ, позднѣйшіе критики

наградятъ его тѣмъ отзывомъ, какимъ въ семилѣтнюю войну Фридрихъ Великій наградилъ своего брата Генриха, а именно: что онъ сдѣлалъ такъ мало ошибокъ, какъ только это было ему возможно.

Защита сѣверныхъ и восточныхъ береговъ была предоставлена генералу Фогель фонъ-Фалькенштейну, который выказалъ въ 1866 году необыкновенное искусство съ небольшой арміей справиться съ южногерманскими войсками и разбить ихъ по частямъ.

О стратегическихъ талантахъ генерала Штейнметца мало извѣстно. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ 1866 году славу тѣмъ, что весьма рьяно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очертя голову, ударялъ на непріятеля. Этому принципу онъ остался вѣренъ и въ настоящую войну, что имѣло послѣдствіемъ то, что его войска претерпѣли самый значительный уронъ.

Король Вильгельмъ оставилъ Берлинъ 31-го іюля въ сопровожденіи Бисмарка, Мольтке и всего генеральнаго штаба. Онъ былъ руководителемъ всей арміи и въ его рукахъ сосредоточивались нити, приводившія въ движеніе колоссальную машину. Главная квартира его находилась сначала въ Майнцѣ, а затѣмъ медленно двигалась по Пфальцу. Но тѣмъ временемъ первые удары уже разразились.

Прусскіе военачальники узнали, что корпусъ Макъ-Магона, стоявшій на верхнемъ берегу Рейна по близости отъ Гюнингена, направился къ сѣверу, чтобы присоединиться къ остальной арміи, и что одна дивизія стоитъ изолированная при Вейсенбургѣ. На эту дивизію было сдѣлано 4-го августа нападеніе. Позиція была крѣпкая, и занята отборнымъ войскомъ; но тѣмъ не менѣе ее взяли штурмомъ, принудили французовъ къ отступленію, завладѣли ихъ лагеремъ и забрали много плѣнныхъ.

Нравственное значеніе этой побѣды было еще важнѣе ея практическаго результата. Нѣмецкимъ войскамъ въ первый разъ пришлось имѣть дѣло съ зуавами и туркосами, на которыхъ Наполеонъ возлагалъ весьма большія надежды. Хотя нѣмецкіе солдаты впередъ были посвящены своимъ начальствомъ въ характеръ этого рода противниковъ и ихъ способъ драться, но подъ Вейсенбургомъ они убѣдились своимъ опытомъ, что звѣрство и храбрость не одно и тоже.

Получивъ извѣстіе о пораженіи дивизіи Файльи (его-то дивизія и была разбита при Вейсенбургѣ), Макъ-Магонъ пріостановился въ своемъ движеніи и сразился съ быстро наступавшимъ крон-принцемъ, при Вертѣ. (Французы называюсъ эту битву по имени двухъ мѣстечекъ, лежащихъ близъ Верта,—Рейхсгофенъ и Фрошвиллеръ). Крон-принцъ одержалъ самую блистательную побѣду, армія Макъ-Магона понесла жестокій уронъ и обратилась въ самое безпорядочное бѣгство. Въ тотъ же самый день одна часть арміи Штейнметца взяла штурмомъ позицію генерала Фроссара на горѣ Спикеренъ близъ Саарбрюкена. На этомъ пунктѣ вовсе не предполагалось давать сраженія. Нѣ-

сколько баталіоновъ рѣшились, какъ кажется, на свой собственный страхъ взять приступомъ позицію, расположенную на крутой, перерѣзанной оврагами, горѣ, считавшейся неприступною. Они были отбиты, получили подкрѣпленіе и взяли наконецъ позицію; между тѣмъ позднѣе вечеромъ французская позиція была обойдена и французы вынуждены были отступить. Говорятъ, что тотъ же результатъ, и разумѣется съ меньшей потерей, былъ бы полученъ, еслибы операціи начались съ этого маневра, вмѣсто того, чтобы имъ окончиться. Но успѣхъ заключался въ томъ, что сами французы убѣдились въ превосходствѣ непріятеля, и впечатлѣніе, произведенное сраженіями при Вейсенбургѣ, Вертѣ и Спикеренѣ было громадное. Французское правительство, которое до тѣхъ поръ скрывало отъ народа событія, происходившія на театрѣ военныхъ дѣйствій, принуждено было сообщить о нихъ во всей подробности, что́ не помѣшало ему вскорѣ затѣмъ впасть въ старую систему обмана.

Военные критики находятъ весьма много возраженій противъ плановъ Мольтке. Они осуждаютъ то, что армія была раздѣлена на части, и австрійскія газеты, которыя особенно вѣрятъ въ свои критическія способности въ военномъ дѣлѣ, утверждаютъ, что это раздѣленіе совершено ради того только, чтобы дать случай принцамъ прусскаго дома пожать лавры. Одинъ вѣнскій критикъ называлъ даже побѣду при Вейсенбургѣ «холостымъ зарядомъ» и предсказывалъ, что крон-принцъ вскорѣ будетъ вынужденъ отступить. Эти критики упускаютъ изъ виду, что такую громадную армію, какъ прусская, нельзя держать нераздробленною, потому что это затруднитъ ея движенія, и Мольтке вторично докажетъ, что основаніемъ современной тактики должно быть слѣдующее положеніе: наступать отдѣльными частями и сражаться соединенными силами. Побѣдой при Вертѣ крон-принцъ достигъ сліянія съ остальными арміями и имъ возможно теперь совершенно согласно производить всѣ свои дальнѣйшія операціи...

Письмо второе.

Реймсъ. 13 сентября.

Изъ Pont-à-Mousson я могъ вамъ только написать пару словъ, что пока рѣшительно не имѣю времени писать; между тѣмъ прошелъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ я оставилъ Берлинъ. Тройная побѣда при Вейссенбургѣ, Вертѣ и Спикеренѣ давно уже заключила собою первый актъ кровавой драмы, которая съ того времени начала разъигрываться на моихъ собственныхъ глазахъ.

Послѣ первыхъ, тяжкихъ уроковъ испытанныхъ въ началѣ августа, французы начали сосредоточивать свои силы у Метца, весьма

почтенной крѣпости, которая въ соединеніи съ своими обширными наружными укрѣпленіями можетъ вмѣстить армію въ 100,000 и болѣе. Задача нѣмцевъ была отрѣзать эту армію отъ дороги въ Парижъ и заключить ее въ крѣпости; съ этою цѣлью три дня сряду, 14-го 16-го и 18 августа обѣ стороны бились съ страшнымъ ожесточеніемъ и страшными потерями. На сторонѣ французовъ было большое преимущество позиціи. Вся мѣстность между Рейномъ и Маасомъ имѣетъ разнообразныя очертанія, точно застывшее море. Ни одинъ экипажъ не можетъ проѣхать здѣсь безъ тормаза, потому что дороги такъ круто спускаются и подымаются въ гору, какъ не увидишь ни въ Швейцаріи, ни въ Тиролѣ, гдѣ дороги извиваются въ долинахъ, а въ горахъ образуютъ безчисленные и не очень крутые зигзаги. Въ этой же части Франціи мало встрѣчается долинъ, орошенныхъ рѣками (мѣстность чрезвычайно бѣдна водой), и дороги не могутъ огибать безчисленныхъ холмовъ, потому это оно учетверило бы ихъ протяженіе. Такія топографическія неудобства усугубляются близъ Метца, укрѣпленія котораго расположены на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ; чтобы подойти къ нимъ съ лѣваго берега Мозеля, откуда только и можно было пересѣчь отступленіе, приходилось на протяженіи нѣсколькихъ миль спускаться и подыматься съ одного холма на другой. При этомъ французы могли вездѣ подготовить себѣ диспозиціи: они могли занять безчисленные лѣса, деревни, которыя обнесены каменными стѣнами и имѣютъ каменные дома, такъ что нападеніе со всѣхъ сторонъ было обставлено самыми невыгодными условіями. Наконецъ, французы могли въ случаѣ неудачи постоянно отступать подъ прикрытіе пушекъ Метца и оттуда, собравшись съ силами, снова аттаковать непріятеля. И французы отлично пользовались всѣми этими преимуществами. Самая отчаянная изъ такихъ аттакъ со стороны французовъ была сдѣлана вечеромъ 18 августа на Гравелотъ, причемъ самъ прусскій король подвергался пушечному огню и одинъ изъ офицеровъ его свиты былъ раненъ осколкомъ гранаты. Потери, понесенныя въ этотъ день нѣмецкими войсками, громадны; ихъ исчисляютъ въ 30—35,000 человѣкъ, но и потери французовъ были также значительны, судя по тому, какъ поле битвы было усѣяно трупами французовъ.

Главная квартира короля прусскаго находилась, 15-го августа, въ Эрни (деревушка близъ линіи желѣзной дороги Саарбрюкенъ-Метцъ), которая немного дальше, а именно чрезъ Ремильи, могла служить путемъ сообщенія для нѣмецкихъ войскъ. Изъ Эрни король отправился 15-го на поле битвы; 16-го, главная квартира была перенесена въ Понтъ-а-Мусонъ, весьма важный переправочный пунктъ черезъ Мозель, гдѣ въ этомъ мѣстѣ переброшенъ каменный мостъ, такъ что король могъ присутствовать на полѣ битвы 18-го ч. и провелъ слѣдующую за тѣмъ ночь въ маленькой, совершенно опустошенной и поки-

нутой деревушкѣ Резонвиль, гдѣ покончилось сраженіе 16-го августа и снова началось 18-го. На разстояніи нѣсколькихъ миль раскидывалось почти сплошное поле этой трехдневной битвы, и трупы, покрывшіе его въ первые два дня, еще не успѣли быть убраны, какъ третій день усѣялъ его новыми жертвами. Тяжело раненые были размѣщены по ближайшимъ мѣстамъ и деревушкамъ, а получившіе легкія раны были отправлены частію въ экипажахъ, частію пѣшкомъ черезъ Понтъ-а-Мусонъ (гдѣ находились также безчисленные лазареты) на ближайшую станцію желѣзной дороги.

Французы приписывали себѣ побѣду въ эти дни, но нѣмцы постоянно наступали все дальше и дальше, и наконецъ успѣхъ ихъ оказался безспорнымъ, когда французская армія была откинута къ Метцу и тамъ окружена со всѣхъ сторонъ. Расположенныя около Метца нѣмецкія войска, подъ командою принца Фридриха-Карла, принялись тотчасъ же окапываться и работа ихъ такъ подвинулась въ 48 часовъ, что они могли спокойно ждать нападенія французовъ, еслибы послѣдніе попытались пробиться; но они были слишкомъ утомлены, чтобы помышлять объ этомъ въ первые дни.

Та часть французскихъ войскъ, которая не была заперта въ Метцѣ, собралась тѣмъ временемъ въ Шалонѣ, подъ командой Макъ-Магона, и выжидала тамъ нападенія непріятеля, между тѣмъ какъ крон-принцъ съ своей арміей пошелъ на Парижъ. Итакъ, слѣдовало ожидать стычки въ Шалонѣ. Но вдругъ получается извѣстіе, что Макъ-Магонъ покинулъ Шалонъ и направился по направленію къ сѣверу черезъ Мезьеръ, Седанъ и Монмеди на выручку арміи, замкнутой въ Метцѣ. Еслибы войско, осаждающее Метцъ, было аттаковано одновременно съ внѣшней и внутренней сторонъ, то при широко растянутой линіи оно могло быть разгромлено, и тогда соединившіяся французскія арміи могли бы аттаковать нѣмецкую армію съ тыла. Но главнокомандующій во-время узналъ о маневрѣ Макъ-Магона, и необходимыя измѣненія въ планѣ дѣйствія были приняты заблаговременно. Крон-принцъ получилъ приказаніе поворотить со всей арміей на сѣверъ и съ нимъ одновременно выступила сформированная послѣ 18-го числа четвертая армія, состоявшая изъ прусской лейб-гвардіи, саксонцевъ, баварцевъ и виртембергцевъ, подъ начальствомъ крон-принца саксонскаго. Напряженіе, сдѣланное войскомъ во время этого перехода, необыкновенно, потому что французы начали движеніе раньше и могли часть пути совершить по желѣзной дорогѣ.

Извѣстіе объ оставленіи французами лагеря при Шалонѣ было получено въ главной квартирѣ, когда она находилась въ Баръ-ле-Дюкѣ, хорошенькомъ городкѣ, имѣющемъ 15,000 жителей, главномъ мѣстечкѣ департамента Мааса. Намѣреніе перенести главную квартиру въ Сен-Менегу было тотчасъ же отмѣнено, и тогда же рѣшили отправиться

въ Клермонъ, въ Аргоннахъ, гдѣ уже стояли саксонцы. Король имѣлъ тамъ долгія совѣщанія съ крон-принцемъ саксонскимъ. Крон-принцъ, какъ извѣстно, отличился въ 1866 г. своимъ искуснымъ предводительствомъ саксонскаго корпуса. Корпусъ его дрался превосходно и былъ единственнымъ, который послѣ Кёнигсгреца совершилъ свое отступленіе въ совершенномъ порядкѣ. Австрійцы недостаточно тогда оцѣнили эту заслугу, и это обстоятельство не мало способствовало, быть можетъ, рѣшенію крон-принца сражаться нынѣшній разъ подъ прусскими знаменами. Ему даже пришлось теперь командовать, между прочимъ, и прусской гвардіею.

Въ Клермонѣ, на границѣ Аргоннскаго и Арденскаго лѣсовъ, откуда, съ вершины горы, увѣнчанной старымъ замкомъ герцоговъ Баръ, уже видны бельгійскія и люксембургскія границы, стало несомнѣннымъ, что Макъ-Магонъ долженъ быть настигнутъ; 28-го и 29-го ч. были небольшія стычки между отдѣльными патрулями, но сраженіе произошло только 30-го при Бомонѣ. Французы занимали дорогу отъ Итонна черезъ Бомонъ и Нёвиль въ Стенэ, а нѣмецкія арміи были расположены частью на югъ, при Отсѣ, Бюзанси и Нуарѣ, частью на востокъ по направленію къ Ретелю и Мезьеру. Саксонцы, составлявшіе правое крыло, должны были, выйдя изъ Нуара, пройти сначала лѣсъ, а затѣмъ открытое поле, чтобы достигнуть Бомона, вблизи котораго находился французскій лагерь, и опасались, что имъ не удастся проникнуть черезъ лѣсъ, но здѣсь случилось невѣроятное дѣло—французы были захвачены въ расплохъ въ обѣденное время въ лагерѣ, такъ что офицеровъ брали въ плѣнъ за *table d'hôte*. На другихъ пунктахъ однако бой былъ веденъ съ большей энергіей. Французы отступали повсюду, но по временамъ останавливались и снова защищались. Сраженіе продолжалось до наступленія темноты; побѣда была повсюду за нѣмцами, но имъ еще не удалось отрѣзать французамъ отступленіе. Въ этомъ сраженіи французы дрались гораздо слабѣе, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ, бросали во множествѣ оружіе, и такъ какъ бой былъ веденъ по преимуществу артиллеріей, то потери нѣмцевъ были сравнительно не велики. Французская армія отступила къ Седану и здѣсь, два дня спустя, ее постигла жестокая, небывалая въ исторіи, катастрофа.

Утро 1-го сентября было туманное. Въ этотъ день на зарѣ король прусскій оставилъ Вендрессъ, гдѣ находилась его главная квартира послѣдніе три дня, и направился къ Седану; онъ расположился на одной возвышенности, непосредственно надъ городомъ и сохранилъ свою позицію въ теченіи цѣлаго дня. Туманъ былъ въ томъ отношеніи благопріятенъ для нѣмецкаго войска, что онъ позволилъ ему безпрепятственно приблизиться къ непріятелю и, главное, перейти черезъ Маасъ, который широко разливается у Седана въ озеро — въ этомъ

мѣстѣ и находится крѣпость—и затѣмъ описываетъ большую дугу на сѣверо-западъ. Мостъ желѣзной дороги изъ Мезьера въ Седанъ былъ разрушенъ французами. Самъ Седанъ лежитъ въ глубокой долинѣ, съ сѣвера и юга возвышаются значительные холмы, съ которыхъ видѣнъ городъ и внутренняя сторона укрѣпленій; на западъ и востокъ, по теченію рѣки, мѣстность низменная; вверхъ по теченію, долина съуживается, внизъ, напротивъ, расширяется въ равнину нѣсколько повышающуюся за Седаномъ. Городъ вытянутъ къ сѣверу и сливается въ этомъ направленіи съ форштатами и прилегающими къ нимъ деревнями, расположенными въ крутыхъ лощинахъ; вся мѣстность вообще чрезвычайно плодородна и густо населена. Городъ построенъ тѣсно, но обладаетъ весьма значительнымъ форштатомъ, множествомъ фабрикъ, красивыми церквами и великолѣпными магазинами. Крѣпость не имѣетъ никакого значенія; по своему положенію она, несмотря на то, что выстроена по системѣ Вобана, не можетъ защищаться противъ новыхъ орудій, а потому и не была вооружена должнымъ образомъ.

Планъ аттаки былъ весьма смѣлый. Съ востока нападеніе было произведено баварцами, саксонцами и прусской гвардіей, подъ начальствомъ наслѣднаго принца саксонскаго; съ запада — 5-мъ и 11-мъ прусскими корпусами, съ резервомъ изъ виртембергцевъ, подъ начальствомъ наслѣднаго принца прусскаго. Южная сторона была занята главнымъ образомъ баварской артиллеріей, обстрѣливавшей съ ранняго утра укрѣпленную переднюю часть Седанскаго моста. Цѣль нападавшихъ была соединиться на сѣверѣ, чтобы окружить такимъ образомъ французовъ со всѣхъ сторонъ, и эта цѣль была вполнѣ достигнута. Маневръ пруссаковъ въ этомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ непредвидѣнныя препятствія, встрѣчавшіяся при передвиженіяхъ, былъ выполненъ съ такою точностью, съ какою рѣдко удается маневрировать на учебномъ полѣ.

При этомъ случаѣ стратегики опять упрекали Мольтке, за его любовь къ слишкомъ искусственнымъ и сложнымъ маневрамъ; но въ военномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, окончательный судья есть успѣхъ, а успѣхъ до сихъ поръ постоянно говорилъ въ пользу Мольтке. Французы сначала думали, что имѣютъ дѣло только съ арміей наслѣднаго принца саксонскаго (какъ и вообще въ продолженіи всей войны они были худо извѣщаемы о движеніяхъ непріятеля) и дали сильный отпоръ баварцамъ, напавшимъ на деревню Базейль. Въ этой деревнѣ, состоящей изъ красивыхъ прямыхъ улицъ съ каменными домами и большою площадью съ богатымъ домомъ мэріи, происходило сраженіе значительную часть дня. Приходилось брать приступомъ отдѣльные дома, и здѣсь сами жители принимали участіе въ битвѣ, какъ нигдѣ до сихъ поръ; но это обстоятельство повлекло

за собою жестокія послѣдствія. Еще на третій день дымились развалины несчастной деревни и въ нѣкоторыхъ узкихъ переулкахъ можно было видѣть обгорѣлые трупы мужчинъ и даже женщинъ: надъ всѣмъ мѣстомъ распространялся отвратительный запахъ горѣлаго мяса.

Вслѣдствіе чрезвычайной близости бельгійской границы, французамъ оставался только одинъ путь на сѣверо-западъ; желая пробиться въ этомъ направленіи, французы дѣлали отчаянныя и геройскія усилія; три большія кавалерійскія аттаки возбудили даже удивленіе противника, но дѣло окончилось совершеннымъ истребленіемъ храбрецовъ, предпринявшихъ столь смѣлое дѣло. Французскую конницу постигла подъ Седаномъ 1-го сентября таже участь, какая выпала на долю прусскихъ гвардейскихъ улановъ 16-го августа, погибшихъ почти безъ исключенія въ аттакѣ на непріятельскую пѣхоту. Немногимъ французамъ удалось пробиться и спастись; пробивавшіеся черезъ прусскую линію были убиваемы съ тыла, по тѣмъ же, которые отступали, былъ открытъ артиллерійскій огонь; широкая песчаная площадь, на которой происходило дѣло, была буквально вымощена трупами людей и лошадей. Туманъ разсѣялся въ девятомъ часу и весь день небо было совершенно безоблачно. Предъ нами открылся на заднемъ планѣ красивый городъ Седанъ, съ церквами, фабриками, большими казармами (издали болѣе живописными, чѣмъ вблизи), красивыми домами. Передъ городомъ извивается блестящей лентой Маасъ. Веселыя деревеньки, утопающія въ зелени, прикрытыя на половину лѣсомъ, разбросаны по лощинамъ и на склонахъ горъ. Въ воздухѣ совершенная тишина. Длинныя линіи облаковъ дыма обозначаютъ повсюду позиціи сражающихся и даютъ возможность ясно различать ихъ движенія. Маленькія, бѣлыя облачка появляются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высоко въ воздухѣ разрываются французскія гранаты и, при совершенномъ безвѣтріи, по три и четыре такихъ облачка рядомъ долго висятъ въ воздухѣ. Громъ отъ орудій не очень оглушителенъ; митральёзы шумятъ на подобіе громадныхъ деревянныхъ трещетокъ, въ родѣ дѣтскихъ гремушекъ; этотъ гулъ и трескъ прерываются быстрыми залпами пѣхоты. Не такой, конечно, представляется картина вблизи. До зрителя не достигаютъ воинскіе крики сражающихся, хрипѣніе умирающихъ, стоны раненыхъ. На получасовомъ разстояніи ничего этого нѣтъ — такъ ничтоженъ человѣкъ даже и тамъ, гдѣ онъ себя считаетъ наиболѣе великимъ, гдѣ онъ напрягаетъ до послѣдней крайности свои силы и способности. Въ безконечномъ, торжественномъ покоѣ остается одна природа, не трогаясь бушеваніемъ своего совершеннѣйшаго, но кровожаднѣйшаго созданія — человѣка. Солнце пріятно грѣетъ, небо блеститъ синевой, лѣсъ такъ весело смотритъ и рѣка такъ спокойно течетъ, какъ будто не существуетъ на землѣ ни страстей, ни горя, ни радостей.

Исходъ сраженія былъ рѣшенъ уже въ половинѣ дня. Около 3-хъ часовъ наслѣдный принцъ прусскій явился къ своему отцу. Пушечная пальба стала слабѣе. Линія порохового дыма виднѣлась только вдалекѣ, на холмахъ, почти граничащихъ съ горизонтомъ, гдѣ гвардія и 5-й корпусъ только-что окончательно обошли французовъ. Съ ближайшихъ высотъ, лежащихъ непосредственно надъ городомъ, бѣжали внизъ, въ городъ, разстроенныя толпы побѣжденныхъ; на площадяхъ и улицахъ можно было распознать страшную давку. Какъ покончить дѣло? Послѣдовалъ приказъ обстрѣливать городъ, который до сихъ поръ щадили, и семь баварскихъ батарей принялись за это дѣло. Тогда французы выставили парламентерскій флагъ и начали переговоры съ баварскими генералами Майлингеромъ и Ботмеромъ, стоявшими ближе другихъ къ укрѣпленіямъ. Когда объ этомъ донесено было королю, то онъ сейчасъ же потребовалъ парламентеровъ къ себѣ. Въ городъ былъ отправленъ офицеръ для переговоровъ съ императоромъ Наполеономъ, который тамъ находился, и часъ спустя появился генералъ Рейль съ извѣстнымъ письмомъ императора къ королю Вильгельму. По прочтеніи письма, прежде чѣмъ дать письменный отвѣтъ, король долго совѣщался. Положеніе было затруднительное, потому что императоръ не былъ главнокомандующимъ надъ войсками и слѣдовательно не могъ входить ни въ какія соглашенія. Личное же плѣненіе императора Наполеона не имѣло никакой цѣны, даже скорѣе усложняло дѣло, потому что можно было предвидѣть, что послѣ паденія императора наступитъ во Франціи неопредѣленное состояніе, что послѣ императора не будетъ никакого правительства достаточно сильнаго, съ которымъ можно было бы заключить миръ и получить гарантію въ исполненіи его условій. Вскорѣ дѣйствительно и оказалось, что императоръ могъ переговариваться только о себѣ лично, хотя генералъ Рейль и отвѣчалъ на заданный ему вопросъ: начальствуетъ ли надъ войскомъ самъ императоръ?—что онъ точно также начальствуетъ надъ своими войсками, какъ король прусскій надъ своими. Генералы однако отказались ему повиноваться, и Вимпфенъ, недавно прибывшій изъ Африки и принявшій главную команду отъ раненаго Макъ-Магона, объявилъ, что онъ не желаетъ капитулировать. Довольно сильное раздраженіе господствовало въ прусскомъ лагерѣ, потому что въ переговорахъ прошло нѣсколько часовъ, тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ, и сраженіе приходилось отложить до слѣдующаго дня. Высказывалось даже подозрѣніе, что императоръ Наполеонъ разыгралъ эту комедію, чтобы выиграть время для своей арміи. Но въ дѣйствительности это не такъ. На другой день утромъ, императоръ съ полдюжиной адъютантовъ и безчисленными экипажами оставилъ Седанъ и остановился въ близлежащемъ мѣстечкѣ Доншери, гдѣ онъ вѣроятно надѣялся найти короля (это мѣстечко первоначально назначалось для квартиры

короля, но онъ вернулся въ свою прежнюю главную квартиру, въ Вендрессъ). Здѣсь, у предпослѣдняго дома въ Доншери (принадлежащаго одному ткачу, по имени Фурнезу) сидѣлъ Наполеонъ, день въ день черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ совершилъ «крещеніе огнемъ» надъ своимъ сыномъ, подъ Саарбрюкеномъ, долженствовавшее утвердить Наполеонидовъ на тронѣ Франціи. Здѣсь сидѣлъ онъ на плетеномъ стулѣ, блѣдный, утомленный, задумчивый. Портреты, познакомившіе весь міръ съ его наружностью, не вполнѣ вѣрно передаютъ ее. Черты лица императора хотя и рѣзки, въ особенности его большой носъ, но ихъ скрадываетъ поблеклый цвѣтъ его лица, обвислыя щеки и усы пепельнаго цвѣта. Этому способствуетъ также и костюмъ, который носитъ императоръ: кепи съ широкимъ позументомъ и красная подкладка шинели на широкихъ отворотахъ. Но императоръ вовсе не былъ такъ болѣзненъ на видъ, какъ о томъ извѣщали газеты. Движенія его, когда онъ вставалъ, были быстры и легки. Его генералъ-адъютанты сидѣли просто на землѣ, на небольшомъ косогорѣ; домикъ стоитъ нѣсколько выше шоссе, и чтобы къ нему пройти, нужно подняться на нѣсколько шаговъ вверхъ по тропинкѣ. По шоссе въ эту минуту тянулся длинный обозъ, сопровождаемый солдатами; извѣстіе, что здѣсь сидитъ императоръ, передавалось отъ переднихъ повозокъ къ слѣдующимъ, и тысячи солдатъ имѣли случай видѣть въ послѣдній разъ это внезапно павшее могущество.

Какъ только графъ Бисмаркъ былъ извѣщенъ въ Доншери о прибытіи императора, онъ тотчасъ же отправился къ нему и имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ, въ теченіи котораго императоръ Наполеонъ курилъ папиросы безостановочно; вслѣдъ за Бисмаркомъ явился Мольтке и другіе офицеры. Съ императоромъ и его свитой обходились съ большимъ вниманіемъ. Но король не пріѣзжалъ, и Наполеонъ, прождавъ его часа три, отправился со своей свитой, въ сопровожденіи прусскихъ кирасиръ, въ виллу Бельвю, находящуюся между Доншери и Седаномъ, куда нѣсколько часовъ спустя прибылъ король.

Паденіе Наполеона III совершилось еще быстрѣе и ужаснѣе, чѣмъ паденіе Наполеона I. Немного мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ его власть была наиторжественнѣйшимъ образомъ санкціонирована плебисцитомъ. Этого мало, у него не было ни одного опаснаго соперника. Партія легитимистовъ такъ слаба, что она сама больше не вѣритъ въ возможность возстановленія легитимистской монархіи; принцы орлеанскаго дома, хотя и сдѣлали все, что могли, чтобы напомнить о себѣ французамъ и лично пользуются ихъ уваженіемъ, но совершенно неизвѣстны массѣ, да кромѣ того вредятъ имъ воспоминанія о безславномъ паденіи Луи-Филиппа. Что касается республиканцевъ, то на словахъ въ настоящее время во Франціи ихъ довольно, но на дѣлѣ также мало, какъ въ 1848 году; да притомъ, достигнувъ власти, они снова

какъ и въ 1848 г., раздѣлятся на партіи. Императоръ былъ достаточно силенъ для подавленія возстанія въ Парижѣ, и что касается неудовольствія арміи, выразившагося вотированіемъ солдатъ противъ плебисцита,—то оно не опасно до тѣхъ поръ, пока надежны генералы; а у этихъ послѣднихъ не было причины къ разрыву съ Наполеономъ, осыпавшимъ ихъ почестями и деньгами. Наконецъ, огромное и невѣжественное большинство населенія было, въ сущности, довольно правленіемъ императора, и даже теперь, когда такая значительная часть французской земли занята нѣмецкими войсками, крестьяне проклинаютъ войну, а вмѣстѣ съ ней, правда, и императора,—но слышатся сужденія, что императоръ въ свое время сдѣлалъ много хорошаго для страны.

Если при всемъ этомъ Наполеонъ считалъ необходимымъ, для упроченія своего положенія, прибѣгнуть къ войнѣ, то вѣроятно положеніе дѣлъ во Франціи было не таково, какимъ представлялось со стороны. И дѣйствительно, стоило только посмотрѣть на дѣло поближе, чтобы въ этомъ убѣдиться. Французы имѣютъ несчастіе поклоняться успѣху болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. Занятые побѣдами и завоеваніями, они допустили сначала образоваться имперіи, простили ей угнетеніе свободы, но требовали постоянно новыхъ зрѣлищъ, новой пищи для ихъ стремленій къ славѣ. Наполеонъ служилъ этимъ невыгоднымъ страстямъ французскаго народа, онъ даже развивалъ ихъ; но толкнуть камень съ горы легче, нежели остановить его потомъ на пути.

На послѣднее роковое рѣшеніе императора повліяло еще одно обстоятельство. Онъ самъ не можетъ отрицать, что послѣдніе годы его правленія были менѣе блестящи, чѣмъ первые. Ряды приверженцевъ его рѣдѣли; самые преданные, дѣятельные и интеллигентные люди имперіи умерли, молодое поколѣніе состояло изъ ничтожныхъ личностей. Снова подтвердилось то, что́ показали царствованія Людовика XIV и Наполеона I, именно, что деспотическое, и особенно основанное на военной славѣ правленіе мало-по-малу пожираетъ интеллигенцію страны, и затѣмъ неизбѣжно погибаетъ само. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выборъ императора орудій своей власти былъ все менѣе и менѣе удаченъ: такіе люди, какъ Грамонъ, Бенедетти или Олливье, лишатъ хоть какое правительство довѣрія; всѣ вмѣстѣ они представляли такую массу бездарности, которая привела бы къ погибели самое цвѣтущее государство. Положенію Наполеона сильно повредило далѣе постоянно возрастающая непопулярность его жены, которая не могла ничего хуже придумать, какъ пріютить у себя и поддерживать свою прежнюю повелительницу, королеву Изабеллу.

Наполеонъ не могъ не сознавать всего этого, и потому обратился къ такому средству, которое одно могло бы его спасти: къ войнѣ съ Германіей. Онъ ясно высказалъ, что слѣдуетъ волѣ народа, и былъ правъ, если считать сенатъ и законодательное собраніе представителями народа, но онъ забылъ, что сенатъ лишенъ былъ имъ же всякой

независимости, а законодательное собраніе избрано подъ сильнымъ правительственнымъ давленіемъ, и потому не можетъ считаться истиннымъ народнымъ представительствомъ. Всѣ были согласны только въ одномъ, что для спасенія имперіи императору нуженъ рядъ побѣдъ и ни единаго пораженія. Но, несмотря на всѣ эти предположенія, нельзя было предвидѣть такого поворота въ настроеніи, такого полнаго паденія династіи, какое произошло. Со времени Вёрта и Спикерена, гдѣ два лучшихъ французскихъ генерала были побиты превосходной силой и превосходной храбростью противника,—имперія на дѣлѣ перестала существовать. Объ императорѣ никто не заботился, только придворный журналъ продолжалъ приводить его имя; онъ сдѣлался почти плѣнникомъ своихъ генераловъ, которые, сверхъ того, считали его безполезнымъ бременемъ въ своихъ лагеряхъ. Императрица пыталась разыгрывать роль, которая ей давно уже мерещилась. По мѣрѣ того, какъ она пріобрѣтала (возраставшее и въ высшей степени губительное) вліяніе на своего состарѣвшагося мужа, она вообразила себя способной также управлять государствомъ. Попытка привела къ жалкому результату. Объ императрицѣ заботились также мало, какъ и объ императорѣ, она не нашла ни одного солдата, ни одного приверженца, который бы помогъ ей удержать династію отъ паденія. Императрица можетъ считать себя счастливой, что ей съ сыномъ удалось благополучно выбраться изъ Франціи. Наполеоновская фамилія не обладаетъ качествами, которыя могли бы возбудить къ нимъ симпатію, какъ внутри Франціи, такъ и внѣ ея. Катастрофа, свергнувшая ее въ теченіи нѣсколькихъ недѣль (хотя и издавна подготовленная), какъ всякая крупная перемѣна счастья производитъ, конечно, сильное впечатлѣніе. Но къ этому чувству примѣшивается другое, влекущее за собой нѣсколько унизительный вопросъ, а именно, какъ могло случиться, что этотъ императоръ двадцать лѣтъ сряду игралъ столь выдающуюся роль въ Европѣ, что отъ него зависѣла война и миръ и что большинство правительствъ спѣшило удовлетворять всякую его претензію. Суровый приговоръ произнесетъ исторія надъ большинствомъ государственныхъ людей и дипломатовъ, начиная съ 1850 года, за роль, которую они играли относительно имперіи, такъ какъ на ряду съ счастьемъ, которымъ отличались первые годы царствованія Наполеона, слабость и разъединенность европейскихъ дипломатовъ облегчали ему его интриги.

Но возвратимся къ разсказу. Генералъ Вимпфенъ дѣйствительно не хотѣлъ сдаваться, и ему дали время на размышленіе до двухъ часовъ пополудни, по истеченіи котораго должны были начаться снова непріязненныя дѣйствія.

Со всѣхъ сторонъ слышался шумъ скачущихъ галопомъ баттарей и снарядныхъ ящиковъ, король со своей свитой уже снова занялъ одну изъ высотъ—когда явился Мольтке и передалъ заключенную съ

Вимпфеномъ капитуляцію, по которой вся находящаяся въ Седанѣ армія кладетъ оружіе, всѣ военные запасы сдаются побѣдителю, офицеры отпускаются на честное слово не принимать участія въ войнѣ противъ Германіи, унтеръ-офицеры и солдаты отправляются въ Германію. Въ руки побѣдителя достались 80,000 нераненыхъ плѣнныхъ, 10,000 раненыхъ, 10,000 лошадей, 400 орудій и громадное количество военныхъ запасовъ. Если присоединить къ сдавшимся на капитуляцію еще тѣхъ, которые были убиты, ранены или взяты въ плѣнъ въ сраженіи при Бомонѣ 30-го августа и подъ Седаномъ 1-го сентября, а также бѣжавшихъ за бельгійскую границу, то оказывается, что армія Макъ-Магона 30-го числа состояла изъ 150,000 человѣкъ, а 1-го, передъ сраженіемъ, имѣла еще около 140,000; объяснить себѣ, что такая армія не могла пробиться, можно только или большимъ упадкомъ духа, или необычайнымъ замѣшательствомъ военачальниковъ. Послѣ сраженія, когда разбитыя французскія войска были загнаны въ городъ, невозможно конечно было и думать пробиться, потому что союзники имѣли столь выгодную позицію, что могли буквально разгромить французскую армію.

Послѣ того, какъ королю была вручена капитуляція, онъ отправился со своей свитой въ упомянутый замокъ Бельвю, гдѣ былъ встрѣченъ императоромъ. Продолжительный разговоръ ихъ происходилъ безъ свидѣтелей—даже наслѣдный принцъ оставался въ сосѣдней комнатѣ. На Наполеона такъ глубоко подѣйствовала эта встрѣча, что при прощаніи онъ утиралъ навернувшіяся на глазахъ слезы, король былъ также сильно взволнованъ. Наполеонъ провелъ еще вечеръ и ночь въ этомъ маленькомъ замкѣ, который навѣрно сдѣлается цѣлью для туристовъ, и уѣхалъ затѣмъ въ сопровожденіи генерала ф. Бойена и прусской эскорты, черезъ Бельгію въ замокъ Вильгельмсгёе близъ Касселя, который ему отвели для первоначальнаго пребыванія.

Кто полагалъ, что сдача Седана будетъ особенно праздноваться побѣдителями, тотъ ошибся. Прусскій король ни разу не посѣтилъ города, нѣмецкія войска не вступали въ него, пока не выступили французскія. Только у воротъ стояли баварскіе полки, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы никто изъ солдатъ не удержалъ тайкомъ оружія при себѣ, даже кирасиры принуждены были снимать кирасы, при чемъ они по просту, безъ затѣй, кидали ихъ на улицу, на которыхъ кромѣ того свалены были въ безпорядкѣ сабли, палаши, ружья, карабины. И все это исчезало въ грудахъ грязи, покрывавшей улицы и произведенной 100,000 войска и конницей. Отъ 2 сентября утромъ, когда была подписана капитуляція до 3-го вечера, городъ оставался безъ начальства. Офицеры, правда, получили приказаніе ввести туда свои полки, но немногіе это сдѣлали. Возлѣ и позади выравненныхъ рядовъ плѣнныхъ, масса народа стремилась черезъ узкіе ворота. Никакихъ приказаній не слушались, люди толпились у воротъ, словно притягиваемые маги-

ческой силой. Солдаты получили, наконецъ, деньги и провіантъ. Тамъ и сямъ, въ немногихъ открытыхъ лавкахъ солдаты пытались запастись провизіей для предстоящаго имъ плѣна. Многіе напились пьяны и валялись, какъ трупы, на тротуарахъ вдоль стѣнъ. Товарищи напрасно пытались прибрать ихъ. 400 пушекъ, 10,000 лошадей достались въ добычу побѣдителямъ; въ числѣ лошадей были превосходныя, принадлежавшія африканскимъ стрѣлкамъ и кирасирамъ. Всѣ эти лошади были собраны на лугу передъ городскими воротами, и вначалѣ всякій бралъ ту лошадь, какую ему вздумается; только позднѣе возстановился нѣкоторый порядокъ и различные полки пополнили свой комплектъ лошадей.

При серьезномъ обсужденіи, положеніе Франціи послѣ сдачи Седана было отчаянное. Французская армія, которую Наполеонъ выставилъ въ поле, болѣе не существовала, потому что та часть ея, которая не пала на полѣ битвы, не была ранена или взята въ плѣнъ, — была отрѣзана въ Метцѣ. (Гарнизоны Страсбурга, Бича и Туля слишкомъ незначительны, чтобы идти въ разсчетъ, да притомъ они точно также были отрѣзаны.) Гарнизонъ Метца, т.-е. вся армія Базена не предпринимала никакихъ дѣйствій послѣ 18 августа, очевидно въ томъ разсчетѣ, что Макъ-Магонъ вскорѣ подоспѣетъ къ ней на выручку. Такъ какъ этого не случилось, или быть можетъ потому, что срокъ, условленный между двумя фельдмаршалами, уже наступилъ, Базенъ попытался сдѣлать вылазку 31-го, и стычки съ осаждающей арміей длились всю ночь и весь слѣдующій день, съ крайней яростью, но безуспѣшно: ему не удалось прорвать желѣзнаго кольца, замыкавшаго его. Съ той минуты, какъ не удалась эта попытка, капитуляція арміи Базена становилась простымъ вопросомъ времени, потому что, какъ бы ни были велики запасы провіанта въ Метцѣ, ихъ не можетъ хватить на долгое время для 100,000-ной почти арміи и многочисленнаго населенія, увеличившагося еще наплывомъ бѣглецовъ изъ департамента. Осада Метца, конечно, отвлекала значительную часть войска, но это не ослабляло наступательной арміи, потому что она постоянно пополнялась резервными батальонами и ландверомъ; при чемъ все болѣе и болѣе выказывалось, какой неистощимый источникъ вполнѣ обученыхъ солдатъ доставила войнѣ введенная въ 1866 г. во всей Германіи система поголовной воинской повинности.

Напротивъ того, французская армія не имѣла больше ни одного свѣжаго армейскаго корпуса, за исключеніемъ немногихъ полковъ, прибывшихъ изъ Рима и вокругъ которыхъ сгруппировалась подвижная гвардія и другія иррегулярныя войска, организаціей и обученіемъ которыхъ занялись лишь послѣ того, какъ началась война; вѣрнѣе даже сказать послѣ того, какъ нанесены были первыя пораженія; эти войска не были даже вооружены шасспо. Совсѣмъ тѣмъ въ нѣмецкомъ лагерѣ могли опасаться народнаго возстанія. Но въ завоеванныхъ провин-

ціяхъ настроеніе умовъ оказалось мирное, даже, можно сказать, индифферентное. Конечно, строгія наказанія, какія полагаются въ военномъ кодексѣ за всякія враждебныя дѣйствія противъ непріятельской арміи, со стороны населенія, были пущены въ ходъ; но озлобленный народъ никогда не можетъ быть ими устрашенъ. Между тѣмъ во Франціи, за немногими исключеніями, до сихъ поръ не замѣтны были подобныя проявленія. Самое развѣ большое, что перерѣзывали телеграфную проволоку, а сообщенія въ тылу арміи были такъ мало затруднительны до сихъ поръ, что почтовый курьеръ день и ночь разъѣзжалъ одинъ, безъ всякаго конвоя или съ весьма слабымъ конвоемъ, по мѣстностямъ, гдѣ не видать было ни единаго нѣмецкаго солдата. Даже при перемѣщеніяхъ главной квартиры королю случалось проѣзжать пять, шесть миль, иногда черезъ густой лѣсъ въ открытой коляскѣ и безъ всякаго другого конвоя, кромѣ небольшого числа кавалеристовъ.

Послѣ Седана вся армія снова направилась на юго-западъ и послѣ двухъ усиленныхъ переходовъ главная квартира короля перенесена была въ Реймсъ, старинный городъ, гдѣ короновались французскіе короли, городъ, въ которомъ почти 70,000 жителей. Французы первоначально намѣревались защищать Реймсъ. Они провели вокругъ города длинную линію шанцевъ, снабдили городской валъ бойницами, жители приглашались къ дѣятельной оборонѣ, но вдругъ все перемѣнилось: войска, находившіяся тамъ, и власти покинули городъ, который остался безъ защиты и непріятельская армія вступила въ него, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Одинъ только выстрѣлъ раздался изъ одной кофейни близъ королевской площади и домъ хотѣли срыть въ наказаніе, но короля просили о помилованіи, и домъ былъ пощаженъ.

Король въѣхалъ въ городъ въ открытой коляскѣ и поселился въ архіепископскомъ дворцѣ, рядомъ съ соборомъ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, которые занимали французскіе короли, когда пріѣзжали короноваться. Самая большая достопримѣчательность Реймса, это—его соборъ, колоссальное зданіе, заложенное еще въ одиннадцатомъ столѣтіи; но башни его не окончены и по сіе время, какъ башни большинства готическихъ церквей. Еще древнѣе собора, церковь Сен-Реми, построенная, какъ гласитъ преданіе, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился Хлодвигъ, король Франковъ. Рядъ реймскихъ епископовъ восходитъ до VI столѣтія.

Всякій, кто только могъ, посѣтилъ въ это время Шалонскій лагерь, отстоящій отъ города на разстояніи 36 километровъ. Лагерь этотъ, конечно, давно знакомъ изъ описаній; но все же стоило его видѣть, тѣмъ болѣе, что можно было осмотрѣть и императорскую квартиру. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ одноэтажныхъ павильоновъ, среди которыхъ расположенъ тотъ павильонъ, гдѣ жили императоръ и императрица

когда посѣщали лагерь; направо находится павильонъ, гдѣ расположена столовая, на лѣво павильонъ съ маленькими комнатами, предназначенный для приближенныхъ императорской фамиліи. Позади этихъ трехъ большихъ и образующихъ какъ бы одно цѣлое павильоновъ, идетъ рядъ маленькихъ домиковъ, гдѣ жили придворныя дамы. Направо и налѣво безчисленные домики для прислуги, кухни, прачешныя и проч. Между отдѣльными домиками посажены сосны, что нѣсколько смягчаетъ однообразіе цѣлаго. Далѣе расположены жилища придворнаго штата императора и, наконецъ, передъ большимъ павильономъ, походная церковь. Убранство императорскаго павильона довольно роскошно и вмѣстѣ — изящно: тяжелые ковры, шелковыя занавѣсы, мраморные камины, дорогія зеркала. Солдаты, приходившіе въ лагерь, не всегда почтительно обращались съ мебелью и зеркалами, но порывы разрушительной ярости оставались одиночными.

Отъ императорской квартиры тянутся во всѣхъ направленіяхъ казармы и лагерныя палатки. Казармы—весьма хорошо устроенные дома, образующіе длинныя, совсѣмъ прямыя улицы, названія которыхъ заимствованы по большей части изъ итальянской кампаніи. Къ казармамъ прилегаетъ значительное селеніе Большой-Мурмелонъ, почти все состоящее изъ гостинницъ и кофеенъ. Здѣсь есть также императорскій театръ и два бальныхъ помѣщенія. Селенію этому, существованіе котораго обусловливалось лагеремъ, грозитъ окончательная гибель, потому что, весьма вѣроятно, это наполеоновское твореніе, которое къ тому же собственно вовсе и не лагерь, исчезнетъ съ лица земли также быстро, какъ и появилось.

Пребываніе короля въ Реймсѣ вслѣдствіе медленнаго хода военныхъ операцій продолжается уже довольно долго; время наполнялось дипломатическими занятіями, которыя собственно нельзя назвать переговорами, потому что оффиціально ничего не происходило. Положеніе нѣмецкаго правительства дѣйствительно оказалось неудобнымъ въ томъ отношеніи, что ему не съ кѣмъ было вести переговоровъ о мирѣ. Парижское правительство, созданное текущими событіями, не получило еще народной санкціи. Признаннымъ властителемъ Франціи здѣсь является до сихъ поръ императоръ Наполеонъ, но онъ не можетъ, какъ плѣнный, заключать никакихъ обязательныхъ для Франціи условій; легальными представителями власти считаются: — регентство, установленное императоромъ (но которое событія устранили уже со сцены) и маршалъ Базенъ, какъ главнокомандующій арміей; по всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ человѣкъ будетъ еще играть весьма важную роль въ послѣдующихъ событіяхъ; но гаданія — не моя спеціальность...

—РЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Патріотизмъ доморощенныхъ «мамелюковъ», и наши нѣмцеѣды.—Значеніе новаго прусскаго могущества для нашей внутренней политики. — Парижскій трактатъ и Черное море.—Настоящее положеніе остзейскаго вопроса.—Русская семинарія въ Ригѣ. — Открытіе юридическаго лицея въ Ярославлѣ. — Вопросъ о расходахъ на народное образованіе въ псковскомъ земскомъ собраніи. — Показаніе о церковныхъ школахъ въ екатеринославскомъ земскомъ собраніи. — Что сдѣлало военное вѣдомство для дѣла грамотности и для реальнаго образованія?—Реальное знаніе — сила. — Новый силлогизмъ классицизма, и вѣсти изъ Кіева.

Война Германіи съ Франціею продолжаетъ преподавать намъ всяческіе уроки. Она продолжаетъ учить насъ, что сила государства на бумагѣ можетъ быть великая, а въ дѣйствительности — малая; что централизація сама по себѣ, какъ бы она сильна ни была, еще не есть сила; что патріотизмъ, который стараются развить и у насъ доморощенные «мамелюки», не только не есть сила, но и представляетъ серьёзную опасность, включая въ себя вмѣстѣ и самообольщеніе насчетъ своихъ средствъ, и стремленіе къ насилію, то-есть вмѣщаетъ одновременно и нерасположеніе къ серьезной работѣ надъ внутреннимъ развитіемъ, и увлеченіе мечтами, которыя, при нерадѣніи къ внутреннему развитію, никогда осуществлены быть не могутъ.

Таковы уроки, которые напоминаетъ намъ настоящая борьба съ самаго своего начала. Будемъ надѣяться, что они не пропадутъ для насъ безслѣдно. Не только французскому, но и русскому обществу мы искренно желаемъ убѣдиться прочнымъ образомъ, что настоящее пораженіе Франціи не есть дѣло случая, результатъ какихъ-либо неудачныхъ стратегическихъ распоряженій, точно также какъ и наше пораженіе подъ Севастополемъ не было дѣломъ одного случая, или частныхъ ошибокъ военачальниковъ. Французское общество должно будетъ убѣдиться теперь, что для націи недостаточно считать и провозглашать себя великою, толковать о своемъ необыкновенномъ призваніи въ судьбахъ міра и называть свою почву священною (le sol sacré de

la France) для того, чтобы все это сдѣлалось правдою само собой, въ виду именно горячности однихъ патріотическихъ чувствъ. Никакого призванія нѣтъ, пока нѣтъ соотвѣтствующей ему степени развитія, а почва отчизны хотя и будетъ священною для патріота, но важнѣе всего, чтобы она была неприкосновенна для врага.

Замѣчательно, что то самое время, когда оказывается вся несостоятельность шовинизма, наши шовинистскіе органы находятъ какъ будто особенно удобнымъ для усугубленія своей проповѣди, своихъ призывовъ къ «укрѣпленію національнаго самосознанія», къ безпрерывному произношенію русскими гражданами слова «патріотизмъ», и вообще ко всякимъ мѣрамъ самовозбужденія. Это напоминаетъ примѣръ того индуса, котораго іезуитъ училъ ежедневно повторять одну молитву тридцать три раза, а буде есть время и трижды тридцать три раза, такъ какъ все дѣло въ частомъ призывѣ благодати. Индусъ написалъ эту молитву на лоскуткѣ бумаги и приклеилъ его къ колесу, которое, вращаясь дѣйствіемъ воды, преподносило эту молитву кверху несчетное число разъ въ день, дѣйствуя безостановочно. Послушайте, что вѣщаютъ теперь «Московскія Вѣдомости» и «Голосъ»: они только и твердятъ, что въ русскомъ обществѣ будто бы слово «патріотизмъ» недостаточно употребительно, и, повидимому, полагаютъ, что вся сила въ томъ, чтобы это слово произносилось какъ можно чаще. Какъ будто дѣло въ словахъ! Какъ будто французы недостаточно отличались именно тою приверженностью къ «священнымъ» словамъ и тою вѣрою въ благодать словъ, какую хотѣли бы привить и къ русскому обществу наши отводчики глазъ! Да если бы только за этимъ было дѣло, то пусть наклеютъ слово патріотизмъ на крылья всѣхъ вѣтряныхъ мельницъ, пусть на каждомъ перекресткѣ поставятъ колоссальныя мачты съ національнымъ флагомъ и пусть все это вѣчно движется и развѣвается; но все это было бы не дурно, еслибъ нашими противниками были воробьи.

Послушайте, чѣмъ объясняютъ «Моск. Вѣд.» политическіе успѣхи Пруссіи: 1) что въ Пруссіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы не одобрялъ воззрѣнія и дѣйствія правительства относительно Познани, Голштиніи, Ганновера, Лотарингіи и Эльзаса; 2) что такое свое сочувствіе пруссаки *смѣютъ* (иронія) называть *патріотизмомъ*; 3) что въ Пруссіи ни въ службѣ, ни въ семьѣ, ни въ харчевнѣ не было бы мѣста человѣку, который высказалъ бы мнѣніе, что не слѣдуетъ покореннымъ народамъ навязывать свои законы; 4) что пруссаки не боятся иностранныхъ газетъ, а спокойно полагаются на свои *«три милліона ружей и тысячи школъ* (sic!), *гдѣ сынъ сапожника и сынъ графа Бисмарка прежде всего учатся тому, что Пруссія есть первая нація міра (курсивъ подлинника»).*

Эту путаницу поверхностныхъ понятій, напоминающую измышле-

нія французскихъ публицистовъ «Figaro» на счетъ Пруссіи наканунѣ нынѣшней войны, не мѣшаетъ разобрать, какъ она ни пуста и безсодержательна. Тутъ дѣло идетъ объ интересѣ весьма важномъ: хотятъ запутать нашу общественную мысль, представить ей, что тому самому шовинизму, который привелъ Францію на край гибели, Пруссія именно и обязана своими необыкновенными успѣхами. Передернуть лишній разъ—для московскихъ полемистовъ ничего не значитъ. Къ шовинизму, пораженному во Франціи, они прицѣпляютъ прусскую пломбу и, самоувѣренно показывая намъ подмѣненный товаръ, хотятъ увѣрить насъ, что именно этотъ шовинизмъ, то-есть національное чванство, бездѣльное презрѣніе къ другимъ народамъ, глупое самообольщеніе своимъ несравненнымъ величіемъ—этотъ-то шовинизмъ будто бы и создаетъ все могущество Пруссіи. Такая новая безцеремонная попытка обратить мысли русскаго общества въ безплодную область, отвративъ ея отъ исправленія нашихъ недостатковъ, отъ заботы на пользу развитія мысли, должна быть разоблачена въ самомъ началѣ.

Если главная причина успѣховъ Пруссіи состоитъ въ томъ, что въ Пруссіи «нѣтъ ни одного человѣка», который бы не одобрялъ германизацію прусскихъ областей и захватъ новыхъ областей для германизаціи, то почему же потерпѣла пораженіе Франція, въ которой не только не было «ни одного человѣка», не одобрявшаго офранцуженія, но и самого этого вопроса даже вовсе не существовало, а было уже завершенное, полное національное единство? А въ Пруссіи, наоборотъ, давно ли тамъ «нѣтъ ни одного человѣка», который бы одобрялъ присоединеніе Ганновера и вообще захваты? Справьтесь съ исторіею не далѣе какъ 1865 — 1866 годовъ и увидите, что въ самой прусской палатѣ большинство было противъ насильственнаго объединенія. И будто такое дисциплинированное безусловное одногласіе существуетъ въ Пруссіи и теперь по отношенію къ Эльзасу и Лотарингіи? А прусскія газеты, которыя совѣтовали воздержаться отъ присоединеній? А Якоби, сосланный тѣмъ самымъ правительствомъ, съ которымъ въ Пруссіи будто всѣ до единаго согласны въ этомъ вопросѣ?

Совсѣмъ другое мы видѣли во Франціи. Тамъ именно не только не было разногласія по вопросу о средствахъ или формѣ національнаго объединенія—но и самого вопроса этого уже вовсе не было, такъ какъ онъ давно рѣшенъ. А все-таки побѣдила не Франція Пруссію, а Пруссія Францію; мало того: единую, централизованную, въ смыслѣ полицейскомъ и «Московскихъ Вѣдомостей», отлично дисциплинированную Францію, побѣдила Германія не объединенная, не централизованная, съ окраинами далеко еще не вполнѣ германизированными, Германія раздѣленная религіею и исторіею.

Если пруссаки не боятся толковъ иностранныхъ газетъ, то вовсе

не отъ того, что они воспитывались на теоріи «закидыванья шапками», а оттого, что у нихъ собственныя газеты могутъ говорить всю правду. Кто можетъ бояться огласки иностранныхъ газетъ? Только администраторы во вкусѣ «Московскихъ Вѣдомостей», которые не умѣютъ управлять иначе, какъ съ помощью военнаго положенія. Тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о своей, мѣстной гласности, а потому и остается бояться только, чтобы иностранныя газеты не сдѣлали «скандала», то-есть огласки. А тамъ, гдѣ есть своя, полная гласность, тамъ чего же бояться иностранныхъ газетъ?

Пруссія дѣйствительно и не боялась иностранныхъ газетъ. А кто ихъ боялся? Мы боялись ихъ до Севастополя, и вторая имперія во Франціи боялась ихъ. Всякій французскій префектъ имѣлъ причины бояться и запрещать ихъ, а болѣе всѣхъ имѣлъ на то причинъ генералъ-губернаторъ Алжиріи, то-есть именно той единственной окраины, которая управлялась на военномъ положеніи. Такихъ окраинъ у Пруссіи не было.

Что Пруссія спокойно полагалась на свои три милліона ружей и на свои тысячи школъ, гдѣ сынъ сапожника и сынъ графа Бисмарка учились вмѣстѣ — это было совершенно справедливо и нынѣшнія событія доказали всю основательность такой увѣренности. Но причина успѣха здѣсь опять-таки въ томъ, что на лицо было не вѣчное повтореніе слова патріотизмъ, а настоящіе милліоны ружей, исподоволь приготовленные, и еще въ томъ, что сынъ сапожника и сынъ графа Бисмарка *учились*, въ самомъ дѣлѣ учились, а не въ томъ, будто въ тысячахъ прусскихъ школъ прежде всего учатся только, что *Пруссія есть первая нація въ мірѣ*. Никогда этому не учили прусскія школы, и никогда такое глупое ученье, рекомендуемое намъ «Московскими Вѣдомостями», не стало бы причиною великихъ успѣховъ Пруссіи. Другое дѣло — во Франціи; тамъ все общество дѣйствительно воспиталось въ мысли, что Франція есть первая нація въ мірѣ — и вотъ полюбуйтесь, къ какому результату привелъ Францію — а не Пруссію — этотъ «патріотизмъ» особаго рода, это самовосхваленіе, самообольщеніе и стремленіе къ непризнанію, къ подавленію чужого, къ насилію, однимъ словомъ тотъ самый «патріотизмъ», которымъ такъ желаютъ наши московскіе и петербургскіе шовены заразить и русскую общественную мысль, что имъ, къ сожалѣнію, отчасти и удавалось, но на короткое время, и только благодаря внутренней смутѣ и возбужденному состоянію общества.

Благодаря неопредѣленности и разнымъ условіямъ, весьма существенно касающимся ея дѣятельности, наша печать все еще далеко не удовлетворяетъ истинному назначенію печати, которое состоитъ въ выработкѣ серьёзной, возмужалой, критически-относящейся къ похотямъ и мечтамъ общественной мысли. До сихъ поръ печать наша слу-

жить органомъ не самой общественной мысли, а преимущественно — крайностямъ этой мысли, поверхностнымъ стремленіямъ и не критическимъ, а какимъ-то инстинктивнымъ желаніямъ, проявляющимся въ обществѣ. Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что *всѣ* крайности находятъ себѣ въ нашей печати равное выраженіе. Но, тѣмъ неменѣе, печать, не обставленная серьезными гарантіями, и самымъ дѣломъ не можетъ заниматься серьезно, а больше всего любитъ преподносить читателямъ разныя пряности, возбуждающія вкусъ. И чѣмъ менѣе серьезно и раціонально, чѣмъ поверхностнѣе какое-либо направленіе, сказывающееся въ части общества, наконецъ, чѣмъ грубѣе проявляющійся въ части его инстинктъ—тѣмъ неизбѣжнѣе и тѣмъ полнѣе это отражается въ несерьезной, поверхностной, практикующей по части пряностей, печати.

Одно изъ такихъ нераціональныхъ расположеній или инстинктовъ въ части нашего общества—ненависть и презрѣніе къ нѣмцамъ. Есть люди, которые сами, хорошенько не зная почему, терпѣть не могутъ нѣмцевъ. Другимъ все нѣмецкое кажется смѣшно и самое слово «нѣмецъ» соединяется въ ихъ умѣ съ понятіемъ о чемъ-то смѣшномъ. Что можетъ быть страннѣе и нераціональнѣе такого отвращенія или презрѣнія къ цѣлой націи, какимъ именно страдало французское общество при имперіи, знавшее о нѣмцахъ только одно, что они пьютъ много пива? Теперь только горькимъ опытомъ Франція узнала, что нѣмцы замѣчательны не по одному тому обстоятельству, и вѣроятно сожалѣютъ теперь о своемъ патріотическомъ невѣжествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, прилично ли печати, призванной именно вырабатывать серьезно общественную мысль, заражаться такимъ слѣпымъ, неосновательнымъ и ни къ чему не ведущимъ инстинктомъ? А между тѣмъ, въ нашей печати есть органы, которые не только не воздерживаются отъ этой странной, ребяческой слабости, но именно разсчитываютъ на нее и ее эксплуатируютъ, посвящая значительную часть своей дѣятельности угощенію своихъ читателей тѣми пряностями, которыхъ требуетъ грубый вкусъ. Они обращаютъ это занятіе въ спеціальность и затѣмъ сами же подаютъ видъ, будто они *ведутъ* русское общественное мнѣніе, между тѣмъ, какъ они больше ничего, какъ держатъ лавочку любимыхъ скандаловъ.

Въ настоящемъ вопросѣ, то-есть собственно по отношенію къ Германіи, такіе органы всегда держались и держатся того же лубочнаго направленія. Въ то время, когда Германія была разъединена и слаба, они и имъ подобные издѣвались надъ ея безсиліемъ и ея тридцатью правительствами. Теперь ихъ возмущаетъ, что Германія стала сильна и объединяется. И что же они выводятъ изъ этого новаго факта? Ровно ничего, кромѣ усугубленія того же ребяческаго отвращенія къ нѣмцамъ. Нѣмцы стали сильны — значитъ ихъ нужно вдвойнѣ «не

терпѣть» и утѣшать самихъ себя мыслью о своемъ къ нимъ отвращеніи; между тѣмъ нѣмцы справедливо могутъ сказать: кто вамъ мѣшаетъ заботиться о собственномъ усиленіи! конечно, не нѣмцы. Все это таже исторія—слова̀ и слова́; какъ будто если мы усугубимъ въ самихъ себѣ наше отвращеніе къ нѣмцамъ, и вящше имъ проникнемся, то это будетъ имѣть какія-либо послѣдствія. Никакихъ. Здѣсь опять насъ ведутъ къ подражанію нѣкоторымъ французскимъ пріемамъ. Эдм. Абу недавно назвалъ нѣмцевъ cette vermine d'Allemands и, должно быть, полагаетъ, что нанесъ имъ этимъ чувствительный ударъ. Точно такъ «Голосъ», называя объединительное стремленіе нѣмцевъ стремленіемъ «гезаммт-Фатерланда», должно быть, воображаетъ, что оказалъ такимъ изобрѣтеніемъ немаловажную оппозицію планамъ графа Бисмарка и вообще нѣмецкому дѣлу.

Въ хроникѣ общественной жизни нельзя не отмѣчать тѣхъ теченій, какія въ ней сказываются, какъ бы нераціональны они ни были. Нѣтъ сомнѣнія, что съ самаго начала нынѣшней войны, когда вся справедливость была на сторонѣ Германіи, просто-отражавшей нападеніе, въ нѣкоторой части нашего общества сказывался уже безусловный антагонизмъ противъ германскаго дѣла просто по *нелюбви*, по антипатіи къ нѣмцамъ. Въ настоящее время обстоятельства измѣнились такъ, что уже есть мѣсто для весьма раціональныхъ заботъ относительно будущаго, заботъ о томъ, какія мѣры намъ слѣдовало бы предпринять, чтобы обезопасить себя въ будущемъ отъ возможныхъ споровъ съ Германіей. Но такія заботы, такое раздумье не имѣютъ ничего общаго съ ребяческою антипатіею къ нѣмцамъ, и — скажемъ болѣе — несовмѣстны именно съ натравливаньемъ общества на нѣмцевъ. Напротивъ, мы должны относиться къ нѣмцамъ съ тѣмъ уваженіемъ, какого заслуживаютъ ихъ великія усилія и великіе успѣхи, серьезная, долговременная подготовка ими силъ, и искусное употребленіе этихъ силъ въ дѣло. Вспомнимъ, что въ самой Германіи было иное время, когда тамъ процвѣтала партія совершенно сходная по направленію и пріемамъ съ нашими московскими менцелистами, и когда подъ ея внушеніями тамъ сдѣлалась-было популярнымъ такъ-называемая Franzonfresserei, натравливаніе самихъ себя на французовъ. Но какому же времени соотвѣтствовало это направленіе? Времени глубокаго мрака и политическаго безсилія. Не этому направленію, не такой дѣятельности обязана Германія своимъ нынѣшнимъ объединеніемъ въ могущественное государство!

Нѣтъ никакой необходимости ненавидѣть или презирать нѣмцевъ, чтобы заботиться объ обезпеченіи интересовъ Россіи, и отдавая дань справедливаго уваженія германской націи, мы должны только послѣдовать ея примѣру, заранѣе отдавъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что

намъ предстоитъ дѣлать и благовременно принявъ всѣ тѣ мѣры, которыя необходимы для охраненія нашихъ интересовъ. Нынѣшняя Германія, съ Пруссіею во главѣ — уже не прежняя Германія, а государство самое могущественное въ мірѣ; и потому энергической дѣятельности Россіи представляется, въ настоящую минуту, поле весьма близкое, пока не опасное, и прямо указываемое необходимостью настоящаго момента. Говорятъ, что это поле не уйдетъ отъ насъ, что поспѣшности здѣсь не нужно. Нѣтъ, оно именно уйдетъ отъ насъ, когда Пруссія окончитъ нынѣшнюю войну и нѣсколько отдохнетъ отъ нея: *въ то время*—напрасно было бы скрывать отъ себя это—ни для охраненія своихъ интересовъ на Черномъ морѣ, ни для внесенія общихъ реформъ въ край прибалтійскій мы, можетъ быть, не будемъ въ состояніи сдѣлать ни одного шага безъ позволенія Германіи. И она въ то время, навѣрное, и не позволитъ намъ ни одного такого шага, и будетъ совершенно права, и мы сами должны будемъ пенять на себя: ничего не сдѣлали, чтобы обезпечить себя во́ время, не послѣдовали прусскому примѣру и будемъ совершенно напрасно надѣяться на прусское позволеніе и великодушіе.

Парижскій трактатъ 1856 года лишилъ насъ права держать военный флотъ на Черномъ морѣ и вмѣстѣ узкой полосы земли въ Бессарабіи. Еслибы все дѣло было въ удовлетвореніи національнаго самолюбія отмѣною трактата, навязаннаго намъ послѣ пораженія, то мы мало интересовались бы исправленіемъ положенія дѣлъ, созданнаго трактатомъ 1856 года. Наше національное самолюбіе съ тѣхъ поръ получило гораздо болѣе существенныя удовлетворенія во внутреннихъ нашихъ реформахъ. Вотъ почему, собственно возвращеніемъ намъ полосы земли на границѣ Бессарабіи мы интересуемся весьма мало. Совсѣмъ иное дѣло—беззащитность русской торговли на Черномъ морѣ и нашихъ черноморскихъ береговъ; это — положеніе дѣла весьма существенно-неудовлетворительное. При войнѣ съ Турціею, наша черноморская торговля будетъ совершенно парализирована и собственность нашихъ негоціантовъ въ приморскихъ городахъ, какъ русскихъ, такъ и турецкихъ береговъ будетъ отдана на произволъ непріятеля. Положимъ, турецкій флотъ не особенно страшенъ, но при совершенной нашей беззащитности и онъ можетъ причинить намъ не мало вреда. Но вѣдь надо еще принять къ свѣдѣнію, что Турція одна съ нами войны весть не будетъ и въ Черное море она непремѣнно пуститъ флотъ своего союзника, положимъ хоть Австріи. Наконецъ, при томъ хаотическомъ состояніи, въ которое придутъ дѣла въ Турціи, какъ только въ ней серьезно начнется разложеніе, нельзя и предвидѣть всѣхъ случайностей, какимъ могутъ подвергнуться русскіе интересы на Черномъ морѣ, лишенные непосредственной защиты.

Такое положеніе дѣлъ необходимо измѣнить, и измѣнить его не

только можно теперь, но только теперь, въ настоящую минуту и можно это сдѣлать. Откладывать это на будущее время значило бы именно разсчитывать на великодушіе Пруссіи. Въ настоящую минуту, никто изъ подписавшихъ парижскій трактатъ, кромѣ Россіи и Англіи, уже не находится въ прежнемъ положеніи. Англія для поддержки этого трактата лишена теперь правой своей руки—наполеоновской Франціи. Мы считаемъ лишнимъ входить въ подробности осуществленія плана для исправленія нашего положенія на Черномъ морѣ, но полагаемъ, что въ случаѣ, если Турція упорно откажется пропустить нашу эскадру Россія могла бы въ настоящую минуту, безъ серьезнаго возраженія съ чьей-либо стороны, объявить, что отказываясь и впредь отъ всякихъ завоевательныхъ замысловъ на Черномъ морѣ, она находитъ однакожъ нужнымъ, для защиты своей торговли, содержать тамъ военную эскадру, и затѣмъ построить на мѣстѣ эскадру небольшихъ блиндированныхъ судовъ. Но почтенный и энергическій представитель русскихъ интересовъ въ Константинополѣ, безъ сомнѣнія, можетъ предложить планъ наиболѣе практичный и удобоисполнимый. Одна истина ясна и для насъ въ равной мѣрѣ, какъ она можетъ быть ясна для дипломатовъ, именно: что теперь именно минута хлопотать о лучшемъ обезпеченіи нашихъ интересовъ, и что, пропустивъ эту минуту, намъ придется уже пенять на себя, если могущественная Германіи окажетъ на Востокѣ предпочтеніе интересамъ австрійскимъ, а не русскимъ.

Другое дѣло, которое необходимо было бы устроить теперь же, это—положеніе прибалтійскаго края. Нынѣшній прибалтійскій генералъ-губернаторъ, о смѣнѣ котораго возвѣщено, сколько извѣстно, лично всегда былъ *въ пользу* болѣе рѣшительной политики въ этомъ краѣ. Эстляндскій губернаторъ, который нынѣ ѣдетъ въ отпускъ и по слухамъ, не возвратится болѣе на свой постъ—былъ единственный въ прибалтійскомъ краѣ губернаторъ изъ русскихъ. Въ тоже самое время назначенъ новый губернаторъ и въ Познань. Прусское правительство, конечно, не имѣетъ никакихъ основаній заподозривать вѣрноподданническія чувства своихъ генераловъ—уроженцевъ Познани, напримѣръ гг. Франсецкаго и Подбѣльскаго, которые отличались въ войнѣ 1866 года, отличаются и въ настоящую войну. Однакоже губернаторомъ въ Познань оно назначаетъ не генерала Франсецкаго или генерала Подбѣльскаго, а—генерала Штейнмеца, весьма извѣстнаго по своей энергіи въ дѣлѣ объединенія. Балтійскій вопросъ, положимъ, не угрожаетъ существованію Россіи; но онъ можетъ стать не только весьма докучливымъ, а даже довольно опаснымъ. Его можно сравнить съ больнымъ зубомъ, отъ котораго человѣкъ умереть ни въ какомъ случаѣ не можетъ, но отъ котораго можетъ происходить весьма чувствительная боль и опухоль цѣлой стороны. Больной зубъ слѣдуетъ или оставить совершенно въ покоѣ, или вырвать его съ кор-

немъ. Самая же худшая политика въ отношеніи къ больному зубу, это — постоянно дразнить его и никогда не рѣшаться его вырвать.

До сихъ поръ направленіе нашей дѣятельности въ балтійскомъ вопросѣ едва ли не было именно таково. Есть достаточно мелочныхъ начинаній—которыя при томъ такъ и остаются начинаніями — достаточно начинаній, говоримъ мы, чтобы возбудить тревогу и раздраженіе въ нѣмецкомъ вліятельномъ меньшинствѣ, и не видно даже начала такого серьёзнаго образа дѣйствій, который одинъ могъ бы сдѣлать это меньшинство безопаснымъ. Даже независимо отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, было очевидно, что въ балтійскомъ вопросѣ намъ есть выборъ только между двумя раціональными принципами или пріемами. Все вліяніе, вся власть, всѣ дѣла въ остзейскомъ краѣ въ рукахъ нѣмцевъ, но нѣмцы составляютъ тамъ незначительное, въ численномъ отношеніи, меньшинство. Очевидно, остается одно изъ двухъ: или признать этотъ status quo навсегда, не касаться его вовсе, и полагаться на чувство преданности того нѣмецкаго класса, который держитъ этотъ край въ своихъ рукахъ, или — освободить отъ его зависимости большинство населенія, дать этому большинству серьезныя гарантіи, и затѣмъ разсчитывать на него, въ случаѣ какой-либо опасности. Самое же худшее, что мы можемъ сдѣлать, это—оставлять всю власть въ рукахъ нѣмцевъ и въ тоже время дразнить ихъ несерьезными начинаніями.

Выборъ былъ до сихъ поръ въ нашихъ рукахъ. До тѣхъ поръ, пока Пруссія была Пруссіею только, а не представительницею и поборницею повсемѣстныхъ интересовъ германизма, и не тою могущественнѣйшею державою въ Европѣ, какою мы ее видимъ теперь, до тѣхъ поръ, пока въ германскихъ населеніяхъ, разбросанныхъ по Европѣ и даже сосредоточенныхъ въ самой Германіи, замѣчались еще теченія различныя и оставалось еще вопросомъ, желательно ли осуществленіе германскаго единства путемъ прусскаго милитаризма — до тѣхъ поръ передъ нами былъ еще выборъ. Еще можно было примѣнять къ балтійскому дѣлу обыкновенныя оправданія пассивной политики. Само собою разумѣется однако, что благодаря такой политикѣ, балтійскія губерніи такъ и остались бы въ своемъ уродливомъ положеніи—со всею отчужденностью самостоятельнаго государства и со всѣмъ застоемъ края, неимѣющаго своихъ государственныхъ учрежденій, внѣ дѣйствія русскихъ реформъ и безъ возможности обновленія собственною государственною иниціативою. Но теперь нѣтъ уже и такого выбора, а можно только выбирать: когда мы хотимъ доставить большинству остзейскаго населенія самостоятельность, основанную на владѣніи землею—теперь ли, когда Пруссія занята и несетъ большія жертвы, или тогда, когда Пруссія оправится и отдохнетъ въ своемъ новомъ, исполинскомъ величіи. Дѣло въ томъ, что теперь уже нѣтъ вопроса о томъ, куда тяготѣютъ умы всѣхъ германцевъ, гдѣ бы они ни жили.

Говоря такъ, мы нисколько не хотимъ набросить какую-либо тѣнь на чувства лояльности остзейскихъ нѣмцевъ, не думаемъ и намекать, что они возстанутъ. Но спрашивается еще, что можетъ быть намъ опаснѣе: уединенное ли возстаніе, нѣсколько бандъ едва вооруженныхъ, или тихое *настроеніе* цѣлаго края въ пользу Германіи, когда за плечами этого края стоитъ Германія, могущественнѣйшая держава, открыто объявляющая, что цѣль ея—объединить земли, которыя она считаетъ нѣмецкими?

Мы не говоримъ, что крестьянскій вопросъ въ балтійскомъ краѣ нужно рѣшить теперь же для того именно, чтобы, когда нѣмецкое меньшинство возстанетъ, то крестьяне, учредивъ народную стражу, перевязали бунтующихъ нѣмцевъ—какъ было въ Литвѣ. Но мы все-таки утверждаемъ, что крестьянскій вопросъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ слѣдуетъ рѣшить теперь же, для того, чтобы рядомъ съ настроеніемъ тамошнихъ нѣмцевъ *было видно, было на лицо*—настроеніе большинства тамошнихъ жителей. Если мы и впредь оставимъ всю власть въ краѣ въ рукахъ нѣмцевъ, оставимъ большинство населенія безъ самостоятельности, безъ голоса, да еще вдобавокъ будемъ дразнить нѣмцевъ, то и германскій парламентъ и германское правительство будутъ имѣть полную возможность считать этотъ край германскимъ, ссылаться въ свою пользу на мнѣніе, на настроеніе этого края. Ибо какое же тамъ есть теперь и впредь будетъ при нынѣшнихъ порядкахъ общественное мнѣніе и настроеніе, кромѣ германскаго? Лишенный самостоятельности народъ безмолвствуетъ; онъ не можетъ выразить своего настроенія, да и самое настроеніе его нерѣшительно — ибо онъ хотя и надѣется, но не имѣетъ причинъ вѣрить, что благосостояніе его обезпечитъ—Россія.

Но когда остзейскіе летты и эсты получатъ земельный надѣлъ, наравнѣ съ русскими крестьянами, когда предоставленіе имъ въ дѣйствительности *воли* и самостоятельности будетъ охраняемо мировыми посредниками, когда волостныя правленія ихъ будутъ независимы отъ экономій—тогда пусть г. Лёве-Кальбе или самъ гр. Бисмаркъ ссылается на настроеніе остзейскаго края. Большинство, весь народъ будетъ противъ нихъ свидѣтелемъ. Вотъ это-то намъ и нужно; нужно, чтобы свидѣтель этотъ былъ вызванъ, и чтобы онъ имѣлъ свободу дать свое показаніе. А оно, тогда, рѣшительно удостовѣритъ, что остзейскій край — не Германія, и не земля, *принадлежащая* германскому племени. До тѣхъ же поръ, пока мы сами оставляемъ эту землю въ дѣйствительности *принадлежащею* германскому племени, можемъ ли мы удивляться, что такою ее и будутъ признавать заграницей, и въ такомъ качествѣ — ея и потребуютъ,—тѣмъ болѣе, что устья Двины дадутъ Германіи одинъ изъ необходимѣйшихъ матеріаловъ для постройки флота.

Втеченіи мѣсяца, подлежащаго нашему обозрѣнію, открылись два учебныя заведенія весьма различныя по своему назначенію, именно казенная учительская семинарія въ Ригѣ и Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ. Между этими учебными заведеніями нѣтъ никакой связи, но, тѣмъ не менѣе, сопоставленіе этихъ двухъ почти одновременныхъ фактовъ имѣетъ смыслъ въ томъ отношеніи, что оно невольно возвращаетъ мысль къ общему направленію нашей государственной дѣятельности по народному просвѣщенію. Въ Ригѣ открывается учрежденная на казенныя средства семинарія для приготовленія учителей въ сельскія школы остзейскаго края. Ученики въ эту семинарію будутъ приниматься преимущественно изъ крестьянъ, при чемъ отъ нихъ требуется знакомство съ языкомъ латышскимъ или эстскимъ, а по окончаніи курса, они обязываются служить не менѣе четырехъ лѣтъ въ качествѣ народныхъ учителей, и втеченіи этого времени избавляются отъ рекрутства. Дѣло это, безспорно, весьма полезное; безъ иниціативы государства въ приготовленіи учителей дѣло народнаго образованія, какъ мы уже не разъ доказывали, не можетъ двинуться у насъ впередъ съ тою скоростью, какая желательна и необходима. Учрежденіе начальныхъ школъ—дѣло преимущественно земства, а учрежденіе учительскихъ семинарій—дѣло государства.

И такъ, нельзя не сочувствовать вполнѣ учрежденію еще одной учительской семинаріи насчетъ казны. Но гдѣ же учреждена она, и можно ли видѣть въ ея учрежденіи убѣжденіе высшей административной власти въ томъ, что иниціатива приготовленія учителей для народа должна принадлежать ему? Очевидно нельзя: семинарія эта учреждена въ Ригѣ, съ совершенно исключительною, мѣстною, политическою цѣлью. Но гораздо вѣрнѣйшія средства для достиженія этой цѣли могло бы предложить не министерство народнаго просвѣщенія, а министерство внутреннихъ дѣлъ. О средствахъ этихъ мы уже говорили: необходимо рѣшить въ балтійскомъ краѣ безотлагательно крестьянскій вопросъ. При настоящихъ обстоятельствахъ уже едва ли можно возлагать въ этомъ краѣ всѣ политическія надежды на двѣ казенныя учительскія семинаріи, какъ бы онѣ, сами по себѣ, полезны ни были.

Въ тоже время нельзя не признать, что среди нашихъ либеральныхъ профессій, одна изъ самыхъ выгодныхъ, одна изъ тѣхъ, которыя привлекаютъ людей и безъ новыхъ пожертвованій отъ казны, есть процессія юридическая. Между тѣмъ, казенная учительская семинарія если и открывается, то открывается—въ Ригѣ, съ политическою цѣлью, а казна между тѣмъ дѣлаетъ новое пожертвованіе для дѣла образованія внутри имперіи, но обращаетъ его опять таки на *высшее* ученое заведеніе и именно на такое, которое, приготовляя людей къ профессіи выгодной, легче всего могло бы обойтись—при такомъ наз-

наченіи—одними частными средствами, то есть платою, вносимою учениками, въ добавокъ къ прежнимъ своимъ средствамъ.

Мы дѣлаемъ эту оговорку только для того, что сопоставленіе приведенныхъ фактовъ какъ бы вновь доказываетъ, что по образованію внутри имперіи министерство считаетъ главнымъ своимъ предметомъ попеченія именно — высшее образованіе, а не образованіе народное, какъ то было бы естественно въ Россіи. Но, говоря безоносительно, нельзя вообще не радоваться каждому увеличенію средствъ образованія въ Россіи, и мы искренно радуемся обновленію ярославскаго лицея и увеличенію его средствъ. Курсъ наукъ камеральныхъ, котораго это училище держалось до сихъ поръ, включаетъ въ себѣ предметы какъ юридическіе, такъ и реальные, естественно-научные. Извѣстно, что камеральные факультеты въ нашихъ университетахъ именно и возникли изъ идеи высшаго реальнаго образованія. Если камеральный курсъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ ярославскомъ лицеѣ признавался неполнымъ, недостаточнымъ, и требовалось дать ему поболѣе единства, болѣе непосредственно-практическое направленіе, то отъ этого курса столь же легко и естественно было перейти къ курсу чисто-реальныхъ наукъ, какъ и къ курсу наукъ чисто-юридическихъ. Основаніемъ для рѣшенія вопроса, въ какую сторону полезнѣе было направить это преобразованіе могло служить именно только сознаніе, что́ въ настоящее время нужнѣе Россіи: умноженіе ли сословія юристовъ или созданіе сословія русскихъ ученыхъ техниковъ?

Конечно нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что Россія нуждается въ настоящее время и въ людяхъ съ юридическими познаніями. Провинціяльная, судебная практика, по мѣрѣ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій обнаруживаетъ большой недостатокъ въ юристахъ научно-подготовленныхъ. Поэтому, повторяемъ, мы готовы искренно радоваться направленію всѣхъ средствъ Демидовскаго лицея на приготовленіе юристовъ; главное въ томъ, что итогъ наличныхъ средствъ для образованія увеличился—вотъ существенный выигрышъ. Гораздо менѣе существенной пользы мы ожидали бы отъ предположенія, что средства эти будутъ спеціально, то есть преимущественно обращены на изученіе собственно римскаго права. А такое предположеніе можно бы, пожалуй, вывесть изъ рѣчи, произнесенной почтеннымъ директоромъ лицея, профессоромъ Капустинымъ, который счелъ необходимымъ открытіе лицея ознаменовать, между прочимъ, слѣдующими словами: «Мы глубоко убѣждены — я говорю отъ имени педагогической корпораціи лицея—что въ высшей степени практическая цѣль нашего училища можетъ быть достигнута тѣмъ вѣрнѣе (?), чѣмъ менѣе оно будетъ увлекаться практическимъ направленіемъ. Опытъ многихъ вѣковъ доказалъ, что школа, остававшаяся на высотѣ науки, всегда образовала лю-

дей самыхъ способныхъ къ практической дѣятельности, и наоборотъ, она оказывалась безплодною, если подчиняла себя безусловно практикѣ. *На римскомъ правѣ*, повидимому неимѣющемъ ничего общаго съ жизнью новыхъ народовъ, воспитывались лучшіе юристы, тогда какъ преподаваніе дѣлопроизводства и юридической обрядности оставалось безслѣднымъ. Мы употребимъ всѣ силы, чтобы не измѣнить завѣту вѣкового опыта (какъ будто кромѣ римскаго права, поддерживаемаго вѣковымъ опытомъ для ученаго юриста только и остается одно дѣлопроизводство[1]?) и поддерживать на высотѣ науки наше преподаваніе, заботясь исключительно (почему же исключительно?) о научной подготовкѣ молодыхъ людей, которые поступаютъ въ лицей».

Понятіе о римскомъ правѣ, конечно, нужно для образованнаго юриста, которому вообще необходима исторія законовѣдѣнія. Но какой либо совершенно особенной, мистической благодѣтельности въ глубокомъ изученіи римскаго права мы усмотрѣть не можемъ. Какое существенное отношеніе имѣютъ римскіе пандекты къ судебнымъ уставамъ, дѣйствующимъ въ настоящее время *въ Россіи?* Но едва ли стóитъ и касаться этого вопроса по поводу будущей судьбы ярославскаго лицея. Несмотря на рѣчь почтеннаго профессора Капустина, мы не думаемъ, чтобы заведеніе это въ самомъ дѣлѣ увлеклось изученіемъ римскаго права болѣе чѣмъ юридическіе факультеты нашихъ университетовъ, и полагаемъ, что если г. Капустинъ, взявъ слово вслѣдъ за рѣчью г. министра народнаго просвѣщенія, и счелъ нужнымъ произнесть, такъ сказать, панегирикъ римскому праву, то въ словахъ его отразились только личныя его *классическія* предилекціи, и что цѣль его этимъ и достигнется.

Какъ ни отраденъ фактъ обновленія одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, однако возвратимся къ положенію нашего народнаго, первоначальнаго образованія — дѣла для Россіи всетаки главнаго, въ настоящее время, а именно къ необходимости государственной инициативы въ учрежденіи учительскихъ семинарій внутри государства. Дѣятельность въ этомъ отношеніи земства каждымъ отдѣльнымъ своимъ фактомъ только подтверждаетъ эту очевидную необходимость. Факты эти по большей части утѣшительны; они представляютъ усилія земства. Но каждое изъ этихъ усилій тѣмъ неменѣе показываетъ, какъ затруднительно это дѣло для земства, по недостатку средствъ, какъ неизбѣжно—медленно оно пойдетъ, оставаясь въ рукахъ одного земства, сколько времени—здѣсь кстати сказать именно *золотого* вре-

---

[1]) Напр., развѣ для современнаго ученаго юриста не нужно знать исторію иностранныхъ законодательствъ, которая въ ярославскомъ лицеѣ теперь еще читаться *не будетъ?*

мени—мы упускаемъ, довольствуясь столь медленнымъ нарожденіемъ хорошихъ учителей, изъ которыхъ каждый ежегодно приготовлялъ бы для Россіи не одинъ десятокъ грамотныхъ гражданъ. Но есть къ сожалѣнію и иные факты, относящіеся къ дѣятельности или лучше сказать—«бездѣятельности» земства въ этомъ отношеніи. И вотъ такіе факты опять-таки говорятъ тоже самое, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о необходимости энергической государственной иниціативы въ дѣлѣ первоначальнаго народнаго образованія. Такъ, въ Холмскомъ уѣздѣ, который составилъ себѣ извѣстную репутацію, втеченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ не было принято земствомъ *никакихъ мѣръ* на пользу дѣла народнаго образованія. Въ губернскомъ псковскомъ собраніи, гласный г. Назимовъ, указавъ на этотъ прискорбный фактъ, нашелъ вѣрныя и благородныя слова для оцѣнки его по достоинству и доказывалъ всю пользу образованія даже въ смыслѣ экономическомъ—хотя бы, напр., въ видѣ уменьшенія расходовъ по содержанію тюремъ, нынѣ переполненныхъ жертвами какъ экономическихъ обстоятельствъ, такъ и неразвитости—предложивъ собранію ходотайствовать о томъ, чтобы расходъ земствъ на народное образованіе былъ включенъ въ число обязательныхъ для земства повинностей. Предложеніе это было принято большинствомъ голосовъ собранія, и вслѣдствіе того, недавно поступило въ министерство внутреннихъ дѣлъ ходатайство въ этомъ смыслѣ псковской губернской управы (и сверхъ того объ освобожденіи отъ рекрутства стипендіатовъ земства окончившихъ курсъ).

Ходатайство это само по себѣ возбуждаетъ новый вопросъ, котораго мы теперь разсматривать не будемъ, вполнѣ сочувствуя замѣчанію г. Назимова, что губернія не должна смотрѣть равнодушно на то, что въ одной изъ частей ея уничтожаются отсутствіемъ заботъ и тѣ малые зачатки народнаго образованія, какіе уже были тамъ *до* открытія земскихъ учрежденій. Но наша цѣль, приводя этотъ фактъ, — показать новый примѣръ, какъ медленно, относительно говоря, идетъ дѣло образованія на собственныя средства земства. Вотъ, въ самомъ земствѣ возникаетъ мысль о необходимости въ этомъ дѣлѣ иниціативы государственной. Но псковское земское собраніе, сознавая эту необходимость, не могло, конечно, дать ей иного выраженія, какъ взывая только къ законодательному вмѣшательству государства. Оно не могло ходатайствовать о томъ, чтобы само министерство народнаго просвѣщенія непосредственно взялось за устройство учительскихъ семинарій или начальныхъ школъ. Но гораздо плодотворнѣе законодательной мѣры — установленіе обязательной школьной повинности для земства, было бы именно практическое вмѣшательство государства въ это дѣло.

Въ настоящее время ходатайство псковскаго земства министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ передать въ министерство народ-

наго просвѣщенія, на разсмотрѣніе спеціальной его коммисіи по устройству сельскихъ школъ. Что́же отвѣтитъ на этотъ вопросъ министерство народнаго просвѣщенія? Всего проще ему, конечно, отвѣчать утвердительно, то есть высказаться въ пользу обязательности для земства расходовъ по народному образованію. Но такой отвѣтъ все-таки не устранилъ бы очевидной обязательности для самаго министерства народнаго просвѣщенія дать серьёзный толчокъ дѣлу начальнаго образованія. Неужели же можно будетъ современемъ сказать, что главная услуга министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи въ дѣлѣ жертвъ на народное образованіе состояла въ томъ, что оно такія жертвы сдѣлало *обязательными для земства*?

У приверженцовъ застоя, на этотъ вопросъ всегда имѣется готовый отвѣтъ—начальныхъ школъ вовсе не такъ мало, какъ думаютъ; напротивъ, есть множество приходскихъ школъ, учрежденныхъ духовенствомъ. Объ этомъ предметѣ мы говорили уже не разъ, но онъ слишкомъ важенъ, чтобы не возвращаться къ нему при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ настоящую минуту, мы возвратимся къ нему по поводу свѣжихъ фактовъ, которые вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль. Школъ, учрежденныхъ духовенствомъ, дѣйствительно числится очень много. Послѣдній отчетъ по духовному вѣдомству упоминаетъ, что такихъ школъ, «обязанныхъ своимъ существованіемъ усердію православныхъ пастырей»—у насъ есть 16,287.

Но оставляя на минуту въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи количества къ качеству, спросимъ, всѣ ли эти школы существуютъ не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности? Въ одномъ изъ засѣданій екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія разсуждалось о поддержкѣ земствомъ церковно-приходскихъ школъ. По этому поводу три члена училищнаго совѣта показали, что въ ихъ уѣздахъ церковно-приходскихъ школъ вовсе не оказалось, да никогда *и не было*, а на бумагѣ показывалось ихъ немало; такъ какъ духовное начальство требовало отъ благочинныхъ свѣдѣній объ этихъ школахъ, то они и доносили объ училищахъ *несуществующихъ* на самомъ дѣлѣ, потому что начальство духовное не принимало *никакихъ резоновъ* и требовало, чтобы они существовали на бумагѣ». Нѣсколько управъ другихъ уѣздовъ екатеринославской губерніи засвидѣтельствовали тоже самое, т.-е., что въ ихъ уѣздахъ церковно-приходскія школы въ дѣйствительности *не* существуютъ. И такъ, вотъ показываются въ такомъ-то уѣздѣ церковно-приходскія школы, а въ дѣйствительности ихъ нѣтъ *ни одной*. Значитъ, въ томъ великомъ походѣ къ народному образованію, путемъ грамотности, въ томъ предпріятіи, которое всѣхъ нужнѣе для Россіи въ настоящее время, если мы будемъ полагаться на множество нашихъ церковныхъ школъ, то результатъ можетъ быть для насъ въ томъ же родѣ, какъ результатъ французской военной системы

при второй имперіи: *числилась* громадная армія, *показывались* милльоны ружей, а на дѣлѣ оказалось и солдатъ и ружей вдвое меньше того, чѣмъ полагали, и Франція проиграла войну. Такимъ же результатомъ можетъ кончиться и нашъ походъ къ распространенію грамотности, если мы будемъ полагаться на церковныя школы и не проникнемся наконецъ истиною, что государство должно немедля взяться за устройство на свой счетъ въ каждой губерніи семинаріи для приготовленія хорошихъ народныхъ учителей — сѣятелей нашей будущности.

Если тому страшному побоищу, которое происходитъ въ настоящее время въ Европѣ, суждено произвесть какой либо благодѣтельный для человѣчества результатъ, то результатъ этотъ можно впередъ указать именно въ укрѣпленіи той мысли, что распространеніе образованія въ массѣ народа составляетъ огромную силу, и въ смыслѣ не только общечеловѣческомъ, но и государственномъ, представляетъ одну изъ главныхъ силъ даже и для военныхъ успѣховъ. Новая, неслыханная доселѣ по размѣрамъ и быстротѣ побѣда «школьнаго учителя» убѣдитъ наконецъ власти въ томъ, что не только высшее знаніе, но и грамотность есть *сила*, сила въ самомъ практическомъ, даже грубомъ значеніи этого слова. А затѣмъ, когда распространеніе образованія займетъ свое мѣсто въ заботливости о боевой силѣ государствъ, то можно будетъ надѣяться, что отставшія въ этомъ отношеніи государства возьмутся за дѣло образованія энергичнѣе, чѣмъ доселѣ.

До сихъ поръ у насъ, надо признаться, едва ли не болѣе другихъ вѣдомствъ сдѣлало для распространенія какъ начальнаго образованія въ массѣ народа, такъ и реальнаго средняго образованія, вѣдомство военное. Мы уже неразъ указывали, что единственный значительный контингентъ учителей грамотности поставляется Россіи именно военнымъ вѣдомствомъ, которое, въ силу послѣдовавшихъ въ немъ преобразованій, ежегодно даетъ отпускъ 80—90 тысячамъ солдатъ, а въ полкахъ поставило дѣло грамотности прочнымъ и весьма успѣшнымъ образомъ. Полковыя школы—вотъ покамѣстъ единственныя учрежденія, выпускающія учителей грамотности въ числѣ значительномъ для государства съ 80 милліоннымъ населеніемъ. Необходимо, конечно, чтобы сословіе народныхъ учителей стояло на степени развитія высшей, чѣмъ солдаты, и вотъ почему необходимы спеціяльныя учительскія семинаріи. Но это не уменьшаетъ благотворнаго значенія полковыхъ школъ для всего государства; солдаты всетаки лучшіе учителя грамотности, чѣмъ дьячки; вопервыхъ, потому, что въ полковыхъ школахъ введены современныя методы преподаванія; во вторыхъ, потому, что народъ — какъ о томъ есть множество свидѣтельствъ отъ земства—не охотно даетъ деньги на школы, въ которыхъ учатъ священники, а не только пономари.

Сверхъ того, военное министерство весьма много сдѣлало и для распространенія средняго реальнаго образованія. Военное министерство задалось тою мыслью, «чтобы приготовленіе офицеровъ для арміи строго сообразовалось какъ съ практическими требованіями военной службы, для которой они непосредственно предназначаются, такъ и съ *современными условіями воспитанія*, обезпечивающаго возможность честной и полезной дѣятельности на какомъ бы то ни было поприщѣ». Слова эти взяты изъ интересной статьи «Русскаго Инвалида» по поводу выхода трехъ новыхъ книгъ Свода военныхъ постановленій, одна изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ всѣ подробности послѣдней военно-учебной реформы. Здѣсь кстати замѣтить, что самое изданіе Свода военныхъ постановленій 1869 года, нынѣ продолжаемое, представляетъ одну изъ значительныхъ реформъ, такъ какъ оно является въ видѣ систематическаго свода постановленій, соединенныхъ по большой части въ цѣльныя положенія, проникнутыя общею мыслью. Сводъ этотъ въ совокупности своей представляетъ всѣ реформы военнаго вѣдомства, и вмѣстѣ дополняетъ ихъ собою, такъ какъ составленіе такого свода само по себѣ есть немаловажная реформа.

Результаты собственно военно-учебной реформы таковы, что вмѣсто кадетскихъ корпусовъ, которые выпускали въ годъ неболѣе 700 офицеровъ, нынѣшнія военныя и юнкерскія училища выпускаютъ въ годъ до 2,000 офицеровъ. «Большой части средствъ, жертвуемыхъ обществомъ на военное образованіе», замѣчаетъ «Р. Инв.», дано такое назначеніе, при которомъ они служатъ и для цѣлей общаго образованія, увеличивая притомъ число такихъ заведеній, къ которымъ особенно сочувственно относится современное наше общество, именно реальныхъ гимназій. По смѣтѣ военнаго министерства на 1870 годъ ассигновано до $2^1/_2$ мил. рублей на содержаніе военныхъ гимназій, приспособленныхъ по курсу къ общимъ реальнымъ гимназіямъ, и военныхъ прогимназій, соотвѣтствующихъ гражданскимъ уѣзднымъ училищамъ; въ тѣхъ и въ другихъ заведеніяхъ, устроенныхъ на раціональныхъ началахъ современной педагогіи, получаютъ воспитаніе и общее образованіе около 6,500 воспитанниковъ». Прибавимъ къ этому единодушное убѣжденіе общества, что военныя реальныя гимназіи удались вполнѣ, между тѣмъ какъ гражданскія реальныя гимназіи,— въ этомъ увѣряютъ насъ—не удались, и получимъ въ общемъ результатѣ, что какъ для распространенія грамотности въ народѣ, такъ и для привитія у насъ реальнаго средняго образованія болѣе всѣхъ сдѣлало у насъ—какъ ни странно это могло бы показаться кому-нибудь—военное вѣдомство. Авось либо, въ соревнованіе военному вѣдомству, которое оказало такую услугу дѣлу общаго образованія, гражданская педагогическая администрація побудится результатами нынѣшней войны, и въ виду *боевой* силы, представляемой образованностью массъ,

возьмется поэнергичнѣе за это дѣло. Это было бы средство отплатить военному вѣдомству, у котораго мы покамѣстъ неоспоримо остаемся въ долгу.

Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ много содѣйствовало возвышенію, улучшенію Германіи именно—развитіе въ ней техническаго знанія и индустріи, въ послѣднюю четверть столѣтія. Успѣхи эти огромны, а осуществлены они главнымъ образомъ именно въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Цѣлые заводскіе округа, получившіе нынѣ всемірное значеніе, возникли въ это недавнее время, какъ напримѣръ тотъ округъ, въ которомъ находятся громадныя мастерскія Круппа. Одна изъ главныхъ причинъ того различія, какое обнаружилось между силами Германіи 1815 года и Германіи нынѣшней заключается именно въ томъ капитальномъ фактѣ, что Германія съ тѣхъ поръ сдѣлалась великой фабричной страной. Вотъ для насъ урокъ, весьма поучительный.

Правда, у насъ есть люди, до того всецѣло преданные одни—личнымъ вкусамъ, а другіе—личнымъ расчетамъ, что они готовы извратить всякій, самый очевидный урокъ современной исторіи. Но есть предѣлъ всему, даже вѣрѣ въ самыя упорныя мистификаціи. Пусть «Московскія вѣдомости» сопоставляютъ такіе два факта, что: «классицизмъ особенно процвѣтаетъ въ прусскихъ школахъ, и Пруссія заняла мѣсто во главѣ всей цивилизованной Европы»; — мы позволяемъ себѣ однако надѣяться, что даже тѣ немногіе приверженцы, которые еще не устали ходить во слѣдъ за этимъ органомъ, по тѣмъ невозможнымъ канатамъ, по которымъ онъ вѣчно водитъ ихъ, прикованными къ своему искусному балансу—что даже и эти, выносливые приверженцы, откажутся узрѣть въ Метцѣ и Седанѣ торжество Апулея и Овидія. Въ бѣглыхъ замѣткахъ изъ заграничной жизни, помѣщенныхъ въ послѣдней книгѣ нашего журнала, приведенъ между прочимъ разсказъ одного путешественника, видѣвшаго греческую книжку въ рукахъ прусскаго солдата (замѣтьте: доцента университета), который пасъ стадо быковъ. Какое же, думаете вы, выводятъ отсюда заключеніе московскіе полемисты? Они съ отчаяніемъ поборниковъ слабаго дѣла хватаются за соломинку: «это, говорятъ они, напечатано въ Вѣстникѣ Европы, въ томъ самомъ журналѣ, который съ чисто нѣмецкою акуратностью (кромѣ акуратности, мы рекомендуемъ поучиться у нѣмцевъ еще многому другому) упражняется ежемѣсячно въ *самыхъ площадныхъ* (?), ругательствахъ и насмѣшкахъ надъ людьмидоказывающими необходимость ввести и у насъ прусскую, или вѣрнѣе сказать общеевропейскую систему обученія, въ основѣ коей лежатъ древніе языки».

«Московскія Вѣдомости» представили въ своей дѣятельности много образчиковъ безцеремоннаго обращенія съ публикой, но на этотъ разъ они превзошли себя, и вѣроятно питали полную увѣренность, что

ихъ читатели не сообразятъ всей безсмыслицы, высказанной ими. Если случилось, что въ Пруссіи солдатъ читалъ греческую книгу, то это только потому, что въ Пруссіи только можетъ случиться, что *доцентъ* университета поступаетъ на службу простымъ солдатомъ. Возраженіе «Москов. Вѣд.» имѣло бы смыслъ только въ такомъ случаѣ, еслибы нашъ журналъ могъ когда нибудь утверждать, что доценты русскихъ филологическихъ факультетовъ не должны знать греческаго языка; но ничего подобнаго не было.

Если «Москов. Вѣд.» хотятъ серьезно отнестись къ совершающемуся на нашихъ глазахъ, то пусть они подумаютъ о слѣдующемъ. По ихъ мнѣнію, Пруссія обязана своими настоящими побѣдами успѣхамъ въ классическихъ языкахъ; почему же Франція, не смотря на все процвѣтаніе въ ней классическихъ языковъ, понесла такое пораженіе? Не потому ли, что во Франціи хуже учатся склоненіямъ и спряженіямъ классическихъ языковъ? Пусть публицисты «Москов. Вѣд.» приводятъ такое объясненіе современнымъ мировымъ событіямъ; но всякій непредубѣжденный читатель, именно по поводу подробностей настоящей войны, вспомнитъ, что въ Пруссіи давно уже существуетъ прочная и обширная система реальнаго образованія, что въ Европѣ повсемѣстно стремятся сбросить узы классицизма даже и тамъ, гдѣ ихъ поддерживаетъ вѣковое преданіе, неизвѣстное у насъ, если не считать семинарій. И такъ, размышленія «Моск. Вѣд.», по поводу приведеннаго нами анекдота, по меньшей мѣрѣ излишни; ихъ полемическіе пріемы и безъ того давно всѣмъ извѣстны, и новѣйшая ихъ репутація будетъ уже несравненно прочнѣе той, которую они когда-то легко пріобрѣли и также легко потеряли.

Кстати будетъ при этомъ повторить извѣстіе, сообщаемое въ одну изъ петербургскихъ газетъ изъ Кіева:

«Весьма знаменательное явленіе въ нашемъ обществѣ составляетъ представленное на дняхъ ходатайство физико-математическаго факультета университета св. Владимира (по единогласному рѣшенію его членовъ) предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія *о допущеніи учениковъ реальныхъ гимназій въ университеты*, по крайней-мѣрѣ, на физико-математическій факультетъ. Не оспаривая достоинства классическаго образованія, физико-математическій факультетъ полагаетъ, что реальныя гимназіи, при правильномъ ихъ устройствѣ, могутъ давать воспитанниковъ, которые будутъ вполнѣ приготовлены къ университетскому курсу. При этомъ факультетъ ссылается на примѣръ Пруссіи, гдѣ ученики реальныхъ школъ нисколько не уступаютъ воспитанникамъ гимназій классическихъ, гдѣ общество крайне недовольно существующими ограниченіями и непрерывно обращается съ петиціями въ министерство о допущеніи учениковъ реальныхъ школъ 1-го разряда въ университеты. Далѣе, факультетъ указываетъ на собственный опытъ—на ревизіи, произведенныя членами факультета въ реальныхъ гимназіяхъ юго-западнаго края (по порученію начальства), показавшія, что эти гимназіи даютъ воспитанниковъ, вполнѣ годныхъ проходить университетскій курсъ. Факультетъ даже утверждаетъ, что воспитанники реальныхъ

гимназій, устроенныхъ надлежащимъ образомъ, болѣе приготовлены къ усвоенію наукъ физико-математическаго факультета, нежели воспитанники гимназій классическихъ. Реальныя гимназіи представляютъ то преимущество, что развиваютъ въ своихъ питомцахъ способность вѣрно наблюдать и обобщать явленія природы. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, факультетъ ссылается на Тиндаля, Фарадэ, Оуэна, и другихъ корифеевъ науки. Взаключеніе факультетъ указываетъ еще на особыя обстоятельства. Большая часть студентовъ физико-математическаго факультета, по окончаніи курса, поступаетъ потомъ въ высшія техническія училища (въ институтъ путей сообщенія, институтъ технологическій, инженерную Академію и др.). Было бы, очевидно, несправедливо лишать воспитанниковъ реальныхъ гимназій возможности, предъ поступленіемъ въ высшія техническія училища, поступать на физико-математическій факультетъ, для пріобрѣтенія высшаго теоретическаго образованія въ наукахъ естественныхъ и математическихъ. Подобное лишеніе повело бы къ тому, что ученики реальныхъ гимназій были бы удалены отъ высшаго теоретическаго и техническаго образованія, а высшія техническія училища потеряли бы своихъ лучшихъ слушателей и учениковъ. Самый успѣхъ предполагаемыхъ министерствомъ реальныхъ гимназій факультетъ ставитъ въ рѣшительную зависимость отъ возможности для ихъ воспитанниковъ поступать на физико-математическіе курсы».

Мы не знаемъ, на сколько справедливо сообщаемое извѣстіе, но ссылка на примѣръ Пруссіи совершенно основательна. Въ августовской книжкѣ (стр. 851), мы привели подробно тѣ петиціи, которыя упоминаются выше; въ корреспонденціи изъ Берлина (іюль, 365 стр.) читатели найдутъ мнѣнія прусскихъ факультетовъ о томъ же предметѣ. Мнѣніе медицинскаго факультета въ г. Кіелѣ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое приписывается теперь физико-математическому факультету университета Св. Владиміра въ Кіевѣ. Будемъ ожидать или опроверженія этого извѣстія, или скрежета «Московскихъ Вѣдомостей».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября 1870 г.

Взглядъ Ренана на современное положеніе дѣлъ.—Составъ правительства народной обороны во Франціи, и его заслуги. — Средства Франціи къ продолженію борьбы.—Настроеніе провинцій.—Происки бонапартистовъ.—Вліяніе побѣдъ на будущее Пруссіи. — Взятіе Рима и австрійскія дѣла.

Седанская катастрофа, 2-го сентября, для будущаго Франціи можетъ имѣть значеніе иной побѣды, если эта страна, а вмѣстѣ съ нею и Европа, избавилась въ тотъ день навсегда отъ бонапартистскаго режима. Воображеніе отказывается представить себѣ дальнѣйшую судьбу Европы вообще, и Франціи въ особенности, еслибы пришлось теперь гадать, какія условія мира предпишетъ вторая имперія Германіи? А какая судьба ожидала бы въ такомъ случаѣ саму Францію — объ этомъ не нужно и гадать, такъ какъ изъ захваченныхъ документовъ въ Парижѣ сдѣлалось несомнѣннымъ, что въ первыхъ числахъ сентября, если бы только Макъ-Магонъ разбилъ пруссаковъ при Седанѣ, въ Парижѣ было бы поставлено на сцену 2-е декабря, второе coup d'état. Не было бы теперь осады Парижа нѣмцами, но парижское населеніе познакомилось бы тѣмъ не менѣе съ отечественными митральёзами.

Вотъ почему седанская катастрофа не могла не вызвать и дѣйствительно вызвала всѣ симпатіи къ Франціи. Франція съ той минуты перестала быть грозою для мира Европы и сама избавилась отъ новыхъ внутреннихъ потрясеній. На Франціи лежитъ конечно тяжелая отвѣтственность за свое прошедшее; но самыя тяжкія условія мира не могутъ равняться съ выгодами избавленія отъ пагубнаго режима. Въ своей отвѣтственности она созналась и устами правительства обороны въ его циркулярахъ, и еще болѣе устами такихъ людей, какъ Ренанъ, который, въ послѣдней своей статьѣ, въ «Revue des deux Mondes» (15 Sept.) прямо говоритъ: En France, l'empereur Napoléon III, fut également debordé par l'opinion; l'opposition fut cette fois, ce qu'elle est trop souvent, superficielle et déclamatoire. Принимая на себя всю от-

вѣтственность, новая Франція въ тоже время рѣшительно отказывается отъ своихъ воззрѣній на нѣмецкую національность и цивилизацію, какъ она понимала ее мѣсяца два тому назадъ, черпая свои познанія изъ «Figaro» и «Gaulois», обязанности которыхъ выполняютъ у насъ теперь наши московскіе «мамелюки Страстного Бульвара».

Два мѣсяца тому назадъ, личность Ренана не была бы въ безопасности, еслибъ онъ тогда о нѣмцахъ рискнулъ написать то, что́ парижане прочли въ той его статьѣ, въ половинѣ сентября: «До конца прошедшаго столѣтія нѣмцы не имѣли мысли образовать сплошную національность. Этотъ великій народъ отличался гораздо больше, нежели Франція, наклонностью къ провинціальной независимости. Германія никогда не хотѣла единства для себя: къ этому она вынуждалась единственно страхомъ иноземцевъ; для нея всего дороже свобода внутренняго раздробленія. Эта свобода доставила Германіи возможность совершить величайшее дѣло въ новѣйшей исторіи, реформацію, дѣло, которое, по нашему мнѣнію, гораздо выше того, что́ создала Франція своею философіею и революціею; я ставлю реформацію ниже одной только rénaissance — подвига Италіи..... Зачѣмъ же не позволять Германіи дѣлать то, что мы дѣлали у себя, и что́ мы помогли сдѣлать Италіи (впрочемъ, кромѣ Рима)? Неужели не понимаютъ, что народъ твердый, нравственный, сильный и серьезный (dure, chaste, forte et grave), каковъ именно и есть народъ германскій, народъ, стоящій въ первомъ ряду по умственнымъ дарованіямъ и трудамъ, мало склонный къ наслажденіямъ, весь преданный мечтамъ и наслажденію фантазіей, неужели не понимаютъ, что такой народъ имѣетъ полное право занять въ политикѣ роль, которая ему уже принадлежитъ въ области ума?!.... Желать сопротивляться взрыву его, обнаружившемуся въ многочисленныхъ признакахъ, все равно, что удерживать морской приливъ. Желать подавать совѣты этому народу, предписывать ему руководиться нашей волей — это было дѣтство!»

И именно въ такомъ дѣтскомъ состояніи находилось французское общество не дальше, какъ два мѣсяца тому назадъ, когда ему пѣло правительство и безсовѣстная пресса, что Садова была преступленіемъ Пруссіи предъ Франціею; что Германію нужно остановить въ ея развитіи и т. п.; однимъ словомъ, все то, что́ поютъ теперь у насъ «Голосъ», «Московскія Вѣдомости», сбивая наше общественное мнѣніе также, какъ его сбивали подобные органы во Франціи на нашихъ глазахъ. Но Франція дорогою цѣною пріобрѣтаетъ трезвость идей.

Только теперь мы вполнѣ можемъ цѣнить новое ея правительство, вызванное, по его же сознанію, одними обстоятельствами, такъ какъ только теперь мы можемъ видѣть, въ какія руки могла бы попасть Франція въ эпоху наступившей анархіи. Новое правительство нашло себѣ оппозицію и въ Парижѣ, въ лице Клюзере, и въ Ліонѣ; но при всей

внѣшней опасности и тяжеломъ положеніи, новое правительство съумѣло обезоружить оппозицію и нашло себѣ поддержку въ обществѣ. Нельзя не отдать и другую справедливость временному правительству Франціи: составляющія его лица, нынѣшніе министры, съ самаго начала употребляли всѣ свои усилія для того, чтобы толпа, ворвавшаяся въ залы законодательнаго корпуса, спокойно выждала рѣшеніе корпуса объ участи династіи Наполеона III—чтобы, такимъ образомъ, достоинство и свобода преній законодательнаго корпуса остались ненарушенными.

Надо было много самоотверженія, чтобы принять на себя все страшное бремя грубыхъ ошибокъ и наглаго обмана бонапартистской системы веденія войны съ такимъ могущественнымъ и искуснымъ врагомъ, какимъ проявила себя нѣмецкая армія подъ руководствомъ прусскихъ военачальниковъ. Всѣ эти лица *) знали, конечно, что имъ предстоитъ или отстоять честь французской націи, или погибнуть вмѣстѣ со второю имперіей. Можетъ быть, они сами обманывались ложью и лицемѣріемъ послѣдняго бонапартовскаго министерства, которое до самой седанской катастрофы продолжало увѣрять всю Францію, что императорская армія то-и-дѣло одерживаетъ великія побѣды надъ пруссаками. Можетъ быть, этими увѣреніями обманывались отчасти и люди, стоящіе теперь во главѣ Франціи. Можетъ быть, эти люди слишкомъ недостаточно цѣнятъ весь вредъ, который нанесенъ нравственной энергіи французскаго народа всею правительственною системою второй имперіи. Можетъ быть, ихъ надежды на возможность примирить обѣ враждующія націи почетнымъ для обѣихъ сторонъ образомъ были слишкомъ розовы и основывались на невѣрномъ представленіи миролюбивыхъ наклонностей нѣмецкихъ государственныхъ людей, — во всякомъ случаѣ, рѣшимость новыхъ французскихъ министровъ стать наслѣдниками второй имперіи въ столь неблагопріятныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ заслуживаетъ полнаго уваженія, хотя бы всѣ усилія этихъ дѣятелей не привели къ счастливому результату. Если мы у себя уважаемъ память людей, которые, въ минуту опасности родины, жертвуютъ всѣмъ, не выигрывая лично ничего, то мы не можемъ отказать въ уваженіи такимъ же лицамъ въ исторіи другихъ народовъ.

Положеніе Франціи въ военномъ отношеніи ужасное — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Главныя военныя силы ея или уничто-

*) Министерство правительства народной обороны образовалось подъ предсѣдательствомъ генерала Трошю. Гамбетта сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; иностранныя дѣла перешли въ руки Жюля Фавра; военными занялся — генералъ Лефло; морскими — вице-адмиралъ Фуришонъ; финансами — Пикаръ; народнымъ образованіемъ — Жюль Симонъ; юстиціею — Кремье - земледѣліемъ и торговлею — Маньенъ; публичными работами — Доріанъ. Меромъ города Парижа назначенъ былъ Этіенъ Араго, а начальникомъ полиціи — графъ де-Кератри.

жены, или заперты въ укрѣпленныхъ городахъ, или разбѣжались по всей странѣ, деморализованныя и лишенныя всякой дисциплины. Число плѣнныхъ французовъ, проживающихъ въ разныхъ углахъ Германіи, простирается теперь за 150 тысячъ, — около сотни тысячъ убитыхъ и раненыхъ, да сотня тысячъ сидитъ съ маршаломъ Базеномъ въ Метцѣ, такъ плотно обложенномъ со всѣхъ сторонъ, что оттуда не можетъ выйти ни одинъ человѣкъ, и всѣ сообщенія съ городомъ происходятъ лишь посредствомъ воздушныхъ шаровъ. Почти всѣ крѣпости на бельгійской границѣ, начиная съ Тіонвилля и до Мезьера включительно тоже обложены нѣмецкими войсками. Храбрые коменданты Туля и Страсбурга принуждены были уступить превосходству прусской артиллеріи и сдались. Вердёнъ, Соассонъ, Фальсбургъ и Шлетштадтъ тоже подвергнуты осадѣ. Самъ Парижъ, вмѣстѣ съ большинствомъ членовъ временнаго правительства*), осажденъ слишкомъ 300-тысячною арміей изъ разныхъ нѣмецкихъ войскъ. Въ Парижѣ есть столь же многочисленное войско, но оно почти все состоитъ изъ новобранцевъ или изъ такихъ регулярныхъ солдатъ, которыхъ можно вдохновлять къ бою лишь посредствомъ разстрѣливанія; — одни морскіе солдаты представляютъ изъ себя людей вполнѣ способныхъ бороться съ самымъ отборнымъ нѣмецкимъ войскомъ. За Парижемъ нѣтъ ни одной французской арміи. Энергическій Фуришонъ употребляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы создать въ два-три мѣсяца новую армію изъ только-что призванныхъ на службу подвижныхъ гвардейцевъ; ядромъ для этой арміи служатъ морскіе солдаты съ эскадры, крейсировавшей въ Нѣмецкомъ морѣ подъ начальствомъ самого адмирала. Но продержится ли Парижъ до сформированія арміи Фуришона, и не успѣютъ ли нѣмцы помѣшать Фуришону? Трудность формированія новой арміи значительно усиливается недостаткомъ хорошихъ скорострѣльныхъ ружей и пушекъ. Наполеоновское правительство увѣряло, что у него есть слишкомъ 3 милліона шассно и до 9 тысячъ пушекъ, но на дѣлѣ не оказалось и пятой части того, что писалось въ императорскихъ отчетахъ. У Франціи есть деньги, есть люди, но нѣтъ ни одной организованной арміи, нѣтъ ни оружія, ни военныхъ припасовъ, ни честнаго и расторопнаго интендантства, — нѣтъ, однимъ словомъ, того, что главнымъ образомъ необходимо для обороны страны отъ нападеній внѣшняго непріятеля;— даже громадное большинство городовъ во внутренней Франціи не заключаютъ въ себѣ никакихъ элементовъ защиты и оставались до самаго послѣдняго времени неукрѣпленными. Только теперь, когда врагъ уже на порогѣ, началось возведеніе серьезныхъ укрѣпленій въ

*) Кремье, Лефло и Фуришонъ, вмѣстѣ съ помощниками другихъ министровъ уѣхали въ Туръ на все время осады Парижа, и основали тамъ нѣчто въ родѣ второй столицы.

такихъ важныхъ городахъ, какъ Дюнкеркъ, Гавръ, Шербуръ, Ліонъ и т. п.; самъ Парижъ соорудилъ громадную массу окоповъ и цѣлый фортъ (Монрету) лишь въ самое послѣднее время, и только на послѣдней недѣли передъ появленіемъ непріятеля, онъ запасся, наконецъ, своими лучшими пушками и искусными артиллеристами съ броненоснаго флота. Ружья куплены въ большомъ числѣ въ Англіи (одни говорятъ тысячъ около 40, другіе доводятъ эту цифру до 90), но ихъ все-таки недостаточно; правительство, правда, объявило оружейный промыселъ вольнымъ и даетъ всякія льготы съ цѣлью усилить производство оружія всякаго рода, но и потребность тоже крайне великая, такъ что нельзя утверждать, что усилія націи въ этомъ отношеніи увѣнчаются полнымъ успѣхомъ и вновь формирующіеся полки успѣютъ вооружиться прежде, чѣмъ отряды прусскихъ уланъ проникнутъ въ тѣ мѣстности Франціи, гдѣ происходитъ организація новыхъ армій, то-есть за Луару и въ Ліонъ. Не слѣдуетъ забывать, что паденіе Страсбурга дало въ распоряженіе нѣмцевъ свободную армію въ 50 тысячъ человѣкъ, которая можетъ сейчасъ же обложить крѣпость Бельфоръ, расположенную въ южной части Эльзаса, и затѣмъ начать уланскіе набѣги на южную Францію: въ Ліонѣ нѣтъ и слѣда организованной арміи; тамъ есть, напротивъ, цѣлая масса бѣглецовъ изъ разбитыхъ наполеоновскихъ легіоновъ, а эти деморализованные солдаты не только неспособны противопоставить какое-нибудь серьезное сопротивленіе непріятельской арміи, но еще могутъ вызвать панику въ новобранцахъ. Такъ, напримѣръ, случилось съ этими бѣглецами подъ Парижемъ: когда генералъ Дюкро напалъ на пруссаковъ подъ Виссу, при переходѣ черезъ рѣку Сену, цѣлый полкъ зуавовъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла по непріятелю, бросился въ смятеніи изъ-подъ непріятельскаго огня и, прибѣжавъ въ городъ, началъ увѣрять жителей, что ихъ—зуавовъ—будто бы вели на вѣрную смерть, что генералы и офицеры—измѣнники, и т. п.; хорошо еще, что новобранцы не поддались вліянію трусости зуавовъ, хотя и принуждены были оставить поле сраженія за пруссаками.

Впрочемъ, паника проникла лишь въ ряды разбитыхъ армій, но вся Франція вообще, какъ городское населеніе, такъ въ особенности сельское начинаетъ выходить изъ того состоянія административнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ находились всѣ до самаго послѣдняго времени. Теперь мы замѣчаемъ много самой дикой несуразицы, люди приходятъ въ отчаяніе; однако это отчаяніе не разслабляетъ ихъ, но возбуждаетъ энергію, хотя въ бо̀льшей части случаевъ дурно направленную. Эта энергія напоминаетъ намъ энергію тѣхъ національныхъ гвардейцевъ, о которыхъ разсказываетъ Жоржъ-Сандъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ новѣйшихъ романовъ. Въ 1848 году, жители одного спокойнаго провинціальнаго городка, услышавъ о баррикадахъ и улич-

ной борьбѣ въ Парижѣ, пришли въ сильное волненіе и рѣшились «спасти отечество»; у нихъ не было никакихъ особенныхъ политическихъ замысловъ, никакого опредѣленнаго плана, имъ просто не сидѣлось на мѣстѣ, и они тотчасъ же собрали свою національную гвардію и отправили ее въ Парижъ. Ничтожный отрядъ этихъ провинціальныхъ гвардейцевъ, прибывъ въ взволнованную столицу, не нашелъ тамъ никого, кто бы ихъ принялъ или направилъ, и гвардейцы шлялись по улицамъ безъ всякой цѣли; къ ночи они повстрѣчались съ какимъ-то блузникомъ, который имъ почему-то показался «опаснымъ» человѣкомъ, и нѣсколько пуль положили несчастнаго на мѣстѣ. Удовлетворенные этимъ славнымъ подвигомъ, національные гвардейцы вернулись домой, какъ спасители отечества. Они сдѣлали свое дѣло, убили непріятеля — чего еще надо? Въ такомъ же настроеніи находятся французскія провинціи и въ настоящее время. Онѣ требуютъ дѣятельности, онѣ чувствуютъ, что нужно выручать отечество во что бы то ни стало, но какъ это дѣлать — онѣ не понимаютъ. Всеобъемлющая централизація власти, во времена второй имперіи, пріучила народъ двигаться на общую дѣятельность лишь по призыву поставленныхъ императоромъ начальниковъ, но начальники эти оказались или самыми пошлыми трусами и никуда негодными людьми, или не хотятъ служить республикѣ. Жителямъ, которыхъ постоянно водили на помочахъ, приходится вдругъ самимъ дѣйствовать, и дѣйствовать скоро, безъ дальнихъ размышленій. Священники, съ которыми они привыкли совѣтоваться въ трудныхъ случаяхъ, тоже не знаютъ что́ дѣлать: они смущены государственнымъ переворотомъ и событіями въ Италіи; до провозглашенія республики въ Парижѣ, они распространяли въ народѣ, особенно среди крестьянъ, мысль о томъ, что во всѣхъ неудачахъ императора виноваты республиканцы или измѣна, и что нѣмцы идутъ обращать французовъ въ протестантизмъ, что французскіе протестанты тоже измѣнники. Теперь духовенство все еще пребываетъ въ нерѣшимости, несмотря на примѣръ парижскаго архіепископа, который принялъ уже сторону правительства національной обороны. Въ клерикальной газетѣ «Union» появилось, впрочемъ, замѣчательное воззваніе «стараго вандейскаго воина», Анри Шателино, который взялся поднять противъ нѣмцевъ Вандею, и просилъ на то разрѣшенія у Лефло, что́ ему, конечно, разрѣшили. Примѣръ Шателино не останется, вѣроятно, безъ подражанія и поведетъ въ концѣ концовъ къ полному присоединенію клерикаловъ и легитимистовъ къ дѣлу защиты общаго отечества.

Политическія распри между различными партіями и воззваніе красныхъ тоже утеряли значительную долю своей раздражительности, и во всякомъ случаѣ не могутъ препятствовать дѣлу національной обороны.

Кромѣ красныхъ республиканцевъ и клерикаловъ, самымъ опас-

нымъ внутреннимъ врагомъ являются разные пенсіонеры наполеоновскаго режима, сторонники бонапартизма — все это люди безъ серьезнаго убѣжденія, отличающіеся лишь поклоненіемъ передъ всякимъ успѣхомъ и готовые за свою пенсію или теплое мѣстечко предать кому угодно все. Несчастіе Франціи состоитъ въ томъ, что Наполеону удалось изъ этого бюрократическаго сброда сдѣлать нѣчто органическое, подобное тѣмъ листьямъ и мху, ростъ и развитіе которыхъ на гранитной скалѣ сопровождается иногда гибелью самой скалы. Бонапартисты разъѣзжаютъ по провинціямъ и стараются внушить мелкимъ землевладѣльцамъ, что республиканское правительство никуда не годится, что нужно поскорѣе заключить миръ, что отдѣленіе Эльзаса и Лотарингіи отъ Франціи не составляетъ дѣла особенной важности, что, напротивъ, продолженіе войны можетъ принесть лишь новые налоги и поборы, и что пусть себѣ пруссаки возьмутъ Парижъ и выгонятъ изъ него *красныхъ* республиканцевъ. Нельзя сказать, чтобы такія рѣчи не находили ушей, готовыхъ слушать, но пропаганда эта не встрѣчаетъ пока поддержки ни въ одномъ изъ французскихъ органовъ печати, и о возстановленіи Наполеона III говоритъ только лондонскій органъ бонапартизма — «Situation».

Однимъ словомъ, въ настоящую минуту партія бонапартистовъ, не далѣе какъ два мѣсяца тому назадъ прокричавшая изо-всѣхъ силъ необходимость войны съ Германіей, сдѣлалась теперь такою же ревностною защитницею мира. И она права: въ то время война казалась ей вѣрнымъ средствомъ къ утвержденію себя во Франціи; теперь, для достиженія этой цѣли, ей оказывается болѣе пригоднымъ миръ. Но надобно надѣяться, что бонапартисты также ошибутся въ своихъ разсчетахъ на миръ, какъ они ошиблись, построивъ свои планы на войнѣ.

Пруссія едва ли рѣшится возстановить бонапартовскую династію, такъ какъ для этого, по справедливому замѣчанію Ренана, понадобилось бы постоянное содержаніе 3—4-сотъ тысячной арміи во Франціи. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, Пруссія настоитъ на выгодномъ для себя мирѣ, но она предоставитъ истощеннаго и разореннаго непріятеля собственной судьбѣ. Истощенная Франція не скоро поправится съ военными силами и едва ли рискнетъ на какіе-нибудь завоевательные замыслы. Во время выздоровленія отъ прежнихъ ранъ, нанесенныхъ нынѣшнею войною, Франціи останется возвратить и живость ея талантовъ и мѣткость анализа и точность опредѣленія причинъ ея неудачъ;—она не разъ проклянетъ войнолюбіе бонапартизма и станетъ постоянно тревожиться о положеніи своихъ бѣдныхъ классовъ, которые станутъ отъ войны еще бѣднѣе. Во всякомъ случаѣ ей придется пребывать въ мирѣ весьма долгое время, а вліяніе долгаго мира тоже имѣетъ свои права на настроеніе національнаго харак-

тера. Истощенная въ конецъ, Франція не станетъ заниматься неурядицами въ Эльзасѣ и Лотарингіи, да и жители этихъ провинцій скорѣе привыкнутъ къ новымъ порядкамъ, однажды убѣдившись въ безсиліи Франціи: они и въ Германіи могутъ найти, если захотятъ, весьма широкое поле для политической и общественной дѣятельности, — тамъ ихъ дѣятельность, пожалуй, можетъ оказать даже болѣе важныя услуги въ дѣлѣ распространенія и развитія свободы, чѣмъ во Франціи. Уже теперь, при сдачѣ Страсбурга, громадное большинство офицеровъ тамошняго гарнизона и національной гвардіи не пожелало раздѣлить плѣна съ французскими офицерами и преспокойно разошлось по домамъ на честное слово, а если Франція будетъ истощена совершенно, если эльзасцы лишатся всякой надежды на освобожденіе изъ-подъ власти Германіи, то они быстро войдутъ во всѣ тонкости нѣмецкой жизни; Баденъ, Пфальцъ, и прирейнская Пруссія, какъ страны наиболѣе близкія Эльзасу и Лотарингіи по общественному и политическому воспитанію и по смежному положенію, помогутъ «новымъ» нѣмцамъ войти въ тѣсныя связи съ остальною Германіей и пріобрѣсть надъ нею соотвѣтствующее имъ всѣмъ вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и прусское правительство лишится одного изъ своихъ важнѣйшихъ доводовъ въ пользу сохраненія нынѣшнихъ громадныхъ ежегодныхъ контингентовъ новыхъ рекрутъ. До сихъ поръ оно указывало безпрестанно на шовинизмъ Франціи и на необходимость созданія единой Германіи. Единая Германія создана даже шире, нежели то предполагалось до войны, французскому шовинизму обрѣзаны когти—чего еще нужно? «Но Эльзасъ и Лотарингія возмущаются и постоянно тянутъ назадъ»—могли бы возразить нѣмецкіе шовинисты—«намъ нужна постоянная армія какъ для обузданія этихъ провинцій, такъ и для угрозы Франціи.»— Но Франція истощена окончательно, а Эльзасъ и Лотарингія не могутъ найти заступничества тамъ, гдѣ осталось только безсиліе и истощеніе. Вотъ отвѣтъ, который Пруссія приготовила сама для своей парламентской оппозиціи, истощивъ Францію и отнявъ у нея прежнее важное стратегическое положеніе на востокѣ.

Существуетъ опасеніе, что Германія, слившись въ одно цѣлое государство, отнявъ отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію и предварительно вычеркнувъ ее изъ списка первостепенныхъ военныхъ державъ, пріобрѣтетъ слишкомъ воинственный духъ, который увлечетъ ее въ такія же военно-цивилизаторскія мечты, въ какихъ постоянно пребывала наполеоновская Франція, и что слѣдовательно высокомѣрію Германіи не будетъ конца. Мы признаемъ это опасеніе справедливымъ, но далеко не въ такой крупной мѣрѣ. Германія не имѣетъ въ себѣ столько завоевательныхъ элементовъ, сколько ихъ было въ наполеоновской Франціи, — да въ ней невозможно и образованіе ихъ въ такомъ громадномъ количествѣ. Нѣмецкая армія имѣетъ чисто гражданскій

характеръ: каждый нѣмецкій солдатъ заинтересованъ въ сохраненіи мира. Нѣмецкій солдатъ прежде всего какой-нибудь ремесленникъ, и часто семьянинъ,—война для него не что иное, какъ непріятная натуральная повинность, отвлекающая отъ настоящаго долга, отъ семейной жизни; война не приноситъ ему никакихъ выгодъ, ни офицерскаго чина даже, а между тѣмъ она можетъ лишить его жизни или искалѣчить на весь остальной вѣкъ. Нѣмецкій солдатъ — не круглый невѣжда; онъ умѣетъ читать и писать, онъ учился ариѳметикѣ и смыслитъ кое-что въ географіи и исторіи, у него подъ руками есть дешевыя газеты, изъ которыхъ онъ научается въ свободное отъ ежедневныхъ занятій время, что людямъ становится на свѣтѣ лучше не оттого, что они способны убивать другъ друга, а оттого, что они хлопочутъ объ общемъ счастіи и свободѣ. Благодаря этимъ поученіямъ и своему гражданскому характеру, нѣмецкій солдатъ не пьяница и научается уважать дисциплинарныя правила не ради существованія этихъ правилъ, а ради собственнаго убѣжденія въ полезности ихъ. Проживая въ семьѣ или на фабрикѣ во время службы въ резервѣ, нѣмецкій солдатъ находится постоянно въ обществѣ себѣ подобныхъ, такихъ же честныхъ тружениковъ, какъ онъ самъ;—они устраиваютъ гимнастическія общества, общества пѣвцовъ, слушаютъ за какой-нибудь зильбергрошъ популярныя лекціи лучшихъ профессоровъ въ Германіи, — они участвуютъ даже въ политическихъ агитаціяхъ, или состоятъ членами какихъ-нибудь рабочихъ артелей, ссудныхъ кассъ и т. п. Однимъ словомъ, этотъ солдатъ только тѣмъ и солдатъ, что обученъ военной службѣ, — всѣ его человѣческіе интересы связаны тысячами нитей съ мирнымъ гражданскимъ развитіемъ нѣмецкаго общества. Такъ какъ нѣмецкая армія служитъ вѣрнымъ представителемъ своей націи: въ ней есть и богатые, и бѣдные люди, знатные и простые, рабочіе и хозяева, крестьяне и помѣщики, — въ ней нѣтъ только воровъ и вообще лицъ, когда-либо подвергавшихся обвинительнымъ приговорамъ судовъ, — и такъ какъ эта армія заключаетъ въ себѣ весьма ничтожное число такихъ элементовъ, для которыхъ война — лучшее занятіе, то можно съ нѣкоторою положительностью утверждать, что вся нѣмецкая нація, даже послѣ своихъ послѣднихъ изумительныхъ побѣдъ, не долго пробудетъ въ завоевательныхъ иллюзіяхъ и быстро перейдетъ къ интересамъ мирнаго свойства. Съ истощеніемъ Франціи нѣмцы могутъ пріобрѣсти полную увѣренность въ безопасности своего существованія, и слѣдовательно, въ безполезности дальнѣйшаго содержанія слишкомъ большой арміи. Войнолюбіе у нѣмцевъ гнѣздится въ сословіи прусскихъ офицеровъ дѣйствующей арміи и резерва, такъ какъ они составляютъ нѣчто въ родѣ аристократической касты; всѣ они принадлежатъ къ дворянскимъ фамиліямъ, которымъ однимъ дозволено отдавать своихъ сыновей въ кадетскіе корпуса, снабжаю-

щіе армію и резервъ военачальниками. Только въ ландверѣ офицерами могутъ быть люди, никогда не учившіеся въ кадетскихъ корпусахъ, но за то они лишены права подыматься выше капитанскаго чина. Кастовый характеръ прусскихъ офицеровъ изъ дворянъ значительно усугубляется спеціальными офицерскими судами и неподсудностью офицеровъ общимъ гражданскимъ судамъ. Правда, большинство прусскихъ офицеровъ получаетъ превосходное общее образованіе (цѣлый гимназическій курсъ или цѣлый курсъ реальной школы), но кастовая организація дѣлаетъ свое дѣло, и все, что кричатъ о прусскомъ «милитаризмѣ», истекаетъ отъ этого органическаго порока прусской военной системы. Но и этотъ порокъ долженъ значительно ослабнуть вслѣдствіе соединенія Германіи въ одно цѣлое государство: въ Баваріи и Виртембергѣ существуютъ другія системы офицерской организаціи, которыя могутъ парализовать шовинистскія наклонности пруссаковъ. Бавaрія и Виртембергъ уже начинаютъ проявлять желаніе удержать за собою, при вступленіи въ общій Германскій Союзъ, прежнюю самостоятельность въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и между прочимъ въ военной организаціи.

Что война не пропзводитъ на нѣмцевъ слишкомъ опьяняющаго дѣйствія и не мѣшаетъ имъ помнить о необходимости охранять и развивать политическую свободу — это можно доказать многими фактами. Арестъ Якоби, напримѣръ, вызвалъ дружный протестъ со стороны большинства нѣмецкой прессы, хотя Якоби арестовали за то, что онъ возставалъ противъ завоевательныхъ замысловъ этой самой прессы: нѣмецкіе либералы, когда кого-либо изъ нихъ постигаетъ бѣда, умѣютъ забывать свои личныя ссоры, даже различіе въ мнѣніяхъ. Кёнигсбергская городская дума, въ своемъ протестѣ противъ ареста Якоби, даже требовала преданія суду генерала Фогеля-фонъ Фалькенштейна, по приказанію котораго схваченъ былъ Якоби, и протестъ кёнигсбергской думы преподнесенъ королю, а копія съ него вручена графу Бисмарку. Въ самомъ прусскомъ правительствѣ, если судить объ его дѣятельности за послѣдніе четыре года послѣ кампаніи 1866 года, не пользуются военными успѣхами въ видахъ ограниченія свободы. Совсѣмъ напротивъ; послѣ пораженія Австріи, въ войнѣ, на которую прусскіе полки были двинуты почти противно желаніямъ либеральной партіи и многихъ консерваторовъ, — графъ Бисмаркъ, создавая Сѣверо-Германскій союзъ, провелъ въ новомъ парламентѣ, основанномъ на поголовной подачѣ голосовъ, множество такихъ мѣръ, которыя прусская палата депутатовъ старалась провести не разъ, но всегда встрѣчала самый отчаянный отпоръ въ палатѣ господъ. Бисмаркъ провелъ ремесленный уставъ, который уничтожилъ цехи, далъ свободу переселенія, дозволилъ всевозможныя рабочія артели и призналъ стачки законнымъ средствомъ къ повыше-

нію заработной платы; всѣ ремесла производятся отнынѣ въ Германіи безпрепятственно и безъ всякихъ предварительныхъ разрѣшеній со стороны начальства, въ числѣ этихъ ремеслъ упомянуто и ремесло актера и театральныхъ антрепренёровъ. Рѣчи въ парламентѣ объявлены не подлежащими судебному преслѣдованію; пересмотрѣнъ уголовный кодексъ, при чемъ значительно ослаблена жестокость прежней системы наказаній; министерство пыталось отмѣнить вотчинное право и устроить земское дѣло на либеральныхъ основаніяхъ, и хотя эти вопросы клонились къ благополучному рѣшенію, но недостатокъ времени заставилъ отложить ихъ до другого года. Замѣчательно, что всѣ эти реформы вносились въ парламентъ самимъ министерствомъ, и все это совершилось послѣ удачной войны съ Австріей. Есть, поэтому, возможность предположить, что нынѣшняя война съ Франціей, если вызоветъ реакцію въ Германіи, то во всякомъ случаѣ не на долго и не такого мрачнаго характера, какимъ отличалась реакція временъ Священнаго Союза. Долгой реакціи нельзя ожидать въ Германіи еще и потому, что Германіи некуда идти назадъ, — ей можно только остановиться на одномъ мѣстѣ. Нѣмецкое правительство, какъ оно ни консервативно въ своихъ принципахъ, все-таки не такъ слѣпо, чтобы впасть въ наполеоновскій режимъ и такимъ образомъ собственными руками разбить все могущество своей общественной организаціи. Графъ Бисмаркъ теперь на дѣлѣ убѣдился, въ какое безпомощное состояніе можно привесть великій и даровитый народъ путемъ такихъ мѣръ, какъ административныя кары въ дѣлахъ печати, безгласность земства и городскихъ думъ, безотвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ, недозволеніе публичныхъ сходокъ, административное давленіе на выборахъ, клерикальный духъ въ народныхъ школахъ и необязательность народнаго образованія. Реакція въ Германіи только въ такомъ случаѣ могла бы принять ретроградный характеръ, еслибъ стала вводить туда упомянутыя изобрѣтенія Наполеона III, но эти изобрѣтенія въ глазахъ всякаго мыслящаго человѣка рѣшительно осуждены постыднымъ паденіемъ второй имперіи.

Мало потому понимаютъ современную Германію тѣ, которые преувеличиваютъ опасность ея побѣдъ для цивилизаціи; но не меньше ошибаются и другіе, кому настоящее пораженіе Франціи представляется смертью націи. Даже многіе начали строить теорію превосходства вообще германской расы предъ расою романскою. Подобный вопросъ о превосходствѣ расъ вообще не рѣшается никакими военными событіями, но и представляется даже совершенно праздным, особенно въ данномъ случаѣ. Если разобрать этнографически происхожденіе французовъ почти всей западной половины Франціи съ Парижемъ включительно и происхожденіе нѣмцевъ въ Померанін и Бранденбургѣ съ Берлиномъ включительно, или въ Баваріи съ Мюнхеномъ, то на по-

вѣрку выйдетъ, пожалуй, что французы болѣе германцы, чѣмъ берлинскіе нѣмцы, и менѣе романы, чѣмъ нѣмцы въ Мюнхенѣ. Вопросъ о племенахъ не можетъ имѣть никакого вѣса въ опредѣленіи той или другой черты современныхъ національныхъ характеровъ просто потому, что въ современномъ политическомъ мірѣ нѣтъ ни одной націи не смѣшаннаго племени, и что въ нѣмцахъ есть чисто германскаго, или славянскаго, или романскаго — опредѣлить рѣшительно невозможно; точно также невозможно опредѣлить племенныя особенности французовъ вообще. Вліяніе общеевропейской цивилизаціи, политическихъ и общественныхъ учрежденій до того всесильны въ современномъ бытѣ Европы и въ новѣйшей исторіи вообще, что чисто природныя наклонности человѣка утрачиваютъ всякое культурное значеніе; сама природа со всѣми своими широкими вліяніями на нервную систему человѣка играетъ теперь лишь второстепенную роль въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ.

Какъ бы то ни было, вопросъ о состоятельности французской націи имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ вопросъ о романскомъ племени. Французская нація — явленіе конкретное, всѣмъ понятное, — спора объ ея существованіи нѣтъ никакого; исторія ея всѣмъ извѣстна, и изъ этой исторіи можно черпать много данныхъ какъ для опредѣленія національнаго характера французовъ, такъ и для оцѣнки культурнаго вліянія Франціи на весь цивилизованный міръ. Нынѣшняя война оказалась совершенно неудачною для французовъ; нѣмцы торжествовали почти вездѣ. Французская журналистика, французское правительство, французскія власти, французская армія, французскіе крестьяне, французскіе города—все оказалось совершенно несостоятельнымъ въ дѣлѣ обороны своего отечества; не ясно ли, скажутъ, что французская нація отжила свой вѣкъ, и что ея мѣсто должно быть занято отнынѣ нѣмецкою націей, которая, какъ показываютъ событія послѣдней войны, можетъ совершенно покорить Францію? Франція дѣйствительно оказалась несостоятельною, но какая Франція—та ли, которой изумлялись всѣ европейскіе государственные люди, считающіе административное всемогущество лучшею и единственною силою въ управленіи народомъ, или та, которая внесла въ европейскую культуру новые ея принципы? Мы думаемъ, что разбита и пала только наполеоновская Франція, но не геній французскаго народа. Разберемъ по пунктамъ всѣ упреки, которые дѣлаются нынѣшней Франціи.

Отчего нѣмцы такъ жестоко разбили французскія войска? Гдѣ причина той ужасной деморализаціи войскъ, которая довела ихъ до седанской катастрофы, до паники зуавовъ подъ Виссу?... Но всѣ эти пораженія и неудачи весьма мало касаются достоинства самой французской націи: ея стойкости, мужества и нравственности, такъ какъ

наполеоновскіе легіоны не служатъ представителемъ французскаго народа, но суть результатъ той военной системы, которая считалась необходимою для поддержанія власти наполеоновской династіи надъ французскимъ народомъ. Въ этихъ легіонахъ главное ядро составляли солдаты по ремеслу, люди наемные, считающіе войну необходимымъ и выгоднымъ дѣломъ; въ наполеоновской арміи поощрялось все, что́ уничтожаетъ въ человѣкѣ его гражданскія привязанности, и не дозволялось ничего, что́ могло вносить въ армію гражданскія чувства: тамъ устроены всевозможныя препятствія для вступленія въ браки, служба въ дѣйствующей арміи и резервѣ длится слишкомъ долго (9 лѣтъ), и по окончаніи ея казарменному холостяку предлагаютъ вновь вступить въ нее за премію, съ прибавкою жалованья и съ пожизненною пенсіей въ будущемъ; французскій солдатъ не подлежитъ гражданскому суду,—въ случаѣ войны у него есть надежда на офицерскіе чины и даже маршальскій жезлъ. Въ наполеоновской арміи хорошо образованныхъ людей и вообще людей не низшихъ классовъ весьма мало—только тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ средствъ откупиться отъ рекрутскаго набора; люди негодные, даже воры, принимаются туда съ охотою. Между офицерами и вообще начальствомъ и солдатами въ наполеоновскихъ легіонахъ не устанавливались никакія дружественныя отношенія, такъ какъ въ ротахъ и полкахъ и даже въ дивизіяхъ и корпусахъ всѣ начальники постоянно перемѣщались съ мѣста на мѣсто,—это нужно было для того, чтобы начальники антинаполеоновскаго образа мысли не возымѣли серьезнаго въ политическомъ отношеніи вліянія на солдатъ. Самое общество офицеровъ развращалось и теряло свое достоинство отъ присутствія выслужившихся невѣжественныхъ солдатъ и людей, отправлявшихъ среди военнаго сословія роль правительственныхъ шпіоновъ; въ генералы производились люди, извѣстные только тѣмъ, что служили императору личною и иногда двусмысленною службою.

Идемъ далѣе. Несостоятельность французской націи доказываютъ фактами безпомощности селъ и городовъ передъ наступающимъ непріятелемъ. Смотрите,—говорятъ многіе—смотрите на этихъ крестьянъ и горожанъ, лишенныхъ всякой способности организовать народную войну, не умѣющихъ сладить съ горстью прусскихъ уланъ,—смотрите на этихъ меровъ, представителей мѣстнаго населенія, готовыхъ служить непріятельскому правительству точно также, какъ они служили прежде своему. Да—дѣйствительно, всѣ эти факты поразительнаго свойства, но нужно сказать, что въ мѣстномъ управленіи всѣхъ селъ и городовъ господствовала таже самая система, какую мы только что видѣли въ арміи; во всей администраціи преобладалъ тотъ же анти-общественный духъ, та же боязнь всего гражданскаго, всякой самостоятельности гражданъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Меры

назначались правительствомъ и черезъ нихъ, вмѣстѣ съ суб-префектами и префектами (губернаторы), министръ внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ должности мѣстнаго управленія до сельскихъ старостъ и деревенскихъ пастуховъ включительно. Земскія учрежденія и городскія думы вели всѣ свои дѣла безгласно, безъ участія въ нихъ печатнаго слова, и всѣ рѣшенія этихъ собраній принимались только въ такомъ случаѣ, если съ ними соглашалась центральная администрація: меры или префекты. Такимъ образомъ, вся организація общественныхъ отношеній находилась въ безконтрольной власти администраціи, и вотъ почему, когда селамъ и городамъ, покинутымъ войсками и оторваннымъ отъ центральной власти, пришлось вдругъ взять всѣ дѣла въ свои собственныя руки, какъ крестьяне, такъ и горожане пришли въ безпорядочное смятеніе и не знали—что̀ имъ дѣлать. Порицателямъ французской націи хорошо указывать на примѣръ жителей Соединенныхъ Штатовъ, которые, при вторженіи къ нимъ врага, тотчасъ же находились и успѣли во всемъ проявить присутствіе духа, но вѣдь въ Соединенныхъ Штатахъ все мѣстное управленіе находится въ рукахъ самихъ гражданъ, а не пришлыхъ чиновниковъ, устанавливаемыхъ и руководимыхъ изъ далекой столицы. Съ нѣмцами можетъ случиться тоже самое, если они не постараются провести свою земскую, весьма широкую реформу въ самомъ скоромъ времени. Города въ Германіи и теперь довольно хорошо организованы, такъ что выборные представители мѣстнаго общества имѣютъ уже право входить къ самому королю даже съ политическими протестами, какъ показываетъ протестъ членовъ кёнигсбергской городской думы противъ ареста Якоби въ ихъ городѣ. — Но точно ли французы такъ безпомощны и несостоятельны, какими они кажутся въ лицѣ наполеоновской администраціи. Неужели всѣ патріотическія усилія, которыя проявляются ими въ данный моментъ — всѣ эти тысячи вольныхъ стрѣлковъ, появившихся повсюду, всѣ эти милліоны франковъ, которые жертвуются городами на дѣло народной обороны, неужели все это не показываетъ, что французская нація, находись она подъ управленіемъ безкорыстнаго правительства, явилась бы рѣшительно непобѣдимой на собственной территоріи; и только быстрый ходъ нынѣшней системы веденія войны препятствуетъ французамъ одолѣть столь многочисленнаго и искуснаго врага, какова нѣмецкая армія. Правительству народной обороны приходится рѣшать тяжелую задачу: оно должно чинить машину, не останавливая ея хода ни на одну минуту. А французская нація, по нашему мнѣнію доказала пока одну только неспособность—неспособность быть годнымъ орудіемъ наполеоновскаго режима. Но кто же къ этому способенъ!

Недѣлю съ небольшимъ спустя послѣ плѣна Наполеона, Италія овладѣла Римомъ, незамѣтно почти для Европы, и даже мало замѣтно

для самой себя, такъ какъ все дѣло обошлось ей въ восемь человѣкъ убитыми. Римъ для итальянскаго правительства, конечно, есть пріобрѣтеніе, но еще больше можно назвать его задачею. Первыя дѣйствія правительства въ Римѣ покажутъ намъ, въ какомъ смыслѣ оно поняло эту задачу, и къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ для ея разрѣшенія.

Внутреннее положеніе Австріи повторяетъ свою прежнюю исторію: антагонизмъ славянскаго населенія тамъ не новость, и послѣднее столкновеніе съ чехами случается не впервые; но впервые оно случается при такомъ общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ: нѣтъ второй имперіи, которая была недавно, и есть Германія—уже не географическій терминъ. Это обстоятельство весьма важное — и мы посвятимъ изученію его все наше вниманіе въ ближайшей хроникѣ.

ПРОЕКТЫ МИРА.

Та война, которая началась въ половинѣ іюля, окончилась собственно въ первыхъ числахъ сентября, когда главная французская армія сдалась при Седанѣ въ плѣнъ, а остальные отряды остались запертыми въ крѣпостяхъ, и глава правительства, объявившаго войну, попался въ плѣнъ. Но именно тогда-то и началась другая война—война за миръ. Вопросъ, на какихъ условіяхъ слѣдуетъ заключить миръ — привелъ нѣмецкую армію отъ береговъ Мозеля и Мааса къ берегамъ Сены, и 8-го (20) сентября Парижъ былъ обложенъ непріятелемъ. До тѣхъ поръ, Европа имѣла предъ собою войну, вести которую Франція была вынуждена собственно для спасенія второй имперіи. Какія условія принялъ бы миръ въ случаѣ, если бы цѣль войны была достигнута, и побѣда французской арміи спасла бы имперію — легко понять каждому.

Къ счастью для Франціи и для всего образованнаго міра о мирѣ этого рода, продиктованномъ французскою имперіею, теперь не можетъ быть и рѣчи. Битва при Седанѣ была моментомъ освобожденія Франціи и Европы отъ тѣхъ сѣтей, въ которыхъ запутывалась европейская политика въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ. Съ того дня исчезли для Германіи всѣ внѣшнія препятствія къ политическому объединенію, и нѣмцамъ въ будущемъ могутъ предстоять на этомъ пути одни естественныя внутреннія затрудненія. Испанія можетъ не бояться больше внѣшнихъ давленій для устройства своей судьбы, и новая Франція не станетъ, конечно, поддерживать потомства Изабеллы, какъ тѣмъ угро-

жала имперія въ свои послѣдніе дни. Если Италія пропустила три недѣли послѣ Седанской битвы для овладѣнія Римомъ, огражденнымъ до того времени наполеоновскою Франціею, то единственно потому, что итальянское правительстоо не вдругъ могло повѣрить своей самостоятельности; но теперь Италія въ Римѣ и Римъ въ Италіи: окончательное устройство итальянскаго единства не встрѣтятъ по крайней мѣрѣ внѣшнихъ препятствій къ своему довершенію, и печальнымъ для нея воспоминаніемъ о недавно прошедшей эпохѣ останется пока утрата Ниццы и Савойи, присоединенныхъ къ Франціи. Россія обязана наполеоновской Франціи Парижскимъ миромъ, который тяготѣетъ спеціально надъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ нашего юга цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ; если этотъ трактатъ не уничтоженъ также быстро, какъ уничтожилась сентябрьская конвенція, ограждавшая Римъ, то вѣроятно только потому, что вступленіе въ фактическое господство на Черномъ морѣ и по уничтоженіи трактата требуетъ для себя больше времени, нежели военная прогулка нѣсколькихъ полковъ въ Римъ, а потому нѣтъ надобности торопить событія. Территоріальная потеря у устьевъ Дуная останется для насъ однимъ воспоминаніемъ наполеоновскаго хозяйства въ Европѣ, какъ утрата Савойи и Ниццы для Италіи. Всего чувствительнѣе гнетъ Наполеона былъ для самой Франціи, а потому и освобожденіе отъ него должно принести всего болѣе выгодъ для этой страны. Но прежде, нежели воспользоваться этими выгодами, необходимо заключить миръ, т. е. испытать еще одно и послѣднее бѣдствіе, которымъ наградила Францію таже вторая имперія. Вопросъ о мѣрѣ этого бѣдствія сдѣлался съ первой минуты причиною новой войны между Германіею и временнымъ правительствомъ Франціи.

Вторая война, война за миръ, приняла совершенно иной характеръ: дѣло не шло, какъ прежде, о спасеніи имперіи; Франція, не признавъ регентства, назначеннаго плѣннымъ Наполеономъ, доказала Европѣ, что она не имѣетъ болѣе ничего общаго со второю имперіею, отказывается устраивать порядки въ Европѣ, какъ это было при Наполеонѣ; съ другой стороны, Франція, свергнувшая Наполеона не собственными средствами, признала себя обязанною уплатить Германіи все то, что́ ей стоило ниспроверженіе имперіи во Франціи. Но Германія, съ своей стороны, присоединила ко всему этому, и весьма справедливо, еще одно условіе: дать ей гарантію въ томъ, что Франція на будущее время не вздумаетъ объявить Германіи войну также внезапно и самовластно, какъ то случилось 19-го іюля. Правительство Сѣверогерманскаго союза долго не выражало опредѣленно, въ чемъ должны состоять такія гарантіи, но оффиціальная нѣмецкая пресса, а вслѣдъ за нею и общественное мнѣніе въ Германіи давно и ясно высказалось по этому поводу: Германія требуетъ Эльзаса и Лотарингіи.

Требованіе со стороны Германіи гарантій на будущее время весьма

понятно тому, кто знаетъ, чего этой странѣ стоютъ ея побѣды. Германію нельзя утѣшать тѣмъ, что лучшею гарантіею на будущее время служатъ ея же собственныя силы, въ которыхъ больше сомнѣваться нельзя. Германія при народномъ составѣ ея войска не можетъ желать и побѣдъ, потому что при всемъ ихъ блескѣ страна теряетъ не профессіональныхъ солдатъ, а гражданъ. Мы желали бы имѣть гарантіи противъ возможности войны не только со стороны Франціи, но также и со стороны Германіи, и со стороны кого угодно, мы желали бы, наконецъ, просто, чтобы война сдѣлалась рѣшительно невозможною. Но уступка Эльзаса и Лотарингіи, въ настоящемъ случаѣ, въ пользу Германіи можетъ ли дѣйствительно служить гарантіею мира?

Вотъ вопросъ, который взволновалъ въ послѣднее время все общественное мнѣніе Европы. Среди различныхъ заявленій и разсужденій по этому поводу въ нѣмецкой прессѣ всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе статья Гейнриха Зибеля, одного изъ лучшихъ современныхъ историковъ, знакомаго близко съ практикою политической жизни въ Германіи, по званію депутата, и превосходно изучившаго главнѣйшій пунктъ исторіи Франціи, въ качествѣ историка большой французской революціи. Можно не соглашаться съ такими писателями, но не выгодно пренебрегать ихъ мнѣніями. Вотъ какъ разсуждаетъ Зибель въ своей статьѣ: «Die künftigen Friedensbedingungen», помѣщенной 19 сентября въ «Kölnische Zeitung»:

«Справедливо совѣтуютъ не дѣлить преждевременно медвѣжьей шкуры, пока медвѣдь живъ, и не спорить объ условіяхъ мира раньше окончанія войны. Между тѣмъ, со времени циркуляра Ж. Фавра, вопросъ о томъ, могутъ ли нѣмцы согласиться на миръ безъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣлался совершенно практическимъ и занялъ общественное мнѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ стала болѣе понятною всѣмъ партіямъ та истина, что *содержаніе мира съ французами необходимо будетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на рѣшеніе вопроса о германской конституціи*. Настоящія замѣтки вызваны желаніемъ уяснить именно эту связь между условіями мира съ французами и будущностью германской конституціи.

«Вообще у насъ существуютъ три проекта мира съ Франціею. Требуютъ мира безъ территоріальныхъ уступокъ; другіе желаютъ присоединенія Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи; третьи хотѣли бы возвращенія намъ всѣхъ отторгнутыхъ Франціею отъ Германіи провинцій, начиная съ XVI вѣка.

«Первое мнѣніе имѣетъ разумнѣйшихъ представителей за границею, и особенно «Indépendance Belge» выразило эту мысль самымъ обстоятельнымъ образомъ *). При безкорыстномъ мирѣ—такъ думаетъ

*) Вѣроятно, Зибель имѣетъ въ виду извѣстную статью: La paix durable.

этотъ органъ—Германія вызоветъ благодарность своего великаго сосѣда, и миръ будетъ продолжителенъ; при насильственномъ отнятіи территоріи, честь Франціи пострадаетъ—и вотъ вѣчный источникъ къ новой войнѣ. Такимъ образомъ, намъ рекомендуютъ неприкосновенность французской территоріи и въ нѣмецкомъ, и въ общеевропейскомъ интересѣ.

«Сказано это, безъ сомнѣнія, хорошо, но здѣсь все ложь отъ перваго до послѣдняго слова, такъ какъ само разсужденіе основано но вполнѣ фальшивомъ предположеніи, а именно, что Франція, сохранивъ свои прежнія границы, будетъ вслѣдствіе того жить въ глубокомъ мирѣ съ Германіею. Изъ тысячи заявленій французской прессы, всѣхъ партій безъ исключенія, наконецъ, изъ манифестацій самого императорскаго правительства, всему міру хорошо извѣстно, что истинною причиною войны было негодованіе французской націи на наше торжество 1866 года, на усиленіе Пруссіи, на наше объединеніе. «Отмщеніе за Садову» — вотъ военный крикъ французской арміи, потянувшейся къ Рейну. И мы должны теперь думать, что настроенный подобнымъ образомъ народъ не будетъ мечтать объ «отмщеніи за Метцъ и Седанъ», каковы бы тамъ ни были условія мира, что онъ не захочетъ попытаться возстановить утраченный prestige, что онъ откажется отъ своего вѣкового управленія судьбами Европы!? Какъ это ни печально, но несомнѣнно однако, что политика Грамона-Оливье утвердила на цѣлое поколѣніе ненависть и недовѣріе между двумя великими и образованными націями. Мы благодаримъ Бога, что наша совѣсть не несетъ отвѣтственности за то, но съ нашей стороны было бы больше нежели легковѣрно, если бы мы захотѣли основать нашу будущую безопасность на чувствѣ благодарности Франціи, а не на нашей собственной силѣ.

«Къ счастью не таково мнѣніе нашихъ вождей и не таково убѣжденіе безчисленнаго множества народа. Въ Германіи выступило противуположное убѣжденіе только со дня провозглашенія парижской республики, и именно въ ультрадемократическихъ органахъ. Республиканская форма правленія имъ кажется столь прекрасною, что за нею должны исчезнуть всѣ тяжкіе опыты прошедшаго и настоящаго времени. Они толкуютъ о всемірной братской любви, между тѣмъ какъ наши французскія братья рѣжутъ и губятъ наши войска измѣнническимъ образомъ, а республиканскія правительственныя газеты ставятъ всѣхъ нѣмцовъ внѣ международнаго права. Они не оправдываютъ продолженія войны послѣ паденія Наполеона, а между тѣмъ до сихъ поръ для насъ все различіе между имперіею и республикою состояло только въ томъ, что имперія выгоняла нашихъ парижскихъ единоземцевъ, а при республикѣ ихъ бьютъ. Они прославляютъ прочность республиканскаго правительства во Франціи, между тѣмъ въ

каждомъ нумерѣ «Siècle» только и читаешь жалобы на то, что во всѣхъ департаментахъ крестьяне кричатъ «виватъ!» императору и не хотятъ сражаться за республику. Они превозносятъ циркуляръ Ж. Фавра, а имъ самимъ хорошо извѣстно, что этотъ же самый Ж. Фавръ весьма часто выражалъ свое негодованіе съ каѳедры на усиленіе Германіи. Такимъ образомъ, требуютъ они теперь отъ насъ, чтобы мы прислушивались къ фразамъ республики и не боялись нисколько республиканцевъ, точно такъ, какъ дѣлали то добродушнѣйшіе нѣмецкіе либералы 1790 года, пока на нихъ не обрушились республиканскій терроръ 1793 г., республиканскія завоеванія 1794 г., и наконецъ республиканскіе грабежи 1796 года. По истинѣ, мы никогда не были почитателями второй имперіи, ни въ ея внутренней, ни внѣшней политикѣ; но республика на Сенѣ обнаруживала во всѣ времена безъ исключенія такую полную неспособность къ законной свободѣ и къ мирному сосѣдству, что мы и теперь не обинуясь можемъ сказать: благополучіе Франціи и спокойствіе Европы были въ десять разъ болѣе обезпечены даже при Наполеонѣ III, нежели при парижскомъ правительствѣ господъ Гамбетты и Рошфора. Наши государственные люди, конечно, не дадутъ себѣ труда заботиться о внутреннемъ устройствѣ Франціи: но отказаться отъ результатовъ побѣдъ ради возрожденія республики на французскій манеръ—это было бы оскорбленіемъ человѣческаго разсудка».

Изложивъ далѣе, что проектъ «безкорыстнаго» мира сдѣлаетъ совершенно безплоднымъ присоединеніе южной Германіи съ сѣверному союзу, такъ какъ южная Германія, безъ Страсбурга, останется въ томъ же страхѣ, какой она испытала при началѣ нынѣшней войны, когда десятитысячнаго отряда было достаточно, чтобы французамъ пройти до самаго Ульма, предавая огню и мечу все встрѣтившееся на пути,—Зибель обращается къ оцѣнкѣ другого проекта, впавшаго въ другую крайность: миръ не только не долженъ быть безкорыстнымъ, но онъ обязанъ возвратить нѣмцамъ всѣ завоеванія французовъ, сдѣланныя ими въ Германіи съ XVI вѣка.

«Нельзя оправдывать, но можно понять—говоритъ Зибель—почему, въ виду проекта безкорыстнаго мира, горячіе патріоты бросились въ другую крайность — поднять Германію на страшную высоту насильственнымъ захватомъ французскихъ земель. Подобнаго рода мысли носятся особенно въ военныхъ кружкахъ; въ печати же онѣ нашли себѣ полнѣйшее выраженіе въ брошюрѣ Больманна: «Die Friedens Bedingnugen und ihre Verwehrthung. Авторъ предлагаетъ возвращеніе всѣхъ отторгнутыхъ Франціею земель, начиная съ XVI вѣка, а слѣдовательно, Эльзаса, всей Лотарингіи и трехъ прежнихъ епископствъ Метца, Туля и Вердёна, а также голландскаго Луксембурга, со всѣми землями не только до Мааса, но и далѣе, до Аргонпъ. Европейскія

государства, полагаетъ онъ, предоставятъ намъ все это; если же они пожелаютъ сами принять участіе въ мирѣ, то и имъ можно предоставить, а именно, Бельгіи французскую Фландрію, Швейцаріи Савойю, Италіи Ниццу и Корсику. Это было бы, по французскому выраженію, démembrement de la France, которое лишило бы Францію возможности наступленія, и Германіи открывало бы всегда дорогу въ Парижъ.

«Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы и удалось намъ выполнить что-нибудь подобное, то послѣдствіе такихъ пріобрѣтеній для насъ было бы въ высшей степени гибельно по отношенію къ нашему собственному внутреннему развитію: оно повлекло бы за собою искаженіе всей политической системы, при которой Германія развивалась съ такимъ успѣхомъ послѣ 1866 года. Больманнъ, очевидно, стоитъ на почвѣ прежней древней имперіи, священной римской имперіи нѣмецкаго народа, хотя онъ и не произноситъ этого слова. Этого рода идеи теперь быстро распространились въ Германіи, преимущественно между тѣми, кто не понимаетъ послѣдствій ихъ на практикѣ. Въ послѣднія недѣли безпрерывно стали упоминать Барбароссу: кто вернетъ намъ Страсбургъ и Метцъ — раздаются крики въ южной Германіи — тотъ долженъ носить императорскую корону! и даже въ Берлинѣ рабочіе на машинныхъ фабрикахъ выкинули черно-красно-золотое знамя, при полномъ одобреніи со стороны «Volks-Zeitung». Все это одни увлекательныя воспоминанія туманнымъ идеаломъ великаго времени: нынѣ мечтаютъ не о томъ Барбароссѣ, какимъ онъ былъ—такъ мечтать можно пожалуй и о Наполеонѣ I,—но о Барбароссѣ, какимъ рисовало его себѣ воображеніе юношей 1813 года. Между тѣмъ, наше время нуждается и стремится на дѣлѣ прямо къ противоположному тѣмъ стремленіямъ, которыя обуревали нашу средневѣковую имперію. Эта послѣдняя желала завоевать весь міръ и править имъ съ полудуховною властью: *а мы, нынѣшніе нѣмцы, хотимъ быть господами у себя дома, хотимъ того же и другимъ въ ихъ домѣ, а главное, мы желаемъ, чтобы наше государство было свободно отъ всякаго теологическаго вліянія.*

«Кто мечтаетъ о міровомъ владычествѣ и собираетъ подъ собою разноплеменныхъ подданныхъ, тотъ потому самому не можетъ выработать законченнаго и одинаковаго государственнаго порядка, онъ вынужденъ ограничиться разношерстнымъ сборищемъ, со всею обстановкою феодализма, и это сборище распадется при первомъ толчкѣ извнѣ. Такъ это случилось съ древнею германскою имперіею, такъ это должно случиться съ новѣйшимъ ея продолженіемъ — австрійскою имперіею. Мы считаемъ несчастіемъ и опасностью навязывать Германіи и угрожать ея будущности такими воспоминаніями изъ стараго времени; мы стремимся на дѣлѣ только къ тому, чтобы создать нѣмецкое государство, а вовсе не священную имперію, создать союзъ, который бы защитилъ ее отъ притязаній чужеземцевъ, а не всемірную монархію,

гдѣ плохая связь нѣмцевъ съ чужеземцами прикрывалась бы пустымъ блескомъ славы. Больманнъ, предлагающій намъ въ даръ нѣсколько милліоновъ французовъ, не подумалъ при этомъ, что̀ онъ подноситъ Германіи: пищу или ядъ? Онъ не замѣтилъ, что его предложеніе потрясетъ основы всей нашей конституціи. Не хочетъ ли онъ къ враждебнымъ группамъ нашего парламента изъ датчанъ и поляковъ присоединить еще одну группу—французовъ? Не хочетъ ли онъ изъ французовъ образовать ландверъ противъ французскаго нападенія? Или, быть можетъ, онъ думаетъ оставить пріобрѣтенныя французскія провинціи безъ выборовъ, безъ обязательной военной службы и безъ школы? но тогда тамъ разведется гнѣздо всякаго беззаконія и произвола! Нѣтъ, Боже сохрани насъ отъ всякаго территоріальнаго пріобрѣтенія, которое такимъ образомъ лишитъ нашъ союзъ твердости, сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее развитіе великихъ конституціонныхъ началъ, и поведетъ насъ по той печальной дорогѣ, на которой средневѣковая германская имперія встрѣтила столько славныхъ побѣдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сама приблизилась къ безславному паденію. Въ такихъ вопросахъ важны даже и внѣшнія формы, а потому мы весьма пожалѣемъ, если вздумаютъ возстановить одинъ титулъ имперіи. Мы желаемъ также, чтобы сѣверогерманское знамя не уступало своего мѣста триколору, съ которымъ связаны воспоминанія о глубоко-павшей всемірной имперіи, о красно́ задуманномъ академическомъ снѣ 1819 года, и, наконецъ, о неудавшейся жалкимъ образомъ революціи 1848 года».

«Однимъ словомъ,—говоритъ Зибель въ заключеніе своей критики мнѣнія Больманна и воинственныхъ кружковъ Германіи, — фантастическіе завоевательные планы нѣмецкихъ императоровъ погубили наше прошедшее, точно также, какъ скомпрометируютъ наше будущее не менѣе фантастическія мечты республиканской партіи о братствѣ всѣхъ народовъ. Мы имѣемъ все основаніе къ тому, чтобы оставаться на той самой политической дорогѣ, которая вела насъ до сихъ поръ отъ одного успѣха къ другому; это была доро́га къ возможно сильному оборонительному положенію, къ неразрывному союзу государствъ, къ національному королевству».

Затѣмъ, Зибелю предстояло анализировать третій проектъ мира, который раздѣляется имъ самимъ и имъ рекомендуется, какъ проектъ мира прочнаго и вмѣстѣ безопаснаго для внутренняго развитія Германіи.

«Отъ Франціи мы желаемъ—говоритъ онъ—одного расширенія нашихъ границъ, ровно настолько и никакъ не болѣе, насколько то нужно для обороны въ случаѣ нападенія à la Gramont, и *насколько то невредно для развитія нашей конституціи.* Такой двойной цѣли можно достигнуть присоединеніемъ Эльзаса, нѣмецкой Лотарингіи и

округа Метца, т.-е. области, которая уже нынѣ составляетъ подъ нашимъ управленіемъ генералъ-губернаторство Эльзасъ, бывъ отдѣлена отъ французской Лотарингіи. Наше усиленіе будетъ сначала чисто-стратегическое и ограничится пріобрѣтеніемъ превосходной оборонительной линіи, между тѣмъ какъ и Франція, относительно плоскости, потеряетъ не болѣе того, сколько она пріобрѣла отъ Италіи въ 1859 г., присоединивъ Савойю и Ниццу. Мы и теперь не желаемъ, въ противность увѣреніямъ Тьера и Жюль-Фавра, строить нашу силу на раздробленіи и разореніи сосѣдей: среди военнаго шума мы продолжаемъ сознавать, что при мирныхъ отношеніяхъ намъ необходима цвѣтущая и могущественная Франція, лишь бы она желала мира. Послѣ недостойнаго нападенія на Германію и послѣ ея неслыханныхъ побѣдъ, нашъ народъ стремится получить естественныя и твердыя границы, обрисовываемыя горами и языкомъ. Правда, и это ничтожное требованіе готовитъ намъ серьезныя внутреннія затрудненія: всѣмъ извѣстно настроеніе большинства между жителями Эльзаса, и задача онѣмеченія ихъ не легкая. Но и средства къ разрѣшенію такой задачи лежатъ у всякаго предъ глазами, между тѣмъ какъ затрудненія, представляемыя для той же цѣли со стороны французской Лотарингіи, по ту сторону Мозеля, неисчислимы. Мы требуемъ возвращенія Эльзаса, офранцуженнаго съ 1789 года, именно потому, что увѣрены, *въ теченіи одного поколѣнія*, поднять тамъ и возвысить нѣмецкій языкъ на степень языка, на которомъ будутъ вестись дѣла и распространяться образованіе; мы надѣемся привязать къ себѣ жителей улучшеніемъ экономическаго быта собственниковъ и рабочихъ и доставить имъ равную національную славу и несравненно бóльшую политическую свободу, нежели какую могли дать во Франціи республика или имперія....»

Мы знаемъ теперь, что третій проектъ, поддерживаемый Зибелемъ, сдѣлался почти оффиціальнымъ актомъ, такъ какъ послѣдніе циркуляры гр. Бисмарка и результатъ его совѣщаній съ Ж.-Фавромъ высказали почти тѣ же самыя основанія будущаго мира. Съ этой минуты мнѣніе Зибеля пріобрѣтаетъ практическій интересъ: въ немъ мы находимъ связь общественнаго мнѣнія Германіи съ тѣмъ, какъ оно формулировано теперь правительствомъ.

Нѣтъ ничего справедливѣе тѣхъ возраженій, которыя приводитъ Зибель, опровергая проектъ Больманна, поддерживаемый нѣмецкими шовинистами. Германія не должна стремиться къ тому, чтобы занять въ Европѣ мѣсто свергнутой ея же усиліями второй французской имперіи. Идя дорóгою второй имперіи, Германія можетъ придти къ такому же концу; когдá можетъ постигнуть ее подобное бѣдствіе — это вопросъ только времени; во всякомъ случаѣ скорѣе, чѣмъ Францію, потому что единство Франціи не составляло заботъ второй имперіи, а для Германіи это еще только начинающійся вопросъ. Но проектъ

поддерживаемый Зибелемъ, ничѣмъ не защищенъ противъ его же собственныхъ возраженій Больманну.

Безъ сомнѣнія, какъ съ тѣмъ соглашается и Зибель, будущій миръ съ Франціею представляетъ тему на серьезныя размышленія, такъ какъ онъ можетъ быть пагубенъ для Германіи болѣе, чѣмъ для Франціи: территоріальныя пріобрѣтенія могутъ парализировать и совершенно остановить развитіе свободныхъ учрежденій въ Германіи. Зибель въ совершенствѣ понимаетъ, что по заключеніи мира жизненныя задачи Германіи измѣнятся до того, что то, что обусловливало внѣшніе успѣхи, именно то самое можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ внутреннимъ успѣхамъ: по заключеніи мира, явятся задачи, для разрѣшенія которыхъ вовсе ненужны отлично организированныя военныя силы. Правда, военная сила устроена въ Германіи такъ, что, по возвращеніи домой, она не можетъ, какъ во Франціи, сдѣлаться орудіемъ личнаго честолюбія: въ Германіи правительство вооружено настолько, насколько вооружена нація. Но тѣмъ не менѣе и въ Германіи территоріальныя пріобрѣтенія представляютъ нравственную опасность для страны. Зибель спрашиваетъ Больманна: будутъ ли допущены свободныя учрежденія въ завоеванныхъ земляхъ? если нѣтъ (о, безъ сомнѣнія, нѣтъ), то не сдѣлаются ли эти завоеванныя земли мѣстомъ практики для произвола, который потомъ изъ окраинъ перешагнетъ и во внутрь страны? не подноситъ ли Больманнъ къ устамъ Германіи ядъ, вмѣсто пищи? Но не тѣ же ли вопросы можно предложить и Зибелю, если онъ сознается, что антипатія къ нѣмцамъ существуетъ въ Эльзасѣ и для преодолѣнія ея путемъ развитія политической свободы, по его вычисленію, потребуется не менѣе одного поколѣнія, т.-е. періода 30 лѣтъ? При настроеніи Эльзаса жителямъ невозможно дать въ первое время ни права представительства, ни національнаго вооруженія; въ такомъ случаѣ необходимо обречь Эльзасъ на царство произвола. Вторая имперія показала, что достаточно неполныхъ 20-ти лѣтъ произвола для полной деморализаціи страны, а Зибель самъ требуетъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ ненормальнаго положенія для Эльзаса.

Но допустимъ, что Германія разрѣшитъ съ успѣхомъ задачу, которая до сихъ поръ считалась неразрѣшимою и найдетъ средства къ тому, чтобы обратить вражду Эльзаса въ привязанность; обезпечитъ ли она себѣ въ тоже время миръ съ Франціею. Доказавъ превосходство своихъ силъ предъ силами Франціи, Германія можетъ не опасаться новыхъ вторженій только въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ новой войны ея успѣхъ окажется еще болѣе обезпеченнымъ; но, при устройствѣ своихъ военныхъ силъ, Германія не можетъ радоваться и своимъ успѣхамъ: они будутъ ей стоить опять слишкомъ дорого. Допустимъ, что лишеніе двухъ провинцій и выгодныхъ военныхъ границъ сдѣлаетъ дѣйствительно невозможнымъ для Франціи объявить благоразумную войну, т.-е. съ разсчетомъ на свои средства; но ничто не по-

мѣшаетъ Франціи объявить неблагоразумную войну, какъ это она сдѣлала въ нынѣшнемъ году. Германія, опять допустимъ, вторично накажетъ Францію за неблагоразумную войну, но жертвы, которыя снова принесетъ Германія, сдѣлаютъ для нея побѣды не менѣе тяжелыми, какъ и нынѣ, такъ какъ Германія посылаетъ на войну солдатъ не по профессіи. Итакъ, Эльзасъ и Лотарингія могутъ служить гарантіями только новыхъ побѣдъ Германіи надъ Франціей — хотя впрочемъ мы видѣли, что для Франціи владѣніе Эльзасомъ и Лотарингіей не послужило нынѣшній разъ гарантіею побѣдъ—но Германія, домогаясь Эльзаса и Лотарингіи ищетъ, повидимому, не гарантіи новыхъ побѣдъ, а гарантіи мира.

Съ другой стороны, какое повлечетъ за собою послѣдствіе для будущей судьбы Франціи утрата Эльзаса и Лотарингіи? На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить помимо точки зрѣнія оскорбленнаго народнаго самолюбія. Ж. Фавръ въ своемъ циркулярѣ, послѣ извѣстнаго свиданія съ гр. Бисмаркомъ, объявилъ, что Пруссія желаетъ условіями мира низвести Францію на степень второклассной державы. Можно возставать противъ отторженія Эльзаса и Лотарингіи во имя лучшихъ современныхъ идей гуманности; можно обращаться къ прусскому правительству съ желаніемъ, чтобы оно подало первый примѣръ уваженія къ этимъ идеямъ и не подражало бы Франціи, которая оторгнула у Россіи территорію вслѣдствіе своихъ побѣдъ, притомъ гораздо менѣе блистательныхъ, нежели современныя побѣды Германіи, оторгнула у Италіи Ниццу и Савойю, даже безъ побѣдъ надъ Италіею. Но, помимо всего этого, лишеніе Эльзаса и Лотарингіи въ дѣйствительности не можетъ вычеркнуть Франціи изъ числа первоклассныхъ государствъ, какъ не вычеркнуло Россіи изъ ихъ числа тяжелое условіе — оставить беззащитными берега Чернаго моря, т.-е. парализировать всю торговую и промышленную дѣятельность нашихъ южныхъ окраинъ. Все населеніе Франціи до сихъ поръ представляло массу въ 38,600 тысячъ; безъ Эльзаса и Лотарингіи, Франція имѣла бы около 35 милліоновъ. Можно ли серьезно утверждать, что нація въ 35 милліоновъ, притомъ французская нація, съ ея богатою почвою, займетъ въ Европѣ мѣсто второкласнаго государства? Это было бы дѣломъ совершенно безпримѣрнымъ, и могло бы произойти не отъ утраты Эльзаса и Лотарингіи, а отъ утраты внутреннихъ средствъ къ развитію, чего пока никакъ нельзя утверждать относительно Франціи, какъ бы ни было велико пораженіе ея въ настоящую войну. Если же Франція останется и по отторженіи Эльзаса и Лотарингіи первоклассною державою, то въ такомъ случаѣ это отторженіе является временною гарантіею даже и въ отношеніи будущихъ побѣдъ Германіи, при новой ея войнѣ съ Франціею.

Весь этотъ споръ о гарантіяхъ приметъ тотчасъ другой харак-

теръ, если противники предварительно сознаются относительно того, *какія* гарантіи нужно для прочности будущаго мира? Стратегическія или политическія? Если Германія желаетъ однихъ стратегическихъ гарантій, то ея требованіе Эльзаса и Лотарингіи совершенно понятно: въ случаѣ войны, владѣющій Эльзасомъ и Лоторингіею будетъ имѣть огромное преимущество надъ противникомъ. Но государство—не лагерь, и безопасность его жизни далеко не обезпечивается стратегическими выгодами: Франція въ настоящую минуту служитъ тому печальнымъ доказательствомъ. Для прочнаго мира гораздо важнѣе политическія гарантіи, на которыя такъ вѣрно указалъ и Зибель, выражая опасеніе, чтобы условія мира не повредили развитію свободныхъ учрежденій въ Германіи. Политическія гарантіи не пишутся въ мирныхъ трактатахъ, но заключаются въ условіяхъ самой народной жизни. Какія политическія гарантіи представляетъ Франція для прочности будущаго мира — это мы увидимъ не въ параграфахъ ея договора съ Германіею, а въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя пустятъ корень въ этой странѣ — будетъ ли то республика, или монархія, лишь бы это не была опять партія. Что же касается до Германіи, то никто въ настоящую минуту не представляетъ столько политическихъ гарантій прочности мира, какъ эта страна. Ей предстоитъ найти новыя формы для соединенія въ одномъ политическомъ тѣлѣ сѣвера и юга, представляющихъ столько противорѣчія въ народномъ характерѣ, политическихъ нравахъ, даже религіи. До сихъ поръ парламентская оппозиція на сѣверѣ была слаба; съ настоящей минуты она пріобрѣтетъ новыя силы отъ соединенія съ югомъ, гдѣ конституціонная жизнь сдѣлала сравнительно большіе успѣхи. Кромѣ того, до сихъ поръ внутренняя политика графа Бисмарка имѣла себѣ сильную опору во Франціи: опасность со стороны Франціи была для него ultima ratio всякій разъ, когда нужно было выступить за предѣлы конституціи. Теперь это ultima ratio уничтожено имъ же самимъ, и милитаризмъ ослабѣетъ въ Германіи на столько, на сколько уменьшилась опасность войны съ Франціею, а эта опасность не только уменьшилась, но и на долгое время совершенно уничтожилась. Политика гр. Бисмарка теряетъ съ этого времени прежнюю почву подъ ногами, а что теряетъ она, то будетъ выиграно развитіемъ свободныхъ учрежденій, а слѣдовательно партіею мира. Если же политика Бисмарка, въ противность нашимъ ожиданіямъ, найдетъ туже возможность сдѣлать нѣмецкую цивилизацію орудіемъ военнаго деспотизма, какъ-то успѣлъ сдѣлать Наполеонъ III съ французскою цивилизаціею, то все совершившееся на нашихъ глазахъ во Франціи даетъ намъ приблизительное понятіе о будущей участи нѣмецкаго военнаго деспотизма. Но говорить о будущемъ—не дѣло исторіи. Изъ того же, что Франція, при всей высотѣ своей цивилизаціи, могла слу-

жить двадцать лѣтъ орудіемъ гнета, подъ которымъ страдала она сама и съ нею вся Европа, не слѣдуетъ заключать, что такое же зрѣлище представитъ намъ Германія. Во Франціи секретъ военнаго деспотизма и вмѣстѣ источникъ его паденія заключался въ невѣжествѣ народныхъ массъ: «школьный учитель» нѣмецкій вторично одержалъ побѣду, и на него можетъ разсчитывать Германія въ будущемъ; онъ такъ легко справился съ французскимъ оригиналомъ, и тѣмъ легче будетъ для него дѣло съ нѣмецкимъ переводомъ, если бы подобный переводъ оказался возможнымъ. М. М.

ПИСЬМО ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ *).

26-го сентября, 1870.

Послѣднія событія во Франціи и боязнь, чтобъ Италія по ея примѣру не провозгласила республики, побудили наконецъ наше правительство ввести свои войска въ предѣлы папскихъ владѣній. Но, надо отдать ему справедливость: прежде чѣмъ рѣшиться на это, оно испробовало всѣ средства, которыя могли бы разрѣшить вопросъ болѣе мирнымъ путемъ. Это ни къ чему не повело: папа остался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ, онъ не хочетъ признать итальянскаго короля, потому что желаетъ самъ остаться королемъ. *Либеральное* правительство его пугаетъ, потому что онъ предвидитъ, какъ оно въ будущемъ готовитъ церковнымъ и монастырскимъ владѣніямъ въ Римѣ туже участь, какая уже постигла ихъ въ Италіи. Сопротивленіе, оказываемое папой, вполнѣ понятно, но оно такимъ образомъ лишаетъ его всякаго права на участіе въ дальнѣйшемъ разрѣшеніи нашего національнаго вопроса. Оно можетъ быть и къ лучшему. Избавившись отъ французскаго императора и отъ римскаго папы, Италія свободнѣе и болѣе твердыми шагами пойдетъ по пути къ своему благоустройству. Освобожденіе Рима будетъ гибельно для трутней, но оно неизбѣжно должно пробудить къ новой дѣятельности всѣ, сколько есть въ Италіи нравственныхъ и умственныхъ силъ. Флорентинцы теперь со дня на день ожидаютъ перенесенія столицы и поведеніе ихъ въ виду этого обстоятельства заслуживаетъ полнаго одобренія. Они очень хорошо знаютъ,

*) Пользуюсь случаемъ, чтобы сдѣлать поправку погрѣшности, вкравшейся въ мою послѣднюю корреспонденцію. На 407 стр. сентябрьской книги говорится, что Манцони въ настоящее время печатаетъ свои замѣтки къ итальянской исторіи въ «Archivo storico»: это не вѣрно. Его критическія замѣтки были помѣщены въ видѣ предисловія къ его же трагедіямъ. Послѣдніе же свои этюды объ единствѣ итальянскаго языка онъ издалъ особою книгой.

какъ много потеряетъ отъ этого ихъ городъ и, тѣмъ не менѣе, болѣе нежели когда-либо рукоплещутъ королю, который собирается ихъ покинуть. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ этомъ иронію, но какъ бы то ни было, намъ весьма утѣшительно знать, что во Флоренціи по случаю перенесенія столицы не предвидится никакихъ смутъ. Ихъ можно гораздо скорѣе ожидать въ Римѣ. Двадцать тысячъ клерикаловъ составляютъ сильную армію, которая, оставаясь въ Вѣчномъ городѣ, конечно, постарается всячески стѣснять дѣйствія правительства. Кромѣ того Риму нелегко будетъ вмѣстить въ себя массу новыхъ людей, которые послѣдуютъ туда за королемъ. Новая часть города очень дурно построена и не отличается чистотой. Ее придется перестроивать и расширять, и все это, конечно, по крайней мѣрѣ на первые два-три года, еще не позволитъ порядку вполнѣ водвориться въ стѣнахъ Вѣчнаго города.

Всего шесть дней прошло съ занятія Рима нашими войсками, но въ этотъ короткій промежутокъ времени, новая столица уже успѣла пріобрѣсти огромное значеніе въ глазахъ всѣхъ итальянцевъ. Ошибки министровъ, безпорядки въ народѣ, присутствіе въ Римѣ папы съ цѣлой ордой монаховъ и священниковъ и съ его швейцарскими тѣлохранителями, и наконецъ то обстоятельство, что люди, стоящіе во главѣ юнты временнаго правленія не соотвѣтствуютъ важности своего назначенія,—все это кажется еще не столь большимъ зломъ въ сравненіи съ благомъ, какого ожидаетъ для себя Италія отъ избавленія Рима отъ папскаго ига. Настоящее событіе является въ глазахъ всѣхъ какъ бы залогомъ будущаго величія и благосостоянія страны. И въ виду единодушнаго восторга, съ какимъ Италія привѣтствуетъ присоединеніе къ королевству Рима, федеральному началу ничего болѣе не остается, какъ сложить оружіе и скромно преклониться передъ совершившимся фактомъ. Италія хочетъ полнаго сліянія въ Римѣ, и въ одномъ только Римѣ;—она желаетъ составить одно цѣлое, большое и могущественное государство. Многіе изъ насъ боялись, что стремленіе во что бы то ни стало имѣть Римъ столицей королевства, есть не что иное, какъ безплодная дань реторикѣ. Оно въ сущности пожалуй такъ и есть, съ тою только разницей, что дань эта далеко не обѣщаетъ быть безплодной. Присоединеніе Рима къ Италіи предвѣщаетъ обратиться въ новую для нея силу. Провинціи отъ этого конечно утратятъ часть своей оригинальности и своего значенія, но за то съ утвержденіемъ въ Римѣ столицы должны будутъ прекратиться всѣ раздоры, по сію пору ослаблявшія націю. Идея Италіи федеральной отнынѣ удаляется въ область мечтаній и въ нашемъ отечествѣ навсегда водворяется начало единства, какимъ бы измѣненіямъ ни подвергся впослѣдствіи образъ правленія, нынѣ водворяющійся въ Римѣ. Плебисцитъ 2-го октября, безъ сомнѣнія, присудитъ Римъ Савойскому

дому [1]). Но если Савойскій домъ, или лучше сказать его министры, не съумѣютъ подняться на высоту новыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ новымъ положеніемъ вещей, монархіи нигдѣ не угрожаетъ столь быстрое паденіе, какъ въ Римѣ. До сихъ поръ революція, вспыхивая въ Туринѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Палермо или въ Неаполѣ, мало смущала остальную Италію и легко тушилась. Не такъ будетъ это теперь; переворотъ, совершающійся въ Римѣ, неизбѣжно отразится во всей Италіи, подобно тому, какъ мы это видимъ во Франціи, гдѣ парижская революція имѣетъ вліяніе на всю страну. Такимъ образомъ, если монархія въ Италіи съ присоединеніемъ Рима пріобрѣтаетъ важныя выгоды, она въ то же время и усложняетъ свои трудности и опасности. Прошедшее Рима, придавая обаяніе великимъ личностямъ, представляетъ весьма невыгодное и даже гибельное сравненіе для правительствъ слабыхъ и ничтожныхъ. Римъ языческій умеръ: та же участь должна постигнуть и Римъ католическій. Горе правительству, если оно захочетъ сдѣлать изъ Рима нѣчто среднее между духовной и свѣтской столицей государства. Оно такимъ образомъ оставитъ по прежнему въ борьбѣ два враждебныя начала, которыя до сихъ поръ составляли наше несчастіе и были главной причиной нашей слабости. Папѣ пока оставлена такъ-называемая Città Leonina: будемъ надѣяться, что парламентъ исправитъ эту ошибку.

Città Leonina составляетъ въ настоящемъ своемъ видѣ какъ бы маленькое государство посреди большого, которому оно въ состояніи сильно вредить. Пока въ рукахъ папы находится хоть тѣнь свѣтской власти, онъ, въ качествѣ монарха, пользуется правомъ имѣть посланниковъ при разныхъ дворахъ, а это даетъ ему возможность составлять противъ Италіи постоянные заговоры. Нѣтъ, свѣтская власть папы должна окончательно исчезнуть. Пусть личность его остается неприкосновенной, но его публичную дѣятельность, наравнѣ съ другими гражданами, слѣдуетъ подчинить гражданскимъ законамъ. Никто не думаетъ объ уничтоженіи республики Санъ-Марино, уже потому, что она въ высшей степени безвредна, — но республика Leonina съ папой во главѣ не похожа на нее и можетъ превратиться въ источникъ новаго зла для Италіи. Пусть папа по прежнему остается блюстителемъ совѣсти католическаго міра, но этимъ отнынѣ и должна ограничиваться его роль.

D. G.

[1]) Депеша изъ Рима, отъ 3-го октября, сообщаетъ, что въ пользу соединенія Рима съ Италіею подано 50,835 голосовъ, а противъ — 46!.— *Ред.*

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, 1870.

Книга девятая. — Сентябрь.

Стр.

Большая Медвѣдица.—Романъ.—Окончаніе третьей части.—В. КРЕСТОВСКАГО. (Псевдонимъ) 5

Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова.—(1838—1847 г.).—V-VII.—Н. А. СЕРЕДЫ 60

Изъ Аракчеевской переписки, 1805—1833 г. — Письма къ Аракчееву — барона Кампенгаузена, Чернышева, гр. Кочубея, Дибича, кн. Куракина, Магницкаго, Оленина, кн. Юсупова, гр. Орловой-Чесменской и пр. 87

Александръ фонъ-Гумбольдтъ.— Статья первая.—А. С—АГО. 127

Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.—IV. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. — А. Н. ПЫПИНА 170

Французская сатира до Рабле.—Е. И. УТИНА 249

Въ гостяхъ и дома. (Замѣтки о Германіи).—А. С—НА 296

Иностранная литература. — Іезуиты въ современной Англіи. «Lothair», by B. Disraeli.— Л. П. 319

Внутреннее Обозрѣніе. — Причины безсилія государствъ. — Чему учитъ примѣръ Франціи.—Наше внутреннее положеніе.—Вопросъ о вмѣшательствѣ.—Новая брошюра генерала Фадѣева.— Училищный фондъ черниговскаго земства. — Новое городовое положеніе. — Гарантіи городской самостоятельности.—Начало избирательнаго закона.—Пробѣлы положенія.— Закрытіе выставки.— Нижегородская ярмарка 361

Иностранное Обозрѣніе. — Ложныя предположенія о войнѣ между Германіей и Франціей.— Ошибки второй имперіи и ея несостоятельность въ военномъ дѣлѣ. — Театръ войны и военныя дѣйствія. — Что представляетъ побѣжденная Франція и чего можно ожидать?—Министерство, законодательный корпусъ, комитетъ столичной обороны.— Генералъ Трошю. — Республиканцы.— Національное воодушевленіе французовъ.— Дѣятельность духовенства и надежды бонапартизма. — Вліяніе успѣховъ нѣмецкаго оружія на Германію и другія государства Европы. — Паденіе второй имперіи. . 382

Корреспонденція изъ Флоренціи.— О современномъ состояніи періодической литературы въ Италіи.— D. G. 399

Новѣйшая Литература. — Исторія Лондонскаго Тоуэра. — Her Majestiy's Tower, by William Hepworth Dixon.— Л. П. 410

Новыя книги и Библіографическій Листокъ. — Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Руси. Составилъ Влад. Антоновичъ.— И. Р. — Послѣднее Слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи. — Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ.— I. Китай. А. Зыбиной.—Изъ недавной старины.— Разсказы и воспоминанія. П. Г. Кичеева.— Видимый міръ. Изданіе А. И. Мамонтова 424

Книга десятая. — Октябрь.

Стр.

Степной Король Лиръ.— ИВ. С. ТУРГЕНЕВА 441
Русская промышленность и ея нужды.—I-II.—В. И. ВЕШНЯКОВА 508
Темза.—Стих. изъ Барбье.—ЮЛІИ ДОППЕЛЬМАЙЕРЪ 529
Александръ фонъ-Гумбольдтъ —Статья вторая.—I-IX.—А. С—АГО 533
Перелетныя Птицы.—Стих. изъ Лонгфелло. Ю. ИВНЕВА. 596
Камышловское дѣло.— Изъ недавняго прошлаго нашихъ провинцій.— Н. П. КОЛЮПАНОВА 598
Физіологія растительныхъ процессовъ.—Публичныя лекціи.—I-IV.—ИВ. М. СѢЧЕНОВА 619
Очерки Англійскаго общества въ романахъ А. Троллопа.—II.—Л. А. ПОЛОНСКАГО 667
Егоръ Петровичъ Ковалевскій.—Біографическій очеркъ.—П. М. 717
Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.—V. Переходное время. Возбужденіе умовъ послѣ 1812 г.— А. Н. ПЫПИНА 729
Въ гостяхъ и дома. (Замѣтки о Германіи).—VI-XI.—А. С—НА 806
Война и цивилизація.— «Великіе принципы» и идеологи второй имперіи.—I.-V.—И. Н. 830
Письма о войнѣ 1870-го года.— Съ театра войны.— Письмо первое и второе.— —РЪ 864
Внутреннее Обозрѣніе.—Патріотизмъ доморощенныхъ «мамелюковъ», и наши нѣмцеѣды.—Значеніе новаго прусскаго могущества для нашей внутренней политики.—Парижскій трактатъ и Черное море.—Настоящее положеніе остзейскаго вопроса.—Русская семинарія въ Ригѣ.—Открытіе юридическаго лицея въ Ярославлѣ.—Вопросъ о расходахъ на народное образованіе въ псковскомъ земскомъ собраніи.—Что сдѣлало военное вѣдомство для дѣла грамотности и для реальнаго образованія.—Реальное знаніе—сила.—Новый силлогизмъ классицизма, и вѣсти изъ Кіева 899
Иностранное Обозрѣніе.— Взглядъ Ренана на современное положеніе дѣлъ.— Составъ правительства народной обороны во Франціи, и его заслуги.— Средства Франціи къ продолженію борьбы.—Настроеніе провинцій.— Продѣлки бонапартистовъ.—Вліяніе побѣдъ на будущее Пруссіи.—Взятіе Рима и австрійскія дѣла. 919
Проекты мира.— М. М. 933
Письмо изъ Флоренціи.— D. G. 944
Библіографическій Листокъ.—Новыя книги.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3 —